

HISTORIA
ROSSICA

«ПОНЯТИЕ О РОССИИ»

К ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Том I

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2011

УДК 3: 001.4
ББК 60в3
П 56

Алексей Ильич Миллер,
Денис Анатольевич Сдвижков,
Ингрид Ширле

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода

П 56 «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 576 с.

ISBN 978-5-86793-935-9

Первый сборник исследований по истории ключевых понятий в России имперского периода с конца XVIII в. по 1917 г. на основе материалов конференции в Германском историческом институте в Москве. Исходя из текстов разного характера — художественной литературы, законодательных актов, прессы и эго-документов, авторы статей — историки, филологи, социологи — реконструируют зарождение и развитие понятий общественно-политической сферы по разделам «законодательство», «социальная стратификация», «общество и публичная сфера», «нация и империя», «народ и раса». В коллективном введении освещена история становления и методология различных школ лингвокультурных исследований, анализируется их применимость для российской истории. В книге представлена библиография существующих работ по истории понятий в России.

Сборник открывает собой новый проект *studia europaea*, реализующийся в рамках серии *Historia Rossica* совместно Германским историческим институтом в Москве и издательством «НЛО». *Studia europaea* знакомит российского читателя с переводами ключевых исторических монографий и тематических сборников статей новых исторических школ Германии, а также представляет результаты деятельности Германского исторического института в Москве в области исследований России XVIII — начала XX в. и сравнительной истории.

УДК 3: 001.4
ББК 60в3

Предисловие

В 1816 году Александр Иванович Тургенев писал брату Сергею о грядущем выходе *Истории Государства Российского* Николая Михайловича Карамзина: «Она объяснит нам понятия о России, или, лучше, даст нам оные. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего *statu quo* и чем мы можем быть...»¹ Как «давались» «России» «понятия»? — пожалуй, трудно придумать более сжатую и емкую формулировку для исследовательской темы, которую поставила перед собой конференция, проведенная в Германском историческом институте в Москве весной 2010 года. Переработанные доклады ее участников легли в основу настоящего сборника.

«Понятия о России» — это не только тема, но и сжатая программа. «Россия» тут — ключевое понятие, которое объединяет все остальные. Появление на свет «России»² практически совпадает с началом петербургского периода истории страны и задает хронологические рамки. Наш предмет — не русские ключевые понятия вообще, не константные «языковые картины мира», а взятая в динамике историческая семантика петербургской «России» в ее разных ипостасях — как державы, империи и как общественного, национального, культурного «мы»³. Нас интересует, далее, авторский и интенциональный механизм в конструировании со-

¹ А.И. Тургенев — С.И. Тургеневу, 30 февраля 1816 г., Санкт-Петербург // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 12.

² Ширле И. Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века // *Жизнов В.М.* (Ред.) Эволюция понятий в сфере истории русской культуры (в печати).

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

циальной реальности, осмысленной в языке: кем, как и в каком контексте «даны оные» понятия этим тогдашним «нам» — в рамках инстанций, претендующих на толкование и название социального мира, — государства и образованного общества⁴. На этом пути претерпевает трансформацию смысл самого «понятия»: из понятия «о чем» в приведенных словах А.И. Тургенева — в понятие «чего», которое переводит, представляет и замещает эмпирию общественной и политической жизни.

Инструменты, которые предлагаются для нашего анализа, — по преимуществу завозные, что имеет свои очевидные достоинства и недостатки. Отчуждение необходимо для подлинного анализа — но, с другой стороны, заимствованные извне модели несут на себе отпечаток создавшей их среды. Поэтому в качестве развернутого предисловия к сборнику мы полагаем необходимым рассказать о становлении и проблемах изучения исторических понятий в мире, а затем очертить возможности адаптации этих инструментов к российскому материалу.

Мы причисляем наш сборник к исторической семантике (в широком смысле), что подразумевает исследование процессов эволюции значений⁵, и в том числе — историю понятий. Здесь мы можем опереться на несколько исследовательских направлений, представляющих научные традиции разных стран. Это немецкая *Begriffsgeschichte* Билефельдской школы (Райнхарт Козеллек), англо-американская *Conceptual history* так называемой Кембриджской школы (Джон Покок и Квентин Скиннер), а также французский анализ дискурса в различных вариантах (традиция «Анналов», Мишель Фуко, школа Сен-Клу, Жак Гийому). Эти направления исследований развивались параллельно друг другу; общим для всех является то, что они отказались от традиционной «истории идей». Дебаты о сходствах и различиях между их подходами и о возможностях их сочетания развернулись только в последние годы.

И все же слово, каковое бывает во всяком начале, для нашего предмета прозвучало впервые на немецком языке.

⁴ *Sdvizkov D.* Das Zeitalter der Intelligenz: Zur vergleichenden Geschichte der Gebildeten in Europa bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2006.

⁵ На русском языке ср.: *Живов В.М.* (Ред.) Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009.

Begriffsgeschichte

Немецкая история понятий заставила говорить о себе крупными проектами, такими как *Основные исторические понятия. Исторический словарь социально-политического языка в Германии* (1972—1997), *Справочник по основным социально-политическим понятиям во Франции в 1680—1820 годах* (1985—2000), *Исторический словарь по философии* (1971—2007) и *Основные понятия эстетики* (1999—2004). Все эти проекты на сегодняшний день уже завершены⁶. Один из соавторов историко-политического словаря, Ханс Ульрих Гумбрехт, автор статьи *Современность*, говорил в 2006 году о «конце» истории понятий. Крупные проекты по изданию подобных словарей он назвал «памятниками пройденной эпохи в истории гуманитарных наук»⁷.

Время крупных словарей миновало, однако сама эта область исследований продолжает плодотворно развиваться. В этом развитии можно выделить две тенденции. Во-первых, теоретические работы Р. Козеллека, дуайена истории понятий и одного из авторов и редакторов *Основных исторических понятий*, по-прежнему служат отправным пунктом для дискуссий. Так, другие крупные проекты — например, *Справочник по основным социально-политическим понятиям во Франции в 1680—1820 годы* — пошли новым путем, отталкиваясь от критики словаря *Основные исторические понятия* под редакцией Райнхарта Козеллека, Отто Бруннера и Вернера Конце. В идущей сейчас дискуссии об истории понятий XX века также обсуждаются идеи Козеллека⁸.

⁶ *Brunner O., Conze W., Koselleck R.* (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. 9 Bde. Stuttgart, 1972—1997; *Reichardt R., Schmidt E., Lüsebrink H.-J.* (Hrsg.) *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820*. 20 Bde. München, 1985—2000; *Ritter J., Gründer K., Gabriel G.* (Hrsg.) *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. 13 Bde. Basel, 1971—2007; *Barck K. et al.* (Hrsg.) *Ästhetische Grundbegriffe: Historisches Wörterbuch in sieben Bänden*. Stuttgart, 1999—2004.

⁷ *Gumbrecht H.U.* *Pyramiden des Geistes. Über den schnellen Aufstieg, die unsichtbaren Dimensionen und das plötzliche Abebben der begriffsgeschichtlichen Bewegung* // *Gumbrecht H.U.* *Dimensionen und Grenzen der Begriffsgeschichte*. München, 2006. S. 7—36, здесь 9.

⁸ *Kollmeier K., Hoffmann St.-L.* *Einleitung zur Debatte: Zeitgeschichte der Begriffe? Perspektiven einer Historischen Semantik des 20. Jahrhunderts* // *Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History*. Online-Ausgabe. 2010. Vol. 7. № 1 // <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Kollmeier-Hoffmann-1-2010>.

Во-вторых, ученик Козеллека Виллибальд Штайнметц представляет движение от «истории понятий» к исторической семантике, которая выдвигает на передний план любые формы процессов образования смысла и задает вопрос о том, как конституируются значения. Развитие исследовательских направлений в последние десятилетия можно было бы обобщить под заголовком «От истории понятий к дискурсивному анализу, или о сближении языкознания с науками о культуре»⁹.

История понятий немецкого образца — в том виде, в каком она сформировалась начиная с 1950-х годов, — была в известном смысле продолжением и сочетанием герменевтики в русле идей Вильгельма Дильтея и истории философии¹⁰. Важнейшую роль в ее развитии сыграли работы О. Бруннера, который призывал к критической перепроверке того аналитического понятийного аппарата, которым пользовались историки¹¹. Как дисциплина история понятий сложилась в рамках созданного в 1956—1957 годах Вернером В. Конце «Рабочего кружка по социальной истории Нового времени» в Гейдельбергском университете, где вопросы социальной истории и истории понятий формулировались во взаимосвязи друг с другом. В тот ранний период, в 1950-е годы, история понятий представляла собой часть новой структурно- или социально-исторической парадигмы исторических наук в ФРГ. Она была попыткой расшифровать современность через ее фундаментальные политические и общественные понятия, исходя из «гипотезы о континуитете между XIX веком и современностью; [эта попытка] позволила перейти от германской перспективы к европейской»¹². Таким образом, история понятий стала частью работы по «преодолению прошлого» в ФРГ¹³.

Характерной особенностью начальной фазы был постулат о тесной связи между социальной историей и историей понятий.

⁹ Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte — The State of the Art // Kämper H., Eichinger L. (Hrsg.) Sprache — Kognition — Kultur. Berlin, 2008. S. 174—197.

¹⁰ Об истории философии как истории философских понятий здесь речь идти не будет; см. об этом основанный в 1955 году *Archiv für Begriffsgeschichte*.

¹¹ Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte. S. 195.

¹² Horn Melton J. van. Otto Brunner and the Ideological Origins of Begriffsgeschichte // Lehmann H., Richter M. (Ed.) The Meaning of Historical Terms and Concepts. Washington (D.C.), 1996. P. 21—35, здесь 34.

¹³ См.: Концов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века: Сборник научных работ. СПб., 2006. С. 9—32, здесь 10—20.

Проект *Основные исторические понятия* Козеллек называл «работой по изучению истории понятий, проводимой с социально-историческими намерениями»¹⁴. Определяя таким образом отношение между двумя дисциплинами, он подчеркивал, что существование «истории понятий» будет осмысленным постольку, поскольку она будет поставлять информацию для социальной истории и обеспечивать возможность «семантического контроля» над тем языком, которым пользуются историки¹⁵. Однако признание новой дисциплины и широкое обсуждение ее подходов и задач социальными историками так и не состоялось; отношения устанавливались с трудом¹⁶. Приверженцы социальной истории — например, Ханс-Ульрих Велер, коллега Козеллека по Билефельдскому университету, — подозревали историю понятий в историзме¹⁷. Сам Козеллек с годами все больше отходил от идеи о вспомогательной функции истории понятий и главенстве социальной истории, подчеркивая равноправие этих двух дисциплин¹⁸. История понятий, считал ученый, играет роль посредницы между историей языка и историей реалий. Она задается вопросом и о том, *какой* опыт, *какие* предметы и обстоятельства оформляются в понятие, и о том, *как* этот опыт, этот предмет или эти обстоятельства понимаются¹⁹.

По мнению Козеллека, общей чертой двух дисциплин является многомерная хронологическая структура, в которой за счет по-

¹⁴ Koselleck R. (Hrsg.) Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1979. S. 9.

¹⁵ Koselleck R. Einleitung // Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Stuttgart, 1972. Bd. 1. S. XIX; Dipper Ch. Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». Von der Begriffsgeschichte zur Theorie der historischen Zeiten // Historische Zeitschrift. 2000. Vol. 270. S. 281—308, здесь 296—297.

¹⁶ Ibid. S. 297—298; Joas H., Vogt P. Einleitung // Joas H., Vogt P. (Hrsg.). Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks. Berlin, 2011. S. 9—54, здесь 29—31.

¹⁷ Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute // Habermas J. (Hrsg.) Stichworte zur «Geistigen Situation der Zeit». Frankfurt a.M., 1979. Bd. 2. S. 709—753, здесь 725.

¹⁸ См.: Begriffsgeschichte, Sozialgeschichte, begriffene Geschichte. Reinhart Koselleck im Gespräch mit Christof Dipper // Neue Politische Literatur. 1998. Vol. 43. S. 187—205, здесь 189; Бедкер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 36—37. (Перевод с немецкого: Bödeker H.E. (Hrsg.) Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen, 2002).

¹⁹ Koselleck R. Begriffsgeschichte // Jordan St. (Hrsg.) Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe. Stuttgart, 2002. S. 40—44, здесь 41.

вторяемости связываются друг с другом однократные и длительные явления:

Социальная история и история понятий имеют различные скорости изменений и основываются на различных воспроизводящихся структурах. Поэтому научная терминология социальной истории остается зависимой от истории понятий, чтобы осознать сохраняемый с помощью языка опыт. И поэтому истории понятий остается ссылаться на результаты социальной истории, чтобы принять во внимание различие, которое никогда не удастся преодолеть между исчезнувшей действительностью и ее языковыми свидетельствами²⁰.

Завершение крупных проектов и импульсы, полученные от «лингвистического поворота», способствовали новому оживлению теоретических дискуссий по поводу истории понятий в 1990-е годы. Сам Р. Козеллек в своих многочисленных работах и интервью рассказывал о перспективах исследований в рамках этого подхода²¹. После того как в 1980-х годах концепция истории понятий была расширена за счет новых культурологических элементов, Козеллек и его ученики стали все больше подчеркивать автономность языка и задавать вопросы о том, *как и почему* происходит языковое конституирование реальности²². Этой переориентации истории понятий посвящено большое число работ, опубликованных начиная с 2000 года. В сборниках *Междисциплинарность истории понятий* (2000), *Проблемы истории понятий* (2003), *История понятий на переломе?* (2005) и *Понятая история. Статьи о работах Райнхарта Козеллека* (2011) подводятся итоги и намечаются новые направления исследований в этой области²³.

²⁰ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. С. 33—53, здесь 52.

²¹ Koselleck R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt a.M. 2-е изд. 2010; см. полную библиографию трудов Козеллека в кн.: Joas H., Vogt P. (Hrsg.) Begriffene Geschichte. S. 559—576.

²² Dipper Ch. Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». S. 297—298; Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte. S. 186.

²³ Dutt C. (Hrsg.) Herausforderungen der Begriffsgeschichte. Heidelberg, 2003; Scholtz G. (Hrsg.) Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte. Hamburg, 2000; Müller E. (Hrsg.) Begriffsgeschichte im Umbruch? Hamburg, 2005; обзор темы дан в работе: Frey Ch. Begriffsgeschichte(n). Zur Karriere und Neuformierung eines neuerdings kulturwissenschaftlichen Ansatzes // IASOnline, 19.10.2008, http://www.iasonline.de/index.php?vorgang_id=1840 (дата посещения: 29.10.2008).

Основные исторические понятия и категории Козеллека как точка отсчета для работ по истории понятий

Цель словаря *Основные исторические понятия* заключалась в том, чтобы анализировать «процесс исчезновения старого мира и возникновения современного через призму истории его осмысления в понятиях»²⁴. При этом Козеллек исходил из концепции так называемого «переломного времени», порога эпох, пришедшегося на столетие между 1750 и 1850 годами. Тезис Козеллека состоял в том, что при формировании современного языка произошло расхождение между пространством опыта и горизонтом ожидания понятий. Согласно Козеллеку, все понятия обладают временной внутренней структурой: «В зависимости от того, как много предшествующего опыта в нем аккумулируется, и от того, сколько в него включено ожиданий нового, понятие может обладать разными и поддающимися различению темпоральными характеристиками»²⁵. Тезис Козеллека гласит, «что в Новое время разница между опытом и ожиданием постоянно увеличивается, точнее — что возможность понимания Нового времени как *нового времени* только и возникла после того, как ожидания стали все больше удаляться от какого бы то ни было прежнего опыта»²⁶. Здесь — согласно теоретической гипотезе — и сформировалась современная общественно-политическая терминология, которой мы пользуемся по сей день.

Козеллек говорит о двух аспектах понятий: образование понятий является фактором исторического развития и в то же самое время индикатором этого развития. С одной стороны, понятия указывают на социальные феномены и их изменение. Они — индикаторы изменений. С другой — понятия — это одновременно факторы восприятия, познания и знания. Они — факторы изменения сознания. В своих позднейших работах Козеллек говорил об «упорядочивающей силе» понятий. Задачу исторического их анализа он видел в том, чтобы вскрыть семантическую структуру, которая иерархизирует понятийные поля, и выявить понятия высшего и низшего уровней, а также антонимы²⁷.

²⁴ Koselleck R. Einleitung. S. 14.

²⁵ Koselleck R. Begriffsgeschichte. S. 42.

²⁶ Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien // Koselleck R. (Hrsg.) Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M., 1979. S. 359.

²⁷ Koselleck R. Begriffsgeschichten. S. 531—532.

Среди признаков современных понятий Козеллек называл следующие: демократизация, укоренение во времени, идеологизируемость, политизирование. Что под этим подразумевается?

а) «Демократизация» означает, что понятия, поначалу известные только образованным людям, получили распространение и в других социальных слоях. Это, естественно, связано с развитием журнального и книжного рынка, с повышением уровня грамотности населения. Такие понятия, как *честь* или *достоинство*, уже невозможно однозначно связать с каким-то одним сословием. Кроме того, для периода Средневековья и раннего Нового времени необходимо учитывать также тот факт, что элиты были многоязычны. Народные языки сформировались лишь постепенно²⁸.

б) «Укоренение во времени»: понятия обладают некой темпоральной внутренней структурой. Это означает, с одной стороны, что элементы прежних значений могут снова и снова актуализироваться. С другой стороны, понятия могут нагружаться моментами ожидания, направленными в будущее, могут образовываться понятия движения, ориентированные в будущее. Пример — понятия с суффиксом «-изм» — *патриотизм*, *коммунизм* и т.п. В то время, когда эти понятия были созданы, они еще не несли в себе груза опыта. Они указывают в будущее, это «понятия, создающие опыт». Появлялись новые понятия с временными определениями, которые сами артикулировали историческое время: например, *развитие*, *прогресс*, *история*²⁹.

в) «Идеологизируемость»: степень абстрактности понятий возрастает; их связь с тем, что ими обозначается, труднее установить, пропадает понятийная конкретность. Вместо сословных *свобод* (или *вольностей*) возникает одна *свобода*. Употреблявшиеся сначала во множественном числе существительные превращаются в собирательные слова единственного числа: например, многочисленные конкретные *истории* превращаются в одну *историю*; вместо отдельных *успехов* в конкретных делах возникает *прогресс* вообще³⁰.

г) «Политизация» означает, что понятия применяются по-разному, вплоть до полной противоположности — в зависимости от интересов того, кто говорит. Понятия используются по-разному участниками политической, экономической или социальной борь-

²⁸ Koselleck R. Einleitung. S. XVI.

²⁹ Ibid. S. XVI—XVII.

³⁰ Ibid. S. XVII—XVIII.

бы за власть и распределение благ. Все большее число людей становятся адресатами слов, участниками их использования, мобилизуются; возникают слова-лозунги³¹.

Критика концепции Козеллека и ее дальнейшее развитие

Из лагеря социальной истории раздалась критические замечания о том, что тесная связь с общественно-историческими проблемами, которую постулировала история понятий, не осуществлена. Некоторые статьи девятитомника пренебрегали связями «слова» с «вещью». Недостаточная реализация заявленной социально-исторической составляющей проявилась и в выборе источников, в сосредоточении внимания на высокой литературе. Были использованы тексты крупных мыслителей, а обиходные источники, отражающие повседневное словоупотребление, остались без внимания. Отсутствовала рефлексия по поводу репрезентативности источников³². Со стороны лингвистов раздалась критические замечания, касавшиеся нечеткости дефиниции «понятия». Кроме того, проект подвергся критике за то, что оставлял без внимания прагматический аспект языковой деятельности, а также недостаточно учитывал понятийные сети и дискурсы³³.

Во втором крупном словаре — *Справочнике по основным социально-политическим понятиям во Франции в 1680—1820-е годы* — критика, высказанная по адресу *Основных исторических понятий*, была учтена. Была сделана попытка усовершенствовать подход, опираясь на французскую лингвистику и на французские исторические исследования по истории ментальностей.

Для французской науки характерно сближение истории понятий и лингвистики (в форме дискурсивного анализа). Этот процесс уходит истоками в школу «Анналов» и работы структуралистов 1950-х и начала 1960-х годов³⁴. Первые исследования на тему

³¹ Ibid. S. XIX.

³² Бедкер Х.Э. Размышления о методе истории понятий. С. 38—39.

³³ Busse D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart, 1987; Joas H., Vogt P. Einleitung. S. 25.

³⁴ Lüsebrink H.-J. Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Narrativität // Reichardt R. (Hrsg.) Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte. Berlin, 1998. S. 29—44, здесь 29.

Слова и вещи опубликовал еще в 1930-е годы Люсьен Февр³⁵. Со временем сформировались различные подходы к анализу дискурсов, изучающие упорядоченную речевую деятельность и ментальности. В то время как одни работы отталкивались от концепции Мишеля Фуко, рассматривавшего дискурс как специфическую для определенного времени и определенной практики институционализированную разновидность мыслительной и речевой деятельности, в других разрабатывались различные способы лингвистического анализа дискурсов. С помощью количественных методов, таких как компьютерная лексикометрия (статистика частности слов и анализ их распределений), специалисты в области *analyse du discours* (в том виде, какой практикуется прежде всего в Центре исследования лексикометрии и политических текстов при *Ecole Normale supérieure* в Сен-Клу) задали методологические стандарты изучения семантики текстов³⁶. Важнейшие работы в области анализа дискурсов опубликовали прежде всего Режи́н Робен³⁷, а также Мишель Пешё³⁸ и Жак Гийому³⁹. В исследованиях на тему «злоупотребления словами» (*abus des mots*) в период Великой французской революции историки подчеркивают классовый характер языка и рассматривают языки различных социальных слоев. *Словарь социально-политических словоупотреблений французского языка (1770—1815)*, создаваемый по инициативе исследовательской группы «XVIII век и французская революция», выходит отдельными выпусками (на сегодняшний день увидели свет восемь таких выпусков)⁴⁰. Для этого подхода типичны микроисследования на базе очень небольших корпусов источников. Этот подход был подхвачен в особенности германскими лингвистами и послужил для них стимулом к дальнейшей

³⁵ Febvre L. Les mots et les choses en histoire économique // Annales d'histoire économique et sociale. 1930. Vol. 2. P. 231—234.

³⁶ Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History // Reichardt R. (Hrsg.) Aufklärung und Historische Semantik. S. 7—28, здесь 18.

³⁷ Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris, 1970.

³⁸ Pêcheux M. L'inquiétude du discours / Maltidier D. (Ed.). Paris, 1990.

³⁹ Guilhaumou J. La langue politique et la Révolution française. De l'événement à la raison linguistique. Paris, 1988; Гийому Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор. С. 85—111, здесь 92—98.

⁴⁰ Dictionnaire des usages socio-politiques. Fasc. 1—8. Paris, 1985—2006.

теоретической рефлексии — например, на тему формирования корпуса источников для анализа⁴¹.

Составители *Справочника по основным социально-политическим понятиям во Франции в 1680—1820-х годах*, Рольф Райхардт, Ханс-Юрген Люзебринк и Эберхард Шмитт, пригласили к участию в проекте в качестве авторов французских коллег, в том числе Ж. Гийому. Были сформулированы проблематика и метод «социально-исторической семантики, занимающей срединное положение между историей понятий и лексикометрией»⁴². В какой мере этот метод можно действительно назвать «социально-историческим»? Концепция социально-исторической семантики подчеркивает социальный характер языка. Она исследует коллективное словоупотребление и реконструирует повседневные языковые акты⁴³. Этот подход можно определить как историю понятий под знаком «социальной истории идеологий и ментальностей»⁴⁴. Понятия рассматриваются как хранилище общественного знания. Такое хранилище предшествует способности восприятия, коллективному сознанию и действию. Следовательно, понятия рассматриваются как факторы истории. В соответствии с принципами этого социально-исторического подхода источниковая база *Справочника* расширена по сравнению с базой словаря *Основных исторических понятий*. Анализируются не только теории великих мыслителей, но прежде всего — тексты, публиковавшиеся массовыми тиражами: это должно помочь достигнуть социального уровня. При этом исследуются самые разные, особенно серийные типы источников — газеты, журналы, листовки и протоколы собраний, а также тексты, служившие целям институционализации знания, — словари, справочники, энциклопедии и так далее. Определяющие критерии при отборе источников — репрезентативность текстов и социальная значимость понятий.

⁴¹ Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Busse D., Hermanns F., Teubert W. (Hrsg.) Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen, 1994. S. 10—28.

⁴² Reichardt R. Historische Semantik. S. 22.

⁴³ Основные положения этой социально-исторической концепции см.: Reichardt R. Einleitung // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820. Bd. 1. S. 26—31.

⁴⁴ Ibid. S. 50.

Междисциплинарность и интернационализация исторической семантики

Новые исследования характеризуются такими признаками, как междисциплинарность подхода, интернационализация исторической семантики, а также изменение предметного уровня — то есть обращение от понятий к дискурсам — и сокращение исследуемых периодов. Важные импульсы исходят прежде всего из культурологически ориентированной лингвистики⁴⁵. Она подчеркивает проблематику понятия как предмета исследования и сосредоточивает внимание главным образом на истории употребления слов. Вместо исследований «в продольном разрезе», как в вышеописанных крупных проектах, изучаются словоупотребление и лексика одной выбранной области или определенного периода. Большинство лингвистических работ посвящены словоупотреблению периода после 1945 года⁴⁶.

Кроме того, предпринимаются попытки связать историю дискурсов с историей понятий. Здесь нужно называть прежде всего теоретические работы Дитриха Буссе. С позиций лингвиста Буссе пытается развить подходы, существующие в истории понятий, отталкиваясь от методики анализа дискурсов. В своих последних теоретических работах он комбинирует лингвистику, культурологию и эпистемологию, что позволяет ему дальше развивать историю понятий Козеллека и теорию дискурса Фуко⁴⁷.

Написанные самим Козеллеком статьи в словаре *Основные исторические понятия* показывают, что история понятий поддается

⁴⁵ Busse D., Niehr T., Wengeler M. (Hrsg.) *Brisante Semantik. Neuere Konzepte und Forschungsergebnisse einer kulturwissenschaftlichen Linguistik*. Tübingen, 2005.

⁴⁶ Kämper H. *Der Schulddiskurs in der frühen Nachkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des sprachlichen Umbruchs nach 1945*. Berlin; New York, 2005; *Lesenich St.* (Hrsg.) *Wohlfahrtsstaatliche Grundbegriffe. Historische und aktuelle Diskurse*. Frankfurt a.M., 2003; *Stötze G., Wengeler M.* (Hrsg.) *Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin, 1995.

⁴⁷ Busse D. *Linguistische Epistemologie. Zur Konvergenz von kognitiver und kulturwissenschaftlicher Semantik am Beispiel von Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Frame-Semantik* // Kämper H., Eichinger L. (Hrsg.) *Sprache — Kognition — Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung*. Berlin; New York, 2008. S. 73—114; *Busse D.* История понятия — история дискурса — лингвистическая эпистемология. Замечания по поводу теоретических и методологических оснований «исторической семантики» и философского аспекта в связи с философией «личности» // Хаардт А., Плотников Н. (Сост.) *Дискурс персональности. Язык философии в контексте культуры*. М., 2008. С. 110—135.

трансформации в историю аргументации или дискурсов, обогащенную элементами прагматики и основательной контекстуализацией⁴⁸. Козеллек продемонстрировал логическую обоснованность подобной трансформации, хотя и продолжал ориентироваться именно на понятия как объект исследования:

Понятия всегда вплетены в понятийные сети; все зависит от того, с какой глубиной резкости мы опрашиваем источники: анализируются ли синхрония и диахрония самих понятий, анализируются ли крупные текстовые массивы по фразам, фрагментам, главам, книгам и соотнесенным с ними контр-текстам — или же изучается фактический либо виртуальный состав языка в целом — вместе с соответствующими эквивалентами в других языках. Никакое расширение или сужение невозможно без учета того, как понятия в своей эволюции конституируют и истребуют смыслы, — иначе историю понять вообще нельзя⁴⁹.

Уже вышли первые словари по истории дискурсов⁵⁰. Метод дискурсивного анализа применяется главным образом при исследовании политических языков. В. Штайнметц исследовал, например, споры об избирательном праве в Англии 1780—1867 годов и занимался «анализом элементарных предложений, в которых заключены границы и возможности политического действия». При этом Штайнметц применял методы анализа высказываний и лексического анализа⁵¹.

В своих последних работах Штайнметц убедительно доказывает необходимость учета прагматики языка в историческом исследовании понятий. Микроанализ, считает он, мог бы продемонстрировать связь между семантическими и социальными переменами и дать модели для объяснения эволюции значений. По мнению Штайнметца, существуют три типичные формы семантической эволюции: (1) Изменение в связи с утратой словами

⁴⁸ Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte. S. 73.

⁴⁹ Koselleck R. Begriffsgeschichte. S. 43.

⁵⁰ Böje K., Liedtke F., Wengeler M. (Hrsg.) *Politische Leitvokabeln in der Adenauer-Ära*. Berlin; New York, 1996; *Jung M., Niehr T., Böke K.* (Hrsg.) *Ausländer und Migranten im Spiegel der Presse. Ein diskurshistorisches Wörterbuch zur Einwanderung seit 1945*. Wiesbaden, 2000.

⁵¹ Steinmetz W. *Das Sagbare und das Machbare. Zum Wandel politischer Handlungsspielräume: England, 1780—1867*. Stuttgart, 1983.

⁵² Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte. S. 188.

или оборотами речи своей убедительности вследствие внезапных событий и переломов; (2) изменения вследствие нарастания или убывания стратегической утилитарной ценности слов или оборотов в повторяющихся коммуникативных ситуациях; (3) изменения вследствие процессов в лексическом и семантическом составе одного языка, вызванных заимствованиями слов из другого языка⁵². Отсюда вытекает необходимость интернационализации исторической семантики.

Планируются, а отчасти уже и претворены в практику сравнительно-исторические исследования семантики, в которых семантические поля и понятийные сети различных языков сравниваются друг с другом и изучаются процессы трансфера через переводы с одного языка на другой. Это — многообещающий межкультурный подход, и уже опубликованы первые результаты его применения — например, в контексте исследований по Великой французской революции и по семантикам понятия *революция*. Уже 17 лет тому назад Р. Козеллек вместе со своими сотрудниками Ульрике Шпрее и В. Штайнметцем представил первые результаты применения такого подхода в статье *Три гражданских мира? О сравнительной семантике гражданского общества в Германии, Англии и Франции*⁵³. В новейших исследованиях по словоупотреблению связываются между собой семантические поля в нескольких языках; в сборнике, изданном под редакцией Штайнметца, есть глава и о политических понятиях в русском языке⁵⁴.

Тема переводимости понятий — с одного языка на другой, из одной культуры в другую — все больше занимает внимание исследователей. Каждое понятие заключает в себе специфический опыт, который сложно переводить с языка на язык. Некоторые понятия вообще нельзя перевести на другие языки, их приходится парафразировать и объяснять⁵⁵. Уже появились интересные работы по теме

⁵³ Koselleck R., Spree U., Steinmetz W. Drei bürgerliche Welten? Zur vergleichenden Semantik der bürgerlichen Gesellschaft in Deutschland, England und Frankreich // Puhle H.-J. (Hrsg.) Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Wirtschaft—Politik—Kultur. Göttingen, 1991. S. 14—58; Koselleck R., Schreiner K. (Hrsg.) Bürgerschaft — Rezeption und Innovation der Begrifflichkeit bis ins 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1994.

⁵⁴ Steinmetz W. (Hrsg.) «Politik»: Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit. Frankfurt a.M., 2007.

⁵⁵ Например: Cassin B. (Ed.) Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles. Paris, 2004. («Европейский философский вокабуляр. Словарь непереводимых понятий»).

трансфера европейских понятий в неевропейские общества и усвоения этих понятий. Упомяну здесь для примера исследование Маргрит Пернау о понятии *civility* и его переносе из Англии в Индию⁵⁶.

О том, насколько эта расширенная форма истории понятий способна взаимодействовать с другими исследовательскими областями и направлениями, можно судить по ее соприкосновению с литературоведческой проблематикой, а также с историей эмоций. Плодотворным оказалось и взаимодействие истории понятий с метафорологией (Ханс Блюменберг) и анализом «допонятийного» и «непонятийного»⁵⁷. Включение образной памяти и визуализации значений в исследование истории понятий опробовано в работах немецких романистов Р. Райхардта и Х.-Ю. Люзебринка, посвященных изображениям во французской публицистике XVIII и XIX веков. Р. Райхардт исследовал эволюцию семантики понятийной пары *lumières/ténèbres* (*Просвещение и мрак*) в текстах и образах⁵⁸. Важный вопрос заключается в том, какой инструментарий позволит проанализировать мир образов XX столетия, который сильно отличается от мира образов предыдущих эпох⁵⁹.

Новейшая история понятий XX века

До сих пор внимание истории понятий было сфокусировано на периоде между эпохой Просвещения и обеими мировыми война-

⁵⁶ Pernau M. Bürger mit Turban. Muslime in Delhi im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2008; Eadem. Gab es eine indische Zivilgesellschaft im 19. Jh.? Überlegungen zum Verhältnis von Globalgeschichte und historischer Semantik // Traverse. 2007. Bd. 3. S. 51—67; Eadem. Transkulturelle Geschichte und das Problem der universalen Begriffe. Muslimische Bürger im Delhi des 19. Jahrhunderts // Schäbler B. (Hrsg.) Area Studies und die Welt. Weltregionen und neue Globalgeschichte. Wien, 2007. S. 117—150.

⁵⁷ Цилл P. «Субструктуры мышления»: границы и перспективы метафор по Хансу Блюменбергу // История понятий, история дискурса, история метафор. С. 155—188.

⁵⁸ Reichardt R. Lumières versus Ténèbres: Politisierung und Visualisierung aufklärerischer Schlüsselwörter in Frankreich vom XVIII. zum XIX. Jahrhundert // Reichardt R. (Hrsg.) Aufklärung und Historische Semantik. S. 83—170; Reichardt R., Kohle H. (Ed.) Visualizing the Revolution. Politics and Pictorial Arts in Late Eighteenth-century France. London, 2008.

⁵⁹ Nolte P. Vom Fortschreiben und Umschreiben der Begriffe. Kommentar zu Christian Geulen // Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History. Online-Ausgabe. 2010. Bd. 7. № 1. Abschnitt 4, 14.10.2010, <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Nolte>—1—2010.

ми. Теперь же немецкие специалисты по Новейшему времени пытаются определить специфику понятий XX столетия. Это непросто ввиду изобилия источников, интернационализации политической сферы, повсеместного социального расширения и дифференциации речевых сообществ. Дискуссия о «новейшей истории понятий» только началась. Ее отправной точкой стала статья Кристиана Гойлена *За историю основных понятий XX века*, опубликованная в 2010 году в журнале *Zeithistorische Forschungen*⁶⁰. Гойлен исходит из того тезиса, что после середины XIX века (то есть уже после «переломного времени» Козеллека) политический язык модерна еще раз пережил коренную трансформацию своей семантической структуры. В дискуссии ставится вопрос о том, какие новые понятия в течение XX века приобрели статус ключевых, какие являлись носителями этой предполагаемой структурной трансформации и в то же время оказали определяющее влияние на политическую сферу⁶¹.

При этом дискуссия исходит из следующих признаков истории развития социально-политической семантики в XX веке, сформулированных Гойленом на основе критериев Козеллека.

а) Изменилось соотношение «опыта» и «ожидания», которые, по мысли Козеллека, объединены в понятиях. В то время как эпоха Старого порядка характеризовалась тем, что опыт людей определял их ожидания, в XIX веке эта связь была нарушена, а XX век, как кажется, осуществил поворот на 180 градусов, так что теперь ожидания определяют, что может, а что не может стать опытом. Пропорция опыта и ожидания, заключенных в понятиях, снова изменилась.

б) «Онаучивание»: большинство основных понятий, используемых обществами для самоописания, подверглись онаучиванию. Под этим понимается расширение и перемещение знания посредством переноса понятий между отдельными специальными дисциплинами и общественными областями. В качестве примера можно было бы назвать здесь понятия *эволюция* и *развитие*. Необходимо изучить историко-семантические сети, которые в XX веке связали науку с обществом⁶².

⁶⁰ Geulen Ch. Plädoyer für eine Geschichte der Grundbegriffe des 20. Jahrhunderts // *Zeithistorische Forschungen* = *Studies in Contemporary History*. Online-Ausgabe. 2010. Bd. 7. № 1; 14.10.2010, <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Geulen—1—2010>.

⁶¹ Ibid. Абзац 12.

⁶² Ibid. Абзацы 5—7.

в) «Медиаальная популяризация»: помимо уже упомянутой Козеллеком «демократизации» при социальном расширении сферы применения понятий, концепция «популяризации» описывает новое качество в рамках новых медиаальных структур. В этих структурах значения понятий умножаются и дифференцируются, а одновременно и нормируются. Как пример можно было бы привести здесь ту стремительную карьеру, которую сделало в XX веке понятие *окружающая среда*. Если первоначально оно использовалось в экологии, обозначая природную среду обитания некоего вида, то начиная с 1960-х годов оно стало использоваться как синоним природы, находящейся под угрозой благодаря людям. Кроме того, данное понятие сделалось объектом борьбы интерпретаций, которая охватила средства массовой информации. На сегодняшний день понятие *окружающая среда*, пожалуй, можно назвать одним из ключевых для политического языка, понятием, по поводу которого существует консенсус едва ли не в мировом масштабе⁶³.

г) «Перенос в пространственное измерение»: мир становится единым пространством. Для основных понятий XX века характерна тенденция к переносу в пространственное измерение — в отличие от тенденции основных понятий переломной эпохи к переносу в измерение временное, или к укоренению во времени. Так, например, ключевые понятия *история* и *прогресс* начиная со второй половины XIX века дополнились пространственными структурами: *государство*, *нация*, *общество*. Процессы трансформации в XX веке описываются топографическими неологизмами: *американизация*, *советизация*. Новый вариант — *глобализация*⁶⁴.

д) «Размывание». Это означает нарастающую многозначность и разнообразие употребления понятий в XX веке, многократный перенос понятий в новые контексты. Это приводит к «размыванию» их значения, семантическая структура понятий изменяется и становится нечеткой. Понятия теряют «постоянство значения», отделяются от того контекста, в котором возникли, и от тех феноменов, которые они первоначально описывали. В качестве примеров можно привести такие понятия, как *население*, *техника*, *информация*, *коммуникация*, *ресурс*, *окружающая среда*, *климат*, *экология*⁶⁵.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid. Абзацы 7—8; см. также тезис Н.Е. Копосова о том что ключевые социальные понятия будущего будут детерминированы пространством: *Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук*. М., 2005. Гл. 8.

⁶⁵ Geulen Ch. Plädoyer. Абзац 9.

По поводу проекта Гойлена первыми высказали свои соображения историки Новейшего времени Пауль Нольте и Мартин Сабров, а также социолог Тереза Воббе⁶⁶. В принципе они приветствовали рефлексию по поводу истории понятий XX века, а критика с их стороны касалась прежде всего ориентации на понятия как на предмет исследования: П. Нольте, например, высказал сомнения в том, что семантику XX века можно изучать на материале понятий⁶⁷. Т. Воббе, как и Нольте, предложила включить в рамки исследования и XIX век, а также рассматривать в качестве предмета исторического изучения сами постановки вопросов, содержащиеся в словаре *Основные исторические понятия*. Будь у Козеллека сегодняшние критерии отбора, он наверняка бы выбрал другие объекты для изучения⁶⁸. Кроме того, по мнению критиков, необходимо задаться вопросом о том, действительно ли в XX веке «перенос в пространственное измерение» пришел на смену «укоренению во времени», или, как предполагает П. Нольте, пространство было такой категорией, которую соратники Р. Козеллека по проекту — О. Бруннер и В. Конце — в 1950-е годы предпочитали не использовать⁶⁹.

Всеми комментаторами высказывалось сомнение в том, что критерии, сформулированные Гойленом, адекватны тенденциям развития политической семантики XX века. Феномены «онаучивания» и популяризации, отмечал М. Сабров, — стали оказывать определяющее воздействие на политическую культуру уже в середине XIX века. «Размывание» он тоже считает характерным не только для минувшего столетия, но и для модерна вообще: понятия *нация* и *революция* размылись в свое время точно так же, как в XX веке понятия *мир*, *демократия* или *свобода*. С точки зрения Нольте, для XX века типична не инверсия опыта и ожиданий, а, скорее, некое сложное их переплетение.

Как бы ни были различны те концепции исторической семантики XX века, которые еще могут возникнуть, подчеркивается

⁶⁶ Nolte P. Vom Fortschreiben und Umschreiben der Begriffe; Sabrow M. Pathosformeln des 20. Jahrhunderts. Kommentar zu Christian Geulen // Zeithistorische Forschungen = Studies in Contemporary History. Online-Ausgabe. 2010. Bd. 7. № 1. [14.10.2010]. <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Sabrow-1-2010>; Wobbe Th. Für eine Historische Semantik des 19. und 20. Jahrhunderts // Ibid. [14.10.2010] <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Wobbe-1-2010>

⁶⁷ Nolte P. Vom Fortschreiben und Umschreiben der Begriffe. Абзац 4.

⁶⁸ Wobbe Th. Für eine Historische Semantik des 19. und 20. Jahrhunderts.

⁶⁹ Nolte P. Vom Fortschreiben und Umschreiben der Begriffe. Абзац 3.

необходимость в будущем, исследуя основные понятия, обращать внимание на интернационализацию и сращивание языковых пространств, трансферы понятий из одного языка в другой, на вопрос о влиянии этого сращивания на семантику основных понятий.

Сказанное относится и к тому периоду, которому посвящены статьи нашего сборника. На сегодняшний день состояние исследований таково, что реализовать эту цель едва ли возможно, но постоянно иметь ее в виду наряду с остальными — необходимо.

«Кембриджская школа»

В англоязычной литературе, а речь идет не только об ученых из Соединенного Королевства, в фокусе внимания был и остается анализ политического языка сквозь призму истории. Отправной точкой, в отличие от немецкой традиции, послужила не социальная история, а история политической мысли. Различны были и предпочтения в выборе эпох преимущественного интереса. Для немецких историков в центре внимания находилось переломное время 1750—1850 (*Sattelzeit*), то есть период становления модерна, а англоязычные исследователи в основном сосредотачивались на более раннем времени и практически не переходили в своих исследованиях границу XVIII века. Применительно к англоязычной литературе вряд ли можно говорить о единой школе или направлении, хотя зачастую Джона Покока и Квентина Скиннера, наиболее известных англоязычных исследователей истории политической мысли, представляют как основателей некой Кембриджской школы. По мнению самого Скиннера, «если у этих ученых и есть какая-то общая методология, то ее можно описать как стремление подчеркнуть историчность истории политической мысли и истории мысли вообще»⁷⁰.

Покок и Скиннер еще больше, чем Козеллек, подчеркивают значение контекста и трактуют его шире — как включающий конк-

⁷⁰ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // НЛО. 2004. № 66.

⁷¹ При этом Покок больше внимания уделяет конвенциям языка, а Скиннер — интенциям отдельных авторов, действующих в рамках этих конвенций. Ср.: Pocock J.G.A. *Virtue, Commerce, and History: Essays on Political Thought and History*. Cambridge, 1983 (особенно p. 5—8, 12—21); Skinner Q. *Tully J. (Ed.) Meaning and context: Quentin Skinner and his critics*. Cambridge, 1988.

ретные политические обстоятельства и интенции авторов⁷¹. Они понимают «историю интеллектуальной деятельности как историю действий, влияющих на других людей и на обстоятельства, в которых эта интеллектуальная деятельность осуществляется»⁷². Мысль индивида трактуется как «общественное событие, как акт коммуникации и реакция, а также как историческое событие, момент в процессе трансформации системы»⁷³. От истории идей в традиционном смысле внимание смещается к истории языка, которым пользовались мыслители, к языковым конвенциям, влияющим на то, как концептуализируется политика, легитимируются ее практики и институты. Во многом с этим связан постулат изучения малозаметных участников дискурса, которое позволяет лучше оценить, когда те или иные понятия и концепции утверждаются в общественном сознании и что при этом происходит с их содержанием. «Ясным свидетельством того, что общество сознательно освоило новую концепцию, является появление новых слов, с помощью которых эта концепция артикулируется и обсуждается»⁷⁴. Таким образом, исследуется не только и не столько история концептов или понятий как таковых, сколько история их применения и использования. Если концепты — это инструменты (термин Витгенштейна) или оружие (термин Хайдеггера), то возникают вопросы о том, какие акторы их используют и с какими целями⁷⁵. Концепты и понятия не только используются в политической борьбе, но также влияют на процессы идентификации групп, сословий, социальных слоев и классов. Они сами являются предметом соперничества и конфликтов.

Отправной точкой для Скиннера и коллег служит тезис о том, что тексты являются действиями: «Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а следовательно, должны и понять, какое действие совершали их авторы посредством написания этих текстов [...] Если мы стремимся понять определенное высказывание, то нам придется и попытаться понять, почему некто это высказывание произвел.

⁷² Pocock J.G.A., Skinner Q. et al. What is Intellectual History? // History Today. 1985. Vol. 35. P. 52.

⁷³ Pocock J.G.A. Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago, 1989. P. 14—15.

⁷⁴ Skinner Q. Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1978. Vol. 1. P. XI.

⁷⁵ Pocock J.G.A., Skinner Q. et al. What is Intellectual History? P. 51.

Возможно, высказывание нам следует рассматривать не просто само по себе, но в качестве хода в споре. Чтобы его понять, нам придется постичь, почему уместным оказался именно этот ход и, соответственно, почему произведено было именно это высказывание [...] И спрашивая о значениях подобных языковых актов, мы спрашиваем (как и в случае с любыми осознанными действиями) о самом характере и природе интенций, воплощаемых в реализации этих речевых актов» — так сам Скиннер объясняет свой подход⁷⁶.

Скиннер сформулировал несколько важных методологических постулатов для изучения истории политической мысли. Прежде всего, это внимание к историческим языковым конвенциям, знание которых необходимо для правильного понимания намерений автора высказывания. Необходим анализ отношения автора к доминирующим языковым конвенциям⁷⁷ — насколько он принимает их и следует им, или же он стремится выйти за их пределы и/или подорвать конвенцию как таковую. Именно изучение речевых актов в историческом контексте позволяет понять, в какой степени они оригинальны или конвенциональны. Для понимания доминирующих языковых конвенций важно изучение менее значительных, второстепенных, «неоригинальных» фигур.

Покок, в свою очередь, говорит о «дискурсах», вкладывая в это понятие иной смысл, нежели Фуко и его последователи, и обозначая так определенный тип политического языка, словаря или риторики, который включает определенный набор лингвистических конвенций⁷⁸. Такие типы языка (или дискурса), конструируемые в опоре на определенные ключевые идеи⁷⁹, исторически и про-

⁷⁶ См.: Скиннер К. Коллингвудовский подход (здесь также дается развернутое, и вполне убедительное, возражение против тезиса Ж. Деррида о том, что интенции персонажей прошлого принципиально не поддаются пониманию и анализу).

⁷⁷ Скиннер называет их «идеологиями» или риторическими системами.

⁷⁸ Для обозначения предмета своего исследовательского интереса, то есть языковых конвенций, которые налагают определенные ограничения на то, как могут концептуализироваться политика и легитимироваться институты и практики, Покок также использовал термины *paradigms*, *vocabularies*, *rhetorics*. Рихтер, излагая взгляды Покока, предлагает удачный термин «идиома»: Richter M. The History of Social and Political Concepts: a Critical Introduction. Oxford, 1995. P. 127.

⁷⁹ Например, дискурс апокалипсических пророчеств конца XVIII века в Англии, или дискурс «обычного права» в Англии того же времени, или дискурсы «гражданского гуманизма» и «классического республиканизма», рассмотренные в знаменитом труде: Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Princeton (N.J.), 1975.

странственно локализованы. Как считает Мелвин Рихтер, подход Покока вполне совместим с подходом немецкого словаря *Основных исторических понятий*. С одной стороны, наличие исследования, подобного *Основным историческим понятиям*, для раннемодерного англоязычного мира существенно облегчило бы задачу Покока. С другой — картографирование немецкого политического и социального языка в духе Покока помогло бы уделить больше внимания синхронному взаимодействию понятий и концепций, рассматриваемых в *Основных исторических понятиях*⁸⁰.

В этом случае исследователь должен задаться следующими вопросами. Какие термины и понятия были наиболее важны в определенную эпоху для выражения концептуальных различий? Когда и почему происходили сдвиги в значении этих терминов, обозначаемых ими концепций/понятий и систем аргументации, в которых они использовались? В какой степени люди, совершавшие речевые акты, стремились подтолкнуть изменения в значении понятий? Насколько успешны они были в убеждении своей аудитории принять рекомендуемые изменения? Как и когда вводились неологизмы? В какой степени они включались в словарь теоретиков или, напротив, отвергались ими? Какие языковые конвенции использовались для легитимации политических и социальных действий? Какие другие способы легитимации были исключены именно в силу использования этих и только этих конвенций?⁸¹

При этом Скиннер отмечает силу, устойчивость конвенции, которую трудно просто игнорировать: «Проблема актора, стремящегося легитимировать свои действия и, в то же время, добиться того, чего он хочет, состоит не только в простом приспособлении его нормативного языка к его проекту. Он, отчасти, должен также сформулировать свой проект таким образом, чтобы тот соответствовал имеющемуся нормативному языку»⁸².

Синтез и развитие: *History of concepts* и историческая семантика

Хотя тезис Скиннера о том, что не может быть истории понятий, а может быть только история их использования в аргумента-

⁸⁰ Richter M. The History. P. 129.

⁸¹ См.: Ibid. P. 131.

⁸² Skinner Q. Foundations. Vol. 1. P. xii—xiii.

ции, звучит как конфронтация с *Основными историческими понятиями*, в действительности английская программа изучения истории политической мысли и немецкая традиция истории понятий не являются взаимоисключающими, а, скорее, взаимно дополняют друг друга. Заслуга объединения германских проектов по истории понятий с англо-американскими принадлежит М. Рихтеру. Его вышедшая в 1995 году книга *История политических и социальных понятий. Критическое введение* положила начало рецепции и обсуждению немецких работ по истории понятий в англоязычном мире⁸³. В 1996 году Рихтер опубликовал вместе с Хартмутом Леманом сборник докладов конференции, проходившей в Германском историческом институте в Вашингтоне, в которой приняли участие и Козеллек, и Покок⁸⁴. Между самими Козеллеком, Скиннером и Пококом интенсивных дискуссий не состоялось. Козеллек однозначно отверг тезис Покока, согласно которому история понятий представляет собой «вспомогательную дисциплину», и подчеркнул равноправие представляемых ими подходов:

По этой причине я не считаю, что история понятий и история дискурсов могут рассматриваться как несовместимые и противоположные друг другу. Они неизбежно зависят друг от друга. Дискурс нуждается в фундаментальных понятиях, чтобы выразить то, о чем он говорит. А анализ понятий требует владения лингвистическими и экстралингвистическими контекстами, включая те, которые создаются дискурсами⁸⁵.

Инициативы Кембриджской школы были подхвачены, в частности, Хайнером Шульцем — одним из ближайших сотрудников Козеллека, выступившим за историю аргументации и за изучение «языков», как у Покока⁸⁶. С критикой подходов Покока и Скиннера выступил Райхардт, который с позиций социально-исторической семантики указывал как на недостаток этих работ на то, что они

⁸³ Richter M. The History.

⁸⁴ Lehmann H., Richter M. (Ed.) The Meaning; Richter M. Opening a Dialogue and Recognizing an Achievement. A Washington Conference on the 'Geschichtliche Grundbegriffe' // Archiv für Begriffsgeschichte. 1996. Vol. 39. S. 19—26.

⁸⁵ Koselleck R. A Response to Comments on the Geschichtliche Grundbegriffe // Archiv für Begriffsgeschichte. 1996. Vol. 39. S. 59—70, 65. См. также: Joas H., Vogt P. Einleitung. S. 29.

⁸⁶ Schultz H. Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // Koselleck R. (Hrsg.) Historische Semantik. S. 43—74.

рассматривали только сочинения крупных политических теоретиков. В. Штайнметц тоже считал этот подход непригодным для изучения повседневной политической аргументации⁸⁷. В сегодняшней рецепции англо-американской традиции подходы, ориентирующиеся на Скиннера и Покока, обычно классифицируют под рубриками «истории идей» или «анализа политического языка»⁸⁸.

Успешные инициативы по комбинированию подходов истории понятий и *conceptual history* связаны главным образом с работой международной исследовательской группы «История политических и общественных понятий» (*History of Political and Social concepts*), созданной в 1998 году⁸⁹. Эта группа поставила перед собой задачу интернационализации изучения истории понятий. В нидерландских проектах подходы связываются друг с другом и в сравнительной перспективе изучаются основные социально-политические понятия нидерландского языка⁹⁰.

Ханс-Эрих Бедекер, один из создателей международной группы, в 2002 году выпустил сборник *История понятий, история дискурса, история метафор* (русский перевод вышел в 2010 году), целью которого была интенсификация диалога между различными направлениями работы в исторической семантике⁹¹. Под понятием «историческая семантика» объединяются все исследования, которые посвящены процессам эволюции значений. Важнейшие направления исследований таковы: 1) история слов (занимается значением отдельных слов), 2) историческая лексическая семантика (занимается изучением словарного состава языка в различные эпохи и функциональными областями языка), 3) история понятий, 4) анализ политического языка, 5) история дискурсов (посвящена тому, «что можно сказать» на ту или иную тему)⁹².

⁸⁷ Steinmetz W. Das Sagbare und das Machbare. S. 31.

⁸⁸ Mulsow M., Mahler A. (Hrsg.) Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin, 2010.

⁸⁹ Она публикует на своем веб-сайте общедоступную библиографию работ по истории понятий: <http://www.hpscg.org/bibliography>

⁹⁰ Hampsher-Monk I., Tilmans K., van Vee F. (Ed.) History of Concepts. Comparative Perspectives. Amsterdam, 1998; Tilmans K. Applying Begriffsgeschichte to Dutch History. Some Remarks on the Practice and Future of a Project // Contributions to the History of Concepts. 2006. Vol. 2. P. 43–58.

⁹¹ Бедекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор. С. 5–17, здесь 17.

⁹² Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte. S. 183.

В анализе дискурсов могли бы объединиться различные германские, французские и англо-американские подходы⁹³. При этом по-прежнему среди множества разных методов и направлений работы в области исторической семантики классическая история понятий будет занимать особое место в силу своей диахронной перспективы и временной структуры. Во всяком случае, для исследования социально-политического языка на русском материале она, с ее наработанным багажом, представляет собой целесообразный первый шаг.

Пожалуй, лучший пример того, что может получиться из объединения Кембриджской школы и *Begriffsgeschichte*, дает научное сообщество по изучению истории понятий, возникшее в Скандинавии⁹⁴. Один из инициаторов этого направления, Кари Палонен, является автором книги о Квентине Скиннере⁹⁵. Важным результатом деятельности этого направления было создание словаря ключевых понятий финского политического языка. Этот словарь, хотя и в значительно меньшем объеме, является своего рода аналогом немецкого *Словаря исторических понятий*⁹⁶. Организационно данное направление оформилось в 1998 году во время международной конференции, организованной на базе Института финских исследований (*Finnish Institute*) в Лондоне⁹⁷. С самого начала организаторы старались создать не формальную организацию, а международную сеть исследователей в противовес существующим институтам с четкими дисциплинарными границами. Как сфор-

⁹³ Reichardt R. Historische Semantik. S. 21; Mulsow M., Mahler A. Einleitung // Mulsow M., Mahler A. (Hrsg.) Die Cambridge School. S. 17.

⁹⁴ Раздел о скандинавской истории понятий написан Т.И. Хрипаченко (Санкт-Петербург).

⁹⁵ Palonen K. Quentin Skinner. History, Politics, Rhetoric. Cambridge, 2003. См. также остальные его работы по истории понятий: *Idem*. Die Entzauberung der Begriffe. Das Umschreiben der politischen Begriffe bei Quentin Skinner und Reinhart Koselleck. Münster, 2003; *Idem*. The Struggle with Time. A Conceptual History of «Politics» as an Activity. Hamburg, 2006. Теоретическое обсуждение вопроса о возможности соединения преимуществ подходов Кембриджской школы и германской версии истории понятий см. в статье: *Idem*. Rhetorical and Temporal Perspectives on Conceptual Change // Finnish Yearbook of Political Thought. 1999. Vol. 3. P. 41–59.

⁹⁶ Hyvärinen M., Kurunmäki J., Palonen K., Pulkkinen T., Stenius H. (Ed.) Käsitteet liikkeessä. Suomen poliittisen kulttuurin käsitehistoria. Tampere, 2003.

⁹⁷ Palonen K. The Politics of Conceptual History // Contributions to the History of Concepts. 2005. Vol. 1. P. 37. Подробнее об организации финской ветви изучения истории понятий см.: Marjanen J. Begreppshistoria i Finland // Historisk Tidskrift för Finland. 2007. Vol. 92. № 1.

мулировал это К. Палонен, сеть рекрутировала «кочующих и космополитичных ученых» (*nomadic and cosmopolitan academics*)⁹⁸. Поэтому имеет смысл говорить не столько о какой-то «школе», сколько о живой и динамичной среде, в рамках которой происходят внутренние дебаты. Среди различных форм деятельности этого направления можно отметить издание журнала *Finnish Yearbook of Political Thought*, который с 2003 года был переименован в *Redescriptions: Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*⁹⁹, а также организацию ежегодных летних школ под эгидой исследовательского проекта CONCEPTA¹⁰⁰.

В теоретическом плане влияние Кембриджской школы сказало-сь на том, что скандинавские исследователи подчеркивают значение прежде всего использования понятий, которое понимается как коммуникативное действие. С другой стороны, они видят место своего направления в рамках *history of concepts*, но при этом подчеркивается один из аспектов взглядов Козеллека — определение понятий не как каких-то сущностей, обладающих определенным объемом смысла, а скорее как *contested notions*, то есть *Spielräume*, мест противостояния различных конкурирующих смыслов. Иначе говоря, понятия, по мнению скандинавских исследователей, помогают не столько отвечать на вопросы, сколько ставить их¹⁰¹. Такой теоретический поворот является отчасти следствием того, что основной интерес финских ученых связан со становлением финского политического языка в сравнительно короткий период — с середины XIX по начало XX века. Соответственно акцент делается скорее на политической риторике (как в исследованиях Кембриджской школы), нежели на фиксации социальных изменений в процессе длительной эволюции смысла ключевых понятий. При этом для представителей данной группы ученых важным фактором оказывается взаимодействие финского языка со шведским (который первоначально был языком образованной элиты в Финляндии), а также с другими европейскими языками¹⁰². Для скан-

⁹⁸ Palonen K. The Politics of Conceptual History. P. 39.

⁹⁹ <http://www.jyu.fi/yhtfil/redescriptions/articles.htm>

¹⁰⁰ См. сайт этого проекта: <http://www.concepta-net.org/frontpage>.

¹⁰¹ Palonen K. The Politics of Conceptual History. P. 39–45. Теоретическое обсуждение вопроса о возможности соединения преимуществ подходов Кембриджской школы и германской версии истории понятий см в его статье: Palonen K. Rhetorical and Temporal Perspectives. P. 41–59.

¹⁰² Stenius H. The Language Issue in Finland // Archer C., Joenniemi P. (Ed.) *The Nordic Peace*. Ashgate, 2002. P. 157–170.

динавских исследований характерно внимание к особенностям перевода различных понятий в процессе создания финского политического языка, причем последний становится не столько языком теоретических трактатов о политике, сколько средством, используемым в текущей политической полемике. На теоретическом уровне интерес к проблемам перевода выражается во внимании к явлениям пространственного порядка, то есть к трансформации смыслов в процессе переноса понятий от европейского центра к интеллектуальной периферии Европы. Примером такого подчеркнутого интереса к истории перевода является работа Хенрика Стениуса, в которой разбираются различные варианты перевода на финский язык заимствованного из шведского политического лексикона понятия *гражданин*¹⁰³.

Итак, с расширением сферы применения и попытками сведения разных школ исторической семантики в единое направление вопрос об универсальности моделей и их применимости к конкретным национально-культурным реалиям стал одним из ключевых и постоянно обсуждаемых.¹⁰⁴ Перейдем к тому, какие возможности и проблемы заключает в себе этот исследовательский опыт для российского материала.

Как это началось

Когда мировой дух осознает себя через Егора Федоровича Гегеля и само понятие «истории понятий» впервые всплывает в *Begriffsgeschichte* берлинского профессора¹⁰⁵, Пушкин с Вяземским только обсуждают необходимость русского «метафизического языка» (подразумеваем *langage métaphysique*)¹⁰⁶. Новый поворот в истории «истории понятий» застает нас в ситуации методологического хаоса и — с соблюдением всех пропорций — опять нехватки терми-

¹⁰³ Stenius H. The Finnish Citizen. How a Translation Emasculated the Concept // *Yearbook of Political Thought and Conceptual History*. 2004. Vol. 8.

¹⁰⁴ Joas H., Vogt P. (Hrsg.) *Begriffene Geschichte*. S. 12, 18.

¹⁰⁵ Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*, Einleitung // G.W.F. Hegels Werke. Berlin, 1837. Bd. 9. S. 11.

¹⁰⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 14, 23, 69; Л., 1979. Т. 10. С. 36, 120.

нов для обозначения меняющегося мира и для опыта его осмысления, заимствованного извне. Извиняющиеся кавычки с «т.н.» или бродячее ударение «трансфера», «актора», «дискурса» обнаруживают еще не привившиеся посадки на неудобренной почве¹⁰⁷.

В каком-то смысле повторилась исходная ситуация теперешней немецкой «истории понятий». Аналитический подход к историческим понятиям у отца-основателя *Begriffsgeschichte* Отто Бруннера, философия истории Карла Шмитта и Мартина Хайдеггера стали возможными благодаря критической дистанции по отношению к традициям европейского Просвещения или того, что мы называли бы сейчас модерностью.

Конечно, осознание разрыва вообще неотделимо от исторической рефлексии. Но в русском случае это разрыв протяженный и радикальный. И мы несколько морщим лоб, читая у Райнхарта Козеллека о том, что история понятий имеет дело со смыслами, которые «с приближением к нашему настоящему больше не требуют перевода»¹⁰⁸. Помилуйте, какое уж тут «не требуют», если большинство из представленных в сборнике понятий петербургского периода — *общественность*, *цивилизация* и тому подобные — в последние десятилетия мы заново переосмыслили или — как *гражданское общество* — вообще вводили наново после изъятия из публичного оборота.

Хронологический период, которому посвящен сборник, располагается между двумя эпохами, которые соблазнительно было бы назвать «переломными» для России¹⁰⁹. Тут уместно именно со-слагательное наклонение, поскольку не понятно пока, можно ли совместить противоречивые исходные. Модель «переломного времени» предполагает универсальную значимость именно в сформулированных Козеллеком рамках¹¹⁰. История понятий во всех ее

¹⁰⁷ Ср.: Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005; Плотников Н. Язык русской философской традиции. «История понятий» как форма исторической и философской рефлексии // НЛО. 2010. № 102, <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1791/1796>

¹⁰⁸ Koselleck R. Einleitung. S. XIV.

¹⁰⁹ Ср. приложение идеи «переломной» эпохи Козеллека к Петровскому времени (Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики. С. 12) и революции 1917 года (Колоницкий Б.И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России. С. 152—189).

¹¹⁰ Н.Е. Копосов (Копосов Н.Е. История понятий. С. 32) выступает против множественности «переломных времен». Но ср. также вывод П.Ю. Уварова,

вариантах остается европейской — она исходила и исходит из универсальной природы своего предмета, и притом из совмещения смыслов «универсального» и «(западно)европейского». Неслучайно речь, как мы видели, в лучшем случае идет о перипетиях «переноса» понятий из Европы в «не-Европу». Базой для истории понятий в области социальной истории остается теория модернизации. Так вот, остается понять, насколько история понятий методологически устойчива к пересмотру этой базы в концепции «множественных» или «альтернативных модерностей»¹¹¹, к вытеснению «модернизации» «глобализацией» или, еще более радикально, вообще к отказу считать именно или только «модерность» предметом истории понятий. О последнем мы еще поговорим. Очевидно, что применительно к России здесь затронуты наши главные нервные точки.

Конечно, есть понятия или, по крайней мере, семантические поля, радикальная трансформация или образование которых в России не совпадают с разломами Петровского времени и эпохи войн и революций XX века, но они относятся скорее к личностной сфере. Как система же общественно-политических понятий сложившийся в XIX веке понятийный язык привязан к реалиям петербургской империи.

Тогда получается, что изначально историк ключевых понятий имперской России — прежде всего именно историк. Он исследует здесь не модерность и ее структуры, как Р. Козеллек, К. Скиннер или Ж. Гийому, не язык, на котором говорит он и окружающее его общество и государство. А язык, свободное владение которым утрачено, или — если сформулировать намеренно провокационно — язык мертвый.

который тот делает за Копосова на материале его книги *Как думают историки?* (М., 2001), что «переломным» в Европе скорее следует считать рубеж XVI—XVII веков (Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001) // Одиссей. Человек в истории, 2003. М., 2003. С. 303—331, здесь 323). Вопрос о том, уместно ли говорить о «большом переломном времени» с конца XVI до середины XIX века (см. статью Д.А. Сдвижкова в настоящем сборнике) или о множестве тектонических сдвигов культуры темпоральности, так что «мы не должны понимать переломное время как однократный подъем на тот уровень, на котором мы находимся по сей день» (Joas H., Vogt P. (Hrsg.) *Begriffene Geschichte*. P. 12), оставим открытым.

¹¹¹ См.: Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // НЛО. 2009. № 100. С. 9—16.

Как это делалось до нас

В том, что можно назвать историей ключевых понятий в России, как и везде, сливаются разнообразные мотивы. Развитие истории понятий питалось и питается в большой степени интересом к упорядочению своего собственного исследовательского поля. Анализ того, как оно функционировало, его лингвистических и, в общем, коммуникативных практик позволяет опереться на определенную структуру категорий, концептов или понятий¹¹². Соответственно их рассматривают *sub specie* — политических наук¹¹³, исторической социологии¹¹⁴. И прежде всего, конечно, социальной истории¹¹⁵: дискуссии о структуре, которые неотъемлемы от «социальной» парадигмы, выводят рано или поздно к языку и семантике¹¹⁶. Особая роль принадлежит историческому направлению в лингвистике¹¹⁷ и тому, что можно назвать «лингвокультуроло-

¹¹² Ср. уже: *Ключевский В.О.* Терминология русской истории [1884/85] // *Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 129—275.*

¹¹³ *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; *Kharkordin O.* Main Concepts of Russian Politics. Lanham (Md.), 2005.

¹¹⁴ *Хархордин О.В.* (Ред.) Понятие государства в четырех языках. Сборник статей. СПб., 2002.

¹¹⁵ *Freeze G.L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. P. 11—36; *Haimson L.H.* The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. P. 1—20; *Wirtschaftler E.K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb (Ill.), 1997; *Kollmann N.* Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // *Kollmann N., Baron S.H. Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. DeKalb (Ill.), 1997. P. 34—51; *Nun-Ingerflom C.S.* Oublier l'Etat pour comprendre la Russie (XVIe—XIXe)? // *Revue d'Etudes Slaves*. 1994. Vol. 66. P. 125—134. Аморфность и нечеткость социальной дифференциации русского общества, как видно из приведенного списка, служили особым раздражителем для терминологических шуток. Отдельный раздел в нем составляет феномен *разночинства* (*Wirtschaftler E.K.* Structures of society: Imperial Russia's «people of various ranks». DeKalb (Ill.), 1994) и *интеллигенции* (*Müller O.W.* Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt a.M., 1971; *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit 1855—1875. Köln; Weimar; Wien, 2000). См. также исследования С.О. Шмидта о термине *интеллигенция*: *Шмидт С.О.* К истории слова «интеллигенция» // *Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева*. СПб., 1996. С. 409—416.

¹¹⁶ См. статью О.Б. Леонтьевой в настоящем сборнике. На более общем уровне: *Копосов Н.Е.* Как думают историки?; *Уваров П.Ю.* Думают ли историки?

¹¹⁷ *Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века (гражданин, сословие, гражданское общество): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972.

гией»¹¹⁸, — исследованиям основных понятий «языковой картины мира»¹¹⁹.

Трактовка истории понятий как своего рода «вспомогательной дисциплины» имеет право на существование, но не должна склонять к эссенциализму, когда хотят узнать, что под таким-то понятием *действительно* подразумевалось в данной группе, в данную эпоху, *wie es eigentlich gewesen*. Получается замкнутый круг — мы реконструируем понимание, описывая его в асинхронных ему терминах. Примерно так неевропейцы описывали когда-то свои путешествия в Европу, или наоборот¹²⁰. Методологически менее уязвим акцент собственно на истории, времени, напластования которого, подобно древесным кольцам, можно проследить в языковом материале (козеллековские *Zeitschichten* — сравните с «осадочными породами» Альфреда Рибера¹²¹).

Между тем сформировались определенные центры притяжения русской истории понятий или, вернее, истории русских понятий¹²². Естественно было бы предположить, что они возникнут на родине методик. В Германии одну ветвь составили исследования, проводимые славистами и историками-русистами. Симбиоз этих дисциплин часто продуктивный, но ему же надо приписать эффект того, что фокус исследований «плавает», преобладает интерес к истории языка как такового (Петер Тирген, Гельмут Кайперт)¹²³.

¹¹⁸ *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. I. Введение // *Семантические универсалии и описание языков*. М., 1999. С. 263—305. Обзор см. в: *Головановская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М., 2009. С. 9—17.

¹¹⁹ *Виноградов В.В.* История слов. 2-е изд. М., 1999; *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004; *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. 2-е изд. СПб., 2000. Сюда же примыкает: *De Lazari A., Kureczak J.* (Red.) Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Т. 1—7. Warszawa; Łódź, 1999—2007.

¹²⁰ Ср. о неадекватности термина *реформы* для русского XVI века: *Krom M.* Les réformes russes du XVI siècle: un mythe historiographique? // *Annales*. 2009. Vol. 64. P. 561—578.

¹²¹ *Rieber A.J.* The Sedimentary Society // *Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L.* (Ed.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity. Princeton (N.J.), 1991. P. 343—366.

¹²² Обзор уже российской истории понятий: *Дубина В.С.* Из Билефельда в Кембридж и обратно. Пути утверждения. «История понятий» в России. После-словие // *История понятий, история дискурса, история метафор*. С. 298—319.

¹²³ «Плавающий» фокус отличает сборник: *Thiergen P.* (Hrsg.) Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit: Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln; Weimar; Wien, 2006.

Нас же прежде всего интересует социальная и культурная история России в истории понятий (Ингрид Ширле, Кристоф Шмидт, Вальтер Шперлинг)¹²⁴. Другое направление связано с традицией философских словарей терминов, прежде всего *Handbuch philosophischer Grundbegriffe*, с соответствующей привязкой по цеху (Вильгельм Гердт, Александр Хаардт, Николай Плотников). В центре внимания этого направления — рефлексия философского языка, которая может быть понята как новая методология истории философии¹²⁵.

С Кембриджской ветви истории понятий непосредственно в Англии России, напротив, мало что перепало. Модели Скиннера и Покока скорее адаптируют для местных нужд «местные» же исследователи. Да и изначально, кажется, эти построения в большей степени носили нормативный характер, чем открытая всем ветрам, опровергающая самое себя и постоянно эволюционирующая немецкая школа. С другой стороны, во многих случаях актуальным для исследователей оказалось именно внимание Скиннера к политическим категориям языка модерна.

Вообще, тут надо заметить, что термины «школа» и даже, пожалуй, «история» применительно к истории понятий и к исторической семантике в целом не очень уместны: она не создает какой-то «большой» парадигмы, история понятий только и может существовать на стыке мотиваций и дисциплин. И вполне в духе ее самой тот факт, что два появившихся на этот момент главных русских сборника по нашей теме начинаются до смешного схожим образом: за признанием ценности «истории понятий» следует оговорка, что она будет при этом толковаться по-своему¹²⁶.

¹²⁴ Schierle I. «Otečestvo» — Der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert // Pietrow-Ennker B. (Hrsg.) Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten. Göttingen, 2007. S. 143—162; Eadem. Semantiken des Politischen im Russland des 18. Jahrhunderts // Steinmetz W. (Hrsg.), «Politik». S. 226—247; Schmidt Ch. Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland // Historische Zeitschrift. 1996. Vol. 66. S. 1—30. См. также форум *Российская история понятий* в журнале *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* с обсуждением концептов справедливость (Н. Печерская, Bd. 53. 2005), купеческие приказчики и торгово-промышленные служащие (А. Каплуновский, Bd. 54. 2006), свобода (К. Шмидт, vol. 55. 2007), нация/народность (А. Миллер, Bd. 56. 2008). Полную библиографию см. в конце сборника.

¹²⁵ Плотников Н. Язык русской философской традиции.

¹²⁶ Исторические понятия и политические идеи в России. С. 29; Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики. С. 9.

Интерес к истории понятий в самой России традиционно сконцентрировался в обеих столицах. Следуя хронологическому порядку, нужно сначала назвать северную. Существенно при этом, что интерес и особенности подхода к истории понятий в Петербурге коррелируют с финской школой. Рефлексии Николая Евгеньевича Копосова отличает широкая философская проблематика, но, в отличие от Н. Плотникова, это философия исторического познания и научной методологии, а не исследование истории русской философии. Анализ посвящен кризису социальных наук и основан на разборе их понятийного аппарата, представлений о социальном, нововременных моделях общества, истории, культуры и политики/демократии¹²⁷. Если в Бохуме исследовали семантику личности в философском — вот оно: «дискурсе», — то в центре внимания эмпирических исследований петербуржцев находится прежде всего двудвиное поле государства/общества.

Москва, как ей и положено в семантике русской культуры, в большей степени привлекает собственные традиции, прежде всего — традиции исторической лексикологии 1920—1930-х годов (Виктор Владимирович Виноградов). Исследования по исторической семантике Виктора Марковича Живова и его коллег из Института русского языка РАН¹²⁸ иначе построены и в тематическом плане. Исследуются понятия в рамках одного периода, прежде всего эпохи вокруг Петровских реформ; это преобразование трактуется как русская переломная эпоха; в ее языке прослеживаются прежде всего изменения конструкций темпоральности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что история понятий в России сконцентрировала свои усилия прежде всего на начальном этапе становления русских ключевых понятий — на допетровском времени и XVIII веке¹²⁹. Относительная обзорность аналитического материала для этого периода определяет разработанные методики отбора источников и анализа. С XIX веком,

¹²⁷ Копосов Н.Е. Как думают историки? Резюме интересующего нас содержания дает название диссертации Копосова: *Он же*. Пространственное изображение и язык в формировании социально-исторических понятий: Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2002; *Он же*. Хватит убивать кошек! (см. предисловие и гл. 5—8).

¹²⁸ См.: Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики; Живов В.М. (Ред.) Эволюция понятий.

¹²⁹ См., кроме указанных, статьи М.М. Крома, Б.М. Маслова, А.В. Каравашкина (*Каравашкин А.В.* Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI—XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62—109) и др.

особенно второй его половиной, и тем паче — с XX веком исследовательская ситуация значительно хуже, тут требуется свой инструментарий, который для России пока не разработан, а ведущиеся дебаты о новейшей истории понятий для русского материала не адаптированы¹³⁰.

Как это сделано у нас

Предлагаемый вниманию публики сборник не вовсе прерывает ряд предыдущих «попыток» и «очерков». Накопленного эмпирического материала еще явно недостаточно для синтетического труда по русской истории понятий, по какому бы принципу он ни был организован. Многие авторы сборника занялись сюжетами истории понятий как раз в поисках новых форматов для своих исследовательских тем или используя накопленный попутно материал. Не следует, соответственно, искать и следования единой методологии. Единство интересов и совместимый растр вопросов — скорее в приоритетном интересе большинства авторов к контексту понятий в социальной и культурной истории.

Но мозаика интересов, повторимся, — скорее норма, чем исключение для истории понятий. С точки же зрения ограниченности представленного материала всерьез полагаем, что нужна, по немецкой пословице, может стать добродетелью. Наряду с «вертикальным» принципом, прослеживающим все протяжение истории понятия, свое право на существование имеет «горизонтальный», охватывающий комплекс понятий, но в течение некоего ограниченного времени. История понятий, во всяком случае в немецком варианте, всегда сознавала, что имеет дело не с дискретными понятиями, а с семантическими полями. И чем далее, тем более расширялись ее исследовательские рамки. Так что «словарный» принцип

¹³⁰ Среди многих исключений: *Зверева Г.И.* Язык политической истории в конце XX века // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 40—52 и др. работы; *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб., 2002 (на разных уровнях прослежена преемственность христианской и советской семантики). См. также: *Keipert H.* Kosmopolitizm: ein brisantes Wort in der russischen Lexikographie des 20. Jahrhunderts // Kantorzcyk U. (Hrsg.) Sprachnormen und Sprachnormwandel in der russischen Sprache des 20. Jahrhunderts. Festschrift zum 65. Geburtstag von O. Müller. Rostock, 1998. S. 167—190; и его же статью о *гласности* (*Thiergen P.* (Hrsg.) Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. S. 1—22).

коллективных трудов изначально представлял собой определенный компромисс, оптимальный только при работе с материалом всего словаря. При очевидно несравнимых с немецкими ресурсах необходимость словарной категоризации русской истории понятий становится тем более сомнительной.

С этой точки зрения сборник представляет собой анализ своего рода семантического мегаполя в оговоренных временных рамках, в котором каждое понятие имеет отсылки к другим, развивается параллельно или антиномично к ним. Многие статьи сборника и без того посвящены сюжетам, затрагивающим несколько терминов, поскольку исходят из интереса к социальным и культурным феноменам, которые понятиями «обслуживаются». Затем, будь это электронная версия, тексты докладов были бы испещрены гиперссылками на соседей, но и работа с бумажным сборником предполагает именно такое перекрестное прочтение. Лакуны и хронологические провалы неизбежны, но некоторые группы понятий — прежде всего относящихся к семантике *общества/цивилизации* и *империи/нации* — описаны в сборнике таким способом достаточно «плотно»¹³¹. Это позволяет и сравнить интерпретацию разными авторами близкого эмпирического материала.

Другой род статей оперирует «микроисторией» понятий (см. статьи Л.В. Ульяновой, А.Ю. Полунова) в рамках отдельных периодов и социальных групп. Но и эти *case studies* не изолированы, а дают материал для широких обобщений.

О ключевых понятиях

Что в них «понято» и в чем заключается их «ключевая» роль?

Любая методология основана на определенных, в данном случае языковых и социально-культурных, реалиях. В применении к новому материалу она неизбежно выявляет дефициты и дает оценки. В то же время мы видим, что следующий виток мысли позволяет разглядеть в таком столкновении нормативной модели и кос-

¹³¹ Аналогичный подход, берущий в качестве оси Петровскую эпоху, демонстрирует: *Живов В.М.* (Ред.) Очерки исторической семантики. Иной, но также продуктивный метод см. в работе: *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить. — со сравнительной семантикой четырех национальных случаев. См. также: *Steinmetz W.* (Hrsg.) «Politik» (со статьями М.М. Крома, представляющей русский случай).

ной чужой материи альтернативы, нюансы и варианты замещения, которые могут пригодиться не только для притирания модели к периферии, но и для уточнения самой этой исходной модели.

Свойство периферии — вообще размывание четких границ. Тем более это касается России, где роль «своего другого» Европы побуждает к критическому взгляду на рамки ключевых понятий и их место в социальной и культурной истории. В так мыслимой «реви-зионистской» версии понятия «схватывают» не модернность или, скажем иначе, не привязаны к модернизационной линейной парадигме. Они не локализованы в области «социального», которая возникает с Новым временем (или так — с новым временем)¹³². Они по большому счету скорее — о культуре европейской индивидуальности в целом, о ее месте в мире и смыслах, возникающих из этого самоопределения¹³³. История этой культуры не исчерпывается веберианской моделью и описывается не через замещение и конфликт — исходный пункт равно и у Козеллека, и у Скиннера — а скорее напряженное сосуществование.

Пафос синтеза вместо замещения проявляется в оценке устойчивости семантики с переходом от Средневековья к Новому времени. Сам механизм синтеза — на лингвистическом уровне прежде всего в вопросе о сосуществовании латыни и новоевропейских понятий или церковно-славянского и «новорусского» — вполне укладывается в тезис о «временных пластах» Козеллека, и предмет дебатов тут составляет скорее оценка процессов, чем их описание. Но, возможно, для описания структуры ключевых понятий следовало бы избрать тогда иные образы, и описывать ее не как «пласты» с жесткой пространственной иерархией верха и низа, а скорее как некую взвесь с перетекающими и сменяющими друг друга элементами¹³⁴.

Для России в этом пафосе синтеза/устойчивости важен еще один баланс — феноменологические разрывы не утверждают наш *Sonderweg*. Перефразируя Екатерину II, можно определенно утверждать, что история русских ключевых понятий есть история европейская. Начальная греческая прививка славянского дичка с пе-

¹³² Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории, 2001. М., 2001. С. 199—215.

¹³³ Ср. Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики. С. 9—12.

¹³⁴ Ср. о «скрытом христианском субстрате» в секулярном понятии «долга» XVIII века (Маслов Б.М. От долгов христианина // Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики. С. 221).

риодически возобновлявшейся «ревакцинацией» дает основу, которая затем приносит в благоприятных условиях новые плоды. При петровском и последующем — внимание: трансфере — не было ничего *принципиально* непереводаемого. Постоянный — эпистемологически, возможно, и оправданный — акцент на *lost in translation* и на самом факте трансляции понятийного языка не должен затмевать этого факта.

Выводы, которые мы можем тут извлечь, хорошо бы сопоставить со сравнением трансляции понятий из Европы в не-Европу, о чем говорилось выше, а равно и с трансляцией понятий внутри Российской империи, прежде всего у мусульманских этносов, о чем пока не говорилось¹³⁵.

Кто и как формулирует ключевые понятия

Источниковая база представленных в сборнике статей наглядно показывает: если Скиннер вообще не анализирует, скажем так, речевые акты власти, а в козеллековском словаре *Основных исторических понятий* это редкие исключения, вроде *Прусского земельного права*, то *Полное собрание законов Российской империи* и прочие узаконения и договоры — настольные книги (лучше файлы) историка понятий России.

Вроде бы как минимум здесь — где уже можно оперировать социально-структурными категориями вне «идейных» соображений вроде «апофатизма» русской культуры — перечисление дефицитов неизбежно и попадает в накатанную колею: отсутствие корпоративных практик, юридической традиции западного образца, представительных механизмов, слабость образовательной системы и тому подобное, — пафос чрезвычайности и дихотомий. Это провоцирует видеть и историю понятий в оптике вызов/ответ: *государство — общество, центр — периферия* (где Россия и европейская *периферия*, и имперский *центр*).

Если абстрагироваться от этих схем социальной истории, очевидным останется, во всяком случае, то, что в истории ключевых понятий в России высока доля интенциональности, авторства.

¹³⁵ С. Серебряный (РГГУ) сравнивает трансляцию понятий *культура и цивилизация* в Россию и в азиатские культуры (<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1419/1453>) (31.07.2011).

Через свои цивилизующие и ранжирующие речевые акты власть выступает в роли первого «ковача слов». Неслучайно рефлексия о ключевых понятиях в России началась вокруг понятия *государства*. В процессе трансформации *государства* в России в *Policeystaat* сверху — нет, не диктуются, но вбрасываются, предлагаются — в административных целях — понятия об общности и правилах общежития.

Так категоризируется пространство социальное и, параллельно складыванию имперского опыта, пространство имперское/этническое.

Неопределенность значений социальных категорий, а часто вариативность трансформации этих значений, характерна и для сферы понятий, описывающих этническую, религиозную и национальную принадлежность. Это, может быть, одна из главных особенностей имперского контекста, в рамках которого реализуются разные проекты самоидентификации групп и идентификация групп извне. Такие понятия, как *поляк*, *еврей*, *русский*, *малоросс*, *немец* (сожалею, что не смогли найти автора для последней статьи), — это не только этнонимы, но также социальные и политические понятия, порой даже правовые категории, и именно в этом качестве они становятся предметом анализа в нашей книге, наряду с *иностранцем*, *нацией*, *расой*.

Жаль и то, что пока нет подробного исследования о понятии *империя* (см. для XVIII века статью Р. Вульпиус в настоящем сборнике)¹³⁶. Впрочем, в самом начале мы уже заметили, что, наряду с другими значениями концепта *Россия*, в определенном смысле вся книга посвящена этому анализу, поскольку рассматривает другие понятия в имперских контекстах.

Область социального, с которой работает история понятий, изначально возникла и развивается параллельно с этническим/национальным¹³⁷. Сравнение механизма преобразования собственных

¹³⁶ Об имперской семантике см.: Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А.И. (Ред.) *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917)*. М., 2010; Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A. (Ed.) *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, 2009; Pitts J. *A Turn to Empire: the Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton (N.J.); Oxford, 2005 — последняя сравнивает с позиций истории идей сдвиг понимания *империи* у либералов Великобритании и Франции в классических рамках переломного времени, конца XVIII — первой половины XIX века. Благодарим за указание на этот труд проф. Доминика Ливена.

¹³⁷ Ср.: Уваров П.Ю. Конфессиональные идентичности и рождение социальных классификаций во Франции конца XVI — начала XVII в. // Дмит-

имен в нарицательные и принципов создания абстрактных *nomina collectiva* в сфере социального (*брат* — *братство* как качество — *братство* как общность, например при церкви, — *братство* как абстрактное понятие)¹³⁸ и собирательных понятий, которые описывают национальность (узнаваемые эмпирически «свои» — конкретный признак, распространяемый на расширяющееся сообщество [«русь»] — *русский* как качество — *русский* как часть общности)¹³⁹, важно и заслуживает, вообще говоря, отдельного анализа.

Анализ сферы имперской/этнической семантики может затем помочь понять, каково в сфере опыта и проектах будущего, охватываемых ключевыми понятиями, соотношение универсального и не универсального, каков может быть предмет «национальной», сравнительной и глобальной истории понятий (см. выше о «сравнительной семантике»).

Однако — вернемся к теме русской специфики — все эти процессы ранжирования и каталогизирования по определению не могут быть монологом. Чтобы стать общим понятием, государево слово вместе с государевым делом должно быть понято и взвешено сообща. Неслучайно попытка ввести практически новый понятийный язык с безоглядными заимствованиями при Петре I провалилась. Екатерина II действовала уже иначе, предлагая новые смыслы, а не слова (см. статью И. Ширле в настоящем сборнике). В первой половине же XIX века в области понятий началась настоящая игра в «царя горы» — за кем останется *последнее слово*? В попытке администрирования языка в николаевское время Сергей Семенович Уваров не просто предлагает новые смыслы, а встраивает их в определенные, уже сложившиеся в общественном лексиконе смысловые ряды, одновременно изолируя тоже уже наличный «нежелательный» подтекст, манипулируя понятиями (см. статьи А.И. Миллера, М.Б. Велижева)¹⁴⁰.

риев М.В. (Ред.) *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время*. М., 2008. С. 87—96.

¹³⁸ Колесов В.В. Древняя Русь. С. 57.

¹³⁹ Этот аспект исторической лингвистики см. в работах А.А. Зализняка. «Нации, конечно, тоже относятся к основным историческим понятиям — причем не только *нация* вообще, но также и некоторые конкретные нации», — подтверждает Н.Е. Копосов (*Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! С. 108).

¹⁴⁰ Этот тезис впервые высказывает А. Зорин (*Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 337—374). Кстати, письмо А.И. Тур-

И имперские понятия обкатываются в практике *imperial rule*, их «выковывание» сопровождается — рано, как в польском случае, или поздно, как в большинстве остальных, — ответным словотворчеством. Диалогичность тут может быть и более сложная — как в Финляндии между шведским, финским и русским языками или, еще сложнее, в Западном крае, где конкурировали четыре-пять языков.

С развитием социальных сетей, появлением новых каналов коммуникации «кузницы» понятий множатся и усложняются. Интенциональность, роль «ковачей слов» остается, но инициатива в формулировании того, что из повседневного опыта относится к области ключевых понятий, переходит от личности, облеченной властью политической, к личности говорящей и прежде всего пишущей. Власть сама теперь вынуждена адаптировать выношенные вне ее категории — прежде всего *нацию* (см. статью А.И. Миллера).

Систематизация отвлеченных понятий, сведение их в «метафизический язык» происходит уже со становлением образованного самосознающего общества. С эпохи «оттепели», очевидно, настает иной период и для русской истории понятий, когда рамки *общественности* вместе с появлением самого термина (см. статьи Д.А. Сдвижкова, О.Ю. Малиновой)¹⁴¹ взрывным образом расширяются, и «выковывание» понятий теперь следует иным лекалам. По мере того как категоризация идет дальше и охватывает в отвлеченных понятиях вслед за сферой власти и общества также сферу личности¹⁴², механизмы ее как раз парадоксальным образом обезличиваются.

Русскую динамику необходимо соотнести с дискуссией о том, что считать критерием «ключевых понятий» — массовость употребления или представительность единичных отрефлектированных языковых актов. Стандартные дефициты, которые выявляют западные модели в России, — «узость слоя», неразвитость «публичной

генева, из которого взят заголовок сборника, начинается пассажем, наглядно иллюстрирующим практику «усечения» смыслов Уварова: в 1816 году «арзамасцы» еще уповали на то, что «История» Карамзина должна послужить «нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции» (см. выше, примеч. 1) — триада как усеченная квадриада.

¹⁴¹ Ср. также новый взгляд на концепт *общественности* в: Gerasimov I. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Rural Professionals and Self-Organization, 1905—30. Basingstoke, 2009.

¹⁴² Прежде всего само понятие *личности* — см.: Haardt A., Plotnikov N. (Hrsg.) Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der 'Person' aus deutscher und russischer Perspektive. Paderborn, 2008.

сферы» (кстати, хороший пример цикличности — в научный язык нет больше хода *общественности* и мы возвращаемся к заимствованиям)¹⁴³ — предполагают, что отрефлектированные тексты остаются или малопубличными, или вообще непубличными в момент своего появления. Сколько человек читают летописи, сколько — новиковские журналы?

Вопрос с источниками продолжает тему размывания методологических границ. Количественный объем русского корпуса текстов, разная степень их сохранности — особенно критичная для допетровской Руси — отсутствие множества практик, требующих вербализации, обосновывают необходимость продуманного использования корреспонденции, эго-документов, рукописной литературы в целом¹⁴⁴.

Но вопрос ведет и дальше: если модерность в сердцевине исторических понятий не очевидна или, во всяком случае, предполагается множественность заложенных в них смыслов, мы должны будем предположить и множественность коммуникативных механизмов для их формулирования — как и где обсуждаются сотериологические смыслы? как функционирует дворянская салонная общественность, построенная на устной конверсации?¹⁴⁵ и так далее. Рациональный, резонирующий механизм «публичной сферы» Юргена Хабермаса; тектоническая, конфликтная схема интеллектуальных публичных процессов у Р. Козеллека и у К. Скиннера; нераціонализуемые метафорические основы понятийного языка Ганса Блюменберга (см. статьи Б.П. Маслова и В. Шперлинга) — в каждом случае предполагается новое очерчивание поля исследования.

Что еще можно сделать?

Не так давно польский коллега в разговоре с одним из авторов сборника выражался об истории понятий как о «работе для зада». Действительно, фразы типа «выборочный фронтальный просмотр

¹⁴³ См.: Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX в.) // Неприкосновенный Запас. 2007. № 5 (55). С. 197—219 (<http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16.html>) (31.07.2011).

¹⁴⁴ См.: Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

¹⁴⁵ По-прежнему актуально: Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. 2-е изд. М., 2000.

журнала за такие-то годы показал...» могли наводить некоторое уныние. Но быстрое расширение объема текстов, доступных для машинной обработки, во многом эти подозрения снимает. Авторы сборника в разной степени тоже используют новые возможности, и нетрудно предугадать, что инструментарий корпусной лингвистики или, скорее, упрощенные элементы его в той или иной форме будут адаптированы историей понятий.

Темпоральность как ключевая сущностная характеристика истории понятий доступна для анализа с разных точек зрения. Очевидны возможные параллели и точки пересечения практикующейся в том числе в России клиометрии и методов лексикометрии. Попытки каждой такой структурализации интеллектуального процесса несут с собой известные противоречия и предсказуемые упрощения, требуют противовесов, но в то же время они придают новый оборот дискуссиям о критериях «ключевой» роли и различении понятий и слов.

Расширение исследовательского поля в истории понятий, очевидно, повлечет за собой новые постановки проблемы и в российском варианте. Вызревшее сознание того, что понятие не имеет одного измерения, что оно не только формулируется, но запечатлевается, особенно актуально в случае с Россией, поскольку визуальная сторона может восполнять «невербализованность», количественный и качественный дефицит русских текстов. Так, понятие *государства* трудно анализировать без учета богатой литературы по образам власти, и для петровского *государства* Санкт-Петербург был и до сих пор остается живой метафорой, пусть и с напластовавшимися, как в *Zeitschichten* Козеллека, позднейшими культурными слоями. Такие же соображения могут вызывать этнонимы — с визуализацией наций; или понятие *общества* — от его семантики неотделима, например, семантика усадьбы. Частный пример: если Белинский, несомненно, один из главных русских «ковачей слов», то паровоз столь же несомненно вплетен в его понятие *прогресса* или *развития*. Вспомним, как он сравнивает Печорина с «пароходом», кашляя, ходит смотреть на постройку Николаевского вокзала, и вспомним, что в *Дневнике писателя* Достоевский характеризует его как «самого торопившегося человека в России». Так множатся «горизонты ожидания», «и тянутся, двоятся, троются неслетные огненные извилины по темному полю прошлого»...¹⁴⁶.

I

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

¹⁴⁶ Набоков В.В. Соглядатай // Он же. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 57.

Михаил Александрович Киселев

Правда и закон во второй половине
XVII — первой четверти XVIII века:
От монарха-судьи
к монарху-законодателю

XVI — первая половина XVII века:
царь судит по *правде*

Одним из ключевых понятий для политико-правовой мысли Московского государства XVI — первой половины XVII века было понятие *правды* — справедливости, некоего должного идеального порядка отношений между людьми, который был предписан Богом¹. Предполагалось, что именно в соответствии с *правдой* должно было осуществляться управление государством. На уровне официальной идеологии подобные представления были закреплены в чине венчания монарха. В первом таком действе — «поставлении на великое княжество» в 1498 году — митрополит поучал будущего великого князя Дмитрия Ивановича следующими словами: «Имей страх Божий в сердцах [...] люби правду и милость, суд прав». Эти же слова повторил Дмитрию его дед, Иван III Васильевич². Похожее поучение содержалось во всех чинах венчания русских царей XVI—XVII веков и по традиции перешло в XVIII век³.

Учение об управлении на основе *правды* опиралось прежде всего на тексты православной традиции. Во-первых, это были собственно цитаты из Библии. Во-вторых, это были слова Отцов церкви. Довольно полно подобные тексты были представлены еще в сборнике XIV века *Мерило праведное*⁴. Не утратили они актуальности и к середине XVII века. В частности, в 1642 году новый избранный Патриарх Московский и всея Руси Иосиф обратился с печат-

¹ Ср.: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004. С. 311—316.

² Летопись занятий археографической комиссии. 1864 год. Вып. 3. СПб., 1865. С. 15—16.

³ См., например: Барсов Е.В. Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с их греческими оригиналами. М., 1883.

⁴ См.: Мерило праведное. М., 1961.

ным поучением к своей пастве. Ко второй части этого поучения, обращенного к «христолюбивым князем и судиями всем православным христианом», были добавлены в качестве приложения подобные тексты, в том числе *Слово Сиракхово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят, Слово о судиях и о властях, емлющих мзду и неправду судящих, Слово святого Василия о судиях и о властях*⁵. При обращении к такому понятию, как *правда*, управление соотносилось прежде всего с функцией монарха как судьи. Правитель представлял в образе праведного судьи, который судит в соответствии с правдой. Важно отметить, что правитель не выступал в качестве создателя правды. Подобное отношение было вполне понятно в рамках религиозного подхода: правду создавал Бог, правитель мог лишь только вершить суд в соответствии с ней.

Отметим, что представление о том, что суд по *справедливости* (лат. *justitia*) являлся одной из основных функций монарха, было распространено в средневековой Европе. При этом оправдание такой функции также могло опираться на соответствующие цитаты из Библии⁶. Таким образом, московские представления о правлении на основании *правды* не были чем-то полностью отличным от восприятия власти в средневековой Европе. Однако Библия, а также творения восточных Отцов церкви давали по преимуществу материал для описания функций монарха как судьи. Представления же о монархе как *законодатель* и правлении на основании *законов* можно было почерпнуть из античного наследия — как из текстов философов (Аристотеля, Платона, Цицерона и других), так и из римского права. Например, в Византии *закон* (лат. *lex*, греч. *νόμος*) был важным инструментом императорской власти по защите *справедливости* (лат. *justitia*, греч. *δικαιοσύνη*)⁷. Сходные представления были распространены и в средневековой Европе. Например, Генрих Брактон в XIII веке писал, что для монарха, который правит должным образом (*recte*), «необходимы две вещи, а именно оружие и законы (*leges*)». При этом он отмечал, что «силу закона

⁵ Макарий (Булгаков), митроп. История русской церкви. Т. 11: Патриаршество в России, кн. 2. СПб., 1882. С. 101–103; ОР РГБ. Ф. 256. Д. 367. Л. 477–480 и сл.

⁶ См., например: Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Хачатурян Н.А. (Отв. ред.) Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. Ср.: Ланно И.И. Земский суд в Великом Княжестве Литовском в конце XVI века // ЖМНП. Ч. 309. 1897. Июнь. С. 263.

⁷ См.: Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

(*legis*) имеет то, что по справедливости (*iuste*) постановлено и одобрено высшей властью короля или князя (*auctoritate regis sive principis*), по совету и с согласия магнатов (*magnatum*) и с общего одобрения государства (*rei publicae*)»⁸.

В московской политической мысли XVI — первой половины XVII века практически отсутствовали представления о монархе как о творце *законов* — *законодатель*. Равным образом, практически отсутствовали представления о таком инструменте правления, а также ограничителе произвола, как *закон*. В частности, в *Степенной книге* был упомянут «праведный суд», который осуществил Иван III в Новгороде, но при этом не было написано о принятии *Судебника* в 1497 году⁹. Понятие *законодатель* («законодавец») по преимуществу относилось к Моисею и Христу, шире — к Богу. Соответственно понятие *беззаконие* относилось к нарушению божественных заповедей — божественных *законов*, а не постановлений монарха. В немалой степени это было связано с тем, что в Московском государстве в XVI — первой половине XVII века границы образованности были связаны прежде всего с текстами православной религиозно-нравственной традиции. Из этих текстов для оценки политики и права черпалась соответствующая терминология. Например, в *Измарагде* начала XVII века, в *Слове святых отец о правде и неправде*, можно было прочесть, что «убо первые правда Богом сотворена в человецех, потом же от неприязненна действия неправда воста», в связи с чем делалось поучение: «О неммысленне род человек, почто неправды доля погубяется сами, а правду оставили есте ея же бы спастися? Возлюбили есте злобу, пьянство, лжу, татбу, гордость, скупость и прочая неправды, а не уповаете правдою спастися»¹⁰. Сходным образом могла быть дана оценка Смуте начала XVII века: «Яко погибоша благоговейнии от земли, яко правда в человецех оскуде, и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и насытное мздоимание, и братоненавидение умножися»¹¹.

⁸ Брактон Г. Трактат «О законах и обычаях Англии» // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 143.

⁹ Покровский Н.Н., Ленхофф Г.Д. (Отв. ред.) Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. М., 2008. Т. 2. С. 236.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 304.1. Д. 202. Л. 227 об., 228 об.

¹¹ Плач о пленении и разорении Московского государства // Русская историческая библиотека. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Стб. 223.

Конечно, среди московских авторов можно было найти таких, которые выходили при описании управления государством за рассуждения о божественной *правде* и активно использовали понятие *закон*, при этом не только в смысле божественного, но и в смысле светского. Одним из таких немногих авторов был Федор Иванович Карпов, который в *Послании к митрополиту Даниилу*, написанном в 20—30-е годы XVI века, рассуждал, что необходимо для «дела народного, или царства, или владычества» — «правда» или «терпение». Если «терпение», то тогда «вотще сложены суть законы» и не нужны судьи, «иже коемуждо правду учинят, зане трпение вся исполнит». Терпение без «правды и закона [...] общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы въ царствех вводить и творит людей государем непослушных за нищету». В связи с этим Карпов делал отсылку к следующему мнению: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не терпением»¹². Такая отсылка многое объясняет. Карпов, служивший на дипломатическом поприще, был начитанным человеком, и его образовательный «багаж» выходил за рамки текстов религиозно-нравственного содержания. Обращение к иной идейной традиции — в лице *Никомаховой этики* и *Политики* Аристотеля¹³ — позволяло ему актуализировать в своем политико-правовом лексиконе такое понятие, как *закон*.

В связи с этим показательна специфика обращения русских авторов XVI—XVII вв. к *Поучению* византийского автора VI века диакона Агапита¹⁴. *Поучение* содержало ряд наставлений об управлении монархом подданными на основании законов, как божественных, так и светских, создаваемых самим монархом. Так, в русском переводе в главе 27 указывалось: «Себе юже хранити законы наложи нужу, аки не имея на земли могуща ти понужати. Сице бо и юже к законам покажеша честь, сам преже иных сих стыдяся, и подручником вится, еже законов преступати не бедно»¹⁵, —

¹² См.: Сочинения Федора Ивановича Карпова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI века. М., 2006.

¹³ См. подробнее: *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 207—217.

¹⁴ См. подробнее о *Поучении*: *Буланин Д.М.* «Поучение» Агапита // *Лихачев Д.С.* (Отв. ред.) Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI век). Ч. 2. Л—Я. Л., 1989. С. 300—303.

¹⁵ «Поучение благаго царства» Агапита // *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 289.

а также в главе 49: «Яже подвластным законопогаеши словесы, сиа предварив показал еси дела, яко да словесем — ими же уве-шаеши и благоспешествует жизнь»¹⁶. Однако в т.н. *Тулуповской* редакции *Жития митрополита Филиппа* (конец XVI века), для создания которой активно привлекалось *Поучение* Агапита¹⁷, *закон* был связан с *законом* божественным, а не с установлениями светской власти: «Яко по подобию небесныя власти дан ти есть скипетр земныя силы — да человеки научиши правду хранити, и еже на ня отженеши бесовское лаяние, еже от него [от Бога. — М.К.] данный царствуем законом, и сущим под тобою царствуй законно»¹⁸. Главы 27 и 49 не нашли отражения в *Житии*. Также показательно, что две данные главы не были включены в сокращенный перевод *Поучения*, который «заключает в себе 26 глав, т.е. около 1/3 подлинника»¹⁹.

В связи с этим уместно будет привести мнение Пола Бушковица: «Хотя культура двора и русская культура в целом носила, в сущности, религиозный характер, это не означало, что царь и элита не имели никаких политических идей. Просто они выражали эти идеи в религиозных и нравственных категориях, не включавших в себя такие понятия, как суверенитет, естественное право и общественный договор»²⁰. От себя добавим, что до определенного времени не включался и *закон* в его светском понимании.

Вполне в духе такой религиозной традиции в 1653 году царь Алексей Михайлович в письме восклицал: «Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во истине и правде, и за нее пострадати, и людия Божия рассуждати в правде». В связи с этим монарх просил у Бога и святых даровать «нам, великому государю, и вам, бояром, с нами единомушно люди Его световы рассудити в правду, всем равно». Алексей Михайлович писал, что «о всех христианских душах поболание мы имеем, и в вере крепким бы и в правде и во истине якоже столпом стояти твердо»²¹.

¹⁶ Там же. С. 292.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ «Тулуповская» редакция // Там же. С. 186.

¹⁹ *Вальденберг В.Е.* Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // *Успенский Ф.И.* (Ред.) Византийский временник. Т. XXIV (1923—1926). Л., 1926. С. 29.

²⁰ *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 28.

²¹ *Царь Алексей Михайлович.* Сочинения // Москва и Европа. М., 2000. С. 506.

При этом укажем, что к *правде* обращались и оппоненты царской власти. В 1648 году представители московского «мира» обратились к Алексею Михайловичу с челобитной, в которой они просили царя о восстановлении суда по *правде*: «А судей бы неправедных потребил, а недоуметелных отставить, а выбрал судью праведного». Челобитчики напомнили монарху строки из 71 псалма: «Боже, суд твой царева даждь, и правду твою сыну цареви, да судет всем людем и нищим твоим в правду», а также сослались на «прытчу», которая была «при благочестивым царе Иустинияне, как одним праведным судею гнев божий укротился, и неправда и обида престало», в связи с чем они делали следующий вывод: «И тебе, праведному государю, мочно також учинити: потреби [судей] неправедных и недоуметелных отставит»²². Также в 1651 году арестованные челобитчики томского «мира» писали: «Мы стоим в правде за весь град, хоть велит государь и перевешать, в правде бы умереть»²³. На божественную *правду* ссылались противники церковной реформы, так называемые старообрядцы. Протопоп Аввакум обращался к царю со следующим вопросом: «Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клубуце, и, ведая, почто истину в неправде содержиши?»²⁴ В *Книге бесед* Аввакум утверждал: «Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имяние святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришину Филипп»²⁵.

Вторая половина XVII — начало XVIII века: царь судит по *правде*. Царь создает законы?

В течение XVII века происходили существенные сдвиги в области образования, в котором усиливались светские тенден-

²² Челобитная «мира» московского царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г. // *Андреев И.Л.* (Сост.) *Общественная мысль России в XVI—XVII вв.* В 2 т. Т. 2: Московское царство. М., 2010. С. 338—340.

²³ Цит. по: *Покровский Н.Н.* *Российская власть и общество: XVII—XVIII вв.* Новосибирск, 2005. С. 298.

²⁴ *Аввакум. XX.* Челобитная (пятая) царю Алексею Михайловичу // *Русская историческая библиотека.* Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 761.

²⁵ *Аввакум.* *Книга бесед* // *Русская историческая библиотека.* Т. 39. Стб. 285.

ции²⁶. В Россию более активно проникают и актуализируются тексты античной и византийской традиций, европейского Средневековья и раннего Нового времени. Прежде всего, это было связано с деятельностью выходцев из так называемых западнорусских земель (белорусских и украинских)²⁷, а также представителей греческого духовенства²⁸, которые стали своеобразными посредниками между русской культурой и указанными традициями. Дополнительным каналом влияния были возрастающие контакты с выходцами из Западной Европы. Некоторые из представителей правящей и интеллектуальной элиты России второй половины XVII века, овладевшие иностранными языками, могли уже непосредственно обращаться к соответствующим текстам. Посредством указанных возможностей представители московской элиты знакомились с новыми представлениями и понятиями о власти, а также производили переоценку уже известных им понятий, в которых актуализировались новые смыслы. Одним из таких понятий стал *закон*.

В 1650 году по благословлению патриарха Иосифа была напечатана *Кормчая книга*, сборник церковных и светских законов, касавшихся управления церкви и церковного суда. В качестве основы предисловия к данному изданию был использован текст, написанный иереем Василием в городе Люблине в 1604 году²⁹. В предисловии можно было прочитать, что «ни что же бо тако житие наше устроит, яко же по естеству равенство нам между себе содержать», что было «узаконено» Христом, который «среднее некако положив естественно законение: елика убо, глаголя хотите, да творят вам человеци, и вы творите им такожде»³⁰. Также отмечалось, если бывает «правде» «не суще», то «смятение не мало в вещех градских

²⁶ См., например: *Луппов С.П.* *Книга в России в XVII веке.* Л., 1970; *Румянцев В.С.* *Тенденции развития общественного сознания и просвещения в России XVII века* // *Вопросы истории.* 1988. № 2.

²⁷ См., например: *Лаппо-Данилевский А.С.* *История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв.* М., 1990; *Опарина Т.А.* *Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии.* Новосибирск, 1998.

²⁸ См., например: *Фонкич Б.Л.* *Греко-славянские школы в Москве в XVII веке.* М., 2009.

²⁹ См.: *Востоков А.Х.* *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума.* СПб., 1842. С. 316—317; *Белякова Е.В.* *Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации* // *Российская история.* 2011. № 4. С. 106, 108.

³⁰ *Кормчая книга.* М., 1650. Л. 1 об.

же и началствуемых бывает», для чего «изобретены суть суды, закони, казни, отмщения, и истязания различна»³¹. С одной стороны, здесь присутствовал образ Христа как законодателя, точнее, как создателя «естественного законения», с другой — отмечалось, что против «неправды» кроме «судов» светской властью создаются и «законы».

В 1652 году, уже при патриархе Никоне, при печатании новой *Кормчей* данное предисловие было убрано. Тем не менее само ее содержание давало определенный материал для размышления о функции монарха. В *Кормчей* были напечатаны переводы «градских», то есть светских, «законов», включавшие, помимо прочего, преамбулы к законодательным актам византийских императоров, в которых «цари» представляли в образе создателей «законов»³². Кроме того, составители *Кормчей* в послесловии дали довольно выразительную характеристику Алексею Михайловичу: за издание данной книги царь был уподоблен «второму Моисею»³³. Таким образом, примеры «благоверных греческих царей», равно как и сравнение Алексея Михайловича с Моисеем, создавали образ царя, который имеет возможность не просто судить по *правде*, но и создавать *законы* для защиты этой *правды*.

Сами российские монархи могли познакомиться с представлениями о правлении с помощью *законов* уже во время своего обучения, еще до занятия престола. В библиотеке царевича Алексея Михайловича находилась книга *Главизны наказательные о нравоучительстве царя Василья Греческаго*, подаренная патриархом Иосифом³⁴. Данная книга, представлявшая собой наставление монарха своему наследнику, издавалась на Украине в 1607 и 1638 годах. Под названием *Тестамент* она была напечатана в Москве в 1661—1663 годах, а в 1680 году была переиздана Симеоном Полоцким, учителем и наставником царя Федора Алексеевича³⁵. В *Тестаменте*, помимо прочего, содержались рекомендации монарху как *законодателю*: царю полагалось следовать «добре положенным за-

³¹ Кормчая книга. М., 1650. Л. 2.

³² См., например: Кормчая книга. М., 1652. Л. 494—496 об.

³³ Там же. Л. 642 об.—643.

³⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Ч. 2. С. 592.

³⁵ Сетин Ф.И. «Тестамент» в издании Симеона Полоцкого // Робинсон А.Н. (Ред.) Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 106.

коном» своих предшественников, чтобы другие следовали его собственным «законам»³⁶. *Тестамент* находился и в библиотеке Федора Алексеевича и вместе с другими книгами после смерти царя был взят «в хоромы» царевны Софьи³⁷.

Дополнение образа монарха-судьи чертами монарха-законодателя получило некоторое отражение непосредственно в законодательстве. 30 апреля 1654 года была опубликована уставная грамота, посвященная пресечению злоупотреблений, связанных с отдачей на откуп мыта, мостовщины и некоторых других сборов. Отметим, что после *Соборного уложения* 1649 года эта грамота была вторым и последним за XVII век печатным изданием законодательного акта, то есть это было не случайное узаконение, но акт, которому придавалось большое публичное значение.

В мотивировочной части заявлялось, что создание данного акта стало результатом следования, точнее — «подражания», «божественным повелениям» по борьбе со «злодейством», которое вошло «во обычаи человеческие» в виде отдачи на откуп некоторых сборов. Данная уставная грамота должна была исправить положение. В ее заключительной части нарушителю «царского повеления» обещалась «казнь», а монархам, «на земли царствующим *по правде* (курсив наш. — М.К.), за всякое доброе дело хвала, а на небеси воздаяния многая». При этом провозглашалось, что для «вечного утверждения» одна такая грамота «за нашу царскою рукою и златою печатью» помещается в Успенский собор. Согласно грамоте, это делалось с целью того, чтобы «сама небесная Царица Богородица» и «российстии чудотворцы» помогали «хранящим» это «*государское законоположение* (курсив наш. — М.К.)» и наказывали нарушающих его. Другой экземпляр уставной грамоты был помещен в царскую «казну», также за царской подписью и печатью. Делалось это для того, чтобы «сие наше царское богоугодное *законоположение* (курсив наш. — М.К.)» было «твердо и непоколебимо во веки»³⁸.

В данной грамоте российский монарх выступил в роли *законодателя*, который использовал «законоположение» как инструмент для должного управления государством, для управления «по прав-

³⁶ Тестамент, или завет, Василия ц[а]ря греческаго, к с[ы]ну его Л[ь]ву Философу. М., 1680. Л. 39 об.—40.

³⁷ Забелин И.Е. Домашний быт. Ч. 2. С. 607.

³⁸ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3. С. 517—520.

де». Царский закон был наделен такой важной характеристикой, как «твердость» и «непоколебимость». В рамках московского политического дискурса, где монарх только судил по *правде*, такие претензии царского закона, стоит полагать, вызывали неоднозначные реакции и могли рассматриваться как претензия на уравнивание власти царя и власти Бога. Вполне возможно, по этой причине в законодательстве второй половины XVII века больше не создавалось актов, похожих на данную уставную грамоту, не говоря уже о напечатании. Тем не менее заключительная часть данной грамоты смогла произвести такое впечатление, что в 1701 году, при подготовке нового *Уложения*, которое должно было заменить *Соборное уложение* 1649 года, она с минимальными изменениями вошла в проект его мотивировочной части. При этом составители нового *Уложения* опускали слова с похвалой о правлении «по правде», но полностью использовали формулировку о «вечном утверждении» «государского законоположения», для чего также полагалось одну копию *Уложения* с царской печатью поместить в Успенский собор, другую — в царскую казну, а новое *Уложение* — напечатать³⁹.

Свою роль в распространении образа монарха-законодавца сыграл конфликт между Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, имевший место в 60-е годы XVII века. Из-за конфликта, зашедшего в тупик, возникла потребность в официальной оценке власти царя с точки зрения православного вероучения. При этом специфика ситуации была такова, что потребовалось обращение к вселенским патриархам, к которым были отправлены соответствующие вопросы. В своем ответе они написали, опираясь на римско-византийскую традицию, что «царь есть законное (ἐνομος) начальство». При этом была воспроизведена известная формула, восходящая к высказыванию Ульпиана: «Царю угодное, закон и устав есть»⁴⁰.

К 70—80-м годам XVII века в правящей и интеллектуальной элите постепенно распространяются представления о том, что монарх управляет государством с помощью *закона*. Об этом можно привести несколько фактов. Артамон Сергеевич Матвеев после опалы и ссылки в Пустоозерск во второй челобитной, направленной царю в 1679 году, отрицал свою вину и просил, чтобы его дело

³⁹ Материалы для сводного Уложения 1701 г. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. М., 1863. С. 50—51.

⁴⁰ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1826. Ч. 4. С. 86, 91. Ulpian: Quod principi placuit, legis habet vigorem (Dig. I.4.1).

было рассмотрено судом. В случае, если о нем «нечто лукаво [...] изыщут, в ваших государственных великих делах судом правым, законами божиими и вашими государскими», Матвеев просил не проявлять к нему «милости»⁴¹. Кроме того, среди причиненных ему обид Матвеев указывал на «отнятие превеликое милости», которая была ему дана Алексеем Михайловичем, на «честь мою боярство», а также на «отнятие» «законов и правды»⁴². Помимо восстановления справедливости, Матвеев требовал у Федора Алексеевича суда по «государским законам». Монарх в своих решениях должен был следовать не только некоей *правде*, но и писаным *законам*, которые мыслились как важный инструмент управления. Помимо *праведности* управление должно было соответствовать и *законности*.

При дворе Федора Алексеевича также представляли себе важность *законов* в управлении государством и, соответственно, функции монарха как *законодателя*. В *Проекте устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей*, составленном в 1681—1682 годах⁴³, был предусмотрен чин печатника, который «всегда нашего Царского Величества имеет на вые своей печать, и дозируя печатает наши Государские грамоты, чтоб в них не было ничего противно нашим Царским законам»⁴⁴.

В период регентства царевны Софьи ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев в своем сочинении *Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92*, давая оценку правлению Федора Алексеевича, указывал, что царь хотел, «дабы всюду в его государстве всякая правда была»⁴⁵. При этом сам Медведев в другом месте вел рассуждения о «лакедемонском законодавце» Ликурге и его «законах»⁴⁶. Уже после падения Софьи инок Евфимий Чудновский сообщал,

⁴¹ История о невинном заточении ближнего боярина, Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776. С. 117.

⁴² Там же. С. 119.

⁴³ См. подробнее о проекте: *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества в начальный период становления абсолютизма в России (1645—1682 гг.). М., 2001. С. 336—358.

⁴⁴ Проект о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче. М., 1850. С. 11.

⁴⁵ *Медведев С.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве // *Богданов А.П.* (Сост.) Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 72.

⁴⁶ Там же. С. 70.

что С. Медведев был «пытан огнем и иными истязанми по градским судом и законом»⁴⁷.

При этом отметим, что традиционные представления о монархе, который судит по *правде* и при этом не выступает в роли активного *законодателя*, продолжали использоваться в 80—90-е годы XVII века некоторыми придворными панегиристами. В частности, Карион Истомина в 1682 году от имени Бога обращался к Петру I со следующими словами:

Аз поставих тебе царя.
Всего царства господаря.
Да владеешь людьми право,
Суд судиши меж их здраво⁴⁸.

Не обошел Истомин вниманием символ могущества Российского царства — Орла, которого «...от востока Господь посылает / Да правда и суд всюду пребывает»⁴⁹.

К 90-м годам XVII века относится случай использования понятия *закон* при оценке власти монарха человеком, не связанным с царским двором, — старцем Авраамием. Вокруг монаха Андреевского монастыря Авраамия к 1696 году сложился кружок, в котором обсуждались вопросы, связанные с положением страны⁵⁰. Авраамий подготовил для Петра I *Тетради*, которые подал в конце 1696 года. В предисловии Авраамий рассмотрел вопрос о судьбе монархов в зависимости от того, как они управляли государством. Он отметил, что Бог после Авраама «по прешествии многих лет и естественных законов даде им царя из братии их и повеле ему владети странами язык и начальствовати над братиею своею». Те «царие и князи», которые «законно подданным своим творили суд и во всем правду [...] того ради спаслися». Те же, кто «начальствовал беззаконно и нечестиво обезстрашася, и того ради мнози и погибоша». Исходя из этого, Авраамий делал общий вывод: «Також и до ныне царствуют и владеют ови разумно и по законом Божиим и

⁴⁷ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 77.

⁴⁸ Истомин К. Книга, желательна приветства мудрости // Богданов А. П. (Сост.) Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 65.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ См. подробнее: Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1951. С. 20—36.

по преданию святых отец и прежде бывших царей творят суд и во всем правду, и того ради спасаются, а инии царствуют, забыв страх Божий и смертный час и всех праведного судии и царей нестыдяшагося, и того ради и погибают»⁵¹. Итак, требование правления по *правде*—справедливости было дополнено требованием *законности*. При этом важно указать на существовавшее тогда историческое представление о переходе от жизни по «естественным законам» к власти «царей», создающих «законы». Божественные установления, таким образом, дополнялись установлениями светской власти. В связи с этим Петру I был подан совет об использовании законодательных функций монарха: «Самодержцем дому своему, что разходится в год, число положить и во всем крепится и воздержание иметь, чтоб, положи закон или правило о чем, самому разорителем не быть»⁵². К слову «закон» дополнительно дано пояснение — «или правило». Похожее пояснение в 1702 году в доношении Петру I сделал Яков Вилимович Брюс, когда написал, что отправил «краткое описание законов [или правил]»⁵³. Посредством такого пояснения церковнославянизм *закон* дополнительно адаптировался в светском политическом лексиконе.

Сам Петр I не спешил закрепить за собой в официальной идеологии функции *законодателя*. В 1689 году, при отстранении царевны Софьи от власти, в письме от имени Петра («нарышкинском манифесте» по определению Эрнеста Зицера)⁵⁴ было только предложено «братцу государю» Ивану «учинить по приказам правдивых судей»⁵⁵. Подобная пассивность Петра-*законодателя* нашла отражение в панегириках начала XVIII века. В описании триумфальной арки в Москве в 1703 году присутствовал традиционный образ «Правды», изображенной в виде «девы с завязанными очесы, весы и меч держащая», но без упоминания «законов»⁵⁶. При описании

⁵¹ «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. М.; Л. 1951. Т. 6. С. 144—145.

⁵² Там же. С. 154.

⁵³ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 29.

⁵⁴ Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 32—37.

⁵⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688—1701). СПб., 1887. С. 14.

⁵⁶ Торжественные врата, вводящая в храм безсмертных славы // Гребенюк В. П. (Сост.) Панегирическая литература петровского времени / Под ред. О. А. Державиной. М., 1979. С. 136.

новых «торжественных врат», построенных в Москве в 1704 году, Иосиф Туробойский, префект Славяно-греко-латинской академии, выпускник Киевской академии, использовал понятие *закон*. Описывая образ «Властолюбия Неправедного», от которого должен был защищать Петр I, он указывал, что оно «сидит же посреди льва и грифа, лютых зверей, под ногами имея узду и весы — орудия Правды, и свиток с печатми — знамение попраiania правды и закона божия и гражданского»⁵⁷. «Закон» был изображен как важный атрибут должного, правильного отправления власти наравне с соблюдением «правды». Однако использование *закона* самим Петром I не нашло какого-либо отображения. Такое положение получило у И. Туробойского определенную расшифровку уже при описании полтавского триумфального торжества. Им было дано следующее истолкование девиза «СЛОВЕСА ПОДВИЗАЮТ, ОБРАСЦЫ ЖЕ ПРИТЯГАЮТ»:

Зане Его Царское Пресветлое Величество не указы и советы своими [якоже Геркулес галлийский краснословием и законами своими Галлию исправи, якоже и прочии монархи обыкоша;] но образцем сам высокою особою своею на труды сия о отечестве своем всегда предходит⁵⁸.

Таким образом, Туробойским давалось благовидное объяснение отсутствию к 1709 году у Петра I значительных результатов на ниве создания законов.

В этом отношении более просто и льстиво поступил Феофан Прокопович. В речи, произнесенной 27 июня 1709 года в присутствии Петра, он восклицал:

Вся твоя и дела и деяния, пресветлейший монархо, дивния во истину суть. Дивне презираеш и светлость и велелепие царское, дивне толикие подъемлещи труды, дивне и различные себе повергаеши беды и дивне от них смотрением Божиим спасаешися, дивне и гражданския, и воинския законы, и суды уставил еси, дивне весь российский род тако во всем изрядно обновил еси⁵⁹.

⁵⁷ Турбойский И. Преславное торжество свободителя Ливонии // Гребенюк В.П. (Сост.) Панегирическая литература. С. 157.

⁵⁸ Политиколепная apotheosis. М., 1709. С. 79.

⁵⁹ Прокопович Ф. Панегирикос // Гребенюк В.П. (Сост.) Панегирическая литература. С. 198.

Петр был удостоен лавров *законодателя*, не приложив больших усилий.

Начало XVIII века: царь создает *законы* для защиты *правды*

После 1712 года Петр начал все более активно обращаться к своей функции *законодателя*, а также укреплять управление по *законам*. 26 октября 1713 года Петр собственноручно дополнил указ «о преслушниках указам и положенным законом»⁶⁰. Одним из следующих шагов по борьбе за *законность* управления стало решение печатать законодательные акты. 16 марта 1714 года состоялся именной указ, по которому было предписано следующее: «Которые Его Царского Величества Именные указы, также Сенатские приговоры состоятся о всяких Государственных генеральных (то есть общих. — М.К.) делах, а надлежат ко всенародному объявлению», следовало «в Типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы»⁶¹. С начала большой реформы государственного управления, подготовка к которой началась в 1715 году, Петр I все активнее и чаще выступал как *законодатель*, от чьего имени издавались указы, регламенты, инструкции и указы, к созданию которых он прилагал значительные усилия⁶². В 1722 году, суммируя свой опыт государственного управления, Петр заявлял, что «ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских», ибо создание «законов» бесполезно, «когда их не хранить, или ими играют, как в карты». Так как, по мнению Петра, еще некоторые «зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды», он своим именовым указом от 17 апреля 1722 года «запечатывал» все «уставы и регламенты». Этот указ надлежало держать во всех «судных местах» как «зеркало, пред очми судящих»⁶³. Укажем при этом на использование как синонима слова *закон* полонизма *правы* (от польск. *prawa* — «законы»), что свидетельствовало о польском и западноевропейском влиянии.

⁶⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 2 (14 июня — декабрь 1713 г.). М., 2003. С. 137.

⁶¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 2.785. С. 88—89.

⁶² См.: Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель // ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 14.

⁶³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты. С. 107.

Уже в феврале 1723 года Петр решил, что этот «стоячий указ» следует дополнить еще двумя «досками». На одной следовало привести цитаты из священных текстов о том, что «суд божию есть: проклят всяк, творяй дело божие с небрежением». На другой следовало написать, «чтоб помнили уставы государственные и важность их»⁶⁴. Петр понимал важность *законов* для управления, в связи с чем был готов как создавать их, так и наблюдать за их соблюдением.

Законотворческая активность Петра I получила оценку почти мгновенно после его смерти. 8 марта 1725 года Феофан Прокопович, оплакивая Петра, восклицал: «Се Моисей твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерушимая оковы злодеяния!»⁶⁵ Во время траурных мероприятий у трона почившего императора были установлены четыре «пирамиды», одна из которых символизировала «исправление гражданства», то есть светских дел, которое заключалось, помимо прочего, в его «уставах правительских» и «законах судебных»⁶⁶. В 1726 году Гавриил Бужинский, которому Петр I поручил перевести сочинение Самуэля фон Пуфендорфа *О должности человека и гражданина*, писал, что императору в своих преобразованиях надо было

...вникнути и в законы, то есть положительные уставы, и оныя и справити: перве сочинил устав, морского правления, также воинских судов и устройства. Гражданския же законы, понеже елико многия, толикой с премногим трудом сочиняемыя, избрав благоразумных мужей, повелел исправляти: сам над всеми надзирая, исправляя, и к сочинению полезнейшыя подая способы⁶⁷.

При этом Бужинский, обращаясь к Екатерине I, высказывал уверенность, что данный перевод поможет «законохранителям и судиям поставленным, правду хранящим и творящим»⁶⁸.

Ко времени смерти Петра I понятие *закон* превратилось в один из неотъемлемых атрибутов власти монарха. Конечно, монарх не отказывался защищать *правду*. Однако он это делал уже скорее не

⁶⁴ Воскресенский Н.А. Законодательные акты. С. 124.

⁶⁵ Прокопович Ф. Слово на погребение Петра // Гребенюк В.П. (Сост.) Панегирическая литература. С. 280.

⁶⁶ Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831. С. 54.

⁶⁷ Бужинский Г. [Предисловие] // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 6.

⁶⁸ Там же. С. 12.

как судья, но как *законодатель*, с помощью *закона*. Таким образом, для монарха одной из основных функций становилось создание законов, а для государственного аппарата — исполнение этих *законов*. В итоге произошел своеобразный переход от образа консервативно ориентированного монарха, вершащего суд по *правде*, к образу активно действующего монарха, который своими законами совершенствует общество. Моисей-*законодавец* ушел в тень, его место занял монарх-*законодатель*. Такой переход, в свою очередь, ставил перед правящей и интеллектуальной элитой ряд новых проблем, в том числе и вопрос о том, как правильно организовать законосовещательный орган при монархе — *Совет* — и упрочить *законность* в монархии⁶⁹.

⁶⁹ См., например: Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50—60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2010. Вып. 33.

Елена Нигметовна Марасинова

Закон в России второй половины XVIII века*

Закон Божий и закон государственный

Понятие *закон* в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. Утро каждого дня человек обязан был начинать с молитвы и следовать Закону Божьему, охраняющему нравственные устои общества. Подданные императрицы Екатерины Алексеевны неукоснительно подчинялись предписаниям верховной власти, или *государственным законам*. В век Просвещения нельзя было отрицать и действие *закона естественного*, о котором, в частности, писал Александр Николаевич Радищев:

Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому. Немошен, наг, алчущ, жаждущ [...] первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребится не может, потому что основано на необходимой нужде. [...] Се основание закона естественного¹.

На основании *Словаря русского языка XVIII века* можно выделить целый ряд определений слова *закон*, демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, открытый, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идолопоклоннический; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический* и так далее². В *Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения* четко выделялось девять «родов законов»: право Божественное, право

церковное, право естественное, право народное, право государственное общее, право государственное особенное, право завоевания, право гражданское и, наконец, право домашнее³.

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотнесение в мышлении личности *закона государственного* и *закона Божественного*. В *Генеральном плане московского воспитательного дома* так и провозглашалось — «человек живет по законам государственным и Божественным»⁴. Однако анализ частной переписки, воспоминаний и дворянской публицистики обнаружил практически полное отсутствие корреляции между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики. Зато в законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого Заветов встречается довольно часто. Достаточно упомянуть, что даже *Наказ Уложенной комиссии* начинается не с двух своих главных тезисов, провозглашающих Россию европейской державой с единственно приемлемой для нее самодержавной формой правления, а со смиренного обращения к Всевышнему: «Господи Боже мой вонми ми, и вразуми мя, да сотворю суд людям твоим по закону святому твоему судити в правду»⁵. В уже цитированном *Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения* было сказано: «Мы ведаем повеленное человекам законом Божиим: законы гражданские должны в обществе подкреплять законы Божии»⁶. Однако содержание исходящих от престола указов свидетельствует, что здравый смысл и приземленные реалии «происхождения, предлогов и свойства законов человеческих» заставляли власть, напротив, прагматично использовать авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов⁷. Так, например, многочисленные обращения к Священному Писанию содержались в обширной *Сентенции о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников*, которая была во всеуслышание провозглашена на Красном крыльце 11 января 1775 года, день спустя после исполнения приговора над участниками восстания. Аргументация необходимости жестокого наказания была усилена цитатами из Книги Премудрости Соломона, четвертой книги Моисеевой, Еван-

³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

⁴ Там же. № 12.957. С. 311, 317 (11 августа 1767 г.).

⁵ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6—7.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

⁷ Там же.

* Работа в рамках программы РАН «Историко-культурное наследие России».

¹ Радищев А.Н. Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 10.

² СлРЯ XVIII. СПб., 1992. Вып. 7. С. 244—251.

гелий от Марка, Матвея, Иоанна, Послания апостола Павла к римлянам и Первого послания апостола Павла к коринфянам. В результате следовал очевидный вывод — «наистрожайшая смертная казнь предписывалась вам Божественными и гражданскими законами и вечная мука по священному писанию»⁸.

Таким образом, государственный закон, возвышенный и подтвержденный Законом Божиим, приобретал особую силу воздействия на сознание подданных. Кроме того, христианские догматы в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Неслучайно *Устав благочиния или полицейский* начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»⁹. Однако несмотря на провозглашенный в *Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения* тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие всеяющих и добронравие»¹⁰, Екатерина предостерегала от смешения «оснований, долженствующих управлять людьми»¹¹. В то же время определенное разграничение сферы действия *законов естественных, всемирных, обычных*, и прежде всего *Божественных и государственных*, лишь частично проясняет всю сложность смыслового содержания понятия *государственный закон*.

Указ и закон

На протяжении XVIII столетия законодательные акты издавались во все увеличивающемся количестве под названиями *указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций, жалованных грамот* и так далее. Основной массив исходящих от верховной власти законов именовался в XVIII столетии указами, среди которых, в свою очередь, различались *именные; данные Сенату; именные, данные Синоду; именные, данные генерал-прокурору* и так далее; *именные, данные Комиссии об учреждении Народ-*

⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14.233. С. 1—15 (10 января 1775 г.).

⁹ Там же. Т. 21. № 15.379. С. 464—465 (8 апреля 1782 г.).

¹⁰ Там же. Т. 18. № 12.945. С. 181 (24 июля 1767 г.).

¹¹ Там же. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

ных училищ и так далее; *именные, объявленные из Сената; именные, объявленные генерал-полицмейстером* и так далее; *сенатские; объявленные из Сената; сенатские вследствие именного; сенатские вследствие высочайшей резолюции на доклад Сената; сенатские по высочайше утвержденному докладу; из коллегий* и так далее.

Проблема соотношения понятий *закон* и *указ* в сознании русского общества правления Екатерины II далеко не однозначна. Многие специалисты полагают, что абсурдная ситуация формального признания высшего авторитета *Соборного уложения* 1649 года во второй половине XVIII века, а также отсутствие строгой регламентации формуляров юридических документов приводили к некоторому сумбуру жанров в правовой сфере. «Вопрос о существовании у нас различия между законами и высочайшими указами, — писал Николай Михайлович Коркунов, — представляется спорным. В XVIII столетии и вплоть до учреждения в 1810 году Государственного совета у нас не было никакой определенной отличительной формы законодательных актов»¹². Действительно, отождествление *закона* и *указа* нередко можно встретить в документах, исходящих как от престола, так и от Правительствующего сената. Подданным полагалось исполнять все предписания власти, вне зависимости от их наименования: «следовать узаконениям» и «во всем поступать в силу законов и указов»¹³. Однако за пределами жесткого правового императива смысловое наполнение понятий *указ* и *закон* различалось, что можно проследить не только на уровне лексических сравнений, но и на уровне осознанных предпочтений авторов документов. Анализ языка как официальных источников, так и источников личного происхождения свидетельствует, что человек XVIII столетия повиновался именно «законам», «поступал по точной силе закона», а иногда действовал «в ущерб закону» и за это нес наказание «по всей строгости закона», «ибо таков есть закон»¹⁴. Современники признавали более глубокое,

¹² Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 309. См. также: Романович-Славятинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1: Основные государственные законы. Киев, 1886. С. 186—187; Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и Свод Законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 71.

¹³ См., например: Наставление московскому и санкт-петербургскому губернаторам // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.306. С. 5—7 (12 января 1765 г.).

¹⁴ См., например: Державин Г.Р. Записки, 1743—1812. М., 2000. С. 10, 21, 87, 98—99 и др.

иногда даже мировоззренческое содержание понятия *закон*, а слово *указ* часто употребляли в значении *инструкция* или *учреждение*¹⁵. В данном контексте сближение понятий *закон* и *указ* происходило, если слово *указ* сопровождалось знаковым определением — *подлежащий к вечности*.

Еще в самом начале своего правления эти *подлежащие к вечности указы* Екатерина вознамерилась отделить от *несходных с временем и пользе государственной противных*, разобрать «по материям», опубликовать и разослать во все присутственные места. Несмотря на то что часть работы была уже проделана для созданной в 1761 году Уложенной комиссии, задача кодификации оказалась крайне трудоемкой, и специально назначенный секретарь не смог даже с помощниками привести в порядок громадное количество документов. К концу 1764 года выяснилось, что «на одну материю в равных годах указов немалое число и один с другим имеет несогласие», комиссия практически распущена, секретарь уволен, канцелярских служителей немного, а копиист только один. Дело по подготовке реестров *подлежащих к вечности указов* было передано в архив Сената¹⁶. Вступающему же на должность новому генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому Екатерина дала *Секретнейшее наставление*, где писала, что «законы нации требуют поправления» и, следовательно, необходимо «разделить временные и на персон данные от вечных и непременных»¹⁷. В *Наказе* вновь созданной в 1767 году Уложенной комиссии непосредственно было сказано — указы могут быть *забвению преданные, вредные, темные*, и для того, чтобы знать, «каким указам должно повиноваться», существуют *законы, основание державы составляющие, твердые и неподвижные*¹⁸. В ряде других источников подобные законы имено-

¹⁵ Так, в указе о процедуре доведения до сведения населения новых постановлений говорилось о «присланных высочайших указах, узаконениях, учреждениях» и проч. (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15.612. С. 777 [13 декабря 1782 г.]).

¹⁶ См.: Там же. Т. 16. № 11.927. С. 377 (18 сентября 1763 г.); № 12.292. С. 1000—1003 (15 декабря 1764).

¹⁷ Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—5). Этот документ неоднократно публиковался с теми или иными разночтениями, которые можно объяснить повышенным интересом исследователей к *Секретнейшему наставлению* и, как следствие, существованием многочисленных списков. Только в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся три копии данного текста, выполненные в начале и середине XIX века (см.: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 660; Ф. 73. Д. 157; ЧОИДР. Кн. 1. 1858. Январь—март. Отд. 5. С. 101—104).

¹⁸ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

вались также *непременными, неперемняемыми, фундаментальными, вечными* и даже *священными*¹⁹. Подобные законы, как говорила Екатерина, следовало «ввести в систему», или издать новое Уложение, чтобы «пресечь все сумнительства, дополнить недостатки, а излишки исключить»²⁰. Более того, правительству уже заранее анонсировалось право «представлять государю, что такой-то указ противен Уложению»²¹. Н.М. Коркунов справедливо замечал, что «петровская реформа не изгладила в сознании общества и самого правительства представления о законе, об уложении, как о чем-то существенно отличающемся от простого указа», для издания которого «считался необходимым особый порядок, существенно отличный от порядка издания указов»²².

На протяжении всего XVIII века русских императоров преследовало неослабное стремление заменить устаревшее *Уложение* 1649 года новым. Попытки составить единый свод законов предпринимались в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767 и, наконец, в 1796 году. Все усилия абсолютизма, как известно, оказались тщетными по целому ряду причин, и в частности в силу чрезвычайной сложности согласования многочисленных старых и новых *узаконений*, отражающих стремительную динамику развития общества, а также противоречивых и даже взаимоисключающих интересов различных социальных групп, «населяющих обширную империю». Неслучайно Екатерина уже после роспуска Уложенной комиссии заметила Ивану Ивановичу Бецкому: «Или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать»²³.

¹⁹ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.741. С. 973 (11 сентября 1766 г.); Т. 18. № 13.095. С. 503—512 (8 апреля 1768 г.); Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, непремняемые на все времена никакою властью (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 26—31).

²⁰ См.: Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—5); ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12.292. С. 1001 (15 декабря 1764 г.).

²¹ Там же. Т. 18. № 13.095. С. 504 (8 апреля 1768 г.). См. также: Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

²² Коркунов Н.М. Указ и закон. С. 309.

²³ См.: Высочайше утвержденный доклад действительного тайного советника Бецкого // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 19. № 13.895. С. 610 (27 октября 1772 г.).

Монаршее слово и закон

Отсутствие уложения, с одной стороны, сдерживало развитие правовой мысли и культуры, но с другой — являлось стимулом выработки четких критериев *вечных* и *непременных законов*. Анализ официальных документов показывает, что в правление Екатерины все *узаконения* условно разделялись на те, которые касались «частных распоряжков», и так называемых «общих», действующих в масштабе «всей империи»²⁴. Единственным источником этих актов о «государственных генеральных делах» был самодержавный монарх: законодательство определялось волей императора и являлось ее выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в практике принятия новых законов, и в сфере сознания подданных, и в отношении самооценки верховной власти. Абсолютный правитель являлся главным субъектом законотворчества, поскольку право издания новых законов принадлежало только императору, а Сенат, Синод, коллегии и другие учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями.

Показательно, что перу императрицы принадлежит и собственная *Правда воли монаршей*, которую она назвала *О преимуществе Императорского Величества*²⁵. Этот документ Екатерина тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Вслед за Петром, провозгласившим — «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»²⁶, Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту: император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчет и «благодарение Единому Творцу Нашему Богу»²⁷.

²⁴ См., например: Там же. Т. 16. № 11.757. С. 161 (14 февраля 1763 г.); Т. 19. № 14.047. С. 836 (19 октября 1773 г.); и др.

²⁵ Записка императрицы Екатерины *О преимуществе Императорского Величества* (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. Л. 1—4 об.). Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка *О роде и наследии Императорского Величества*, которая включала отдельные комментарии к *Правде воли монаршей* и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом, а также некоторые другие законодательные акты на английском и французском языках (Там же. Д. 325). Ср.: Устав о наследии престола // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.893. С. 496—497 (5 февраля 1722 г.); Правда воли монаршей // Там же. Т. 7. № 4.870. С. 602—643 (21 апреля 1726 г.).

²⁶ См., например: Воинский устав // Там же. Т. 5. № 3.006. С. 324 (30 марта 1716 г.).

²⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4—4 об.

В сознании большинства подданных указы не просто ассоциировались с властью императора, скорее высочайшее решение воспринималось как закон, что еще более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышления у современников²⁸. Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для абсолютной власти. На протяжении XVIII века российские императоры сами неоднократно будут пытаться разграничить любое «государево слово» и закон.

Устные распоряжения противопоставлялись «письменным и зарученным» указам еще по *Генеральному регламенту* 1720 года. В традициях петровского законодательства параграф IV «Об исполнении указов» сопровождался доходчивым толкованием. Поянялось, что словесные распоряжения пригодны только для подготовки письменных. Например, «словами приказать можно», что необходимо собрать деньги и провиант, после этого найти самый эффективный способ и действовать уже по составленному письменному указу²⁹. Напряжение мобилизационного правления Петра несколько спадает при Екатерине I, когда признается существование и изустных высочайших повелений. Однако определяются наиболее важные государственные дела — «выдача сверх штату денег и прочее тому подобное, что регламентам противно», — решение по которым должно приниматься только на основании указов, лично подписанных либо императрицей, либо членами Верховного тайного совета³⁰. Таким образом, после смерти Петра I ставилось под контроль прежде всего содержание повелений, объявляемых от лица монарха, собственное же высочайшее слово не подлежало регламентации и имело силу закона.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой, «что до строения домов и садов наших надлежит». В масштабе же всей страны именной указ признавался действительным только за подписанием са-

²⁸ Андрей Николаевич Медушевский вообще полагает, что «ключ к пониманию Просвещенного абсолютизма — борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещенный абсолютизм от непросвещенного, законную монархию от полицейского или регулярного государства», — *Медушевский А.Н.* Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // *Classical Russia, 1700—1825*. 2006. № 1. Р. 91—110.)

²⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.534. С. 141—160 (28 февраля 1720 г.).

³⁰ Там же. Т. 7. № 4.862. С. 596—597 (28 марта 1726 г.); № 4.945. С. 684—685 (5 августа 1726 г.).

мой императрицы или трех кабинет-министров³¹. В царствование Елизаветы Петровны слово монарха получает еще более жесткую регламентацию. В 1743 году императрица предписала «в Сенат никаких предложений [...] без письменных наших указов за нашею рукою в действо не производить»³². Петр III из компетенции устных распоряжений изъяснял решения о «лишении живота, чести и имени», «раздачу денежных сумм свыше 10 000 рублей», «награждение деревнями и чинами свыше подполковника». Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодательным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с «надлежащею отметкою об исполнении»³³.

3 июля 1762 года Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь через несколько месяцев включив генерал-адъютантов и правящего Кабинетом Ее Величества в круг государственных лиц, имеющих право объявлять словесные повеления высочайшей персоны. В начале 1763 года список чиновников, провозглашающих государеву волю, был дополнен за счет духовного ведомства обер-прокурором и членами Синода³⁴.

Таким образом, на протяжении XVIII столетия постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, со-

³¹ В 1735 году был издан закон, который предписывал «никаких наших словесных именных указов, кроме тех, которые за подписанием собственной нашей руки или за руками всех трех наших кабинет-министров будут, не принимать и в дело не производить» (Там же. Т. 9. № 6.745. С. 529 [9 июня 1735 г.]). Месяц спустя императрица исключила из области юрисдикции данного документа самую высшую сферу жизни российского общества — «оный указ двору нашему и к делам придворным не следует, а следует до Сената и до других коллегий и канцелярий и прочих судебных мест» (Там же. № 6.773. С. 548 [16 июля 1735 г.]).

³² Там же. Т. 11. № 8.695. С. 753 (10 января 1743 г.). Правда, спустя 18 лет, за несколько месяцев до кончины, императрица это решение отменила, кстати, своим устным распоряжением. Без объяснения причин и толкований был издан указ о «возвращении Ее Императорскому Величеству Именного 1743 года указа, запрещающего производить в действо данные Сенату предложения [...] без Высочайших указов за собственноручным Ее Величества подписанием» (Там же. Т. 15. № 11.369. С. 850 [29 ноября 1761 г.]).

³³ Там же. Т. 15. № 11.411. С. 889—890 (22 января 1762 г.).

³⁴ См.: Там же. Т. 16. № 11.592. С. 9—10 (3 июля 1762 г.); № 11.704. С. 107 (7 ноября 1762 г.); № 11.746. С. 152 (3 февраля 1763 г.).

ответствующим образом зафиксированной и оформленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха³⁵.

По всей видимости, Екатерина сама признавала обязанность высочайшей персоны следовать установленным правилам. В *Наказе* было заявлено, что «воля государева» должна быть наблюдаема «сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением»³⁶. Приблизительно к этому же времени относятся и признания императрицы, сделанные в *Собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии*, где она писала: «Испытав сердце наше, нашли мы во глубине оногo твердое и *всегдашнее* желание исполнять [...] *все части законодательства нашего*, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием комиссии об уложении»³⁷. Неслучайно и французский посол Луи Филипп Сегюр отмечал, что «Екатерина никогда не действовала так произвольно, как ее министры. Особенно Потемкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы»³⁸. С точки зрения некоторых современников, своеволие вельмож отчасти ограничивалось примером императрицы, имеющим, как свойственно любой монархии, значительное влияние на подданных. Так, камер-юнкер при дворе Екатерины II князь Федор Николаевич Голицын в своих воспоминаниях точно подметил:

³⁵ Неслучайно в предназначенной для будущего императора Павла *Записке о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих*, авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. «Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся» (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 54).

³⁶ Наказ императрицы Екатерины II. С. 6—7.

³⁷ Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 382. В подлиннике фразы, данные курсивом, специально выделены и вынесены на поля рукописи (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).

³⁸ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 390.

Люди портятся без сомнения, но портятся от дурных примеров. Сии рассуждения опять меня обращают к Императрице. Во время ее царствования все было важно, почтенно. Она умела себя так вести, что каждый вельможа ее почитал и любил и старался также на нее походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.

Вот как сильно действует над подданными пример государя! [...] Верховная власть не должна бы никогда выходить из круга, предписанного законами³⁹.

Всенародно объявленный указ Ее Императорского Величества за собственным подписанием

Итак, наибольшей значимостью были наделены именные свое-ручно подписанные указы, прежде всего нормативного характера, устанавливающие новые юридические нормы или отменяющие старые. Эти указы объявлялись из Сената в коллегии и губернии и из коллегий и губерний в подчиненные им места и имели строго установленный титул, который не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода, — «Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской»⁴⁰.

Кабинет императрицы и Сенат проводили четкое различие между «указами, кои до сведения в народе не принадлежат, а единственно следуют ко исполнению одним присутственным местом», и «указонениями, объявляемыми во всенародное известие». Для быстрого решения текущих дел достаточно было подписи четырех находящихся в присутствии сенаторов, в то время как отмена законов или новые постановления требовали визы, по крайней мере, президентов первых трех коллегий и генерал-прокурора. При этом никто не отменял распоряжение Петра III, в соответствии с которым запрещалось издавать во всенародное известие без высочайшего утверждения ни один указ, «составляющий или новый закон, или служащий подтверждением прежде изданному»⁴¹.

³⁹ Голицын Ф.Н. Записки // Русский архив. Кн. 1. 1874. Стб. 1292—1294.

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.392. С. 876 (26 декабря 1761 г.); Т. 16. № 11.590. С. 7 (2 июля 1762 г.); Т. 24. № 17.635. С. 230 (12 декабря 1796 г.).

⁴¹ Там же. Т. 22. № 15.320. С. 376—377 (10 января 1782 г.); Т. 16. № 11.589. С. 6 (2 июля 1762 г.); Т. 15. № 11.558. С. 1029 (1 июня 1762 г.). См. также: Там же. Т. 16. № 12.292. С. 1001 (15 декабря 1764 г.); Т. 17. № 12.483. С. 347 (30 сентября 1765 г.); и др.

Ввиду так и не удавшейся попытки составить новое уложение, печатались указыные книги, представляющие собой сборники «подлежащих вечности и для всенародного известия» законов, которые были изданы за какой-то определенный период. Придя к власти, Екатерина обнаружила, что обобщенная публикация «всенародно объявленных» указов была прекращена еще в 1730 году. Императрица распорядилась немедленно возобновить точное копирование законов, составление реестров и издание сборников нормативных актов «для продажи в народ»⁴². Только за первый год правления Екатерины в лавки и магазины поступило несколько книг, в которых были собраны указы императрицы, предназначавшиеся для «всеобщего известия»⁴³.

Что же касается текущего законодательства «о всяких государственных генеральных делах», то во избежание подлога силу имели только опубликованные указы. Еще в марте 1764 года было объявлено, что «указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения от имени Ее Императорского Величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные кроме печатных»⁴⁴.

Доведение содержания законов до сведения подданных оставалось одной из острых проблем для власти, стремящейся использовать с этой целью самые различные каналы. Как уже упоминалось, отдельные указы и сборники нормативных актов можно было купить «партикулярным людям», к которым в данном случае относились ничтожное меньшинство грамотных и достаточно состоятельных жителей Петербурга и Москвы. Некоторые из них, в том числе и крупные вельможи, делали выписки из законов, а иногда копировали текст того или иного указа полностью⁴⁵. Оповещение подавляющей массы населения предполагало иные пути распространения высочайшей воли.

⁴² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11.757. С. 161 (14 февраля 1763 г.).

⁴³ См., например: Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской: Состоявшиеся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на всероссийский императорский престол, с 28 июня, 1762 по 1763 год. Напечатаны по всевысочайшему Ея Императорского Величества повелению. СПб.: Печатаны при Адмиралтейской коллегии в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, 1764.

⁴⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12.090. С. 645 (17 марта 1764 г.).

⁴⁵ Например, копии высочайших указов и манифестов были обнаружены в бумагах Н.И. Панина: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114.

Наиболее важные манифесты или сентенции провозглашались прямо на площадях при скоплении людей. Так, в 1787 году после начала войны с Турцией адъютант Потемкина Михаил Антонович Гарновский доносил своему военачальнику из Петербурга: «Манифест объявлен народу обыкновенным образом, то есть на улицах, при барабанном бое, вчерашнего числа, а сегодня было молебствие, при котором государыня изволила в церкви прослезиться. Нет удобнее времени к набору рекрут, как теперешнее: духи расположены теперь к сему. Читая манифест, говорят: ‘видно и еще не миновать рекрутского набора’»⁴⁶. Торжественное и по-своему волнующее «объявление во всенародное известие» отдельных манифестов и указов было рассчитано на мощное эмоциональное воздействие. Подобная форма своеобразного социального контроля нередко имела успех. Неслучайно в те же самые дни статс-секретарь Екатерины Александр Васильевич Храповицкий сделал запись в дневнике: «Спрашивать изволили: ‘Что говорят в городе о войне?’ Уныния нет [...] Говорено с чувствительною признательностью к народу, что в 25 лет приобрела доверенность; никто теперь при начатии войны не унывает»⁴⁷.

Разумеется, на улицах и площадях под барабанный бой указы зачитывались в исключительных случаях. Основная масса нормативных актов высылалась «из Сената в коллегии, канцелярии и конторы, в губернии и провинции, из коллегий и других судебных мест в подчиненные им места»⁴⁸. В центре пристально следили за распространением законов, о чем свидетельствуют многочисленные «указы о рассылке», не вошедшие в *Полное собрание законов Российской империи*, но сохранившиеся в собраниях гражданской печати ряда библиотек⁴⁹. Тем не менее нельзя сказать, чтобы до-

⁴⁶ Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского, 1786—1790 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 3. С. 475.

⁴⁷ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С. 38—39.

⁴⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.710. С. 875 (31 июля 1766 г.). В Москву указы из департаментов Сената, находившихся в Петербурге, объявлялись не в присутственные места, а через московские департаменты Сената (Там же. Т. 19. № 13.673. С. 327 [19 октября 1771 г.]).

⁴⁹ См., например: Указ Ее Императорского величества самодержицы все-российской: [О рассылке указа о порядке взимания сборов с челобитен]: Из Правительствующего Сената. [Б.м., июля 1764]; Указ Ее Императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа об учреждении разных воспитательных училищ]: Из Правительствующего Сената. [Б.м., май 1764].

ставка высочайших и сенатских распоряжений всегда происходила четко и слаженно. Случалось, что тексты законов терялись не только при распространении их в масштабе империи, но даже при перевозке с одной московской улицы на другую.

Распоряжения, не подлежащие обнародованию, надо было неукоснительно исполнять, указы, данные во всенародное известие, требовалось довести до сведения подданных. Логично было предположить, что нельзя «взыскивать с людей исполнения по закону, буде закон не обнародован»⁵⁰. Указы, данные во всенародное известие, как правило, зачитывались в церквях в праздничные и торжественные дни и с этой целью часто рассылались из Сената прямо в Синод, а оттуда в епархии по количеству храмов, находящихся в их подчинении⁵¹. Кроме того, «объявляемые во всенародное известие и подлежащие вечности» указы прибывали в публичных местах. Однако источники свидетельствуют, что это был не самый надежный канал распространения высочайшей воли. Только в *Уставе благочиния* трижды напоминается о взятии под стражу и о суде над теми, кто «снимет, издерет или закроет обнародованные узаконения»⁵².

Таким образом, распространение, а также корректное понимание подданными смысла именных и сенатских указов становилось условием слаженного функционирования не только правовой системы, но и всего государственного аппарата империи. Однако не менее актуальной проблемой всегда оставался собственно сложный процесс законотворчества, ключевой фигурой которого в России XVIII столетия был просвещенный монарх.

Образ самодержавного законодателя

Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе закона и регулярного государства или *благоустроенной* монархии, призванной установить разумный миропорядок. В рассматриваемый период сложился свой идеальный образ монар-

⁵⁰ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15.612. С. 777 (13 декабря 1782 г.); № 15.379. С. 464—465 (8 апреля 1782 г.).

⁵¹ См., например: Там же. Т. 19. № 13.763. С. 450—451 (17 февраля 1772 г.); Т. 20. № 14.287. С. 99—100 (31 марта 1775 г.); Т. 20. № 15.021. С. 945—946 (5 июня 1780 г.); и др.

⁵² Там же. Т. 21. № 15.379. С. 472, 477, 481 (8 апреля 1782 г.).

ха, черты которого в той или иной степени должны были воплощаться в персонах реальных правителей. Одной из наиболее ярких эталонных характеристик венценосной особы века Просвещения считался дар успешного преобразователя, приобщающегося одновременно к искусствам и рациональным знаниям⁵³.

В это время культ короля-воина был потеснен фигурой законодателя и философа на троне. Неслучайно Алексей Петрович Бестужев-Рюмин в проекте «о поднесении Екатерине титула матери отечества» воздает хвалу Петру Первому как «неустранимому полководцу вне государства» и как «премудрому законодателю внутри»⁵⁴. Сходная мысль звучит и в записке Никиты Ивановича Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест: «Свойственно [...] премудрым монархам устанавливать подданным своим полезные законы и порядки. [...] Последовал сему правилу великий государь Петр, законодавец России»⁵⁵. Екатерина II, разумеется, признавалась прямой последовательницей великого императора в его законодательной деятельности. В той же записке Н.И. Панин провозглашал: «[Петр] установлял военные и гражданские порядки — Ваше Величество оные к совершенству приводите, он учреждал Сенат, военные, штатские, духовные и судебные правительства, предписывал им некоторые нужные уставы — Ваше Величество неоконченное в этом исполняете»⁵⁶.

Показательно, что в русском политическом мышлении XVIII века величие образа монарха-законодателя определялось не безграничной властью его непререкаемой воли, а талантом верховного правителя. Характерно, что Екатерина, столь внимательно относившаяся к воспитанию внука, записала в так называемой *Бабушкиной азбуке великому князю Александру Павловичу*: «Власть поручена единому ради чинения пользы множеству. Всяк в обществе

⁵³ См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериною II копия наставления, данного прусским королем Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113).

⁵⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1. См. об этом же: Продолжение поучительных слов при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивой великой государыни Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, сказанных его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., 1764 (Там же. Оп. 1, ч. 3. Д. 3177).

⁵⁶ Там же. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1.

живущий подвержен общественным законам»⁵⁷. Безусловно, абсолютистская доктрина признавала и полностью оправдывала сосредоточение всей законодательной инициативы в руках императора. В *Секретнейшем наставлении* генерал-прокурору Сената князю Александру Вяземскому Екатерина особым образом выделила положение, характеризующее «неотделимость от верховной власти законодательной, защитительной и совершительной»⁵⁸: «Российская империя столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут: один государь имеет все способы к пресечению всякого вреда и почитает общее добром своим собственным, а другие все, по слову Евангельскому, наместники есть»⁵⁹. Однако еще современники главную заслугу Екатерины видели не в концентрации всех прерогатив власти под ее самодержавной эгидой, а в укреплении силы «российского главного права» и введении «непреложных законов», которые и составляют «тело государства»⁶⁰. Одни считали, что императрице удалось «обветшалую громаду» «недостаточных и темных законов, деланных для иных времен и нравов», «в надлежащее привести состояние». Другие, напротив, с сожалением отмечали отсутствие «твердого основания» для законов и распоряжений, несмотря на то, «каким большим переменам Российская империя подвергнута была со дней Петра I». Тем не менее большинство признавали стремление монархини «установить добрый порядок», что отмечал и канцлер Н.И. Панин в *Записке о преобразовании Сената*: «Многие тру-

⁵⁷ Рукопись хранится в РГАДА (Ф. 2. Оп. 1. Д. 117). Единственная публикация: *Екатерина II. Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу*. М., 2004. С. 51.

⁵⁸ См.: Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 13.095. С. 504 (18 апреля 1768 г.). См. также записку императрицы Екатерины *О преимуществе Императорского Величества* (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1—4 об.).

⁵⁹ Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (Там же. Оп. 1. Д. Л. 2 об.). См. также об этом черновые записки Екатерины: Собственноручные черновые бумаги на французском языке о толковании воли законодателя (Там же. Оп. 2. Д. 330. Л. 1—3 об.).

⁶⁰ См., например: Речь, говоренная от лица депутатов маршалом Ее императорскому величеству с признательностью за данный для сочинения Уложения Наказ // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 349—355 (27 сентября 1767 г.); Неизвестный автор. *Правило трактатов* (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 162. Л. 264—265 об.).

ды прилагаемы были сделать основательные и полезные законы»⁶¹. Спустя тридцать лет племянник канцлера Никита Петрович Панин признает «мудрые узаконения» императрицы главным итогом ее правления⁶².

В русской общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разные, иногда даже противоположные значения⁶³. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии. Характерно, что последние наставления своему воспитаннику великому князю Павлу Петровичу граф Н.И. Панин выдержал в присущей ему стилистике семиотических сравнений. Канцлер противопоставил такие понятия, как *просвещенный монарх*, располагающий *неограниченной властью*, или *самодержец*, и *государственные законы*, с одной стороны, и *самовластие*, *тиранство*, *деспотическое правление*, *государев любимец* или *фаворит* — с другой.

Просвещенный МОНАРХ, облекшись в неограниченную власть, сам тотчас ощутит, что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. [...] ГОСУДАРЬ Самовластнейший на недостатке Государственных законов чаёт утвердить СВОЕ самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам Своим, почему он САМОДЕРЖЕЦ? Разве потому, что САМАГО держат в кабале недостойные люди? [...] тщетно пишет Он новые законы: новые законы Его будут ни что иное как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и несмотря на собственное Его отвращение к тиранству, правление Его будет правление тиранское, [...] все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, не чувствительно в одну точку соединятся. В таком развращенном положении, злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между Государственным и ГОСУДАРЕВЫМ, между ГОСУДАРЕВЫМ и любимцовым⁶⁴.

⁶¹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 351 (27 сентября 1767 г.); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1—1 об.

⁶² Письмо Н.П. Панина Екатерине II, 1795, 19 февраля (Там же. Оп. 1, ч. 2. Д. 1504. Л. 1 об.—2).

⁶³ Примечательно, что и молодой Пушкин писал именно о «самовластительном злодее» и «обломках самовластия».

⁶⁴ Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д.И. Фонвизина) // *Шумигорский Е.С.* (Сост.) Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 4—13. Авторская маркировка слов в тексте сверена с первоисточником: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—17 об.

Канцлер был убежден, что *фундаментальные законы*, составленные самим *самодержцем*, но *непременные* и для него самого, ограждают страну от *деспотической тирании* или *самовластия*. Показательно, что картина политического неблагополучия складывалась для Н.И. Панина также из отсутствия действенных *новых законов*, *угнетения народа* и *унижения дворянства* как сословия, для которого особое значение имело представление о чести и достоинстве.

Общепризнанность подобных идей среди политически активной знати отразилась и в записках Михаила Михайловича Щербатова *О самовластии*, где князь ставил под сомнение вообще возможность называть *самовластие* «именем правления»: «[При самовластии] нет иных законов и иных прав окромя безумных своих прав деспота (самовластителя). Место, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя»⁶⁵. Собственно, и в уже упоминавшемся обращении депутатов Уложенной комиссии Екатерина была названа императрицей, «сказавшей, что не народ для нее, а она для своего народа»⁶⁶. Софистика этого заявления очевидна, но между тем для образованной публики XVIII столетия данная игра слов была наполнена реальным смыслом. Когда на одном из первых заседаний Сената после дворцового переворота 1762 года императрица заявила, что, «принадлежа сама государству, она считает и все свое принадлежащим ему же [...] Это заявление вызвало слезы у всех присутствующих»⁶⁷.

Международный престиж абсолютного монарха также не в меньшей мере зависел от порядка в правовой сфере, чем от военных побед и дипломатических успехов. Князь Федор Николаевич Голицын, племянник графа Ивана Ивановича Шувалова, вернувшись на родину в 1777 году после восьмилетнего пребывания за границей, признавал: «Сия великая монархия, прославившаяся уже как законами, так и войною, от всех других европейских держав была уважаема»⁶⁸. Французский посол Луи Филипп Сегюр в

⁶⁵ *Щербатов М.М.* Разные сочинения. М., 1860. С. 37—48. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартеневым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 27 об. — 32 об.). Благодарю Сергея Викторовича Польского за ценную информацию о рукописном наследии Щербатова.

⁶⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 352 (27 сентября 1767 г.).

⁶⁷ Собственноручная записка Екатерины II об одном из первых заседаний ее в Сенате после восшествия на престол // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 6. С. 412—414.

⁶⁸ *Голицын Ф.Н.* Записки. Стб. 1276.

своих записках, посвященных пребыванию у русского двора, приводит слова прусского императора о Екатерине: «Царствование ее было блистательное. [...] Фридрих Великий, когда еще был с нею в приязненных отношениях, часто хвалил ее. “Многие государыни, — говорил он, — заслужили славу: Семирамида — победами, Елисавета английская — ловкою политикою, Мария-Терезия — удивительною твердостью в бедствиях, но одна только Екатерина заслуживает наименование законодательницы”». Сам же посол зафиксировал такие признания императрицы по поводу ее правовых штудий: «Нередко Екатерина с гордостью удовлетворенного самолюбия говорила мне о двух указах, которые она высоко ценила: один из них — дворянская грамота, а другой — об отмене дуэлей»⁶⁹.

О колоссальной законотворческой деятельности императрицы лучше всего свидетельствуют оставленные ею черновики и подготовительные бумаги. Так рукописные материалы десятого фонда РГАДА подтверждают, в частности, что только *Жалованную грамоту дворянству* Екатерина переписала своим крупным женским почти каллиграфическим почерком несколько раз, внося добавления и поправки в каждый новый вариант текста⁷⁰.

Однако несмотря на масштабность законодательных усилий власти и знаковость таких проектов, как *Наказ*, и таких событий, как Уложенная комиссия, замена обветшавшему сборнику законов 1649 года все же создана не была, а усложняющееся управление империей требовало постоянного обновления законодательной базы и, соответственно, развития принципов законотворчества.

Законодатели, законотолкователи и законоискусники

Характерно, что в русском языке XVIII столетия существовало множество понятий с корнем «закон», в которых были зафиксированы различные аспекты правовой деятельности и роль тех или иных лиц в сфере законотворчества⁷¹. *Законодателем* или иногда

⁶⁹ Записки графа Сегюра. С. 320.

⁷⁰ Собственноручные черновые бумаги о дворянстве. 240 л. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333). См. также: Заметки Екатерины II о правах на дворянство, о Казенной палате, губернском магистрате, об откупах и др. 14 л. (Там же. Д. 332в); Собственноручные черновые бумаги о должности (первых трех классов). 2 л. (Там же. Д. 327); Собственноручные черновые бумаги о совете императорского величества. 7 л. (Там же. Д. 326); и др.

⁷¹ См., например: СлРЯ XVIII. СПб., 1995. Вып. 8. С. 244—251.

законоположником в области политики и управления государством единодушно признавался Петр, идеал *законодательницы* или соответственно *законоположницы* современники связывали с образом Екатерины II. День рождения императрицы 21 апреля 1778 был отмечен в Московском университете лекцией по истории права Семена Ефимовича Десницкого, в которой он заявлял: «Мы не должны [...] предпочитать Юстиниана наш[ему] приснопамятн[ому] законодател[ю] Петру Великому и преславнейшей законоположнице Екатерине II»⁷². Сходная лексика преобладала в работах других профессоров: Семен Зыбелин заявлял о ревностной преданности подданных своей «обладательнице и законоположнице», а Антон Антонович Прокопович-Антонский превозносил их «благоденствие под правлением премудрой законодательницы»⁷³. Однако и в лекциях профессуры, и в политических памфлетах образованной дворянской элиты панегирическая стилистика соседствовала с критическим осмыслением понятия *законодатель* и *законоположник*. Так, М.М. Щербатов различал *мудрых законодатцев* и авторов *худых законов*. Он с едкой иронией отмечал повальное стремление к законотворчеству, охватившее в его дни всех правителей и придворных. «Мало есть монархов или деспотов, которые не предпри[н]яли бы законодателями учиниться; [...] много есть временщиков, сенаторов или вождей народа, которые бы [не] предполагали сочинить некоторые законы». По мнению саркастически настроенного князя, большинство этих так называемых законодателей часто думают лишь о собственной славе, «и имея великое мнение о самих себе, [...] не размышляя, сочиняют законы, которые сочинение несчастий[я] народа, и самого потомства их»⁷⁴.

В то же время Щербатов полагал, что «никакое сообщество не может без некоторых правил или законов»⁷⁵. Иначе говоря, благополучие государства и даже его безопасность напрямую зависят от гибкой тщательно продуманной правовой системы, которая опре-

⁷² Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах [...] М., 1778. С. 10.

⁷³ Зыбелин С. Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней [...] М., 1773. С. 32; Прокопович-Антонский А.А. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории [...] М., 1791. С. 4.

⁷⁴ Щербатов М.М. Разные сочинения. С. 43—44. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартеневым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 30 об.).

⁷⁵ Там же.

деляется не прихотью правителя, а объективными реалиями. Таким образом, русские монархи XVIII столетия для сохранения собственной власти были жизненно заинтересованы как в укреплении собственного престижа «великих законодателей», так и в развитии науки законов, законоучения или *законоискусства*⁷⁶. Еще в 1733 году Василий Никитич Татищев писал: «Должно нам не только законы божественные [...] и граждански[e] своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразумно разуместь и по оным поступать. Сия наука именуется законоучение»⁷⁷. Соответственно, в русском языке рассматриваемого периода наряду с понятием *законодатель* существовали понятия *законотолкователь*, *законоведец*, *законознатель*, *законоискусник* и так далее⁷⁸. Неслучайно за авансценной жарких дебатов многочисленных депутатов Уложенной комиссии находились четыре человека, «самых искуснейших юриспрудентов под званием консультантов». Эти специалисты, именуемые «учеными», подчинялись исключительно генерал-прокурору, имели жалованье и должны были «разбир[ать] случаи и исследова[ть] одного ли рода суть законы, которые друг другу кажется противоречат». Более того, «в тяжелых материях» этим «законоискусникам» следовало обращаться в университет, Академию наук и юриспруденский класс Кадетского корпуса⁷⁹.

От придворных *законоискусников*, на которых возлагалась большая ответственность подготовки текстов указов, кроме того, требовались способности к словесности и одновременно чувство стиля законодательных документов. Примечательно, что более десятка статей *Наказа*, специально посвященных «слогу законов», были авторскими и выражали склонность Екатерины к здравому смыслу точных формулировок:

Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех, и при том очень коротко [...] Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены: они сделаны для людей посредственного разума, равномерным образом как и для остроумных. [...] Надлежит убогать выражений витиеватых, гордых или пышных и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего⁸⁰.

⁷⁶ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 283 (30 июля 1767 г.).

⁷⁷ Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 78.

⁷⁸ См., например: СлРЯ XVIII. Вып. 8. С. 244–251.

⁷⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 283 (30 июля 1767 г.).

⁸⁰ Наказ императрицы Екатерины II. С. 122–125.

Записки статс-секретарей императрицы также подтверждают, что она очень ценила четкость изложения и выверенную структуру официальных текстов. «Поднес бумаги по придворной комиссии, — вспоминал Александр Васильевич Храповицкий, — выслушан доклад. Объявлено высочайшее благоволение за труд и ясность»⁸¹.

Некоторые замечания, сделанные в мемуарах, письмах, дневниках придворных, свидетельствуют, что между сановниками существовало негласное, но всеми признаваемое стремление достичь превосходства в мастерстве составления указов и особенно манифестов. Более того, репутация государственного деятеля русского века Просвещения и в глазах современников, и в сознании потомков была тесно связана с талантом *законоискусника*, а также умением точно и метко выразить позицию власти в исходящих от престола документах. Адъютант Потемкина М.А. Гарновский воспроизвел в своем донесении любопытный диалог с Александром Андреевичем Безбородко по поводу манифеста «о войне противу Оттоманской Порты», подготовленного 7 сентября 1787 года сенатором Петром Васильевичем Завадовским:

На сих днях спорил я с известным вам человеком о манифесте. «Манифест написан чрезвычайно и бесподобно хорошо», — сказал он. А я доказывал, что в нем есть ошибки даже в словах, например, в речи: «увенчать коварство наглостию» — слово «увенчать» употреблено некстати; 2-е: «затеи не суть дела, а дела не затеи». Сие ему крайне не понравилось. «Можно ли, да знаете ли вы, что это Петр Васильевич писал?» — сказал он. Он почитает Петра Васильевича красноречивее Златоуста, а дерзнувшего противоречить сему признает достойным предану быть смерти⁸².

В действительности же истинным «Златоустом» российского законодательства единодушно и сейчас считается сам Александр Андреевич Безбородко. Неслучайно Статс-секретарь императрицы Адриан Моисеевич Грибовский отзывался высоко о «цветущем и благозвучном слоге писанных графом манифестов»⁸³.

Здесь уместно будет отдать должное самой русской императрице, которая сумела соединить принадлежащие ей по сану полномо-

⁸¹ Храповицкий А.В. Памятные записки. С. 12.

⁸² Гарновский М.А. Записки. С. 475; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16.567 (7 сентября 1787 г.).

⁸³ Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 21–22.

чия *законодателя* и заслуженную репутацию *законоискусника*. В начале правления Екатерина, еще не совсем уверенная в достаточном владении языком своих подданных, полагалась при составлении текстов указов на секретарей, и прежде всего на Григория Николаевича Теплова. Но со временем ее рука становилась все более уверенной, и авторство важнейших законодательных актов последних десятилетий XVIII века принадлежит именно высочайшей особе.

Слог императрицы на русском языке отличался почти тезисной лаконичностью, а манера изложения отсекала любые не относящиеся теме рассуждения. Можно предположить, что Екатерина по своему оценила исполненные живого чувства многочисленные *толкования* указов начала столетия, адресованные «неразумным» подданным, состоящим сплошь из «детей неученых, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»⁸⁴. «Чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, — писала она в *Наказе*, — чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона. Воинский устав наполнен подобными примерами, которым удобно можно последовать»⁸⁵. Однако в отношении собственного законодательства императрица настороженно относилась к *толкованиям*. «Должно поступать весьма осторожно в сих изъяснениях. [...] Если пишущий законы хочет в них изобразить причину, побудившую к изданию некоторых, то должно, чтобы причина та была сего достойна, [...] чтоб легко можно было понять вещь, законом устанавливаемую»⁸⁶.

Разумеется, власть заботилась о ясности слога правовых документов как залого четкого и неукоснительного их исполнения. Однако в приглушенном недовольстве дворянских фрондеров улавливался иной смысл. Щербатов, например, не имел никакого сомнения, что «законы должны быть писаны слогом кратким, внятным и не двояко знаменующим». Но при этом князь полагал эту затею утопической, поскольку «лукавство сердца человеческого есть толь велико, что тщетно употреблять все способы к написанию законов без двоякознаменования, поврежденные духом все найдут некоторые для утверждения их неправосудия». Единственную па-

нацею от изначально существующей возможности вольной трактовки закона Щербатов видел в публичности верховного суда и ежегодной публикации «подлинниками все[x] дел, которые были в нем решены», чтобы «подданные [...] не опасались по единому закону быть оправданы в одном деле, а обвинены другом»⁸⁷.

Закон и гражданин

Таким образом, в многозначности понятия *закон*, имеющего целый спектр определений и массу однокоренных слов от *законодателя* до *беззакония*, отразились противоречивые реалии жизни русского общества и сложные процессы развития правового сознания современников. Для человека второй половины XVIII века религиозная вера и повседневность, *закон Божий* и *закон государственный*, существовали достаточно изолированно и не являлись предметом глубоких раздумий. Однако в официальных документах власть прагматично использовала догматы Нового Завета и даже обращение к законам Моисеевым для придания особой весомости собственным законодательным актам.

Кабинет императрицы и Сенат обрушивали на подданных неснимаемый поток *указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций* и так далее. Все эти правовые акты могли объединяться словом *закон* и были обязательны для неукоснительного исполнения. Но в то же время жанровая размытость законодательных документов второй половины XVIII века не мешала современникам придавать понятию *закон* более высокий и общий смысл, чем слову *указ*, а Екатерине даже пытаться как-то упорядочить запутанную юридическую терминологию. «Под словом *законы*, — писала императрица в *Наказе*, — разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться. [...] Имя *указы* заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное, или на чью особу относящееся, и может со временем перемениться»⁸⁸.

Непременные фундаментальные государственные законы и власть, и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения,

⁸⁴ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4.345. С. 150 (5 ноября 1723 г.).

⁸⁵ Наказ императрицы Екатерины II. С. 122.

⁸⁶ Там же. С. 122—125.

⁸⁷ Щербатов М.М. Разные сочинения. С. 47—48. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартеневым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 31).

⁸⁸ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно настроенная аристократия — определенную страховку от *самовласти*, когда «ГОСУДАРЬ [...] не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, как постановя в Государстве своем правила непреложные, [...] которых не мог бы нарушить Сам, не престав быть достойным ГОСУДАРЕМ»⁸⁹. Так понятие *закон* постепенно превращалось и в орудие политического дискурса.

Наиболее же мощным средством ограничения воплощающейся в законе непрекращаемой воли монарха были диктуемые реальностью потребности государственного развития, которые определялись действительным положением вещей, а не капризами венценосной особы. Даже изустные распоряжения становились законом, если были оформлены в виде опубликованного сенатской типографией указа и доведены до сведения подданных. Анализ смыслового наполнения понятия *закон* обнаружил, что в сознании современников отсутствовало полное тождество между *монаршей волей* и *именным указом*, слова *самодержавие* и *самовластие* были почти антонимами, а главной добродетелью просвещенного императора признавался талант *законодателя*, создающего и вводящего *непреложные законы*.

Авторы правовых документов, а иначе говоря, *законоискусники*, в роли которых часто выступал сам *законоположник*, всемерно стремились повысить эффективность исполнения законов и усилить их регулирующую функцию социального контроля. Власть не просто жестко требовала исполнять всенародно объявленные указы, чтобы «неведением никто не отговаривался». Престол воспитывал у подданных уважение к закону, непосредственно связывая правовые акты с непрекращаемым авторитетом правящей императрицы и акцентируя преемственность «подлежащих вечности законов» с указами предшествующих правлений. Екатерина пристрастно следила за четкими формулировками и ясным слогом законов, а также не допускала отмены уже провозглашенных указов. Она исходила в своих постановлениях из «здорового смысла», «природной склон-

⁸⁹ Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах. С. 4—13. Авторская маркировка слов в тексте сверена с первоисточником: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—17 об.

ности» подданных и «мыслей просвещенной части народа». Однако способность императрицы «уведывать» «мысли просвещенной части народа» точнее будет назвать умением манипулировать настроениями политической элиты, на которую, собственно, и была рассчитана регулятивная функция законодательства. Что же касается податных людей, составляющих большую часть населения империи, то закон для них был императивом без каких-либо толкований, а сами они сливались в безликую массу, обязанную представлять рекрутов «по три человека с 500 душ».

Однако не только тот факт, что, как писал Радищев, «земледельцы и доднесь в законе мертвы», но и целый ряд других обстоятельств придавал понятию *закон* в русском языке второй половины XVIII века несколько умозрительный и идеальный смысл. Прежде всего в силу своих функций любой правовой акт отражает не столько реалии развития общества, сколько представление власти о том, каким оно должно быть. Юрий Михайлович Лотман писал:

Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реальности могли колебаться в очень широкой гамме — от представлений об идеально высокой норме и нарушениях ее в сферах низменной действительности до сознательной правительственной демагогии, выражавшейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию (Наказ), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)⁹⁰.

«Сознательной правительственной демагогией», о которой упоминал Лотман, можно назвать репрезентативную функцию законодательства, призванного не только осуществлять социальный контроль, но и поддерживать величественный образ престола в восприятии подданных и позитивный образ империи в глазах европейского общественного мнения.

Кроме того, простая истина, что объявление указа «во всенародное известие» еще не означает его реализацию, придавала правовым актам оттенок некой идеальной абстракции, к которой необходимо стремиться. Неоднократное издание на протяжении

⁹⁰ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 295.

правления Екатерины законов одного содержания свидетельствовало о сбое в их исполнении. Так, с 1762 по 1796 год было опубликовано более двадцати именных и сенатских указов, увещающих чиновников «воздерживаться от лихоимства», содержащих «меры к прекращению взяток», наказывающих за «корысть и отягощение народа поборами»⁹¹. Как известно, «сребролюбие» продолжало процветать, но при этом нельзя сказать, что закон был абсолютно бессилён — настойчивость власти, осуждающей «гнусную наживу», задавала определённую нравственную планку и формировала систему предпочтений.

Особенности функционирования имперской бюрократической машины лишь усиливали размытость смыслового содержания понятия *закон*, придавая ему оттенок абстрактности и даже утопичности. Многие государственные чиновники плохо знали правовые акты, иногда «превратно» их толковали, порой следовали уже отменённым указам и даже позволяли себе собственное законотворчество. Непосредственным свидетельством превращения закона в некий неосязаемый фантом являются практически ежегодно «объявляемые во всенародное известие» указы о «предоставлении рапортов об исполнении именных и сенатских указов».

Всеобщая картина игнорирования законов государственными чиновниками усиливалась скептическим отношением к силе закона «партикулярного» человека. Анализ прошений на высочайшее имя, которые, кстати сказать, могла позволить себе только политическая элита, обнаружил стоическую веру подданных лишь в милосердие императрицы. Попытка защиты собственных прав на основании закона была оправдана лишь в отношении других представителей политической верхушки, но никак не монарха. Поэт Александр Петрович Сумароков в посланиях императрице мог гневно заявлять, что «фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему», «он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом», но при этом смиренно добавлял «я подданный ваш, а не его, всенижайший и преданнейший раб»⁹².

Никакой корреляции между существованием закона, правосудием, гарантированными привилегиями высшего сословия, с од-

⁹¹ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.616. С. 22?23 (18 июля 1762 г.); Т. 17. № 12.537. С. 473?474 (31 декабря 1765 г.); Т. 20. № 14.769. С. 726—727 (27 июня 1778 г.); и др.

⁹² См. письма А.П. Сумарокова (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 129—132).

ной стороны, и надеждой на справедливость — с другой, в сознании дворянина не существовало. Высшие сановники, сенаторы, авторы многочисленных указов и манифестов, в случае необходимости даже не помышляли об апелляции к закону, а уповали только на высочайшую милость, расположение фаворита, а если повезет, и непосредственное обращение.

Так ряд этимологических смыслов понятия *закон* замыкался в некий неразрывный круг, вращающийся вокруг слов *самодержавие, самовластие, произвол, подданные, государство* из знаменитого высказывания Панина, дошедшего до нас в записи Д.И. Фонвизина: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная обшая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»⁹³.

Кажется, преодолеть это завораживающее вращение можно было лишь через новый взгляд на понятие *гражданин*.

⁹³ Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Шумигорский Е.С. (Сост.) Император Павел I. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784—1786 гг. (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17).

Сергей Викторович Польской

Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века

В июне 1801 года русский посол в Англии граф Семен Романович Воронцов, обеспокоенный новостями из Петербурга, полученными от его старшего брата сенатора Александра Романовича, писал ему:

Quant à ce que vous me dites du désir de l'Empereur de diminuer sa propre autorité, c'est *un changement dans la constitution de l'état*, c'est donner de nouvelles loix à 30 millions d'habitants. Or, quand il ne s'agirait que de changer *la constitution* d'une seule petite république comme Genève ou Lucques, il faudrait des années pour bien peser ce changement avant que de le mettre à exécution, si on veut éviter des troubles et des grands malheurs; mais faire des changements si essentiels dans l'empire le plus vaste de l'univers, dans une population de plus de 30 millions, dans une nation non préparée, ignorante et corrompue, et cela dans un temps où la fermentation des esprits est universelle sur tout le continent: c'est, je ne dis pas risquer, mais amener inmanquablement les troubles dans le pays, c'est amener la chute du trône et la dissolution de l'empire¹.

Данный отрывок раскрывает перед нами иное, отличное от современного, понимание *конституции*, которое господствовало в

XVIII веке. Во-первых, Семен Воронцов совершенно осознанно говорит о конституции России, государства с неограниченной властью монарха, наравне с конституцией республиканской Женевы. Во-вторых, он выступает против стремления императора Александра I ограничить свою власть и утверждает, что подобное ограничение было бы нарушением конституции России! Сейчас для нас это заявление известного дипломата звучит как нонсенс, поскольку конституционализм связывается с ограничением любого произвола по отношению к правам граждан и установлением законных рамок деятельности правительства. Все это свидетельствует о том, что люди XVIII века вкладывали иные смыслы в понятия, которые, казалось бы, звучат столь современно.

Вполне очевидно, что без понимания политического дискурса эпохи и составлявших его понятий невозможно изучение русской истории XVIII века, так как, только выяснив, что имели в виду люди прошлого, мы можем понять их. До тех пор пока мы будем навязывать историческим деятелям наши представления о *конституции, монархии, государстве* и других политических понятиях, мы будем каждый раз ошибаться во всех своих суждениях. Так, например, если прочитать вышеприведенный отрывок, то можно поспешно сделать вывод о том, что Семен Воронцов был реакционером и противником всяческих преобразований, в то время как известно, что он, вместе с братом, был сторонником «законной монархии», инициатором реформ 1802 года, приведших к преобразованию Сената и созданию министерств. Большинство исследователей связывают его политические взгляды с конституционализмом начала XIX века. Но можно ли отнести его к «борцам за конституцию», если С.Р. Воронцов подразумевал под конституцией что-то совершенно иное? Оценка политических взглядов того или иного исторического деятеля невозможна только на основе изучения одного концепта, необходим связный анализ политического дискурса эпохи. В то же время нельзя понять один концепт без изучения близких или противоположных понятий. Для понимания политических концептов необходима их интерпретация в историческом контексте, в том историческом пространстве, в котором они рождались и развивались, по отношению к тем проблемам и дискуссиям, которые заставляли их меняться. Так, развитие понятия *конституция* предполагает его изучение в отношении с другим важным политико-правовым концептом, игравшим в XVIII веке куда более значимую роль, а к началу XIX века ставшим во многом си-

¹ С.Р. Воронцов — А.Р. Воронцову, 14 (26) июня 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. 10. СПб., 1876. С. 99. Перевод и курсив здесь и далее в тексте наш, за исключением особо оговоренных случаев. Перевод отрывка: «Касательно того, что Вы мне говорили о желании Императора уменьшить свою собственную власть, сие есть *перемена в конституции государства*, каковая даст новые законы 30 миллионам обитателям оного. Однако когда собираются менять *конституцию* одной маленькой республики, подобно Женеве или Лукке, надобны годы, дабы обдумать сию перемену до того, как исполнить оную, ежели желают избежать смут и великих бед; но произвести перемены столь существенные в самой обширной империи мира, население которой превышает 30 миллионов, среди нации к тому не приуготовленной, невежественной и развращенной, и сие при повсеместном брожении умов на целом континенте: сие, отважусь сказать, приведет неминуемо к смутам во всей стране, доставит падение трона и распад империи».

нонимичным конституции. Речь идет о фундаментальном законе (*lex fundamentalis, loi fondamentale, Fundamentalgesetz*), который был сравнительно ближе к современному понятию конституции, правда, с тем отличием, что фундаментальные законы могли быть написаны и принадлежать к обычному праву или исторической традиции. Оба термина были известны в России XVIII века и во многом были связаны с трансфером и адаптацией европейских политических концепций. Но в отличие от почти неизменной конституции, *lois fondamentales* в России преобразовались в переводе разных авторов в законы фундаментальные, основательные, непрелюбимые, коренные или даже в непоколебимо учрежденные уставы и главные установления. Полагаем, что только параллельное изучение развития концептов конституция и фундаментальный закон, которые сближаются к концу XVIII века, может позволить нам лучше понять историческую семантику обоих понятий.

В западной исторической науке существует обширная литература, как в рамках *Begriffsgeschichte*, так и кембриджской школы, посвященная истории понятия конституция в XVII—XIX веках². В российской историографии подобных исследований, посвященных становлению изучаемых понятий в русской культуре XVIII века, насколько нам известно, еще не существует³. В данной статье мы попытаемся рассмотреть историю формирования, употребления и изменения двух «ключевых понятий» политического

² Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century // Ball T., Pocock J.G.A. (Ed.) Conceptual Change and the Constitution. Lawrence, 1988. P. 35—54; Mohnhaupt H., Grimm D. Verfassung. Konstitution, Status, Lex fundamentalis // Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831—862; Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution (1789—1815) // Annales historiques de la Révolution française. 1991. Vol. 286. P. 459—481; Idem. Constitution, Constitutionnel // Reichardt R., Lüsebrink H.J. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680—1820. H. 12. München, 1992. S. 31—63; Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat (2009) // <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

³ Если не считать отдельных обзорных работ об «основных законах», созданных в рамках юридической науки. См.: Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой половине XIX в. // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Петроград, 1922. С. 370—381; Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Он же. Власть и Закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 111—141.

дискурса XVIII века в Европе и России: фундаментальных законов и конституции. Для достижения поставленной цели нами были использованы источники самого разного характера: от серийных (словари, учебники, журналы и так далее) до единичных, среди которых особое внимание мы уделяем политическим и публицистическим сочинениям, наиболее полно раскрывающим связь «понятия» и «действия» в конкретной исторической ситуации. Занимаясь, собственно, изучением политической истории русского XVIII века, мы используем «историю понятий» как метод раскрытия глубинных смыслов социально-политических процессов эпохи, который позволяет, как нам кажется, открыть перспективы для создания «новой политической истории».

Экскурс в историю развития изучаемых понятий в европейском культурном контексте (I) необходим для понимания особенностей их русского бытования, поскольку значения новых терминов усваивались в России не только и даже не столько через переводы, а скорее напрямую через оригинальные политические и правовые сочинения, прежде всего французские, с которыми знакомились представители русского просвещенного «общества». Билингвизм русской элитарной культуры второй половины XVIII — начала XIX века влиял определенным образом на трансфер и адаптацию новых терминов⁴. Поэтому в русских политических сочинениях на французском языке западные понятия могли обретать новые смыслы и значения, определенные отечественным социальным полем. В то же время следует отметить, что XVIII век стал эпохой, когда изучаемые понятия переживали активную трансформацию в самой европейской культуре и их трансфер в Россию (II) был связан с распространением и адаптацией здесь западных политических концепций.

Собственно, развитие вышеназванных понятий в русском контексте оказалось тесно связанным с важными политическими дискуссиями об «истинной монархии» и реформах, которые развернулись в 1750—1780-е годы (III). Они породили обширную публицистическую литературу, важнейшей частью которой стала полемика о фундаментальных законах. Наконец, мы попытаемся выяснить, почему в России второй половины XVIII века фундаментальные законы были ведущими понятиями политического дискур-

⁴ О проблеме билингвизма см. статью М.Б. Велижева в настоящем сборнике.

са и каким образом в самом начале XIX века их вытесняет *конституция*, становясь ключевым понятием на ближайшие два века (IV).

«Qu'on doit entendre par la constitution politique»?⁵

Термин *конституция* в современном политическом лексиконе давно уже вытеснил понятие *фундаментальный закон*, ставшее, в лучшем случае, его синонимом. Большинство современных словарей трактуют *конституцию* как «основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан»⁶. Хотя еще три века тому назад *конституция* употреблялась в юридическом, финансовом, религиозном, медицинском, физическом, астрономическом, но только не в политическом смысле. Лишь отдельные авторы политических сочинений начинают в XVII веке использовать этот термин в метафорическом смысле, связывая «политическое тело» государства с определенной *конституцией*, так же как тело человека связывалось с крепкой или слабой конституцией. *Конституция* выступала здесь как особое сложение государственного «тела», установление определенных принципов его существования, состояние управления этого «корпуса».

Этимология слова *конституция*, так же как и этимология *фундаментального закона*, скорее юридическая, хотя латинское существительное *constitutio* восходит к глаголу *constituo* (ставить, помещать, устанавливать) и, соответственно, его первое значение — *установление, учреждение*. Цицерон, Квинтилиан, авторы кодекса Юстиниана употребляют этот термин в смысле некоего установленного правила, юридического постановления, императорского приказа. В романских языках *конституция* появляется раньше, чем в германских; так, во Франции *constitution* встречается с XII века, в то время как в английский оно попадает только в XVI столетии, но и там и там в юридическом значении: «ordonnance, règlement» или «act of settling, regulation, order, ordinance». В политическом смыс-

⁵ «Что следует понимать под политической конституцией» — вопрос, который поставил аббат Сийес в своем знаменитом политическом сочинении, ставшем точкой отсчета для нового понимания *конституции* (Siéyès E.J. Qu'est-ce que le Tiers-état. Paris, 1789. P. 74).

⁶ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1993.

ле в английском языке *конституция* начинает употребляться гораздо раньше, чем во французском: уже в начале XVII века под *конституцией* понимают «mode of organization of a state», а к началу следующего века складывается ее понимание как «system of principles by which a community is governed». Французы заимствуют политическое понимание *конституции* у англичан в 1683 году, считается, что это заслуга Жана-Батиста де Розмона, который, переводя книгу Гильберта Барнета *История Реформации английской церкви*, первым говорит о «la constitution de l'Angleterre»⁷.

Хотя в XVII веке *конституция* еще редкий гость в политических трактатах, куда более часто встречается *leges fundamentalis*, казавшийся более важным понятием и для юристов, и для государственных деятелей, именно *фундаментальные законы* с позднего Средневековья часто подменяли понятие традиционного обычного права. Так, во Франции термин *lois fondamentales* начинает употребляться с 1576 года вместо *anciennes lois du Royaume*, в Англии понятие *fundamental law* соотносится с *Великой хартией вольностей* с начала XVII века. В Германии *Fundamentalgesetz* впервые упомянуты в *Regierungsform* Померании 1634 года, впрочем, еще в 1591 году Фридрих Прукманн, канцлер курфюрста Бранденбургского, утверждает в своем *Paragraphus solute potestas*, что Салический закон есть «*lex fundamentalis florentissimi Galliae regni*». Наконец, общим местом при описании Священной Римской империи было упоминание ее *constitutions et leges fundamentalis*, под которыми прежде всего подразумевалась *Золотая булла* 1356 года, Аусбургский и Вестфальский трактаты⁸. Как отмечает Вольфганг Шмале, на протяжении XVII—XVIII веков в Германии определение понятия *конституция* вызывало меньше проблем, чем во Франции, поскольку до Французской революции под *конституциями* здесь понимали неизменный корпус *фундаментальных законов* Империи⁹.

⁷ Burnet G. Histoire de la Reformation de l'Eglise d'Angleterre / Traduite de l'anglois par M. de Rosemond. Londres, 1683. T. 1. P. 85.

⁸ Oestreich G. From Contractual Monarchy to Constitutionalism // Collins J.B., Taylor K.L. (Ed.) Early modern Europe: issues and interpretations. Oxford, 2006. P. 324.

⁹ Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution. P. 468 («En Allemagne, la notion de constitution faisait moins de problème qu'en France [...] La raison en est simple, parce que le signifié ne faisait pas de doute: un corpus de lois fondamentales comme la Bulle d'Or de 1356, la paix de la religion d'Augsbourg, la paix de Westphalie de 1648 [...] formaient, sans nul doute, la constitution de l'Empire»).

Употребление терминов *конституция* и *фундаментальные законы* в политико-правовом дискурсе рубежа XVII—XVIII веков можно изучать на показательном примере трактата *De Officio Hominis et Civis juxta legem naturalem* (1673), принадлежавшего перу крупнейшего авторитета эпохи в области права — немецкого юриста Самуэля фон Пуфендорфа (1632—1694)¹⁰. Книга *О должности человека и гражданина согласно естественному закону* была своеобразным учебником политического права в Европе на протяжении долгого времени. Уже вскоре после публикации на латыни появились английский (1691), французский (1707) и русский (1726) переводы этого трактата. Сравнение оригинала и переводов весьма показательно как для понимания своеобразия политического лексикона эпохи, так и для осознания семантики изучаемых понятий. Переводчик на английский — профессор геометрии Эндрю Тук (1673—1732)¹¹ и на французский — юрист Жан Барбейрак (1674—1744)¹², пытаясь адаптировать те или иные латинские термины Пуфендорфа, вводят в текст понятие *конституция*, которое напрочь отсутствует у автора, так же как и у русских переводчиков¹³. Барбейрак впервые использует *constitution* как аналог латинского *conditio*¹⁴. Такая трактовка восходит к классической латыни: так, Цицерон говорит о *firma corporis constitutio*¹⁵, и это демонстрирует, что политическое значение *конституции* в современных языках имело скорее метафорическое, чем юридическое происхождение от термина, подразумевавшего сложе-

¹⁰ Pufendorf S. De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. Londini, 1737. Далее цитаты в тексте по этому изданию, первая цифра — номер книги, вторая — главы, третья — параграфа.

¹¹ The whole duty of man according to the law of nature / Samuel Pufendorf; Transl. by Andrew Tooke, 1691; *Idem* / Ed. with an Intr. by I. Hunter and D. Saunders. Indianapolis (Ind.), 2003. Данная публикация основана на пятом издании перевода Тука 1735 года.

¹² Les devoirs de l'homme et du citoyen, tels qu'ils lui sont prescrits par la loi naturelle / Traduits du Latin de feu Mr. Le Baron de Pufendorf, par J. Barbeyrac. Amsterdam, 1707.

¹³ О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две сочиненные Самуилом Пуфендорфом. Ныне же на российский с латинского переведены повелением [...] государыни Екатерины Алексеевны. СПб., 1726 [перевод Иосифа Кречетовского, в редакции Гавриила Бужинского (1680—1731)].

¹⁴ Les devoirs de l'homme et du citoyen. P. 173. «Cum ea sit conditio corporis humani» (I, 12, 1) — «Telle est la constitution du Corp Humain». В то же время Тук буквально переводит фразу Пуфендорфа: «Whereas such is the Condition of Man's Body» (The Whole Duty of Man. P. 128).

¹⁵ Cicero. De Officiis. III, 33, 117.

ние некоего тела, его многосоставную и в то же время согласную природу. Неслучайно именно в XVII веке зарождается эта метафора, поскольку в эпоху барокко мыслители описывают государство как «политическое тело», пример *Левифана* Томаса Гоббса является в этом отношении самым известным. Собственно говоря, далее переводчики используют только метафорическое понимание *конституции*. Уже перевод названия главы 6 второй книги *De internum civitatis structura* говорит сам за себя: Тук весьма пространно называет ее «Of the Internal Frame and Constitution of any State or Government», а Барбейрак более краток: «De la Constitution intérieure des Etats». Отметим, что английское *frame*, которое выступает здесь синонимом *конституции*, также имеет метафорическое происхождение, эта *внутренняя структура* восходит к *скелету*, *каркасу* и *телосложению*. Чтобы перевести *interna compages* (II, 6, 1) Пуфендорфа, Тук коротко говорит об *Internal Constitution*, в то время как Барбейрак использует два существительных, чтобы передать латинские *compages*, — «le ciment et la structure»¹⁶.

В главе 8 второй книги *De Formis Rerum publicarum* (*Of the several Forms of Government, De diverses forms de Gouvernement*) Пуфендорф рассматривает основные формы правления (монархия, аристократия, демократия). Обратим внимание, что Пуфендорф выделяет понятия *государства* (*civitas*) и *формы правления* (*republica*), в которой выражается суверенитет. Барбейрак четко следует этому разделению, в то время как Тук использует *Government* и для передачи *civitas*, и для *republica*, хотя разделяет эти смыслы, и здесь проявляются скорее особенности английской семантики слова *Government*, которое может выступать и как «ruling authority in state», и как «the organization of the state». Тук также переводит *republica* (II, 8, 12) как *constitution*, пытаясь обозначить именно форму правления, в то время как Барбейрак использует здесь *Gouvernement*¹⁷.

Как видим, во всех случаях понятие *конституция* ни в коей мере не подразумевает какого-либо ограничения власти, а используется для описания любой системы осуществления власти, ее формы. Совсем иначе обстоит дело с *фундаментальными законами*, о которых Пуфендорф говорит весьма осторожно и, несмотря на свои абсолютистские симпатии, пишет о возможности ограниче-

¹⁶ The whole duty of man. P. 192; Les devoirs de l'homme. P. 275.

¹⁷ The whole duty of man. P. 206; Les devoirs de l'homme. P. 296.

ния власти определенными юридическими нормами. Немецкий правовед утверждает, что народ, опасаясь произвола со стороны единоличного правителя, может *eius imperii exercitium certis limitibus circumscribere* (II,9,6). Тук переводит его дословно («to circumscribe the Exercise of this Power within the *Limits of certain Laws*»), а вот Барбейрак на этом не останавливается и прямо говорит, что *certis limitibus* — это и есть «*certaines Règles ou Loix Fondamentales*»¹⁸. Наконец, в следующем параграфе Пуфендорф объясняет, что *фундаментальные законы* действуют в тех монархиях, где правитель царствует на правах узурпатора, а не как вотчинник. Там, где народ вручил власть монарху на условиях сохранения государства, должно соблюдать *фундаментальные законы*, в то время как в патримониальной монархии государь волен чинить любой произвол, как в своей личной вотчине. В этом состоит различие *Modus habendi regnum* (II,9,7), которое также определяется тем, как получена власть: вотчинное владение предполагает — завоевание, право узурпатора — наследование. Поэтому монархи по праву наследования подчиняются фундаментальным законам или существующим кутюмам¹⁹.

Анализ сочинения Пуфендорфа и его разноязычных переводов показывает нам соотношение двух концептов политико-правовой мысли XVII века: мы видим, что *конституция* и *фундаментальные законы* никак не связаны между собой непосредственно. Если *конституция* подразумевает форму правления, то *фундаментальные законы* отнесены только к контрактной монархии и напрямую связаны с обычным правом (*ancient Custom, Coutume établie*).

Отметим особо, что юристы того времени относили практически все европейские монархии к основанным на праве узурпатора, в чем видели их существенное отличие от восточных деспотий. Так, Гуго Гроций констатирует в *De Jure Belli ac Pacis* (1625), что в Европе «государи ныне по большей части владеют государством не на вотчинном праве, но лишь на праве узурпатора»²⁰. А первый оратор

¹⁸ The whole duty of man. P. 209; Les devoirs de l'homme. P. 301.

¹⁹ The whole duty of man. P. 210; Les devoirs de l'homme. P. 302. «Demittendo legem fundamentalem, aut consuetudinem in populo receptam» — «to be determin'd, either by the ancient Custom, or the fundamental Laws of the Kingdom» — «ont droit d'y prétendre selon les Loix Fondamentales ou Coutume établie». В русском переводе 1726 года: «...закон основательный, или обыкновению в народе воспринятому последовати должны» (О должности. С. 438—439).

²⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 773 (кн. III, гл. XX, § V).

Франции, который всегда рассматривался как сторонник абсолютизма, епископ Жак Бенинь Боссюэ, наставляя дофина в науке править, утверждает: «Il y a des *loix fondamentales* qu'on ne peut changer; il est même très-dangereux de changer sans nécessité celles qui ne le sont pas»²¹.

Однако на протяжении XVIII века семантика данных концептов начинает постепенно трансформироваться. На примере французских словарей можно проследить, каким образом в Европе в XVII—XVIII веках эволюционирует понимание *конституции*. В первом издании *Словаря Французской Академии* говорится о *конституции* прежде всего как о некоем установлении (*établissement*), причем скорее финансовом, оформленном определенным правовым актом (рента, пенсия). Как пример словоупотребления приводится фраза: «Он имеет сто тысяч ливров конституций» (*Il a pour cent mille livres de constitutions*). Затем речь идет о *конституции* как о законе, ордонансе, регламенте (и заметим, снова во множественном числе: «Эта республика, этот город управляется хорошими Конституциями» (*Cette République était gouvernée par de bonnes Constitutions*). Потом идет старое латинское значение комплекции, сложения человека (*Bonne, forte constitution. Il est de bonne constitution, de mauvaise constitution*), и завершает смысловое поле *конституций* ссылка на философов, которые метафорически употребляют термин, говоря об устройстве мира (*constitution du monde*)²². Столетие спустя пятое издание словаря (1798), повторяя предшествующие значения, включает новый абзац: «On dit, *La Constitution d'un état*, pour dire, La forme de son Gouvernement, et se Lois fondamentales. *La Constitution de l'état Monarchique exige que*, etc.»²³. Это политическое значение для французского образованного общества было «новым» по меньшей мере уже полвека. Так, *Словарь Треву*, издание куда более чуткое к веяниям времени, акцентирует внимание на политико-правовых характеристиках *конституции* как преобладающих²⁴. Хотя ни в его издании 1721, ни

²¹ Bossuet J.B. La Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. Paris, 1709. P. 35 (livre I, article IV: Des Loix, VIII).

²² Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, 1694. T. I. P. 238.

²³ Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, L'an VII de la République [1798]. T. I. P. 299.

²⁴ Р.А. Будагов связывает это с буржуазной направленностью издателей *Словаря Треву* — см.: Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М., 2002. С. 8.

1771 годов мы не найдем четкой связи между *конституцией*, *формой правления* и *фундаментальными законами*²⁵.

В *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера присутствует общее определение, близкое *Словарю Треву*: *конституция* «signifie en général établissement de quelque chose. Ce terme s'applique en Droit à différents objets»²⁶. И затем Луи де Жокур, автор статьи, долго и детально описывает церковные и частные конституции, конституции прокуроров и конституцию ренты, но больше всего он уделяет внимание Конституции Священной Римской империи как *collectio constitutionum imperialium*.

Только в 1770—1780-е годы мы можем наблюдать становление нового понимания *конституции* во французских словарях. В частности, это отчетливо проявилось в *Универсальном словаре нравственных, экономических, политических и дипломатических наук* Жана Батиста Рене Робине (1735—1820), в 14-м томе которого выделена обширная статья, посвященная *Конституции*. Здесь уже в первом абзаце статьи прослеживается эволюция от старого широкого к узкому современному значению *конституции*: «Слово конституция означает в самом общем понимании установление чего-либо. В Политике и Праве народов под Конституцией государства понимается *фундаментальный регламент, который определяет способ, каковым должно осуществлять публичную власть*»²⁷. Здесь же Робине ставит знак равенства между *фундаментальными законами* и *конституцией*. Хотя, согласно Робине, как и большинству авторов его эпохи, *конституции* имеются у всех государств, в том числе монархических, и различаются в зависимости от формы правления. Робине даже в России обнаружил *фундаментальные законы*, несмотря на деспотический характер правления: «Все *фундаментальные законы*, насколько известно, сводятся здесь к одному, что предписывает суверену исповедание греческой религии, и к другому, что запрещает разделять свое Государство: впрочем, последний существует только в традиции, а первый мы найдем только в Те-

²⁵ Dictionnaire universel françois et latin, vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux. Paris, 1721. T. 2. P. 844—845; Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1771. T. 2. P. 162—163.

²⁶ Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1754. T. 4. P. 62.

²⁷ Dictionnaire universel des sciences morale, économique, politique et diplomatique, ou Bibliothèque de l'homme-d'état et du citoyen. Londres, 1780. T. 14. P. 56.

стаменте Екатерины I»²⁸. Нужно отметить, что на Робине, несомненно, оказало влияние английское понимание *конституции*, которое получает четкие политические очертания еще в предшествующее столетие.

Эпоха между 1688 и 1789 годами стала временем развития понятия *конституция* в политической литературе: от Локка до Сийеса его семантика значительно изменилась. Идеолог «Славной революции» Джон Локк в своих *Двух трактатах о правлении* (1690) предлагает всю гамму значений *конституции*, здесь мы встречаем и ее анатомическое понимание (*constitution of men* — I, VI, 51), и ее правовую трактовку (*different customs and constitutions of distinct commonwealths* — II, XIII, 152)²⁹. Но в то же время Локк использует термин в политическом смысле, когда он метафорически говорит о «сложении и каркасе всякого правления» (II, XIX, 230), а также рассуждает о *фундаментальных законах*, в том числе применительно к их признанию со стороны королевской власти³⁰. Со времен Локка в Англии политическое понимание *конституции* как установленной формы правления закрепляется достаточно прочно.

Шарль Луи Монтескье, побывавший в Англии и восхищенный ее *конституцией*, то есть системой правления, использует английское понимание этого термина в своем *Духе законов* (1748). Он фактически придает слову *конституция* значение политического концепта, используя его в значении *politeai* Аристотеля, только применяя его не к городу, а государству в целом³¹. В то же время

²⁸ Dictionnaire universel. Londres, 1783. T. 28. P. 24.

²⁹ Цит. по: *Locke J. Two Treatises of Government*, ed. Th. Hollis. L., 1764 (номер трактата, главы, параграфа).

³⁰ Он ссылается на выступление Якова I в парламенте в 1609 году, в котором тот заявлял, что «king binds himself by a double oath, to the observation of the *fundamental laws of his kingdom*». Король дает клятву «соблюдать *фундаментальные законы королевства*» и в то же время обещает издавать «*хорошие законы и конституции*» («good laws and constitutions», II, XVIII, 200). Самому Дж. Локку приписывают авторство проекта *Fundamental Constitutions of Carolina* (1669).

³¹ Как отмечает О. Бодо, *конституция* в политическом значении была для французов в XVIII веке неологизмом и англицизмом, заслуга Монтескье в том, что он «a élevé le mot de *constitution* à la dignité du concept, et il l'a fait en lui faisant endosser un sens désormais proche de l'ancienne *politeai* [...] Assimilée à la *politeia* d'Aristote ou de Polybe, celle-ci acquiert un sens politique: elle désigne le mode d'agencement ou d'organisation des pouvoirs à l'intérieur de l'Etat. Montesquieu partage cette conception dans la mesure où, transposant la Cité à l'Etat, il use du mot de constitution pour qualifier la forme d'organisation de l'Etat» (см.: *Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France*).

Монтескье делает важнейший шаг в определении *фундаментальных законов*, в частности для монархического правления. Как известно, в его концепции наличие неперменных законов, закрепляющих права сословий, есть главное отличие монархии от деспотии. Это определение «истинной монархии» становится ведущим в политической литературе XVIII века. Фактически он рассматривает *конституцию* как систему государственного устройства, определяющую не только законы, но и социальную жизнь. В этом отношении, несмотря на все свои теоретические разногласия с Монтескье, Жан-Жак Руссо использует то же понимание *конституции* в *Общественном договоре* (1762). В том же смысле Жан Луи Де Лольм в *Constitution de l'Angleterre* (1770) понимает английскую *конституцию* как исторически сложившуюся систему управления (*systems des Gouvernemens*), не уходя далеко от смысла, который вкладывали сами англичане в свою *конституцию*³².

Особое место в развитии политико-правового дискурса в середине XVIII века занимают труды двух швейцарских юристов Ж.-Ж. Бурламаки и Э. Ваттеля, чьи сочинения оказали важнейшее влияние на восприятие *конституции* среди американских и французских революционеров конца века. Жан-Жак Бурламаки (Jean-Jacques Burlamaqui, 1694—1748) в опубликованном посмертно трактате *Принципы политического права* (1751), вероятно, впервые дает определение *фундаментальным законам*, которое сближает их с современным пониманием *конституции*:

Фундаментальные законы государства, взятые во всей целости, суть не токмо установления, посредством коих корпус всей Нации определяет, какова должна быть форма правления и как наследуется Корона, но это также и договоры между Народом и тем или теми, кому передается Суверенитет, регулируют оные образ правления и ограничивают власть Суверена. Сии Регламенты именуются *Фундаментальными законами*, поелику оные суть основа и фундамент Государства, на каковом возводится здание Правительства, и Народ взирает на оные, как на свою силу и безопасность³³.

Здесь вполне выражена договорная природа власти и первоначальный суверенитет народа. Однако Бурламаки утверждает, что

³² [De Lolme J.L.] Constitution de l'Angleterre ou état du gouvernement anglais comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. Amsterdam, 1771. P. 246.

³³ [Burlamaqui J.-J.] Principes du droit politique. Genève, 1754. Vol. 2. P. 45 (chapt. VII, § XXXVI—XXXVII).

«вид фундаментального закона по Праву и Необходимости присущ всем Правлениям, даже в государствах, где суверенитет есть самый неограниченный, и данный закон суть *Общественное благо* (*Bien public*), которое Суверен не может никогда отвергнуть, чтобы не нарушить свой долг»³⁴. Хотя сам Бурламаки не сводит вместе *фундаментальные законы* и *конституцию*, так как для него *конституция* прежде всего связана с формой правления, которую он отождествляет с *Constitution de l'Etat*³⁵. Эмер де Ваттель (Emer de Vattel; 1714—1767) в своем *Праве народов, или принципах естественного закона* (1758), одним из первых формулирует четкое политическое определение *конституции*:

Основной регламент, определяющий образ Публичной Власти, должен быть выражен в *Конституции Государства*. В ней представлены: форма, в которой Нация выступает в качестве Политического тела, как и посредством кого Народ должен быть управляем, какие имеют права и обязанности те, кто управляют. Эта *Конституция* — не что иное, как установление порядка, в котором Нация предполагает трудиться сообща для достижения авантажей, ради коих и учреждается Политическое Общество³⁶.

Важно, что Ваттель отводит принципиальную роль понятию *нации* в создании *конституции*. Наконец, в отличие от Бурламаки, он концептуально объединяет понятие *конституции* и фундаментальных законов, фактически Ваттель дает первое современное юридическое определение *конституции* как совокупности основных законов:

Законы суть правила, установленные Публичной Властью для соблюдения в Обществе. Все они должны согласоваться с благом Государства и Граждан. Законы, созданные непосредственно для общественного блага, суть Законы Политические [...] одним словом, они совпадают с формой *Конституции Государства* и являются *Фундаментальными законами*³⁷.

³⁴ Ibid. Отметим, что данная трактовка была уже давно близка идеологам «просвещенного деспотизма».

³⁵ Ibid. P. 57.

³⁶ Vattel E. Droit des gens; ou, Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Londres, 1758. Vol. 1. P. 31 (chapt. III, § 27).

³⁷ Ibid. P. 32 (chapt. III, § 29).

Таким образом, можно сказать, что здесь Ваттель совершил важный теоретический шаг к созданию первых писанных *конституций*, которые закрепляли политические законы. Исследователи полагают, что *Право народов* оказало значительное влияние на «отцов-основателей» США, в частности на конституционные идеи Томаса Джефферсона.

В Германии идею *фундаментальных законов* пытаются согласовать с концепцией просвещенной монархии два прусских государственных деятеля: Якоб Фридрих фон Бильфельд (1717—1770) и Эвальд Фридрих фон Херцберг (1725—1795). Их понимание *loix fondamentales* ближе к Монтескье, чем к Ваттелю и Бурламаки. *Фундаментальные законы* прежде всего связаны с монархией (для Бильфельда ограниченной, для Херцберга любой), которая направлена на благо подданных. Граф фон Херцберг видел в *фундаментальных законах* гарантии соблюдения прав личности, а в монархии — гарантию от потрясений, свойственных республике, поэтому для него монархия, умеренная законами, и есть лучшая форма правления³⁸.

В то время пока Херцберг восхвалял преимущества монархии, «смягченной фундаментальными законами», аббат Габриель Бонно де Мабли (1709—1785) выступил против их абсолютизации. В своем трактате *Об изучении истории* (1783) он подверг критике саму идею *фундаментальных законов*. Он утверждал, что законы рано или поздно устаревают, их необходимо менять в соответствии с духом времени, а значит, идея «неизменных» законов — сама по себе порочна. Всюду, где нет деспотизма, народу принадлежит право отменять старые законы и создавать новые³⁹.

Революционные потрясения 1770—1790-х годов сыграли важнейшую роль в изменении политической терминологии. Появившиеся в результате Войны за независимость американские конституции штатов — это, прежде всего, уставные грамоты, где описаны формы правления штата. Принятая в 1787 году Конституция США фактически подразумевала установленную форму правления⁴⁰.

³⁸ Hertzberg E.F. Huit dissertations. Berlin, 1787. P. 144.

³⁹ De l'étude de l'histoire // Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Lyon, 1796. T. 12. P. 296.

⁴⁰ Так, конституция Северной Каролины (1776) названа «Constitution, or Form of Government», полное название Конституции Массачусетса (1780) «Constitution, or Form of Government for the Commonwealth of Massachusetts», а в самом тексте конституция выступает как синоним формы правления — «Constitution of Government» (см.: <http://www.modern-constitutions.de>).

В своем понимании *конституции* американские революционеры, вслед за Ваттелем, объединяют понятия *фундаментальных законов* и *конституции* и еще более резко подчеркивают определяющее значение Нации в создании конституции, поскольку не правительство создает конституцией, а конституция создает правительство⁴¹.

Думается, что американские *конституции* сыграли решающую роль для семантического перехода и во Франции, где в дискуссиях 1788—1789 годов по поводу *конституции* сталкиваются два ее понимания: старое, как формы правления, которое защищают сторонники короля и сословных привилегий, и новое революционное, где *конституция* понимается как акт, дарующий равные права и свободы гражданам и устанавливающий новую форму правления. Французские революционеры настаивают, что Франции нужна *конституция*, которая дала бы общегражданские свободы, обеспечила бы возможность «Нации» выражать свою волю, они утверждают, что *конституции* во Франции нет и ее надо создать. Это заявление вызывает возмущение сторонников *Ancien Régime* и старого значения *конституции*. В ответ на революционные памфлеты они выпускают брошюры с доказательствами давнего существования *конституции* во Франции. Придворный историограф Жакоб Николя Моро создает трактат *Изложение и защита нашей монархической французской Конституции* (1789), где с гневом восклицает: «Множество книжиц [...] содержат в себе сие ужасающее высказывание: *Франция еще не имеет вовсе конституции*. Из чего заключают, и весь свет сие повторяет, что должно воспользоваться оказией и дать ей наконец оную»⁴². Но противники «монархической конституции» усматривают материальные причины, которые двигают ее защитниками и яростно нападают на сторонников сословных привилегий:

Нам не прекращают твердить о *Конституции*: слово сие соединило все Привилегированные Сословия, они хотят этим словом

⁴¹ Томас Пэйн, оспаривая Э. Бёрка, дает следующее определение конституции: «A constitution is a thing antecedent to a government, and a government is only the creature of a constitution. The constitution of a country is not the act of its government, but of the people constituting a government» (*Paine T. Rights of Man: Being an Answer to Mr. Burke's Attack on the French Revolution*. 2nd edition. London, 1791. P. 56—57). Отметим, что данное определение конституции у Пэйна во многом связано с наделавшим шума в 1789 году трактатом аббата Сийеса и частично повторяет его дефиниции.

⁴² Exposition et défense de notre Constitution monarchique Française / Par M. Moreau. Paris, 1789. Vol. 2. P. 190.

заткнуть нам рот. Угрожать их Привилегиям — вот что значит ниспровергнуть *Конституцию*, как если бы смысл Монархической Конституции был только в том, чтобы существовали Привилегированные Сословия⁴³.

Одним из первых в ходе этих дискуссий 1788—1789 годов приходит к современному пониманию *конституции* Эммануэль Жозеф Сийес в своем знаменитом публицистическом сочинении *Что такое третье сословие*, которое вышло в январе 1789 года. В его пятой части аббат Сийес дает собственное определение *конституции*:

...что следует понимать под политической конституцией общества и каковы должны быть ее отношения к самой нации. Невозможно создать учреждение для какой-нибудь цели, без того чтобы не дать ему определенные организацию, формы и законы, согласно которым оно должно выполнять функции, которые хотят ему поручить. Это и есть так называемая *конституция* данного учреждения. Без нее оно существовать не может. Очевидно, что любое правление должно иметь свою *конституцию*⁴⁴.

Здесь Сийес использует идеи Ваттеля и американских конституционалистов, но идет дальше своих учителей. Он уточняет и формулирует определение *фундаментального закона*, которым, по его мнению, и является *конституция*, далее он уже объединяет эти понятия и ведет речь о *конституционных законах*:

Сии законы именуется *фундаментальными* не в том смысле, что оные могут быть независимыми от воли нации, но потому, что учреждения, существующие и действующие благодаря им, не вправе их изменять. В каждой своей части *конституция* не есть создание власти учрежденной, но власти учреждающей. Ни одна выбранная власть не может ничего изменять в условиях ее избрания. Только в этом смысле *конституционные законы* носят название *фундаментальных*. Первые законы, которые учреждают законодательное собрание, основаны на воле нации до всякой конституции; они образуют ее первую ступень⁴⁵.

⁴³ De l'organisation d'un état monarchique, ou Considérations sur les vices de la monarchie Françoise & sur la nécessité de lui donner une Constitution. Paris, 1789. P. 5—6.

⁴⁴ [Sieyès E.J.] Qu'est-ce que le Tiers-état. Paris, 1789. P. 74.

⁴⁵ Ibid. P. 76.

Мы видим, что Сийес отразил уже сложившееся к началу революции современное понимание *конституции* как акта, устанавливающего права нации и в то же время закрепляющего государственную систему, основанную на народном представительстве. Таким образом, *конституция* — это фундаментальный «неизменяемый» закон для тех, кто, следуя воле нации, создает и исполняет конкретные законы, а не для самой нации, которая вольна изменить *конституцию*.

Как известно, точки над «i» в дискуссиях о *конституции* расставила *Декларация прав человека и гражданина*, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 года и положившая начало формированию первой писаной *конституции* во Франции. *Декларация* 1789 года утверждает, что «все общества, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» («XVI. Toute société dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution»)⁴⁶. Понимание *фундаментального закона* как неотъемлемого атрибута монархического правления теряет свое значение, и *loi fondamentale* становится синонимом конституции в революционной Франции.

Таким образом, в политическом и правовом дискурсе понятия *конституция* и *фундаментальные законы* в XVII—XVIII веках имели разные коннотации: *конституция* прежде всего означала форму правления, а *фундаментальные законы* — исторически сложившиеся правовые обычаи, ставшие нормой политического права. Идея о том, что *конституция* непосредственно может быть выражена в *фундаментальных законах* или сама есть *фундаментальный закон* государства, была отчетливо высказана в середине XVIII века в трудах швейцарских юристов, но окончательное закрепление семантической общности терминов произошло только в 1780—1790-е годы прежде всего у французских публицистов накануне Революции. Причем самое радикальное понимание *конституции* в XVIII веке не только объединяло ее с понятием *фундаментального закона*, но и требовало закрепления в последнем гражданских прав и свобод, а также их гарантий. Впрочем, такое осмысление, появившееся в конце века, было далеко не всеобщим, и еще достаточно долгое время вокруг *конституции* шла «война перьев» и продолжалась борьба между разными пониманиями этого концепта.

⁴⁶ Constitutions des principaux états de l'Europe et des états-Unis. Paris, 1791. T. 3. P. 350.

«Самодержцы, живущие под основательными
законами государства,
благополучнее самовластных государей»

Первые упоминания термина *конституция* в России появляются в дипломатической переписке XVII века, связанной с «польскими делами», где под *конституцией* подразумевается опубликованное постановление польского сейма. Так в грамоте царя Алексея Михайловича от 29 ноября 1653 года говорится «А в констытуцые 1637 году напечатано, что на таких людей, которые учнут наши царского величества титулы убавливать или переменять, положено право латынским языком *пенам пердуэллионис*, то есть на тех винных смертная неотпущательная казнь и отлучение имения»⁴⁷. В 1704 году Петр I в грамоте к польскому королю говорит, что их союз «против короля Свейского» должен «сеймовою конституциею подтвердиться»⁴⁸.

Составители русских словарей XVIII века, включая в них понятие *конституция*, следуют за немецкими и французскими лексиконами в определении этого термина. Правда, судя по этим источникам, слово *конституция* было вообще малоупотребимо в России XVIII века: многие русские словари просто не имеют подобной статьи. К примеру, *Российский с немецкими и французскими переводами Словарь* Ивана Нордстета, краткий *Словарь разноязычной в Письмовнике* Николая Курганова и, наконец, авторитетнейший *Словарь Академии Российской* такого термина не знают⁴⁹. Одним из первых словарей, в котором встречается термин *конституция*, был *Новый Лексикон* Сергея Волчкова, где можно прочесть: «*Constitution*, f. edict. — constitutio, edictum — определе-

⁴⁷ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1857. Т. 6. № 138 (X). С. 433. Здесь как синоним *конституции* используется слово *устав* (Ср.: «а в прошлом 1637 году соймом о том подтверждено и в констытуцыю напечатано», далее о том же постановлении «уставом соймовым утвердили». Там же. С. 430). *Poenam perduellionis* — наказание за государственную измену.

⁴⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 126.

⁴⁹ Российский с немецкими и французскими переводами Словарь. СПб., 1780; [Курганов Н. Г.] Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. СПб., 1769; САР. СПб., 1792. Т. 3. С. 779 (там за *консисторией* сразу идет *консул*). Как, впрочем, *Словарь Академии* не знает и *законов фундаментальных* (Там же. С. 11–12).

ние, узаконение»⁵⁰. Примерно в то же время Василий Кириллович Тредиаковский переводит с французского *Политическое состояние Европы* для вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, который на полях этого перевода выписывает и объясняет мало-понятные термины. Напротив рассуждения о том, что император Германии может действовать только «по имперским конституциям», на полях Воронцов пишет красным карандашом — «узаконениям»⁵¹. Екатерининские политики также мало использовали этот термин, в то время как понятие *фундаментальные законы* употреблялось куда чаще⁵².

Впрочем, русские переводчики время от времени сталкивались с обоими понятиями. Вполне закономерно, что ранее всего эти термины появляются на страницах переводных политических сочинений 1720—1750 годов. Возможно, первым таким политическим трактатом, опубликованным в России, был уже упомянутый труд С. Пуфендорфа *De Officio Hominis et Civis*. Из перевода этого трактата, выполненного Иосифом Кречетовским, отечественный читатель мог узнать понятие *фундаментальные законы*, которые выступают у русского переводчика как «законы основательные» или «основательные уложения». Так, говоря об отличии ограниченной монархии от абсолютной, Пуфендорф пишет о неограниченном властителе: «Совершенное правительствов оный монарх имеет, который по своему разсуждению собственному оное управлять мо-

⁵⁰ Новый Лексикон на французском, латинском языках, переводу ассесора Сергея Волчкова. СПб., 1755. Ч. 1. С. 528. Схожее определение присутствует в *Полном французском и российском лексиконе* (1786): «*Constitution*. f. — учреждение, устав, закон» (Ч. 1. С. 234). Даже в словарях начала XIX века сохраняется множественное понимание: «*Constitution*, f. — составление, состав; сложение; учреждение, устав, узаконение, назначение, определение; конституция». Прилагательное *constitutionnel* рассматривается как «сходственный с Государственной конституциею», то есть с формой правления [Новый и полный французско-российско-немецкий словарь, составленный по лучшим и новейшим словарям. СПб., 1816. Ч. 1 (А—К). С. 427].

⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Д. 179: Введение в политическое состояние Европы. Том первый. Переведено с французского чрез Василия Тредиаковского С. И. А. Н. Секретаря. Л. 56.

⁵² В основном «встречи» с *конституцией* происходили при изучении системы управления европейских стран. Так, в бумагах Н.И. Панина значатся сочинения с такими названиями: *Примечание на шведскую конституцию* и *Разсуждение о преимуществах и удобствах России быть защитницею Германской конституции* (№ 2 и № 11 под литерой «Д» в *Регистре книг графа Н.И. Панина* — РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 136. Л. 50 об.—51).

жет, [а] не по правилу *неких известных и всегдашних уложений*»⁵³. Пуфендорф, а за ним и его переводчики раскрывают перед русским читателем возможности законного ограничения народом власти монарха:

Но понеже единого человека рассуждение от погрешения, не есть изъято, изволение на злая такожде приклонно, а наипаче в таковые свободе, некоторые народы усоветовали, такового правительства Правление, известными *некими границами описать*: что сотворили, егда кои *известным неким законам*, во управительстве частей Государства, при вручении правительства правителя обязали⁵⁴.

В то же время, что и сочинение Пуфендорфа, был переведен на русский язык и второй трактат *О правлении* Локка. Но в отличие от книги немецкого правоведа он не появился в печати в России, и это не удивительно. Автор, провозглашавший, что «монархия единовластная [...] собранию гражданскому во всем не согласуется, и не может назват[ь]ся правлением гражданским»⁵⁵, не мог быть опубликован в России XVIII века, хотя рукописные списки его книги распространялись довольно активно⁵⁶. Перевод был выполнен с французского издания по заказу князя Дмитрия Михайловича Голицына и восходил к амстердамскому изданию 1691 года⁵⁷. Французский перевод Давида Мазеля был осуществлен по первой публикации (1690) трактата Локка, между тем хрестоматийный текст восходит ко второму, исправленному автором изданию *Двух трактатов о правлении* (1694), отсюда разная нумерация глав и состав текста. Русский переводчик Локка довольно просто обходится с *les loix fondamentales*, переводя их везде как «основательные законы»⁵⁸.

⁵³ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 436—437 (кн. II, гл. 9, § 6). Пуфендорф также упоминает фундаментальные законы, когда говорит о случае «егда многия отделенныя государства, или по согласию, или по случаю брака, наследия или победы, единого его имеют правителя, однакож тако, что для того в едино государство не совокупляются, но всякое по своим их законам основательным, чрез общего правителя управляемо бывает» (Там же. С. 431—432).

⁵⁴ Там же. С. 437.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1677: О Правлении гражданском. С. 90.

⁵⁶ Сохранилось три списка русского перевода *О правлении* Локка первой половины XVIII века: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II.41; РГАДА. Ф. 181. № 194; ОР РГБ. Ф. 178. № 1677.

⁵⁷ Du Gouvernement civil par M. Locke, traduit de L'Anglois. Amsterdam, 1691.

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II.41. Л. 120.

Понятие *конституция*, в свою очередь, вызывает у переводчика непонимание. Он или опускает этот термин, когда может (например, вместо «*constitution originaire de cette assemblée*» — просто «оригинальные собрания»), или переводит его буквально, согласно словарю Академии, как «состояние»⁵⁹.

В 1768 году выходит русский перевод книги барона Якоба Фридриха Бильфельда, выполненный князем Федором Яковлевичем Шаховским, где дается следующее определение понятию *фундаментальные законы*:

Elles forment, dans leur totalité, une espèce de Droit Public qui se rapporte au Système de l'Etat & à l'arrangement que les Souverains ont fait dans leur país respectifs. Ce Droit Public comprend aussi les Loix par lesquelles le Souverain est lié envers ses Sujets, comme la Capitulation Impériale, qui oblige l'Empereur envers l'Empire, les *Pacta Conventa*, que le Roi de Pologne est contraint de signer, la *Constitution fondamentale* de l'Angleterre, au maintien de laquelle le Roi de la Grande Bretagne s'engage par serment le jour de son Sacre &c⁶⁰.

Они вместе составляют некоторый род публичного права, которое относится к общей государственной системе и к учреждениям сделанным Государями в их землях. Сие публичное право заключает в себе так же и те законы, коими Государь обязуется своим подданным, как-ва есть Императорская капитуляция или договор, обязывающей Императора в разсуждение Империи; *Pacta Conventa*, или договор же, которой Короли Польские подписывать должны; *Основательное установление* в Англии, к содержанию которого Великобританский Король обязывается клятвою, в день своего коронования, и проч.⁶¹

Но все-таки важнейшим, можно сказать, смыслообразующим для русской политической мысли второй половины XVIII века оказался трактат Монтескье *О духе законов*. Русские читатели могли с ним познакомиться в оригинале уже в 1750-е годы, он свободно продавался в академической книжной лавке. А вот его первый печатный перевод, выполненный Василием Ивановичем Крамаренковым, появляется только в 1775 году⁶², хотя мы встречали различ-

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1677. С. 152—153.

⁶⁰ Institutions politiques / Par Monsieur le baron de Bielfeld. A La Haye, 1760. Vol. 1. P. 86.

⁶¹ Наставления политическия барона Билфелда. М., 1768. Ч. 1. С. 109 (гл. 6, § 14: Основательные законы каждого государства).

⁶² О Разуме законов. Сочинение Господина Монтескюя. Переведено с французскаго В. Крамаренковым. СПб., 1775. Т. 1. В.И. Крамаренков (1732 —

ные «опыты» перевода отдельных глав этого трактата в рукописных сборниках 1760-х годов⁶³. Крамаренков дает нам различные варианты перевода *les loix fondamentales*:

(II, 1) ...le monarchique, celui où un seul gouverne, mais par des *lois fixes et établies*...

(II, 4) Dans les états despotiques, où il n'y a point de *lois fondamentales*, il n'y a pas non plus de dépôt de lois.

(V, 11) Comme les peuples qui vivent sous une bonne police sont plus heureux que ceux qui, sans règle et sans chefs, errent dans les forêts; aussi les monarques qui vivent sous *les loix fondamentales* de leur état, sont-ils plus heureux que les princes despotiques, qui n'ont rien qui puisse régler le cœur de leurs peuples, ni le leur.

Самодержавное [правление. — С.П.] есть то: когда одна особа управляет; но по *установленным неподвижным законам*.

В самовластных государствах, в которых господствует безпредельная власть, и где нет *коренных законов*; там нет и залога законов.

Как люди живущие под разумным правлением несравненно благополучнее тех, кои без законов и предводителей скитаются по пустыням; так самодержцы живущие под *основательными законами* государства благополучнее самовластных Государей не имеющих ни чего того, что бы могло управлять сердцем народа и их собственным⁶⁴.

Как видим, В.И. Крамаренков использует несколько прилагательных для передачи понятия *фундаментальный*, но прежде всего это *основательный* и *коренной*. Собственно, именно эти прилага-

ок. 1800) — обучался в академической гимназии, переводчик Академии наук (1760—1765) и чиновник Сената (1765—1785).

⁶³ Переводу В.И. Крамаренкова предшествовал рукописный перевод А.П. Павлова (ум. 1781), хранящийся сейчас в Эрмитажном собрании ОР РНБ. Рукопись имеет заголовок «О прямом разуме законов. Переводил Лейбгвардии Измайловского полку Полковой Квартермистр Александр Павлов». Ее создание можно датировать между 1764 и 1767 годами, когда А.П. Павлов был квартирмейстером Измайловского полка (IX класс), в январе 1768 года он стал капитан-поручиком (VIII). — ОР РНБ. Эрм. № 42: [Монтескье] О прямом разуме законов. Перевод Александра Павлова.

⁶⁴ О Разуме законов. С. 15, 35, 117—118. Для сравнения те же отрывки в переводе А.П. Павлова: «Монархическое есть то, где одна особа управляет, но по *учрежденным и неизменным законам*»; «В деспотических Государствах где нет *Законов Государственных* там нет и Хранилища законов»; «Сколь народы живущия в добром Правлении, благополучнее тех, кои без всякого закона и власти странствуют по лесам, столь монархи, которые поступают по *уложенным правам* своего государства суть щастливые, нежели Государи самовластные, которые не имеют ничего такого, которое бы могло в порядок приводить жестокость сердец и народа, ниже так же и самих» (ОР РНБ. Эрм. № 42. Л. 9 об.—10, 18 об., 56 об.).

тельные были наиболее употребительными для передачи *fondamentale* в русском языке XVIII века.

Правда, Семен Ефимович Десницкий, переводя по заданию императрицы на русский язык труд английского правоведа Уильяма Блэкстона, не подбирает русский эквивалент, а калькирует английское прилагательное. Говоря о *Великой хартии вольностей*, Блэкстон утверждает, что мы не найдем «в сей грамоте не много находящихся новых выгод для народа, но кои суть паче [...] истинное признание *фундаментальных Аглинских законов*, нежели Акты, новая выгоды народу возглашающие»⁶⁵.

Во второй половине века среди переводной политической литературы в России со славой Монтескье соперничали разве что труды профессора Геттингенского университета Иоганна Генриха Готлиба Юсти (1717—1771), в частности его трактат *Die Natur und das Wesen der Staaten* был переведен Авраамом Волковым в 1770 году⁶⁶. Здесь Юсти определяет *Fundamentalgesetz* как «положенные же в *основание законы государства*, или от давних времен введенное обыкновение». Он утверждает, что *фундаментальные законы* должны существовать даже в неограниченных монархиях, и перечисляет их состав:

Каждая безпредельная власть ради собственного своего благополучия должна себя ограничивать, по крайней мере *основательными своими правилами*. [...] Сии *основательные правила*, по которым предпримется, вольности и имения подданных никогда не касаться, правителю и его министрам в правление и порядочное течение справедливости никогда не вступаться, собираемых с подданных податей не увеличивать, хотя бы к тому и право было, так же и без крайней нужды войны не начинать; такая *основательная правила*, говорю я, умерят всегда неограниченную власть благоразумным весьма и преимущественным образом, и произведут к благополучию государства наилучшие действия⁶⁷.

Собственно для Юсти «единоначалие» (монархия) наличествует там, где «положенные в основание учреждения не колеблемо на-

⁶⁵ Истолкование Аглинских законов Г. Блэкстона / Переведенный по высочайшему повелению Великой Законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 1. М., 1780. С. 330.

⁶⁶ Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов сочиненное Господином Юсти. СПб., 1770. Оригинал вышел на 10 лет ранее перевода: *Justi J.H.G. von. Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Policy, und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze, abgehandelt.* Berlin; Stettin; Leipzig, 1760.

⁶⁷ Существенное изображение естества народных обществ. С. 83, 75, 76—77.

блюдаются, где все чины правами своими пользуются, и где народ под установленными законами безопасно живет»⁶⁸.

В 1770-е годы Михаил Михайлович Щербатов работал над переводом книги Поля Гольбаха *Естественная политика* (1773)⁶⁹. Хотя этот труд французского просветителя не вносил каких-либо новых и существенных идей в историю общественных наук, он суммировал достижения передовой политической мысли Просвещения. Щербатова привлекала прозрачность определений Гольбаха, в том числе политико-правовой терминологии, ему оказалось близко и понимание фундаментальных законов:

Окроме общих и естественных пределов, которые каждый Государь принужден почитать во исполнение своея власти, есть общества, которые еще положили подробнейшии правила в границы власти своих начальников. Сии принуждены им покорятся, понеже они суть очевидное изъявление воли народов. Сии границы, известны наименованием *основательных законов*, принуждают Государя управлять определенным образом, и наблюдать порядок или непременные правила во управлении Государства: в законодательстве, во исполнении законов, и во употреблении сил Государства; они утверждают порядок наследия Государей, права разных степеней граждан, богослужение, и прочее. Какого бы свойства не были сии законы, они не могут быть отрешены, как токмо тою же властью, которая их утвердила⁷⁰.

Данное понимание «основательных законов», наряду с их трактовкой у Монтескье, оказало важнейшее влияние на политические представления князя М.М. Щербатова. У него, так же как и у большинства русских мыслителей второй половины XVIII века, понятие *фундаментальные законы* было непосредственно связано с пониманием «истинной монархии» и попытками ее обретения на отечественной почве. Русские читатели Монтескье и Гольбаха постепенно уверовали, что государи и их подданные, «живущие под *основательными законами* государства», благополучнее тех, что обретались в незаконном «самовластии». На этой почве рождается идея «законной монархии», которая завоевывала все большую власть над умами читающей публики. Так что в данную эпоху в

⁶⁸ Существенное изображение естества народных обществ. С. 89. Чины А.С. Волков использует, чтобы перевести *Stände*.

⁶⁹ [Holbach P.H. Th.] Politique Naturelle, ou Discours sur les vrais principes du Gouvernement. Londres, 1773.

⁷⁰ ОР РНБ. Эрм. № 229: Щербатов М.М. Сборник переводов. 1770—80-е гг.

публицистике расцветает «монархическая» риторика, базирующаяся на концепте «основательных законов», и ее активно используют как Екатерина II, так и ее дворянские критики.

Итак, вследствие растущего интереса к европейской политической мысли русская образованная «публика» активно знакомится с новыми западными концепциями, которые оказывают значимое влияние на становление отечественной политической теории. Именно благодаря переводу сочинений самых разных европейских политических мыслителей в русском языке не только появляется, но и постепенно усваивается понятие *фундаментальные законы*, а вместе с ним и термин *конституция*. Но, как мы далее увидим, *конституция*, несмотря на свое раннее проникновение в русский политический лексикон, долгое время находится в тени *фундаментальных законов* и редко становится частью дискурсивных практик русских пишущих «политиков» вплоть до конца XVIII века.

«Правление наше столь же твердое постановление и коренные законы имеет как и все монархическая»

Приведенные в заголовке слова взяты из известного сочинения Ивана Никитича Болтина; они несут пыл той ожесточенной дискуссии, которая занимала умы политических мыслителей второй половины XVIII века. Вопрос, который активно дебатировался в исторических, юридических, публицистических сочинениях эпохи, можно сформулировать следующим образом: является ли Россия «подлинной монархией» с «коренными законами», или она есть «прямая деспотия», где отсутствуют какие-либо неизменные законы и царит полный произвол самовластного деспота? Очевидно, что «постановление» у Болтина есть прямой перевод *конституции*, а «коренные законы» — аналог *lois fondamentales*. Русский историк выступает здесь как апологет позиции самой императрицы, в то время как отдельные представители дворянской элиты пытались оспорить наличие каких-либо «непременных законов» в России и выдвигали свои проекты их введения.

Оригинальные сочинения русских авторов XVIII века, в которых использовались понятия *конституция* и *фундаментальные законы*, связаны прежде всего с элитарным политическим дискурсом. Сравнительно редко эти понятия встречаются в печатных сочинениях, предназначенных для публики. Прежде всего мы найдем данные термины в литературе государственных проектов, в записках

и публицистических сочинениях, написанных для узкого круга дворянской образованной элиты, связанной с высшей государственной службой. Причем активное использование изучаемых концептов приходится на вторую половину XVIII века, что свидетельствует об их сознательной и успешной адаптации именно в этот период.

Действительно, в первой половине XVIII века данные термины практически отсутствуют в русской политической литературе. Во многом подобное пренебрежение понятием *фундаментальные законы* было связано с официальной позицией самодержавия и его идеологов, не приветствовавших идею какого-либо ограничения воли монарха. Более чем определенно по этому поводу высказался Феофан Прокопович в *Правде воли монаршей* (1722), где он утверждает, что так как «всяк самодержавный Государь» обладает «маестатом» (то есть суверенитетом), то он «человеческого закона хранить не должен, колми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: Заповеди же Божия хранить должен, но за преступление их токмо богу ответ дать, а от человек судим быти не может»⁷¹. Монарх не подвержен никакому закону, соответственно он не должен соблюдать законы «основательные», подразумевавшие сохранение традиционного права, на которое и посягал Петр Великий своими реформами, будучи заказчиком и, возможно, соавтором Феофана. Поэтому Прокопович даже не упоминает существования *lex fundamentalis* как такового, хотя прекрасно о нем знает. Собственно сам Петр I также весьма отрицательно относился к этому понятию. Примечательна его беседа с датским послом Гансом Георгом Вестфаленом осенью 1715 года, во время которой речь зашла о регентстве после недавно умершего Людовика XIV⁷². Петр, восхищаясь деяниями французского короля, с осуждением высказался о его завещании. Вестфален попытался возразить, что престолонаследие во Франции определяется *фундаментальными законами* и монарх не волен их менять:

Ответствовал я ему, что *законы основательные* во Франции учреждают, в случае малолетства Короля, первого кровного Князя —

⁷¹ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб., 1722. С. 22.

⁷² Донесение Ганса Георга Вестфалена от 4/15 ноября 1715 года полностью опубликовано во французском оригинале в книге: *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725*. Cambridge, 2004. P. 348—349.

Регентом Королевства; Покойный Король Франции не мог вовсе исключить Дюка Орлеанского из регентства, доколе юный Король будет мал [...] Сие жестокостью было бы к своей собственной крови нарушить и растоптать ногами закон о Престолонаследии, от коего Король Франции не волен совершенно уклониться, понеже поступок сей, кроме как пустой сам по себе, будет и ценности ничтожной: полагали бы его жестоким и зело удивительным, и дал бы оный основание и оказию к войне гражданской.

Но Петр даже не принял возражений, для него «польза государства» стоит выше всяких законов, и потому он утверждает:

...разве Вы, продолжал он, обвините в жестокости того Государя, каковой, дабы спасти и сохранить свое Государство, кое ему должно быть дороже самой крови в венах его, решился бы изменить кровное Престолонаследие, но именовал бы я соделаньем величайшей из всех жестокостей принесение Блага Государства в жертву обычному установленному праву наследия⁷³.

Очевидно, что понятие *фундаментальных законов* не вписывалось в систему взглядов Петра, где монарх выступал демиургом государства, вольным определять его бытие. Создавая *Устав о престолонаследии* 5 февраля 1722 года⁷⁴, утверждавший, что «всегда в воле правящего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство», Петр I подрывал саму идею фундаментальных законов. Это хорошо осознал М.М. Щербатов, который писал, что «твердое основание и положение о порядке наследства на престол, утверждает спокойствие государств», а «Россия, за недостатком такого права [...] довольно несчастий претерпела». По мнению историка, манифест Петра о престолонаследии «есть действие совершенно деспотическое» и не может быть правовым актом, поскольку устанавливает произвол⁷⁵.

«Верховники» в 1730 году хотя и не использовали понятие *фундаментального закона*, по-видимому, подразумевали его, работая над так называемой *Формой присяги*, которая должна была стать «писаным» фундаментальным законом России. В ней прямо утвер-

⁷³ *Bushkovitch P. Peter the Great*. P. 348.

⁷⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.893.

⁷⁵ Размышления о законодательстве вообще // Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. 1: Политические сочинения / Под ред. И.П. Хрущева. СПб., 1896. С. 390—391.

ждалось, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами»⁷⁶.

Впервые *фундаментальные законы* упоминаются в оригинальном политическом сочинении в 1756 году — в *Записке для памяти* Ивана Ивановича Шувалова, написанной по заказу императрицы Елизаветы Петровны⁷⁷. Шувалов ссылается на инициативу самой императрицы «постановить» *фундаментальные законы* при создании нового *Уложения*. Он тут же приводит их русский эквивалент — «*непременные*», который потом будет часто использоваться политиками эпохи⁷⁸. Желание императрицы ввести подобные установления вполне объяснимо, если помнить, что русская политическая элита уже познакомилась с *Духом законов*, и, видимо, ее представителей не могло не волновать замечание автора о том, что Россия — деспотическое государство. То, что М.М. Щербатов назвал «славолюбием», двигало Елизаветой не менее, чем Екатериной II, правда, обе монархини называли бы это иначе — *La Gloire*. Как и большинство монархов Европы, они ориентировались на идею «Славы», которая ведет великих людей к бессмертию через деяния во имя блага государства⁷⁹. Невозможно объяснить поведение Елизаветы, если не

⁷⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 18 об.

⁷⁷ Бумаги И.И. Шувалова // Русский Архив. Кн. 1. 1867. Стб. 79—85 (документ № VIII). По косвенным данным мы датировали записку серединой 1756 года — см.: Польской С.В. Политические проекты И.И. Шувалова конца 1750-х — начала 1760-х годов // Философский век. Альманах. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2000 (полная электронная версия альманаха: <http://ideashistory.org.ru/a13.html>).

⁷⁸ «Ваше императорское величество, изволили разсуждать, чтоб при исправлении законов постановить некоторые *фундаментальные*, которых сама польза, благополучие Вашего императорского величества подданных *непременными* делают» (Бумаги И.И. Шувалова. Стб. 79).

⁷⁹ Норберт Элиас в своем исследовании «социологии короля и придворной аристократии» отмечает, что в абсолютной монархии «символы власти начинают жить собственной жизнью и приобретают характер фетишей престижа. Подобным фетишем престижа, лучше всего выражающим самоценность существования короля, является идея “Славы” [...] внешняя политика Людовика XIV, как и его внутренняя политика, останутся непонятными, если не представлять себе взаимосвязи между структурой его самовосприятия — образа его самого и его славы» (*Элиас Н. Придворное общество* / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова и др. М., 2002. С. 167). Эта идея «Славы» заразила и других европейских монархов, в том числе русских. Финкенштейн говорит о Елизавете Петровне: «...императрица любит разом и удовольствие, и некую воображаемую славу» (*Финк фон Финкенштейн К.В. Общий отчет о русском дворе* // Лиштенау Ф.Д. Россия входит в Европу. Императри-

помнить об этом. Дочь Петра Великого ориентировалась на активное участие в делах Европы и требовала признания не только величия России, но и ее цивилизованности, равной европейской. Поэтому она вовлекает империю в две общеевропейские войны, которые были для России скорее статусными, чем прагматическими, не принимает послов, которые не адресуются к ней как к императрице, заказывает самому известному писателю Европы Вольтеру историю своего отца, а Ивану Ивановичу Шувалову — проект фундаментальных законов. Деспотический характер власти переводил Россию в статус неевропейских, нецивилизованных держав, а сравнение с Османской империей претило императрице: ее личная *La Gloire* в этом случае теряла свой блеск, поскольку, как утверждал Монтескье, «цель деспотических государств — наслаждения государя, цель монархий — слава государя и его государства»⁸⁰. Возможно, этим фактором можно объяснить желание Елизаветы Петровны установить неперменные законы. По-видимому, утверждения Монтескье из пятой книги *Духа законов* вызвали противоречивые чувства у императрицы, эти строчки и льстили ей, и пугали ее:

(V,14) Voyez, je vous prie, avec quelle industrie le gouvernement moscovite cherche à sortir du despotisme, qui lui est plus pesant qu'aux peuples même. On a cassé les grands corps de troupes; on a diminué les peines des crimes; on a établi des tribunaux; on a commencé à connoître les lois; on a instruit les peuples. Mais il y a des causes particulières, qui le ramèneront peut-être au malheur qu'il vouloit fuir.

Посмотрите только, с каким старанием *Российское правление* ищет низвергнуть с себя иго самовластия, которое ему тягостнее, нежели самому народу. Уничтожены там многочисленные полки войск, уменьшены казни на преступников, учреждены судные места, начали познавать законы, начали учить народ. Но бережись ему должно, что бы опять не подвергнуться в то несчастье, которого он избегает⁸¹.

ца Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750 / Пер. В.А. Мильчиной. М., 2000. С. 302). Щербатов бросает Екатерине II упрек в том, что «все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ея *славолюбию*» (О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное изд. / Под ред. М.В. Нечкиной, Е.Л. Рудницкой; Вступит. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М., 1983. Приложение. С. 126).

⁸⁰ Livre XI, chapitre V: De l'objet des états divers: «...les délices du prince, celui des états despotiques; sa gloire et celle de l'état, celui des monarchies».

⁸¹ О Разуме законов. Сочинение Господина Монтескюя. С. 122. Обратите внимание, что Крамаренков заменил *московитское*, считавшееся оскорбительным, на *Российское*.

Однако Монтескье настаивал, что *московиты* живут при деспотии ввиду отсутствия у них *фундаментальных законов*. Кажется, это утверждение во многом подвигло Елизавету Петровну на попытку установить таковые.

Шувалов фактически подготовил для императрицы манифест с преамбулой, в которой объяснялись причины дарования *фундаментальных законов*: Елизавета как «воздаяние» пред богом за благополучное восшествие на престол решила «изыскать способы к блаженству и благополучию» своего народа, поэтому она заблаго- рассудила «установить *фундаментальные и неприменные законы* в его пользу при исправлении нынешних законов, утвердить и открыть путь к общему благополучию» в надежде, что подданные «восчувствуют благодарность и усугубят свои услуги любезному отечеству». Шувалов предлагает императрице «уверять и обещать перед Богом, как за себя, так и за наследников своих следующие законы свято, нерушимо сохранять и содержать и повелевать всем верноподданным, как истинным детям отечества, во всех случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу»⁸². Иными словами, речь идет о клятве ограниченного монарха, о которой говорили все юристы эпохи от Пуфендорфа до Ваттеля. Далее следуют собственно *Пункты фундаментальных законов*, предполагающие: утверждение «Греческого православного закона» и прав церкви (1—4); закрепление статуса Сената, служащих администрации, армии и флота (5—12), прав дворянства (13—15), солдат, купцов и крестьян (16). Хотя в наброске Шувалова подробно описаны только права дворянства (ограничение службы 26 годами, запрет конфискации родовых имений и освобождение от политической казни), но стремление утвердить права сословий свидетельствует о знакомстве с идеями Монтескье.

Предложения Шувалова так и остались нереализованными. Елизавета Петровна, видимо, отказалась от конфирмации манифеста и пошла «другим путем», оказавшимся впоследствии весьма близким русской правящей элите, — ничего не меняя, объявить Западу, что в России все и так идет замечательно. Служащий коллегии иностранных дел, член Уложенной комиссии и известный правовед Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон (1704—1790) получил от двора заказ на написание книги, которая должна была опровергнуть «клеветнические» обвинения Монтескье, касающиеся России. Заказ был выполнен, и в 1760 году Штрубе анонимно опу-

⁸² Бумаги И.И. Шувалова. Стб. 83.

ликовал свои *Lettres Russiennes*⁸³. Автор в эпистолярной форме обращается к некоему знатному лицу, «по приказу и желанию» которого он должен «несовершенные известия» Монтескье «разбирать». Штрубе пытается доказать, что кроме монархии ограниченной (*la Monarchie ou pouvoir limité*), где правит «un Monarque, qui vit sous les lois fondamentales de son Etat» и которую описывает Монтескье, существует монархия абсолютная (*la Monarchie absolue*), отличающаяся от пресловутой деспотии наличием законов и гражданских прав. Ее правитель есть Государь «гражданской монархии» (*Le Chef d'un Etat civil*). Главное отличие абсолютной монархии от монархии ограниченной — это отсутствие договоров между монархом и народом и, соответственно, *фундаментальных законов*.

Еще в 1761 году был сделан русский рукописный перевод сочинения Штрубе, который позволяет нам увидеть, как русский переводчик справляется с терминологической казуистикой Штрубе. Так, автор *Русских писем* упрекает Монтескье в том, что «он четыре правительства, или четыре вес[ь]ма различных способа к правлению, в одно место смешал: *подлинное деспотство*; *монархию самовластную*; *насильственное правление*; и *варварское*». Далее Штрубе, сравнивая эти четыре «правления», отмечает, что «деспотизм» и «самодержавие» сходны неограниченным характером власти, но имеют и существенное отличие:

Деспота (sic) не взирая на общую пользу, велит себе во всем том повиноват[ь]ся, что до него собственно, и до персональных его интересов касается. Принадлежащие ему рабы ничего своего не имеют; да все их стяжание, в государственной воли и власти. Гражданской Монархии Государю, покоренные народы, во всем том праведно повинуются, что к общей пользе касат[ь]ся может; а без того бы сей Монарх, не мог исполнить должностей, соединенных с его высоким достоинством: ни сохранить подданным своим того, что у них есть, или что им должно. В касающемся до собственной его пользы по той мере самовластен; сколько сия польза, с государственным интересом нераздельна⁸⁴.

⁸³ [Strube de Piermont F.H.] Lettres Russiennes. Dirigées contre l'Esprit des Loix de Montesquieu. Saint-Petersbourg, 1760. Великая княгиня Екатерина Алексеевна в том же году написала язвительные заметки по поводу этой книги, опубликованные в книге: Сочинения императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12.

⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 550. ОСПК. Q. II. 101: *Lettres Russiennes* на французском языке изданы 1760 года, а со онаго на российской язык переведены 1761 года.

Разграничив таким образом деспотизм и «самовластную монархию», Штрубе далее доказывает, что «Россия никогда *деспотическим государством* не бывала, да от глубокой древности, *истинными монархами* управлялась»⁸⁵. Но эти монархи никогда не были ограничены законами и сами выступают источниками права⁸⁶. При этом все народы империи «подлинною гражданскою свободою наслаждаются». Интересно, что сам Штрубе, отрицая принципы Монтескье, использует его характеристики «истинной монархии» для доказательства существования в России «гражданской монархии», в частности он подробно говорит о правах дворянства и сословий в России, утверждая, что «российское шляхетство никогда прав своих лишено не бывало, а города и местечки сей империи преисполнены художниками, купцами, и таких разных родов и званий люд[ь]ми, кои ни в дворянство, ни в церковный чин не вмещены»⁸⁷. Этот пассаж вызвал удивление внимательной читательницы Штрубе — великой княгини Екатерины Алексеевны, которая напротив упоминания дворянских прав тактично спрашивает «Mais quels sont-ils?», а вот очередная ложь автора о «преисполненности» русских городов уже выводит ее из

Л. 53—53 об. В оригинале: «Malgré l'égalité du pouvoir, dont jouissent le Despote à le Chef d'un Etat civil, il est constant que le pouvoir de l'un découle d'une source, qui n'a rien de commun avec celle d'où vient le pouvoir de l'autre. Le premier, sans faire attention au bien général, se fait justement obéir en tout ce qui l'intéresse personnellement; les serfs, qui lui appartiennent, n'ayant rien à eux, lui doivent tout. Le Chef d'un Etat civil se fait justement respecter en tout ce qui a rapport au bien public: sans quoi il ne pourroit remplir les devoirs attaches a sa dignité, ni conserver a ses sujets ce qu'ils ont, ou ce qui leur est dû. Il n'est absolu en ce qui regarde sa propre utilité, qu'autant que cette utilité est inséparable de son Etat» (*[Strube de Piermont F.H.] Lettres russiennes. Lettre Huitième. P. 95—96*).

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 550. ОСПК. Q. II. 101: Российския письма. Л. 129.

⁸⁶ «Правительство Российской империи [...] есть самодержавная и такая гражданская монархия, что покоренные сему государству народы, управляются от единого, теми законы и правилами, что самодержец, к общему благу народа своего за способно и приличнейшее разсудить изволит; а таких и договоров отнюдь там нет кои бы высокую волю власть и силу монаршу по делам правления его, в границы или пределы привести могли» (Там же. Л. 115—115 об.).

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 550. ОСПК. Q. II. 101. Л. 133 об.; *[Strube de Piermont F.H.] Lettres russiennes. P. 220*. Далее он утверждает: «Je passe aux personnes, qui forment ici le *Tiers-Etat*. On les a divisées en différentes classes, dans lesquelles ceux qu'on appelle *Possadskie liodi*, qui demeurent dans les villes à reviennent par-là à vos bourgeois, sont le plus considérables, parce que les marchands y sont compris» (Ibid. P. 229—230).

себя — «Morbieu! ce sont donc des serfs ou des affranchis ou des déserteurs»⁸⁸.

Нужно отметить, что эти заметки будущей императрицы на книгу Штрубе хорошо известны исследователям и часто служат основанием для суждений о ее «подлинных» политических идеалах, особенно часто цитируется ее утверждение в конце книги о необходимости деспотического правления для России⁸⁹. Заметки Екатерины напоминают ее замечания на книгу Александра Николаевича Радищева: Екатерина в обоих случаях выступает сразу в двух ипостасях — как просвещенный читатель и как политик-реалист. Эта «двойная позиция» часто заводила исследователей в тупик. Екатерина язвительно критикует Штрубе как последовательница Монтескье, но как будущая императрица она частично принимает его позицию. Интересно, что 10 лет спустя ей самой пришлось выступить в роли Штрубе, и она ловко использовала как его идеи, так и свои замечания, набросанные на полях *Русских писем*. Опубликованный анонимно в 1770 году ее *Антидот* должен был явиться «противоядием» против «отравленной лжи» книги аббата Шапп д'Отроша⁹⁰. Как полагает Исабель де Мадариага, это «утомительное и скучное сочинение» императрицы «показывает, что именно Екатерина II в действительности считала правдой о прошлом и настоящем России, а не в чем она старалась уверить других»⁹¹. Здесь не мог не встать вопрос о фундаментальных законах и об их значении в различении монархии и деспотии. Екатерина, возмущенная постоянными упреками в деспотизме, восклицает:

L'odieuse dénomination de Despote, que l'Abbé ose donner continuellement au Souverain de Russie, est un autre trait, qui démontre bien

⁸⁸ Заметки на книгу Струбе де Пирмонта / Сочинения императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12. С. 673.

⁸⁹ «Un Grand Empire comme celui de Russie se détruiroit, s'il y étoit établi une forme de Gouvernement autre que Despotique [...] Ainsi prions seulement Dieu qu'il nous donne toujours des maîtres très raisonnables, qui se conforment aux Lois et n'en fassent qu'après mûr examen et uniquement en vue du bien de leurs sujets» (Заметки на книгу Струбе де Пирмонта. С. 674).

⁹⁰ Книга Ж. Шапп д'Отроша *Voyage en Sibirie* вышла в 1768 году и уже в 1770 году анонимно, без указания места издания, вышел *Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibirie*, где от имени некоего русского опровергаются «измышления» аббата. Академик А.Н. Пыпин убедительно доказал, что авторство *Антидота* принадлежит Екатерине II.

⁹¹ *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой* / Пер. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 539.

sa mauvaise volonté. Je voudrais bien savoir, Mr. l'Abbe, qu'est-ce c'est que le mot de Souverain chez vous? Est-ce un Roi qui fait des loix? Notre Souverain en fait autant. [...] Vous m'alléguerez vos *loix fondamentales*, et moi je vous répondrai, qu'elles sont encore un problème continuellement en dispute; combien de fois vos Parlemens n'ont-ils pas soutenu, que telle chose étoit selon ou contre les *loix fondamentales*, et combien de fois la cour ne leur a-t-elle pas répondu par un démenti, ou par un ordre de se taire? Vous me direz, que cette dispute même prouve qu'il y en a; et le démenti et l'ordre de se taire ne prouvent-ils point aussi un pouvoir absolu? Je sais bien qu'on vous fait accroire que votre pays est le centre de la liberté, tandis qu'en effet vous êtes subjugués de corps, d'âme, de cœur et d'esprit. [...] Ne vous vantez donc pas trop, mais prions Dieu plutôt, qu'il nous donne toujours des Souverains, qui soient justes et qui aient du respect pour leur propre gloire, et alors nous serons assez heureux⁹².

Сравнивая французскую и русскую монархию, Екатерина приходит к выводу об их идентичности: и та и другая абсолютны по своей природе, здесь только «писанная воля государя именуется законом». Императрица, отрицая «тиранический деспотизм» (*despotique tyrannique*), фактически заимствует идею «гражданской монархии» ранее раскритикованного ею Штрубе де Пирмонта. По ее мнению, России необходима неограниченная монархия, поскольку «les sujets se soient plaints de leur forme de gouvernement, et réellement c'est la seule qui puisse exister en Russie vu l'entendue de

⁹² Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 7: Антидот. СПб., 1901. С. 24—25. Перевод: «Постылое наименование Деспота, каковое Аббат жалует постоянно Самодержцу Российскому, вот иной пример, что являет нам его злую волю. Желал бы я знать, Мосье Аббат, что есть слово Государь у вас? Ежели это Король, что создает законы, так наш делает то же самое. [...] Вы приведете мне ваши *законы неперемные*, и я отвечу вам, что оные суть вопрос постоянно оспариваемый; сколько раз ваши Парламенты заявляли, что то или иное противно *законам неперемным*, и сколько раз Двор отвечал токмо опровержением или повелением молчать. Вы мне скажете, что сам диспут сей доказует, что оные имеются; а опровержение и повеление молчать не доказуют ли с тем же успехом наличие власти абсолютной. Мне хорошо известно, что вас принуждают уверовать в то, что ваша страна есть оплот свободы, в то время как вы поработены телом, душой, сердцем и разумом. [...] Потому не заноситесь столь высоко, но вознесем лучше молитвы Богу, дабы даровал он нам постоянно Государей, кои были бы справедливы и кои обладали бы уважением к своей чистой славе, и тогда мы будем довольно счастливы». Последняя фраза почти полностью совпадает с заметкой Екатерины в книге Штрубе (см. примеч. 89).

l'Empire»⁹³. Екатерина, не отказываясь от самого понятия *фундаментальные законы* и активно используя его в своей законотворческой деятельности, демонстрирует в *Антидоте*, что для абсолютной монархии они не столь важны, гораздо важнее личные качества государей и «respect pour leur propre gloire» — от этого, собственно, и зависит «счастье подданных». В этом отношении к *фундаментальным законам* Екатерина, по сути, не далеко ушла от Петра и Елизаветы, полагавших не законы, а «чистую славу» государя залогом его «благих деяний».

Как видим, уже на рубеже 1750—1760-х годов в дискуссии вокруг понимания *монархии* зародилось разное отношение к проблеме *фундаментальных законов*. Следует констатировать, что в это время образованному дворянскому обществу был присущ повышенный интерес к правам сословий и особенно к положению высшего сословия в монархии. Элитарная «публика» скорее разделяла идею Монтескье «Point de Monarque, point de Noblesse; point de Noblesse, point de Monarque», чем взгляды его ниспровергателя Штрубе. Семен Андреевич Порошин отметил в своем дневнике характерную реплику графа Никиты Ивановича Панина о Штрубе: «il a dit tout ce qu'il a pu dire, а Монтескию все Монтескию останется»⁹⁴. Несомненно, что почерпнутая у Монтескье идея монархии, ограниченной правами сословий, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1750—1760-х годов.

Свидетельством тому может служить деятельность Романа Илларионовича Воронцова, который, будучи с октября 1760 года главой елизаветинской Уложенной комиссии, попытался не просто закрепить права дворянства, но сделать их неперменным законом империи. Он был хорошо знаком с книгой Монтескье, о чем свидетельствует его переписка⁹⁵. Воронцову явно были чужды идеи

⁹³ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 7. С. 82. Перевод: «...подданные никогда не жаловались на форму правления, и подлинно она есть единственная, коя может существовать в России ввиду устройства сей Империи».

⁹⁴ Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 227—228.

⁹⁵ Р.И. Воронцов писал 2 (13) января 1767 года сыну А.Р. Воронцову: «Рекомендуй Андреяну Ларионовичу [Дубровскому], чтоб он потрудился в переводе сочинения Монтескьева о *Законах* или о *Разуме законов*, а какую часть сего сочинения ему переводить, о том я писал к нему в приложенном при сем письме. Я надеюсь на его знание в Российском языке и на искусство в переводах и уповаю, что если он примет только на себя сей труд, то и окончит с успехом»

Штрубе, но, в отличие от великой княгини Екатерины Алексеевны, он связывал будущее России с укреплением сословных прав и привилегий дворянства. По его мнению, описание прав других *сословий* было возможно только относительно положения дворянства, поэтому центральное место в третьей части *Нового Уложения* приобретает глава 22, где права «благородных» становятся основой благополучия государства. В царствование Петра III отец его фаворитки выступил инициатором отмены обязательной службы дворянства и стал, вместе с Александром Ивановичем Глебовым, автором манифеста *О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству*. Несмотря на разногласия Р.И. Воронцова и А.И. Глебова по отношению к правам дворянства (прежде всего экономическим), они сошлись в вопросе о фундаментальных законах, которые ограничивали бы самодержавие посредством сохранения незыблемых прав и привилегий дворянства. Этот пункт чернового проекта Р.И. Воронцова буквально повторен в *Манифесте*, который заканчивался очевидной клятвой монарха: «Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественным образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им *непоколебимым утверждением* Самодержавного Всероссийского престола»⁹⁶. Эта клятва делала манифест 18 февраля 1762 года *фундаментальным законом*, ограничивающим власть монарха в отношении прав подданных⁹⁷.

(Архив князя Воронцова. М., 1885. Т. 31. С. 55). А.Л. Дубровский (1732 — после 1779) — переводчик и писатель, окончил академическую гимназию, где служил до перехода переводчиком в Иностранную коллегию (1760). В 1766—1772 годах занимал должность переводчика в русском посольстве в Гааге при А.Р. Воронцове и Д.А. Голицыне.

⁹⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.444. С. 914 (18 февраля 1762 г.: О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству). В подлиннике проекта главы 22 третьей части *Уложения* выделена в черную рамку фраза о том, что вольность дворянства будет неременным правилом для монарха и «*ниже преемники Наши по Нас вотмену сего в чем либо поступить могут: ибо сохранение онаго будет им непоколебимым утверждением самодержавнаго Всероссийского престола*» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. II. Л. 381).

⁹⁷ Это прекрасно осознавали современники, так М.М. Щербатов, критикуя *Жалованную грамоту* 1785 года, ссылаясь на манифест 1762 года как на «*основательный закон* государства, яко в 9 пункте точно сие изображено». См.: *Щербатов М.М.* Примечания вернаго сына отечества на Дворянские права // ЧОИДР. 1871. Кн. 4. Ч. 5. С. 9

Но наряду с собственно дворянской «вольностью» это ограничение политической воли государя не устраивало Екатерину II, которая 11 февраля 1763 года заявила Комиссии о вольности дворянской, что дворянство «сохраняется при полученной свободе» и она даже согласна подтвердить все, что «помянутое собрание придумает к умножению в России дворянской свободы», но только бы «самодержавная власть в российском государстве, которою империя издревле управляется, в своей силе оставалась»⁹⁸.

Впрочем, сама Екатерина II в 1762 году активно использовала риторику изобличения самовластья и утверждала необходимость соблюдения твердых законов самим монархом в манифесте 6 июля 1762 года, который подробно объяснял подданным причины низложения ее супруга⁹⁹. Автор манифеста обвиняет Петра Федоровича в том, что он преступил традиции страны, посягнув на православие, «презрел он и законы естественные и гражданские» и, таким образом, перестал быть самодержавным (*monarque*) властителем, а стал самовластным (*despote*):

...и он возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога установлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала для собственного его угождения, и для того дал самовластия своему соединится с самовольным стремлением на все *такие установления в государстве*, какие только малость духа его определить могла к оскорблению народа [...] коснулся перво всего древнее Православие в народе искоренить своим самовластием [...] так что когда добросовестные из его подданных, видя его иконам непоклонение и к церковным обрядам презрение, или паче ругательство, приходя в соблазн, дерзнули о том ему напоянуть с подобострастием в осторожность, то едва могли избежать тех следствий, которые от самовольнаго, необузданного и никакому человеческому суду неподлежащаго властителя произойти могли¹⁰⁰.

Вступая на престол, императрица, как «истинный монарх», приносит клятву и обещает установить *фундаментальные законы* и править согласно с ними:

⁹⁸ Цит. по: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 201.

⁹⁹ Манифест 6 июля 1762 года // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. 4. М., 1869.

¹⁰⁰ Там же. С. 218.

...здесь наиторжественнейше обещаем Нашим Императорским словом, узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки *каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка*, и тем уповаем предохранить целостность Империи и Нашей Самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления¹⁰¹.

Утверждение, что самодержавная власть была «испроверженна» Петром III, призвано подчеркнуть, что Екатерина II восстанавливает в России монархию вместо деспотии, установленной произволом ее супруга. Скорее всего, текст манифеста был написан Григорием Николаевичем Тепловым при непосредственном участии Н.И. Панина, который на протяжении всей своей политической деятельности настаивал на введении *фундаментальных законов* в России¹⁰². В 1762 году Н.И. Панин, защищая свой проект Императорского совета, раскрывает понимание «непоколебимых» законов в записке, где он оспаривает замечания императрицы на проект манифеста об учреждении Совета и реформе Сената:

...каждой разумной с[ы]нъ отечества признать должен, что никакая великая, особливо же Российская, империя надежнее управл[я]тся не может, как монаршеским правлением, то есть самодержавством, но из того не следует, чтоб преемник престола мог, имея законное право, без всяких границ все нарушить, что похочет [...] [и] своего самодержавного предместника *непоколебимо учрежденныя уставы*, яко то: *веру духовную, твердость и безопасность имени поданных, их разныя кондиции и состояния*, достаточно устоновля иную их форму правител[ь]ства, что единственно почитается надежным

¹⁰¹ Там же. С. 222. Интересно, что в официальном французском переводе Манифеста, предоставленном дипломатическому корпусу и опубликованном в европейских газетах, прямо говорится о намерении императрицы «*affermer les Constitutions fondamentales de cet Empire à de notre Souveraine Puissance ébranlées par les malheurs passés*». Цит. по публикации в *Лейденской газете*: *Pièces imprimées à Petersbourg au Senat, concernant la Révolution en Russie* // *Nouvelles extraordinaires de divers endroits (Gazette de Leyde)*. Livraison n° 69 du 27 août 1762. Supplément.

¹⁰² Об этом свидетельствует близкий к Н.И. Панину датский посол Гакстгаузен (Haxthausen), который сообщал 19 июля 1762 года своему двору, что манифест написан Г.Н. Тепловым, но «*Monsieur de Panin l'a corrigé et y donné la dernière main*» (цит. по: *Ransel D. The Politics of Catherine's Russia. The Panin Party*. New Haven; London. 1975. P. 71).

ограждением престола Г[о]с[у]д[а]рева от злоключительных революций, коих частое произшествие неизбежно, наконец, подвергает Г[о]с[у]д[а]рство бунтам, твердостью же формы правительства поставляется оное благо полисованным¹⁰³, как то докзател[ь]но свидетел[ь]ствуют все разныя христианския правител[ь]ства в Европе. Благо разумной монарх почитает не токмо такие *Г[о]с[у]д[а]рственныя фундаментал[ь]ныя уставы*, но и простыя древния обычаи, если оне переменою времен не обратились в общей вред; при исправлении же притворившагося в порок, оне стараются с отличными об[ъ]яснениями удостоверит[ь] о том разумных людей, которыя невед и простых приводят к повиновению¹⁰⁴.

Панин, так же как переводчики его эпохи, называет «самодержавством» монархическое правление, которое требует *фундаментальных законов*, как и все «благополисованные», то есть цивилизованные, правительства. Из данного отрывка видно, что он подразумевал под *фундаментальными законами*: это не только сохранение монархического строя и православия, но и зафиксированные права сословий и неизменное сохранение «формы правительства», как «ограждение престола Государева от злоключительных революций». Собственно, такую «форму правительства» Панин и пытался разработать в своем проекте Императорского совета, полагая, что наличие *фундаментальных законов* выгодно отличает монархию от деспотизма.

Уже в конце своего жизненного пути, работая над проектом «непременных законов» для своего воспитанника великого князя Павла Петровича, Н.И. Панин создает вместе с Денисом Ивановичем Фонвизиным *Введение к непременным законам*, где наиболее полно представлено понимание наставником будущего императо-

¹⁰³ «Благополисованный» — калька с французского выражения *bien policé*, которое часто употреблялось в политической литературе XVIII века и означало «хорошо управляемый» или «благоустроенный». Например, *Словарь Французской Академии* говорит об «Un état bien policé» или «République bien policée». Отглагольное прилагательное *policé* восходит к глаголу *policer*, который переведился в XVIII веке следующим образом: «завести, учредить благочиние, гражданский порядок, уставы, благоустроить, благоустроить». *Policer un Etat*, Государство благоустроить, учредить в оном Гражданский порядок, уставы» (Полной французской и российской Лексикон. СПб., 1786. Ч. 2. С. 292).

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 400. Л. 178 об.—179. Опубликовано: *Польской С.В.* Неизвестная записка Н.И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета (1762—1763 гг.) // Изв. Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (38). № 6.

ра сути *фундаментальных законов*¹⁰⁵. В *Рассуждениях* 1783 года необходимость «непременных законов» обосновывается схожими с запиской 1762 года примерами: в России «престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян» (намек на переворот 1762 года), и здесь «мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся [...] может привести [государство] в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели» (намек на Пугачева). Причина бедствий, терзающих Россию, по мнению Н.И. Панина, в том, что «без *непременных государственных законов*, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». Российское государство не может считаться монархией, «ибо нет в нем *фундаментальных законов*», в том числе выраженных в правах благородного сословия: «дворянство, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество...». Н.И. Панин и его последователи предлагают цесаревичу Павлу Петровичу программу преобразований: «просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности *посредством законов непреложных*»¹⁰⁶. Эта идея была близка и цесаревичу, правда, из всех непременных законов его прежде всего беспокоил тот, который бы устанавливал право престолонаследия¹⁰⁷. Поэтому во время коронации 5 апреля 1797 года он издал только акты, регулирующие преемственность престола¹⁰⁸.

Самой Екатерине II идея *фундаментальных законов*, как мы уже видели, была вовсе не чужда, императрица уделяет им много места в опубликованном *Наказе Уложенной комиссии* (1767), а также в рукописных проектах, таких как *План гражданских законов* (1774—1775), *Коренные статьи* (1779), проектах закона о престолонасле-

¹⁰⁵ Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 254—266.

¹⁰⁶ Там же. С. 265—266.

¹⁰⁷ Сохранилось несколько проектов и записок, созданных Павлом в 1780-х годах. См.: Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина // ВИД. Л., 1974. Т. VI. С. 261—280. Павел составил в 1788 году семейный договор, определявший порядок престолонаследия, опубликованный как Акт 5 апреля 1797 года (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17.910).

¹⁰⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17.906 (5 апреля 1797 г.) и № 17.910 (30 апреля 1797 г.). В преамбуле *Учреждения об императорской фамилии* прямо говорится, что этот акт должно поместить «в числе *фундаментальных законов* Империи Нашей» (Там же. С. 525).

дии (1768, 1785), *Наказ Сенату* (1787)¹⁰⁹. О планах императрицы по созданию *фундаментальных законов*, и в частности *Наказа Сенату*, хорошо знали государственные деятели эпохи. Даже не любивший императрицу граф Александр Романович Воронцов с одобрением заявляет в своем *Мнении 5 мая 1802 года*, что Екатерина II позволила Сенату «делать самодержавной власти представления [...] в проекте ея о Сенате, коим ея Величество занималась последние годы ея царствования»¹¹⁰.

Императрица, следуя веяниям века, пыталась продемонстрировать «монархическую природу» государства Российского, где наличествуют «непременные законы». Начиная с манифеста 6 июля 1762 года, в котором дается обещание ввести таковые узаконения, она трудится над подготовкой ряда фундаментальных законов. Собственно говоря, Екатерина II отчасти исполнила свою клятву: две *Грамоты* 1785 года являются абсолютными *фундаментальными законами* в понимании XVIII века, так как они закрепляли права сословий. Другое дело, что Екатерина II не хотела или не решалась даровать какие-либо политические права и гарантии прежде всего дворянству, что уязвляло его идеологов. Вопрос закрепления гарантий на уже дарованные права был самым болезненным. Как отмечал еще зимой 1762 года по поводу известной инициативы Петра III австрийский посол Мерси д'Аржанто:

...свобода дарованная русскому дворянству, сама по себе есть ни что иное, как призрак; потому что при таком деспотическом правлении, как здешнее, никак не могут существовать *основной закон* (*ein Fundamental-Gesetz*) и прочие привилегии; потому что для их соблюдения и для управления ими, нет такого государственного или судебного учреждения, прочность которого не зависела бы единственно от минутного произвола Государя, который в силу своей неограниченной власти, не сегодня, так завтра, может отменить как законы, так и привилегии, дарованные своим подданным самым торжественным образом¹¹¹.

Собственно, то же самое можно было бы повторить и в апреле 1785 года. Это прекрасно осознавала сама императрица, старатель-

¹⁰⁹ См.: Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 337—360; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 454—460.

¹¹⁰ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. Стб. 44.

¹¹¹ Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру Кауницу-Ритбергу, с 5 января нового стиля 1762 года по 24 июля н.ст. 1762 года // Сб. РИО. 1876. Т. 18. С. 82.

но пытавшаяся решить сложное политическое уравнение, где гарантии прав для подданных не должны были ослабить власть государя. Понимание Екатериной II *фундаментальных законов* наиболее полно раскрыто в *Наказе*¹¹². Здесь она сознательно отступает от идей Монтескье и произвольно трактует его концепцию монархии. Как известно, в «монархии умеренной» Монтескье «основными законами» (*lois fondamentales*) являются сословные права и привилегии, прежде всего дворянства. Он называет сословия «посредствующие власти» (*pouvoirs intermédiaires*). В *Наказе* же под *pouvoirs intermédiaires* («власти средние») Екатерина II понимает «Сенат, коллегии и нижняя правительства», которые «премудро учредил» Петр Великий (ст. 99 *Наказа*). Поэтому «законы основания державы составляющие» (*les lois fondamentales d'un Etat*) предполагают «малые протоки, сиречь правительства» (*des Tribunaux*) чрез которые изливается власть Государева» (*Наказ*, ст. 20). Собственно говоря, здесь императрица подменяет сословия бюрократией, устанавливая административную вертикаль.

Важное расхождение с «первоисточником» проявилось и в вопросе об обеспечении гарантий законности: Монтескье видит эти гарантии в существовании «*Dépôt des Lois*» («хранилища законов»): органов, наделенных функцией регистрации законов и правом представления (*remontrance*) монарху в случае, если его новый указ нарушает *фундаментальные законы*. Для Монтескье *pouvoirs intermédiaires* и *Dépôt des Lois* ни в коем случае не совпадают, в *Наказе* же «хранилищем законов» считается Сенат, ранее выступавший как часть «властей средних»¹¹³. Эта подмена терминов была обнаруже-

¹¹² Екатерина II в набросках к *Наказу* раскрывает их содержание: «Законы фундаментальные: 1) Сохранение государства в его величии и пространстве. 2) Сохранение формы правления, установленной согласно этому величию государства. / Что же после сего наиважнейшее для граждан? Их жизнь, их имущества и их состояние...» (цит. по: Омельченко О.А. Законная монархия Екатерины Второй. С. 338). В самом *Наказе* они определены как «непременные законы», которые разнятся от «учреждений временных» и указов. Следует отметить, что в латинском и французском вариантах третьей главы *Наказа* встречается *конституция*, но в смысле учреждения, постановления (ср.: «О безопасности постановлений государственных» — «De tuitione constitutionum imperii» — «De la sûreté de la Constitution de l'Etat»). См. четырехязычное издание: *Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Второя, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*. СПб., 1770. С. 12–13.

¹¹³ Щербатов возмущается по поводу 26-й статьи *Наказа*: «...государь, не посоветовав с корпусом сената, но по одним словам генерал-прокурора дает свои раболопно принимаемые сенатом решения. Следовательно, когда не

на еще М.М. Щербатовым, который в своих *Замечаниях на Наказ* прямо утверждал, что без «основательных законов», в том числе без дворянских прав, нет истинной монархии.

Критика *Наказа* князем М.М. Щербатовым позволяет нам осознать важность понятия *фундаментальные законы* для дворянских идеологов XVIII века. Для них содержание и значение этого понятия было определяющим в борьбе за политические права и гарантии, которую они вели с самодержавием. Щербатов в своих замечаниях на *Наказ*, в отличие от Н.И. Панина, В.И. Крамаренкова и самой Екатерины II, под «самодержавием» понимает именно «самовластие» и «деспотичество». Если он видит желание Екатерины выдать «самодержавие» за «монаршическое правление», то он одергивает императрицу в своих заметках. Например, в примечании на статью 18 *Наказа* он замечает, что Екатерина почти полностью привела слова Монтескье из *De l'Esprit des lois* (II, 4), только забыла одну фразу «где один правит по *основательным законам*». Щербатов комментирует: «...отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы». Князь Щербатов удивляется содержанию 19-й статьи *Наказа* и пишет: «Монтескии, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по *основательным законам государства* [...] Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону»¹¹⁴. Еще более резко он отзывается о 23-й статье: «...ни в наказе, ни в обряде уложенной комиссии нигде не сказано, чтобы *основательные законы государства* сделать; что бы, однако, казалось, долженствовало быть началом всего учреждения; следственно и Наказ сей к деспотическому правлению ведет»¹¹⁵.

Князь Щербатов обстоятельно подходит к описанию «*основательных прав*» в своих *Размышлениях о законодательстве вообще*, где утверждает, что Россия «есть монаршического правления»,

имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то *тщетно имя хранилища закона ему давать, которого он токмо маску носит*, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судии не суть хранители законов, но исполнители воли деспота» (*Щербатов М.М. Незданные сочинения*. М., 1935. С. 28).

¹¹⁴ Там же. С. 25.

¹¹⁵ Там же. С. 27.

«яко и сама Ея Величество в Наказе своем изъясняется», а следовательно, «монарх несть вотчинник, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно [быть] *неким основательным правам*»¹¹⁶. Это и есть *фундаментальные законы*, к которым Щербатов относит, во-первых, «твердое основание и *положение о порядке наследства на престол*», во-вторых, «*хранение владычествующей веры* и пребывание государя в оной». За этими ведущими установлениями следует краткое перечисление прочих незыблемых прав: «права издания законов, разных налогов на народ, переделания монеты», «суд и право себя защищать», наконец, «*право именованя дворянского, по их разным степеням, ненарушимо в монаршеском правлении постановлено быть должно*». Щербатов не останавливается на этом, он говорит, что «надлежит иметь *хранилище законов*», каковым он полагает Сенат, но еще необходимо «оной не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществе, но также и наполнить такими людьми в силу же основательных прав, чтоб он порученный ему залог в силах был сохранить»¹¹⁷. В данной записке «основательные права» описаны достаточно кратко и схематично, но нам посчастливилось найти собственноручное сочинение М.М. Щербатова под заголовком *Мнение о законах основательных государств*, которое представляет собой фактический проект «непременных законов» для России в 11 главах¹¹⁸.

Прежде всего в данном документе за разделами, провозглашающими незыблемость православия («I. Сохранение владычествующия веры») и сохранение единства государства («II. Не раздроблять Государство»), следует регламентация престолонаследия («III. Утвердить право наследства, непоколебимо в царствующем роде»). Отдельно идут главы, посвященные правам подданных, защите их личной безопасности и частной собственности¹¹⁹. Осо-

¹¹⁶ Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. 1. Стб. 391.

¹¹⁷ Там же. Стб. 391—392.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 37—40. Публикация: Польской С.В. «Потайные» сочинения князя М.М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государств» // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (38). № 4 (34). С. 217—222.

¹¹⁹ Разделы: «VI. Цены и содержания монеты не переменять»; «VII. Не накладывать никакого налога, без согласия верховнаго совету, и главных членов государства»; «VIII. Утвердить право дворянства»; «IX. Предохранить личную безопасность каждаго»; «X. Предохранить собственность имений каждаго».

бое место занимает описание системы государственного устройства¹²⁰. Аргументы о необходимости исполнительного органа при монархе, содержащиеся в пункте «IV. Учреждения совету неперменнаго», очень близки аргументам Н.И. Панина, изложенным им по поводу учреждения Императорского совета. Впрочем, Щербатов настаивает, что «должны пред другими быть предпочтены» при включении в состав совета «от знатных родов рожденные, яко имеющие обязанность, свою и всех предков своих честь сохраняют». Кроме «Непременного совета», Щербатов говорит о «Вышнем правительстве», под которым он подразумевает «то место, которому препоручено *хранение законов*». Этот эквивалент «*Dépôt des Lois*» наделен законодательными функциями, а также правом утверждения всех новых указов и налогов. Хотя описание этого органа напоминает французские дореволюционные парламенты, но его функции шире, они близки функциям *Высшего правительства* утопической «Офирской земли». Здесь Щербатов использует «монаршическую» концепцию Монтескье более последовательно, чем критикуемый им *Наказ*. В проекте Щербатова, как и у всех дворянских идеологов XVIII века, *фундаментальные законы* выступают средством консервации сословного общества и не имеют никакого отношения к современному пониманию конституции. В то же время эти *непреложные уставы* ввиду их отсутствия в деспотической России становятся «движущими понятиями», направленными на будущее, они наполняются целевыми смыслами. Неслучайно в финале своего памфлета *О повреждении нравов* Щербатов связывает пути выхода из коррумпированного настоящего с добродетельным монархом, дарующим «*основательные права государству*»¹²¹. В этом состоит существенное расхождение с западной политической мыслью, для которой *фундаментальные законы* являются наследием прошлого, а не целью будущего политического развития.

Если М.М. Щербатов заочно полемизировал с императрицей, то его хороший знакомый и неумолимый оппонент, вместе с которым он в юности состоял в одной масонской ложе, Иван Никитич Болтин открыто выступил в печати с критикой французского со-

¹²⁰ Разделы: «IV. Учреждения совету неперменнаго»; «V. Не переменять законы и образ правления без согласия главных членов государства»; «XI. Право вышняго правительства утвердить неподвижно».

¹²¹ *О повреждении нравов в России* князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Приложение. С. 130.

чинителя Николя Габриэля Леклерка, опубликовавшего *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne* (1783—1785). В своих *Примечаниях на историю Леклерка* Болтин не просто тщательно выводит и разоблачает исторические, географические, лингвистические и прочие ошибки французского автора, но выступает с определенной политической позиции. Полемическое сочинение Болтина призвано было доказать тот же постулат, что некогда сочинение Штрубе де Пирмона: Россия есть европейская, то есть цивилизованная держава, поэтому она не имеет никакого отношения к деспотической форме правления. Для доказательства данного тезиса Болтину всего лишь необходимо было продемонстрировать наличие *фундаментальных законов* в России.

И генерал-майор Болтин планомерно идет к данной цели на страницах своего труда. Он возмущен утверждением Леклерка о том, что «Государство Российское есть деспотическое», Болтин возражает: «как можно правление Российское назвать деспотическим, где дворянство не меньшею вольностию, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледельцы несравненно меньше несут тягости, нежели в котором ни есть из государств Европейских»¹²². Болтин ссылается на русские летописи и находит там много примеров, «которые неоспоримо доказывают, что Великия Князья власть имели не деспотическую; что Народ имел соучастие с Вельможами в правлении»¹²³. Леклерк приводит мнение Уильямса, который считает Россию восточной деспотией, так как здесь отсутствуют законы, и это утверждение дает повод Болтину разразиться следующей тирадой:

Пусть г. Вилиамс и г. Леклерк, со своими потатчиками, осмотрятся около себя, а потом прочтут наши законы, уставы, права и преимущества, коими ныне все сословия государственные управляются и пользуются; тогда удостоверятся, что Правление Росийское весьма есть инаково нежели каким они его, частию по пристрастию, а частию по неведению, представляют¹²⁴.

Наконец дело доходит до вопроса о *фундаментальных законах*. Болтин цитирует Леклерка: «Правление без твердаго постановле-

¹²² Примечания на историю Древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором И. Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 465—466.

¹²³ Там же. С. 474.

¹²⁴ Там же. С. 523.

ния, без *коренных законов* есть столь же удобоколебимо как столп не вкопанный в землю [...] что такое есть Дворянство в Деспотическом государстве?» Болтин дает на этот каверзный вопрос гневный ответ:

Правление наше столь же твердое *постановление* и *коренные законы* имеет как и все Монархическия и Самодержавныя. Если постановления и законы наши не сходятся с Французскими, которые одни токмо Автору нравятся, от того правление наше есть не слабее, есть не удобоколеблемее прочих; и для того, и в соображении оных с сими, мы, по скудности нашего разума, потребности не обретаем. [...] Что дворянство наше значит, из следующих прав и преимуществ его удостоверится всяк может¹²⁵.

Далее Болтин приводит пространную выписку из *Жалованной грамоты дворянству* 1785 года. И это, собственно, единственный закон, на который ссылается автор *Примечаний* для обоснования своей позиции. Впрочем, ранее он утверждает, что еще в древности «имели русские правление, на *коренных законах* и на *непременных правилах утвержденное*, народ разделен был на разные сословия, каждое сословие пользовалось особенными правами, преимуществами и отличиями». Как видим, во второй половине XVIII века вопрос о *коренных законах* стал поводом не только для внутренней, но и для внешней полемики с европейским общественным мнением. Можно сказать, что в России 1750—1780-х годов одним из краеугольных вопросов в политических дискуссиях стала проблема *фундаментальных законов*: то содержание, которое вкладывалось в это понятие различными политическими силами, важно для понимания их принципов и целей.

«Конституция есть законное признание прав народа...»

Французская революция и порожденная ею политическая литература внесли изменение и в русское понимание *фундаментальных законов*, а также актуализировали понятие *конституция* для

¹²⁵ Примечания на историю Древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором И. Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 528—529.

русской политической жизни¹²⁶. В начале 1800-х годов в правительственных сферах вновь ведутся дискуссии о *коренных* законах. В эту эпоху в столкновении старых екатерининских чиновников и «молодых друзей» императора Александра, наряду с уже знакомыми, всплывают новые смыслы и значения старых понятий. Это скрытое от посторонних глаз обсуждение 1801—1802 годов становится своеобразным итогом развития изучаемых концептов в политическом дискурсе России XVIII века.

В неоднозначной обстановке, сложившейся в Петербурге после дворцового переворота 11 марта 1801 года, лавируя среди противоборствующих придворных группировок, молодой император Александр I недвусмысленно заявил о необходимости политических реформ. «Молодые друзья» императора предлагали обратиться к плану преобразований, изложенных в записке, приписываемой канцлеру Александру Андреевичу Безбородко¹²⁷. Автор *Записки для составления законов Российских* настаивал, что император должен

¹²⁶ В эпоху Революции конституция проникает на страницы русских литературных сочинений. Н.М. Карамзин в *Письмах русского путешественника* (журнальная публикация 1791—1792 годов, отдельное издание 1801 года) ничего не говорит о спорах по поводу конституции во Франции, которые он должен был застать. Но он много пишет об английской конституции, под которой подразумевает, как и Де Лолль, государственное устройство. Карамзин утверждает, что при посещении Британского музея в июле 1790 года «всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции». Спросите у англичанина, в чем состоят ее главные выгоды? Он скажет: 'Я живу, где хочу; уверен, в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов' [...] Они горды — и всего более гордятся своею конституцией. Я читал здесь Делольма с великим вниманием. Законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы [...] Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть сообразны с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле» (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 565—566, 592).

¹²⁷ Оригинал *Записки для составления законов Российских* до сих пор не обнаружен, все списки документа датируются началом XIX века и не подписаны, в самом документе присутствуют определенные анахронизмы, которые позволяют датировать его скорее 1801, чем 1799 годом. Так, например, автор говорит о предстоящей коронации и необходимости императорской клятвы во время ее, но подобное утверждение в 1799 году звучит несколько странно. Собственно, единственным подтверждением авторства А.А. Безбородко являются ссылки на записку «молодых друзей». Можно предположить, что сохранившиеся списки могут быть или обновленным «молодыми друзьями» конспектом записки, или комментариями неизвестного лица по ее содержанию.

править не по прихотям, а «держат в почтении и исполнении *законы предков своих*, и самим им установленные, словом издавши закон свой, он так сказать, сам первый его чтит и ему повинуются, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут». При коронации императора предполагалось, чтобы «Государь по изречении символа веры, произнес клятвенное обещание в таких выражениях, которые являли б народу Его непорочное намерение царствовать во славу Империи, и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть в следующей силе...»¹²⁸. К сожалению, далее в документе идет пропуск, хотя очевидно, что «клятвенное обещание» уже предполагает определенное ограничение *фундаментальными законами*, набросок которых, собственно, излагается далее в записке в виде описания сословных прав и привилегий, а также полномочий высших государственных учреждений.

Вызванный в столицу из своего имения граф Александр Романович Воронцов при первом же свидании с императором в начале мая 1801 года слышит от него о его желании «diminuer le pouvoir souverain» и даровать России «une *Constitution* qui borne de son Pouvoir et donne droits grands». Наконец, Александр просит известного своим гражданским мужеством Воронцова составить проект такой *Грамоты*¹²⁹. Воронцов незамедлительно сообщает об этом своему брату в Лондон: он заверяет его, что не является «un amateur du despotisme», но весьма опасается последствий столь непродуманных действий императора. Ответ Семена Воронцова нам уже знаком. Александр Воронцов приступает к написанию первой редакции *Грамоты*, вошедшей в историю как *Жалованная грамота российской империи*. В составлении окончательной редакции этого документа приняли участие, кроме Воронцова, «молодые друзья» императора граф Виктор Павлович Кочубей и Николай Николаевич Новосильцев, а стилистическую правку внес Михаил Михайлович Сперанский. В преамбуле этого документа без обиняков говорилось, что *Грамота* дарует России *фундаментальные законы*. Александр I дол-

¹²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400: О внутреннем управлении России. Т. 3. Л. 15 об. — 16 об.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 47. Л. 54. Воронцов вставляет в свое французское письмо это русское слово как эквивалент Конституции, в последующих письмах он использует нейтральное и скорее подходящее к «Грамоте» — «une Charte». Когда он впервые пишет брату о Грамоте, называя ее по-французски *Constitution*, он имеет в виду словарное «Конституция государя» (например, в *Trevoux* 1771 года), то есть постановление, уложение монарха, но в данном случае — такое уложение, которое дает «коренные законы».

жен был объявить, что «изъявили Мы волю и намерение Наше, употребить все силы и старания к благоденствию России, управляя народом [...] *коренными законами*», а затем император фактически приносил клятву: «узаконяем и обещаем Императорским Нашим словом за Нас и приемников наших, яко *коренным законом*, следующие статьи»¹³⁰. Предполагалось, что император провозгласит *коренным законом* империи статьи *Жалованной грамоты российскому народу* во время коронации в Москве. Собственно говоря, это напоминало процедуру, приписываемую западными политическими трактатами ограниченному монархам, а также предложение из *Записки для составления законов Российских*. Как известно, император так и не решился ни на публикацию *Грамоты*, ни на «клятвенное обещание» во время коронации в сентябре 1801 года.

Понимание термина *конституция* А.Р. Воронцовым было еще тесно связано с политической наукой середины XVIII века, и прежде всего с идеями Монтескье. Эти идеи были столь же близки братьям Платону и Валериану Александровичам Zubовым, которые разработали свои «конституционные» проекты. До нас дошла анонимная записка *О коренных законах государства* (1802), традиционно приписываемая М.М. Сперанскому, хотя ее содержание противоречит идеям, развитым в последующих проектах этого государственного деятеля. Прежде всего очевидна проаристократическая тенденциозность автора, позиция, никогда не бывшая близкой Сперанскому, не говоря уже о своеобразном тоне, в котором документ написан. Исследователи давно отмечали «странности» так называемых «ранних записок» М.М. Сперанского. Михаил Михайлович Сафонов высказал убедительную версию о том, что автор этих записок является граф В.А. Zubов, член Непременного совета¹³¹. Если эта версия верна, то Zubов выступает в записке *О коренных законах* как сторонник реализации принципов «умеренной монархии» Монтескье в России. Для него куда важнее социальное преобразование России, чем политическое, поскольку без общественных изменений невозможно установление «истинной монархии» и действие *коренных законов*. Автор записки 1802 года, следуя рассуждению Монтескье «point de noblesse, point de monarchie», утверждает: «...вместо всех пышных разделений свободного

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 922: Проект всемиростивейшей грамоты российскому народу жалуемой. Л. 1 об.—2.

¹³¹ Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М. Сперанского // ВИД. Л., 1991. Т. 22. С. 101—117.

народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи». Он продолжает: «...при таковом разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь *образе правления*, о каких-либо *коренных законах*...»¹³². Обратим внимание, что здесь в одной строчке соединяются старое понимание конституции (*образ правления*) и *коренные законы*, но фактически они противопоставлены друг другу. Автор записки предлагает разделить дворянство на высшее (первые четыре класса *Табели о рангах*) и низшее, затем для высшего дворянства восстановить указ 1714 года «о первородстве», а потом превратить «низшее» дворянство в простое чиновничество, лишив его дворянских прав и привилегий. Таким образом, «высший класс» сможет выступить гарантом «коренных законов». В.А. Zubов в другой своей записке *О правах Сената* (1802) пишет: «По *настоящей конституции России*, источник, начало и конец всех сил государственных есть государь»¹³³. Здесь, как и в проекте *О коренных законах*, мы снова видим «устаревающую», с современной точки зрения, семантику понятия *конституция*. В то же время *коренные законы* выступают у него «движущим понятием», их реализация возможна только в будущем, как результат значимой социальной реформы, в результате которой русское дворянство приобретет характеристики «монархического дворянства» *à la Montesquieu*.

Следует предположить, что первое, наиболее близкое к современному, понимание *конституции* в России артикулировал граф Павел Александрович Строганов. Он был в Париже как раз во время бурных дискуссий по поводу *конституции*, в ее подлинном значении, пришедшихся на 1788—1789 годы; он во многом впитал те идеи, которые были близки «друзьям Конституции», а не их противникам, полагавшим, что у Франции уже есть *конституция*, и никакая другая ей не нужна. Среди его бумаг, связанных с деятельностью «Негласного комитета», переплетенных в том под названием *Principes de la réforme du Gouvernement*, сохранилась записка *О состоянии нашей Конституции (De l'état de notre Constitution)*. Кажется бы, название записки вновь отсылает нас к идее формы правления, но Строганов с самого начала заявляет свое ясное видение *конституции* как правового признания прав нации:

¹³² Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 239.

¹³³ РГИА. Ф.1167. Оп. 16. Д. 8: Записка гр. Валериана Zubова о правах Сената при всеподданнейшем письме 29 апреля 1802 года. Л. 7.

A mon avis une *Constitution* est la reconnaissance légale des droits d'une nation ou les formes dans lesquelles elle peut les exercer. Pour assurer ensuite la validité de ces droits, il doit exister une garantie à ce qu'un pouvoir étranger ne puisse pas empêcher l'effet de ces droits. Si cette garantie n'existe pas, le but de l'usage de ces droits, qui est d'empêcher qu'aucune mesure du gouvernement puisse être prise à l'encontre du véritable intérêt national, ce but, dis-je, serait manqué, à alors on pourrait dire qu'il n'y a point de *Constitution*¹³⁴.

Последняя фраза прямо отсылает нас к статье 16 французской *Декларации прав человека и гражданина* 1789 года. Для Строганова также вполне приемлемы ведущие ценности данной *Декларации*, они должны составить и конституцию России: «Le bonheur des hommes consiste dans la sûreté de leur propriété à la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui». Наконец, Строганов устанавливает равенство между конституцией и фундаментальными законами, предполагая, что устранение административного произвола будет способствовать сохранению собственности и свободы: «Les gardiens de ces règlements de l'administration sont les lois fondamentales de l'état ou, autrement dit, la Constitution»¹³⁵. Но Строганов тут же заявляет, что в России уже есть некоторые элементы конституции, а именно установленные и используемые на практике права отдельных сословий. Но при этом, говорит он, полностью отсутствуют какие-либо гарантии этих прав, что, собственно, и составляет главную цель конституции. Поэтому он полагает, что введение таковых гарантий может привести к окончательному установлению конституционного строя в России.

В историографии сложились самые разные оценки политической программы «Негласного комитета». Некоторые историки считали ее, вслед за перепуганными старыми вельможами, «якобинской», чуть ли не революционной, что отнюдь не верно, так как

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1278: Строгановы. Оп. 1. Д. 14: Principes de la réforme du Gouvernement. Л. 92. Записка опубликована: Николай Михайлович, в. кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40. Перевод вел. кн. Николая Михайловича: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции» (Там же. С. XI).

¹³⁵ Там же. С. 41. Перевод: «Хранители сих административных установлений суть фундаментальные законы Государства, или, иначе говоря, Конституция».

большинство членов этого «революционного комитета» не только не собирались уничтожать сословное деление общества, но и стремились к укреплению дворянских привилегий. Как кажется, изучение понимания «молодыми друзьями» конституции поможет нам осознать их представления о направленности реформ. Марк Раев полагал, что к началу XIX века сложилось два основных понимания конституции. Первое было результатом английской конституционной традиции, а также революций в Америке и Франции. Согласно этой традиции конституция есть:

...a written document clearly stating the sources and character of political sovereignty, guaranteeing the basic rights of all citizens, establishing the mechanism of a representative parliamentary government, and, most important, confining the executive to a position subordinate to that of the elected legislative power.

Второе понимание конституции было распространено в России, оно характерно для Александра I, членов Негласного комитета и позже М.М. Сперанского:

What they called constitutions should perhaps be termed '*fundamental principles of administrative organisation*'. The term constitution conveyed to them the idea of an orderly system of government and administration, free from the caprices and demoralising tyranny of arbitrariness. To give Russia a constitution, therefore implied bringing clarity and order to the administration and basing the relationship between the government and the individual subject on the rule of law¹³⁶.

Это очень тонкое наблюдение, как кажется, верно лишь отчасти. Действительно, «молодые друзья» не предполагали установить в России английскую или французскую конституцию, но конституция в их понимании не сводилась только к административной составляющей. Как доказательство подобного тезиса можно привести слова Строганова, который утверждал, что конституция включает в себя три части: «установление прав, их использование и гарантию оных» («l'établissement des droits, la manière d'en faire usage & la garantie»). Н.Н. Новосильцев предлагал на первом заседании «Негласного комитета» в июне 1801 года следующий порядок его деятельности:

¹³⁶ Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 41—42.

...d'abord on devait se rendre compte de l'état actuel des choses, ensuite précéder a la reforme de ces diverses parties de l'administration et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la nation¹³⁷.

Очевидно, что Новосильцев связывает *конституцию* с *esprit de la nation*, а не с административной системой, которая должна быть урегулирована до установления *конституции*, и только в последнюю очередь должна быть дарована *конституция*, закрепляющая результаты проведенных реформ. Таким образом, *конституция* для «молодых друзей» становилась еще более дальней целью, чем *основательные законы* у прожектеров XVIII века, она должна была увенчать длинную цепочку реформ. Среди личных бумаг Новосильцева, посвященных его работе в «Комиссии законов» в 1803—1804 годах, содержатся материалы и наброски *Кодекса законов*. Так вот, первая часть этого Кодекса (1 section) озаглавлена «*Constitution de l'Empire de Russie*» и включает в себя не только установление прав и обязанностей императора, закон о престолонаследии и статус высших государственных учреждений (Сената и министерств), что, собственно, уже включалось в проекты *непременных законов* еще в XVIII веке, но также и права подданных в целом и сословий в частности¹³⁸. Поэтому невозможно однозначно считать, что для реформаторов начала XIX века *конституция* была лишь набором «фундаментальных принципов административного устройства». К тому же следует отметить, что выделенная М. Раевым первая традиция была относительно новой, даже в Америке и Франции *конституцию* связывали именно с административными формами: достаточно взглянуть на определения американских и французских словарей конца XVIII — начала XIX века или на определение *конституционных законов* аббатом Сийесом. Поэтому неудивительно,

¹³⁷ Граф Павел Александрович Строганов. Т. 2. С. 61. Перевод: «Прежде всего, должно узнать насущное положение дел; затем реформировать различные части администрации, и, наконец, увенчать различные установления гарантией данной в *конституции*, основанной на истинном духе нации».

¹³⁸ При этом до сведения публики был доведен план нового свода законов: Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов и Выписка из поднесенных ЕИВ присутствием комиссии рапортов об успехах трудов ея. СПб., 1804. Ч. 1. Здесь содержится *Главное расположение книги законов*, в котором говорится, что «Первая часть содержит в себе *Государственное Постановление*, или законы внутреннего устройства» (Там же. С. 38), во французском переводе: «La Première contient la *Constitution de l'Empire* et les lois organiques» (Там же. С. 39).

что и в русских проектах столь много места уделяется административным формам *конституции*.

В политических записках П.А. Строганова и Н.Н. Новосильцева *конституция* — это уже акт, гарантирующий права, в том числе описывающий границы государственной власти в отношении прав и свобод личности наряду с регламентацией системы государственного правления. В то же время для А.Р. Воронцова и его современников политическое понимание *конституции* и *фундаментальных законов* отличается, для них *конституция* в широком значении — это форма правления, а в узком значении — конкретное постановление государя. А *фундаментальные законы* суть неизменные установления, закрепляющие права сословий. Эта различная трактовка ключевых понятий екатерининскими вельможами и александровскими «друзьями» является индикатором их разнящихся политических дискурсов, сформированных разным образованием, культурой и историческим контекстом. Взаимное непонимание поколений выразилось в разных смыслах, вкладывавшихся в, казалось бы, одинаково звучащие термины. Новое понимание *конституции* быстро распространилось среди образованной русской публики, и уже в 1819 году А.С. Грибоедов мог говорить: «В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе *конституции*, общее мнение, по крайней мере, требует суда виноватому»¹³⁹. Обратите внимание: здесь *конституцию* можно «добыть», это акт, дающий права и гарантии, в то время как в XVIII веке большая часть образованных людей полагала, что *конституцию* можно «переменишь», но лучше этого не делать, так как *конституция* — это установленная традициями форма правления в любой стране, и ее изменение — это путь к гибели государства. Эти семантические изменения служили индикатором уже иной эпохи, с новыми проблемами, целями и идеалами.

* * *

Таким образом, в России во второй половине XVIII века понятия *фундаментальные законы* и *конституция* были адаптированы элитарными слоями русского общества и постепенно включены в дискурсивные практики, отраженные в «прожектерской» и публицистической литературе эпохи. Эти понятия, попавшие в Россию

¹³⁹ Грибоедов А.С. Соч. / Вступ. статья, коммент., сост. и подгот. текста С.А. Фомичева. М., 1988. С. 404.

после знакомства образованной публики с западными политическими теориями, используются ею в качестве «ключевых» и «ведущих понятий»: об их сути ведутся дискуссии и с ними связываются цели политического развития России. От множественного числа *фундаментальных законов* и *конституций* эти концепты развиваются и объединяются к началу XIX века в единственное число понятия *конституция*, под которым подразумевается «основной закон» государства. Далее из элитарного дискурса это базовое понятие в середине XIX века переходит к другим социальным группам и, становясь все более демократическим концептом, начинает активно использоваться как инструмент политической борьбы различными общественными силами.

Дмитрий Александрович Бадалян

Понятие *конституция* в России XVIII—XIX веков: от *постановления сейма* и *узаконения* к *венчанию здания* и *правовому порядку*

Настоящая работа рассматривает историю функционирования в русском политическом дискурсе понятия *конституция*, являющегося одним из основных исторических понятий. Отдельно изучены обстоятельства появления и использования в публицистике 1870—1880-х годов эвфемизмов этого понятия — *венчание здания* и *правовой порядок*. Основными источниками исследования явились публицистика, выступления в периодической печати, служащие наиболее живым и непосредственным отражением процессов, протекавших в российской общественно-политической сфере, а также относящиеся к XVIII веку законодательные акты и материалы делопроизводства и, наконец, словари, фиксирующие важные в данном контексте результаты развития языка.

Этимология и первоначальная история понятия

Распространено мнение, что слово *конституция* впервые появилось в русском языке при Петре I. Это утверждали, в частности, историк литературы Николай Алексеевич Смирнов¹, лингвисты Макс Фасмер² и Павел Яковлевич Черных³. Первый из них связывал использование этого слова в то время со значениями «учреждение» и «уставление», второй — «устройство», третий — «структура». С разной степенью уверенности все трое говорили о заимствовании этого термина из латинского языка через польский.

¹ Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // СОРЯС. Т. 88. 1910. № 2. С. 5, 155, 371.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2009. Т. 2. С. 313 (автор ссылался на работу: Christiani W.A. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906. S. 30).

³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 423.

Однако *Словарь русского языка XI—XVII вв.* приводит случаи употребления данного термина еще в 1650—1660-х годах⁴. Самый ранний относится к 1658 году. Его зафиксировала грамота царя Алексея Михайловича виленскому воеводе князю Михайле Шаховскому, в которой говорится: «Бурмистры и райцы и лавочники и мещане били челом нам великому государю нашему царскому величеству, чтоб пожаловати их урядников и мещан, на которыхы дела королевских привиллий и конституций соймовых у них нет»⁵. Здесь, как и в царской жалованной грамоте жителям города Гадяча 1665 года⁶ и как в грамоте 1704 года Петра I к польскому королю Августу II⁷, термин *конституция* подразумевает постановления польского сейма. Именно в этом смысле оно тогда существовало в польском языке, а в Малороссии означало «гетманское постановление». Такова, например, созданная в 1710 году *Конституция Пилуна Орлика* (по-латыни называвшаяся *Pacta et Constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporoviensis*). Характерно, что и почти все известные нам случаи употребления этого выражения в русском языке в конце XVII — первой четверти XVIII века имеют то же значение и связаны с Речью Посполитой или Малороссией⁸. Да, влияние польского языка за время правления Петра I наложило глубокий отпечаток на русскую литературную речь (и даже, как отметил Виктор Владимирович Виноградов, «коснулось ее синтаксического строя»⁹), но в данном случае мы имеем дело с термином, который попал в русский язык из польского до эпохи Петра I, а при нем лишь получил еще большее распространение.

⁴ СлРЯ XI—XVII. М., 1980. Вып. 7. С. 282. Здесь слову *конституция* соответствует единственное значение «свод постановлений». Отметим также мнение А.К. Шапошникова о том, что слово это пришло к нам не позднее XVI—XVII веков, но прямо из латыни, и польское посредство при этом «вовсе не обязательно» (*Шапошников А.К.* (Сост.) *Этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 421—422).

⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1828. Ч. 4. С. 32.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4: 1645—1676. СПб., 1842. С. 351.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 126.

⁸ См., например: Там же. М., 1952. Т. 10. С. 490; М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 390; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15 т. М., 1962. Кн. 7, т. 13—14. С. 509—510, 638—639; М., 1962. Кн. 8, т. 15—16. С. 443; М., 1963. Кн. 9, т. 17—18. С. 233, 246. Источники, на которые приведены ссылки, относятся к 1692—1718 годам.

⁹ *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982. С. 66.

Наиболее типичное для Петровского времени толкование термина *конституция* оставалось в ходу на всем протяжении XVIII века. Правда, уже в ретроспективном контексте. Пример тому — доклад Сената 1763 года, в котором говорится о «надачах» в Малороссии, которые «в старых привилегиях и конституциях именно называются надачи наследственные»¹⁰.

Первые известные нам исключения из этого ряда связаны с началом 1720-х годов. Это, во-первых, подготовленная в 1721 году Яковом Вилимовичем Брюсом и Андреем Ивановичем Остерманом записка о политической ситуации в Швеции, где, в частности, говорилось, что «люди, склонные к герцогу голштинскому, хотят свою вольность и нынешнюю конституцию сохранить»¹¹. Легко понять, что здесь под *конституцией* подразумевается политическая система или «устройство, положение», как трактуется *constitutio* в латыни.

Другой пример нетипичного употребления этого слова содержит изданная в 1722 году *Правда воли монаршей*, автор которой Феофан Прокопович говорит о содержащейся в *Новеллах царя Леона* (законах византийского императора Льва III Исавра) «конституции или уставе двадесять четвертом»¹². Такое использование выражения неудивительно: прекрасно знавший латынь Феофан Прокопович обратился к другому значению латинского термина *constitutio*. Ведь именно так называли некоторые (наряду с декретами и эдиктами) правовые акты римских императоров. Отметим сразу, что в латыни существуют и иные значения слова *constitutio*: «установление», «организация», «приказ», «состояние».

Вероятно, в 1720-е годы термин *конституция* приобретает значение «узаконение», зафиксированное впервые в *Новом лексиконе* 1755 года¹³. Именно с таким содержанием использовал его в 1729 году первый русский журнал *Примечания к Ведомостям*, редактировавшийся Герардом Фридрихом Миллером. В нем рассказывалось, как трактовала вопрос о собственности в отношении к

¹⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11812. С. 240. См. также с. 241.

¹¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 17—18. С. 301.

¹² *Феофан [Прокопович Е.]*. Правда воли монаршей. М., 1722. С. 8. Отметим, что в славянском тексте *Леона Царя Премудрого и Константина Верного Царя главизн* (включенных в XVI веке в *Кормчую книгу*) нет и следа слова *конституция*.

¹³ Новый лексикон на французском, латинском языках, переводу асессора С. Волчкова. СПб., 1755. Ч. 1. С. 528.

разбившимся в море судам «конституция Фридриха I Римского цесаря»¹⁴. Наконец, спустя еще несколько лет это слово было использовано в отношении к отечественным законам. В 1735 году Антиох Дмитриевич Кантемир сообщал из Лондона: «Чужестранные де министры недовольно известны о наших конституциях, и для того де то корабельное дело за маловажное почитают»¹⁵.

В Западной Европе же в XVII—XVIII веках, как показано в статье Сергея Викторовича Польского в настоящем сборнике, уже существовал ряд терминов, передающих понятие о форме правления и понятие об ограниченной законом власти монарха. Однако слово *конституция* стало использоваться для этого не сразу и не во всех случаях.

В европейских языках до начала XVIII века этот происходивший из латыни термин (фр. *constitution*, нем. *Konstitution*, англ. *constitution*) имел следующие основные значения: «организация», «телосложение», «строение». В Англии начала XVII века *constitution* стали употреблять в значении «строение», «сложение», подразумевая сложение государства¹⁶. Размежевание понятий *конституция* как основной закон и *конституция* как принцип правления, по мнению Михаила Васильевича Ильина, началось в Западной Европе с наступлением Нового времени¹⁷. В Англии, как он считает, этот процесс завершился в 1733 году, когда Генри Сент-Джон Болингброк в своем *Рассуждении о партиях* предложил такое определение:

Под конституцией мы понимаем, когда говорим уместно и точно, ту совокупность законов, установлений и обычаев, которая вытекает из неких твердых принципов разума и направлена на некие установленные цели общественного блага, которая образует такую общую систему, коей сообщество согласно подчиняться [...] Мы называем такое правление хорошим, когда все управление об-

¹⁴ Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. 1729. С. 166.

¹⁵ Реляции князя А.Д. Кантемира из Лондона, 1734—1735. М., 1903. Т. 2. С. 197.

¹⁶ Stourzh G. Constitution: Changing meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century // Conceptual Change and the Constitution. Lawrence, 1988. P. 38, 40.

¹⁷ Ильин М.В. Слова и смыслы: полития, республика, конституция, отечество // Полис. 1994. № 4. С. 119—120 (<http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1994/5/10.htm>).

щественными делами проводится разумно и в строгом соответствии с принципами и устремлениями конституции¹⁸.

В 1770—1780-е годы подобная трактовка *конституции* стала распространенной. Появляются конституции: американская (1787), польская (1791), французская (1791), Гельветической республики (1798). В это время новое значение слова приходит и в русский язык. В начале 1793 года *Политический журнал* (представлявший собой перевод гамбургского издания), рассказывая о Западной Германии, добавлял, что туда «французская конституция, против которой изъявлено негодование, не могла вторгнуться»¹⁹. Очевидно, здесь в едином термине слились два понятия: одно — «основной закон» (который во Франции уже именовали *конституцией*), другое — «французский порядок, установление». Первые свидетельства окончательного размежевания этих понятий мы встречаем спустя менее десяти лет в *Письмах русского путешественника*. Посвященные Лондону страницы книги Николая Михайловича Карамзина, где упоминается английская *конституция*²⁰, впервые увидели свет в отдельном издании *Писем* в 1801 году.

Для распространения нового слова немало сделал и карамзинский *Вестник Европы*. Ведь оно встречается едва ли не в каждом его номере. Например, в переведенном Н.М. Карамзиным *Письме из С. Доминго, французского, американского острова* говорится, что там «конституция утверждает личную свободу и безопасность»²¹. А сам Карамзин начинал статью *Швейцария* так: «Мы угадали, что новая швейцарская Конституция будет недолговечна»²². Или он же, спустя некоторое время, в *Письме из Берна* рассказывал: «Гельвеция, испытав разные конституции, после долговременного волнения

¹⁸ «By constitution we mean, whenever we speak with propriety and exactness, that assemblage of laws, institutions and customs, derived from certain fixed principles of reason, directed to certain fixed objects of public good, that compose the general system, according to which the community hath agreed to be governed [...] We call this a good government, when [...] the whole administration of public affairs is wisely pursued, and with a strict conformity to the principles and objects of the constitution» (The Works of Lord Bolingbroke. Philadelphia, 1841. Vol. 2. P. 88).

¹⁹ Политический журнал с показанием ученых и других вещей. 1793. № 1. С. 138.

²⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988. С. 469, 475.

²¹ Вестник Европы. 1802. Ч. 1, май, № 2. С. 80. Об авторстве перевода см.: Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803) // XVIII век. СПб., 1991. С. 252.

²² Вестник Европы. 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 177.

утвердила, наконец, правление, которое кажется ей лучшим и сообразнейшим с пользою разных частей ее»²³.

Таким образом, на рубеже XVIII—XIX столетий слово *конституция* в русском языке имело несколько значений, которые обобщил изданный в 1804 году второй том *Нового словотолкователя* Николая Максимовича Яновского:

- 1) Составление, природа, сложение тела человеческого. [...]
- 2) Учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа. *Конституция республики Французской; конституция Английская.* 3) Постановление (или Государя, что будет значить указ, или Гетмана, что называли манифест, или сейма, что кроме конституции другого имени не имело) имеющее силу закона, или недостающего в книге Статут, или недоразумение объясняющее. Малороссия, сверх книги Статут, приемлет токмо за закон конституции Польския, изданные прежде 1636 года, а с последующими потом сообразуется токмо в случае повеления верховной власти, чтобы поступать по такой-то конституции, введенной во вновь приобретенных Польских губерниях. Чего же не доставало в Статуте, того дополняли Гетманы своими постановлениями, а Коллегии соображались с общими Российскими государственными узаконениями и указами, или входили с мнениями в Сенат²⁴.

Именно с этими толкованиями (но без отсылки к постановлениям сеймов и гетманов) представляет термин *конституция* и современный словарь русского языка XVIII века²⁵. Другой современный словарь, также забывая о польском *konstytucja*, видит сразу два иных пути внедрения этого слова в русский язык: в значении «совокупность свойств человека» — непосредственно от латинского *constitutio*, а в значении «основной закон» — через французское *constitution*, восходящее к латинскому слову²⁶.

²³ Вестник Европы. 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 321. В этом контексте речь идет о конституциях как «основном законе». За короткий срок своего существования Гельветическая республика пережила несколько смен и редакций конституции. Об авторстве Карамзина в отношении этой и предыдущей статьи см.: Пономарев С.И. Материалы для библиографии литературы о Н.М. Карамзине // СОРЯС. 1883. Т. 32, № 8. С. 19, 21.

²⁴ Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803—1804. Т. 2. С. 366—367.

²⁵ СлРЯ XVIII. СПб., 1998. Вып. 10. С. 142.

²⁶ Шведова Н.Ю. (Отв. ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 359.

Понятие конституция. 1800—1880-е годы

В России эпохи Александра I толкование *конституции* как основного закона становится привычным (пример — *Проект конституции* Никиты Михайловича Муравьева). Однако в то же время предлагаются и его славянизированные аналоги: «Государственная уставная грамота» у Николая Николаевича Новосильцева и «государственный завет» у Павла Ивановича Пестеля²⁷. В то же самое время получает распространение и другое значение этого слова: «установление, закон». Интересно, что «дней александровых прекрасное начало» привнесло в это значение оттенок именно «либерального» закона. Иллюстрацией тому могут служить слова Ивана Михайловича Долгорукова, заметившего в 1818 году, что «самовластительство» Екатерины II «гораздо сноснее для народов, чем конституционные хартии новых законодателей»²⁸ (автор, очевидно, намекал на конституционные хартии, подписанные в 1814 году Людовиком XVIII и в 1815 году в отношении Польши Александром I).

Одновременно с этим понятием происходит еще одна метаморфоза. Примером тому служат слова Н.М. Карамзина из его письма к Ивану Ивановичу Дмитриеву от 11 сентября 1818 года: «Не требую ни конституции, ни *представителей*, но по чувствам останусь республиканцем, и при том верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое!»²⁹ Здесь интересны не только сознательно выстроенный Карамзиным парадокс, но и использование им в качестве однородных членов слов *конституция* и *представители* (то есть парламент). Стоящие за ним понятия для Карамзина еще не синонимы, но уже явления одного ряда.

В том же году в печати появляется статья Алексея Петровича Куницына, стремившегося реабилитировать идею *конституции*, скомпрометированную «несчастными опытами Франции». Слово это теперь понятно настолько, что автору не надо пояснять его значение. Речь идет именно об основном законе — на это указывает

²⁷ Гоголевский А.В., Ковалев Б.Н. (Авт.-сост.) Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии. Сб. документов. М., 2000. С. 381.

²⁸ Долгорукий И.М. Капище моего сердца... М., 1874. С. 2. Примечательно, что в этом же контексте неоднократно использовал слово *конституция* Л.Н. Толстой, описывая в *Войне и мире* реалии александровской эпохи.

²⁹ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 186.

и тот факт, что Куницын трижды использует в статье выражение *конституционная хартия* — даже чаще, чем само слово *конституция*, упомянутое лишь дважды. Статья эта, кроме того, свидетельствует, что не у одного Карамзина сопрягаются понятия о *конституции* и парламентаризме. Куницын утверждает, что «жители нынешних государств», «не желая быть сами законодателями, хотя бы только иметь при лице Верховного Властителя своих Представителей, которые бы его, яко отца народа, извещали о нуждах общественных, умоляли о принятии мер противу зол, существующих в обществе, и с благонадежностью могли испрашивать у его правосудия законов, для всякого равно благодетельных»³⁰. Вероятно, повод к таким рассуждениям дал сам Александр I, в речи перед Сеймом Царства Польского 15 (27) марта 1818 года заговоривший о «законно-свободных учреждениях» (*les institutions liberales*).

В николаевское время частота использования термина *конституция* стала, вероятно, сужаться, и поэтому, через 30 лет после *Нового словотолкователя* Н.М. Яновского, составитель *Общего церковно-славяно-русского словаря* Петр Иванович Соколов не включил в него значение «закон, постановление», а на втором месте после «состав, сложение тела человеческого» указал: «Учреждение устава, собрание коренных законов, составляющих правление какого-либо народа»³¹.

Заметный сдвиг в понимании этого термина зафиксировал в 1846 году *Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, более известный как словарь Михаила Васильевича Петрашевского. В нем предложено два толкования. Первое, привычное, подразумевало «государственное устройство, организацию государства». Второе же более пространное — «Образ правления, в котором верховная власть разделена между монархом и *выборными* от народа». Здесь же пояснялось, что выборные от народа «называются *представителями* или *депутатами* (*les représentants, les députés*): а потому и самое конституционное правление носит также название *представительного* (*gouvernement représentatif*). Совокупность депутатов составляет *парламент*»³². Так, возможно, впервые в России значение слова *конституция* перешло от свода

³⁰ Куницын А.П. О конституции // Сын отечества. 1818. № 18. С. 206.

³¹ Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь, или собрание речений... СПб., 1834. Ч. 1. Стб. 1194.

³² Кирилов Н. С. (Изд.) Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1846. Вып. 2. С. 133.

законов, описывающих и ограничивающих верховную власть, на саму систему ограничения власти. А через год *Словарь церковно-славянского и русского языка* предложил такую формулировку значения слова *конституция*: «Основные законы, по которым управляются некоторые государства», — и в качестве примера указал на английскую конституцию. Характерно, что рядом были даны комментарии к прилагательному *конституционный*: «Свойственный конституции», и второе значение: «Основанный на конституции. Конституционное правление»³³. Здесь, в словаре, подготовленном Императорской Академией наук, зафиксировано развитие той же тенденции, которую отчасти отразил в своем письме 1818 года Карамзин, а в более очевидной форме — М.В. Петрашевский: слово *конституция* в середине XIX столетия становится синонимом «парламента», то есть формы конституционного правления.

Нет ничего удивительного в том, что использованное социалистом Петрашевским, да еще в николаевское царствование, накануне «мрачного семилетия», новое толкование *конституции* утвердилось не сразу. Однако следы его распространения зафиксировала подготовленная в 1855 году Иваном Васильевичем Киреевским *Записка об отношении русского народа к царской власти*. Автор ее утверждал:

Те, которые боятся развития законности потому, что оно ведет к конституции, бывают иногда подвержены странному недоразумению. Они как-то забывают, что страшное иностранное слово *конституция* в русском переводе значит ни больше ни меньше как *устройство*. Потому бояться для государства *конституции вообще* — значит бояться всякого государственного устройства, что было бы верхом бессмысленности.

И далее, подчеркнем, И.В. Киреевский добавлял:

Правда, однако же, что с этим словом соединились в последнее время и некоторые особенности понятия, смешанные с ложными теориями, которые произвели великий вред во многих государствах³⁴.

³³ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 198.

³⁴ Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Калуга, 2006. Т. 1. С. 147—148.

Однако те «некоторые особенности понятия», что в первые месяцы правления Александра II казались И.В. Киреевскому малосущественными и привнесенными вопреки развитию «закононости», уже в начале 1860-х годов стали восприниматься как неотъемлемые признаки времени. В мае 1861 года Константин Дмитриевич Кавелин утверждал: «Конституция — вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; об ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия»³⁵. Это было сказано в брошюре *Дворянство и освобождение крестьян*, и здесь же Кавелин описал те же два значения понятия *конституция*, что и словарь Петрашевского. Кавелин только дополнил их более пространными комментариями и второе, «тесное», значение слова *конституция* объяснил как «такое политическое устройство государства, где верховная власть ограничена политическим представительством, палатами или камерами, разделяющими с нею, в большей или меньшей степени, законодательную или высшую административную власть». А вслед за тем Кавелин подчеркивал: «Смещение понятия о конституции в этих различных значениях рождает тысячи недоразумений между правительствами и народами, в особенности между людьми, одинаково желающими добра своей родине»³⁶.

Уже в середине 1860-х толкование *конституции*, впервые предложенное словарем Петрашевского, попадает в иные словари. Общими своими трактовками оказался близок к Петрашевскому *Словотолкователь* И.Ф. Бурдона. Второе значение слова он понимал как «разделение верховной власти Монарха с его подданными»³⁷. Дальевский *Словарь живого великорусского языка* отличался от двух предыдущих только стоящей на первом месте трактовкой *конституции*: «образование, устройство правления, основание государственного управления», — лишь во вторую очередь Владимир Иванович Даль предложил: «ограниченное монархическое правление, где закон выше правителя». А прилагательное *конституционный* тут

³⁵ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 151.

³⁶ Там же. С. 152.

³⁷ Бурдон И.Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. М., 1865. С. 344.

же пояснялось на примере выражения «конституционный государь, ограниченный властью государь, законоправитель»³⁸.

В сравнении со словарями Петрашевского, Даля и Бурдона, анахронизмом выглядели трактовки вышедшего в 1866 году словаря Алексея Давыдовича Михельсона. Для объяснения термина *конституция* он нашел только два значения: «собрание основных законов государства» и, во вторую очередь, «телосложение»³⁹, — как это сделал П.И. Соколов в 1834 году.

В последующие 10—15 лет второе, принятое у Петрашевского, Даля и Бурдона, толкование оказалось основным. Иначе говоря, под *конституцией* стали понимать парламент и близкие к нему либеральные институты вроде ответственного министерства. Поэтому вполне характерными для того времени являются рассуждения редактора журнала *Русская речь* Александра Александровича Навроцкого. В 1881 году он писал: «Общий, основной смысл конституционного правления, как известно, заключается в том, что власть монарха ограничена так называемыми представителями народа [...] они утверждают бюджет и контролируют действие правительства, ответственного перед этими представителями за свои действия»⁴⁰. В том же 1881 году, хотя и с других позиций, так же рассуждал Михаил Никифорович Катков: «Между конституцией и представительством не более разницы, чем между ломкой и крушением. [...] Конституция и какое бы ни было выборное государственное представительство в настоящую пору, при данных обстоятельствах, — это совершенно одно и то же»⁴¹.

Именно это значение понятия *конституция* раскрыто в ряде научных работ. Так, Валентина Григорьевна Чернуха, рассматривая рубеж 1870—1880-х годов, пишет:

...Все разговоры о необходимости принятия конституции, где бы они ни велись, в общественных или бюрократических (и это было гораздо серьезнее) кругах, подразумевали обычно вовсе не конституцию в строгом смысле слова. Имелось в виду всего лишь

³⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1865. Т. 2. С. 762.

³⁹ Михельсон А.Д. (Сост.) 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1866. С. 327.

⁴⁰ А.Н. [Навроцкий А.А.] Самодержавие и конституция // Русская речь. 1881. № 6. С. 357.

⁴¹ Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007. С. 250 (впервые опубликовано: Московские ведомости. 1881. 1 мая. № 119. С. 2).

представительство интересов различных общественных групп в Государственном совете или особом учреждении, причем с правом совещательного голоса. При всей возросшей смелости российской печати сама конституционная идея, в таком ограниченном смысле понимаемая, формулировалась весьма нечетко — как мысль о необходимости привлечения общества к участию в законодательном процессе и о возможности общественного контроля над властями⁴².

В силу сказанного, нередко «сторонниками конституции» называли и авторов различных проектов учреждения представительных органов — «совета выборных лучших людей», «народного представительства» и так далее. Такие проекты выдвигали и аристократы, которые, как правило, не упоминали в них о *конституции*, а наоборот, провозглашали незыблемость самодержавия. Тем не менее в научной литературе такое явление получило название «правительственный конституционализм».

Григорий Константинович Градовский в своих воспоминаниях писал, что «слово “конституция” еще не попадало в 1880—81 гг. в печать, — разве в виде контрабанды или для обличения “крамольной пропаганды”»⁴³. Однако именно в ту самую пору, весной 1881 года, Иван Сергеевич Аксаков отмечал, что «конституционный вопрос стал предметом ожесточенной газетной полемики»⁴⁴. И действительно, обсуждение его в русской публицистике не было редкостью, но велось без открытой пропаганды конституционных идей, которая подлежала бы запрету. «Контрабандный» путь, о котором говорил Г.К. Градовский, подразумевал, во-первых, обращение к опыту иностранных государств (так, в апреле 1881 года газета *Порядок* за восемь дней трижды подробно рассказала в своих передовых [!] о конституциях европейских стран⁴⁵) и, во-вторых, — применение эзопова языка, различных эвфемизмов. Правильно понимаемые в кругу «своих», эти эвфемизмы зачастую позволяли обходить цензурные запреты. Примером наиболее внятного и прозрачного из подобных эвфемизмов является выражение *европейские политические учреждения*. Но нередко в печати ис-

⁴² *Ананьич Б.В.* (Отв. ред.) *Власть и реформы. От самодержавия к советской России*. М., 2006. С. 326. См. также: *Чернуха В.Г.* *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.* М., 1978. С. 21; *Скрипилов Е.А.* Конституционные идеи и проекты в России // *История буржуазного конституционализма XIX в.* М., 1986. С. 205—209.

⁴³ *Градовский Г.К.* *Итоги (1862—1907)*. Киев, 1908. С. 70—71.

⁴⁴ *Русь*. 1881. 16 мая. № 27. С. 2.

⁴⁵ *Порядок*. 1881. 2 апр. № 91. С. 1; 6 апр. № 95. С. 1; 9 апр. № 98. С. 1.

пользовались выражения, которые могли понять далеко не все. Не случайно же в 1882 году один из публицистов, сам остерегаясь произнести слово *конституция*, заявлял: «...Об этом предмете все уклоняются открыто говорить, одни — по боязни, по независимости от них причинам, другие — по расчету. Намеки, обиняки, недомолвки испещряют теперь все речи и вносят хаос и путаницу во все понятия»⁴⁶. Тем более остаются скрыты эти «намеки» и «недомолвки» от современного читателя, не владеющего «словарем» публицистов XIX века. Истории двух подобных эвфемизмов посвящена следующая часть работы.

Венчание здания. 1860—1880-е годы

В конце 1870-х годов, в период кризиса власти и частых споров о будущем России, одним из популярных выражений в газетных публикациях и речах ораторов стал оборот *венчать здание*. Вот два примера из выступлений публицистов противоположных лагерей.

Начиная издание газеты *Русь* в ноябре 1880 года, И.С. Аксаков ее первую, программную передовую посвятил теме *венчания здания*. Обратившись к вечному русскому, но тогда чрезвычайно обострившемуся вопросу «что делать?», Аксаков писал:

«Венчать здание», — слышится иногда в ответ. «Венчать здание», повторяют и нам некоторые наши почтенные корреспонденты и подписчики. Венчать здание! Да венчать-то нечего! Здания-то еще никакого нет! То есть здания вполне возведенного и довершенного. Приходится еще кирпичи класть. Вглядимся пристальнее. Собственно говоря, прочно, из камня сложен только один фундамент; остальное вчерне, или лишь временные сооружения⁴⁷.

Чуть раньше на подобные разговоры откликнулся Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Во второй главе очерка *За рубежом* (увидевшей свет в октябрьском 1880 года номере *Отечественных записок*) он представил гротесковые фигуры двух русских сановников с говорящими фамилиями Удав и Дыба. Между ними проис-

⁴⁶ *Леонард П.С.* Что хотят отнять у русского народа. Конституционализм. Радикализм. Александр II. СПб., 1882. С. 1.

⁴⁷ *Русь*. 1880. 15 нояб. № 1.

ходил пародийный диалог об *увенчании здания*, в котором Дыба с чужих слов говорил, что «будто бы без этого никак невозможно», а Удав убеждал, что «всегда эти “увенчания” были, и всегда они будут-с», и восклицал: «Сколько одних прогонных и подъемных денег на эти “увенчания” было потрачено!»⁴⁸

К тому времени понятие *здание* как образ государственного устройства прочно вошло не только в публицистику, но и в бытовое сознание. Так, председатель Комитета министров Петр Александрович Валуев, передавая ощущение напряженной обстановки в стране, писал в своем дневнике 3 июня 1879 года: «Чувствуется, что почва зыблется, зданию угрожает падение...»⁴⁹ Перекликаются с этим и строки из ходившего в те же годы по рукам анонимного стихотворения, текст которого сохранился в архиве Достоевского. Вместо *здания* в нем обыграно двойное значение слова *дом*:

Нет, довольно уж обманов,
Да и ждать мы не хотим,
Пошатнулся Дом Романов,
«Конституцию!» — кричим⁵⁰.

Вероятно, причиной тому была семантика *здания* в русском и некоторых других языках. Во-первых, надо учесть, что в древнерусском языке глагол *здати* означал «создавать», «строить». Соответственно слово *здание* (*здание*, *здание*) подразумевало и «здание» (постройку), и «творение» (с последним значением связано выражение «от здания мира») ⁵¹. Пара, аналогичная русской *здание* — *мироздание*, существует и в немецком: *Gebäude* — *Weltgebäude*. Отметим, что еще в XVIII веке в немецком языке слово *здание* (*Gebäude*) использовалось как метафора. Например, так оно употреблялось Иоганном Готфридом Гердером в его изданных в 1784—1791 годах *Идеях к философии истории человечества*: «военное и политическое здание господства» (*ein herrschendes Staats- und Kriegsgebäude*), «все государственное здание» (*das ganze Staatsgebäude*), «все здание государства» (*das ganze Gebäude des Staats*)⁵².

⁴⁸ Салтыков-Шедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 73—74.

⁴⁹ Валуев П.А. Дневник, 1877—1884. Пг., 1919. С. 38.

⁵⁰ Цит. по: Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1995. Т. 14. С. 763.

⁵¹ СлРЯ XI—XVII. М., 1978. Вып. 5. С. 361—362.

⁵² http://www.odysseetheater.com/goethe/herder/ideen_11_01.htm; <http://www.textlog.de/5654.html>

А слово *мироздание* тогда едва только появилось в русском языке. В.В. Виноградов указывал, что оно — «новообразование конца XVIII и начала XIX века», и добавлял: «Есть все основания утверждать, что оно создано масонами (ср. немецкое *Weltgebäude*)»⁵³.

Однако когда шла речь именно о *венчании здания*, подразумевался не абстрактный процесс завершения некоего государственного устройства. *Венчание здания* — метафора, обладающая вполне определенным значением. Один из тех, кто отметил это, — Игорь Леонидович Волгин⁵⁴. Изучая обстоятельства столкновения Федора Михайловича Достоевского и Ивана Сергеевича Тургенева, произошедшего на вечере, устроенном в честь последнего петербургской либеральной интеллигенцией в марте 1879 года, Волгин обратил внимание на воспоминания Семена Афанасьевича Венгера. По его словам, Тургенев, выступая на вечере,

говорил об «увенчании здания реформ Александра II». Под «увенчанием здания», — пояснял Венгер, — подразумевалась конституция. Все превосходно поняли, в чем дело, и только Достоевский поставил вопрос ребром:

— Что значит — увенчание здания?

Присутствовавшая на обеде публика отнеслась к выступлению Достоевского крайне сурово, усматривая в нем чуть ли не донос⁵⁵.

Добавим, что с аналогичным смыслом употребляется это выражение в воспоминаниях Николая Алексеевича Епанчина и Льва Александровича Тихомирова⁵⁶.

Итак, за, казалось бы, многогранным образом *увенчания здания* скрывалось вполне конкретное понятие *конституция* в значении «парламентское правление». Однако для понимания специфики общественно-политических отношений, складывавшихся в ту эпоху, стоит посмотреть, как эта идиома — *венчать здание* — вошла в словарь публицистов.

Предпосылки для появления этого выражения вызревали и в русском, и во французском языках. Начнем с последнего. Выраже-

⁵³ Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 930.

⁵⁴ Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М., 1991. С. 74—78.

⁵⁵ Р. Четыре встречи с И.С. Тургеневым. (Беседа с профессором С.А. Венгеровым) // Бирюч петроградских государственных театров. 1918. 9—15 нояб. № 2. С. 44.

⁵⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 158; Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 216.

ние *венчать здание*, как отметил Владимир Артемович Туниманов, — калька с французского *couronner l'édifice*, которое в 1850—1860-е годы получило распространение во Франции, благодаря тому что его неоднократно употреблял император Наполеон III⁵⁷. Так, Туниманов привел речь Наполеона III, произнесенную 14 февраля 1853 года на законодательной сессии: «Тем, кто сожалеет, что свободе не была предоставлена большая доля, отвечу: свобода никогда еще не способствовала основанию прочных политических зданий: она венчает их, когда время их уже упрочило»⁵⁸.

Однако идиома *венчание здания* появилась во Франции не позднее рубежа XVIII—XIX веков. Авторы *Словаря иноязычных выражений и слов* полагают, что источником выражения *couronner l'édifice* является выпущенная в 1802 году брошюра Камиля Жордана (Журдена) *Vrai sens du vote national sur le consulat à vie*⁵⁹. Примечательно, что в том же году перевод ее появился в *Вестнике Европы*. Переводил статью сам Карамзин, но при этом он ни разу не воспользовался русским словосочетанием *венчать здание*⁶⁰. Отметим также, что в немецком языке аналогичное выражение (*das Gebäude krönen*) стало распространяться со значением «конституция» в 1830-е годы⁶¹. В русской публицистике французское выражение *couronner l'édifice* впервые появляется при Александре II в 1860-е годы. И первоначально именно — в оригинальном варианте, как чистое заимствование. Так, в 1862 году им пользуется Александр Васильевич Дружинин:

К обеденной поре я уже был готов глядеть на себя как на мудрого практического человека, всю свою жизнь заботившегося о благе меньших братьев и стремящегося к конечному благодетельствованию персон ему подвластных, *pour couronner l'édifice*, по

⁵⁷ [Туниманов В.А.] Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 303—304.

⁵⁸ Цит. по: Грегуар Л. История Франции в XIX веке. М., 1896. Т. 3. С. 541.

⁵⁹ Бабкин А.М., Шенденцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. СПб., 1994. Т. 2. С. 762. См. также: Там же. Т. 1. С. 310.

⁶⁰ Истинный смысл народного согласия на вечное консульство Наполеона Бонапарте. (Сочинение Камиля Жордана...) // Вестник Европы. 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 139—153; № 23. С. 230—244. Об авторстве перевода см.: Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина. С. 267.

⁶¹ Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. М.; Л., 1930. С. 357.

выражению нынешнего французского императора. Скверный обед однако же, рассеял мои грезы⁶².

Спустя несколько лет на рубеже 1867—1868 годов используют это же выражение Александр Иванович Герцен в написанной и опубликованной по-французски статье *Prolegomena*⁶³ и М.Е. Салтыков-Щедрин в сатирическом *Проекте современного балета*⁶⁴. Как и Дружинин, они приводят эти слова без перевода, и нет оснований считать, что уже тогда слова *couronner l'édifice* воспринимались как синоним *конституции*. Вероятнее всего, как и во Франции, *увенчание* трактовали в значении «предоставить широкие демократические права и политические свободы».

Попытка перевести *couronner l'édifice* на русский язык была предпринята в адресе московского дворянства от 11 января 1865 года. В нем дворяне просили Александра II «довершить» «государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли Русской, для обсуждения нужд, общих всему государству»⁶⁵. За этим шагом стояла группировка крупных помещиков (граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов, Николай Александрович Безобразов, Александр Платонович Платонов и др.), стремившихся к ограничению самодержавия конституцией, которая бы отвечала интересам поместного дворянства. В то время это воспринималось как проявление «олигархического конституционализма», идеологии, направленной на создание особого, привилегированного представительства дворян. Идеи московского дворянства не вызвали симпатий ни у императора, ни у общества. Так, Борис Николаевич Чичерин вспоминал по поводу адреса, что «истинные либералы, конечно не могли сочувствовать подобным демонстрациям, а люди более радикального направления требовали совсем другого»⁶⁶.

⁶² Бесымянный [Дружинин А.В.]. Прошлое лето в деревне // Русский вестник. 1862. № 2. С. 665.

⁶³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20, кн. 1. С. 32. В переводе: «А наше положение хуже, чем ваше, оно грубей, но гораздо проще, и не следует забывать, что у вас это *увенчание здания*, в то время как мы *вколачиваем еще сваи фундамента*» (Там же. С. 61).

⁶⁴ «Галля с удовольствием усматривает, что ее министры способны всякую реформу вытанцевать в лучшем виде, а со временем, быть может, будут в состоянии и *couronner l'édifice*» (Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 119).

⁶⁵ Весть. 1865. 14 янв. № 4. С. 11.

⁶⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 67. См. об этом: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 174—181.

Вероятно, после этого выражение *венчать здание* распространяется в русском варианте настолько, что попадает на страницы газет. Конечно, этому способствовали и зарубежные события, в первую очередь, как подчеркивал В.А. Туниманов, выступления Наполеона III. Но, скорее всего, слова французского императора только способствовали «легализации» этого выражения в России. Например, 13 января 1867 года петербургская либеральная газета *Голос* привела письмо Наполеона III к государственному министру Эжену Руэ, в котором император, обещая законодательные реформы, говорил об «увенчании здания, воздвигнутого национальною волею»⁶⁷. И уже на следующий день тот же *Голос* четырежды повторил это выражение в своей передовой⁶⁸.

В следующее десятилетие *венчать здание* окончательно укореняется в русском языке. По-русски приводят его Салтыков-Щедрин в *Отечественных записках* (1877)⁶⁹, Аксаков в *Руси* (1880)⁷⁰, Достоевский в *Дневнике писателя* (1880, 1881)⁷¹ и иные литераторы. И, вероятно, именно в 1870-е годы *венчать здание* приобретает в русском языке особое значение — «конституция как парламентское правление».

Такое широкое распространение пришедшего из чужого языка и чужой политической культуры образа можно объяснить тем, что он попал на благодатную, подготовленную почву. Здесь надо вспомнить интересное наблюдение М.В. Ильина:

Для русских, как представляется, существеннее рукотворный характер политического целого и одновременно его независимое от человека «стояние» — строй, строение, устройство, устав. Здание невозможно без «материала» строительства. Поэтому строй, строение и устав всегда есть рукотворение и стояние чего-то — земли, волости, области и т.п. Недаром уже в «Повести временных лет» говорится о «строе» и об «уставе землею»⁷². Там же цитируется

⁶⁷ Голос. 1867. 13 янв. № 13. С. 4.

⁶⁸ Там же. 14 янв. № 14. С. 1.

⁶⁹ «...Мы с тобой до воровства еще не дошли (это предполагается впоследствии, как окончательный шаг для увенчания здания)» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. Т. 15, кн. 1. М., 1973). Здесь это выражение использовано саркастически и уже в контексте, оторванном от исходного, что также говорит о его распространении.

⁷⁰ Русь. 1880. 15 нояб. № 1. С. 1—2.

⁷¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 135; Т. 27. С. 6.

⁷² Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 140.

договор 912 года с Византией, где она институционально представлена «царем вашим, иже от бога суща, яко божие здание», а Русь — еще более архаичным «поконом языка нашего»⁷³. Здесь покон оказывается не только основополагающим обычаем (конституцией), но одновременно самой структурой и фактурой политического пространства (по — «над», кон — «основа, начало»). Хотя тут нет еще осязаемой идеи строительства, налицо ассоциации с фундаментом, краеугольным камнем⁷⁴.

Дополняя эти замечания, можно сказать: там, где возникают представления о «фундаменте» и «строительном материале», волей-неволей должны появиться мысли и о «венце здания».

Правовой порядок. 1880-е годы

В феврале 1882 года И.С. Аксаков описывал процесс, происходивший в языке политических публицистов: «Термины изнасились, опошлись, призраки при первом прикосновении с действительностью рассеялись истаяли на дневном свете. Чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, наши остроумные “либералы” стали менять и термины, и отчасти понятия»⁷⁵. Действительно, к этому времени в русской публицистике произошла заметная смена лозунгов и вместо выражений *венец здания* и *европейские политические учреждения* на страницах газет появился новый эвфемизм — *правовой порядок*. Не случайно, что вслед за Аксаковым в июле 1882 года по-своему иронизировал о *правовом порядке* в журнале *Отечественные записки* Салтыков-Щедрин: «...псевдоним этот давно уж у нас существует, только мы, по недоразумению, другими псевдонимами его называем»⁷⁶.

К началу 1880-х выражение *правовой порядок* уже получило распространение в качестве юридического термина. Правоведы трактовали его как «совокупность юридических отношений», «вся совокупность прав, существующая в данное время в данном обществе», «право в собирательном смысле», «элемент общественного порядка, произведенный юридическою защитой»⁷⁷. Однако в

⁷³ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 52.

⁷⁴ Ильин М.В. Слова и смыслы. С. 118.

⁷⁵ Русь. 1882. 20 февр. № 8. С. 3.

⁷⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1973. Т. 15, кн. 2. С. 231.

⁷⁷ Муромцев С.А. Избранные труды. М., 2010. С. 353, 433, 447.

1880-е годы это выражение в языке публицистов приобрело и иное значение — *конституция*. Об этом не раз говорили оппоненты либералов: Катков в *Московских ведомостях*⁷⁸ и Аксаков в своей *Руси*. Если в феврале 1882 года Аксаков отнесся к этому выражению как последней остроте «либерализма» и трижды назвал его в одном ряду с выражением *увенчать здание*⁷⁹, то спустя полгода он ясно заявлял: «...Под “правовым порядком”, прославляемым нашею мнимо-либеральною печатью, нельзя разуместь ничего другого как “либерального государственного учреждения в западноевропейской форме”. Очень жаль, что нашим якобы либералам неудобно называть вещь прямо ее настоящим именем — конституцией»⁸⁰.

Вероятно, с отсылкой именно к этому выражению была названа выходившая в Петербурге с 1 января 1881 года газета Михаила Матвеевича Стасюлевича *Порядок*. Споря с *Порядком* о позициях либералов и террористов, Катков утверждал: «И те и другие хотят стало быть одного и того же [...] И те и другие мучимы голодом и нуждаются в хлебе, а хлеб этот есть *правовой порядок*, иначе конституция, и этого насущного хлеба требует де Русский народ»⁸¹. *Порядок* на это отвечал: «Нет сомнения, наше общество желает и ищет “правового порядка” и видит в нем действительно “насущный хлеб”, без которого Россия будет обречена на нравственный, умственный и физический голод»⁸².

Довольно быстрое, произошедшее в 1881—1882 годах, вытеснение из публичной сферы выражения *венчание здания* и замена его *правовым порядком*, вероятно, объясняется тем, что после издания Высочайшего манифеста 29 апреля 1881 года и взятого затем курса на упрочение самодержавия все сложнее было рассуждать об *увенчании здания* как определенном действии. Словосочетание *правовой порядок*, в отличие от *увенчания*, отсылало не к действию, а к «статичному» абстрактному понятию и в сменившейся обстановке было куда более приемлемо. Кроме того, это выражение было удобнее в случае объяснений с цензурой, так как предоставляло возможность лавирования, максимально широкого его толкования. Так, 19 ноября 1882 года Г.К. Градовский (под псевдонимом

«Грель») в фельетоне газеты *Эхо* рассуждал о *правовом порядке*, «в котором живут или который стремятся создать образованные народы и которого, вот уже тысячу лет, добивается Россия, с того самого времени, когда были произнесены знаменитые, записанные летописцем слова: “земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет”»⁸³. И вскоре, при обсуждении этой публикации на заседании Совета Главного управления по делам печати, «наблюдающий за газетою “Эхо”» цензор Николай Антонович Ратынский (прежде отличавшийся снисходительным отношением к Николаю Алексеевичу Некрасову и его *Отечественным запискам*⁸⁴) заметил, что этому выражению здесь «нельзя придавать значения конституционного представительного правления; оно приведено автором в смысле управления, на общих законах основанного, в противоположность диктатуре»⁸⁵. Вероятнее же мы видим здесь сознательное манипулирование смыслами перед лицом цензуры: говоря о *правовом порядке*, «в котором живут или который стремятся создать образованные народы», автор намекал на конституционное правление, а вторую часть пассажа с отсылкой к летописным временам использовал отчасти для маскировки содержания первой части.

Смешения смыслов добавляла и невольная путаница значений. Так, Александр Иванович Кошелев в 1882 году заявлял:

Странны, нелепы фразы и насмешки некоторых так называемых консерваторов и народников, по поводу «правового порядка», выдвинутого и отстаиваемого либеральными изданиями. Конечно «правовой порядок» не есть еще все, и он один еще не обеспечит благоденствия страны; но разве оно мыслимо без правового порядка, т.е. без использования законов, без обеспечения гражданам личной свободы и пользования имущественными их правами? [...] Неужели они действительно за произвольный, а не за правовой законный порядок»⁸⁶?

При внимательном рассмотрении можно догадаться, что, когда автор говорил о «“правовом порядке”», выдвинутом и отстаи-

⁷⁸ Московские ведомости. 1882. 17 июня. № 166. С. 3.

⁷⁹ Русь. 1882. 20 февр. № 8. С. 1—4. Здесь, как и в других случаях, сам Аксаков использует термины «либерализм», «либералы», взяв их в кавычки.

⁸⁰ Там же. 1882. 18 сент. № 38. С. 3.

⁸¹ Московские ведомости. 1881. 16 апр. № 104. С. 3.

⁸² Порядок. 1881. 18 апр. № 105. С. 1.

⁸³ Эхо. 1882. 19 нояб. № 258. С. 1.

⁸⁴ Патрушева Н.Г. Цензура в России во второй половине XIX — начале XX в.: Законы и практика // Цензура в России в конце XIX — начале XX века. Сб. воспоминаний. СПб., 2003. С. 38.

⁸⁵ Журнал заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1882 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 354 об.).

⁸⁶ Кошелев А.И. Что же теперь? Август 1882. Berlin, 1882. С. 43.

ваемом либеральными изданиями», он отсылал нас к понятию *конституция* (не случайно, вероятно, выражение *правовой порядок* было взято здесь в кавычки!). Когда же Кошелев говорил о «правовом законном порядке», он использовал его близко к значению юридического термина. Тем не менее, спустя два года, Орест Федорович Миллер, вспоминая эти слова Кошелева, решил, что тот «понимал это выражение в том *буквальном смысле*, в котором всегда были готовы признать такой порядок и славянофилы», и тут же подчеркивал, что «многие западники либералы понимают это выражение *иносказательно*»⁸⁷.

Этимологию выражения *правовой порядок* в русском языке рассмотрел В.В. Виноградов. Обратив внимание на необычную форму словообразования («от основ субстантивных прилагательных типа *добро*, *зло*, *благо* и т.п., как правило, новые прилагательные с помощью суффикса -ов- не образуются»), он заметил, что слово *правовой* появилось в русском языке только в 1870—1880-х годах⁸⁸. При этом Виноградов ссылаясь на статью Ивана Михайловича Желтова в *Филологических записках* за 1890 год, в которой автор восклицал: «...Чудовищное в словообразовательном отношении прилагательное в столь излюбленном нашими “либералами” выражении: “*правовой* порядок!..”»⁸⁹.

Эти соображения можно дополнить предположением, что выражение *правовой порядок* пришло к нам из лексики правоведов, которые, в свою очередь, почерпнули его из немецкого языка, где оно появилось прежде (*die Rechtsordnung*). Так, например, учившийся в 1873—1874 годах в Лейпциге и у Рудольфа фон Иеринга в Геттингене Сергей Андреевич Муромцев (один из авторов газеты *Порядок*) в 1879 году объяснял, что «предмет правоведения — правовой порядок — не следует смешивать ни с юридическими нормами, ни со справедливостью, ни с правовым порядком будущего времени, как представляется он нам в научных предположениях и догадках»⁹⁰. Последние слова о «порядке будущего времени», вероятно, фиксируют уже имевшие место попытки использовать юри-

⁸⁷ Миллер О.Ф. А.И. Кошелев и Р.А. Фадеев // Изв. С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 3. С. 23—24.

⁸⁸ Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 204.

⁸⁹ Желтов И.М. Иноязычие в русском языке // Филологические записки. 1890. Вып. 4/5. С. 3.

⁹⁰ Муромцев С.А. Избранные труды. С. 442.

дический термин как эвфемизм слова *конституция*, то есть обозначить так политический строй, к которому стремились русские либералы в их «предположениях и догадках».

Сам же термин *правовой порядок* пришел к нам не ранее 1860-х годов. Характерно, что И.В. Киреевский (слушавший в 1830 году лекции немецких профессоров) в середине 1850-х еще не предполагал в русском языке подобного выражения и использовал вместо него словосочетание *законный порядок*, разумеется, никак не связывая его с понятием *конституция*⁹¹.

Новые эвфемизмы (*правительство народного доверия*, *парламентское ответственное министерство*...) и новые оттенки значений понятия конституция появились уже в иной период. Это время, начало XX века, отмечено необыкновенной политической активностью общества, когда окончательно рухнули ограничения на использование слова *конституция* (но не исчезла потребность в эвфемизмах). Оно составляет целую эпоху, рассмотрение которой, однако, не являлось задачей настоящего исследования.

Таким образом, можно констатировать, что и само понятие *конституция*, и его эвфемизмы пришли в русский язык в результате трансфера. Можно выделить несколько этапов заимствования и наполнения новым содержанием термина *конституция*. Во-первых, это Петровское время, когда произошло распространение и столкновение прежде известного значения слова *конституция* с новыми его значениями, почерпнутыми из других европейских языков. Во-вторых, это эпоха Великой Французской революции, оказавшая мощное влияние на распространение в России нового содержания термина *конституция* — «основной закон». Затем — рубеж 1850—1861 годов, начало правления Александра II, когда появившееся прежде значение «парламентское правление» надолго и прочно утвердилось за этим понятием. Этому впоследствии способствовал трансфер из французской политической сферы выражения *couronner l'édifice*. Еще один этап — период кризиса власти конца 1870-х — начала 1880-х — связан не с появлением нового содержания уже известного понятия, а с весьма динамичным — на протяжении всего нескольких лет — появлением двух его эвфе-

⁹¹ Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

мизмов. При этом последний из них пришел уже, вероятно, из немецкой политической культуры. Стоит отметить, что процессы заимствования и усвоения новых значений на каждом из этих этапов протекали все с большим и большим ускорением — так, что их финальная стадия позволяет говорить об отрыве абстрактных конструкций, «горизонта ожидания» от области опыта.

Галина Олеговна Бабкова

*Личные преступления в проекте
Уголовного уложения Екатерины II.
К вопросу о становлении юридической
терминологии в России второй
половины XVIII века*

В проекте *Уголовного уложения*, над которым Екатерина II работала во второй половине 1770-х — начале 1780-х годов¹, впервые в истории русского права была предпринята попытка криминализации новой категории деяний — *уголовных преступлений личных*, под которую попадали убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, а также различные виды посягательств на здоровье и свободу индивидуумов². Указанные новации были законодательно реализованы в 225 и 267 статьях *Устава благочиния* 1782 года. В первой из них «подтверждалось и возобновлялось запрещение учинить уголовные преступления личные», то есть «смертоубийства», «увечие и раны», «насилиево разбоем, или увозом, или похищением». Вторая устанавливала форму ответственности за совершение данных действий. Органам полиции предписывалось арестовать подозреваемого и отослать его к суду, «где поступать с ним, как законы повелевают»³.

В контексте изучения истории становления юридической терминологии в России XVIII века выяснение характера фиксируемых нововведений имеет особую актуальность по нескольким причинам. Во-первых, вплоть до настоящего времени практически отсутствуют исследования, в которых изучение юридических терминов раннего Нового времени выходило бы за рамки описательного изложения их значений и ставило бы своей задачей выявление и

¹ Об истории создания проекта см.: Проект Уголовного уложения императрицы Екатерины II // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения, 2003. М., 2003. Вып. 4. С. 157—159.

² Там же. С. 169—179; *Екатерина II. Проект «Уголовного уложения»* // Екатерина II. Избранное / [Авт. вступ. ст. А.Б. Каменский; Сост., коммент. Г.О. Бабкова]. М., 2010. С. 380—393.

³ Законодательство Екатерины II: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 590, 599.

прослеживание истории развития смысловых коннотаций того или иного законодательного конструкта в социальном и социально-политическом контексте⁴.

Во-вторых, специфика понятийного аппарата уголовного права открывает определенные перспективы для понимания основных направлений и приоритетов государственной политики в России второй половины XVIII века. Государство криминализирует то или иное действие, вводя его в число преступных и полагая нужным преследовать через соответствующую санкцию, основываясь не на неких абстрактных принципах, а исходя из конкретной общественной ситуации, в рамках которой рождается представление, что оно опасно для лица и общества и, следовательно, должно быть законодательно запрещено. В этом контексте преступление и наказание предстают как своего рода коммуникативный акт, разворачивающийся в области правовых отношений между целым обществом и индивидуумом в момент покушения последнего на существующие юридические нормы. В результате этого создаются «новые отношения» между совершившим такое деяние, пострадавшим и обществом. Таким образом, можно констатировать априорно присущую всякому преступлению и наказанию «многоаспектность»: разворачиваясь в конкретной общественно-правовой ситуации, они несут в себе не только чисто запретительную и карательную функцию, но и отражают свойственные ей — ситуации — в целом понятийные конструкции и принципы⁵.

В русском праве второй половины XVII — первой половины XVIII века отсутствовали как единый родовой концепт для определения правонарушений, влекших за собой уголовную (в современном смысле этого слова) ответственность, так и их видовая классификация⁶. Противоправные деяния могли обозначаться тер-

⁴ См.: Живов В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предьории русской культуры. М., 2002. С. 187—305; Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в русском государстве XV—XVII вв. М., 1995. С. 68—75; Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX — середины XVII в.). М., 2006. С. 174—214, 233—258.

⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 1994. Т. 1. С. 8, 11, 15, 16, 32.

⁶ Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833. С. 40; Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995. С. 340. Отметим, что вопрос о юридической терминологии второй половины XVII — первой половины XVIII века требует специального исследования.

мином *вина*, *воровство*⁷, *лихое дело*⁸, *злодейство/злодеяние*⁹, *преступление*¹⁰, *криминальные дела*¹¹ и так далее. В основе их градации лежал либо характер действий (*разбойные, убийственные, татинные/татебные дела*¹²), либо процедура их расследования (*судебные, розыскные*¹³, *криминальные*¹⁴ дела). Указанная тенденция была след-

⁷ В *Соборном уложении* 1649 года преступление определяется терминами *вина* и *воровство*, которые выступают как синонимы и обнимают собой все известные в то время виды преступных деяний: «всякое нарушение закона», «измена, бунт», «разбой, убийство», «мошенничество, подлог, обман», «кража»; преступник в широком смысле этого слова именуется *вором*. В течение первой половины XVIII века происходит постепенное изменение спектра значений данных понятий: *воровство* используется для характеристики имущественных преступлений, *вина* — для обозначения степени виновности субъекта преступления (Соборное уложение. Гл. II, ст. 4; гл. III, ст. 9; гл. IV, ст. 1, 2; гл. VII, ст. 30; гл. XXI, ст. 76; гл. XXII, ст. 76; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1449, 1526, 1594; Т. IV. № 1822, 1836, 1951, 2025, 2074, 2310, 2373; Т. V. № 1957 и т.д.; СлРЯ XI—XVII. М., 1975. Вып. 2. С. 179; Вып. 3. М., 1976. С. 28, 29—31; СлРЯ XVIII. М., 1988. Вып. 4. С. 71; Маньков А.Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. М., 1980. С. 217; Рогов В.А. История уголовного права. С. 50, 68—73; Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 14). При этом старые и новые значения сосуществуют. Так, в *Воинском артикуле* термин *вина* употребляется в восьми случаях: и в значении преступления, и в значении виновности (арт. 6 толкование, арт. 14, 21, 79, 158, 159, 169, 179. — ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3006. С. 323, 325—326, 342, 367—369, 372, 374). О двойственности понятия *воровство* см.: Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный В.Н. Татищевым. СПб., 1793. Т. 1. С. 280; Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006. С. 151—153.

⁸ Живов В.М. История русского права. С. 252; Рогов В.А. История уголовного права. С. 50, 65—66, 74.

⁹ «О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены» // Проект Уголовного уложения. 1754—1766 гг. / Под ред. А.А. Востокова; Предисл. Н.Д. Сергеевского. СПб., 1882. С. 1, 8, 4, 9, 15, 17, 19, 27, 30, 34, 38, 40, 49, 50, 53, 58 и т.д.; СлРЯ XI—XVII. М., 1979. Вып. 6. С. 21—22; Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 32. *Злодейство* как общее определение преступления фиксируется в названии третьей книги *Уложения Российского*, составленной уложенной комиссией 1721—1727 годов — «О злодействах, каких штрафы и наказания последуют» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1. Л. 1, 71, 314). В соответствии с проектом *О процессе в криминальных или розыскных и пыточных делах*, разработанном в той же комиссии, к *злодействам* были отнесены «грабеж, разбой, зажигательство, татьба, смертоубийство, и тому подобное» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 104—104 об). Указ от 3 мая 1725 года причислял к *злодействам* богохульство и церковный мятеж, смертоубийство, разбой, кражи с поличным (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4713). Разработанный уложенной комиссией 1754—1766 годов проект *О розыскных*

ствием неопределенности общего, родового и непосредственного объекта преступного посягательства. С одной стороны, начиная с *Соборного уложения* 1649 года в противоправном деянии акценти-

делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены причислял к злодействам богохульство, кровосмешение, волшебство и «прочее тому подобное», а также убийства, поджоги, отравления и т.д. (Проект Уголовного уложения. С. 3).

¹⁰ Там же. С. 1, 32, 33, 34, 35, 46, 50, 51, 87, 109, 146, 165, 171, 177 и т.д.; Ромашкин П.С. Основные начала. С. 52.

¹¹ Термин *криминальные* употребляется в XVIII веке в трех значениях: 1) связанные с уголовным правом, с расследованием уголовных преступлений; 2) относящиеся к уголовным преступлениям, являющиеся таковыми преступлениями; 3) совершившие уголовное преступление (СлРЯ XVIII. М., 2000. Вып. 11. С. 17).

¹² К первой группе действий, *розбойные*, относились убийства (в частности, «умерщвлять ударом обо что-либо»), нанесение телесных повреждений, насильственное отнятие или повреждение имущества, сопровождавшееся угрозой жизни пострадавшего (Сл РЯ XI—XVII. М., 1995. Вып. 21. С. 136, 140—142; СлРЯ XVIII. Вып. 4. С. 68). *Разбой* также подразумевал «обращение преступления в ремесло и совершение его шайкой» (Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор. С. 349; Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 73). Вторая категория дел, *убийственные*, включала различные виды лишения жизни (Линовский В. Исследование. С. 56). Третья, *татиные/татебные*, — «тайное похищение чужих (движимых) вещей» (Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор. С. 350).

¹³ Проект *О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены* следующим образом определял розыскные и судебные дела: «Все розыскные дела состоят в том, когда кто в каком злодействе или в важном преступлении в самом деле пойман, или хотя и отчасти изобличен, или по генеральному [...] судейскому следствию [...] подозрительным явился, и в том производятся розыски, а не суд. А которые дела хотя сами собою злодейские, но токмо во оных никто не пойман и ни в чем еще не изобличен, и таковые дела надлежит по челобитным доношениям и объявлениям производить судом, а не розыском...» (Проект Уголовного уложения. С. 1). См. также: Российское законодательство X—XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 394—397, 400—401, 404—408; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор. С. 604—605, 610—612; Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском царстве. М., 1912. С. 194, 195; Сыромятников В.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 132—134; Маньков А.Г. Уложение 1649 г. С. 228; Он же. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1988. С. 162.

¹⁴ Название третьей книги, составленной уложенной комиссией 1721—1727 годов, *О процессе в криминальных или розыскных и пыточных делах*, позволяет предположить смысловую тождественность понятий *розыскной* и *криминальной* (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 103). Вопрос о спектре значений термина *криминальный* в России первой половины XVIII века требует дальнейшего изучения.

ровался момент нарушения закона; окончательно это закрепилось в Петровскую эпоху¹⁵. С другой стороны, четко артикулированный статус правоохраняемых имели в первую очередь государственные интересы¹⁶.

В связи с этим интересно было бы понять, являлось ли появление в российском законодательстве последней трети XVIII века *уголовных преступлений личных* простым переименованием традиционных для русского права предшествующего периода категорий *разбойных* и *убийственных* дел, либо оно коррелировало с процессами, протекавшими в системах западноевропейской и североамериканского законодательства, где характерной чертой Нового времени стала фиксация прав личности. А в более широком контексте — определенным образом преломлялся «основной идейный мотив политической философии Нового времени», заключавшийся «в определении личности в связи с понятием собственности и концептуализации социальных отношений в свете этого определения»¹⁷. Этот вопрос тем более значим, что, работая над проектом *Уголовного уложения*, Екатерина II активно использовала труд английского правоведа Уильяма Блэкстоуна *Комментарии на английские законы*.

¹⁵ Ступин М. История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 11—12; Латкин В.Н. Учебник по истории русского права. СПб., 1899. С. 393; Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор. С. 361; Маньков А.Г. Уложение 1649 г. С. 216; Rogov В.А. История уголовного права. С. 74. Указанный процесс фиксируется в новой трактовке субъекта преступления как нарушителя норм права: понятие *вор* вытесняется понятием *преступник* («нарушитель права государственных», «преступник указу», «презиратель указов», «преслушник указов» и т.д. — Российское законодательство X—XX вв. Т. 4. С. 186—188; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 2707, 2726, 2786, 3006, 3140, 3149, 3057; Т. VI. № 3872; Т. VII. № 4344 и т.д.).

¹⁶ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887. С. 12, 22—23; Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 87; Викторский С.К. История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912. С. 34, 64—65, 69; Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор. С. 333—334; Тананцев Н.С. Русское уголовное право: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 100; Ромашкин П.С. Основные начала. С. 34—37; Rogov В.А. История уголовного права. С. 97, 229; Madariaga I. de. Penal policy in the age of Catherine II // La Leopoldina. 1990. Vol. 11. P. 498; Madariaga И. де. Уголовная политика в век Екатерины Второй // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2003. М., 2003. Вып. 4. С. 106.

¹⁷ Плотников Н. Личность и собственность. Аксиоматика персональности в европейской и русской философии // Плотников Н.С., Хаардт А., при участии Молчанова В.И. (Ред.) Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник]. М., 2007. С. 168.

Комментарии на английские законы У. Блэкстоуна и проект Уголовного уложения Екатерины II

В англо-американской правовой традиции У. Блэкстоун считается автором одного «из самых влиятельных правовых трактатов»¹⁸: в нем впервые английское статутное право было структурировано по отраслям¹⁹. В Англии труд Блэкстоуна замыкает ряд юридических сочинений, на которые можно ссылаться как на источники права²⁰. Первый том *Комментариев* был опубликован в 1765 году, в последующие четыре года вышли в свет еще три тома. Императрица познакомилась с *Комментариями* в шеститомном французском переводе, который был опубликован в Брюсселе в 1774—1776 годах²¹, можно предположить, что сразу после выхода в свет первого тома. В письме к Мельхиору Гримму из Царского Села от 4 августа 1776 года императрица называла *Комментарии* «неисчерпаемым источником идей», отмечая, что «сэр Блэкстоун [...] уже два года имеет честь быть читаем ея величеством»²².

Как в черновых²³, так и в беловых редакциях проекта²⁴ отсутствуют прямые ссылки на *Комментарии*. Однако сравнительный текстологический анализ *Уголовного уложения* и *Комментариев на английские законы* У. Блэкстоуна дает основания констатировать значительное влияние последних на законопроект Екатерины II.

В проекте Уложения, как уже отмечалось, к *уголовным преступлениям личным* были отнесены убийства, «увечья и раны» и «насилъ-

¹⁸ Alschuler A.W. Rediscovering Blackstone // University of Pennsylvania Law Review. 1996. Vol. 145. P. 2.

¹⁹ Alschuler A.W. Rediscovering Blackstone. P. 9; Watson A. The Structure of Blackstone's Commentaries // The Yale Law Journal. 1988. Vol. 97. P. 795—821; Posner R.A. Blackstone and Bentham // Journal of Law and Economics. 1976. Vol. 19. P. 571—572.

²⁰ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 195; A short history of English law. London, 1978. P. 199; Киралфи А. Источники английского права // История права: Англия и Россия. М., 1990. С. 162.

²¹ Raeff M. The empress and the Vinerian professor: Catherine II's projects of government reforms and Blackstone's Commentaries // Oxford Slavonic papers. New series. Oxford, 1974. Vol. 7. P. 18; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 342.

²² Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 52; Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. 1774—1786 // Русский архив. 1878. № 9. С. 31. У. Блэкстоун также фигурирует в письмах императрицы от 28 августа 1776 года, 5 мая 1777 года, 16 мая, 8 июня и 24 августа 1778 года, 7 сентября 1780 года (Русский архив. 1878. № 9. С. 33, 36, 48, 51, 65).

²³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17, 703; ОР РГБ. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 8.

²⁴ Опубликована: Проект Уголовного уложения. С. 160—204; Екатерина II. Избранное. С. 370—448.

ства личные». Сам факт выделения данной категории правонарушений связан с общей классификацией уголовных преступлений, на которой строится четвертый, посвященный криминальным вопросам, том *Комментариев*²⁵ и которую Екатерина II воспроизводит в одной из черновых редакций проекта *Уголовного уложения*.

Екатерина II. Проект Уголовного уложения. Черновая редакция	Blackstone W. <i>Commentaires sur les loix anglaises</i>	Blackstone W. <i>Commentaries on the laws of England</i>
<p>Часть первая уголовные преступления против Бога и православного грекороссийского закона.</p> <p>Часть вторая Уголовные преступления против права народных.</p> <p>Часть третья Уголовные преступления оскорбление величества и государства.</p> <p>Часть четвертая Уголовные преступления против права общества.</p> <p>Часть пятая Уголовные преступления против права личных²⁶.</p>	<p>Ce principe posé, je considérerai d'abord les offenses qui, étant préjudiciables à la société, sont punissables, suivant les Loix d'Angleterre.</p> <p>1. Celles qui sont Dieu & La Religion.</p> <p>2. Celles qui attaquent particulièrement la Puissance souveraine exécutrice de l'Etat: c'est-à-dire, le Roi & le Gouvernement.</p> <p>4. Les transgression des droits publics & de la société.</p> <p>5. Enfin celles qui sont contraires aux droits des individus, à la conservation desquels toute la société est essentiellement intéressée²⁷.</p>	<p>I shall next proceed to distribute the several offenses, which are either directly or be consequence injurious to civil society and therefore punishable by the laws of England under the following general heads:</p> <p>First, those which are more immediately injurious to God and holy religion;</p> <p>Secondly, such as violate and transgress the law of nations;</p> <p>Thirdly, such as more especially affect the sovereign executive power of the state or the king and his government;</p> <p>Fourthly, such as more directly infringe the rights of the public or commonwealth;</p> <p>And, lastly, such as derogate from those rights and duties which are owing to particular individuals²⁸.</p>

²⁵ Имеется в виду том 4 английского издания. В шеститомном французском издании 1774—1776 годов указанный том составил часть тома 5 и 6 (Blackstone W. Commentaires sur les loix anglaises. Bruxelles, 1776. Vol. 5. P. 311—512; Bruxelles, 1776. Vol. 6).

²⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

²⁷ Blackstone W. Commentaries. Vol. 5. P. 372—373.

²⁸ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. London, 1809. Vol. 4. P. 42—43.

Внутренняя структура раздела проекта об *уголовных преступлениях личных* также испытала влияние *Комментариев*, в частности глава 14 «Об убийствах» («Of homicide» / «De l'homicide») и глава 15 «Преступления против личности» («Of offences against persons of individuals» / «Des delits contre la personne des individus»).

В контексте проекта прилагательное *личные*, таким образом, используется в качестве перевода характеристик, связанных с *individuals/individus* и *persons/personne*. В русско-французских лексиконах XVIII века подобные переводы *individu/individus* отсутствуют. Так, в *Новом лексиконе на французском, немецком, латинском и российском языках* Сергея Саввича Волчкова (1764) *individu* переводится как «нераздельное, всякой в своем роде, по роду и подобию»²⁹. Такое же значение приводят *Новые лексиконы* Матвея Гавриловича Гаврилова (1781) и Ивана Васильевича Соца (1787)³⁰.

Значение *личный* в отношении понятия *personne* и производных от него фиксируется только в конце 1780-х — 1790-х годах — в *Новом лексиконе или словаре* И.В. Соца (1787) и *Новом и полном словаре* Ивана Андреевича Гейма (1797)³¹. В лексиконах С.С. Волчкова и М.Г. Гаврилова фигурируют термины «самолично»/«самоличный» как перевод *personnel* (наряду с «персонально», «ипостасный», «присутствующий») ³². Само понятие *personne* переводится как «человек, муж, персона» (С. Волчков), «особа, лик, лицо» (М. Гаврилов), «муж, особа, знатный, знаменитый человек» (И. Соц), «особа, персона» (И. Гейм)³³.

Черновые заметки к проекту *Уголовного уложения* свидетельствуют о том, что понятие *личные* не сразу было выбрано в качестве родового обозначения нового корпуса преступных действий. В одном из черновых вариантов классификации вместо *уголовных преступлений личных* фигурировали «уголовные преступления против

²⁹ Волчков С. Новый лексикон на французском, немецком, латинском и российском языках, переводу асессора С. Волчкова. СПб., 1764. Ч. 2. С. 176.

³⁰ Гаврилов М. Новый лексикон на немецком, французском, латинском, итальянском и российском языках, изданный М. Гавриловым. М., 1781. С. 688; Соц И. Новый лексикон или словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках... изданный трудами коллежского переводчика И. Соца. М., 1787. Т. 2. С. 89.

³¹ Там же. С. 301; Гейм И. Новый и полный словарь. Первое отделение, содержащее немецко-русский-французский словарь. Часть вторая, изданная Иваном Геймом. М., 1797. С. 144.

³² Волчков С. Новый лексикон. С. 654; Гаврилов М. Новый лексикон. С. 440.

³³ Волчков С. Новый лексикон. С. 653; Гаврилов М. Новый лексикон. С. 439; Соц И. Новый лексикон. С. 301; Гейм И. Новый и полный словарь. С. 144.

особ», среди которых также выделялось «смертоубийство, увечье или раны, насильство личное»³⁴. Екатерина II, таким образом, в смысловом отношении ставила знак равенства между *преступлениями личными* и *против особ*. Как представляется, предпочтение, отданное в беловом варианте проекта первой терминологической конструкции, было обусловлено полем значений термина *особа* и его несоответствием общей смысловой структуре проекта *Уголовного уложения*.

Особа, люди

В *Словаре русского языка XI—XVII вв.* указанное понятие имеет выраженный социальный подтекст: особа — это «отдельный человек, лицо» высокого социального положения, а также духовное «звание, сан»³⁵. В XVIII веке спектр значений заметно расширяется. «Особа» — это и отдельный человек, и «внешний [...] физический облик, вид», и «лицо женского пола, женщина», и «персонаж [...] литературного произведения», и, что особенно важно, «человек как член общества, субъект общественных отношений» («особа партикулярная, приватная, публичная, частная») ³⁶. Сохраняется также прежнее понимание *особы* как носителя высокого социального статуса. Указанное значение фиксирует *Словарь Академии Российской*, отмечая, что данный термин употребляется «относительно к мужчине или женщине, отличным знатностью рода, чина, состояния и проч. значительном лице»³⁷.

Социальные и правовые коннотации термина *особа* четко просматриваются в *Наказе Комиссии о сочинении проекта нового уложения* 1767 года. Всего в различных падежах («особе», «особ», «особам», «особы» и т.д.) он используется 19 раз:

1) применительно к государю, который «соединяет» в своей «особе власть» (данный фактор позволяет характеризовать ее как самодержавную) и представляет «все общество» (статьи 9, 10, 148)³⁸;

³⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 703. Л. 32, 63.

³⁵ СлРЯ XI—XVII. Вып. 13. М., 1987. С. 123—124.

³⁶ СлРЯ XVIII. Вып. 17. М., 2007. С. 129—131.

³⁷ САР. 1789—1794. М., 2005. Т. 5. Стб. 399.

³⁸ Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Екатерина II. Избранное. С. 115, 116, 131.

2) с целью акцентировать особый сословный статус и сопутствующие ему «преимущества» (статьи 110 (слово употребляется дважды), 231)³⁹;

3) по отношению к представителям государственной власти («правительствующие особы») или лицам, наделенным специальными (чаще всего, судебными) полномочиями (статьи 35, 139, 149, 333, 489)⁴⁰;

4) как некое объективное состояние, присущее «людям» и «гражданам» (статьи 156, 158)⁴¹;

5) как объект приложения государственной политики (статья 446), направленной, в частности, на ограничение свободы передвижения в процессе судебного разбирательства (статьи 168, 172)⁴²;

6) как отдельный «частный» человек (статьи 188, 415, 564)⁴³.

Особа, таким образом, предполагает наличие некоего статуса. В целом в контексте *Наказа* с концептами *гражданин*, *человек* и *люди* связаны три отдельные категории: *вольность*, *имение* и *особа*, — а их защита есть одна из основных задач государства и законов.

В *Наказе* термин *люди* в различных падежах употребляется 108 раз. *Люди* выступают как множественное число от термина *человек*; последний упоминается в *Наказе* 63 раза. Понятие *люди* тесно связано с концептами *общество* или *общество*: люди формируют его посредством «соединения» в государство (статьи 210, 228, 574, 603 и другие)⁴⁴. Инструментом, связывающим объединения людей и сохраняющим их, выступают законы (статьи 145, 214)⁴⁵. Появление государства маркирует возникновение в среде людей «политического» начала, которое «объемлет», во-первых, «всецелостность народа и вещей», а во-вторых, «рассуждение о состоянии людей, о звании и упражнении их» (статья 647)⁴⁶. Государство и государь, в «особе» которого аккумулируется «самодержавная власть», призваны выполнять следующие задачи: 1) установить за-

³⁹ Екатерина II. Наказ. С. 126, 145.

⁴⁰ Там же. С. 118, 129—130, 131, 157, 174.

⁴¹ Там же. С. 132, 133.

⁴² Там же. С. 134, 169.

⁴³ Там же. С. 137, 166, 182.

⁴⁴ Там же. С. 142, 144—145, 183, 185.

⁴⁵ Там же. С. 130, 143.

⁴⁶ Там же. С. 188.

коны, направляющие *людей* к «получению самого большого ото всех добра» и гарантирующие защиту их «спокойствия», безопасности, жизни и имущества (статьи 13, 42, 156, 210, 230, 241, 252, 577.2 и другие)⁴⁷; 2) защищать «естественную» и «гражданскую» вольность (статьи 13, 37, 39, 43)⁴⁸; 3) создавать оптимальные условия для развития экономики (статьи 273, 275, 276, 279, 313, 323, 329 и другие)⁴⁹; 4) просвещать народ (статьи 158, 245, 248 и другие)⁵⁰.

Люди, в свою очередь, подразделяются на различные *рода* и *звания*: «дворянство», «средний род», «земледельцы». Каждому из них присущ особый *жребий* и набор социальных обязанностей и характеристик. Так, земледельцы «живут в селах и деревнях и обрабатывают землю», «питая» всех остальных (статья 358). «Средний род» «упражняется в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах» (статья 380). Дворянство отличают «добродетели, честь, заслуги, верность и любовь к своему отечеству, следовательно, и к Государю» (статья 374). При этом «люди из народа» четко отделяются от «особ, какого бы происхождения и достоинства они ни были» (статья 231), а *люди* в целом — от тех, кто получил какой-либо особый привилегированный статус (сословный, социальный, экономический и так далее).

В последнем смысле слово *особа* фигурирует в проектах, составленных Екатериной II в 1780—1790-е годы. Так, в собственноручном проекте императрицы *О Сенате* понятие *особа* используется в следующих контекстах: «особа императорского величества»; «Сенату надлежит состоять из особ трех первых классов»; «умысел противу самодержавной особы»; «список особ, генерального суда составляющего»; «когда треть составит более двенадцати особ» (о выборах судей Генерального суда)⁵¹.

Особа, личный, лицо

Проследить связь между понятиями *особа* и *личный* в проекте *Уголовного уложения* позволяют собственноручные замечания Екатерины II относительно прав лиц и вещей и посягательств на них.

⁴⁷ Екатерина II. Наказ. С. 116, 118, 132, 142, 145, 147, 148, 183.

⁴⁸ Там же. С. 116, 118, 119.

⁴⁹ Там же. С. 150, 151, 154, 155, 156.

⁵⁰ Там же. С. 133, 147.

⁵¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 320. Л. 76, 78, 109 об., 115 об., 118.

Они содержатся в черновых набросках законопроекта, касающихся принципов организации следствия и наложения наказаний (в последнем случае имеет место перефразирование статей 74—79 *Наказа*⁵²). Императрица выделяет *права личные* и *права вещей*, в отношении которых может иметь место «приобретение или получение» наряду с «утратой и потерей». В качестве субъектов указанных прав фигурируют *лица или особы* и *вещи* соответственно. Они могут стать объектами посягательств, то есть подвергнуться «обиде личной», которая «содержит обиду лиц или особ», или «обиде вещи». Последняя, в свою очередь, включает «способы предупредительные и способы наказательные»⁵³.

Источник данной заметки очевиден. Это глава 1 первой книги *Комментариев* — «Of the Absolute Rights of Individuals» / «Des droits absolus des individus», «О правах природных каждого в обществе человека» в переводе Семена Ефимовича Десницкого⁵⁴. Рассуждая о том, что такое есть закон, У. Блэкстоун определяет его как «правило гражданского поведения, повелевающее делать праведное [right/juste] и воспрепятствующим несправедливое [wrong/injuste]». Из этого следует, что «первоначальным и главным» предметом законодательства в Англии являются *rights and wrongs* / *les droits et les torts*, «права и преступления» в переводе С.Е. Десницкого, «права и обиды» в переводе Екатерины II⁵⁵. Права, в свою очередь, подразделяются на те, которые связаны с *persons of men / concernent les personnes* (Екатерина II определяет их как *лица или особы*), и на те, которые соединены «с одними вещами без отношения к персонам» (*external objects or things unconnected with [...] person / les objets extérieurs, [...] les choses qui ne tiennent pas à sa personne*). Право первого рода носит

⁵² «Наказания. Противу закона лишение выгод, законом доставленных. Противу нрава исправление нрава. Противу безопасности [спокойствие] лишение безопасности [спокойствие] (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 703. Л. 72).

⁵³ Там же. Л. 69.

⁵⁴ В 1780—1782 годах по повелению Екатерины II первый том *Комментариев* «Of the rights of persons» был переведен С.Е. Десницким и опубликован в Москве в типографии Н. Новикова в трех томах — см.: *Блэкстоун У. Истолкования английских законов, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника английского*: В 3 т. М., 1780—1782.

⁵⁵ Переводу Екатерины II близок перевод А.Н. Радищева. В *Опыте о законодательстве*, над которым он, как предполагают, работал между 1782 и 1790 годами и в котором прослеживается сильное влияние *Комментариев* У. Блэкстоуна, *wrongs* переведены как «неправо, или обида» (*Радищев А.Н. Полное собрание сочинений*. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 11).

название *персонального* в переводе С.Е. Десницкого, *личного* в переводе Екатерины II⁵⁶. Право второго рода определяется как *право вещи* (Екатерина II), *вещественное* (С.Е. Десницкий).

В соответствии с законом *лица или особы / персоны (persons/personnes)* подразделяются на *естественные (natural/naturelles)* и *искусственные/политические (artificial/artificielles)*. Первые сотворены Богом и природой, вторые — появляются только в обществе и создаются им для своих собственных целей. Личные права «в естественном об них понятии» включают две категории: права *абсолютные (absolute/absolus)* и *относительные (relative/relatifs)*. *Абсолютные* права являются «первичными», приобретаясь еще в дообщественном, «естественном», состоянии, и принадлежат каждому человеку в обществе вне зависимости от того, находится он в нем или нет. Стать обладателем *относительных* прав можно только в обществе, поскольку они устанавливают и регулируют внутриобщественные отношения.

Защита и создание оптимальных условий для использования *абсолютных* прав, составляющих *естественную вольность (natural liberty / liberté naturelle)*, возможны только в обществе, объединяясь в которое люди идут на ее сознательное ограничение. Взамен человек наделяется *вольностью гражданской (political [...] or civil liberty / la liberté politique ou civile)*, а государство обязуется всеми силами защищать сохраненные в ней черты *естественной вольности*: они составляют набор прав, обладание которыми находится вне связи с социальным (*civil/étaient*) статусом их носителя. С точки зрения У. Блэкстоуна, Англия — страна, где данные права гарантированы в наибольшей степени. К ним относятся:

- the right of personal security / le droit de la sûreté personnelle;
- the right of personal liberty / le droit de la liberté personnelle;
- the right of private property / le droit de la propriété privée⁵⁷.

⁵⁶ В переводе А.Н. Радищева это также «право личное» (Там же. С. 8, 11).

⁵⁷ Взглядам У. Блэкстоуна на источник появления частной собственности характерна определенная двойственность. С одной стороны, как было отмечено выше, он относит частную собственность к набору абсолютных прав, появившемуся в дообщественном «природном» состоянии. С другой стороны, Блэкстоун трактует указанное право исключительно как продукт обществен-

Лишение человека даже одного из этих прав приводит к полной утрате *вольности*, а возможность пользоваться ими рассматривается как состояние наибольшей свободы. В переводе С.Е. Десницкого указанный набор прав переведен как «право *личной* безопасности», «право *личной* вольности» (курсив мой. — Г.Б.) и «право частной или особенной собственности»⁵⁸.

Понятие *личный* в данном контексте, во-первых, не было производным от общественного, а во-вторых, связывалось с неким правообладанием, не детерминированным социальным положением его субъекта. В первом значении данный термин фигурирует и в *Словаре Академии Российской*: «часто к какому-нибудь одному человеку или известному только числу людей относящийся, свойственный; противопологается слову общественный»⁵⁹. Во втором — фиксируется в *Наказе*, где категория *личные* используется 4 раза: применительно к безопасности («безопасность личная каждого гражданина», статья 160), обиде («обиды личные», статья 233), в качестве синонима движимости («движимое или личное [...] имение», статья 341) и для обозначения кредита доверия («личная доверенность умножает доверенность общенародную», статья 641).

Подобный спектр значений несет в *Наказе* и *Начертаниях* о приведении к окончанию комиссии о сочинении проекта нового Уложения 1768 года и концепт *лицо*, производным от которого выступает слово *личный*⁶⁰. В первом из названных источников он используется трижды (статьи 119 [слово употребляется дважды], 588), во втором — 11 раз⁶¹. *Лицо* противопоставляется *чину* (статья 119)⁶²; может выступать в качестве объекта налогообложения (статья 588)⁶³.

ных отношений и законов, не увязывая его законами естественными («...there is no foundation in nature or in natural law»), — *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. 2. Ch. 1. P. 2 // http://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk2ch1.asp; *Posner R.A.* Blackstone and Bentham. P. 571).

⁵⁸ *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Ch. 1 // http://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch1.asp; *Commentaires sur les lois anglaises.* Paris, 1822. Vol. 1. P. 208—236; *Блакстон У.* Истолкования. С. 310—346; *Alschuler A.W.* Rediscovering Blackstone. P. 28—29.

⁵⁹ САР. 1789—1794. М., 2002. Т. 3. Стб. 1198.

⁶⁰ Там же. Стб. 1195—1198.

⁶¹ *Екатерина II.* Избранное. С. 268, 271, 273, 276, 279, 280.

⁶² «...о делах судили по лицам, а о лицах — по чинам» (Там же. С. 127).

⁶³ «Считают пять предлогов, на которые обыкновенно делается накладка: а) лица; б) имения; в) произрастения домашние, употребляемые людьми; д) товары отвозные и привозные; е) действия» (Там же. С. 184).

Оно есть носитель *прав*, факт обладания которыми не детерминирован никакими социальными ограничениями⁶⁴. Часть прав зависит от *рода*, то есть сословного статуса *лица*⁶⁵; часть — внесословна и требует особых *установлений* со стороны государства (она устанавливает правила вступления в брак и регулирует взаимоотношения между супругами, детьми и родителями, внутри семьи, а также опеку)⁶⁶. Вне зависимости от социального положения *лицо* имеет *права* над именениями, что составляет *право существенное*⁶⁷, и может вступать в обязательства различного рода. При этом для «пользы каждого лица особенно» в государстве устанавливается специальная область права — *право особенное*, призванное гарантировать «безопасность» гражданина в отношении «его самого», а также «его имения и обязательств»⁶⁸. Предметом указанной отрасли права являются *лица, вещи и обязательства*⁶⁹.

Из категории *лиц* не исключались и зависимые крестьяне. В черновом варианте XI главы *Наказа*, озаглавленной «О служащих», и в *Начертаниях* о приведении к окончанию комиссии о сочинении проекта нового Уложения слово *личные* употребляется по три раза и используется для характеристики зависимости: «личная [...] покорность», «личная служба», «неволя личная». Она означает принадлежность «к лицу или к особе» и противопоставляется зависимости *существенной*. Последняя отождествляется с рабством и «делает человека зависящим и принадлежащим к тому месту или земле, на которой он находится». Соединение двух видов *покорности, существенной и личной*, является «великим злоупотреблением»⁷⁰. Крестьяне, таким образом, не относятся к юридической

⁶⁴ «О праве лиц, или о состоянии каждого гражданина» — название первой главы второй части («О праве особенном») *Начертаний* (Там же. С. 276).

⁶⁵ «Отделения 358, 359 и 360 большого Наказа разделяют всех жителей на разные роды. Из чего происходят отделения, касающиеся до лиц и их прав» (Там же).

⁶⁶ Там же. С. 279—280.

⁶⁷ «Право существенное, которое имеют лица над именениями» (Там же. С. 279).

⁶⁸ «...право особенное сделано для пользы каждого лица особенно; и потому оно заключает в себе все те узаконения и установление, которые каждому гражданину, живущему с прочими в обществе, как в рассуждении его самого, так и в рассуждении его имения и обязательств, приносят пользу и безопасность» (Там же. С. 276).

⁶⁹ «...право особенное содержит в себе: 1. лица, 2. вещи, 3. обязательства» (Там же. С. 268).

⁷⁰ Там же. С. 196, 278.

категории *вещей*, а владение ими не входит в область *существенного* права.

Лицо обозначает также сословие или страту в смысле юридического лица. В указанном значении данное слово присутствует в заметках Екатерины II к последней главе проекта *О селлах, деревнях, селениях и жилищах ведомства Директора экономии*, над которым императрица вела работу в 1782—1785 годах, планируя его «как составную часть общего законоположения о правовом статусе сословий» наряду с *Жалованными грамотами* дворянству и городам⁷¹. По сути они являются близким к тексту переводом 18-й главы первого тома *Комментариев* — «Of corporations»/«Des corporations»⁷². Ссылаясь на «Блакстона», императрица отмечает, что «все права и преимуществ *личные* (курсив мой. — Г.Б.) умирают с теми людьми, коим принадлежат». Трудности, связанные с восстановлением указанных прав, привели к учреждению «политических корпусов corporata», называемых также «сообществами или товариществами». Они «увековечивают права, которыми каждый из сочленов пользуется», выступая «пред очами закона» в качестве субъекта права и имея «единое *лицо* (курсив мой. — Г.Б.) и единственную собственность, ибо имеют единую волю, основанную на большинстве голосов»⁷³.

В целом *лицо* выступало как субъект прав и правоотношений, часть из которых имела природный характер и не была обусловлена социально (более подробно речь об этом пойдет ниже), а часть — детерминировалась принадлежностью к определенной «политической» группе или сословию. Несмотря на разность природы, и те и другие права носили название *личных*. В отличие от понятия *гражданин*, которое связывалось с «правами некоего абстрактного подданного [...] и имело назидательный смысл»⁷⁴, права *лица* отличались большей определенностью и характеризовали правосубъектность или отдельного человека, или группы людей. Так, в *Проекте законов о правах среднего рода государственных*

⁷¹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 236.

⁷² Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Ch. 18. P. 455—457, 463—464 // http://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch1.asp; *Idem*. Commentaries sur les lois anglaises. Paris, 1822. Vol. 2. P. 265—267, 277—279.

⁷³ Екатерина II. Сельское положение // Екатерина II. Избранное. С. 553—555.

⁷⁴ Марасинова Е.Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 85.

жителей, составленном в Уложенной комиссии 1767—1774 годов, слово *личные* характеризовало не только право на охрану законом «благополучия», жизни, здоровья и чести⁷⁵, но и прилагалось ко всему спектру правоотношений, в которые могли вступать члены «среднего рода» (распоряжение имуществом, служба, переход из одного «мещанского состояния» в другое, получение образования, выбор судей, исполнение судебных обязанностей и так далее)⁷⁶. Многозначность правовых коннотаций понятия *личный* подтверждает тот факт, что в своих замечаниях на *Проект правам благородных*, представленных в Уложенной комиссии 28 августа / 1 сентября 1768 года⁷⁷, депутат от старицкого дворянства Алексей Васильевич Нарышкин отмечал, что «право личное» дворян разделяется на два рода: «на право общее личное всех дворян, и на право личное особенное каждого звания дворян». К первому относилось все то, что «всем им вообще принадлежит» (в частности, право выбора службы), второе состояло «по различию званий в титулах и гербах»⁷⁸.

Личный в проекте Уголовного уложения

В проекте *Уголовного уложения* Екатерины II, в отличие от законопроектных разработок Уложенной комиссии 1767—1774 годов, слово *личные* несет ярко выраженную асоциальную нагрузку. Отказываясь от использования словосочетания *против особ* и вводя категорию *уголовных преступлений личных*, Екатерина II тем самым субъективировала носителя набора индивидуальных прав, не обусловленных социальным статусом (служебным или сословным). Фактически она стремилась законодательно зафиксировать четко артикулированный в *Наказе* принцип равенства всех перед законом (статьи 33—35), который затем был развит императрицей в проекте *Коренных статей*. Они должны были стать «фундаментальными законами» Российской империи, первый из которых

⁷⁵ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 180.

⁷⁶ Там же. С. 181—183.

⁷⁷ Карп С.Я. Дидро, А.В. Нарышкин и цивилизация России. С. 13 // http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/karp_diderot/.

Выражаю глубокую признательность Ингрид Ширле за указание на данную статью.

⁷⁸ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 343.

провозглашал: «Всероссийской империи всяких чинов людем от большого до меньшего чину суд и расправа да будет во всяких делах всем равна»⁷⁹.

Помимо этого слово *личный* как дистанцируемое от *общественного* больше вписывалось в общую структуру белового варианта проекта, которая, как уже отмечалось, с некоторыми изменениями была заимствована Екатериной II из *Комментариев* У. Блэкстоуна.

Екатерина II. Проект <i>Уголовного уложения</i> . Беловая редакция	Blackstone W. <i>Commentaires sur les loix anglaises</i>	Blackstone W. <i>Commentaries on the laws of England</i>
1. Уголовное преступление против Бога и православной грекороссийской веры [или закона].	Ch. 4. Des offenses envers Dieu & la Religion.	Ch. 4. Of offenses against god and religion.
2. Уголовное преступление во оскорбление величества.	Ch. 5. Des crimes contre la Loi des nations.	Ch. 5. Of offenses against the law of nations.
3. Уголовное преступление против всенародного права.	Ch. 6. De la haute Trahison.	Ch. 6. Of high treason.
4. Уголовное преступление против самодержавной власти.	Ch. 7. Des félonies ou crimes envers la prérogative du Roi).	Ch. 7. Of felonies, injurious to the King's prerogative.
5. Уголовное преступление действие презрение власти.	Ch. 8. Du Præmunire [«la troisieme espece d'offense qui affect immédiatement le Roi & son Gouvernement, à qui pourtant n'est punie la peine capitale»].	Ch. 8. Of praemunire.
6. Уголовное преступление личное.	Ch. 9. Des actions de mépris & négligence, peuvent le Roi & le Gouvernement Ch.	Ch. 9. Of misprisions and contempts, affecting the King and government.
7. Уголовное преступление против обитаний.	Ch. 10. Des offenses contre la Justice publique.	Ch. 10. Of offenses against public justice.
8. Уголовное преступление против имени.	Ch. 11. Des offenses contre la Paix publique.	Ch. 11. Of offenses against the public peace.
	Ch. 12. Des offenses contre le Commerce public.	Ch. 12. Of offenses against public trade.
	Ch. 13. Des offenses contre la Santé, la Police &	Ch. 13. Of offenses against the public health, and the public police or economy.
		Ch. 14. Of homicide.
		Ch. 15. Of offenses against the persons of individuals.
		Ch. 16. Of offenses

⁷⁹Екатерина II. Коренные статьи // Омельченко О.А. Власть и закон. С. 175—177, 348—349.

9. Уголовное преступление лживый поступок.	l'Economie publiques. Ch. 14. De l'homicide.	against the habitations of individuals.
10. Уголовное преступление противу народного правосудия.	Ch. 15. Des offenses contre la personne des individus.	Ch. 17. Of offenses against private property.
11. Уголовное преступление противу народной тишины.	Ch. 16. Des crimes contre les habitations des individus.	
12. Уголовное преступление противу народной торговли.	Ch. 17. Des offenses contre les Propriétés particulières des Individus.	
13. Уголовное преступление противу народного здоровья.		

В контексте проекта *Уголовного уложения* логичным выглядит и отказ прилагать категорию *личные* к преступлениям против собственности: они относились к сфере *существенного* права (в терминологии *Начертаний о приведении к окончанию комиссии о сочинении проекта нового Уложения*) и имели своим предметом не лица, а вещи. По этой причине и в соответствии с градацией преступных деяний, предложенной в *Комментариях*, посягательства на имущество под названием «уголовные преступления противу обитаний» и «уголовные преступления противу имени» были криминализированы в следующих за разделами об *уголовных преступлениях личных* главах проекта⁸⁰. Императрица, таким образом, опираясь на классификацию У. Блэкстоуна, разводила посягательства на индивидуальные (*личные* и имущественные) и общественные (*народные*) права и интересы, полагая и те и другие в качестве объекта защиты со стороны государства.

В проекте *Уголовного уложения* Екатерина II не использует слово *личный* применительно к собственности. Это, однако, не означает, что она не сопрягала указанные категории. В недатированной собственноручной записке императрица выделяла три вида собственности: «1) собственность личная», «2) собственность движимаго» и «3) собственность недвижимаго». Первая из вышеназванных «ветвей права собственности» имела наибольшее значение («первое правило всех прочих прав»): она составляла основание для

⁸⁰Екатерина II. Проект «Уголовного уложения». С. 393—396, 398.

развития не только движимости и недвижимости, но и общества в целом («без нее нету уже собственности движимаго, ни собственности в недвижимом, ни общество») ⁸¹. Таким образом, при описании прав, которыми субъект может обладать в отношении своего имущества, Екатерина II использовала термин *личный* в двух значениях — как синоним движимости, «движимое или личное [...] имение», и как характеристику изначально присущего человеку права собственности ⁸².

В проекте Уголовного уложения внимания заслуживает и внутренняя структура раздела *уголовные преступления личные*. В ней, как уже отмечалось, речь шла: 1) об убийствах; 2) о нанесении вреда здоровью и 3) о различных видах *насилия*, которые включали: а) «насилие личное разбоем», то есть вооруженное нападение и причинение телесных повреждений различной тяжести с целью похищения; б) «насилие личное увозом», то есть похищение и удержание против воли потерпевшего; в) «насилие личное похищением», то есть изнасилование. В данной классификации объекты посягательств четко соотносятся с набором «абсолютных» *личных* прав, с которыми в *Комментариях* напрямую связывалась *гражданская воляность*. Это — *личная безопасность* и *личная воляность*. Первое состояло в возможности «законно и невозбранно» пользоваться своей жизнью, «частями тела», здоровьем и честью ⁸³. В соответствии со вторым человек наделялся властью свободно перемещаться, а любое ограничение его мобильности, не имеющее своим источником судебное решение, провозглашалось незаконным.

Личная безопасность в указанном смысле не была напрямую связана со статусом *гражданина* или *подданного*. Право *личной безопасности* принадлежало *гражданину* или *подданному* не как члену некоего общественного или государственного образования, а по праву рождения, поскольку «жизнь, — как отмечала императрица в заметках к проекту 1785—1787 годов *О узаконениях вообще*, — есть дар божий, и наследства которой всякой имеет от творца и кото-

⁸¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 377—377 об.

⁸² *Екатерина II*. Избранное. С. 159.

⁸³ В проекте 1785—1787 годов *О узаконениях вообще* Екатерина II, практически дословно переводя *Комментарии*, так определяет *права безопасности личной*: «чтобы всякой пользовался законно и беспрепятственно жизнью, имением, бытием, здоровьем и добрым именем» (*Екатерина II*. О узаконениях вообще // *Екатерина II*. Избранное. С. 649; *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Ch. 1. P. 125 // http://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch1.asp; *Idem*. Commentaires sur les lois anglaises. Paris, 1822. Vol. 1. P. 224; *Блакстон У.* Истолкования. С. 334).

рое гражданские законы оберегают в каждой особе прежде, нежели увидел свет» ⁸⁴. *Гражданские* законы не создавали *личную безопасность*, а должны были «сохранять» уже существующие реалии ⁸⁵, «покровительствовать» «жизнь и члены человека» ⁸⁶. *Человек*, а не *гражданин* выступал объектом посягательства при совершении убийства, нанесении тяжких телесных повреждений или вреда здоровью ⁸⁷. Следовательно, и защита данного права не была детерминирована условиями подданства или гражданства: закон в равной степени гарантировал защиту от *уголовных преступлений личных и насилия личного* как подданным Российской империи, так и послам, посланникам, резидентам, поверенным в делах «иной державы, или области, или народа, или свиту их или в службе у них находящимся людям», а также тем, кто потерпел кораблекрушение «при берегу, или на море, или в реке» ⁸⁸.

⁸⁴ *Екатерина II*. О узаконениях вообще. С. 649.

⁸⁵ Защита *личной безопасности* полагалась императрицей в качестве одной из основных целей *гражданских* узаконений. В плане *гражданских* «законов», составленном Екатериной II в январе 1774 года, она, во-первых, констатировала несовершенство всего созданного человеком, во-вторых, подчеркивала, что «сии законы» составлены именно им, а в-третьих, выделяла следующие объекты их «старательства»: «сохранить безопасность личную», «утвердить собственность», «предупредить пороки и преступления», установить «обряд управления всероссийской Империи» (*Екатерина II*. План «гражданских законов» // *Екатерина II*. Избранное. С. 357). Та же мысль была артикулирована императрицей в проекте *О узаконениях вообще*: «Судебные места установлены и открыты, дабы покровительствовать и в целости охранить безопасности личная, имение и собственности подданных и чтоб непременно заставить почитать и выполнять законы» (*Екатерина II*. О узаконениях вообще. С. 647).

⁸⁶ «Не входи в намерение чье-нибудь учинить человеку увечье или раны, и сам другого к тому не употреби» (ст. 115); «Буде кто учинит человеку насилие личное со многолудством» (ст. 129); «Отягощается также преступление в рассуждении места и времени, где и когда человеку насилие личное учинено» (ст. 132); «Буде кто, позабыв страх Божий, учинит человеку насилие личное в церкви Божией» (ст. 133); «Буде кто, не страшась присутствия Императорского величества, учинит человеку насилие личное при дворе или при особе Императорского Величества» (ст. 134); «Буде кто, позабыв должное почтение, учинит человеку насилие личное в судебном месте» (ст. 135); «Буде кто, наруша общую безопасность, учинит человеку насилие личное на проезжей дороге или на улице» (ст. 136). «Буде кто учинит человеку насилие личное ночью» (ст. 137); «Не входи в намерение чье-нибудь учинить человеку насилие личное и сам другого к тому не употреби и не уговори» (ст. 139); и так далее (*Екатерина II*. Проект «Уголовного уложения». С. 441, 443—444).

⁸⁷ *Екатерина II*. О узаконениях вообще. С. 649.

⁸⁸ *Екатерина II*. Проект «Уголовного уложения». С. 374, 377.

Эрик Лор

Гражданство и подданство. История понятий

Екатерина II не увязывала гарантирование *личных* прав с *гражданской вольностью*, однако, криминализируя в проекте *Уголовного уложения*, а затем в *Уставе благочиния* 1782 года покушения на жизнь, здоровье и свободу индивидуумов и сопрягая их с категорией *личный*, она имплицитно переносила данную идею на российскую почву, посредством законодательства конструируя и транслируя в общество идею отдельной личности как находящегося под защитой государства правообладателя. Внесловные коннотации данного понятия в уголовно-правовом контексте фактически обозначали интенцию власти по формированию единого социального пространства, в рамках которого каждый индивидуум вне зависимости от его происхождения и служебной позиции признавался носителем ряда законодательно охраняемых прав. Как представляется, это позволяет усматривать в российском законодательстве процессы, характерные для европейской и североамериканской систем права Нового времени и ориентированные на защиту прав личности.

Открытым, однако, остается вопрос о характере бытования понятия *личный* за пределами законопроектного и законодательно-дискурса в России второй половины XVIII века: насколько актуализированные в законодательстве смыслы становились частью языковой реальности социума? Каким образом он реципировал, транслировал и адаптировал новую юридическую терминологию? Совпадал ли вектор устремлений власти, направленный на «концептуализацию социальных отношений»⁸⁹ через новый язык права, с ожиданиями общества? Ответы на поставленные вопросы возможны только через дальнейшее исследование проблемных полей и локальных контекстов бытования отдельных юридических терминов, а также через привлечение новых видов исторических источников. Обращение к делопроизводственным и судебно-следственным материалам позволило бы не только эксплицировать основные термины языка права «снизу» и соотнести их с понятиями языка власти и просвещенной элиты, но и в целом приблизиться к пониманию особенностей процесса модернизации в России.

Истории французского, немецкого, американского, британского или канадского *гражданства*, уходящего корнями в глубь веков, в том числе в эпоху монархии, когда люди формально являлись скорее подданными короля, чем гражданами государства, редко вызывают возражения. Между тем, как я зачастую убеждался, само понятие *русского гражданства* воспринимается и специалистами, и широкой публикой как оксюморон. Когда я упоминаю тему своей книги, как в обществе людей, которые немного знают о российской истории, так и на научных конференциях, меня часто спрашивают: «Действительно ли в России существовало гражданство?»¹

В настоящем очерке доказывается, что в России действительно существовала концепция *гражданства*. Но, как мы вскоре убедимся, история этой концепции убеждает нас в том, что понятие *гражданства* неприменимо по отношению к имперскому периоду истории России. Так, в эпоху империи почти универсальным понятием для обозначения формальной принадлежности индивида к социальной общности было слово *подданство*, которое также имеет долгую и значительную историю. Я приведу доводы в пользу того, что сама история этих понятий создает впечатление, что русское *подданство* и *гражданство* на практике были более уникальными и менее сопоставимыми с ситуацией в других странах явлениями, чем это было в действительности. Наконец, в эссе показывается, что история русских *подданства* и *гражданства* может быть помещена в более широкий сравнительный контекст с помощью альтернативной концепции, сосредоточенной на членстве индивида в государстве.

⁸⁹ Плотников Н. Личность и собственность. С. 168.

¹ Рабочее заглавие моей книги *Русские подданство, гражданство и международная миграция, 1860—1930*.

Гражданство

Как справедливо заметил Андреас Фармер, «понятие гражданства стало означать все и ничего»². В узком понимании оно обозначает формальный статус индивида по отношению к государству, но также стало указывать на права индивида, возможность доступа к социальным благам, уровень вовлеченности в гражданское общество, степень интеграции индивида в государство, и даже на степень цивилизованности³. Несмотря на постоянное расширение значения этого понятия в общественной и научной литературе и в общем употреблении, все еще сохраняется предубеждение, согласно которому термин *гражданство* применим только к республикам, государственным образованиям, где каждый член общества имеет более или менее равные права перед законом. Отсюда и живучесть представления о том, что *гражданство* в имперской России — это оксюморон.

Гражданство, в одном из наиболее распространенных и абсолютных значений, это «статус индивида, включающий совокупность универсальных прав (то есть юридических притязаний по отношению к государству) и обязанностей, которые в равной степени выполняются всеми действительными членами национального государства»⁴. Россия не являлась национальным государством с унифицированным *гражданством*. Скорее, она была хаотично разраставшейся многонациональной империей, где все население было одинаково бесправным по отношению к самодержавному царю. Права и обязанности каждой социальной, религиозной и профессиональной группы населения определялись отдельно и по-разному, в виде соглашений, которые могли быть отозваны, меж-

² Fahrmeir A. Citizenship: The Rise and Fall of a Modern Concept. New Haven, 2007. P. 1.

³ Несколько примеров из российского контекста, в которых употребляются различные типы этих определений, см.: Kotsonis Y. 'Face to Face': The State, the Individual, and the Citizen in Russian Taxation, 1863—1917 // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 2. P. 221—246; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1094—1123; Yaroshevski D. Empire and Citizenship // Brower D., Lazzarini E. (Ed.) Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750—1917. Bloomington, 1997. P. 61.

⁴ Somers M.R. Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy // American Sociological Review. 1993. Vol. 58. P. 588.

ду царем и каждой группой. Основным принципом, по которому создавалась и функционировала империя, была дифференциация условий, на которых обретался членский статус индивида, — диаметрально противоположность принципу всеобщего равенства прав и обязанностей каждого гражданина. Хотя *гражданство* в его идеальном понимании так и не было нигде воплощено, Россия находилась от этого идеала дальше, чем большинство других стран⁵.

По этим и другим причинам в период до 1917 года русское слово *гражданство* получило очень специфическое и относительно узкое значение. Термин использовался главным образом либеральными и радикальными оппонентами режима и носил полемический характер, выражая идею, программу и напоминание о несправедливости, свойственном тогдашнему *подданству*. По разительному контрасту с большинством других стран и даже империй, подобных Британии и Австро-Венгрии, *гражданство* в России стало абстрактной, идеальной концепцией, которая воплощала в себе все то, чего не вмещала компромиссная сущность *подданства*. По сути, если автор или оратор употреблял термин *гражданство*, можно было быть почти уверенным, что говорящий был членом либеральной Конституционно-демократической (кадетской) партии или иной группы, находившейся в «левой» части политического спектра. Используя этот термин, кадеты подразумевали, что все индивиды должны иметь равные права перед законом.

Духовная сущность этой концепции наиболее недвусмысленно и полно была проанализирована выдающимся русским либеральным ученым-правоведом Владимиром Матвеевичем Гессеном. Он был самым плодовитым из авторов, писавших на темы, относящиеся к истории права, теории и практике законодательства, регулирующего *подданство*, а его диссертация (1909) остается наиболее обстоятельным анализом имперского *подданства* вплоть до наших дней⁶. Влияние Гессена как редактора ведущего издания по правовым вопросам (*Право: Еженедельная юридическая газета*) и лидера кадетской партии вышло далеко за пределы научных кругов.

⁵ Этот момент часто недооценивается. Ср., например, слова британских ученых о том, что «не существует такой вещи, как [Британское гражданство] — по крайней мере, в том смысле, в каком оно понимается в других странах», — см.: Karatani R. (Ed.) Defining British Citizenship: Empire, Commonwealth, and Modern Britain. London, 2003. P. 3.

⁶ Гессен В.М. Подданство: его установление и прекращение. СПб., 1909. Т. 1.

Гессен определял *гражданство* как идеальную модель, к которой нужно стремиться, идеальное государство, в котором все индивиды являются равноправными членами гражданского общества, где «гражданином называется тот, кто является субъектом определенной категории публичных прав — а именно, прав политических»⁷. В свою очередь, эти права базировались на концепции естественных прав человека и неокантианской, идеалистической трактовке понятия *das Sollen* («то, что должно существовать»), ключа к пониманию прогресса. Для Гессена гражданство было идеалом, который должен существовать (*das Sollen*); *подданство* было существующей реальностью (*das Sein*)⁸.

Гессен также ссылаясь на глубоко укоренившиеся в русской истории значения понятия *гражданство*. В сочинении Самуэля фон Пуфендорфа *Права человека и Гражданина* (1673) термин *civis*, изначально относившийся к городскому *сословию*, был переведен с помощью слова *гражданин* как кальки понятия *горожанин*, положив начало его ассоциации с правами человека в академической литературе. В 1809 году проект гражданского кодекса укрепил представление о том, что *гражданин* — это субъект общественных прав и обязанностей. Дальше всех в своем конституционном проекте пошел Павел Иванович Пестель. По его мнению, *гражданство* — это абсолютно равные права и обязанности для всех граждан. Кроме того, он планировал рассматривать иностранцев как единую группу, безотносительно сословной принадлежности⁹. В XIX веке термин *гражданство* стал использоваться по отношению к таким элементам современного либерального гражданства, как концепция равноправного членства в гражданском обществе, обладание равными для всех членов общества правами и обязанностями по отношению к государству¹⁰.

Согласно Гессену, «гражданством мы называем статус лица, как субъекта публичных обязанностей и прав в отношении к государству. В этом своем значении термин “гражданство” русскому за-

конодателю неизвестен»¹¹. Однако Гессен не отвергает возможность применения термина по отношению к России в период после 1905 года и даже до этого момента. По его словам, полные политические права не являются необходимыми для концепции *гражданства*. Для того чтобы быть *гражданином*, человеку нужно только одно право перед законом, например право защиты в суде. По существу, Гессен показывает, что даже в монархии, которая называет себя *самодержавием*, индивид является не только *подданным* монарха, но также *гражданином*. Автор утверждает, что самодержавие не было неограниченным даже в период до 1905 года. Индивиды являлись субъектами публичных прав и обязанностей перед законом, и потому до некоторой степени были *гражданами*, а не просто *подданными* — даже при абсолютной монархии¹². Этот принцип содействия верховенству закона в пределах существующей правовой системы был центральным принципом программы, которую Гессен разделял со всем либеральным русским правовым истеблишментом.

Революционная природа концепции *гражданства* Гессена очевидна. Он доказывает, что существует высшая идеальная сфера права, сфера естественного права, которая может значительно отклоняться от эволюции положительного права. Когда противоречия между этими двумя автономными сферами становятся слишком значительными, революционный переворот существующей правовой системы может, по мнению Гессена, быть оправдан, поскольку позволит привести к власти идеальные естественные законы. Он приводит аргумент, что исторически развивавшееся положительное право может продолжить свое развитие очень произвольным образом, вплоть до того, что может полностью разойтись с рационалистическим естественным правом.

Для того чтобы постигнуть право, как оно есть, необходимо отвернуться от истории, уйти в себя; именно, на презрении к исто-

⁷ Гессен В.М. Подданство. Т. 1. С. 116.

⁸ Poole R.A. Problems of Idealism: Essays in Russian Social Philosophy. New Haven; London, 2003. P. 42—47.

⁹ Пестель П.И. Русская правда: наказ временному верховному правлению: [конституционный проект]. СПб., 1906 (глава 2, § 1; глава 3, § 4). Текст также доступен по адресу: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1825pravda.php>

¹⁰ Алексеев А.А. История слова гражданин в XVIII в. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Вып. 31. № 1. С. 67—73.

¹¹ Гессен В.М. Подданство. С. 127.

¹² Там же. С. 127—128. Эта точка зрения, предложенная одним из наиболее выдающихся экспертов в области государственного права в позднимперской России, оказала незначительное влияние как на западную, так и на советскую науку. В них, хоть и с некоторыми исключениями, государственное устройство России в период между 1905 и 1917 годами в целом трактовалось как *самодержавие*. Наиболее известным исключением является работа: Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976.

рии покоятся основные учения естественного права: учение о государственном естественном состоянии, об общественном договоре, о прирожденных и неотъемлемых правах личности, и т.д.¹³

Таким образом, концепция *гражданства* и сам термин *гражданство* были привнесены из Франции в революционное время, а затем получили полное теоретическое обоснование Гессеном в период, предшествовавший революции 1905 года, как часть его личного интереса и общелиберального поворота к неокантианской политической философии и концепции естественного права.

Консерваторы и государственные чиновники были не так уж неправы, рассматривая этот термин как опасный, революционный и чуждый русским традициям. Взамен все они использовали термин *подданство*. Последний, по умолчанию, стал использоваться для отсылки к формальной связи индивида с государством, царем, империей и так далее. Употребление термина *гражданство* означало политическое заявление, тогда как слово *подданство*, которое даже Гессен использовал в своей диссертации, оставалось политически нейтральным.

Концепция полной непримиримости понятий *гражданства* и *подданства*, отличающая русскую традицию от традиций других стран, является частью наследия самодержавия, а также наследием интеллектуальных направлений, подобных неокантианству Гессена, которые препятствовали признанию унаследованных правовых традиций. Таким образом, хотя во всех странах существует пропасть между идеализированным видением *гражданства* как совершенного равенства прав и обязанностей всех индивидов перед законом, с одной стороны, и существующим *гражданством* или *подданством* — с другой, в имперской России эта пропасть была теоретически и практически шире, чем в большинстве других случаев.

Подданство

Со времен Московии и на протяжении всей советской эпохи не существовало общепринятой дефиниции для описания формального членского статуса индивида в государстве. В России в пери-

¹³ Гессен В.М. Возрождение естественного права // Право: Еженедельная юридическая газета. 1902. Март. № 10. С. 483.

од до Февральской революции 1917 года термином общепринятого правового и официального использования было *подданство*. Вероятно, это слово пришло в русский язык из польского и литовского права конца XVII века, как калька латинского слова *subditus*, наиболее адекватным переводом которого на английский язык является *subjecthood*¹⁴.

В самом общем виде подданство определялось как личный правовой статус индивида по отношению к монарху. Во времена Петра Великого (если не ранее) это понятие расширилось, чтобы включить новые представления о членском статусе индивида по отношению к более широким абстракциям государства, империи или нации. Но, в сравнительном международном контексте, Россия сохраняла монархо-центричную модель *подданства* дольше, чем большинство других стран. Кроме того, природа этого *подданства* была особенной. Россия была не только абсолютной монархией, но — по крайней мере, в теории — одной из самых автократических абсолютных монархий. В Западной Европе правовые понятия *подданный* и *гражданин* эволюционировали со времен Средневековья из прав, предоставленных населению городов (ср. французское *citoyen* — «гражданин», «бюргер»), а также членам привилегированных торговых и ремесленных гильдий. В сельской местности в конце феодального периода постепенное возникновение фигуры крестьянина как субъекта прав стало следствием идеи личного правового контракта между крепостным и его господином.

В России практически не существовало истории влиятельных независимых или квазинезависимых городов-государств, гильдий или городских сообществ, которые бы обладали значительными

¹⁴ См. статью «Подданство» в: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Я практически не обнаружил свидетельств в пользу того, что существовала какая-либо связь между термином *подданство* и различием между людьми, которые были обложены налогом (*дань*) в раннее Новое время, и теми, кто таковым не был обложен. Также сохранилось мало свидетельств о связи этого термина с термином *податный* (Марасинова Е.Н. «Раб», «подданный», «сын отечества» (к проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века) // Canadian American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1/2. P. 92—93). Гессен не доверяет этой теории происхождения, в то время как О.Е. Кутафин заявляет, что, «как известно, современное слово “подданный” происходит от слова “дань” (уплата дани), а слово “гражданин” ведет свое начало от слова “горожанин”» (см.: Кутафин О.Е. Российское гражданство. М., 2004. С. 34). Этот вопрос требует более детального исследования, поскольку существуют некоторые косвенные доказательства в пользу того, что перед нами — один из источников происхождения термина *подданство*.

правами по месту своего пребывания. Кроме того, в России отсутствовали как феодальная история (с ее идеей контракта между крепостным и его господином в частном праве), так и аналогичное понятие в публичном праве, то есть идея контракта между королем и его подданными. В результате в русском контексте термин *подданство* получил оттенок полного подчинения отдельного подданного монарху, к тому же без всяких правовых ограничений¹⁵.

Более того, Гессен отслеживает ранние указания на использование термина *подданство* в русском частном праве и отношение крепостного к землевладельцу. Представление о безусловном подчинении индивида царю хорошо прочитывается в тексте клятвы, предназначенной для иностранцев, принимавших русское *подданство*. Эта клятва в период вплоть до 1796 года содержала недвусмысленную фразу: «бывший (такой-то) подданный» обещает «верным, добрым и послушным рабом и вечно-подданным со своею фамилиею быть»¹⁶. По существу эта клятва содержит скрытый смысл, указывающий на лично-зависимое положение индивида по отношению к монарху.

Однако идея проведения различия между царем и государством возникла еще во времена правления Петра I, тогда же получила свое выражение идея государства как империи, с официально признаваемыми региональными правовыми системами. Эти и другие изменения существенно усложнили картину, но не сопровождались широким распространением терминов, в которых, скажем, немцы описывали различные аспекты имперского подданства. В русском языке отсутствовали слова для обозначения принадлежности индивида к региональному образованию в пределах империи, подобные немецким терминам *Staatsmitgliedschaft* и *Staatsangehörigkeit*, или для обозначения простого членства индивида в империи (как немецкое *Reichsangehörigkeit*). Взамен статус индивида в Царстве Польском или Великом княжестве Финляндском обозначался как «подданство королю Польши» или «финское подданство».

¹⁵ Конечно, это только идеальная модель, приведенная здесь для сравнения. Идея приверженности царя интересам государства существовала уже во времена Петра I, в то время как идея и практика ограничения (власти) царя прежними царскими указами стали реальностью с опубликованием *Полного собрания законов Российской империи* в 1832 году, и особенно после правовой реформы 1864 года.

¹⁶ Гессен В.М. Подданство. С. 133.

Более того, в то время как эти термины отсылали к отношениям «индивид—государство», другой немецкий термин, *Unterthanschaft*, описывал статус индивида по отношению к монарху, а термин *Bürgerschaft* возник из средневекового обозначения городского населения, чтобы стать в наше время специальным термином для обозначения гражданства. Русский вариант отношений «индивид—государство» включал в себя практически все эти элементы, но для их описания имелось только два термина: *подданство* и *гражданство*. Термин Габсбургской империи *Staatsbürgerschaft*, введенный в 1797 году, мог бы оказаться здесь очень полезным как инструмент для проведения различия между простым статусом принадлежности к сообществу и другими аспектами гражданства и подданства¹⁷.

Вот некоторые из причин, по которым как современники, так и историки обычно используют термин *подданство*, официально и неофициально, по отношению ко всем явлениям подобного рода в период вплоть до отречения царя в 1917 году, и термин *гражданство* для обозначения всех явлений в период после отречения. Одним из первых шагов Временного правительства было объявление немедленного прекращения действия всех законов, установивших различия в правах и обязанностях исходя из национальности, религии или социального статуса. Иными словами, создавалось *гражданство* в его почти полном, бескомпромиссном, идеальном виде — модель, за которую либералы выступали в течение долгого времени. Таким образом, неудивительно, что февраль 1917 года положил конец существованию термина *подданство* так же окончательно, как удар гильотины. С тех пор *гражданство* стало единственным употребляемым термином.

Оглянувшись назад, историк может увидеть иронию истории над этой терминологией: Советская Россия быстро выступила против естественного права как основания для понятия *гражданства*, исключив само понятие *прав* как основание *гражданства*. Идея индивидуального выбора статуса гражданства, существовавшая на ранних этапах революции, была резко ограничена с помощью серии «сроков оптации», по истечении которых каждый индивид, находившийся на советской территории, автоматически приобре-

¹⁷ Hirschhausen U. von. From imperial inclusion to national exclusion: citizenship in the Habsburg monarchy and in Austria, 1867—1923 // European Review of History. 2009. Vol. 16. № 4. P. 551—573. Возможно, введение такого термина, как *госпринадлежность*, могло разрешить некоторую терминологическую и концептуальную путаницу.

тал советское гражданство. В то же время все прежние подданные Российской империи, которые не вернулись в Советскую Россию к определенной дате, автоматически гражданства лишались. Таким образом, многие могли свободно эмигрировать и выбирать гражданство вплоть до 1921 года, но затем получали советское гражданство и, как правило, более не имели права на эмиграцию. Так произошло быстрое и окончательное завершение революционной эпохи индивидуального выбора и открытости по отношению к новым гражданам.

Разграничение комплекса прав и обязанностей перед законом также быстро вернулось в систему. Значение этого процесса хорошо иллюстрирует создание социальной категории «лишенцев», то есть индивидов, лишенных гражданских прав¹⁸. Кампания по официальному лишению целых групп населения гражданских прав преследовала представителей знати, интеллигенции, духовенства и других слоев. Это в корне подрывало основной принцип *гражданства* — универсальность и равенство прав и обязанностей для всех членов общества. Конечно, Советская Россия быстро отменила не только большинство прав человека и гражданина, предоставленных в феврале 1917 года, но также и многие права, гарантированные основными законами 1906 года и в эпоху Великих реформ полувекковой давности. В большинстве случаев члены русского общества были гораздо ближе к идеальной гессеновской модели *гражданства* в 1906 году, чем в 1930 или даже 1985 году. Таким образом, представление о резком терминологическом и концептуальном разрыве, имевшем место в 1917 году, является весьма обманчивым.

Простое, элегантное решение: только члены государства

Любой анализ истории понятий *гражданство* и *подданство*, который сосредоточен на количестве и качестве, универсальности и равенстве комплекса прав и обязанностей, которые проистекают из статуса члена общества, обнаружит значительную усложненность и обозначит общие особенности русской практики по сравнению с практикой других стран. Россия представляется исключе-

¹⁸ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926—1936. Ithaca, 2003.

нием, возможно даже страной, в которой отсутствует история *гражданства*. В этом смысле «русское гражданство» является чем-то вроде оксюморона.

Однако будет не лишним напомнить об использовании этого термина в академических и правовых исследованиях по всему миру. Как оказалось, большинство исследований сосредоточивается в первую очередь на простом вопросе членства в государственном образовании, на механизмах его приобретения и потери. Законы о натурализации и денатурализации, таким образом, становятся центральными для анализа и сравнительных обобщений о национальных традициях норм и практик гражданства.

Приведенная выше история семантики показывает значительную разницу в терминологическом уклоне, делая русскую практику менее сопоставимой с практиками других стран и фактически устраняя историю русского гражданства из глобальной, диалогической мировой истории гражданства. Это обедняет наше понимание русского гражданства, потому что гражданство по своей природе является международным институтом, границей между нациями-гражданами, определенной международным правом и взаимодействием. Это также обедняет наше понимание других гражданств.

В позднеимперской России все ведущие правоведы, занимавшиеся этими проблемами, пришли к простому и практичному решению. Николай Михайлович Коркунов, В.М. Гессен, а также влиятельная энциклопедия Брокгауза и Ефрона дают узкое определение *подданства* как «принадлежности к государству по личному началу, в отличие от “иностранца”, как принадлежности к государству по началу территориальному»¹⁹. Отчасти они были вы-

¹⁹ Гессен В.М. Подданство. С. 134. В более ранний период Н.М. Коркунов определял *подданство* просто как «статус индивида по отношению к государству». Но позитивизм Коркунова сделал природу этого статуса иной, чем у Гессена (см.: Коркунов Н.М. Укоренение иностранцев и прекращение подданства // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 10. Цит. по: Сборник статей Н.М. Коркунова. СПб., 1898. С. 328). Авторитетное определение, данное словарем Брокгауза и Ефрона, гласит: «...подданство — юридическая связь между индивидом и государством». Единственная статья на русском языке, которая здесь цитируется, — это *Укоренение иностранцев* Коркунова (Брун М. Подданство // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (Изд.) Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 47. С. 70—72). Обзор практики применения двух этих понятий современными правоведомы см.: Кутафин О.Е. Российское гражданство. С. 10—35.

нуждены ввести в обращение этот термин потому, что в России не существовало термина, подобного немецким *Staatsangehörigkeit* (членство индивида в государстве) или *Reichsangehörigkeit* (членство индивида в империи). Если бы существовало такое понятие, как *госпринадлежность*, можно было бы в значительной мере избежать путаницы в терминологии. Но его не существовало, и, таким образом, исследователь сегодня вынужден выбирать наименьшее из зол, давая осторожные определения и соразмеряя аналитический вес разных аспектов *подданства* и *гражданства*.

В том же духе в оставшейся части этой статьи я хотел бы, вслед за Гессеном, Коркуновым и большей частью сравнительной литературы о гражданстве, сосредоточиться на общих элементах *подданства*, определяемого просто как членство индивида в государстве. Моя монография на эту тему близка к завершению. В оставшейся части этой статьи я просто расскажу о своем видении некоторых закономерностей русских принципов и традиций.

Закон земли и традиция «привлечения и удержания»

Согласно Роджеру Брубейкеру, одной из основополагающих функций современного *гражданства* является его использование в качестве инструмента социального закрытия против бедных мигрантов. Германия широко известна благодаря своей практике наделения гражданством *по принципу крови*, которая вышла за пределы ее территориальных границ. В то же время те, кто был рожден на немецкой территории, получали отказ в гражданстве в том случае, если они не являлись лицами соответствующего происхождения. Как показали Брубейкер, Фармер и другие, в Германии XVIII и XIX веков, как и в других местах, государство стало обеспечивать больше социальных благ и преимуществ, и потому были введены паспорта, границы и ограничительные законы о натурализации, чтобы удержать бедных мигрантов от получения доступа к этим благам. В России не было таких тенденций, так как ни центральные, ни местные власти не обеспечивали подобных благ. Даже после введения земского самоуправления в 1864 году местные преимущества и блага оставались слишком рудиментарными и немногочисленными, чтобы использоваться в качестве значимого ограничительного фактора. Примечательно, что в Финляндии сло-

жилась противоположная картина. Местные мероприятия по улучшению благосостояния были значительными. По этой причине получение местного вида на жительство, который, в свою очередь, требовался для получения финского *подданства*, было сложным и важным делом даже для русских подданных, переезжавших в Финляндию. В то время как некоторые страны создавали преграды для бедных мигрантов, Россия продолжала традицию «привлечения и удержания». Этот принцип можно определить как серию попыток по привлечению и удержанию иммигрантов, основанную на убеждении, что увеличение численности населения — ключ к благосостоянию и власти в империи. Эта физиократическая идея была поддержана усилиями царей в духе реальной политики по консолидации контроля над обширными малонаселенными и новоприобретенными землями.

Еще в XVII веке цари начали агрессивно поощрять миграции наемников, торговцев и ремесленников, чтобы развить военный и экономический потенциал Московии. Указ Петра I от 16 апреля 1702 года объявил открытое приглашение иностранцам прибыть в империю для организации торговли, обещал даровать обширный комплекс привилегий и освобождение от обязанностей русских подданных²⁰. Существуют разные взгляды как на этот указ, так и на петровское правление в целом, которое трактуется по-разному — от радикального разрыва с предыдущими столетиями самодостаточности и изоляционизма до укоренения тактики XVII века, которой было свойственно привлечение иностранцев, предоставление им налоговых льгот, временных монополий в определенных областях предпринимательства, свободных земель, освобождения от воинской повинности и других привилегий. Корпус привилегий, прав и льгот, предоставлявшихся каждой группе иммигрантов или даже отдельным индивидам, создал довольно уникальную практику иммиграции и «натурализации». Я рассматриваю эту ключевую особенность русского *подданства* как парадигму «отдельных предложений». В вопросе о принятии официальной натурализации иммигранты в целом сталкивались с незначительным давлением. Обычно правовое положение этой социальной категории гораздо больше зависело от конкретного «отдельного соглашения», чем от

²⁰ Мышь М.И. Об иностранцах в России: Сборник узаконений трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. СПб., 1911. С. vi—viii.

статуса *подданства*. В действительности при сохранении статуса иностранного подданного за человеком оставалось много различных преимуществ (таких, как дипломатическая защита, освобождение от воинской повинности, свободный выезд из страны). В результате уровень натурализации оставался довольно низким в течение всего имперского периода.

Диаметрально противоположным принципом, направленным на вновь присоединенные регионы, была терпимость к низким темпам натурализации среди иммигрантов и иммигрантских групп. Русская практика распространения *подданства* на эти регионы в целом следовала двум правилам: 1) приписывание подданства *по закону земли* всему населению на момент оккупации и 2) модель «отдельных предложений», то есть предоставление постоянных или временных привилегий, освобождение от каких-то обязательств общеимперского подданства. В некоторых случаях (особенно в середине — конце XIX века) для местного населения устанавливался срок, до истечения которого можно было сделать выбор в пользу эмиграции или сохранения статуса иностранного подданного. По истечении этого срока любое лицо, проживавшее на территории Российской империи, получало российское подданство и, даже формально не пройдя процедуру натурализации, рассматривалось законом как подданный империи. Второй принцип, сохранение практики «отдельных предложений» для местных элит, вносит немало путаницы в изучение и без того непростого понятия *натурализации* в русское подданство. Однако эти различия оказывали значительное влияние на условия и качество подданства, а не на сам факт его получения. Для населения аннексированных территорий принципом определения членства индивида в государстве был неизменный и прямой *закон земли*.

Петр I пытался сделать натурализацию универсальным требованием для поступления на российскую военную или государственную службу, но эти усилия принесли мало результатов. Была введена специальная клятва о лояльном служении, но, по оценке одного исследователя, ее приносила только одна десятая часть иностранных подданных на русской службе²¹.

²¹ Woltner M. Zur Frage der Untertanenschaft von Westeuropäern in Russland bis zur Zeit Peters des Grossen einschliesslich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1938. Bd. 3. № 1. P. 59; Поленов Д. О присяге иноземцев, принятых в Русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. С. 1729—1766.

До тех пор пока существовало осознание ограниченности *подданства* и усилий по натурализации иностранцев в империи, практическая значимость натурализации часто была вторичной (речь идет главным образом о периоде до отмены крепостного права). Для знати ключевым моментом было получение разрешения на вступление в местное сообщество знати. Для торговцев главным было получение права на вступление в гильдию или торговую ассоциацию. Иностранные крестьяне и фермеры редко, если вообще когда-либо, вступали в сообщества русского крестьянства. Вместо этого, после утверждения своего юридического статуса, они объединялись в собственные группы. Во всех этих случаях оставалось неясным, была ли необходимость давать клятву царю, а интеграция в социальную структуру часто оказывалась более важной, чем натурализация. Например, торговцы, желавшие натурализоваться в качестве русских подданных, были должны вначале представить доказательства вступления в торговую гильдию или ассоциацию. Натурализация следовала легко и почти автоматически после этого, гораздо более сложного этапа вступления в торговое сословие.

Эта ситуация не изменилась и в эпоху Великих реформ, но реформы привнесли существенные и стремительные изменения в закон о натурализации. Для истории *подданства* и *гражданства* (определяемых как членство индивида в государстве) Великие реформы были важны в нескольких отношениях.

Во-первых, в то время как политика XVIII века преследовала цель привлечь земледельцев для аграрного освоения степной зоны, реформы подданства и натурализации 1860-х годов были главным образом ориентированы на привлечение специалистов и технического персонала в промышленность. Преобразования открылись серией решений, принятых в конце 1850-х годов и сворачивавших практику суровых политически-ориентированных ограничений на въезд иностранцев в страну, которая превалировала в администрации Николая I²². Вскоре после своего восшествия на престол Александр I порвал с традициями прежнего царствования, объявив, что ограничение коммерческих прав иностранцев для защиты русских торговцев от иностранной конкуренции наносит вред русскому экспорту и конкурентоспособности российских товаров за границей. Начиная с 1857—1860-х годов Россия заключила ряд дву-

²² АВПРИ. Ф. 137: Отчеты МИД. Д. 24 (1849). Л. 257—262; ГАРФ. Ф. 109: Д.П. III отделение. Оп. 223. Д. 4. Папка 4 (1839). Л. 1—80., 151—167.

сторонних торговых договоров, которые значительно расширили права большинства иностранцев в России и отменили особые дополнительные налоги и сборы, которые должны были платить иностранцы, чтобы получить право вести предпринимательскую деятельность в России²³. Другой закон, принятый в 1857 году, создал юридическую защиту для иностранного капитала путем смягчения порядка наследования и обременительных налоговых сборов, которые иностранцы должны были платить для ликвидации своей собственности и отъезда из страны²⁴. Эти документы подтвердили новый важный принцип, который возник как часть Великой реформы: иностранцы были уравнены в правах с русскими подданными в отношении гражданских вопросов и коммерции²⁵. В действительности эти реформы, возможно, подняли статус иностранцев до привилегированных позиций по сравнению с русскими подданными. Согласно законам дореформенного периода, члены иностранных гильдий в основном отказывались от натурализации, что освобождало их от воинской повинности и подушного налога, и взамен облагались специальным налогом для иностранцев. Уравнение налогообложения означало, что иностранцы теперь освобождались от военной службы без уплаты налоговой неустойки²⁶. Более того, они получали важные юридические и практические преимущества по сравнению с русскими подданными в отношении приобретения патентов и защиты авторских прав²⁷.

Реальное смягчение формальных и полицейских требований к иностранцам на постоянной основе последовало через некоторое время, с принятием нового статута о паспортах и других законов, тесно связанных с реформами, которые стали необходимыми в связи с отменой крепостного права. Однако царь Александр не

²³ АВПРИ. Ф. 137: Отчеты МИД. Д. 44. Л. 30—32; Оп. 475 Д. 43. Л. 266—271 об.

²⁴ Мышь М.И. Право наследования после иностранцев в России. [Б.м.], 1887. С. 9; Он же. Об иностранцах. С. 8. Подробнее об отмене вывозной пошлины см.: Блончли И.Г. Современное Международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1876. С. 245.

²⁵ Обзорение действующих, С. 41.

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Просьбин С.А. Торгово-промышленный сборник. Свод действующих узаконений по части промышленности и торговли. СПб., 1907. С. 373—374. Цит. по: Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России, 1861—1916 // Бовыкин В.И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. С. 26.

желал долго ждать. Он ускорил этот процесс, выпустив важный закон 7 июня 1860 года, который значительно ослабил требования в отношении паспортов и полицейского надзора и предоставил серию новых прав иностранцам, особенно иностранным торговцам, в России²⁸. Этот закон устанавливал, что все иностранцы, прибывавшие в Россию в целях торговли, земледелия или промышленного предпринимательства, получали такие же гражданские права, как и русские подданные²⁹. Одним из наиболее значимых принципов, установленных этим указом (углубленным и дополненным более поздними указами), было право приобретать землю в собственность³⁰.

Новое отношение к иммиграции быстро пронизало органы всех ветвей власти. Прямое влияние на положение иностранцев также оказала отмена крепостного права. В период до 1861 года одним из основных ограничений прав и экономической деятельности иностранцев было строгое запрещение владеть земельной собственностью, арендовать или нанимать дворовых или посессионных крепостных крестьян. После 1861 года иностранная знать и торговцы получили право свободно нанимать русско-подданных работников, и потому конкурентная позиция иностранцев в России по отношению к русско-подданным торговцам, владельцам производства и знати резко улучшилась. Более того, важный закон от 19 февраля 1861 года разрешил землевладельцам сдавать землю в аренду иностранцам на срок до 36 лет. Все это стало веским стимулом для иммиграции в последующие десятилетия³¹. Такая политика способствовала развитию иммиграции и создала возможности для процветания ненатурализованных иностранцев среди экономической элиты.

Закон 1864 года позволил иностранным работникам претендовать на русское подданство сразу по прибытии в Россию по ускоренной процедуре, которая не принимала во внимание правовое

²⁸ Циркуляр Департамента полиции *О новых правилах выдачи паспортов иностранцам*, изданный 18 августа 1860 года (Чудовский Д. (Изд.) Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1858, 1859, 1860 и 1861 годы. СПб., 1873. С. 105, 152).

²⁹ Мышь М.И. Об иностранцах. С. xi (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 29. № 22418).

³⁰ РГИА, Печатные записки 97697, МВД. Журналы высочайше учрежденной комиссии о мерах к предупреждению наплыва иностранцев в западные окраины. Отдел III вопрос о принятии и оставлении русского подданства (СПб., 1891), 6.

³¹ Там же. Л. 10.

требование о пятилетнем сроке пребывания в стране и не требовала разрешения от Министерства внутренних дел, накладывавшего эти ограничения³². Для большинства других иностранцев закон 1864 года сохранял освобождение от налогов (подати) в течение двух лет³³.

Одной из главных задач этих реформ было содействие иммиграции иностранных торговцев, предпринимателей, технических специалистов и управляющих. Проведя анализ важных коммерческих законов от 1 января 1863 года и 9 февраля 1865 года, И.В. Поткина заключила, что произошел огромный концептуальный сдвиг. До принятия этих законов иностранцы должны были либо натурализоваться и получить разрешение на вступление в русское торговое сословие, либо классифицироваться как социальная категория «иностранных гостей». Для этой категории условия экономической деятельности базировались на подробных индивидуальных контрактах, в каждом случае подписывавшихся царем. Сродни принципу условного землевладения периода Московии, воплощенному в *поместных имениях*, «права» собственности и экономической деятельности не были, стало быть, юридическими правами (если только не считать, что этот закон не имел универсального нормативного значения). Напротив, эти «права» были скорее похожи на индивидуальные, обратимые, особые соглашения между царем и отдельной группой иностранцев. Более того, все переселенцы, которые принадлежали к категории «иностранных гостей», были значительно ограничены большим количеством установлений, охранявших конкурентные преимущества в пользу местного населения³⁴. Великие реформы предоставили иностранцам гораздо более унифицированный, универсальный юридический статус и средства защиты.

Кто-то может заключить, что реформы и либерализация 1860-х годов могли сделать статус русского подданного более привлекательным для иностранцев. Удивительно, но эти преобразования оказали прямо противоположный эффект. После того как поворотные законы 1864 года предоставили иностранцам полное уравнивание в гражданских правах с русскими подданными, вышеупомянутая натурализация более не представляла ценности. В эпоху, когда двойное гражданство было редким явлением, на-

³² РГИА, Печатные записки 97697, МВД. Журналы высочайше учрежденной комиссии о мерах к предупреждению наплыва иностранцев в западные окраины. Отдел III вопрос о принятии и оставлении русского подданства (СПб., 1891), 6. Л. 4.

³³ Там же; ПСЗ. Т. 5. Арт. 415.

³⁴ Поткина И.В. Законодательное регулирование. С. 20.

турализация могла означать конец важному преимуществу правового дипломатического покровительства, тому, что Германия, Британия и другие государства агрессивно защищали в каждом конкретном случае. В результате, по данным официальной статистики, уровень натурализации иностранцев в России резко сократился³⁵.

Благодаря Великим реформам оставаться иностранцем стало выгодно. В этом смысле можно сказать, что значение ограниченности *подданства* уменьшилось, так как иностранцы получили права. Разница в правовом статусе между последними и русскими подданными сократилась. Однако значение и фундаментальные черты *подданства* изменились и в другом отношении. Одной из ключевых черт концепции современного *гражданства*, в отличие от *подданства* при старом режиме, является большая степень унификации статуса членов-индивидов.

Единое, национальное гражданство?

Удалось ли в эпоху Великих реформ создать унифицированное национальное *подданство*? Определенно основные шаги в этом направлении были сделаны. Указы начала 1860-х годов воплотили концептуальный сдвиг к созданию единого, общего, унифицированного подданства, чтобы заменить им все другие промежуточные типы. В первую очередь речь идет об отмене различия в позитивном праве между «временным» и «постоянным» *подданством*. Первый статус обычно приобретался при даче специальной клятвы лояльного служения (*присяги на верность службы*) и не даровал политических прав, но представлял собой совокупность индивидуальных прав для ведения бизнеса, приобретения жилья в собственность, аренды дома или производства и так далее. Главным образом этот статус предоставлялся студентам, торговцам и другим иностранцам, которые планировали жить и работать в России в течение определенного времени, но при этом сохранить свое право покинуть страну (для русских подданных эмиграция оставалась незаконной)³⁶.

³⁵ ГАРФ. Ф. 109: Д.П. III отделение. Оп. 223 (отчеты III отделения и корпуса жандармов). Д. 4—34.

³⁶ Гессен В.М. Подданство. С. 220. Россия не была ни в коем случае исключительной или особенно опоздавшей в переходе к фундаментальному принципу *гражданства* в международном праве о том, что натурализация дает полные

Более важное правовое различие относилось к статусу натурализованных иностранцев, которые давали клятву вечного подданства. В XVIII и XIX веках серия установлений определяла права и обязанности натурализованных иностранцев по-иному, чем для рожденных на территории империи подданных. Во многих отношениях индивиды этой категории не приобретали полных прав *подданства* и оставались ограниченными в правах, как все иностранцы³⁷. В других отношениях они приобретали большие права, чем рожденные в империи подданные. Закон 1864 года уничтожил этот промежуточный статус (часто соотносимый со статусом «натурализованного иностранца» [англ. *denizen*. — *Прим. пер.*] в других национальных контекстах), и натурализованные подданные были уравнены в правах с рожденными в империи подданными перед законом³⁸. Это также стало важным шагом на пути к созданию единого правового *подданства* и уничтожению всех промежуточных статусов между *подданным* и *иностранцем*. Кроме того, закон 1864 года передал на места право выдачи окончательных разрешений на натурализацию, практически и теоретически сделав ее скорее актом получения социального статуса в стране, нежели актом, который следовал за вступлением в структуру местного *сословия*³⁹.

В.М. Гессен также подчеркивает другой концептуальный сдвиг, касавшийся вопроса членства в государстве, от «коллективного» к «индивидуальному»⁴⁰. Он приводит исторический аргумент о том,

права в новой стране и полную потерю прежних прав. В 1870 году британский закон о гражданстве сохранил понятие *преданности* (то есть непризнание потери британского гражданства посредством натурализации за границей). См.: Kettner J. The Development of American Citizenship, 1608—1870. Chapel Hill, 1978. P. 3—130.

³⁷ Например, натурализованные военнопленные получили паспорта с примечанием о том, что им запрещается проживать в Польше, Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Санкт-Петербурге или Москве (Проект положения о состоянии иностранцев. Б.м., 1863. С. 49).

³⁸ Гессен В.М. Подданство. С. 226—231.

³⁹ РГИА. Печатная записка 97697. Л. 4.

⁴⁰ Анализ этого перехода, который произошел скорее по Фуко (возникновение государственного менталитета, интеграция индивидов в государство и дисциплинарные сети власти), чем по Гессену (возникновение автономного либерального подданного), см.: Steinwedel Ch. Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Caplan J., Torpey J. (Ed.) Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World. Princeton; Oxford, 2001. P. 67—82; Kotsonis Y. «Face to Face». P. 221—246.

что натурализация в XVIII веке (в России и Европе) была связана главным образом с политикой увеличения населения. В этот период международная миграция по большей части означала переселение целых общин, а натурализация часто становилась аспектом, обсуждаемым как часть общего процесса иммиграции. Целые сообщества мигрантов были натурализованы в специальные сроки и согласно специальным условиям. Этот тип натурализации часто можно описать скорее как «договорное освобождение» общины от ограничений, которые применялись по отношению к иностранцам, и обязанностей, которые налагались на членов государства⁴¹. По существу, ситуация все еще в значительной степени оставалась в рамках парадигмы «отдельных предложений», которая применялась по отношению к различным мигрантам и группам поселенцев, прибывавшим в империю. Гессен показывает, что «заинтересованность в качестве и статусе индивида» в связи с проблемой натурализации появилась только после реформы 1864 года⁴².

Однако на пути к одновременной универсализации норм и обособлению разных случаев получения членского статуса в государстве, в рамках закона о подданстве, в период после 1864 года оставалось несколько важных исключений. Во-первых, сохранялись довольно обширные отдельные правила для Царства Польского и Великого княжества Финляндского⁴³. Например, Финляндия получила право выпускать иностранные паспорта (право на выезд) для русских подданных и иностранцев, проживавших в княжестве⁴⁴. *Свод законов Российской империи* содержал отдельные разделы, регулирующие получение и потерю индивидуального статуса по отношению к Русскому государству в этих двух территориальных

⁴¹ Гессен В.М. Подданство. С. 283

⁴² Там же. С. 285.

⁴³ См.: Рейнке Н. Очерк русско-польского междоуластного частного права. СПб., 1909. Это утверждение также было верным для Бухарского и Хивинского эмиратов, но юридически они были «протекторатами», со своим собственным статусом и собственными подданствами.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109: Д.П. III отделение. Оп. 223 (отчеты III отделения и корпуса жандармов). Д. 26. Папка XXIV (1861). Губернаторы часто выражали недовольство тем, что Финляндия обеспечила лазейку, сквозь которую в империю могли проникнуть иностранцы, а из империи могли выехать русские подданные, избежав всех проверок и ограничений, которые существовали в других частях империи. Финский маршрут был хорошо известен как предпочтительный путь, через который политические революционеры въезжали в страну и выезжали из нее, но этот маршрут также использовался и многими другими людьми. Например, см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. II (1889 г.). Д. 46. Л. 105.

юрисдикциях. Согласно административному указу 1865 года, резидентам Царства Польского было необходимо получить специальный «паспорт для въезда в империю», чтобы получить право пересечь восточную границу Царства. Таким образом, порядок въезда в основную часть империи из Царства Польского несколько отличался от правового процесса получения иностранного паспорта для пересечения межгосударственной границы⁴⁵. Закон 1867 года предоставил ряд финансовых и правовых привилегий русским из других областей империи для поступления на службу в польских провинциях. Эти привилегии, в соединении с рядом новых ограничений, наложенных на поляков в части приобретения и наследования земли в регионе, отражают общую тенденцию эпохи Великих реформ — сдвиг к созданию единого имперского членства в государстве⁴⁶.

Во-вторых, в период как до, так и после 1864 года на определенные группы иностранцев накладывались более широкие правовые ограничения, чем на другие. Несмотря на значительное давление на международном уровне, иностранным евреям не позволялось даже селиться в России, кроме отдельных случаев, в которых требовалось разрешение Министерства внутренних дел⁴⁷. Исключение составляли промышленные ремесленники и мастера, а также евреи из Центральной Азии, желавшие вступить в гильдии Оренбургской провинции⁴⁸. Эти иностранные евреи, которым в виде исключения было позволено въехать в страну, не получали общих прав, дарованных иностранцам, но ограничивались в правах бесчисленными установлениями касательно места пребывания и рода экономической деятельности, применявшимися к русско-подданным евреям. Этот момент не всегда ясно прописывался в законах из-за того, что по данному вопросу велись большие международные дипломатические диспуты, особенно с Соединенными Штатами, которые настаивали на том, что все натурализованные американские граждане евреи должны находиться под таким

⁴⁵ РГИА. Печатные записки. 520 (постановление *Паспортные правила на время военного положения в Царстве Польском* [1865] ст. 28).

⁴⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 85. Л. 29.

⁴⁷ См. соответствующий пункт в законе: «Иностранцы из евреев не допускаются к переселению в Россию или вступлению в Российское подданство» (СЗРИ. 1899. Т. 9. Ст. 819; цит. по: *Права евреев и иностранцев*. СПб., 1908).

⁴⁸ *Лозина-Лозинский М.А.* Принятие в русское подданство // *Право*. 1898. № 4. С. 10—15; 1899. № 1. С. 22—29; № 2. С. 79—84; СЗРИ. 1890. Т. 14. Устав о паспортах. Ст. 290.

же покровительством, как все прочие иностранцы в России⁴⁹. В результате, например, русским консулам, выдававшим визы иностранным евреям, не позволялось указывать, что разрешение было выдано только на проживание в пределах еврейского поселения. По дипломатическим причинам режим предпочитал соблюдать ограничения касательно иностранных евреев не в формальных законах, а, скорее, в не публиковавшихся административных циркулярах⁵⁰. В то время как евреям, иезуитам, дервишам, китайцам и другим запрещалось натурализоваться, для ряда категорий иностранцев, наоборот, натурализация рассматривалась как желательная, и в этом случае они получали преимущества. Например, неопубликованный циркулярный приказ царя предоставлял Министерству иностранных дел право не требовать выполнения условия о проживании (на территории империи) в течение пяти лет при натурализации турецко-подданных славян⁵¹.

В-третьих, в то время как новые правила 1864 года создавали единую национальную процедуру натурализации, они не отменяли *de facto* больших различий в процедуре натурализации для разных социальных групп. Главным общим условием для натурализации оставалось требование «избрать свой род жизни» и быть приписанным или причисленным в русское сословие или состояние⁵². Возможно, вступление в русскую торговую организацию или гильдию для иностранных торговцев являлось более важным при приобретении прав и статуса перед законом, чем формальное получение членства в государстве⁵³. То же самое было еще более

⁴⁹ *Saul N.* Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867. Lawrence, 1991 (много информации об этой дискуссии). См. также: *Энгель В.В.* Еврейский вопрос в Русско-американских отношениях. На примере «паспортного вопроса», 1864—1913. М., 1998; *Журавлева В.И.* Еврейский вопрос в России глазами Американцев // *Вестн. Еврейского ун-та в Москве*. 1996. № 3 (13). С. 64—87.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 411. Л. 35 (циркуляр варшавского генерал-губернатора о порядке выдачи паспортов иностранным евреям на въезд в Россию, 9 июля 1891 г.).

⁵¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2281. Л. 1 (МВД, Департамент общих дел и конфиденциальных циркуляров, 21 декабря 1864 г.).

⁵² Там же. Л. 1—6.

⁵³ В то же время иностранные торговцы и другие лица, проживавшие в городской местности, были обязаны получить разрешение от городской думы и полиции на получение статуса *городского обывателя* до того, как губернатору будет разрешено совершить церемонию натурализации (Проект положения. С. 41; *Гессен В.М.* О приписке натурализованных иностранцев к мещанским обществам // *Журн. министерства юстиции*. 1896. Апр.).

верно для иностранной знати. Для обеих категорий истинным доступом к правам и привилегиям, настоящей «натурализацией», являлось их причисление к русскому сословию или статусу.

Наконец, на практике Великие реформы ни в коем случае не отменяли отдельных правовых статусов переселенцев. В последовавшие за Великими реформами десятилетия не раз раздавались сетования на то, что, уравнив правовые условия иностранцев и русских подданных, реформы уничтожили многие из стимулов к натурализации. Во многом иностранцы теперь обладали большими правами, чем русские подданные, — главным образом правом дипломатической защиты и освобождением от воинской повинности⁵⁴. С предоставлением полного уравнивания в гражданских правах переселенцы во многих отношениях стали привилегированной социальной группой⁵⁵.

После Великих реформ

В эпоху Великих реформ была определена основа позднеимперской концепции членства в государстве. В эпоху контрреформ государство в значительной мере отступило от стремления привлечь в Россию желаемые категории иностранцев. Например, в позднеимперский период, несмотря на значительное сопротивление, строго соблюдались ограничения, наложенные на еврейскую иммиграцию.

Возможно, самая важная линия контрреформ появилась в ответ на меры, принятые в Германии по установлению современной гастарбайтерской системы для сезонных работников с русским

⁵⁴ Записка комиссии при II отд. Собственной его имп. Велич. Канц., для рассмотрения вопроса об оставлении русск. подд. 15 декабря 1870. Манускрипт находится в генеральной коллекции Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

⁵⁵ Виктор Дённингхаус в своем описании разнообразных московских клубов и ассоциаций для иностранцев представил замечательные свидетельства широкого осознания этой привилегированной позиции иностранцев. Особенно интересен случай с кампанией 1870-х годов, продленной после требования предоставить доступ для русских подданных в немецкий клуб, влиятельную и престижную коммерческую и социальную организацию, в которую было позволено вступать только иностранным подданным. См.: *Dönnighaus V. Die Deutschen in der Moskauer Gesellschaft: Symbiose und Konflikte (1494—1941)*. München, 1992. S. 306—328.

подданством. В 1885 году Отто фон Бисмарк решительно выслал 30 000 русско-подданных работников (главным образом, евреев и поляков). После интенсивных споров, длившихся несколько лет, Германия разработала для русских подданных совершенно новую систему контроля за въездом на территорию Германии и установила строгий документальный, пограничный и транзитный надзор. Все сезонные работники должны были покидать страну каждый год в ноябре и не имели права возвращаться до следующей весны. Кроме того, была разработана строго контролируемая транзитная система для русских подданных, эмигрировавших за границу. Созданная при помощи немецких пароходных линий, эта система почти закрыла для любых эмигрантов возможность остановиться и остаться в Германии вместо того, чтобы продолжить свое путешествие или вернуться в Российскую империю. Эта система позволила Германии получать дешевую рабочую силу без долговременной иммиграции (которая, как опасались, могла привести к появлению в Германии нежелательных польских и еврейских иммигрантов).

Россия отреагировала на эти меры новым, более строгим контролем за немецкой и в целом иностранной иммиграцией в Российскую империю. Однако политика поощрения городской миграции едва ли была затронута. Вместо этого, правительство избрало мишенью притязания иностранных подданных на владение землей в Российской империи. Серия мер, запрещавших иностранным гражданам получать землю во владение путем приобретения или наследования в западных пограничных областях, аннулировала один элемент Великих реформ в отношении иностранцев. Кроме того, в Сибири и на Дальнем Востоке Россия ввела свою собственную, сопоставимую с немецкой, систему для сезонных работников (гастарбайтеров) из Китая и Кореи.

Помимо этих исключений, концепции и практики, возникшие в эпоху Великих реформ, оставались удивительно неизменными и прочными вплоть до 1914 года. Этот краткий очерк истории *гражданства и подданства*, двух терминов и концепций, употреблявшихся для описания членства в Российской империи, выдвигает на первый план два очень важных момента. Во-первых, акцентирование водораздела 1917 года между эпохами *подданства* и *гражданства* может ввести в заблуждение. Резкий терминологический сдвиг скрывает то обстоятельство, что эти концепции существовали в обе эпохи. Во-вторых, поражает тот факт, насколько важной оказалась эпоха Великих реформ для придания существенного значе-

ния вопросам *подданства* и *гражданства*, поднимая их над значимостью вступления в социальные структуры. В-третьих, эволюция этих концепций привела к появлению в России традиции особенно сильного противопоставления *гражданства подданству* как полярно противоположных понятий. Последнее было особенно верным для термина *гражданство*, который в период до 1917 года использовался только для отсылки к идеальной модели равных прав и обязанностей индивидов перед законом, что было далеко от реальности. По иронии судьбы, этот термин внезапно заменил понятие *подданства* в 1917 году как альтернативный, даже без понимания его прежнего, идеального значения.

(Пер. с англ. Светланы Сергеевны Константиновой)

II

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Ингрид Ширле

Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке

В 1764 году Иван Иванович Бецкой констатировал в *Генеральном плане Московского Воспитательного дома*:

Известно, что в Государстве два чина только установлены: «дворяне» и «крепостные». Но как по привилегиям, жалованным сему учреждению от великодушной и премудрой Самодержицы нашей, воспитанники сии и потомки их вольными пребудут: то они следовательно составят третий чин в Государстве¹.

В России не было такой категории населения, которую можно было бы отнести к «третьему чину» — *третьему сословию* в западноевропейском смысле этого понятия², и даже сам вопрос о существовании сословий в допетровской Руси в историографии остается открытым³. Концепты трехсословной модели общества не нашли широкого распространения в России до XVIII века⁴. Именно с начала этого столетия об отсутствии третьего сословия рассуждали все чаще, особенно когда речь заходила об экономическом развитии городов. Кроме того, за этот недостаток Екатерине II приходилось оправдываться перед просвещенным сообществом: отсутствие третьего сословия использовалось как аргумент, чтобы причислить ее

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.957. С. 323. (11 Августа 1767 г.: Генеральный план Московского Воспитательного дома).

² В этом исследовании рассматриваются различные варианты обозначений, которые могли бы подойти для этой социальной общности, создававшейся в XVIII веке. В качестве аналитической категории в статье используется термин *сословие*.

³ Stökl G. Gab es im Moskauer Staat «Stände»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1963. Bd. 11. S. 321—342.

⁴ Пример использования троичной модели в XVI веке приводит К. Ерусалимский: *Ерусалимский К.Ю.* Понятия «народ», «Росия», «русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV — XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе / Дмитриев М.В. (Ред.) М., 2008. С. 137—169, здесь 166—167.

правление к деспотическим. Шарль Луи Монтескье писал в *Духе законов*:

La Moscovie voudrait descendre de son despotisme, et ne le peut. L'établissement du commerce demande celui du change; et les opérations du change contredisent toutes ses lois. [...] Le peuple n'est composé que d'esclaves attachés aux terres, et d'esclaves qu'on appelle ecclésiastiques ou gentilshommes, parce qu'ils sont les seigneurs de ces esclaves. Il ne reste donc guère personne pour le tiers-état, qui doit former les ouvriers et les marchands⁵.

Полемика вокруг этого «недостатка» и проекты создания третьего сословия во второй половине XVIII века стали в екатеринское царствование не только отдельной темой, но и задачей, которую императрице предстояло решить. Содержание проектов отражает заинтересованность в поиске новых возможностей для развития городов Российской империи и формировании «нового рода» людей⁶, способного в дальнейшем обеспечить экономическое процветание и подъем искусств и наук. Отличительной чертой этих проектов был вдохновленный западноевропейским опытом поиск русского аналога трехсословной модели или же понятия, которое бы могло стать обозначением некоего среднего сословия⁷.

⁵ *Montesquieu Ch.L.* De l'esprit des lois. Paris, 1748. Livre 22. Chap. 14; Перевод: «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма — и не может. Торговля, чтобы сделаться прочной, требует вексельных операций; но вексельные операции находятся в противоречии со всеми законами этой страны. [...] Народ там состоит из одних рабов — рабов, прикрепленных к земле, и рабов, которые называются духовенством или дворянством на том основании, что они — господа первых. Таким образом, в Московии нет третьего сословия, которое должно состоять из ремесленников и купцов». (*Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М., 1999). Эта глава отсутствует в первом полном издании *De l'esprit des lois* на русском языке. См.: *Монтескье Ш.Л.* О существе законов, творение господина Монтескье. Перевел с французского Д. Языков: В 4 ч. М., 1809—1814; указание на эту цитату в статье: *Griffiths D.* Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinean Russia // *Canadian American Slavic Studies*. 1979. Vol. 13. P. 452—472, here 453.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т.17. № 12.741. С. 974 (11 сентября 1766 г.: Именный, данный Сенату. — О напечатании и обнародовании нового Устава Кадетского Корпусу).

⁷ См. об этих проектах: *Лавринович М.Б.* Социально-политическая программа Екатерины: «третье сословие» как утопия русской истории // *Философский век. Альманах*. СПб., 2000. Вып. 12. С. 60—73; *Тарловская. В.Р.* Понятие «третий чин» и политика «просвещенного абсолютизма» в России // *Реформы в России, XVI—XIX вв.* Сборник научных трудов. М., 1992. С. 151—162.

Предложенный И.И. Бецким проект создания Воспитательного дома — лишь один пример реформирования этой сферы, нуждавшейся в принципиально новой языковой категории для обозначения социальных общностей. Наряду с педагогическим дискурсом создания новых определений с середины XVIII века требовали прежде всего законодательство и кодификационная работа разных комиссий.

Определение обязанностей каждого из сословий, их неотъемлемых прав и привилегий являлось составной частью программы «законной монархии»⁸. Именно через ее принципы самодержавие, репрезентовавшее себя как «европейская держава», формулировало фундаментальные законы⁹, предусматривавшие в том числе и социальное устройство, сравнимое с европейскими моделями. Собственно предметами рассмотрения комиссий и законотворчества являлись состав третьего сословия и способы организации города как пространства для обитания этого сословия. Наряду с поисками соответствующих категорий в языке, с начала 1760-х годов в проектах и законодательстве заметна потребность в слове, описывающем образуемые сословиями выборные корпорации. В связи с этим в русский язык через переводы транслировался западноевропейский понятийный аппарат, передававший соответствующую социальную иерархию. Над вопросами социальной иерархии размышляли авторы юридических, статистических и исторических трудов. Однако зачастую положение самих этих авторов не соответствовало тем категориям населения, рамки которых определялись традиционными правовыми нормами или социально-экономическими отношениями. Прежде всего для этих — новых — социокультурных элит требовалось создать подобающие обозначения.

В настоящей статье на примере проектов, предлагавших новое структурирование общества, рассматривается семантическое поле русского языка, связанное с социальной организацией в эпоху Екатерины II. Стремление обнаружить третье сословие было характерно для развития этого поля во второй половине XVIII века во многих отношениях. В целом в этом поле доминировала тенденция к поиску новой языковой категории, способной передать и социальный статус, и представления как о сообществе индивидов — с

⁸ *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.

⁹ Ср. статью С.В. Польского в настоящем сборнике.

одной стороны, так и о корпорации в целом — с другой. Такой эквивалент западноевропейского понятия *soslovie* в русском языке отсутствовал, что свидетельствует об ином понимании социальной действительности. Грегори Фриз применил к этой ситуации определение «orderless order» в значении «*sine ordines*» (лат.)¹⁰.

В вопросе о языковых лакунах интерес представляют сравнение словоупотребления в различных языках, процессы трансфера и переводы. Сложности, возникающие при переносе понятий из одного языка в другой, указывают на асимметрии или, скорее, иную семантику языка перевода. Поэтому уже для XVIII столетия необходимо всегда учитывать меняющиеся значения и инновации в семантических полях — результаты влияния других языков. Упомянутая «интернациональность» в создании понятий и многоязычие изобретавших их акторов для рассматриваемого случая имеют особенно большое значение. Некоторые из проектов, пропагандировавших третье сословие, были составлены на французском языке¹¹ или представляли собой перевод с этого языка, как, например, *Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина*. На русский язык это сочинение, принадлежавшее перу проживавшего в Москве француза М. де Буляра, перевел Денис Иванович Фонвизин (1745—1792)¹². Те же, кого не мог удовлетворить ни один из русских эквивалентов, могли пользоваться и французским оригиналом («*tiers état*»), помещая его в русский

¹⁰ Freeze G. The Soslovie (Estate Paradigm) and Russian Social History // American Historical Review 1986. Vol. 91. P. 11—36, here 15. Перевод статьи: Фриз Гр. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: антология / Дэвид-Фокс М. (Сост.) Самара, 2000. С. 127.

¹¹ См., например, проекты Дмитрия Алексеевича Голицына. Griffiths D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinean Russia // Canadian American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. P. 452—472, здесь 461—463 и его трактат: De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la révolution françoise. Brunswick 1796; в связи с этим нельзя не упомянуть о записанных по-французски рассуждениях императрицы, посвященных «*tiers-état*» (см.: Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 286; Griffiths D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness. P. 454 и статью С.В. Польского в настоящем сборнике).

¹² [Boulard M. de]. Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина // Архив кн. Воронцова. М., 1882. Т. 26. С. 315—324; Фр. оригинал: Précis de la noblesse française et sur l'utilité d'un tiers état par M. de Boulard. См.: Griffiths D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness. P. 458.

текст, подобно тому, как поступил в 1834 году Александр Сергеевич Пушкин¹³.

Анализ понятийных и семантических полей социального будет проведен далее в три этапа. На первом из них ставится вопрос о том, как социальные отношения транслировались в правительственное словоупотребление. С целью ответить на него в статье проводится сквозной анализ законодательства Екатерининского времени, то есть всех указов и манифестов с точки зрения языка, с помощью которого власть интерпретировала эту проблему, обращаясь к своим подданным. Вторым шагом будет изучение словоупотребления и определений *третьего сословия*, содержащихся в созданных в 1760-е и последующие годы проектах, а также рассмотрены прочие сферы, где использовались изучаемые здесь слова. В третьей части работы исследуется словоупотребление, характерное для *Наказа*, данного Екатериной II Уложенной комиссии. В центре внимания при этом находятся следующие вопросы: почему одни термины часто использовались, в то время как другие оставались за скобками; на основании каких критериев эти термины классифицировали социальное пространство, какие представления об иерархии и социальном порядке они в себе заключали.

В статье используется метод социально-исторической семантики, разработанный Рольфом Райхардтом, в сочетании с углубленным анализом законодательства как источника и дискурсивно-аналитическим подходом. Ключевые для данной работы источники — указы и манифесты — дополняются текстами из иного, но близкого дискурсивного поля — проектами о создании третьего сословия. Здесь мы исходим из допущения, что эти импульсы, возникавшие внутри лексического запаса и сопровождаемые перемещением в Россию модели, не отвечавшей ее социальной действительности, в русском языке привели в движение семантическое поле социального¹⁴.

¹³ Разговор Пушкина с Князем Михаилом Павловичем // Пушкин А.С. Дневник. 22 декабря 1834 / Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В. 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 334: «Что касается tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства?». Указание на эту цитату см. в книге: Zakharine D. Von Angesicht zu Angesicht: der Wandel direkter Kommunikation in der ost- und westeuropäischen Neuzeit. Konstanz, 2005. S. 363.

¹⁴ Reichardt R. Einleitung // Idem., Schmitt E. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680—1820. München, 1985. H. 1/2. S. 39—

В избранную для анализа эпоху семантическому полю социальной стратификации были свойственны определенные структуры и динамика. В указанном поле доминировали слова, определявшие статус подданных и классифицировавшие отдельные категории населения по различным признакам. Проекты в разных областях — от педагогического дискурса, настаивавшего на воспитании *граждан*, и планов создания третьего сословия до учреждения сословных выборных корпораций — только замыслили новые общности, лишь ожидавшие своего создания. На передний план в них выдвигалось представление о союзе индивидов и описывался не просто статус отдельного лица, но и его отношение ко всему порядку.

Возникавшие при этом обозначения отличались большим многообразием. Для передачи новых смыслов в русском языке второй половины XVIII века использовались многочисленные варианты слов: *чин, род, стан, состояние* и т.д., иерархически ранжированные как *третий* или *средний*. Примеры заимствований, например слова *станы* из польского языка¹⁵, или создания неологизмов — вроде *чиносостояние*¹⁶ — показывают, что полученные «по наследству» слова не могли служить новым целям. Для этих общностей, лишь ожидавших своего создания, были необходимы языковые категории, характеризующие, по словам Райнхарта Козеллека, большим «горизонтом ожидания»¹⁷. Содержание понятия *третье сословие* было предметом различных толкований, но то, что «сей третий чин

148; Busse D. Begriffsgeschichte oder Diskursgeschichte? Zu theoretischen Grundlagen und Methodenfragen einer historisch-semantic Epistemologie // Dutt C. (Hrsg.) Herausforderungen der Begriffsgeschichte. Heidelberg, 2003. S. 17—38; Steinmetz W. 40 Jahre Begriffsgeschichte — The State of the Art // Kämper H., Eichinger L.M. (Hrsg.) Sprache — Kognition — Kultur. Berlin, 2008. S. 174—197.

¹⁵ См.: Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный В.Н. Татищевым. СПб., 1793. Ч. 2. С. 121: «Преимущество дворянское пред прочими станы: духовенством, купечеством и подлостью состоит в том, ...» Об этом лексиконе, написанном еще в 1745 году, см.: Биржакова Е.Э. Специальные словари // Она же. Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 33—37, здесь 35—36.

¹⁶ Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века (гражданин, сословие, гражданское общество): Дисс. ... канд. фил. наук. Л., 1972. С. 108.

¹⁷ Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Он же. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M., 1992. S. 64—66; Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI—XX века: сборник научных работ. СПб., 2006. С. 33—53.

не трудно учредить в России», как утверждал де Буляр в *Кратком изъяснении о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина*¹⁸, у многих вызывало сомнения.

Социальные категории в правительственном языке

«каких чинов люди»¹⁹

В законодательстве этой эпохи невозможно найти главное понятие, воплощавшее социальный порядок. Если изданные от имени Ее Величества или Сената предписания касались отдельных групп населения, то последние именовались *дворянами, купцами* или *мещанами*. Собираательные обозначения отсутствовали²⁰. Для самоидентификации при указании социальной принадлежности среди, например, дворянства преобладал вариант «из дворян»²¹. Распределение по группам происходило по правовым или социально-экономическим критериям.

Классификация подданных императрицы выявляется прежде всего в результате «записи» в те или иные категории населения, обозначавшиеся словами *звание* или *состояние*²². Кроме того, формально употреблявшиеся определения в родительном падеже, — например, «какого чина и звания ни был» или «какого они звания ни были», — подчеркивали общую значимость того или иного предписания для подданных. Так, в 1765 году последовало увещевание с призывом отправиться к исповеди: оно касалось всех — «всякого звания и чина, мужеска с женска пола»²³. В качестве главной цели деятельности своего правительства Екатерина II указывала «благоденствие моих подданных, какого они звания ни

¹⁸ Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина // Фонвизин Д.И. Собр. соч. М.; Л., 1961. С. 115.

¹⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12.003. С. 481 (30 декабря 1763 г.: Сенатский. — О непринимании в Астрахани из других городов сходцов и о незаписывании их в купечество).

²⁰ На это прежде указывал Гр. Фриз. См.: Freeze G. The Soslovie (Estate Paradigm) and Russian Social History. P. 15 (перевод статьи: Фриз Гр. Сословная парадигма и социальная история России. С. 127).

²¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11.621. С. 25 (19 июля 1762 г.: Именной, последовавший га доклад Сената. — О предоставлении Придворной Конторе власти увольнять придворные чины от службы с награждением,...).

²² САР. СПб., 1792. Т. 3. Стб. 113: *Звание* «2) Состояние, чин, должность».

²³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.483. С. 346 (30 сентября 1765 г.: Сенатский.

были»²⁴. Формулы, обозначавшие статус, ставили индивида в то или иное отношение к общему порядку. При этом отдельные обозначения социальной стратификации описывали различные варианты категоризации. *Чин* и *звание* могли выступать как в единственном числе, так и во множественном, изолированно или в комбинации друг с другом. Вплоть до середины столетия преобладало слово *чин*, впоследствии в статусной формуле его дополнило слово *звание*. Двойные формулы, в которых используется *звание*, становятся более частыми в употреблении с середины века и свидетельствуют о необходимости более серьезной дифференциации социальных групп в соответствии с родом их занятий. Одного только *чина* уже не было достаточно, чтобы охватить все категории населения. Необходимость в такой дифференциации возникла потому, что правительство стремилось регулировать все больше сфер жизни. Так, например, указы 1762 года, регулировавшие «правила перевозок» по Санкт-петербургскому тракту и создававшие тем самым пространство, где сталкивались представители всех социальных групп, были обращены ко всем проезжающим, «какого бы они чина и звания ни были»²⁵. *Состояние* как элемент статусной формулы стало употребительным с 1760-х годов.

Самая высокая частотность в употреблении и самый большой охват характеризуют слово *чин*. О его продуктивности и доминировании его семантического поля свидетельствуют такие его производные, как *разночинцы*²⁶, *чиновник*, *чиновные*, и *бесчиновные*²⁷. Употребление слова *чин* и множественного числа *чины* было отражением социальной стратификации, свойственной XVII веку²⁸.

²⁴ Собственноручное наставление Екатерины II. Князю Вяземскому при вступлении коим в должность Генерал-Прокурора (1764) // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 346.

²⁵ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.535. С. 1005 (15 мая 1762 г.: Сенатский. — О публикации во всех Губерниях и Провинциях, чтоб проезжающие по Санктпетербургскому тракту ямщикам обид, тае и ямщики проезжающим никаких оскорблений не причиняли).

²⁶ См.: Becker Ch. Raznochintsy: Development of the Word and the Concept // American Slavic and East European Review. 1959. Vol. 18. P. 63—74.

²⁷ САР. СПб., 1794. Т. 6. Стб. 755: «*Чиновный*, ная, ное. прил. Имеющий чин известной уставленной степени. *Человек чиновной*»; Стб. 755: «*Безчиновный*, ная, ное. прил. Неимеющий чина. *Купцы, мещане, рукодельники суть люди безчиновные*»; Чиновник, ка, с.м. «1) Человек честию какою, чином, достоинством почтенный. Над ними поставы три чиновники, ...».

²⁸ Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики. С. 75—76, см. также: Ерусалимский К.Ю. Понятия «народ», «Россия», «русская земля» и социальные дискусы. С. 167—168.

Одновременно существовали и «новые» *чины*, соответствовавшие *Табели о рангах* с ее разнообразной служебной иерархией.²⁹ Статусные формулы типа «всяких чинов люди» или «какова чина есть» могли подразумевать как высших должностных лиц, так и представителей любой другой категории населения³⁰. Слово *чин* чаще всего встречается в формулах такого рода, а также выступает в качестве обозначения служебных рангов, таких как «воинские чины»³¹ или «приказные чины»³². *Чин* служил, кроме того, русским эквивалентом для описания социального устройства других государств³³. Он мог с успехом передавать как сословно-правовое, так и государственно-правовое значение западноевропейского понятия о сословии. Конструкция «государственные чины» употреблялась, например, для перевода немецких *Reichsstände*³⁴ французских *ordres de l'état*³⁵ или для описания политического строя Речи Посполитой:

²⁹ См.: Bennett H.A. Evolution of the Meanings of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik Revolution // California Slavic Studies. 1977. Vol. 10. P. 1—43.

³⁰ Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики русского. С. 75—76.

³¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14.577. С. 497 (9 февраля 1777 г.: Указ из Военной Коллегии. — Об учреждении в С. Петербурге Кригсрехта для производства суда над военными чинами полевых полков, квартирующих в столице).

³² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.510. С. 982 (20 апреля 1762 г.: Высочайше утвержденный доклад Сената. — О производстве в Секретари приказнослужителей не из Дворян): «в Секретари произвождение чинить из приказных чинов, кои не из Дворян, а в службе находятся без подозрения».

³³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14.271. С. 78 (15 марта 1775 г.: Акт, учиненный с Польским Королевством, в следствие трактата 18 сентября 1775 года. — О торговле и о разных постановлениях): «из трех чинов составлен будет: Король, Сенат, Рыцарский чин».

³⁴ См., например, «Некоторые чины Немецкого государства изтребовали себе особливый грамоты для того, ...» (Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех званий касающихся до государственного благочиния. Сочинил И.Г.Г. Юсти, а с Немецкого на Российский язык перевел И. Бораевский. СПб., 1772. Кн. 1, ч. 2. С. 635); нем. оригинал: «Ein Theil der Reichsstände ließ sich Privilegia geben, ...» (Justi J.H.G. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten; oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policey-Wissenschaft. Königsberg; Leipzig 1760. Bd. 1. § 846. S. 744); [Нордстет И.] Российский, с немецким и французским переводами словарь: В 2 т. СПб., 1782. Т. 2. С. 866.

³⁵ См. в переводах: Montesquieu Ch.L. De l'esprit des lois. Livre 5, chap. 11: «Il est rare que les ordres de l'état soient entièrement corrompus» [Монтескье Ш.Л.] О разуме законов. Сочинение господина Монтескюя. Переведен с Французского В. Крамаренковым. СПб., 1775. Т. 1. Кн. 5. Гл. 11: «Весьма редко бывает, что бы Государственные чины вовсе повредились.»

«Собравшиеся на Сейм Государственные Чины»³⁶. Далее, по сфере своего употребления *чин* совпадал с понятием *ordo* и разграничивал светское и духовное состояния³⁷, а начиная с XVIII века еще и отделял друг от друга гражданское и военное³⁸. Это членение на функциональные группы обнаруживается в формулировках наподобие следующей: «верноподданных, как духовного, так мирского, военного и гражданского чина и всякого звания людей, кроме пашенных крестьян, [...] к той присяге приводить сего Июня», отражаясь также в иерархии церемониала присяги новой правительнице в 1762 году³⁹.

Чин вообще был важным элементом символической репрезентации социального порядка. Указания на соответствующую иерархию возникали прежде всего в тех случаях, когда последняя нарушалась. В 1766 году процедура выборов дворянского предводителя одного из уездов регулировалась «не по преимуществу чинов, но по тому, как кто прежде в город прибыл»: именно в этом порядке каждый получил «по шарiku»⁴⁰. Также и здесь мы видим исключение: полученный по службе «чин» не был преимуществом при определении очередности. А во время визита Екатерины II в Орел «члены дворянства» допускались «к руке» императрицы не «по чинам», а «по порядку присутственных мест»⁴¹.

³⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 13.198. С. 770 (18 ноября 1768 г.: Манифест. — О начатии войны с Оттоманскою Портою): «Собравшиеся на Сейм Государственные Чины».

³⁷ *Чин* как перевод латинского *ordo* см., например, в переводе папской буллы 1784 года:

ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 15.982. С. 108—109 (17 апреля 1784 г.: Именный, объявленный Графом Остерманом Генерал-Прокурору. — О воследовавшем от Ея Императорского Величества утверждении Папских Булл, касательно устройства Духовных властей Римско-Католического исповедания в Российской Империи): «...коей бы Епископ, нетоко то, что Епископского чину исправлял,...» лат.: «cujus Episcopus non modo ea, quae sunt ordinis Episcopalis, exerceat, ...».

³⁸ Oexle O.G., Conze W., Walther R. Artikel: Stand, Klasse // Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 155—284.

³⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11.591. С. 8 (3 июля 1762 г.: Сенатский, в следствии Манифеста о вступлении Императрицы Екатерины II, на Престол. — О приведении всех подданных к присяге).

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.801. С. 1099 (14 декабря 1766 г.: Именный, данный Сенату. — Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную Депутатов).

⁴¹ Церемониал шествия Ее Императорского Величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны через Орловскую губернию в С.-Петербург в 1786 г., на возвратном пути ее величества из разных пределов России. С. 42.

Чин играл первостепенную роль также и при формировании социальных групп в ходе законодательных работ в 1760-е годы. Предпринятые комиссиями попытки кодификации права требовали пересмотра социальной терминологии или же создания понятий-неологизмов. Среди определений, дававшихся в проекте нового Уложения (1754—1766), в редакции 1762 года, социальная организация представлялась следующим образом:

Глава 1. О разном состоянии. Все подданные в государстве не могут быть одного состояния. Природа, заслуги, науки, промыслы и искусства разделяют их на разные в государстве чины, из которых каждый чин имеет особое свое звание приличное преимуществу и право, от которых благополучия их единственно зависят⁴².

Состояние в соответствии со своим основным значением описывало вообще статус подданных. Исходным пунктом было неравенство, выводившееся из природой данных различий, а также различных областей деятельности и достижений людей. «Чин» применялся ко всем категориям населения, разделенным в соответствии с различными правами, а дополнение «в государстве» свидетельствовало о расширении значения по отношению к понятию о служебном чине. Социальную функцию каждого в отдельности «чина» в этом примере передает «звание»⁴³. Даже если «науки, промыслы и искусства» подразумевали группы городского населения, речи о или третьем сословии здесь не было. Лишь преимущественное положение дворянства определялось как отличительный признак цивилизованного государства: «Во всех же благоустроенных государствах премудрые правители, на разные чины разделяя свой

⁴² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. СПб., 1887. С. 1.

⁴³ См. определение звания в *Опыте российского сословника* 1783 года Фонвизина: «Звание есть должность, в службе отправляемая, или место, в службе занимаемое. Чины суть степени чести, на которые государь достойных людей возводит. Сан есть верховное достоинство, сопряженное с важнейшим государственным служением. [...] В звание определяют, чином жалуют, саном облачают» (Фонвизин Д.И. *Опыт российского сословника // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*. М., 1952. С. 240—241). В то время как «чин» и «чины» сочетались с «достоинством», «звание» определяло деятельность и функцию индивида. В приведенном у Фонвизина перечислении «звание, например, заседателя, председателя, предводителя» находится внутри системы «чинов».

народ, не без причины первое место благородному дворянству определили»⁴⁴.

Проекты создания третьего сословия

*Тщетно бы ласкали мы себя желанием вскорее завести третий или средний чин народа*⁴⁵.

Третье сословие было не случайным пунктом в отдельном проекте, а предметом постоянных размышлений в ходе законодательной работы с начала 1760-х годов. Ее задачей было распределение подданных Ее Величества по различным категориям и утверждение новой иерархии: «среднее» и «низшее» состояния стали в законодательных проектах расхожими величинами.

Проекты о создании третьего сословия использовали самые разнообразные термины: наряду с *чином*, *званием*, *состоянием* в них впервые возникает слово *род* для обозначения социальных групп. Анализируя терминологию этих проектов социальной стратификации, необходимо ответить на вопросы о том, какие критерии различия то или иное определение принимало как наиболее значимые. Кроме того, исследуя неологизм *третий чин*, следует установить, какие группы населения предполагалось отнести к создаваемому сословию и кого вообще описывало это новое языковое явление. Само его место в иерархии, колебавшееся между «третьим» и «средним» сословиями, можно в целом считать новинкой в русском контексте. Что выражалось прежде символически — преимущественно в порядке чинов — или же вообще не обсуждалось, теперь требовалось уложить в рамки понятий.

Важная одна сфера применения концепта третьего сословия лежала в рамках педагогического дискурса и связанного с ним контекста учреждения воспитательных домов. За написание соответствующих проектов в 1760-е годы отвечал И.И. Бецкой. Согласно его утверждению, в России имеются лишь «два чина» — дворянство и крестьянство. Сравнивая с другими странами, он писал:

⁴⁴ Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 174.

⁴⁵ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.741. С. 988 (11 сентября 1766 г.: Именный, данный Сенату. — О напечатании и обнародовании нового Устава Кадетского Корпуса).

Другие, из подлости к наукам взятые, такие весьма скоро успевали в оных, то скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились, от чего и людей такого состояния, которое в других местах *третьим* чином или *средним* называется, Россия до сего времени и произвести не могла⁴⁶.

В этом тексте иерархия — «третий» или «средний чин» — маркирована как «чужая» и «новая». Бецкой употреблял слово *чин* расширительно, применяя его также и к крестьянству. Решающим критерием для определения принадлежности к «третьему чину» был вопрос о личной свободе («вольности») принадлежащих к нему, например, питомцев Воспитательного дома⁴⁷. В концепции Бецкого «отменное воспитание» было прямой дорогой к «третьему чину». Уходящая от критериев социальной принадлежности, определяемой рождением, логика этого построения подсказывает, что этот «чин народа», в отличие от образца — европейской модели, только подлежал учреждению: «В чужих Государствах “третий чин” народа, заведенный уже за несколько веков, продолжается из рода в род. Но как здесь сей чин еще не находится, то мнится, в оном и нужда состоит»⁴⁸. Прибавление «народа» отделило социальную группу («чин народа») от чинов и их носителей.

Наряду с образованием существенное место в обсуждении занимал принципиальный вопрос о границах экономической деятельности отдельных групп городского населения и вообще третьего сословия. В этой дискуссии первостепенное значение имели труды основанной в 1763 году Комиссии о коммерции, находившейся под контролем самой императрицы⁴⁹. Членам Комиссии было представлено сочинение де Буляра *Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьяго чина* в

⁴⁶ ПСЗ Собр. 1-е. Т. 16. № 12.103. С. 669 (22 Марта 1764 г.: Высочайший утвержденный доклад Академии Художеств Главного Директора Генерал-Поручика Бецкого. — О воспитании обоего пола).

⁴⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.957. С. 323 (11 Августа 1767 г.: Генеральный план Московского Воспитательного дома).

⁴⁸ Там же. С. 302.

⁴⁹ Daniel W.L. The Merchantry and the Problem of Social Order in the Russian State: Catherine II's Commission on Commerce // SEER. 1977. Vol. 55. P. 185–203, here 186; О деятельности Комиссии, распущенной лишь в 1796 году, см.: Lappo-Danilewski A. Die russische Handelskommission von 1763–1796 // Höttsch O. (Hrsg). Beiträge zur russischen Geschichte. Theodor Schieman zum 60. Geburtstage von Freunden und Schülern dargebracht. Berlin, 1907. S. 176–213.

переводе Д.И. Фонвизина, передавшего «tiers-état» как «третий чин»⁵⁰.

В остальном в этом дискурсивном поле доминировал поиск альтернативных слов и экономически обоснованных категорий, указывавших путь к иному социальному устройству. Ответственным лицом в Комиссии был Григорий Николаевич Теплов (1717—1779). Начавший свою карьеру переводчиком при Академии наук, он переводил с французского и для Комиссии о коммерции⁵¹. В своей записке *О коммерции* он употреблял, с оглядкой на Европу, различные заимствованные слова⁵². Его концепция сильного купечества, чей статус покоился бы на привилегиях, а не на тягле и повинностях — «чтоб они больше у нас свободы и почтения имели», — была направлена на формирование альтернативных сословных конструкций и развитие городов по западноевропейскому образцу. Обычные, употреблявшиеся в то время термины едва ли позволяли отразить эту концепцию должным образом, поэтому Теплов использовал слова, заимствованные из разных языков: из польского — «третий стан людей, т.е. мещанский», из французского — «класс»⁵³.

Мы имеем, так как и у других наций, у себя «в себя» в городах класс людей, которых мы мещанами называем в городах, и кои третьим классом между дворянским и крестьянским состоят в государстве, а сей класс составляют купцы, которые обыкновенно имя носят посацких⁵⁴.

⁵⁰ В состав комиссии вошли такие видные государственные деятели, как статс-секретарь Г.Н. Теплов, сенаторы И.И. Неплюев и князь Я.П. Шаховской, вице-президент Юстиц-коллегии ливонских, эстляндских и финляндских дел Тимофей фон Клингштедт (Timotheus von Klingstädt), директор над таможами Эрнст Миних и др. см.: *Троицкий С.М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // *Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию Л. В. Черепнина.* М., 1975. С. 226—236, здесь 226—229.

⁵¹ *Lappo-Danilewski A.* Die russische Handelskommission. S. 192; о Теплове см.: *Daniel W.L.* Grigori Teplov: a statesman at the court of Catherine the Great. Newtonville (Mass.), 1991.

⁵² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 32. Л. 7—38; *Троицкий С.М.* Дворянские проекты. С. 227—228.

⁵³ *Класс* как социальный термин впервые получил употребление в учении физиократов. vgl. *Piguet R.-F.* Classe. Histoire du mot et genèse du concept des Physiocrates aux Historiens de la Restauration. Lyon, 1996; ср. также статью О.Б. Леонтьевой в настоящем сборнике.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.

Предложения Теплова, хотя и нашли сочувствие у других членов Комиссии, не были осуществлены правительством. Слово *стан* впоследствии использовалось лишь для описания специфических польских условий.⁵⁵ *Класс* как термин *Табели о рангах* получил хождение еще в начале века как служебно-чиновный разряд. В качестве обозначения социальных общностей, для которых определяющим фактором у Теплова служили их экономические функции, распространение в дальнейшем получило слово *класс*. У него сложились области применения, подобные тем, что были у слова *сословие*, однако, в отличие от последнего, слово *класс* в этом значении не вошло в язык законодательства⁵⁶.

Средний род в Наказе Екатерины II и в трудах Уложенной комиссии

«О среднем роде людей»⁵⁷

В ходе работы екатерининской Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767—1771) в употребление вошел новый термин, обозначавший социальные категории, — *род*, множественное число *роды*, а в некоторых контекстах к нему прибавлялось определение *государственные*. *Род* с его основным значением «вид» как обозначение социальных групп вошел в *Наказ* Екатерины II (1767), словоупотребление которого решающим образом отразилось в работе всей законодательной Комиссии и ее частных комиссий⁵⁸.

В *Наказе* скомпилированы многочисленные заимствования из западноевропейской литературы по государственной теории и

⁵⁵ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 17.141. С. 444 (11 июля 1793 г.: Трактакт заключенный в Гродно между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою и Его Величеством Королем и Яснейшею Речью Посполитою Польскими): «В следствии чего Его Величество Король Польской, как за Себя, так и за преемников Своих, и Чины и генеральные Станы Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго уступают сим трактатом...»

⁵⁶ См.: *Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики. С. 106; *Биржакова Е., Воинова Л., Кутина Л.* Очерки по исторической лексикологии. С. 329.

⁵⁷ *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения* / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6—7.

⁵⁸ *Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики. С. 91—93; см., например, предложение в Комиссию, читано 29 апреля 1768 года, «...надлежит судей выбирать ото всех родов в оном городе живущих людей,...» (Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 32. № 17. С. 386).

полицейскому праву. При переложении на русский оригинального текста *Наказа*, написанного Екатериной II по-французски, от переводчика Григория Васильевича Козицкого потребовались большие творческие усилия, поскольку стандартизированные эквиваленты в русском языке отсутствовали. Коротко бросив взгляд на семантическое поле социальной стратификации в *Наказе*⁵⁹, обнаружим, что для обозначения социального статуса в нем использовались в основном двучленные выражения вроде «какого чина и состояния ни был»⁶⁰. Через слово *состояние* — перевод французского *condition* — вводился социо-экономический критерий классификации населения по категориям⁶¹. Определяемое с правовой точки зрения различие сословий — французское *ordre* — в переводе передавалось «между чинами»⁶². Описывая отдельные социальные группы, *Наказ* обозначал «дворянство» как «достоинство» и давал определение «дворянскому званию». «Достоинство» подчеркивало заслуги дворянства как основание для его привилегированного положения и самого присвоения этого звания. «Звание» описывало специфически дворянские сферы деятельности, такие как «военное искусство». Дворянство, кроме того, определялось как «род», как состояние по рождению, чьи привилегии уходили корнями в заслуги благородных предков:

Похвала и слава, особливо тому роду, который между предками своими считает более таких людей, кои украшены были добродетелями, честью, заслугою, верностию и любовью к своему отечеству, следовательно и к Государю⁶³.

⁵⁹ Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762—1796): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2001. Гл. 2.

⁶⁰ Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 561.

⁶¹ Биржакова Е.Э., Воинова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 328—329; [Нордстет И.]. Российский, с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1782. Т. 2. С. 764: «Состояние, der Stand, Zustand, die Beschaffenheit, l'état, la condition».

⁶² Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 243.

⁶³ Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 374. В французском переводе *Наказа* «род» переводится «famille». См.: четырехязычное издание: Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторья, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1770.

Непосредственно к этой статье примыкает глава XVI *Наказа* — «О среднем роде людей», во французском варианте — «De l'Etat mitoyen». Единственной категории населения, которую только предстояло создать, в *Наказе* посвящена целая глава, и небезосновательно, как следует из статьи 378:

Сей род людей, о котором говорить надлежит, и от которого государство много добра ожидает, естли твердое на добронравии и поощрении основанное положение получит, есть средний⁶⁴.

В качестве французского эквивалента слова «род» здесь находим «état». Полисемия слова *род* проявляется в обозначении с его помощью в *Наказе* также и различных «родов» вещей (фр. «*classe*»)⁶⁵, и «человеческого рода» в целом⁶⁶, таких частичных групп, как рода дворянства или «средний род людей». Последний следующим образом определяется в статье 380:

К сему роду людей причесть должно всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах⁶⁷.

Определение «среднего рода» покоилось на отрицательном разграничении «ни—ни», чтобы вслед за этим перечислить различные сферы деятельности. «Срединности» в этой форме социальной дифференциации придавалось особое — балансирующее между обеими большими группами — значение⁶⁸. В этом контексте слово *средний* подчеркивало соединительную функцию, присущую, по мысли императрицы, этому формирующемуся сословию. Содержательно *Наказ* следовал в этой главе представлениям об экономическом сильном городском гражданстве, разработанном в трудах профессора Геттингенского университета Иоганна Генриха Готлиба

⁶⁴ Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 378. О немецких источниках статей о городах и о среднем роде в *Наказе* см.: Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762—1796): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2001. Гл. 2.

⁶⁵ Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 222.

⁶⁶ Там же. Ст. 249.

⁶⁷ Там же. Ст. 380.

⁶⁸ В той же статье *Наказа* наряду со «средним» употреблен в качестве синонима вариант «третий род». В французском переводе *Наказа* употребляется «état mitoyen».

Юсти (1717—1771)⁶⁹. Так же как и у Юсти, в других статьях *Наказа* общее определение групп, которые должны были составить «средний род», было сужено до «мещан», под которыми подразумевались лишь жители города, владевшие в нем недвижимой собственностью⁷⁰. Эти колебания в определении нашли впоследствии свое отражение в двойной формуле «средний род или мещане».

Терминология *Наказа* легла в основу предписаний, созданных для организации работы частных комиссий. *Начертание*, следуя *Наказу* как образцу, произвело разделение «всех жителей на разные роды» и сформулировало задачи частной комиссии «О государственных родах», определив их как «разбор сим трем Государственным родам и точное постановление приличных им прав и выгод»⁷¹.

Каждой из этих трех главных социальных групп была посвящена одна рубрика: «Член I — О дворянстве. Член II — О среднем роде. Член III — О нижнем роде». При таком типе иерархии о *первом сословии* речи не было, такой вариант не был возможен. Этому можно привести несколько объяснений. В отличие от «среднего рода» «дворянство» как коллективное понятие могло описывать как статус, так и группу людей. Здесь имело место широкое видовое понятие, описывавшее эту категорию населения как целое. К тому же словосочетание *первый род*, особенно в комбинации с определением «государственный», могло бы, как это и было в устроенных по сословному принципу обществах, подразумевать и политический аспект, давая основания для притязаний на власть, не предусматривавшихся абсолютистским государством. Для *среднего рода* такое обобщающее понятие отсутствовало, поскольку оно, со всей очевидностью, должно было охватывать не только «городских жителей», но и описывать группу населения, сосредоточивавшую в

⁶⁹ Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства. Гл. 2; об употреблении *Stand* и *Klasse* у немецких камералистов см.: Oexle O.G., Conze W., Walther R. Artikel: Stand, Klasse // Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1990. Vol. 6. S. 214—216.

⁷⁰ Наказ императрицы Екатерины II. Ст. 394.

⁷¹ Начертание о приведении к окончанию комиссии проекта нового Уложения / ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 13.095. С. 510 (8 апреля 1768 г.). *Начертание* было написано Екатериной II. на основе материалов, составленных директором дневной записки А.П. Шуваловым. См.: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II для Законодательной комиссии 1767—1774 гг. // Русский архив. 1917. Кн. 2/3. С. 1—21. Я благодарю Г.О. Бабкову за эту информацию.

своих руках различные функции и сферы деятельности⁷². Как следствие, комиссия «О государственных родах» должна была дать объяснения по следующим пунктам:

1. Что есть средний род? 2. Как в оный вступать? 3. На сколько званий оный разделяется? 4. Какие выгоды каждое звание может иметь?⁷³

Подробно останавливаясь на правах «среднего рода», авторы *Начертания* — Екатерина II и Андрей Петрович Шувалов — вовсе не сочли обязательным заключать их в рамки «преимуществ градских»⁷⁴. Новое видовое понятие должно было вобрать в себя правовое определение городских жителей наряду с их подразделением на различные сферы деятельности, выразившиеся словом *звания*.

Насколько сложным делом была классификация различных категорий населения по указанным «родам», можно судить по самому *Начертанию* и прошениям, поступившим от депутатов. Так, например, казачьи войска «по нынешнему их состоянию, они не сходятся ни с которым из вышепомянутых родов»⁷⁵. Существовавшее на основании подтвержденных привилегий «состояние» — в данном случае казачьи войска — не попадали под трехчленную модель «родов». Поэтому в ходе работы Комиссии был разработан отдельный проект «О правах войск казачьих»⁷⁶. Здесь нашла свое выражение принципиальная проблема: определяемое правами *состояние* и определяемое сферой занятий разнообразие групп с большим трудом вписывались в трехступенчатую модель. Только в случае дворянства его *род* совпадал с правовым положением. Поэтому ему и не потребовалось никакой абстрактной языковой категории, и заголовок в *Начертании* так и звучал: «О дворянстве»⁷⁷.

Проект, выработанный в результате комиссией «О государственных родах», конкретизировал понятие о городских жителях с помощью двучленной формулы «средний род людей или мещане»⁷⁸. Такая формула соединила трехсословную модель с подразделением городских жителей на «классы». Одни лишь «мещане» не мог-

⁷² «Нижний род» также был разделен на разные группы.

⁷³ Начертание. С. 509.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Начертание. С. 510.

⁷⁶ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 235—246.

⁷⁷ Начертание. С. 508.

⁷⁸ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 179.

ли служить обозначением всему создаваемому сословию, подобно тому как собирательное слово *мещанство* не могло быть параллельной конструкцией к *дворянству*, поскольку в последнем случае отсутствовали как четко очерченный статус, так и представление о группе как целом⁷⁹. Наряду с «мещанами», в соответствии с этим проектом, к «среднему роду» должны были относиться, «не быв дворянами», все воспитанники «училищ и воспитательных домов»⁸⁰.

Определения, отличные от предложенных в проектах Комиссии о коммерции и в *Наказе* Екатерины II, использовал в своих трудах правовед Алексей Яковлевич Поленов. Для обозначения социального статуса и сословия слову *род*, указывающему на происхождение, он предпочел *состояние*. Помимо своего знаменитого сочинения *О крестьянском состоянии*, поданного им на конкурс, организованный Вольным экономическим обществом, концепцию *среднего состояния* он развивал в трактате под названием *Исследование, поскольку может быть полезно порядочное среднего состояния учреждение*⁸¹, представленном Уложенной комиссии в 1767 году. В отличие от других авторов, разрабатывавших этот концепт, Поленов не происходил из знатного рода. Солдатский сын, выучившийся в университетах Страсбурга и Геттингена, А.Я. Поленов сумел получить должность секретаря Сената⁸². Используя в своих сочинениях телесную метафору для описания общества, он критически рассматривал отсутствие в России *среднего состояния*: без него у общества его есть голова и ноги, но нет туловища⁸³. Свое сочинение он предварил вступлением, где аргументировал природное равенство всех людей с точки зрения естественного права. В европейских странах, писал он, «тройное состояние людей: дворян,

⁷⁹ О слове *мещанство* см.: Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке 18 века. Л., 1975. С. 91; Hildermeier M. Was war das meßcanstvo? Zur rechtlichen und sozialen Verfassung des unteren städtischen Standes in Russland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 36. S. 15—53.

⁸⁰ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 179.

⁸¹ См. текст Поленова в статье: Белявский М.Т. Неизвестная работа А.Я. Поленова // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1967. С. 93—96.

⁸² Berelowitch W. Aleksej Jakovlevič Polenov à l'université de Strasbourg (1762—1766). L'identité naissante d'un intellectuel // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43. P. 295—320.

⁸³ Griffiths. D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness. P. 460.

мещан и крестьян» в действительности существовало. Необходимость учредить и в России «среднее в обществе состояние» Поленов связывал с «новой» социальной терминологией, возникшей под влиянием естественного права, — понятиями *общество* и *состояние*. «Фактическое состояние» он описывал с помощью слова *чин*: «Дабы яснее видеть, сколь нужно среднее состояние людей, то требуется только основательно рассмотреть назначение каждого из чинов»⁸⁴. Это *состояние* должно было составить *мещанство*, то есть городские обитатели недворянского и некрестьянского происхождения, занимающиеся торговлей и ремеслами. В проекте Поленов предлагал и способы к тому, «как можно завести мещанство и, дав им приличные по примеру других европейских народов вольность, возбудить к трудолюбию»⁸⁵. Поленов использовал собирательное слово *мещанство* параллельно к конструкции *дворянство* и разработал целый ряд способов повышения культурного уровня и социального престижа будущего *среднего состояния*. Согласно его предложениям, крестьяне, занимающиеся в городе ремеслами, должны записываться в «мещанство», а все жители города — по примеру университетского города Страсбурга — должны состоять в гильдиях и цехах. В будущем, в соответствии с определением *состояния* как сферы деятельности и принципом строгого профессионального разделения, крестьянам и солдатам вступление в это *состояние* следовало запретить. Так, у Поленова усвоенное у физиократов представление о преобладающем значении сельского хозяйства согласовывалось с проектом создания *среднего состояния*⁸⁶. Предложения Поленова не нашли поддержки в Комиссии, где преобладали дворяне и чиновники. *Среднее состояние*, как его понимал Поленов, могло стать взрывоопасным для существовавшего социального порядка, создав угрозу дворянским привилегиям⁸⁷. Однако как термин социальной организации, указывавший на различия в экономических функциях, сфере деятельности и финансовом положении, «состояние» утвердилось в языке власти и в теоретико-правовом дискурсе⁸⁸.

⁸⁴ Griffiths. D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness. P. 94.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Griffiths. D. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness. P. 461.

⁸⁷ Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland 1760—1870. Köln; Wien. S. 72—73.

⁸⁸ Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики. С. 106; Мальцева И., Молотков А., Петрова З. Лексические новообразования. С. 329;

Проекты нового устройства городов и «третьего», или «среднего», сословия нашли свое правовое завершение в *Жалованной Грамоте на права и выгоды городам Российской империи* 1785 года. Терминологически *Грамота* опиралась на *Наказ*, давая следующее определение городским жителям:

Что есть средний род людей? Городовых обывателей, среднего рода следствие трудолюбия и добронравия, чем приобрели отличное состояние⁸⁹.

Заключение

В чем состояло значение дискуссий о «третьем», или «среднем», сословии в России во второй половине XVIII века? В проектах обсуждалось социальное неравенство, они привлекали внимание ко всем группам населения и предлагали понятия, которые могли бы адекватно передать новые критерии их различия. Кроме того, лица одинакового положения были представлены как социальная общность, так же как и в новых выборных институтах, созданных по *Учреждению о губерниях* 1775 года и *Жалованным грамотам* 1785 года. В совмещении в одном понятии двух значений — социального статуса и представления о союзе индивидов — и состояла динамика и эволюция семантического поля социальной стратификации во второй половине XVIII века. Принадлежность к той или иной категории населения более не рассматривалась сама по себе, но речь шла о привилегиях, «трудолюбии» или даже формировании новой группы людей путем воспитания.

Этот фактор, как следствие, подталкивал к еще большей дифференциации в этом семантическом поле, на что указывает возникновение словосочетания *чин народа*. В привилегиях, которые Екатерина II предоставила «российскому народу и каждому чину народа» в 1779 году, «чин народа» значил больше, чем индивиду-

См.: САР. СПб., 1794. Т. 5. Стб. 788: «Состояние. 1) Положение, в котором находится человек, ... 2) Звание, образ, род жизни. “Состояние воинское, гражданское. Избрать состояние духовное. Состояние знатное, низкое, среднее”».

⁸⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16.188. Ст. 80 (21 апреля 1785 г.: Грамота на права и выгоды городам Российской империи); см. также: *Griffiths D.* Introduction: Of Estates, Charters and Constitutions // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns / translated and edited by *D. Griffiths and G. E. Munro*. Bakersfield (Calif.), 1991. P. xlii—xliii.

альный чин⁹⁰. Эту тенденцию — сдвиг в сторону групповых понятий — можно обнаружить, сравнив статьи, дающие определения разным социальным группам, из первого и второго издания *Словаря Академии Российской*. В издании 1790 года соответствующая статья звучала таким образом: «Дворянство 1) Благородство, достоинство дворянина. ... 2) В виде имени собирательного означает: дворяне ...»⁹¹. Во втором издании 1809 года определение стало иным: «Дворянство 1) Главное и почтеннейшее в Государстве сословие из природных, жалованных или чиновных дворян, имеющее отличия от прочих прав и преимуществ... 2) Достоинство дворянина...»⁹². В издании 1792 года: «Мещанство. Состояние мещанина...»⁹³. В издании 1814 года: «Мещанство». 1) Состояние мещанина... 2) Сословие, общество мещан...»⁹⁴.

Отметим, что в позднейшем издании присутствует иерархия социальных групп: «Главное и почтеннейшее в Государстве сословие». «Состояние» и «достоинство» описывают личный статус индивида, а «общество» и «сословие» передают значение «группы, собрания людей, корпорации».

Анализ семантического поля социальной стратификации во второй половине XVIII века подтверждает тезис о переходе от обособленных организаций к обществам (см. работы Гр. Фриза, Е. Виртшафтер)⁹⁵, в то же время свидетельствуя в пользу мысли, высказанной Николаем Евгеньевичем Копосовым: по его словам, происходило «усиление абстрактного характера социальных понятий, наконец, переориентация мысли с идеей качества, сущности, на идею множества, а это значит — с логики коннотаций на логику эмпирического упорядочения»⁹⁶.

К тезису о сословной парадигме и всей актуальной дискуссии, импульсом к которой стали работы Мишеля Конфино, можно до-

⁹⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14.870. С. 817 (5 мая 1779 г.: Манифест. — О вызове воинских нижних чинов, крестьян и посполитых людей, самовольно отлучавшихся за границу).

⁹¹ САР. СПб., 1790. Т. 2. Стб. 567.

⁹² САР. СПб., 1809. Т. 2. Стб. 39. [Reprint Odense 1971].

⁹³ САР. СПб., 1792. Т. 4. Стб. 418.

⁹⁴ САР. СПб., 1814. Т. 3. Стб. 951 [Reprint Odense 1971].

⁹⁵ Freeze G. The Soslovie (Estate Paradigm) and Russian Social History; *Kimerling Wirtschafter E.* Social Categories in Russian Imperial History // *Cahiers du monde russe*. 2009. Vol. 50. P. 231—250.

⁹⁶ Копосов Н.Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4 [13.11.2008].

бавить следующее: церковнославянизм *сословие* вошел в состав правительственного языка только на рубеже веков. Хотя оно было расхожим словом уже в начале XVIII столетия в переводах и в религиозном дискурсе, в рассматриваемых здесь проектах оно не употреблялось. В качестве термина, описывающего общество, *сословие* получило свое развитие во второй половине XVIII века, применяясь параллельно со словом *общество*⁹⁷. В отличие от других социальных терминов, рассмотренных в статье, *сословие* так никогда и не стало составной частью формулы статуса в правительственном языке⁹⁸. В то время как *чин* определял ранг индивида внутри единого социального порядка, у *сословия* доминирующим оставалось его основное значение — «собрание людей». Это стало решающим моментом для его «расцвета» в XIX веке, когда свое распространение получили в том числе и такие выражения, как *третье сословие* и *среднее сословие*⁹⁹.

Следует согласиться с М. Конфино, который писал, что «одним (едва ли не единственным), значением понятия *сословие* является, несомненно, „социальная группа“ — одна из многих, существовавших в одно и то же время в России той эпохи»¹⁰⁰. Во всяком случае, с одним существенным ограничением: в понятие *сословие*, в отличие от других терминов, обозначавших социальные общности, были заложены значения «корпорации» и «собрания людей», которые, даже если и не получили воплощения, тем не менее могли быть актуализированы и востребованы.

(Пер. с нем. Майи Борисовны Лавринович)

⁹⁷ Schierle I. Zur politisch-sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: Obščestvo // Scharf C. (Hrsg.) Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung. Mainz, 2001. S. 275—306.

⁹⁸ Об этой существенной разнице не упоминается в статье: Schmidt Ch. Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie — soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. S. 199—211.

⁹⁹ Третий чин, среднее состояние, третье сословие также были в употреблении. О понятии *средний класс* см. статью М.Б. Велижева в настоящем сборнике.

¹⁰⁰ Confino M. The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du Monde russe. 2008. Vol. 49. P. 681—700, here 687.

Михаил Брониславович Велижев

Цивилизация и средний класс*

Понятие *цивилизация* относится к группе терминов, конституирующих российское общественное сознание. *Цивилизация* всегда задает специфический взгляд на социальное, политическое и культурное развитие России — служит для самоопределения по отношению к «Другому», прежде всего западному миру, традиционному носителю *цивилизации*. Европейская история понятия, возникшего в середине XVIII столетия, обозначавшего вершину человеческой истории и одновременно служившего важнейшей автоописательной характеристикой, исследована достаточно подробно. Тем более удивительным выглядит следующее обстоятельство: в одном из своих неопубликованных франкоязычных сочинений конца 1820-х годов будущий министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, сыгравший, как мы покажем, существенную роль в распространении понятия *цивилизация* в России, наделяет *civilisation* социокультурными смыслами, редко попадавшими в поле зрения историков. Уваров усмотрел прямую связь между *цивилизацией* и *третьим сословием*, средним классом, отсутствие которого в России волнует власть и общество, начиная с царствования Екатерины II и до сих пор. Уваровская интерпретация термина в сочетании с особой ситуацией в сфере образования предопределила особое, как нам представляется, восприятие в России *цивилизации* и стоящего за ней набора социальных, культурных, политических и экономических признаков. Настоящая работа ставит перед собой цель реконструировать контекст одного из значений этого сложного и полисемантического понятия.

* Я искренне признателен М.Д. Долбилову, С.Н. Зенкину, С.Л. Козлову, Н.Н. Мазур и Д.А. Сдвижкову за ценные советы и замечания. Сокращенный вариант статьи был опубликован в «Новом литературном обозрении» (2010. № 104).

Цивилизация или *civilisation*?

Вплоть до середины XIX века русский образованный дворянин, рассуждавший о развитии мировой истории, по-видимому, решительно не испытывал потребности в переводе французского слова *civilisation* (или его англо- и немецкоязычных эквивалентов) на русский язык. Билингвизм культурной элиты усугублялся почти тотальным доминированием французского языка в области философской и политической публицистики и плохой разработанностью местного гуманитарного понятийного аппарата. Понятие *цивилизация* как французское *civilisation* распространяется в русской культуре почти синхронно с аналогичным процессом в Европе — к концу XVIII века. Так, Николай Михайлович Карамзин трижды использовал *civilisation* в своей франкоязычной статье *Письмо в «Зритель» о русской литературе* («Lettre au Spectateur sur la littérature russe»), напечатанное в гамбургском журнале *Le Spectateur* (1797). Карамзин рассказывал европейской публике о *Письмах русского путешественника* и избирательно цитировал собственное творение: в этих фрагментах и появлялось интересующее нас слово.

«L’histoire de Paris, dit-il ensuite, est celle de la France et de la civilisation». Il la parcourt rapidement, mais tâche de saisir tous les traits caractéristiques, et finit par dire: «La nation française a donc passé par tous les degrés de la civilisation pour arriver au point où elle se trouve actuellement.» [...] J’ai vu les premières nations de l’Europe, leurs mœurs, leurs usages et ces nuances de caractère, qui résultent du climat, des différents degrés de civilisation et surtout de la forme du gouvernement...¹

Цивилизация, как и в европейских языках, у Карамзина обозначала, с одной стороны, ступенчатый процесс смягчения нравов и развития утонченности, а с другой — итог, степень просвещения. Характерно, впрочем, что элементы французского текста *Писем*, где упоминалась *civilisation*, не имели параллели в русскоязычном

¹ В переводе Ю.М. Лотмана: «“История Парижа, — говорит он в заключение, — это история Франции и история цивилизации”. Бегло набрасывает он историю Парижа, стараясь, однако, схватить все характерное, и кончает словами: “Французский народ прошел через все степени цивилизации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время”. [...] Я видел главные народы Европы, их нравы, обычаи, оттенки характеров, происходящие от разницы климатов, степени просвещения и, в особенности, формы правления...» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 453, 456, 460, 462).

оригинале. В письме к Екатерине Андреевне Карамзиной от 7 и 8 февраля 1816 года находившийся в Петербурге Карамзин именно на французском языке объяснял супруге разницу между двумя русскими столицами: «Il n’y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu’à Moscou» («Нет сомнений, что цивилизация здесь продвинулась далее, чем в Москве»)². *Civilisation* часто фигурировала во франкоязычных текстах Сергея Семеновича Уварова, Александра Сергеевича Пушкина, Петра Яковлевича Чаадаева³, занима-

² Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 142.

³ Подробнее см.: Kissel F.S. Im Zeichen der Ambivalenz: Zur Geschichte des russischen Begriffs «civilizacija» im frühen 19. Jahrhundert // Thiergen P. (Hrsg.) Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, 2006. S. 189—202; Evuhov C. Guizot in Russia // The Cultural Gradient: the Transmission of Ideas in Europe, 1789—1991. Boston; Oxford, 2003. P. 55—72. Например, Чаадаев в первом «Философическом письме» охотно пользовался словом *civilisation*: «C’est une des choses les plus déplorables de notre singulière civilisation, que les vérités les plus triviales ailleurs, et même chez les peuples bien moins avancés que nous sous certains rapports, nous sommes encore à les découvrir»; «...chez nous, les classes supérieures mêmes, chose bien douloureuse à dire, ne sont pas exemptes des vices qui n’appartiennent ailleurs qu’aux toutes dernières; ils n’ont pas vu enfin que, si nous avons quelques-unes des vertus des peuples jeunes et peu avancés dans la civilisation, nous n’en avons aucune de celles des peuples mûrs et jouissant d’une haute culture»; «Voyez ces peuples du Nord de l’Amérique, que la civilisation matérielle des états-Unis est si occupée à détruire: il y a parmi eux des hommes admirables de profondeur», «Et pourtant, situés entre les deux grandes divisions du monde, entre l’Orient et l’Occident, nous appuyant d’un coude sur la Chine et de l’autre sur l’Allemagne, nous devrions réunir en nous les deux grands principes de la nature intelligente, l’imagination et la raison, et joindre dans notre civilisation les histoires du globe entier», «Une fois, un grand homme voulut nous civiliser et, pour nous donner l’avant-goût des lumières, il nous jeta le manteau de la civilisation: nous ramassâmes le manteau, mais nous ne touchâmes point à la civilisation»; «Tandis que du sein de la lutte entre la barbarie énergique des peuples du Nord et la haute pensée de la religion s’élevait l’édifice de la civilisation moderne, que faisons-nous?»; «Croyez-vous que ce soit le christianisme des Abyssins et la civilisation des Japonais qui amèneront cet ordre de choses dont je viens de parler tout à l’heure, et qui est la destinée dernière de l’espèce humaine?»; «De cette manière s’expliquent le phénomène de la société moderne et sa civilisation: autrement, on n’y comprendrait rien» (в переводе Д.И. Шаховского: «Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых»; «именно вследствие такой ленивой отваги даже и высшие классы — как ни тяжело, а приходится признать это — не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и здоровых, то мы не имеем ни одного,

ла важное место в труде Николая Ивановича Тургенева *La Russie et les Russes (Россия и русские, 1847)*, относительно рано появилась в заглавиях книг: *De la civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne* харьковского профессора Антона Антоновича Дегурова (Дю Гура) (*О цивилизации ногайских татар на юге Европейской России, 1816*), *La civilisation et la Russie* Адама Гуровского (*Цивилизация и Россия, 1839*), *Histoire de la civilisation en Russie* Николая Арсениевича Жеребцова (*Об истории цивилизации в России, 1858*) и др.⁴

Билингвизм образованной элиты следует рассматривать в социальном контексте употребления слов и понятий⁵. Значительный сег-

отличающего народы зрелые и высококультурные»; «Взгляните на племена Северной Америки, которые искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине»; «А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара»; «Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись»; «В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы?»; «Но разве вы думаете, что христианство абиссинцев и цивилизация японцев водворяет тот строй, о котором я только что говорил и который составляет конечное назначение человеческого рода?»; «Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять». — *Чаадаев П.Я.* Избр. тр. / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. М.Б. Велижева. М., 2010. С. 57, 63, 64, 65, 67, 68, 166, 171, 172, 173, 175—176, 177).

⁴ Особый интерес, несомненно, представляет пресса на иностранных языках, выходившая в России. Однако эта тема должна составить предмет специального исследования.

⁵ Квентин Скиннер в одном из своих писем к Мелвину Рихтеру (*Richter M. The History of Political and Social Concepts. A Critical Introduction. New York; Oxford, 1995. P. 134*) заметил, что понятия неотделимы от терминологии, которой они выражаются. Понятно, что при некалькированном переводе одно «понятие» или «слово» часто оказывается транслировано с помощью других «понятий» и «слов». Таким образом, возникает смысловой зазор между исходным и переводным понятиями. Давно определено, что социальная действительность не совпадает с историей ее языковой артикуляции (*Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков. СПб., 2006. С. 51*). Темпы изменения социальной структуры и динамическая трансформация связанных с ними понятий могут разниться между собой так, что понятие может выступать в качестве

мент русского публичного пространства состоял из институций (*areas of sociability*), не предусматривавших широкого распространения письменных (и тем более печатных) текстов и ориентированных на устное салонное, «неподцензурное» высказывание. Кроме того, начиная с первой половины 1820-х годов российские власти стали особенно жестко использовать механизм цензуры для мониторинга, контроля и структурирования зарождавшейся публичной сферы. С одной стороны, это означает, что для истории понятий в России рассматриваемого периода необходим анализ цензурной политики Министерства народного просвещения: только на фоне цензурской правки станет понятен реальный масштаб словоупотребления в русских печатных изданиях. С другой стороны, ужесточение контроля над книгами и периодикой привело к тому, что разговоры о судьбе «русской цивилизации» происходили преимущественно в светских гостиных, велись на французском языке и распространялись в текстах, ходивших по Москве или Петербургу в рукописях.

Перечисленные особенности публичного пространства в России первой половины XIX века, кроме прочего, отчасти обесценивают факт первого употребления термина. Важным оказывается тот момент, когда понятие начинает использоваться систематически. Последнее обстоятельство предопределило выбор источников в настоящей работе: как представляется, наиболее адекватными материалами для наших целей могут служить словари и периодические издания на русском языке. В меньшей степени мы будем использовать частную переписку того времени, прекрасно отдавая себе отчет в том, что частные дворянские письма в ту эпоху становятся неотъемлемым атрибутом общественной жизни, читаются вслух, переписываются и т.д.

История понятия в европейских языках

Слово *цивилизация* (как неюридический термин) возникает в европейских языках в эпоху позднего Просвещения⁶. Согласно

конструктивного элемента в процессе становления социальной структуры и наоборот. Семантические сдвиги, происходящие при переводе терминологии социальной реальности на другой язык, станут одним из объектов изучения в настоящей статье.

⁶ Понятию *цивилизация* в европейских языках посвящено много содержательных работ. Библиографию см.: *Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch politisch-*

общепринятой точке зрения, впервые его начинает использовать во французском языке Виктор Рикети Мирабо-отец — начиная с 1756 года⁷. Впервые это слово входит в словари французского языка в 1771 году⁸. Жан Старобинский убедительно показал, что уже при своем возникновении в работах Мирабо (грамматическом образовании нового существительного из бытовавших прежде существительного *civilité*, глагола *civiliser* и соответствующего причастия⁹) *civilisation* заключала в себе множество разных значений. Старобинский так характеризует это понятие:

Синтетическое обозначение для уже ранее бытовавшего понятия, формулировавшегося многообразными способами: «смягчение нравов», «образование умов», «развитие учтивости», «изучение искусств и наук», «подъем торговли и промышленности», «обретение материальных искусств и роскоши». Для отдельных индивидов, для народов и человечества в целом оно обозначало, во-первых, процесс превращения их в *цивилизированных* (термин, существовавший ранее), а во-вторых, совокупный результат этого процесса¹⁰.

Почти одновременно слово *civilization* входит в словарь экономических работ Адама Фергюсона, а затем становится важным элементом языка философов шотландской школы, связывавших *цивилизацию* прежде всего с развитием промышленности и торговли¹¹.

sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820. Heft 8. München, 1988; Fisch J. Zivilisation, Kultur // Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1992. Bd. 7. S. 679—774; Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 445; Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. 1. С. 110 (впервые в 1989 году).

⁷ Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18; Бенвенист Э. Цивилизация. С. 387—388; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 116.

⁸ Там же. С. 111.

⁹ Подробнее об употреблении слов *civilité* и *civiliser*, а также синонимичных им понятий см.: Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18; Бенвенист Э. Цивилизация. С. 389—390; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 110, 120—125; Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 251—255.

¹⁰ Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 113 (курсив автора).

¹¹ Бенвенист Э. Цивилизация. С. 394—396; Февр Л. Цивилизация. С. 260; Woolf S. French Civilization and Ethnicity in the Napoleonic Empire // Past and Present. 1989. № 124. P. 96—97; Ренев Е.Г. Концепция цивилизации в философии истории шотландского просвещения // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 226—228.

В Германии слово *Zivilisation/Civilisation* начинает распространяться начиная с 1770-х годов (первое зафиксированное упоминание относится к 1777 году¹²; в переносном смысле появляется в словарях в 1795 году¹³).

Не имея возможности входить в подробности исторического генезиса понятия *цивилизация* в европейских языках XVIII века, отметим две важные в контексте данной статьи его особенности. Во-первых, *цивилизация* в английском языке была тесно связана с идеей разумного экономического развития, которое стимулирует смягчение нравов и способствует просвещению. То же значение было свойственно и истории французского слова *civilisation*, прежде всего в трудах физиократов¹⁴, понимавших под *цивилизацией* прогресс в земледелии и промышленности, освобождавший человека от социальной и экономической зависимости. Последняя деталь важна в контексте взаимоотношений *цивилизации* и России: характерно, что в трудах Дени Дидро, Поля Анри Гольбаха, Гийома Томаса Франсуа Рейналя обсуждение *цивилизации* часто увязывалось с историческими оценками деятельности Петра I и проблематикой культурного «преображения» России в начале XVIII века, стремительной трансформацией из варварского состояния в цивилизованное¹⁵. Так, Дидро написал для *Истории двух Индий* аббата Рейналя (1775) главу под названием *Sur la civilisation de Russie*, которая на грамматическом уровне свидетельствовала о возможности «русской цивилизации», а на смысловом — ставила под сомнение успехи *цивилизации* в России, прежде всего из-за существовавшей там крепостной зависимости крестьян¹⁶.

Во-вторых, в немецком языке глубокое различие возникает между терминами *цивилизация* (*Zivilisation/Civilisation*), *культура* (*Kultur*) и *образование* (*Bildung*)¹⁷ (при этом сохранялась и традиция употребления *цивилизации* и *культуры* как синонимичных понятий¹⁸). Окончательно дифференциация происходит в начале 1830-х годов, что, в частности, фиксируется в употреблении поня-

¹² Fisch J. Zivilisation. S. 723.

¹³ Ibid. S. 737.

¹⁴ Февр Л. Цивилизация. С. 160; Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 18.

¹⁵ Февр Л. Цивилизация. С. 244; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 113.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Fisch J. Zivilisation. S. 720.

¹⁸ Ibid. S. 723, 727; Dampierre E. de. Note sur «Culture» et «Civilisation» // Comparative Studies in Society and History. 1961. Vol. 3. № 3. P. 336.

тия Вильгельмом фон Гумбольдтом¹⁹. Как отмечал Норберт Элиас, понятие *цивилизация* используется по-разному, с одной стороны, французами и англичанами, а с другой — немцами. Для немцев оно являлось ценностью второго порядка, связанной прежде всего с внешней стороной жизни. Если во французском и английском языках *цивилизация* обозначала совокупность политических, хозяйственных, религиозных, технических, моральных и социальных фактов, то немецкое понятие *культура* — лишь духовные, художественные и религиозные факты и достижения, свойственные исключительно немцам, в противопоставлении материальной, «внешней» *цивилизации*. Таким образом, заключал Элиас, понятие *цивилизация* снимало национальные различия, между тем как *культура*, наоборот, подчеркивала их²⁰.

Во время Французской революции слово *цивилизация* использовалось относительно нечасто, поскольку воплощало в себе идею процессуальности, а не радикального слома, однако в 1790-е годы обрело ореол сакральности, стало символизировать новый после-революционный порядок²¹. По наблюдениям Люсьена Февра, слово *цивилизация* во французском языке во множественном числе впервые употребил Пьер-Симон Балланш в 1819 году²², хотя идея разнообразия *цивилизаций* циркулировала среди европейских философов и прежде. Уже в XIX веке возникает и представление о том, что жизненный цикл *цивилизации* конечен, она может «умереть»²³. В эпоху Реставрации во Франции ошутим интерес к разработанным теориям *цивилизации* (в частности, к трудам Джамбаттиста Вико, Иоганна Гердера²⁴), который увенчался созданием в 1828—1829 годах масштабной концепции *цивилизации* Франсуа Гизо. Гизо попытался связать воедино два элемента *цивилизации* —

уровни социального и интеллектуального развития общества и человека²⁵. Конфигурация двух неразрывно связанных между собой элементов и определяла основные характеристики *цивилизаций* той или иной европейской страны. Наиболее сбалансированной цивилизационной системой, по мнению Гизо, обладала именно Франция²⁶. Основной заслугой Гизо Л. Февр и Ж. Старобинский считали введение в общественный оборот тезиса, согласно которому прогресс духовной и материальной жизни народа оказывался непосредственным образом взаимосвязан, что позволило французам избежать разделения понятия *цивилизация* на материальную *цивилизацию* и интеллектуальную *культуру* подобно тому, как это случилось в Германии²⁷.

История понятия в русском языке

Установлено, что понятие *цивилизация* входит в русский язык в 1830-е годы и окончательно утверждается к концу 1860-х годов, свидетельство чему — книга Николая Яковлевича Данилевского *Россия и Европа* (1869), в основание которой положено достаточно четко артикулированное представление о мировых *цивилизациях* как политических, социальных, экономических и культурных единствах²⁸. Словари русского языка (прежде всего, словари заимствований) фиксируют слово *цивилизация* с 1861 года²⁹. Так, *Полный словарь иностранных слов, по образцу немецкого словаря Гейзе* (1861) приводил следующие значения анализируемого слова и его дериватов: «Цивилизация, лат. Гражданственность, гражданские добродетели, смягчение нравов. Цивилизовать, (от *civis* — *гражда-*

¹⁹ Fisch J. Zivilisation. S. 727—728.

²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М., 2001. Т. 1. С. 59—60. Подробнее см.: Fisch J. Zivilisation. S. 738; Февр Л. Цивилизация. С. 275—277; Dampierre E. de. Note; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 141.

²¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 106; Reichardt R. (Hrsg.) Handbuch. S. 21. Об использовании понятия *civilisation* в наполеоновской Франции для «культурной легитимации европейского империализма» см.: Woolf S. French Civilization.

²² Февр Л. Цивилизация. С. 262.

²³ Там же. С. 265—269. Февр связывал указанные семантические изменения с влиянием предшествующего парадигматического сдвига в естественных науках.

²⁴ Там же. С. 270—271; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 131.

²⁵ Февр Л. Цивилизация. С. 272—273.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же. С. 287; Старобинский Ж. Слово «цивилизация». С. 139, 141.

²⁸ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2. С. 368—369; Асоян Ю.А. Понятие «цивилизация» в России 1830 — 1860-х годов. Доклад на семинаре «История понятий» в РГГУ (19.10.2009) // <http://www.gumchdenia.rggu.ru/article.html?id=113412>; Смена-нов Ю.С. Слова *правда* и *цивилизация* в русском языке (К вопросу о методе в семантике языка и культуры) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 31, вып. 2. 1972. С. 165—175; Kissel F.S. Im Zeichen der Ambivalenz. О понятии *цивилизация* в языке западников и славянофилов середины XIX века см., например: Siljak A. Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma // Journal of the History of Ideas. 2001. Vol. 62. P. 335—358.

²⁹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь. С. 368—369.

нин), лат. Делать гражданином, укрощать, смягчать нравы. Цивильный, лат. частный, гражданский»³⁰. Схожие определения, строящиеся вокруг термина *гражданственность*, находим и в *Толковом словаре живого великорусского языка* Владимира Ивановича Даля: «Цивилизация ж. общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина — *звать народ*, обратиться из дикого, грубого быта в гражданственный»³¹.

Гражданственность, подобно европейским значениям слова *цивилизация*, толковалась главным образом как антоним «варварству», «дикости» и связывалась внутри своего семантического ореола с городской культурой. Смысловое единство города и *цивилизации* как набора экономических, социальных, культурных и политических (а не сугубо географических) практик стало фиксироваться в русских словарях лишь в XIX веке. Второй том *Словаря Академии Российской* (1790) не акцентировал соответствующей параллели: «Гражданин. Городской житель, обитатель. Гражданство. Состояние гражданина. Берется иногда и вместо самих граждан, жителей градских; и в сем знаменовании имя сие есть собирательное»³². Интересно, что специальные профессиональные словари, в которые — исходя из логики европейских языков — было бы вполне логично поместить *цивилизацию* или однокоренные с ней слова (например, *словарь купеческой лексики*), в России еще в 1830-е годы понятия *цивилизация* не знали³³.

В дальнейшем, наряду с понятием *гражданственность*, в толковых словарях приводился и другой эквивалент *цивилизации* — *образованность*. Например, *Новый словотолкователь. Сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык. Необходимо-*

³⁰ Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, по образцу немецкого словаря Гейзе. СПб., 1861. С. 549.

³¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 574. То же см.: 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Составил по словарям: Гейзе, Рейфа и других Михельсон. М., 1872. С. 305 (впервые в 1865 году).

³² Словарь Академии Российской. М., 2002. Т. 2: Г—Ж. С. 302—303 (впервые в 1790 году).

³³ Например, словарь 1832 года приводил лишь: «Civilen (Лат.), zu einem civilen Preise, по сходной, умеренной цене»: Словарь немецкой и французской купеческой юриспруденции, с присовокуплением в алфавитном порядке сокращений, употребительных в языках Латинском, Немецком, Французском и Английском, составленный Михайлом Перенного. 3-е изд. М., 1832. С. 26 (цензурное разрешение 24 июня 1830 года).

настолярная книга для всех сословий (1878) давал такие определения: «Цивилизация (лат.), от civis — гражданин, или civilis — гражданский. Гражданственность, развитие народа и такое состояние, где каждый сознает свои права и отношение этих прав к правам и обязанностям общественным. Цивилизовать, (фр.) Civiliser, нем. Civilisieren — от лат. civis — гражданин. Смягчать нравы, давать общественное образование, готовить на служение обществу»³⁴. В *Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка* Александра Николаевича Чудинова (1894) *цивилизация* уже напрямую связывалась с *образованностью*: «Цивилизация (лат. гражданственность, от civis — гражданин). Образованность; сознание человеком своих прав и обязанностей, как гражданина; смягчение нравов»³⁵. Наконец, в начале XX века на смену перечислению эквивалентных *цивилизации* слов приходят синтетические определения. Например, *Словарь иностранных слов и научных терминов* А.Е. Яновского (1905) давал такое толкование: «Цивилизация, лат. Совокупность всех тех элементов, кот. создают стройно-организованное гражданское общежитие»³⁶.

Русские лингвистические словари английского, немецкого и французского языков, как и следовало ожидать, обратились к переводу слова *civilization/Zivilisation/civilization* раньше, чем в начале 1860-х годов. Насколько мы можем судить, первый важный в данном случае словарь³⁷ (посвященный Николаю I по особому докладу С.С. Уварова) вышел в свет в 1835 году — это был *Русско-*

³⁴ Новый словотолкователь. Сорок три тысячи иностранных слов, вошедших в русский язык. Необходимо-настолярная книга для всех сословий. М., 1878. С. 341.

³⁵ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлен под редакцией А.Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 944.

³⁶ Словарь иностранных слов и научных терминов. Составил А.Е. Яновский. СПб., 1905. С. 750

³⁷ Словари начала XIX века фиксировали лишь юридический смысл слова *цивилизация*, но тем не менее уже увязывали прежде возникшие однокоренные слова с *образованием, просвещением и светской культурой*. См., например: «Civick, adj. гражданской. Civil, adj. городской, гражданской, образованной, воспитанной, учтивой. Civil war, междоусобная война. Civilian, s. Доктор гражданских прав, законовед. Civility, s. образованность, вежливость, щегольство. Civilization, s. содействие уголовного дела гражданским. Civilize, v.a. образовывать, просветить. Civilizer, s. образователь, просветитель. Civilly, adv. с учтивостью» (Новой английско-русской словарь, составленной по большому Английско-Французскому Словарю Г. Робинета. Императорского Московского Университета Кандидатом Словесности Николаем Грамматиным. Ч. 1: от А до I. М., 1808. С. 143).

французский словарь Филиппа Рейфа (цензурное разрешение 22 февраля 1835 года). Интересующие нас понятия в русском языке структурировались вокруг слова *город*. Так, прилагательное *гражданский* интерпретировалось целой серией разных и преимущественно внеположных русскому социальному контексту слов, связанных со специфической политической, социальной и правовой ролью горожан во французской истории: «Гражданский, ая, ое, *adj.* de citoyen, civil, civique, bourgeois, politique; -ское *Право*, droit civil; -ский *суд*, le tribunal civil; -ская *печать*, types modernes d'impression, caractères russes (ainsi appelés pour être distingués de ceux des livres d'église)»³⁸. Наконец, слово *civilisation* переводилось Рейфом как *гражданственность* и ставилось в синонимический ряд со словом *sociabilité*³⁹, то есть вновь смыкалось со специфическим социокультурным французским явлением — связью городской и придворной сфер. Несколько иное значение *civilisation* обретает в переводе слова *общезитие*, обрастая политическими коннотациями: «Общезитие (de *жить*, vivre), *sn.* vie commune, vie sociale, société; *гражданское общезитие*, société civile, civilisation. Общезитительность, *sf.* sociabilité»⁴⁰.

³⁸ Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка, удостоенный Императорскою Академиею наук полной премией Демидова. Составленный Филиппом Рейфом. Т. 1 (А—О). Т. 2 (П—V). СПб., 1835. С. 205. См. также: «Граждански et пограждански, *adv.* civilement, en citoyen; en russe; не умеет читать ни по-граждански, ни по-церковному, il ne sait lire ni le russe ni le slavon d'église. Гражданство, *sn.* Bourgeoisie, droit de citoyen; civisme, zèle ou patriotisme du citoyen; bourgeoisie, corps des citoyens. Гражданственный, ая, ое, *adj.* de droit de citoyen, civique» (Там же).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 637. Заметим, что значение русского слова *гражданский* до начала 1860-х годов, вероятно, семантически во многом совпадало с понятием *цивилизация*, однако не вызывало прямой лингвистической ассоциации. Например, *Словарь церковно-славянского и русского языка* (1847) так трактовал указанное выше прилагательное и однокоренные с ним слова: «Гражданский, ая, ое, *пр.* 1) Относящийся к гражданам. *Гражданские законы. Гражданское общество.* 2) Штатский, т.е. не военный. *Гражданские мундиры.* — *Гражданская архитектура.* Искусство строить дворцы, частные дома и церкви. — *Гражданская палата*, то же, что палата гражданского суда. — *Гражданская печать*, Начертание употребительных ныне Русских букв, которыми печатаются светские книги. — *Гражданская смерть.* Состояние человека, находящегося в ссылке и лишенного всех гражданских прав; политическая смерть. — *Гражданский венец. Гражданская корона.* У Римлян: венец, который давался за гражданские подвиги. Гражданственность, и, с. же. Гражданское образование. Гражданство, а, с. *пр.* 1) Со-

В 1830-е — начале 1840-х годов в переводные словари входит третье значение *civilisation* — *просвещение*. Так, в *Немецко-русском словаре* 1835 года читаем: «Civilisation, f.s. просвещение; -siren, v.a. просвещать; -sirt (-er, -erte) а просвещенный»⁴¹. *Французско-русский словарь* 1841 года фиксировал оба бытовавших во французском языке значения — юридическое и общекультурное: «Civilisation, s.f. превращение уголовного дела в гражданское; — просвещение; облагонаправливание; образование»⁴².

К середине 1850-х годов слово *цивилизация*, по-видимому, прочно вошло в русский язык, что отразилось прежде всего именно в переводных словарях. *Полный немецко-русский словарь* Ивана Павловского, выпущенный в Риге в 1856 году (цензурное разрешение 24 ноября 1855 года), говорил: «Civilisation, f. цивилизация; (Sittenverbesserung) нравственное образование; (Sittenveredelung) облагороживание нравов; (Aufklärung) просвещение; (Bildung) образованность»⁴³. *Цивилизация* связывалось Павловским именно с категорией *образованность*, причем в качестве одного из значений составитель словаря приводил слово-антагонист *Civilisation* в немецком языке — *Bildung*. Гражданственность соответствовала здесь прежде всего другому слову — *Civilisierung* (хотя в качестве пояснения вводилось затем и *Civilisation*)⁴⁴. *Цивилизация* и ее дериваты Павловским — вполне в духе немецкой традиции — связывались именно с уровнем образования и культуры.

В итоге можно сделать предварительный вывод, что начиная с середины 1830-х годов слово *civilisation* переводится на русский

стояние гражданина. *Получить право гражданства.* 2) *соб.* Граждане. *Умолив своих мужеством подвизаться даже до смерти за законы, за святыни, за град, за отечество, за гражданство, окрест Мадина воинство постави.* 2 Макк. XIII. 14» (Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1. С. 288). См. также: Степанов Ю.С. Слова *правда* и *цивилизация*. С. 168—169. Схожие значения слов *гражданин* и *гражданский* фиксировались в России с XVIII века — см.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5. С. 212—214.

⁴¹ Немецко-русский словарь, составленный по лучшим источникам с приложением списка употребительнейших имен мужских и женских, Исторического и Географического Словаря. Составленный Обществом любителей обоих языков. СПб., 1835. Ч. 1. С. 247.

⁴² Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников, В. Эртелем. СПб., 1841. Т. 1. С. 210.

⁴³ Полный немецко-русский словарь. Составлен И. Павловским. Рига, 1856. Ч. 1. С. 303.

⁴⁴ Там же.

язык двояким образом: *гражданственность* и *образованность/образование*. Первая аналитическая работа, посвященная понятию *цивилизация* в России, книга Амвросия Лукьяновича Метлинского *О сущности цивилизации и значении ее элементов* (1839), подтверждает последнее заключение. Метлинский, рассуждая о переводе слова *civilisation* на русский язык, цитировал переводчика книги *О производительных и торговых силах Франции* Пьера-Шарля Дюпена (вышла в России в 1831 году): «Не взирая на все возможные недоумения о переводе *Civilisation* словом *гражданственности* или *образованности*, я употребил первое, как совершенно согласное с предметом [...] Гражданственность объемлет вместе обыкновения и нравы, понятия и знания, искусства и науки, производимость и богатство»⁴⁵. В 1831 году фиксировались два возможных перевода *Civilisation* — *гражданственность* и *образованность*, причем предпочтение отдавалось первому из них, как, вероятно, более соответствующему французскому употреблению. Сам Метлинский в 1839 году уже предпочитал пользоваться словом *цивилизация*, ссылаясь при этом на *Журнал министерства народного просвещения* (за 1834 год): «Желая, однако ж, избежать недоразумений, я оставляю слово “цивилизация” как оно есть, и как многими употребляется [...] См. извлечение из Гизо, составленное Погодиным»⁴⁶.

Понятие *цивилизация* в языке русской периодической печати

В язык русской периодической печати слово *цивилизация* входит, насколько мы можем судить, с 1834 года, причем водораздел в употреблении слова между 1820-ми и 1830-ми годами прочерчивается весьма явственно. Показательны здесь критические отзывы на поэму А.С. Пушкина *Цыганы*, вышедшую в 1827 году и напрямую ставившую проблему сосуществования *дикости/вольности/естественности/природности* и *цивилизации/города/рациональности/порока*. Ни в одном критическом отзыве на поэму слово *цивилизация* или однокоренные ему слова не встречаются, хотя само понятие, несомненно, присутствует и передается через термин *образованность* и его дериваты:

⁴⁵ О сущности цивилизации и значении ее элементов. Сочинение А. Метлинского. Харьков, 1839. С. 14—15.

⁴⁶ Там же. С. 15.

«Буйные страсти полуобразованного Алека»; «затаенная образованность Алеко» [критик *Северной пчелы*: Рец. на: «Цыганы» (писано в 1824 году). М., 1827 // Северная пчела. 1827. №65 (31 мая)];

«...среди сих детей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданин общества и добровольный изгнанник его, недовольный питомец образованности, или худо понявший ее...»; «тягость от повинностей образованного общежития» [Вяземский П.А. Рец. на: «Цыганы». Поэма Пушкина // Московский телеграф. 1827. №10 (июнь)];

«...жизнь образованных горожан» [Сомов О.М. Обзор российской словесности за 1827 год // Северные цветы на 1828 г. СПб., 1827];

«...утонченное общежитие»; «трудная образованность»; «выгоды образованности» [Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. №6 (март)]⁴⁷.

Однако уже в 1835 году Виссарион Григорьевич Белинский в статье *Стихотворения Владимира Бенедиктова* [Телескоп. 1835. № 11], рассуждая о *Цыганах*, вводит понятие *цивилизация*: «таковы его “Цыганы”, где выражена идея, что пока человек не убьет своего эгоизма, своих личных страстей, до тех пор он не найдет для себя на земле истинной свободы ни посреди цивилизации, ни в таборах кочующих детей вольности»⁴⁸.

В 1829 году Николай Алексеевич Полевой в *Московском телеграфе* переводит с французского *цивилизацию* как *гражданственность*: «История Европейской Гражданственности» Гизо [Рец. на: «История государства Российского. Сочинение Н.М. Карамзина // Московский телеграф. 1829. № 12], а в 1832 году употребляет, по-видимому, в качестве перевода именно французского *civilisation* слово *образование*: «Гизо, глубоко постигший историю образования новой Европы» [О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (против статьи г-на Шове) // Московский телеграф. 1832. № 1/3]⁴⁹. Иван Васильевич Киреевский в программной статье своего *Европейца* под названием *Девятнадцатый век* (1832) ни разу не пользовался словом *цивилизация*, хотя апеллировал именно к этому синтетическому понятию, говоря о *просвеще-*

⁴⁷ Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827. СПб., 2001. С. 318—319; Пушкин в прижизненной критике, 1828—1830. СПб., 2001. С. 29, 78—79.

⁴⁸ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 203.

⁴⁹ Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Статьи и рецензии, 1825—1842. Л., 1990. С. 39, 109.

нии, образовании, образованности, общественном быте⁵⁰; см. также его статью 1829 года *Обозрение русской словесности 1829 года* [Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М., б.г.]: «тот [...] кто подвинул на полвека образованность нашего народа...» (о Н.М. Карамзине), «венец просвещения европейского служил колыбелью для нашей образованности...», «европейская образованность», «английская образованность Соединенных Штатов»⁵¹.

Ситуация меняется в 1834 году, что связано, как нам представляется, прежде всего с тремя изданиями — *Журналом министерства народного просвещения*, газетой *Молва* и журналом *Телескоп*, где сотрудничал Белинский. Начиная со своей первой статьи *Литературные мечтания* [Молва. 1834. № 49]⁵² Белинский стал активно использовать исследуемое здесь понятие и затем прибегал к нему на протяжении всей своей критической деятельности — вплоть до 1847 года. Согласно нашим подсчетам, в 87 больших литературно-критических статьях Белинского с 1834 по 1847 год слово *цивилизация* встречается 114 раз, при относительно равном его распределении по отдельным текстам⁵³. В своих письменных объяснениях

⁵⁰ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 82—106.

⁵¹ Там же. С. 57, 80—81. См. также в статье *Девятнадцатый век*: «Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммой его познаний, не сомкнутым развитием его национальности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют *гражданственностью*, но единственно участием его в просвещении всего человечества...» (Там же. С. 102). И.В. Киреевский не пользовался словом *цивилизация* и впоследствии, в 1840-е и 1850-е годы.

⁵² Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 84.

⁵³ Белинский употреблял термин *цивилизация* почти во всех значениях, которые придавались этому понятию в Европе (Белинский, плохо владевший иностранными языками, по всей видимости, мог почерпнуть первоначальные сведения о различении смыслов *цивилизации* в кружке Н.В. Станкевича): 1) особый тип культурного и государственного развития, свойственный определенной географической территории и подразумевающий употребление слова *цивилизация* во множественном числе (включая важную возможность «гибели» отдельной *цивилизации*, «созревания» или «перезревания *цивилизации*») — «европейская цивилизация», «наша европейская цивилизация», «русская цивилизация», «наша новая цивилизация», «полувосточная цивилизация Московского царства», «китайская цивилизация», «наша цивилизация», «новейшая цивилизация христианских народов», «цивилизация новейшего мира», «классическая цивилизация», «древняя цивилизация» — вплоть до «странной цивилизации» казачества [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1981. Т. 7. С. 387); статья *Общее значение слова литература* (при жизни не печаталась, написана в первой половине 1840-х годов: Там же. М., 1981. Т. 6. С. 516)]; «наша европейская цивилизация» [Сочинения Державина <Статья первая> и вторая //

в Петербурге после скандала вокруг публикации в *Телескопе* первого *Философического письма* Чаадаева (ноябрь 1836 года) журналист и издатель *Молвы* и *Телескопа* Николай Иванович Надеждин, размышлявший над каждым своим словом, произнесенным или написанным на следствии, многократно пользовался понятием *цивилизация* (а не *образованность* или *гражданственность*). Надеж-

Отечественные записки. 1843. № 2/3 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 6. С. 23)]; «русская цивилизация» [<Статьи о народной поэзии> // Отечественные записки. 1841. № 12 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1979. Т. 4. С. 230); Речь о критике... А. Никитенко // Отечественные записки. 1842. № 9/11 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1979. Т. 5. С. 84)]; «наша новая цивилизация» [Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногую инвалиду // Отечественные записки. 1839. № 10 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1977. Т. 2. С. 115)]; «полувосточная цивилизация Московского царства» [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 382)]; «китайская цивилизация» [Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // Отечественные записки. 1845. № 8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 383)]; «наша цивилизация» [Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Современник. 1847. № 2 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1982. Т. 8. С. 233); Речь о критике... А. Никитенко // Отечественные записки. 1842. № 9/11 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 5. С. 111)]; «новейшая цивилизация христианских народов» [Разделение поэзии на роды и виды // Отечественные записки. 1841. № 3 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 325)]; «цивилизация новейшего мира» [статья *Общее значение слова литература* (при жизни не печаталась, написана в первой половине 1840-х годов: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 6. С. 504)]; «классическая цивилизация» [та же статья (Там же. С. 514)]; «древняя цивилизация» [та же статья (Там же. С. 514)]; Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Отечественные записки. 1844. № 9 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 83)]; «странная цивилизация» казачества [О русской повести и повестях г. Гоголя // Телескоп. 1835. № 7/8 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 181)]; 2) *цивилизация* как «процесс умственного развития народа»; 3) *цивилизация* как идеал, эталон, высшая ступень развития человеческого общества; 4) противопоставление «фальшивой» и «искусственной» *цивилизации* «истинной», основанной на нравственных достоинствах составляющих ее людей; 5) противопоставление *цивилизации*, с одной стороны, «варварству», «дикости», «невежеству», а с другой — «патриархальным нравам», «природной естественности», что чаще всего окрашивалось у Белинского в западнические тона. Последнее немаловажно: при некоторых исключениях, словоупотребление Белинского показывает, что, с его точки зрения, *цивилизация* может быть только «европейской», — «Можно указать на выходки, разбросанные там и сям, против европеизма, цивилизации, необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов, какие-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы

дин употреблял слово *цивилизация* прежде всего в значении «особая географо-культурная общность»: «европейская цивилизация»⁵⁴, «русская самобытная цивилизация»⁵⁵, русская «семейная цивилизация»⁵⁶. Напомним, что *цивилизация* однажды использовалась и в анонимном переводе самого первого *Философического письма*⁵⁷, помещенном в 15-й книжке *Телескопа* за 1836 год. После Белинского слово *цивилизация* входит в обиход языка русской периодики и исторической науки: в 1840—1850-е годы его часто употребляли Николай Алексеевич Некрасов, Аполлон Александрович Григорьев, Николай Гаврилович Чернышевский, Николай Александрович Добролюбов, Иван Сергеевич Аксаков, Константин Дмитриевич Кавелин, Тимофей Николаевич Грановский и многие другие.

При всей разности значений, которыми наделялась *цивилизация* в трудах упомянутых критиков и историков, смысловое поле

сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков» [Ответ «Москвитянину» // Современник. 1847. № 11 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 8. С. 330)]. Белинский соединял *цивилизацию* с «просвещением» и «образованием», каковые функции и приписывались литературе и критике. Ряд семантически близких *цивилизации* понятий в работах Белинского включал в себя «просвещение», «общественное образование», «общественность», «духовное развитие», «образованность», «образование», «науку», «разум», «историю», «искусство», «поэзию», «гражданственность», «гражданское благоденствие», «нравственность», «добро», «нравы», «человечность», «гуманность», «права личности».

⁵⁴ «Другие могли обратить против меня мое оружие, могли сказать: “мы согласны, что Русский народ велик, что он уже созрел; значит, он имеет все права на участие в плодах европейской цивилизации!”» (РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 880. Л. 12 об.; далее цит. по: Чаадаев П.Я. Избр. тр. С. 618).

⁵⁵ «Россия не Европа и не должна быть Европой, что эта великая держава, обнимая седьмую часть Земного шара, есть особая часть света, которая должна и предназначена Промыслом развить из себя свою Русскую цивилизацию, которая также обновит дряхлую Европу, как за несколько веков Европа в лице Греции и Рима обновила дряхлую Азию. Потом я составил себе следующий идеал Русской самобытной цивилизации» (Там же. С. 619; курсив автора).

⁵⁶ «И какой другой народ ближе к этому высокому идеалу семейной цивилизации, как не Русский, который до сих пор не переставал быть согласной, единодушной, безусловно покорной семьей — семьей детей, конечно со свойственными детям недостатками, но зато с какими же надеждами?» (Там же. С. 620).

⁵⁷ «Некогда великий царь хотел нас образовать и, чтоб заохотить к просвещению, бросил нам мантию цивилизации: мы подняли мантию, но не коснулись просвещения» (Телескоп. 1836. № 15. С. 294). Именно этот фрагмент приводил, в частности, Надеждин в своих письменных объяснениях на следствии (Чаадаев П.Я. Избр. тр. С. 621).

понятия более или менее всегда конституировалось вокруг сферы культурного и духовного развития человека и общества. У того же Белинского существенно реже встречалось соотнесение *цивилизации* и экономической деятельности, свойственное прежде всего франко-английскому контексту (из немногих примеров: «коммерческая цивилизация Новгорода» [Статьи о народной поэзии // Отечественные записки. 1841. № 12]⁵⁸), *цивилизации* и «роскоши», «торговли», «промышленности», «города», «железной дороги». Напротив, критик утверждал, что промышленное развитие государства необязательно влечет за собой нравственное совершенствование, которое прежде всего является результатом духовной, культурной деятельности нации и, в частности, литературы, «цвета целой цивилизации народа»⁵⁹:

Погодите, и у нас будут чугунные дороги и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится; но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность — вот вопрос! Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми — вот вопрос!⁶⁰

Решающую роль в распространении термина *цивилизация* сыграл *Журнал министерства народного просвещения*, который редактировался министром народного просвещения С.С. Уваровым и уже при своем возникновении содержал постоянную рубрику *История просвещения и гражданского образования*, то есть, как это объяснялось все в том же первом номере журнала, *civilisation*. В начальной книжке *Журнала* (1834. № 1) был помещен перевод первой лекции Франсуа Гизо из цикла *История цивилизации в Европе*, озаглавленный *Первая лекция Г-на Гизо. Из читанного им курса Истории Европейского Гражданского образования*. В тексте происходило расщепление французского понятия *civilisation* на несколько русских эквивалентов: *цивилизация*, *гражданское образование*, *гражданская образованность* (последние два варианта передавали две стороны одного французского существительного — процессуальность

⁵⁸ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 4. С. 238.

⁵⁹ О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Телескоп. 1836. № 5/6 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 302).

⁶⁰ Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // Телескоп. 1836. № 4 (цит. по: Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 255).

и результативность). *Гражданское образование* («с давних пор и во многих странах употребляют слово: *цивилизация*, *гражданское образование*...»⁶¹) как бы подменяло собой французский термин. «Подмена» усиливалась подчеркнутой синонимичностью двух на самом деле совсем не идентичных понятий: «Говорю: Европейского гражданского образования, ибо существование цивилизации Европейской очевидно»⁶². Характерно, что Уваров считал необходимым прокомментировать лекцию Гизо, рассуждавшего, в частности, и о необходимости совершенствования гражданской жизни и экономического благосостояния при *цивилизации*⁶³: «...гражданское образование каждого народа должно совершаться согласно с его особенными потребностями»⁶⁴. Этот тезис усиливал акцент на «образовательной», «просвещенческой» семантике *цивилизации*, о чем подробнее пойдет речь ниже. Во второй части *Журнала министерства народного просвещения* за 1834 год имя Гизо встретилось вновь — в материале Михаила Петровича Погодина *Очерк европейской истории в Средние века. По Гизо* (из той же *Истории цивилизации в Европе*). Погодин в одной из сносок вновь употребил слово *цивилизация*: «Христианская Религия есть корень Европейской цивилизации»⁶⁵. Хотя в дальнейшем, в 1830-е годы, по нашим наблюдениям, слово *цивилизация* нечасто встречалось на страницах ведомственного журнала Уварова, с 1834 года термин входит в употребление — о чем свидетельствует и ссылка на *Журнал министерства народного просвещения* в уже упоминавшемся исследовании А.Л. Метлинского 1839 года⁶⁶.

Цивилизация: «материальные» и «духовные» аспекты

Понятие *цивилизация* ассимилировалось в России в своем «культурно-образовательном» значении в середине 1830-х годов.

⁶¹ ЖМНП. 1834. № 1. С. 434.

⁶² Там же. С. 428.

⁶³ Там же. С. 438.

⁶⁴ Там же. С. 440.

⁶⁵ Там же. 1834. № 2. С. 92. Еще ранее, в 1836 году, А.И. Тургенев в *Хронике русского* (глава XI. *Париж*; опубликовано: Современник. 1836. Т. 1), рассуждая о Гизо, также использовал слово *цивилизация*, а не, например, *гражданственность* [Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 67].

⁶⁶ Подробнее о восприятии концепции *цивилизации* Гизо в России см.: Evtuhov C. Guizot in Russia

Между тем изначально — в том числе и в чрезвычайно важных для русского контекста работах Гизо конца 1820-х годов — понятие *цивилизация* неразрывно соединяло в себе как материальную, так и нематериальную реальность: социальный и политический быт, с одной стороны, литературу, науки и искусства — с другой. Адриано Бальби писал в 1830 году в журнале *Le Revue britannique*: «...le mot *civilisation* doit embrasser religion, lois, coutumes, mœurs, gouvernement, genre de vie, organisation sociale, arts, sciences, littérature, langage»⁶⁷ («слово *цивилизация* должно охватывать религию, законы, обычаи, нравы, форму правления, быт, социальную организацию, искусства, науки, литературу, язык»).

Стремясь проверить гипотезу о первоначальном восприятии в России лишь культурного аспекта *цивилизации*, мы исследовали язык русской экономической периодики той эпохи. В качестве объекта для фронтального просмотра был избран ежемесячный *Журнал мануфактур и торговли*, выходивший при департаменте мануфактур и внутренней торговли с 1825 по 1860 год. Кроме официальных распоряжений, журнал печатал по преимуществу переводные статьи, однако к 1860 году количество русскоязычных авторских статей стало резко увеличиваться. Этот журнал привлек наше внимание еще и потому, что, будучи официальным министерским изданием, он долгое время сохранял определенную консервативность в выборе тем, сюжетов для публикаций, лексики и т.д. Иначе говоря, уместно предположить, что использование того или иного понятия в языке этого технико-экономического журнала свидетельствовало о его окончательном вхождении в русский язык. Главным образом нас интересовали не упоминания *цивилизации* как таковой, но именно частотность и регулярность ее появления на страницах издания.

Просмотр *Журнала мануфактур и торговли* за период с 1830 по 1860 год привел к следующим предварительным результатам. Спорадически *цивилизация* и ее дериваты начали появляться на страницах журнала с конца 1840-х годов⁶⁸; до (а также и после)

⁶⁷ Revue britannique. 1830. Т. 1. Р. 462.

⁶⁸ См., например: «Обширная будущность открывается пред ними (портами: Таганрог, Мариуполь, Ростов и Бердянск. — М.В.), благодаря цивилизации и здоровой политике России, умевшим обратить кочующие народы, дикие орды, в полезных земледельцев. Народонаселение казаков на берегах Дона, Днепра и Волги, некогда ведшее жизнь предприимчивых ратников, ныне образует прекрасные деревни, как бы выросшие по волшебству из земли. Казаки

этого понятие *цивилизация*, как правило, передавалось через слова *просвещение, образованность, образование и гражданственность*⁶⁹. Радикальные изменения в употреблении термина происходят в 1860 году. Если в 1859 году, согласно нашим подсчетам, в *Журнале мануфактур и торговли* слово *цивилизация* не встречается ни разу, то публикации за 1860 год насчитывают сразу несколько случаев его употребления, в частности в связи с темой экономического развития. Во втором номере за 1860 год в статье *Хлопчатобумажные плантации в Южной Африке (Комм. газ.)* говорилось: «Благороднейшие идеальные и самые здоровые практические стремления британской нации сливаются, следовательно, между собою в великом деле цивилизации и введения христианства в Африке...»⁷⁰ Затем *цивилизация* появилась в переводной статье *Георг и Роберт Стифенсоны (извлечено из статьи Огюста Ложеля)* (из *Revue des deux Mondes*, номер от 1 февраля 1860 года): «Биография этого честного и мужественного труженика, которому наш век обязан одною из тех блестящих заслуг, которыми ознаменовываются великие эпохи цивилизации...»⁷¹ В пятом номере журнала французское слово *civilisation* было вновь переведено именно как *цивилизация*: «Внутреннее спокойствие отдельных государств и всего света тесно связано с успехом вопроса о свободе промышленно-сти. Она есть потребность нашего времени и все меры, предпринимаемые с целью споспешествования ей, достойны всякой по-

полубили земледелие, занимаются скотоводством. Их дикость уступила место правильной администрации, добрым отношениям гражданским» [Взгляд на промышленность и торговлю Южной России (Херсон. губерн. ведомости) // ЖМТ. 1848. № 12. С. 322].

⁶⁹ В России «успехи промышленности шли ровным шагом с успехами в просвещении и образованности»; Петр I «сблизил Россию с Европою, ознакомил народ свой с образованием Европейским» (Вступление // ЖМТ. 1825. № 1. С. II, X). «Эти успехи имели благотворное влияние на нравы и благосостояние народное. В странах, где мануфактурная и земледельческая промышленность были наиболее оживлены, разлилось просвещение, улучшились нравы, пища сделалась здоровее, жилища удобнее» (Исторический взгляд на французскую промышленность // Там же. 1834. № 11. С. 13). «Сисмонди, начертав, как искусный художник и превосходный экономист, картину настоящего положения нашей гражданственности, не сделал ни какого заключения; он не показал, что должно делать, и что нужно предпринять» (Несколько лекций о Политической и промышленной экономии, читанных в 1838 году в Париже профессором Бланки // Там же. 1846. № 4. С. 355).

⁷⁰ Там же. 1860. № 2. Смесь. С. 22. В той же статье говорилось и об «общирном круге цивилизованной деятельности» (Там же. С. 21).

⁷¹ Там же. № 4. С. 2.

хвалы, потому что они служат делу цивилизации»⁷². В 11-м номере журнала слово *цивилизация* было употреблено уже в оригинальной статье — *Производство железа* Аркадия Бутовского: «Железо искони составляло одно из существенных условий развития цивилизации и потому по справедливости считается важнейшим продуктом промышленности, в котором нуждаются и просвещенные народы, и дикари, с тою лишь разницею, что у первых эта потребность несравненно многостороннее»⁷³. Более того, с 1859 по 1860 год можно обнаружить изменения в словоупотреблении у одного и того же автора журнала. Экономист В. Татаринов в 1859 году употреблял в качестве эквивалента *цивилизации* словосочетание *гражданское развитие*:

Торговля и вообще промышленность, более чем что либо, имеют космополитический характер и не связываются национальностью и историческими условиями. Истекая из одних начал — удовлетворения нужд и личной выгоды — они действуют на одних основаниях, употребляют почти одни и те же средства во всех странах, и если есть различия, то они зависят от степени гражданского развития, и по крайней мере у европейских народов почти не имеют значения⁷⁴.

Однако в 1860 году Татаринов пользуется уже словом *цивилизация*:

Без всякого преувеличения можно сказать, что в этом смысле (облегчения развития человека), фабрики, машины, экономические изобретения суть орудия, условия цивилизации. Что они сами являются вследствие развития наук и знаний человеческих, это доказывает, с другой стороны, что они составляют признак цивилизации, и что успехи и усовершенствования их идут наравне с успехами цивилизации. После того, что же значит восставать против фабричной промышленности в нынешних ее размерах? не то же ли самое, что восставать против успехов человеческого ума и цивилизации?⁷⁵

⁷² Французская промышленность и новые машины. Экскурсия в Нормандию (из статьи Эмиля Фурье) (из «Journal des économistes», март 1860 г.) // ЖМТ. 1860. № 5. С. 27.

⁷³ Там же. № 11. Отд. 4. С. 1.

⁷⁴ Татаринов В. Варранты и продажи оптом с аукциона в Англии и Франции // ЖМТ. 1859. № 9. С. 47.

⁷⁵ Татаринов В. Об ограничениях свободы промышленности и о цеховом устройстве // ЖМТ. 1860. № 9. С. 81—82.

Данные *Журнала мануфактур и торговли* подтверждаются публикациями из других экономических журналов. Так, слово *цивилизация* начинает активно использоваться авторами московского *Вестника промышленности* именно ко второй половине 1850-х годов⁷⁶. Между тем синонимичные с *цивилизацией* понятия (такие как *образованность*, *образование* или *гражданственность*) не исчезают со страниц экономической периодики с начала 1860-х годов и продолжают употребляться относительно часто⁷⁷.

Схожая картина наблюдается в географических журналах, где также следовало бы ожидать раннего обращения к понятию *цивилизация*. В *Записках Императорского Русского географического общества* слово *цивилизация* появляется весьма поздно. В конце 1840-х и 1850-е годы вместо *цивилизации* авторы *Записок* используют слова *просвещение*, *образование* или *образованность*⁷⁸, в том числе и при прямой апелляции к экономическому развитию имперских окра-

⁷⁶ См., например: *Вестник промышленности*. 1859. № 10. С. 2, 29; *Смесь*. С. 30; 1860. № 2. С. 192; № 3. С. 16. См. также: *Экономический указатель*. 1858. № 7 (16/28 февр.). С. 135—136.

⁷⁷ См. характерный пример: «Народ, живущий отдельно от прочего мира, замкнутый в самом себе, в течение целых тысячелетий, почти не сходит с первых ступеней человеческого образования. Только обоюдные сношения, только частые соприкосновения с другими народами могут всесторонне развить в нем образование. Места первых торговых сношений были также и местами первой образованности; обмен товаров порождает собою и обмен идей. История торговли должна обнимать собою, по преимуществу, сношения народов образованных...» [С-ов Н. Исторический очерк развития торговых отношений (из книги: *Geschichte des Handels und Weltverkehrs* J. Engelmann. Leipzig, 1859) // *Вестник промышленности*. 1859. № 10. С. 104].

⁷⁸ См., например: «Не распространяясь о том, что низшая степень просвещения в других представляется нам всегда совершенно противоположную степени образованности, на которой мы себя считаем [...] в средней части ее (Европы. — М.В.). Германские народы попирали развалины Римского просвещения, из коих возникла новая образованность...» [Бер К.М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности (перевод с немецкого) // *Зап. Имп. Русского географического общества*. СПб., 1849. Кн. 1 и 2. С. 68, 71]; «Сохранившиеся до нашего времени памятники древности доказывают, что прежние обитатели Сибири стояли на гораздо-высшей степени образования, сравнительно с нынешними ее племенами» (Спаский Гр. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Там же. 1857. Кн. 12. С. 114); «Впрочем, если гражданственность, на какой бы то ни было ступени развития, и существовала в Воронежском крае, Монголы своим нашествием совершенно истребили ее» (Германов. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Там же. С. 186).

ин⁷⁹. Однако в 1861 году *цивилизация* прочно закрепляется на страницах журнала. Например, в первой книжке издания читаем:

Вторая всемирная выставка промышленности, бывшая в Париже в 1855 году, привлекала собой, изо всех концов света, множество просвещенных людей, убежденных в том, что однообразие мер, весов и монеты есть один из необходимейших рычагов для успеха цивилизации⁸⁰;

О том, что еврейское племя обладает вообще замечательно развитыми умственными способностями, едва-ли нужно распространяться. Стоит только взглянуть на современную или вековую историю, чтобы убедиться, что если в какой либо эпохе или местности племя это оставалось в застое, то причины тому были всегда внешние, именно: когда господствующие народы преграждали ему путь к развитию сих способностей и вызывали тем нравственную апатию; коль скоро же цивилизация разрушала сии преграды, тогда являлись всегда почти на всех поприщах гениальные деятели из среды сего народа⁸¹.

Как и в случае с экономическими изданиями, авторы и переводчики, сотрудничавшие в *Записках*, не отказывались от терминов *образованность*, *образование*, *гражданственность* или *просвещение*. Так, например, в отчете о заседании Международного общества для содействия к повсеместному введению однообразной десятичной системы мер, весов и монеты приводились франкоязычные цитаты из обращения этих обществ к президенту Российской Академии наук Дмитрию Николаевичу Блудову и другим ее членам, которые сопровождалась переводами на русский язык. В тексте присут-

⁷⁹ «Быть может, близко время, когда пылкое стремление Великого Преобразователя к сближению России с Центральною Азией должно быть приведено в исполнение — но уже не для увеличения народного богатства одними золотonosными песками — не видами, ныне более мечтательными, нежели практическими, на прямые сношения с Индией — не желанием завоевать Хиву, Бухару, Кокан и Яркен; но миролюбивым, постепенным покорением варварства влиянию образованности, *посредством коммерческих сношений*» (Чихачев Пл. О исследовании вершин Сыр и Аму-дарьи и нагорной площади Памир // Там же. 1849. Кн. 3. С. 26; курсив автора).

⁸⁰ О международном обществе для введения однообразной десятичной системы мер, весов и монеты // Там же. 1861. Кн. 1. С. 79.

⁸¹ Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России // Там же. С. 63. Слово *цивилизация* появлялось в этой статье еще раз: Там же. С. 52. Кроме того, см.: Там же. Географическая летопись. С. 28.

ствовала *цивилизация*, однако однокоренные с *civilisation* слова интерпретировались следующим образом: выражение «les différents Etats civilisés» было переведено как «различных странах образованного мира», слова «Sous le gouvernement d'un Prince qui se montre si noblement inspiré de pensées civilisatrices» — как «и в России, живущей под управлением Государя, столь благородно одушевленного мыслию просвещения», «Tous les peuples civilisés» — как «всех образованных народов»⁸². Зачастую статьи географической тематики, связанные с *цивилизацией*, публиковались не в специальных изданиях соответствующего профиля, а в прежде всего литературных журналах⁸³.

В итоге можно прийти к заключению, что журнальная рецепция понятия *цивилизация* в России первоначально шла именно по каналам литературно-критических (с 1830-х годов), а не экономических (где это понятие распространяется с начала 1860-х годов) или географических изданий. Материалы периодики обладают, как кажется, необходимой степенью репрезентативности, дабы утверждать, что соответствующая динамика была присуща языковой системе в целом (речь опять же в данном случае идет не о случаях единичного употребления понятия, но о регулярном его использовании). Если во французском языке *civilisation* конденсировала как

⁸² Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. С. 95—96, 98. См. также: «...Аму-дарья может и в самой далекой будущности сделаться второстепенною дорогою промышленности, образования и гражданственности» (Венюков М. Описание Хивинского царства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Там же. 1861. Кн. 2. С. 162—163). Тот же М. Венюков употреблял оба термина, см., в частности: «Вообще мы смотрим на торговлю Западной Сибири с среднею Азиею как на вернейший путь к цивилизации последней» (Краткий обзор внешней торговли чрез Западную Сибирь, в 1851—1860 годах // Там же. 1861. Кн. 3. С. 185). См. также: Там же. 1861. Кн. 4. С. 42, 85; Географическая летопись. С. 11—12.

⁸³ Характерен пример работы Семенова-Тянь-Шанского: Семенов П. П. Орывки из истории природы. Гольфштром, его причины и отношения к развитию цивилизации в Европе // Отечественные записки. 1855. Т. 102. № 10. Наука и художества. С. 77—104. В своем определении *цивилизации* Семенов акцентировал именно общественные, государственные и географические черты (а не, скажем, социоэкономические): «Это постоянное совершенствование человечества, как существа коллективного и интеллектуального, в соединении с некоторыми внешними формами жизни общественной и государственной, способствующими предназначенной Провидением человечеству деятельности, называем мы цивилизациею. [...] Европа представляет для развития общечеловеческой цивилизации, а именно: в фазисе ее отрочества и юношества, такие выгодны условия, как никакая другая часть нашей планеты» (Там же. С. 78).

материальную, так и культурную составляющую жизни общества, в немецком — *Zivilisation* часто выступала в качестве антитезы *образованию* и *культуре*, в английском — изначально была связана с определенным типом экономической деятельности, то в России *цивилизация* интерпретировалась прежде всего как *просвещение*, *образование*, *образованность*, *гражданственность* (причем последнее определение, по нашим наблюдениям, гораздо менее часто, нежели первые три⁸⁴), но не как *промышленность*, *торговля* и тому подобное. Уместно задаться вопросом: почему так произошло?

С.С. Уваров и его интерпретация понятия цивилизация

Если соединение *цивилизации* и *просвещения* в целом не вызывает удивления⁸⁵, то особого комментария требует связь понятия с *образованием* и *образованностью*. В данном случае, как кажется, вполне возможно установить, кому именно русский язык был обязан распространением такого «перевода»: министру народного просвещения С.С. Уварову, который, как отмечалось прежде, задал *цивилизации* «образовательную» траекторию, начиная с первого номера своего ведомственного журнала (1834). Словоупотребление Уварова было тем более влиятельным, что именно он в 1830-е годы формулировал «официальную» позицию российских властей в сфере культуры и имел все возможности ее «медийной» трансляции. Отсюда особую важность приобретают его собственные взгляды на сущность *цивилизации*, которые ниже будут рассмотрены в контексте его министерской деятельности.

Своего рода концептуальным введением к реформам Уварова в сфере народного просвещения может служить значительный корпус остающихся до сих пор не изданными сочинений, созданных им в период с 1828 по 1831 год. Оставивший после скандала вокруг Петербургского университета (1821) Министерство народного просвещения, президент Академии наук и член Комитета устройства учебных заведений Уваров во второй половине 1820-х годов актив-

⁸⁴ Последнее, как представляется, объяснимо: *гражданственность* обладала отчетливо «республиканскими» коннотациями. Употребление понятия *гражданственность*, несомненно, требует отдельного исследования.

⁸⁵ См., например: *Dampierre E. de*. Note. P. 333—334.

но пытался вернуться к административной карьере. В качестве конфидента и посредника между собой и Николаем I Уваров избрал начальника Третьего отделения графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Начиная с 1828 года Уваров находился в отпуске, подолгу жил в имениях и работал над сочинениями самого разнообразного рода, в частности над записками по вопросам государственного управления — от устройства финансов и судебной системы до вопросов просвещения и отмены смертной казни⁸⁶. Эти записки, скрепленные идеей срочной необходимости масштабных реформ в России, Уваров пунктуально переправлял в Петербург Бенкендорфу, который, в свою очередь, представлял их государю. Кроме того, Уваров создал обширнейший трехчастный труд на французском языке *Etudes sur la Russie au XIX siècle*, посвященный описанию политических, социальных, экономических и культурных явлений русской жизни. Одна из глав третьей части *Etudes sur la Russie* озаглавлена *О цивилизации в России (De la civilisation en Russie)*⁸⁷.

Как замечал Уваров, процесс *цивилизации* в России принял противоположное направление в сравнении с другими европейскими странами. Историю *цивилизации* Уваров напрямую связал с социальной историей Европы, где третье сословие первым обратилось к «источнику полезных знаний»⁸⁸. В Европе, отмечал он, просвещение не проявилось ни в аристократическом меньшинстве, ни среди народного большинства, именно третье сословие было очагом *цивилизации*; в России же третье сословие не существует и не могло никогда существовать. По мысли Уварова, высшие классы в России долгое время в одиночестве владели «недозрелой цивилизацией» (*civilisation prématurée*)⁸⁹, не проникавшей глубже. Уваров писал: «Мы не находим в России длительной борьбы между двумя силами, равно слепыми, равным образом павшими в силу нравственного превосходства третьего сословия, владевшего цивилизацией и промышленностью», покорившими «баронов» и «плебс» вопреки их воле⁹⁰.

⁸⁶ См.: Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003. С. 182—183.

⁸⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 71—73 об. В дальнейшем перевод наш. — М.В.

⁸⁸ «...les classes <зачеркнуто: intermédiaire> moyennes ont les premières puisé à la source des connaissances utiles» (Там же. Л. 71).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Nous ne retrouvons pas en Russie cette lutte prolongée entre deux forces également aveugles, également modifiées par la supériorité morale d'un troisième ordre

Согласно Уварову, трудно определить, кто в европейские Средние века, народ или нобили, более сопротивлялись влиянию просвещения? Доказано по крайней мере, считал он, что оба класса были насильно подчинены *цивилизации* и нравственно завоеваны классом-посредником. В России, благодаря уникальному стечению обстоятельств, аристократия, побуждаемая верховной властью, «бросилась навстречу просвещению как единственному способу стать на один уровень с Европой»⁹¹. В отличие от Европы, русское просвещение не было навязано высшему классу другим сословием, «охочим до его привилегий»⁹². Все главные интеллектуальные революции в Европе вышли из лона среднего класса; единственная интеллектуальная революция, произошедшая в России, ограничивалась аристократией и верховной властью⁹³.

По мнению Уварова, *цивилизация* в России не была следствием трений между разными сословиями. Без сомнения, отмечал он, «цивилизация в России — это экзотическое растение»; несмотря на усилия, приложенные к его акклиматизации и распространению, чувствуется, что она несет в себе нечто постороннее, чего ни время, ни люди не могут искоренить⁹⁴. Европейская *цивилизация*, «рожденная посреди гражданских войн и зажженных фанатизмом костров», *цивилизация*, «сражавшаяся с гражданской и церковной властью, объединившимися против нее, осталась победительницей на поле брани». Она слишком тесно связана с жизнью европейских народов, чтобы не составить необходимый образ их существования.

en possession exclusive de la civilisation à de l'industrie. Armés d'un pouvoir irresistible à nouveau, les hommes de loi <зачеркнуто: de plume> à de finance ne se sont pas portés pour arbitres entre les barons à les vilains, en les asservissant en dépit d'eux» (Там же. Л. 71 об.).

⁹¹ «En Russie, par un concours singulier d'événements, l'Aristocratie poussée par l'autorité souveraine, s'est jeté au devant des lumières considérées comme l'unique moyen de se mettre au niveau de l'Europe» (Там же. Л. 72).

⁹² «Les lumières dont l'origine est étrangère, n'ont pas été imposées à la classe supérieure par une autre classe jalouse de ses privilèges» (Там же).

⁹³ «Toutes les grandes revolutions intellectuelles en Europe sont parties du sein de la classe moyenne; la seule révolution intellectuelle qu'ait subi la Russie, s'est bornée à l'Aristocratie à au pouvoir souverain dont elle émane à dont elle fait partie» (Там же. Л. 72—72 об.).

⁹⁴ «La civilisation en Russie est sans contredit, une plante exotique; quelque soin qu'on ait pris de l'acclimater, quelques efforts qu'on ait faits pour la répandre, on sent qu'elle porte quelque chose d'étranger que ni le tems, ni les hommes n'ont pu lui ôter encore» (Там же. Л. 72 об.).

В России *цивилизация* хрупка и скудна, писал Уваров, поскольку это явление возникло вне ее⁹⁵.

Вопреки опыту европейских стран, Уваров не боялся «опасности» распространения просвещения среди низших сословий. «Они стремятся к образованию», и, писал он, «если никакое враждебное воспоминание не восстанет против положения дел, необходимо желать по крайней мере, чтобы истинная цивилизация, распространившаяся во всех классах по мере их нравственных потребностей, укоренилась бы в России глубже, чем это есть ныне»⁹⁶ (то есть в конце 1820-х годов). Уваров замечал, что культурная дистанция, отделяющая в России два социальных элемента — аристократию и народ, сама по себе есть залог общей безопасности, что позволяло компенсировать этот пробел за счет прогресса в сфере образования. Другие правительства Европы испытывали по этому поводу беспокойство, более или менее обоснованное, но это беспокойство было «чуждо правительству в России». Именно последнее обстоятельство способствовало тому, что российские власти полностью выигрывали от большего распространения познаний: было возможно избежать риска «революций», положив в основание образования твердые правила. Особенно это являлось актуальным в стране, где в силу уникальности исторических обстоятельств образование «не ушло из рук правительства и где оно могло еще считаться государственным делом»⁹⁷.

⁹⁵ «La civilisation européenne née au milieu des guerres civiles à aux pieds des bûchers allumés par le fanatisme, la civilisation obtenue <зачеркнуто: achetée> par des torrens de sang à qui a eu à combattre l'autorité civile à l'autorité sacerdotale <зачеркнуто: ecclésiastique> conjurées contre elle, est demeurée maîtresse du champ de bataille. Elle est trop intimement liée à la vie des peuples européens pour ne pas constituer désormais un mode indispensable de leur existence. En Russie la civilisation a quelque chose de frêle à d'exigu; quelque chose qui dénote qu'elle n'a pas pris naissance aux lieux où on la cultive» (Там же. Л. 72 об.—73).

⁹⁶ «...l'on n'a pas à craindre pour elle une réaction quelconque de la part des classes inférieures qui semblent animés du désir de s'instruire à qu'aucun souvenir hostile n'aigrir contre une état des choses qui a réellement amélioré leur situation, on doit désirer au moins que la civilisation <вставлено карандашом: véritable> repandue sur toutes les classes dans la mesure de leurs besoins moraux, prenne bientôt en Russie des racines plus profondes qu'elle ne l'a fait jusques ici» (Там же. Л. 73).

⁹⁷ «Au milieu des difficultés qui naissent de cette complication d'intérêts, il est juste d'observer que la distance intellectuelle qui sépare en Russie les deux éléments de l'état, est pour elle un gage de la sécurité avec laquelle on peut laisser combler cet intervalle par les progrès d'une instruction plus générale. Les autres gouvernements de l'Europe éprouvent à cet égard des inquiétudes plus ou moins fondées, mais ces inquiétudes sont étrangères au gouvernement russe. Il a tout à gagner dans ce moment

После событий начала 1830-х годов, особенно во Франции, где вновь было актуализовано представление о «революционной» функции третьего сословия⁹⁸, скепсис Уварова в отношении современного состояния европейской *цивилизации* резко усилился. Важно, что констатация разрыва между историческими путями России и Европы являлась исходной точкой рассуждений Уварова. При этом Уваров признавал общность конечной цели России и Европы — *цивилизации* или, согласно его более поздней формуле, «европейского образования». Однако общность цели решительно не заставляла будущего министра задуматься об институциональном заимствовании с Запада, но, напротив, наводила его на мысль о максимальном использовании той исключительной ситуации, которая сложилась в России, — «привилегии отсталости», если пользоваться термином Манфреда Хильдермайера⁹⁹. Отсутствие в России третьего сословия и общественной инициативы как таковой воспринималось Уваровым как аксиоматическая данность, исходя из которой государство и должно определять свою политику. Грубо говоря, согласно Уварову, если в России не было третьего сословия, сильных городов и так далее, то это означает, что его не будет и впредь. Привитие России *цивилизации* есть вопрос сознательного конструирования «сверху», подкрепленного всем ходом истории России. Реформа системы просвещения должна заключаться в идеологически корректной, функционально ориентированной унификации и огосударствлении образования в России.

В уваровской картине мира возможность публичной интеллектуальной активности сословий, свойственной *цивилизации* в европейских странах, отсутствовала, что мотивировалось им особенно российской историей. Инаковость европейского пути как бы заставляла Уварова строже выдерживать «автохтонную» русскую

d'une plus grande extension de connaissances à le danger qui pourrait en résulter un jour, est si éloigné qu'il est soustrait au calcul des probabilités. Ajoutons que ces dangers, s'il en existe, ne sauraient être eludés par aucune mesure préventive, mais qu'il n'est pas impossible de placer dans l'éducation publique des bases solides à l'abri de tout orage, surtout dans un pays où par une exception singulière l'instruction n'a pas échappé toute entière aux mains du gouvernement à où elle peut encore être traitée comme affaire d'état» (Там же. Л. 73—73 об.).

⁹⁸ См.: Gruner S. The Revolution of July 1830 and the Expression «Bourgeoisie» // The Historical Journal. 1968. Vol. 11. № 3. P. 462—471.

⁹⁹ См.: Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. S. 557—603.

линию. Реформы Уварова, в соответствии с замыслом Николая I, были строго сословно ориентированы: социальная и культурная деятельность оставалась в России исключительно дворянским делом, причем жестко контролируемым властью. «Государство» — как это хорошо видно из трудов Уварова — строго отделяло себя от сословий, в частности от дворянства, отделяло прежде всего политически¹⁰⁰. Тезисы Уварова о доминирующей роли государства в истории России привели его к мысли об образовании дворянства и других сословий без наделения их политическими правами. России, в силу «особости» ее исторического «пути», была уготовлена, по мысли Уварова, счастливая участь: культурный расцвет без опасности революционной «заразы», публичное пространство, искусно сконструированное властью с помощью «умственных плотин». Именно такое развитие событий Уваров включал в понятие *цивилизация* в России, которое он рассматривал прежде всего с социальной точки зрения (грубо говоря, как «европейскую цивилизацию без третьего сословия»¹⁰¹). Основным инструментом *цивилизации* (как процесса смягчения нравов и «правильного» идеологического просвещения) становится в николаевское царствование система образования.

Хорошо известно, что, помимо государственного контроля, основной задачей уваровских реформ в сфере образования была унификация системы в соответствии с сословной структурой российского общества¹⁰². Николай I, как и многие другие европейские монархи того времени¹⁰³, считал просвещение всех социальных страт необходимым, но настаивал на его функциональности — каждый человек должен был получать лишь те знания, которые

¹⁰⁰ Подробнее см.: Rogger H. Nationalism and the State: A Russian Dilemma // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. P. 253—264.

¹⁰¹ Само по себе выражение «европейская цивилизация без третьего сословия» для XVIII — первой половины XIX века во многом следует считать оксюмороном: «европейская цивилизация» — это и есть продукт деятельности третьего сословия. Этим, вероятно, объясняются постоянные сомнения Уварова в трактовке европейской природы России: с одной стороны, он был склонен подчеркивать культурную общность России и Европы, с другой — акцентировать разницу в путях достижения конечной цели — «европейской образованности».

¹⁰² Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 149; Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 85—86.

¹⁰³ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров. С. 158—159.

пригодятся ему в дальнейшем. Как справедливо отмечает Цинтия Виттекер, в реальности осуществить строгую сословную регламентацию здесь оказалось невозможным в связи с чрезвычайной подвижностью социальной структуры общества¹⁰⁴. На протяжении всего своего министерства Уваров, распространяя просвещение в России, в целом следовал тем же правилам: необходимости учить все сословия без исключения, максимально стараясь удержать их в их сословных границах. Длительная деятельность Уварова на посту министра народного просвещения оказала существенное влияние на характер российского образования: ему удалось добиться серьезных успехов в повышении культурного уровня большинства сословий русского общества (за исключением крестьян), при том что не предполагалось дальнейшего их наделения более широкими политическими или социальными правами. Показателен пример уездных училищ. Виттекер пишет:

...усиленное внимание к «практическому» обучению в уездных училищах служило двум целям. Это обучение развивало образованность низших слоев общества, обеспечивая им более надежное положение в жизни, а следовательно, могло благотворно сказываться на торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Но упор на точные науки в средних учебных заведениях делал большинство уездных училищ тупиком для их выпускников, так как они не были подготовлены к гимназии¹⁰⁵.

Перед нами точная реализация идеологической программы Уварова, как мы находим ее в *De la civilisation en Russie*: воспитание *среднего класса* в России в полной противоположности европейскому социальному опыту — помощь в овладении профессией без образования, достаточного для дальнейшего участия в политической жизни страны. Несмотря на заметно растущую профессионализацию гимназического образования, социальный состав учащихся средних учебных заведений на протяжении николаевского царствования практически не менялся, демонстрируя почти тотальное доминирование дворянства¹⁰⁶.

В 1840-е годы Уваров предостерегал против создания предпосылок для формирования в России третьего сословия. Когда в

¹⁰⁴ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров. С. 160.

¹⁰⁵ Там же. С. 164.

¹⁰⁶ Там же. С. 169—171.

1846 году образовался Особый комитет для пересмотра «Устава о гражданской службе» (под председательством статс-секретаря Александра Сергеевича Танеева, а затем генерал-адъютанта Николая Николаевича Анненкова), целью которого было новое рассмотрение вопроса об уничтожении чинов в России, то Уваров резко высказался против подобной инициативы. Мотивировал он это именно перспективами возникновения в империи буржуазии:

Таким образом государственная служба вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего, имеющих свое особое направление и совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования. В скором времени этот класс, при уклонении от службы престолу высшего и незрелости низшего, возникнет с непреодолимой силой и тем ознаменуется переход политической деятельности в руки среднего класса, что в прочих европейских государствах называется *tiers etat* или *Bourgeoisie* [так!] ¹⁰⁷.

Текст *De la civilisation en Russie*, окончательно сложившийся, по-видимому, к концу 1829 года, демонстрирует несомненную связь идей Уварова с концепцией французской *цивилизации* Ф. Гизо. В 16-й лекции по истории *цивилизации* во Франции Гизо охарактеризовал *третье сословие* как класс, который

...постепенно распространялся, возвышался и сначала значительно изменил, затем превзошел и наконец почти совершенно поглотил все остальные классы. [...] сначала, в продолжение шести веков оно, заодно с королевской властью, неутомимо трудилось над разрушением феодальной аристократии и ставило на ее место единственную центральную власть, чистую монархию, чрезвычайно близкую, по крайней мере по принципу, к монархии неограниченной. Но лишь только третье сословие одержало эту победу и произвело эту перемену, как оно стало стремиться к новой: оно нападает на ту же самую единственную, неограниченную власть, которую оно-же и помогло так усердно создать, задается целью обратить чистую монархию в конституционную и достигает этой цели; [...] достиг [...] высоты вследствие постоянного движения и непрерывной работы, укрепился [...] с течением времени, понемногу захватил и поглотил [...] все окружающее: власть, богатство, просвещение, влияние, из-

¹⁰⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 45—46.

менил [...] сущность общества, сущность правительства, и сделался [...] наконец до такой степени преобладающим, чтобы о нем можно было сказать, что он — сама страна ¹⁰⁸.

По убедительному предположению Андрея Зорина, появление в *Журнале министерства народного просвещения* лекции Гизо, о которой речь шла выше, было обязано редакторской воле самого Уварова ¹⁰⁹. Расщепление французского слова *civilisation* на два понятия — *цивилизация* и *гражданское образование* — было логически связано с меморандумом Уварова *О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения* (1833 год, черновик — март 1832 года). В черновой редакции меморандума Уваров резко критиковал французскую *civilisation*, сомневаясь в том, что она «есть путь к общественному благу» ¹¹⁰. Как отмечает Зорин, «терминологическая операция, проведенная в переводе лекции Гизо (“дурная” цивилизация и “хорошее” гражданское образование. — М.В.), оказалась на редкость продуктивной. За словом “цивилизация” закреплялось представление о неприемлемом для России социальном опыте» ¹¹¹. Исходя из *De la civilisation en Russie*, можно добавить, что русская *цивилизация* и в смысловом, и в терминологическом смысле (еще раз вспомним ссылку Метлинского на употребление именно слова *цивилизация* в *Журнале министерства народного просвещения*) утверждалась в таком качестве, то есть в России *цивилизация* была все-таки возможна, однако в резко отличающемся от французского смысле. По справедливому мнению Зигмунта Баумана, такой тип *цивилизации* в большей степени сходствовал с немецким *Bildung, образованием*. Однако отличия от немецкого эквивалента *гражданского образования* также весьма существенны: как отмечал Н. Элиас, третье сословие в Германии, хотя и лишенное возможности активного политического влияния, развило свою особенную культуру, которая затем стала ассоциироваться с «национальным» немецким характером ¹¹², — транспонировать это заключение на ситуацию в России представляется затруднительным. Заимствуя понятие из Европы, Уваров не думал о связи между социальной структурой и понятием,

¹⁰⁸ История цивилизации во Франции Гизо. М., 1880. Т. 3 и 4. С. 6.

¹⁰⁹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 350.

¹¹⁰ Там же. С. 342—343, 350.

¹¹¹ Там же. С. 349—350.

¹¹² Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 85, 99.

предполагая, что и то и другое возможно создать искусственно, реформами «сверху». Словоупотребление Уварова, действительно, было чрезвычайно удачным: синонимичность *цивилизации* с парой *образованность/образование* прослеживается и до 1830-х годов, однако затем, почти в течение тридцати лет, понятие *цивилизация* употреблялось почти только в сфере литературы, критики, историографии, в рамках текстов, интерпретирующих культурную и духовную активность человека и общества¹¹³. Кроме того, при интерпретации *civilisation* в смысле *образованности/образования* с понятием происходит значимая семантическая трансформация: если термины *цивилизация* и *образованность* обозначают определенный социальный опыт, то *образование* — механизм, позволяющий этот опыт регламентировать. В этом случае административная выгода Уварова кажется несомненной: наделяя культурно-экономическое понятие исключительно *образовательными* смыслами, Уваров ставил народное просвещение в основание государственной политики в целом.

Прямая параллель *цивилизации* со *средним классом* в сочинении Уварова не кажется тривиальной: о ней почти не писали западноевропейские исследователи этого понятия. Окончательное оформление эта идея приобретает, вероятно, именно в работах Франсуа Гизо, однако уже начиная с самого возникновения слова *civilisation* его нередко использовали в социоэкономическом контексте¹¹⁴. Сами теоретики французского *tiers-état* — например, аббат Эммануэль-Жозеф Сийес и Жан-Поль Рабо Сент-Этьен — понятия *civilisation* не употребляли. Однако именно такая связь прослеживается (в одном случае — прямо, в другом — косвенно) в двух фундаментальных историографических работах, многожды затем оспоренных, но не потерявших своего значения, — *О процессе цивилизации* Норберта Элиаса и *Структурные трансформации публичной сферы* Юргена Хабермаса¹¹⁵.

¹¹³ Схожая картина наблюдается и в критических сочинениях Белинского.

¹¹⁴ *Февр Л.* Цивилизация. С. 243—244; *Роскок J.G.A.* The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. P. 500—501.

¹¹⁵ О дискуссиях вокруг этих трудов см.: *Goode L.* Jürgen Habermas. Democracy and the Public Sphere. London; Ann Arbor, 2005. P. 34—55; *Roberts J.M., Crossley N.* Introduction // After Habermas. New perspectives on the public sphere. Oxford, 2004. P. 10—17; *Aya R.* Norbert Elias and «The Civilizing Process» // Theory and Society. 1978. Vol. 5. P. 219—228.; *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М., 2008; и др.

Элиас писал, что в Германии противопоставление *цивилизации* и *культуры*, четко сформулированное Иммануилом Кантом в сочинении *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (1784), отражало умонастроение формирующейся «немецкой буржуазии». Последняя, будучи отрезанной от политической жизни — привилегии франкоязычной придворной аристократии, находила свою социальную легитимацию в духовной, научной или художественной деятельности, в понятиях *Kultur* (*культура*) и *Bildung* (*образование*)¹¹⁶. Импульс к интеллектуальному развитию немецкого третьего сословия объясняется специфической социальной ситуацией: невозможностью для среднего класса повлиять на политику в Пруссии и других германских государствах при растущей экономической силе¹¹⁷.

Во Франции, наоборот, разрыв между придворным обществом и средним классом в течение XVIII века резко сокращался: в итоге первое фактически ассимилировало третье сословие¹¹⁸. Французская буржуазия была богаче и зажиточнее немецкой, уже в XVIII веке она отличалась особой культурной активностью. Кроме того, французское третье сословие имело длительный опыт собственного политической деятельности и участия в государственном управлении. В середине XVIII века в среде французского среднего класса возникает недовольство меркантилистской политикой двора, отразившееся в трудах В.Р. Мирабо-отца. Как отмечал Элиас, одним из выражений идеи реформы (как создания разумной администрации. — *М.В.*) и ясным отображением этой идеи в момент ее возникновения и является понятие *civilisation*, символизировавшее опыт бессилия абсолютистских правительств перед лицом динамики общественного развития¹¹⁹.

В 1770-е годы ощущение необходимости реформ стало более сильным — благодаря растущей коммерциализации и индустриализации Франции и влиянию Американской революции. Элиас связывает внезапное появление слова *цивилизация* в трудах Г.-Т.-Ф. Рейналя и П.А. Гольбаха (в 1770 году этот термин не употребляется, с 1774 года входит в их лексикон) с назначением в 1774 году на пост главного французского финансиста Тюрго, что ассоциировалось с победой реформаторских сил при дворе. *Циви-*

¹¹⁶ *Элиас Н.* О процессе цивилизации. С. 64—72.

¹¹⁷ Там же. С. 72—74, 84.

¹¹⁸ Там же. С. 75, 92.

¹¹⁹ Там же. С. 92—101.

лизация осознавалась как процесс постоянного стремления к улучшениям — в экономике, а затем и в нравах¹²⁰. Учитывая все сказанное, Элиас делает вывод: французское понятие *civilisation* точно так же отображает особую судьбу французской буржуазии (в том числе и революционную), как понятие *культура* — судьбу буржуазии немецкой. Так же как и в Германии, именно *цивилизация* «придворной буржуазии» затем становится ключевым понятием французского «национального характера»¹²¹.

Хабермас связывал «революционные» изменения в структуре европейского «общественного мнения» (он также употреблял термин *civil society*, близкий понятию *civilization*) с высшей прослойкой буржуазии — активной, экономически влиятельной группой внутри третьего сословия. Хабермас и Элиас соглашались в том, что в Германии политическое влияние третьего сословия было резко ограничено доминирующим влиянием дворянства¹²², однако расходились в оценках ситуации во Франции. Хабермас считал, что до Великой французской революции чрезвычайно трудно говорить о консолидированном присутствии чисто «буржуазных» по социальному составу институций (речь шла как о литературе, так и о политике). По мнению Хабермаса, причина тому — именно в разрыве между буржуазией, с одной стороны, и дворянством с высшей бюрократией — с другой¹²³.

Представления Элиаса и Хабермаса о сущности социокультурных трансформаций при Старом режиме подверглись значительной коррекции. Критиковались, в частности, идеи о решающей роли *третьего сословия* в Великой французской революции, о существовании полностью автономной «буржуазной» публичной сферы, а также «марксистский» субстрат трудов Хабермаса¹²⁴. Кроме того, основные пропагандисты *третьего сословия* во Франции конца

¹²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 101—106.

¹²¹ Там же. С. 93, 106—107.

¹²² Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962. S. 86.

¹²³ Ibid. S. 81.

¹²⁴ Подробнее см.: Baker K.M. Politique et opinion publique sous l'Ancien Régime // Annales. Histoire, Sciences sociales. 1987. P. 41—71; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 1100—1101; Goodman D. Public Sphere and Private Life: Toward a Synthesis of Current Historiographical Approaches to the Old Regime // History and Theory. 1992. Vol. 31. P. 1—20; Eyerman R., Shipway D. Habermas on Work and Culture // Theory and Society. 1981. Vol. 10. P. 547—566; Шартье Р. Культурные истоки французской революции. М., 2001; и мн. др.

XVIII века в социальном смысле к нему не принадлежали, говорили не *от имени* среднего класса, а, скорее, обращались к нему *извне* (наиболее показателен здесь пример аббата Сийеса)¹²⁵. Существенное различие между концепциями Элиаса и Хабермаса, с одной стороны, и мифологемой, обосновывавшейся в трудах Гизо и Уварова, с другой, состоит в социальном составе буржуазии и третьего сословия¹²⁶. Элиас под «буржуазией» подразумевал среднее сословие интеллигенции (бюргерство, чиновники, мелкое дворянство) в Германии и более экономически ориентированные городские страты во Франции¹²⁷, Хабермас — только тех, кто обладал достаточным уровнем образования для потребления печатной продукции — богатых городских коммерсантов и финансистов, промышленников и владельцев мануфактур, а также юристов, медиков, профессоров, ученых, представителей церкви и так далее¹²⁸. Рабо Сент-Этьен, Сийес, Гизо и Уваров определяли *третье сословие* шире, противопоставляя «производящую» и «репрезентативную» функции социальных групп. Так, Сийес (в *Qu'est ce que le Tiers état?* — *Что такое третье сословие?*, 1789) считал третьим сословием земледельцев, промышленников, коммерсантов и тех, кто производит товары личного потребления — как материальные, так и интеллектуальные¹²⁹, и заключал:

Le Tiers embrasse donc tout ce qui appartient à la nation; et tout ce qui n'est pas le Tiers ne peut pas se regarder étant de la nation. Qu'est ce que le Tiers? TOUT. (Третье сословие обнимает собой, следовательно, все то, что принадлежит нации; все, что не относится к третьему сословию, не может рассматривать себя как нацию. Что такое третье сословие? ВСЕ)¹³⁰.

О проникновении третьего сословия в дворянство во Франции второй половины XVIII века см., например: Blacker J.G.C. Social Ambitions of the Bourgeoisie in 18th Century France, and their Relation to Family Limitation // Population Studies. 1957. Vol. 11. P. 46—63.

¹²⁵ О памфлете Сийеса *Что такое третье сословие?*, в том числе в контексте исторического генезиса понятия *bourgeoisie* во Франции XVIII века, см., например: Benrekassa G. Crise de l'Ancien Régime, crise des idéologies: une année dans la vie de Sieyès // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1989. № 1. P. 25—46.

¹²⁶ О разнице между этими двумя понятиями см.: Oeuvres de Augustin Thierry. Vol. IX: Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état. Paris, 1867. P. 2—3.

¹²⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации. С. 64—72.

¹²⁸ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. S. 35, 84?86.

¹²⁹ Sieyès E.J. Qu'est ce que le Tiers état? Paris, 2002. P. 2—3.

¹³⁰ Ibid. P. 4.

Рабо Сент-Этьен также говорил о *нации*:

...le tiers-état composé de vingt millions de citoyens, et qui, par conséquent, compose presque toute la nation [...] C'est la nation, moins la noblesse à la clergé (...третье сословие, составленное из двадцати миллионов граждан, и которое поэтому составляет почти всю нацию [...] Это нация, минус дворянство и клир)¹³¹.

Схожее описание *третьего сословия* находим и в финале *Истории цивилизации во Франции* Гизо¹³². Таким образом (об этом писал и Элиас), концепт *третьего сословия* связывался современниками Уварова с процессом национального строительства во Франции в конце XVIII века. Согласно этой логике, понятие *третье сословие* получает дополнительную семантическую нагрузку во время Французской революции, хотя и имеет длительную и многовековую историю¹³³. Как показывают труды Гизо и его последователя Уварова, *третье сословие* связывается с *цивилизацией* именно в последней фазе его исторического развития, в свете революционных событий во Франции. При этом вопрос о социальной основе *цивилизации* оказывается для Уварова, предлагавшего Николаю I цельный взгляд на происходящее в России, неразрывно связанным и с механизмами построения в России теории народности или национальности.

Специфика российской интерпретации понятия *цивилизация* связана с определенными затруднениями при переводе термина на язык социальной реальности, которая могла бы за ним стоять. Основная проблема, как кажется, состояла в том, что в России отсутствовало в европейском смысле развитое *третье сословие*, «настоящий буржуазный класс формировался очень трудно и медленно, был очень слабым»¹³⁴. Вопрос о создании «среднего рода людей»

¹³¹ Rabaut de Saint-Étienne. Considérations sur les intérêts du Tiers-état. 2-de ed. [S.l.], 1788. P. 7, 29.

¹³² См. выше. О категориальном аппарате, использовавшемся для описания социальных групп во Франции второй половины XVIII века, подробнее см.: Cloutre D.L. The Concept of Class in French Culture Prior to the Revolution // Journal of the History of Ideas. 1984. Vol. 45. P. 219–244.

¹³³ Подробнее см.: Lucas C. Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution // Past and Present. 1973. Vol. 60. P. 84–126; Tackett T. Nobles and Third Estate in the Revolutionary Dynamic of the National Assembly, 1789–1790 // The American Historical Review. 1989. Vol. 94. P. 271–301; и др.

¹³⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского обще-

возник в царствование Екатерины II¹³⁵, в период активной социальной стратификации «сверху». При этом почти сразу стало понятно, что реализовать программу экономической и социальной мобилизации городского населения будет чрезвычайно сложно, если не невозможно. Причинами тому были, во-первых, крайняя малочисленность самих городских жителей, во-вторых, тотальная ориентация экономики на крепостной труд (эта точка зрения восходит к 14-й главе XXII книги *О духе законов* Шарля-Луи Монтескье, 1748), наконец, в-третьих, «торги и промыслы не были основным занятием городского населения, а его социальный состав отличался большим разнообразием»¹³⁶. Концепция *среднего сословия*, изложенная Екатериной в *Наказе* и в дальнейшем законодательстве, была близка прусской модели организации общества, которая предусматривала «государственные сословия» с ярко выраженными фискальными функциями, а не «независимые корпорации, способные участвовать в управлении государством», как в Англии или во Франции¹³⁷. Номинально *среднее сословие* существовало и в целом соотносилось с *мещанством*, однако оно обладало иными характеристиками, нежели в Западной Европе¹³⁸. В итоге, как отмечает автор специальной работы о *гражданском обществе* в России второй половины XIX века Люц Хэфнер, «для позднимперского периода в России степень развития гражданского общества должна оцениваться как незначительная. [...] гражданское общество не было принято большинством населения в качестве интегрирующей

ства и правового государства: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 113; подробнее см.: Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland, 1760–1870. Köln; Wien, 1986; Jones R.-E. Provincial Development in Russia. Catherine II and Jacob Sievers. New Brunswick (N.J.), 1984. P. 99–108.

¹³⁵ О дебатах о *третьем сословии* в России («среднем роде людей») см.: Griffiths D.M. Eighteenth Century Perception of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinian Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. P. 452–472; См. также статью И. Ширле в этом сборнике.

¹³⁶ Лавринович М.Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах. Вып. 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 65.

¹³⁷ Там же. С. 73.

¹³⁸ Интересную попытку обнаружить и описать *третье сословие* в России начала XIX века см.: Martin A.M. Precarious Existences: Middling Households in Moscow and the Fire of 1812 // Siefert M. (Ed.) Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of A.J. Rieber. Budapest, 2003. P. 67–81.

силы и в России не утвердились общеевропейские образцы гражданских структур»¹³⁹.

История русского понятия *цивилизация* в первой половине XIX века отчетливо показывает, что оно входит в широкое (прежде всего, в экономическом языке) употребление именно в тот момент, когда социальная структура населения начинает претерпевать радикальные изменения¹⁴⁰, то есть тогда, когда в России теоретически могло сформироваться то самое *третье сословие*, с которым были связаны понятия *civilization/civilization/Zivilisation*. Именно в 1859—1860 годах, накануне отмены крепостного состояния, в России возникают значимые гражданские инициативы. Первенство здесь принадлежало именно обществам, причастным к экономическому и географическому освоению России: Вольному экономическому обществу и Императорскому Географическому обществу, а также Московскому обществу сельского хозяйства, обществам железных дорог, пароходства и городского хозяйства¹⁴¹.

Как мы показали на материале экономической прессы, понятие *цивилизация* распространяется в России не *после* начала реформ, а непосредственно *перед* ними. Кроме того, именно в 1860 году выходит в свет первый перевод на русский язык *Истории цивилизации в Европе* Гизо, а в 1861 году — его же *Истории цивилизации во Франции*¹⁴². Характерно, что переводчиками Гизо ста-

¹³⁹ Хэфнер Л. Civil Society, Bürgertum и «местное общество»: В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 195—196. Об основаниях подобного вывода см.: Там же. О структуре русской «публичной сферы» см. также: Bradley J. Subjects into Citizens.

¹⁴⁰ О механизмах этой трансформации см., например: Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 45—153.

¹⁴¹ См., например: Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859—1863 // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 263; и др.

¹⁴² Связь между экономическим развитием и уровнем просвещения отчетливо осознавалась современниками Великих реформ. См., например: «Эта-же статистика городов, с другой стороны, указывает и на значение самого населения в них; она показывает, как, под влиянием развития торговых дел и приобретения городом характера промышленной и коммерческой местности развивается в нем более производительное население, усиливается число торговых лиц, увеличивается количество капиталов, завязанных в торговлю, то вследствие всех этих благоприятных для городского благосостояния обстоятельств,

ли внук сельского священника Константин Константинович Арсеньев и сын врача Михаил Матвеевич Стасюлевич, специалисты по европейской истории, университетские люди и журналисты, то есть представители именно тех профессий, которые отождествлялись в Европе с понятием *цивилизация*. Стасюлевич видел и слышал выступления Гизо в Париже в 1857 году. Впоследствии, в 1859—1860 годах, в своих лекциях по всеобщей истории в Петербургском университете, которые, кстати, посещал Арсеньев¹⁴³, Стасюлевич развивал тезис об общности исторического пути России и Европы. Отзывы о его лекциях подчеркнуто связывают их тематику с понятием *цивилизация*: «Стасюлевич впервые указал нам на значение истории, объяснил великое значение цивилизации» (Алексей Николаевич Острогорский); Стасюлевич стремился «изображать цивилизованного европейца» (Александр Михайлович Скабичевский)¹⁴⁴. Логика понятия диктовала изменение политической структуры *следом* за реформами социальными и экономическими, как это случилось в европейских странах. Не случайно тот же К.К. Арсеньев отмечал разительные параллели между лекциями Стасюлевича о Франции и современной ему Россией:

И в своих университетских курсах, и в публичных лекциях он старался касаться предметов, которые возбуждали бы не одну лишь любознательность. Студентам он читал о первых веках христианства; публичные лекции он посвящал [...] французскому провинциальному управлению при Людовике XIV-м, дававшему повод для параллелей с русской до-реформенной администрацией...¹⁴⁵

город получает истинный характер торгового и промышленного центра, а от этого в свою очередь зависит и развитие его в умственном и нравственном отношениях, выражающееся в числе училищ, церквей и других учреждений, способствующих всестороннему развитию его населения, которое, при пособии всех этих способов просвещения, выходит уже из среды патриархального и малоразвитого класса и вступает в число более образованных, просвещенных и следовательно производительных классов народа» (Д.М. Рец. на: Исследование о торговле на Украинских ярмарках, соч. Ив. Аксакова. СПб., 1858. Стаття вторая // ЖМНП. 1859. № 2. Новые книги. С. 64).

¹⁴³ Шлемин П.И. Дневник К.К. Арсеньева // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 314.

¹⁴⁴ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 17.

¹⁴⁵ Арсеньев К.К. Михаил Матвеевич Стасюлевич // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 1—2.

Общественное ожидание радикальных изменений социальной и экономической структуры способствовало реанимации понятия *цивилизация*, однако достаточно скоро идея *третьего сословия* как основного элемента цивилизационного механизма, так и оставшись нереализованной, уступила место национальным и панэтническим трактовкам обсуждаемого термина.

Ольга Борисовна Леонтьева

Понятие *класс* в российской мысли XIX — начала XX века

Историография проблемы

Вопрос о том, в каких категориях описывали структуру своего общества российские мыслители XIX — начала XX века, в 1980-х годах подняли американские русисты на волне академического интереса так называемого «поколения детей» к социальной истории России¹.

В 1986 году в журнале «American Historical Review» была опубликована статья Грегори Фриза, посвященная происхождению и значению понятия *сословие*; параллельно Фриз обращался к истории нескольких других ключевых понятий российской социальной мысли: *состояние*, *звание* и, конечно, *класс*. Как доказывал в этой работе Фриз, термин *класс* появился в России примерно к 1801 году и в течение большей части XIX века использовался либо в нейтральном значении *категория*, либо как синоним понятий *звание*, *чин*, *стан*, *род жителей*, *чиносостояние*. Классовая терминология, продолжает Фриз, смогла завоевать прочные позиции лишь в пореформенную эпоху, особенно после появления в России марксизма. Тем не менее даже в начале XX века, «хотя некоторые новые группы (например, рабочие) действительно тяготели к обретению “классовой” идентичности [...] бо́льшая часть общества продолжала мыслить в категориях дореформенной сословной системы»².

Статья Фриза открыла дискуссию об употреблении понятия *класс* и о формировании классовой идентичности в российской мысли XIX — начала XX века; эта дискуссия развернулась в конце 1980-х годов на страницах журнала «Slavic Review», а затем про-

¹ См.: Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // М. Дэвид-Фокс (сост.). Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 5—47, особенно С. 11—14, 27—30.

² Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Там же. С. 162.

должилась на страницах сборника «Between Tsar and People» (1991). Большинство участников диспута, при всем различии их точек зрения, сходились на том, что классовая идентичность очень нелегко приживалась в российском обществе рубежа XIX—XX веков. Так, Л. Хаймсон доказывал, что идентичность социальных групп российского общества начала XX века носила колеблющийся, изменчивый характер: в сознании людей практически на равных правах могли сосуществовать сословный и классовый дискурсы, равно как и незатейливое деление общества на *верхи* и *низы*³. Альфред Рибер констатировал: для реальных представителей российского общества начала XX века сохранявшиеся правовые разграничения по *сословию, состоянию и чину*, а также региональная, этническая и профессиональная идентичность были более важны (и более наглядны), чем деление на «социально-экономические классы»⁴. Как отмечали многие исследователи, русская интеллигенция XIX века для описания своего родного общества предпочитала пользоваться довольно специфическими терминами, «не имеющими точных эквивалентов в английском», например *общество, общественность, народ* или *общественный деятель*⁵.

Наконец, Шейла Фицпатрик высказала убеждение: на рубеже XIX—XX веков в российском обществе существовали и сословная, и классовая парадигмы, но их сферы влияния были разграничены. Термин *сословие* использовался в официальном дискурсе, термин же *класс* — в дискурсе либеральной интеллигенции; причем *сословия* воспринимались интеллигенцией как нечто «искусственное», созданное государством в своих интересах, а *классы* — как нечто реальное: «На рубеже двух столетий в просвещенных кругах считалось само собой разумеющимся, что сословная система скоро полностью отомрет (даже в отсталой России), и что на смену ей придет современное классовое общество, построенное по западному образцу»⁶.

³ Haimson L.H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. Vol. 47. 1988. № 1. P. 1—20.

⁴ Rieber A.J. The Sedimentary Society // E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West (ed.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton (N.J.), 1991. P. 343—366, особенно p. 356—357.

⁵ Kassow S.D., West J.L., Clowes E.W. Introduction: The Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society // Ibid. P. 3; Gleason A. The Terms of Russian Social History // Ibid. P. 22—23; Sidney M. The Twilight Middle Class of Nineteenth-century Russia // Ibid. P. 34.

⁶ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации [1993] // М. Дэвид-Фокс (сост.). Американская русистика. С. 176—177.

Итак, зарубежные исследователи сходятся в том, что понятие *класс* долго и трудно обретало свое место в русском словаре, а классовая парадигма — столь же долго и трудно пробивала себе дорогу в русской мысли. Но при этом, как правило, проникновение классовой парадигмы в русскую мысль увязывается ими с марксизмом; принимается «по умолчанию», что классовая парадигма подразумевала деление общества на такие *классы*, как *буржуазия, пролетариат, средний класс*, и что само понятие *класс* употреблялось в том же значении, в котором оно употребляется в марксистской традиции — «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства»⁷.

Задача настоящей статьи — выяснить, как формировался классовый дискурс в русской мысли XIX — начала XX века, как с течением времени изменялось содержание, которое вкладывалось в само понятие *класс*, и как в соответствии с этим эволюционировали представления отечественных мыслителей о принципах «классового деления» общества. Это позволит приблизиться к пониманию того, в каких категориях образованные россияне XIX — начала XX века представляли себе структуру своего общества и с помощью каких интеллектуальных операций они мысленно конструировали эту структуру.

Немного предыстории: понятие класс в европейской мысли

Основоположником классовой теории общества обычно считается Адам Смит: в его фундаментальной работе, изданной в 1776 году, анализировалось «разделение труда» и «распределение продукта» «между различными классами народа». На страницах своего труда Смит предложил трехчленную модель классовой структуры общества, где три основных общественных *класса* (*землевладельцев, обладателей капитала и рабочих*) были выделены по виду доходов: владельцы земли получают ренту, собственники капитала — прибыль, наемные работники — заработную плату⁸. Те же

⁷ Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М., 1970. С. 15.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997. Кн. 1. С. 246—248.

общественные *классы* и на таких же основаниях выделял последователь Адама Смита Давид Рикардо⁹.

Классовая модель общества оказалась широко востребованной в европейской мысли вскоре после окончания Великой французской революции — для осмысления ее социального значения и исторического опыта. В начале XIX века Анри де Сен-Симон в «Письмах Женевского обитателя» (1802) и «Письме европейцам» (1803) предложил трехчленную модель деления общества: *класс собственников, класс неимущих и класс ученых, литераторов, артистов* — и проследил сложные взаимоотношения этих *классов* в ходе революции. Классовая теория Сен-Симона не отличалась законченностью и теоретической стройностью: как отмечает современный исследователь, «структура общества представляется Сен-Симону то трех-, то двухчленной, в зависимости от критериев стратификации: по отношению к собственности, по сословной принадлежности, по причастности к процессу производства, по принадлежности к правящим кругам, по политическим или философским умонастроениям и т.д.»¹⁰. Но роль Сен-Симона в судьбе классовой теории можно без преувеличения назвать ключевой: именно он выступил как вдохновитель, с одной стороны, историков эпохи Реставрации (Франсуа Гизо, Франсуа Минье, Адольфа Тьера, Огюстена Тьерри), с другой стороны — социалистов (Л. Блана и др.), которые выстроили более последовательные и четкие модели классового деления общества.

Огюстен Тьерри и Франсуа Гизо приучили читающую французскую публику (а значит, и франкофонную публику всей Европы) воспринимать историю и предысторию Французской революции как столкновение *классов*, чьи интересы были противоположны друг другу. Различия между *классами*, согласно Гизо и Тьерри, определялись «неравенством прав и социального положения» — прежде всего отношением к земельной собственности¹¹. Истоки классовых различий, с их точки зрения, крылись в эпохе завоевания Галлии франками: землевладельческий *класс* (феодалная

⁹ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., 2009. С. 79.

¹⁰ Гладышев А.В. «Артисты», «легисты» и «буржуа» (К.А. Сен-Симон о творцах Французской революции) // Французский ежегодник = Annuaire d'études françaises, 2001. М., 2001. С. 266—279.

¹¹ Цит. по: Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1949. С. 27.

аристократия, «леновладельцы») формировался из завоевателей-франков, непривилегированное «третье сословие» — из аборигенов-галлов¹². «Класс свободных людей есть нация завоевателей, заставившая прежнее население обрабатывать на нее землю», — писал Гизо о временах раннего феодализма¹³. Таким образом, революция трактовалась как ликвидация исторических последствий завоевания; результаты революции — отмену феодальных привилегий и установление гражданского равенства — Гизо и Тьерри интерпретировали как слияние всех прежде существовавших *сословий* в единственный *класс* граждан¹⁴.

Карл Маркс, по собственному признанию, не создавал классовую теорию, а лишь дополнил ее несколькими важными составляющими. В известном письме Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 года он разъяснял:

Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов¹⁵.

Не менее важно, что Маркс использовал классовую модель как универсальную схему для понимания истории любого общества, кроме первобытного: «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹⁶. Критерием выделения *классов* для Маркса и Энгельса служила роль, которую те или иные социальные группы играют в общественном разделении труда, производстве и обмене: «Разделение общества на классы или сословия

¹² Гизо Ф. История цивилизации во Франции: В 2 т. / Пер. П.Г. Виноградова. М., 1877. Т. 1. С. 130, 153—154; Т. 2. С. 64—65, 160—162, 252.

¹³ Там же. Т. 1. С. 130.

¹⁴ Плеханов Г.В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. 1895 // <http://www.marxists.org/russkij/plekhano/1895/tierry.htm>.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 427.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Там же. М., 1955. Т. 4. С. 424.

определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются»¹⁷.

Таким образом, со времен Адама Смита и до Карла Маркса классовая теория общества прошла в европейской мысли довольно долгий путь. Ее использовали в своих трудах экономисты и историки, правоведы и публицисты — в особенности те из них, которые придерживались социалистических воззрений. Но представления приверженцев классовой теории о принципах социального деления общества не были едины. Можно выделить несколько парадигм, сложившихся в рамках этой теории: «парадигма разделения труда» (*классы* выделяются в зависимости от их роли в системе общественного разделения труда; ее частными разновидностями можно считать «парадигму собственности» и «парадигму доходов»); «правовая/сословная парадигма» (*классы* выделяются по объему их прав и привилегий и потому фактически равнозначны *сословиям*); «парадигма завоевания» (*классы* выделяются по их историческому происхождению, и решающая роль в этом процессе отводится завоеванию).

Россия: Три словаря

Широкое употребление слова *класс* началось в России с Петра I, благодаря одному из самых знаменитых законодательных нововведений царя-реформатора — «Табели о рангах» (полное название: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был») ¹⁸. Любопытно заметить, что в тексте петровского законодательного акта сам термин *классы* упоминается лишь в заглавии «Табели...»; в тексте же примечаний законодатель предпочитал оперировать терминами *чины* и *ранги*, а также *достоинство*. Однако, очевидно, именно практика деления чиновничества, офицерства и придворных на *классные чины* впервые приучила российское образованное общество к мысли, что люди (не все, а лишь состоящие на службе) могут делиться на *классы*.

¹⁷ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» // Там же. М., 1961. Т. 20. С. 278.

¹⁸ Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 56—66.

В первом толковом словаре русского языка — «Словаре Академии Российской», составленном в 1789—1794 годах, предлагаются четыре дефиниции понятия *класс*. Показательно, что первая из них восходит к петровской «Табели о рангах», а остальные три связаны с постановкой системы обучения:

КЛАСС, сса, с. м. Лат. 1) Степень, каковую кто занимает по службе, начиная от нижняго офицерскаго чина до вышняго; таковых степеней считается 14. *Приглашены были знатныя особы первых трех классов.* 2) В училищах значит место, покой, в котором учатся. *Ити в класс. Они оба учатся в одном классе.* 3) Значит иногда всех учеников в одном каком либо классе обучающихся. *Распустить класс.* 4) Берется иногда за время, определенное на хождение в классы. *Классы начались*¹⁹.

Если сравнить статью «Класс» из «Словаря Академии Российской» с соответствующей статьей из «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (1863—1866), то станет видно, что за семьдесят лет понятие в русском языке приобрело новые дефиниции и смысловые оттенки, но при этом не так уж далеко ушло от изначальной «академической» трактовки:

Класс или лучше клас м. отдел, раздел, отделение, разряд, порядок, круг однородного; // степень; // сословие. *Животное царство делится на класы, а класы на разряды, разряды же на роды, состоящие из видов. Чины в Росии распределены на 14 класов.* // Ученики в заведениях делятся на класы, для облегченья преподаванья; как время ученья, так и самые учебные комнаты называются *классами*²⁰.

Важнейшая перемена заключается в том, что у Даля понятие *класс* становится абстрактной категорией: оно может обозначать «отдел, раздел, отделение, разряд, порядок, круг однородного» применительно к любым явлениям (пример с «животным царством» — безусловно, плод знакомства с номенклатурой Карла Линнея). Второе важное новшество: понятие *класс* определяется через *сословие*. Впрочем, эта интересная тема у Даля развития, к сожалению, не получает: само *сословие* определяется как «люди общего им занятия, одних прав; звание, состояние, разряд, каста», а *состояние*, в

¹⁹ САР 1789—1794: В 6 т. Т. 3: 3—Л. М., 2002. Стб. 590—591. (Здесь и далее в цитатах сохраняется курсив оригинала. — О.Л.)

²⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринт. воспр. изд. 1903—1909 гг.: В 4 т. Т. 2: И—О. М., 1994. Стб. 283—284.

свою очередь, — как «сословие, звание, каста; звание, род занятий и род жизни, по рождению, либо наследственно, или по избранию»²¹. Любопытна и попытка Даля «обрусить» иноязычный термин, убрав вторую букву «с».

Итак, два словаря позволяют достаточно четко зафиксировать: на протяжении конца XVIII — первой (и большей) половины XIX века понятие *класс* в русском языке прежде всего ассоциировалось с организацией прохождения государственной службы или процесса обучения, а также могло использоваться в абстрактном значении «разряд, категория». Социальные теории конца XVIII — первой половины XIX века не оказали заметного влияния не только на «академическую», но и на далевскую дефиницию понятия.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (первое русское издание — 1895) мы, однако, находим уже ярко выраженную социологическую трактовку понятия *класс*:

Классы, в смысле *общественных групп*, существенно отличаются как от каст, так и от сословий. Расчленение общества на касты [...] исторически построено на принципе завоевания, а теоретически — на религиозном принципе. В основании происхождения сословий (см.) лежит принцип политический. Только в позднейшее время общество стало распадаться на *классы*, соответственно положению отдельных лиц, т.е. их занятиям, а главное, соответственно распределению между ними собственности. Принадлежность к тому или другому К. не влечет за собою никаких юридических последствий [...] и не обусловлена никакими юридическими нормами. При расчленении общества на К. большую роль играет: 1) количество *собственности*, принадлежащее каждому члену данной группы, и 2) *свойство* собственности (движимой или недвижимой). Каждый из общественных К. имеет свои нужды, стремления, взгляды: в конституционных государствах депутаты из промышленного К. часто находятся в антагонизме с депутатами из К. землевладельческого²².

Это определение показывает основательное знакомство составителя словарной статьи с социальными теориями XIX века — от Адама Смита до Карла Маркса. Об этом свидетельствует принцип

²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринт. воспр. изд. 1903—1909 гг.: В 4 т. Т. 4: С—У. Стб. 409, 413.

²² Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 15: Керосин—Коаие. СПб., 1895. С. 323—324.

выделения *классов* соответственно «занятиям» и «распределению собственности» людей, то есть экономическим признакам; акцент на несовпадении границ *классов* с другими социальными группами, выделяемыми по религиозному или политическому принципу; подчеркивание того факта, что интересы различных *классов* могут быть антагонистичны.

Очевидно, убеждение, что «общество стало распадаться на классы», укоренилось в русской мысли в течение тридцатилетия, с 1860-х по 1890-е годы. Наша задача — рассмотреть подробнее, как это произошло и как менялся спектр значений термина.

Российская правовая мысль первой половины XIX века. М.М. Сперанский

По данным историков, первые примеры употребления термина *класс* в значении «общественные группы» и при этом вне контекста государственной службы можно обнаружить в материалах Уложенной комиссии 1767—1769 годов (выступление князя Николая Давыдова, говорившего «о разделении дворянства на классы»); в «Плане государственного образования» Михаила Михайловича Сперанского (1809); в «Русской Правде» Павла Ивановича Пестеля (1821—1823)²³.

Самое развернутое определение *класса* дает Сперанский. Понятийный аппарат его «Плана государственного образования» сам по себе интересен: термин *сословие* Сперанский использует в значении «государственный орган» (так, он пишет о «законодательном сословии», о «сословии судебном» как особых органах управления), а термин *состояние* — в значении «социальная группа» (так, он предлагает «открытие всем свободным состояниям права собственности на землю»²⁴). Термин *класс* в «Плане государственного образования»

²³ Фриз Г. Сословная парадигма. С. 129, 142. Слова Н. Давыдова цит. по: Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 180.

²⁴ Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.), с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и Пермского письма к Императору Александру. М., 1905.

используется как синонимичный «состоянию» — но с совершенно особым оттенком значения. «Народ российский разделяется ныне на три класса», — пишет Сперанский. «Первый класс, дворянство», согласно «древним феодальным установлениям», обладал как политическими, так и гражданскими правами; «в последствии времени политические права от них отторгнуты, но гражданские остались неприкосновенны». «Второй класс, купечество, мещанство и прочее, основался переходом и постепенным освобождением из третьего». Наконец, «третий класс, крепостные люди, вначале имели некоторый (так в источнике. — *О.Л.*) степень гражданских прав», то есть «собственность и право перехода с одних земель на другие», но впоследствии «разными обстоятельствами, особенно же системою составления военных наших сил, быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу»²⁵. Таким образом, основанием для «разделения классов», по Сперанскому, является *степень политической и гражданской свободы* лиц.

Однако в «Своде законов Российской империи», составленном в 1830-х годах «повелением Государя Императора Николая Павловича», Сперанский оперировал лишь терминами *роды людей, состояния и сословия*, но уже не упоминал о *классах*. (Возможно, чтобы лишний раз не затрагивать темы гражданских и политических прав — Николай I, в отличие от любившего поиграть в либерализм Александра I, такого явно бы не одобрил.) На этот раз критерием для разделения «главных родов людей» для Сперанского становятся «различия прав состояния»²⁶. В трудах ученика Сперанского, ведущего российского юриста 1850-х годов Константина Алексеевича Неволлина, также употребляются термины *состояние, звание, сословие, разряд* (причем *сословие* и *состояние* — как синонимичные), но нет термина *класс*²⁷.

С. 24, 32—33, 45—49. На особенности понятийного аппарата Сперанского обращал внимание Г. Фриз: *Фриз Г.* Сословная парадигма. С. 132.

²⁵ *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. С. 52—53.

²⁶ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы о Состояниях: Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1832. С. 5.

²⁷ *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1851. С. 64—73; *Он же.* Полн. собр. соч. К.А. Неволлина. Т. 1: Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. СПб., 1857. С. 61—62.

Итак, в официальном правовом дискурсе Российской империи вплоть до начала эпохи Великих реформ термин *класс* сохранял лишь то значение, которое имел в «Табели о рангах» Петра I. Как обстояло дело в это время с употреблением понятия *класс* в исторической науке?

Историческая наука середины XIX века

Концепция троичного деления общества на «высшие классы» (привилегированную аристократию), «средние классы» (обеспеченных горожан, обладающих некоторыми правовыми льготами) и «низшие классы» (крестьян и ремесленников) начинает проникать в российскую историографию в конце 1830-х — 1840-х годах — очевидно, вследствие интенсификации научных связей с Западной Европой.

Так, понятие *класс* можно обнаружить в трудах Николая Герасимовича Устрялова, автора первого официально признанного учебника по истории России (1837—1841; 2-е издание — 1855). На страницах этого учебника термин *класс* использовался в значении «социальная группа»; например, при характеристике состояния российского общества до начала реформ Петра Великого Устрялов писал: «Народные сословия искони разделялись у нас на четыре разряда: духовенство, дворянство, средний класс и низший класс»²⁸.

Сословия (они же *разряды* или *классы*) Устрялов выделял по совокупности их прав и обязанностей. В категорию «низший класс» у него попадали слои общества, лишенные каких-либо привилегий; в категорию «средний класс» — те, кто «пользовался многими льготами, которых не имело низшее сословие»; тем и другим противопоставлялось дворянство и духовенство, имевшие не просто «льготы», но «преимущества»²⁹. Термин *класс* играл в труде Устрялова роль обобщающего понятия, которое позволяло абстрагироваться от частных особенностей российского законодательства, выделявшего множество конкретных *сословий* или *состояний*.

Младший современник Устрялова Тимофей Николаевич Грановский — европейски образованный историк-медиевист, слушав-

²⁸ *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года: В 2 ч. Петрозаводск, 1997. С. 390, 504.

²⁹ Там же. С. 397, 390, 505, 661.

ший лекции Леопольда фон Ранке и Фридриха Карла фон Савиньи, — стремился в своих трудах создать «то великое целое, которое мы называем универсальной историей»³⁰. Это стремление отразилось на понятийном аппарате работ Грановского: он использовал термины, которые были пригодны для описания общества любой европейской страны и для сравнения этих обществ между собой. Так, в лекциях по истории Средневековья, прочитанных Грановским в Московском университете в 1849/1850 учебном году, вырисовывается достаточно четко выраженная трехчленная схема социального деления общества. Он пишет о «высших классах», имея в виду дворянство и духовенство, или же «аристократию»; о «средних классах», под которыми понимает купечество или — применительно к Флоренции — банкиров; наконец, о «низших классах» — «ремесленниках и земледельцах»³¹. По крайней мере в одном фрагменте работы (применительно к французскому обществу XVI века) Грановский выделяет также «образованные классы»³².

Таким образом, к 1840-м годам историки в России начали осваивать классовую терминологию. Как представляется, достоинством схемы классового деления общества в их глазах был ее абстрактный характер: классовая схема позволяла мысленно объединить представителей различных *сословий* в одну группу («низших» или «средних классов») или сравнить социальный строй различных государств. Применение классовой схемы открывало путь для сопоставления исторического пути России и европейских стран — в том числе в ходе дебатов западников и славянофилов.

Западники: А.И. Герцен

Интерес к понятию класс в значительной степени стимулировали европейские революции 1848 года: российские мыслители должны были выработать концептуальную стратегию, позволяющую понять, как страны Европы «дошли до жизни такой» и может ли нечто подобное произойти в России (а если не может — то в

³⁰ Цит. по: Репина Л.П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории: от классики к пост-постмодерну // Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. М., 2006. С. 11.

³¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 29, 37—38, 78, 118, 150, 156, 183.

³² Там же. С. 192.

силу каких причин). Теория классового деления общества предоставляла инструмент для решения обеих задач.

Александр Иванович Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1847—1852), хронике революционных событий, свидетелем которых он стал, постоянно использовал классовую терминологию для объяснения сущности социальных конфликтов. В составе современного ему французского общества он выделял буржуазию, или «*буржуази*», как особый *класс* («класс людей, который при общей потере приобретает»), с четко определенными социальными границами: «электоральный ценз вниз и барон Ротшильд вверх»; иногда он именовал буржуазию «средним сословием» или переводил этот термин на русский язык как «мещанство». Буржуазии противопоставлялись «низшие классы», «бедные классы», то есть крестьяне и «работники», «пролетарии», а чаще — «народ, т.е. блужник, работник»; любопытно, что однажды Герцен определил не только низшие социальные слои, но и буржуазию как «огромный класс *народа*»³³. Следует отметить, что до своего отъезда за границу Герцен пользовался классовой терминологией лишь эпизодически.

В дальнейшем Герцен активно оперировал понятием *класс* в работах, посвященных историческому развитию и современному положению России. Так, он писал о дворянстве как «классе, включающем в себя и солдат, и приказных, и поповичей, и, наконец, владельцев сотен тысяч крестьян»; о «чиновном сброде из личных дворян — продажном и лишенном всякого человеческого достоинства классе», о «растленном классе» провинциального чиновничества; о «безмолвном единении всех классов» — крестьян, купцов и дворян — во время Отечественной войны 1812 года. Затрагивал Герцен и проблему социокультурных различий между разными слоями общества, столь важную для российской мысли его времени: он с горечью отмечал «глубокую рознь, которую оно [правительство] поселило между цивилизованными классами и крестьянством», уточняя, что круг «цивилизованных классов» включает дворянство, чиновничество и армию³⁴.

Различия в социальном строе западноевропейских стран и России, как был убежден Герцен, должны сказаться на характере бу-

³³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1955. С. 34—35, 46, 54, 63, 239, 248, 303 и др.

³⁴ Там же. Т. 7. М., 1956. С. 174, 176, 183, 193, 211, 235, 250—251, 256.

душей социальной революции: в Европе она будет гражданской войной «неимущих с имущими», в России — восстанием общинного крестьянства против чуждой ему «немецкой цивилизации». В Европе бурный поток революции полностью разрушит «ветхое социальное здание»; в России же революция будет означать расстройство порядков сельской общины, существующих испокон века, «на все поместья, на города, на все государство»³⁵.

Стремительность, с которой Герцен усвоил классовую терминологию применительно не только к странам Западной Европы, но и к России, вполне соответствовала радикальности его социального мышления.

Славянофилы: К.С. Аксаков

Историческая концепция славянофильства наиболее последовательно была представлена в трудах одного из крупнейших идеологов этого течения, Константина Сергеевича Аксакова, созданных в период с 1849 по 1860 год. Как и Герцен, Аксаков задавался вопросом о возможности развития российского общества по западно-европейскому сценарию, но исходил из противоположных посылок. Соответственно, и классовая терминология в работах Аксакова использовалась иначе.

Как известно, на политическую философию и исторические взгляды К.С. Аксакова огромное влияние оказали труды французских историков Ф. Гизо и О. Тьерри. Аксаков пришел к выводу, что представленная в их трудах «концепция завоевания» позволяет наглядно увидеть различия России и Европы: история европейских государств начинается с завоеваний — история России начинается с добровольного призвания варягов; в Европе завоеватели и завоеванные образовали враждебные и чуждые друг другу *классы* — в России (по крайней мере, до Петровских реформ) царило любовное согласие Земли и Государства.

Для описания допетровской эпохи российской истории Аксаков использовал термины «земля и государство», «царь и земля», «народ и власть», «народ и правительство»³⁶. Понятие *классы* возникает в работах Аксакова, лишь когда он заводит речь о «перевос-

³⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. С. 216—217; Т. 7. С. 174, 256.

³⁶ Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1: Сочинения исторические / Под ред. И.С. Аксакова. М., 1889. С. 11—23.

роте», который произвел в жизни России Петр I: «Россия разделилась на две резкие половины: на преобразованную Петром или *верхние классы*, и на Россию, оставшуюся в своем самобытном виде, оставшуюся на корню, или просто народ»³⁷. При этом выражение «верхние классы» всегда употребляется Аксаковым только в негативном контексте: «Переобразованные верхние классы действуют соблазном разврата, выгод и преимущества на простой народ»; «полный плен нравственный под игом Запада верхних классов»; «в наше время среди верхних, от народа оторванных, классов пробуждается сознание ложности направления иностранного, и стыд обезьянства»³⁸.

Характерно, что Аксаков противопоставлял европеизированым *верхним классам* не «низшие классы», а «народ»; само иностранное слово *классы* для него, вероятно, служило способом подчеркнуть на вербальном уровне этнокультурное отщепенство этих социальных слоев. Как иронизировал по поводу славянофильства Ключевский, «добрые люди, державшиеся этого направления [...] подобно царю Ивану Васильевичу Грозному, беспричинно клали опалу на все высшие классы, а о простом народе говорили, что на него гнева и опалы нет»³⁹.

Таким образом, если в трудах сторонника «теории официальной народности» Устрялова и западника Грановского использовалась трехчленная схема классового деления общества (высшие, средние и низшие *классы*), то в произведениях славянофила Аксакова схема бинарная (верхние *классы* — народ): для славянофила было важным подчеркнуть глубину социокультурного разрыва между европеизированным дворянством и народом. *Средние классы* заведомо не вписывались в эту концепцию.

Историческая наука эпохи Великих реформ: С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров

Сергей Михайлович Соловьев и Николай Иванович Костомаров, бесспорно, в равной степени определили облик пореформен-

³⁷ Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1: Сочинения исторические / Под ред. И.С. Аксакова. М., 1889. С. 48.

³⁸ Там же. С. 53—54.

³⁹ Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. Минск, 2004. С. 27.

ной исторической науки, хотя обычно их характеризуют как антагонистов. «Государственный нарратив» Соловьева разительно контрастировал с «национальным нарративом» Костомарова; если один из них описывал историю России как процесс созидательной деятельности государства, то другой смотрел на исторический процесс с точки зрения «противогосударственных элементов», главным образом казачества.

Контрасты проявились и в их отношении к понятию *класс*. Так, на страницах фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1851—1879) термин *класс* встречается лишь изредка и употребляется без определенной системы. Соловьев предпочитал конкретно-исторический подход к реконструкции социальной структуры общества, описывая ее в терминологии источников. Характерно, например, пояснение, которое делает историк при освещении «внутреннего состояния Московского государства в царствование Михаила Федоровича»: «Наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольные, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские»⁴⁰.

Понятием *класс* Соловьев много и охотно пользуется лишь в том случае, когда он выступает в качестве историка-теоретика — в знаменитой первой главе тринадцатого тома «Россия пред эпохою преобразований» (1863). На страницах этой главы сочетаются несколько различных принципов классового деления общества: *классы* выделяются согласно «парадигме завоевания» («Обыкновенно господствующий класс сохраняет одну народность, а низшее народонаселение — другую»), а также в зависимости от их отношения к земельной собственности или обязанностей по отношению к государству (так, помещиков Соловьев характеризовал как «класс людей, пользующихся землею», или «класс мирных граждан, хозяев, которые только случайно на время войны несли уже тяжкую для них службу»). Наконец, он мог употреблять термин *классы* в значении «профессиональные группы»: «...Образовался особый класс людей, дельцов по письменной части, разделявшихся на старших и младших, на дьяков и подьячих»⁴¹.

Конкретно-исторический подход Соловьева, его текст, насыщенный аутентичной терминологией соответствующих эпох, со-

⁴⁰ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. 5: История России с древнейших времен. Т. 9—10. М., 1990. С. 244.

⁴¹ Там же. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1991. С. 21, 64—66, 56.

противлялся любым абстрактно-социологическим схемам — в том числе и модели классового деления общества. В то же время анализ текста «Истории России...» Соловьева, именно в силу глубокого равнодушия этого историка к классовой терминологии, позволяет определить, с какого именно момента мода на понятие *класс* в русской мысли стала столь явной, что он не сумел ей противостоять: это произошло в начале 1860-х годов.

Напротив, в работах Н.И. Костомарова достаточно четко просматривается убеждение, что общество состоит из *классов*. Описывая быт и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях, он неоднократно использует выражение «у всех классов», «во всех классах народа» («во всех классах народа было множество ябедников и доносчиков»; «любимым препровождением времени женского пола во всех классах были качели и доски»; «вообще у всех классов сорок дней после смерти определялись на поминание» и т.д.)⁴². Костомаров выделял *классы* российского общества по роду занятий или же по характеру их обязанностей перед государством. Так, применительно к истории Московской Руси XV—XVII веков историк говорил об «особом классе людей, называемых ямщиками», о стрельцах, составлявших «особый военный класс», об «особом классе иконописцев», о «классе, принявшем название “казачков”», о «торговом классе» и чаще всего — о «служилом классе»⁴³. Костомаров мог использовать понятие *классы* для обозначения даже самых небольших и весьма специфических групп людей: он писал, например, об «особом классе служителей, называемых метельщиками», о «травниках, составлявших класс самоучек-лекарей» или об «особом классе пьяниц — кабацких ярыгах»⁴⁴.

Если же обратиться к употреблению термина «высший класс» на страницах наиболее масштабного исторического труда Костомарова, «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (1874—1876), то здесь обнаруживается любопытная закономерность. Из тридцати одного упоминания термина «высший класс» двадцать упоминаний относятся к истории русских земель в составе

⁴² Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2003. С. 170, 188, 237.

⁴³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т. Ростов-на-Д., 1995. Т. 1. С. 355, 410, 418, 456, 507; Т. 2. С. 125, 178.

⁴⁴ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов. С. 36, 134, 182.

Речи Посполитой и лишь шесть — к истории собственно России. Говоря об истории Южной и Западной Руси, Костомаров обычно пользовался термином «высшие классы» в таком контексте: «польские порядки более и более приходились по нраву высшему классу», «высший класс начинал стыдиться своей принадлежности к православной религии», «высший класс не нуждался больше ни в чем русском и смотрел на него с отвращением, враждебно», «весь высший класс русский олатинился, ополячился» и т.д. Симптоматично, что при этом «высшему классу» противопоставляется не просто «низший класс», а «простой народ», «остальной народ» или по крайней мере «низший класс народа»⁴⁵. Создается впечатление, что термин «высший класс» был нужен Костомарову именно там, где он стремился показать глубину не просто социального, а этнокультурного отчуждения полонизированной элиты от прочего населения украинских земель.

Усвоение историком-демократом славянофильской парадигмы противопоставления «высших классов» «народу» свидетельствовало о многом. Славянофильская и народническая историографии вышли из одного истока — европейской романтически-национальной историографии первой половины XIX века; однако при этом и славянофилы, и народники трактовали «народ» не как надклассовую этнокультурную общность, а как «демос», принципиально чуждый «высшим классам» и противостоящий им.

Есть ли в России *классы*? «Государственная школа» и А.Д. Градовский

Систематическое употребление термина *класс* и описания структуры общества в классовых терминах были связаны с историками «государственной школы»: Константином Дмитриевичем Кавелиным, Борисом Николаевичем Чичериным, Александром Дмитриевичем Градовским.

В своих публицистических произведениях К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин использовали как двухчленную, так и трехчленную модель классового деления. Так, в «Записке об освобождении крестьян в России» (1855) Кавелин прогнозировал грядущее слияние

⁴⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях. Т. 1. С. 524, 526, 532, 542—543; Т. 2. С. 140, 304.

двух земледельческих *сословий* — дворянства и крестьянства — «в единое целое, в котором будут различия, будут высшие и низшие классы, но не будет вражды и внутренней разорванности»⁴⁶.

Коллега и единомышленник К.Д. Кавелина Б.Н. Чичерин в 1860-х годах, анализируя политические системы современных ему европейских государств, противопоставлял друг другу «*высшие классы*» («имущие и образованные»); «*средние классы*» и, наконец, «*низшие классы*», которые, «по недостатку способности и развития, исключаются из политических прав». Конкретная политическая ситуация в каждой из европейских стран, по Чичерину, объясняется расстановкой классовых сил. Так, во Франции «разрыв между средними и низшими классами, составляющими главные политические силы земли, привел к падению парламентского правления», а в Германии «свободные учреждения доселе не могли упрочиться», поскольку «средние классы и высшие тянут врозь, одни на сторону свободы, другие на сторону реакции, а низшие более и более заражаются противообщественными теориями социализма»⁴⁷.

Впрочем, применительно к России историки «государственной школы» констатировали слабость «средних классов» (или среднего сословия). Вспомним знаменитый пассаж Кавелина из его работы «Взгляд на юридический быт древней России» (1847): «В Европе сословия — у нас нет сословий; в Европе аристократия — у нас нет аристократии; там особенное устройство городов и среднее сословие — у нас одинаковое устройство городов и сел и нет среднего, как нет и других сословий»⁴⁸. Чичерин также указывал на неразвитость в России «среднего сословия, образованного, богатого и нравственно, и материально»⁴⁹. Поэтому в трудах «государственной школы» применительно к истории России троичная схема легко превращалась в бинарную («высшие классы» — «низшие классы»).

В развернутом виде классовую модель общества ввел в научное употребление в России младший коллега Кавелина и Чичерина —

⁴⁶ Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004. С. 249.

⁴⁷ Чичерин Б.Н. О народном представительстве [1866]. М., 1899. С. 522—523.

⁴⁸ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 12.

⁴⁹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 564—569. См. также: Он же. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 92—93.

историк и правовед А.Д. Градовский. Он внимательно следил за развитием социальной мысли в Западной Европе; в его публицистических очерках можно обнаружить, в частности, критический анализ идей Карла Маркса, Фердинанда Лассаля, Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта.

Именно Градовский ввел в обиход отечественной мысли то разграничение понятий *класс* и *сословие*, которое стало считаться классическим и вошло в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. В работе «Начала русского государственного права», первый том которой вышел в свет в 1875 году, он противопоставлял *сословия* («отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественно различия в правах и обязанностях») и *классы* (чьи различия «основываются на естественных условиях, не подлежащих действию государственного законодательства»):

Различие классов возникает, во 1-х, из различия занятий (класс военных, духовных, ученых, промышленников и т.д.), во 2-х, из условий величины имущества (богатые, бедные), в 3-х, из качества собственности (землевладельцы, капиталисты), в 4-х, из условий количественно-нравственных (образованные и необразованные), в 5-х, из роли, которую играют отдельные лица в экономическом производстве (предприниматели, рабочие). Различие классов стоит вне государственного законодательства и может на нем не отражаться [...] Напротив, сословия суть явление государственное⁵⁰.

«Главным основанием» *классов*, подчеркивал Градовский, является собственность: ее «количество и качество» «служат к образованию различных классов общества, с разнообразными нуждами, стремлениями, взглядами»⁵¹.

Классы фигурируют в трудах Градовского как главные акторы европейского исторического процесса. В теоретических и публицистических очерках 1860-х годов он писал о формировании «городских классов» — «промышленного» и «торгового» — в недрах средневекового феодального общества; доказывал, что в результате Французской революции выиграли «просвещенные средние классы европейского общества»⁵². Градовский подчеркивал, что в

⁵⁰ Градовский А.Д. Собр. соч. А.Д. Градовского. 2-е изд. Т. 7. СПб., 1907. С. 186—187.

⁵¹ Там же. Т. 3. СПб., 1899. С. 73, 100, 102—103.

⁵² Там же. С. 382, 384—385, 354.

послереволюционном обществе Франции образовались «две разделенные силы: землевладельческий и капиталистический класс — с одной, и обезземеленное рабочее население — с другой стороны»; охотно он пользовался терминами «буржуазия» и «рабочий класс»⁵³.

Однако российскую историю — в отличие от европейской — Градовский описывал не в категориях *классов*, а в категориях *сословий*. Будучи последователем чичеринской концепции «закрепощения сословий», он отстаивал точку зрения, согласно которой *классы* создаются естественным путем, а *сословия* (по крайней мере в России) формируются сверху, по воле государства, преследующего свои военно-фискальные интересы. Описывая домосковский период и начальный период централизации, он пользовался термином *классы*; описывая период Московского царства, говорил уже не о *классах*, а о *сословиях*. Первоначально «система сословий» в Московском государстве, как считал Градовский, «была основана на начале тягл»: у каждого *сословия* был определенный объем обязанностей перед государством, но не было привилегий. «История образования привилегированных сословий в собственном смысле слова, — полагал историк, — начинается с Петра Великого»⁵⁴.

Поэтому, обращаясь к анализу расстановки социальных сил в современную ему эпоху, Градовский приходил к парадоксальному на первый взгляд заключению: в России *классов* нет. «Россия не прошла еще того процесса, который пережила западная Европа», — писал он; с его точки зрения, Россия еще только «пережила эпоху *сословий*, как государственных установлений». Следовательно, продолжает Градовский, «организация *классов* в русском обществе есть дело будущего, и организация эта зависит от того, какое направление примут русская промышленность, торговля и земледелие»⁵⁵.

Приверженцы «государственной школы» сыграли решающую роль в истории понятия *класс* в русской мысли: они открыли возможности широкого применения термина в сфере правоведения, истории и общественно-политической мысли и, кроме того, положили начало дискуссии: насколько применима классовая модель для объяснения хода российской истории? Или — проще говоря — были ли *классы* в России?

⁵³ Градовский А.Д. Собр. соч. А.Д. Градовского. 2-е изд. Т. 7. СПб., 1907. С. 444—445.

⁵⁴ Там же. С. 187—189, 200.

⁵⁵ Там же. С. 449—451.

Есть ли в России *сословия*? М.Ф. Владимирский-Буданов

В 1886 году была опубликована фундаментальная работа ведущего историка киевской школы Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова, на первых же страницах которой констатировалось: «Население известного государства может состоять или из различных этнографических групп, или из одной нации, и во всяком случае состоит из разных союзов общественных (классов, сословий)»⁵⁶. Концепция «Обзора истории русского права» была основана на том же разграничении *классов* и *сословий*, что и у Градовского: Владимирский-Буданов полагал, что «союз общественный» может считаться *сословием* лишь в том случае, если обладает корпоративной организацией, правами и привилегиями. *Классы* же, по мнению историка, образуются там, где есть объективные различия между группами населения — независимо от того, носят ли эти различия экономический характер (отношение к собственности) или политический (близость к власти).

Поэтому, как считал Владимирский-Буданов, ни в Киевской Руси, ни в Московском царстве XVI—XVII веков *сословий* не существовало; там были лишь *классы*, но ни один из них не имел «ни *сословной корпоративности*, ни *сословных привилегий*»⁵⁷. В Московском царстве он выделял «два класса населения в государстве: служилый и тяглый, из которых каждый подразделяется на несколько разрядов»; различие *классов* «истекало не из прав, а обязанностей в отношении к государству»⁵⁸. Лишь при Петре I, полагал историк, «начинается образование из прежних служилых и тяглых классов нескольких сословий или состояний»; в их создании государство сыграло роль демиурга: процесс образования *сословий* завершился при Екатерине II, с дарованием «Жалованных грамот» дворянству и городам⁵⁹. Однако, отмечал Владимирский-Буданов, законодателям XVIII века все же «не вполне удалось» создать *сословия* «не только по форме, но и по духу западных европейских сословий»: это произошло «благодаря противоречию сословного строя древнему московскому строю и благодаря тому, что

⁵⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 42.

⁵⁷ Там же. С. 48—50.

⁵⁸ Там же. С. 143.

⁵⁹ Там же. С. 280.

момент заимствования нами сословных порядков совпал с отменой их в самой Западной Европе»⁶⁰.

Таким образом, если Градовский полагал, что в современной ему России нет *классов* в европейском смысле этого слова, то Владимирский-Буданов был склонен считать, что в России так и не упрочилась *сословная* структура.

Идеологи народничества

Народничество, которое возникло как идеология леворадикального политического течения, за 1860—1870-е годы постепенно превратилось в целостное направление русской мысли, включавшее в себя не только представления о социальном идеале и о путях его достижения, но и этику, социальную антропологию, философию истории.

Как неоднократно отмечали исследователи, социальная мысль народничества характеризовалась тройственным противопоставлением «интеллигенции», «власти» и «народа»⁶¹. Классовая терминология для народничества была не столь характерной. В первом политическом манифесте, возвестившем рождение нового общественного движения, — прокламации «К молодому поколению» (1861) — *классы* преподносились как черта западного (и к тому же исключительно английского) общества: «Плодящиеся у нас конституционные и экономические тенденции ведут [...] к социальному разъединению, к привилегированным классам, — писал автор прокламации и задавался риторическим вопросом: — Мы уж довольно были обезьянами французов и немцев, неужели нам нужно сделаться еще и обезьянами англичан?»⁶²

Далеко не все народники в своих трудах использовали классовую схему деления общества. Так, Петр Лаврович Лавров в «Исто-

⁶⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 276—277.

⁶¹ См., например: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 108; Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005. С. 164—245; Ахизер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 2: Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 102—104, 288—289.

⁶² Народническая экономическая литература. Избр. произв. М., 1958. С. 86—87.

рических письмах» (1868—1869) противопоставлял друг другу два слоя общества: «меньшинство, обеспеченное от самых тяжких забот жизни», — и «большинство борющихся за насущный хлеб, за кров и одежду»⁶³. Младший современник и единомышленник Лаврова Николай Константинович Михайловский употреблял как взаимозаменяемые термины «рабочее сословие», «рабочий народ», «рабочий люд», «рабочий класс»⁶⁴. И, разумеется, все народники широко пользовались терминами «народ», «народные массы»: при этом под «народом» подразумевался трудовой народ-демос, демонстративно противопоставлявшийся привилегированным сословиям⁶⁵. В целом ряде народнических работ по социальному строю современного им общества можно было ни разу не встретить термина *класс*.

И тем не менее именно в среде народничества были представлены первые в истории российской мысли опыты последовательного применения марксистской теории классового деления общества. Как отмечают Валентина Александровна Твардовская и Борис Самуилович Итенберг, «о достижениях марксистской мысли именно в России того времени было сказано едва ли не больше, чем на Западе», — при том, что «русская мысль продолжала самостоятельно искать свой, особый путь в будущее, отвергая предначертанный Марксом как неприемлемый для России»⁶⁶.

Так, вопросы классовой структуры общества подробно рассматривались в трудах Григория Захаровича Елисеева — первого популяризатора учения К. Маркса в России. В статье, опубликованной в журнале «Отечественные записки» за 1872 год, Елисеев писал, что современное ему русское общество вступило на тот же путь, по которому уже прошли «все европейские общества, освобождавшиеся от феодального гнета»: путь «великой индустрии» и капитала. Елисеев предсказывал скорое образование в России двух *классов*: «с одной стороны, собственники денег, средств производ-

⁶³ Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 75, 81.

⁶⁴ Михайловский Н.К. Русский рабочий вопрос на съезде промышленников // Народническая экономическая литература. С. 171—174.

⁶⁵ См., например: Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти / П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер (сост.) // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 444.

⁶⁶ Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999. С. 210, 212.

ства и жизненных средств [...] с другой — свободные работники, продавцы собственной рабочей силы»⁶⁷.

Известный экономист-народник Василий Васильевич Берви-Флеровский применял классовую схему для анализа социальных перемен в пореформенном обществе, выделяя в его составе «привилегированные классы», представлявшие собой «крупных землевладельцев», и «различные наши рабочие классы», представленные в основном земледельцами: государственными, удельными, временнообязанными крестьянами, а также казаками⁶⁸.

Народническая публицистическая и экономическая литература 1870-х годов принимала за аксиому, что *классы* в России есть — но что российские *классы* по социально-экономическому облику разительно отличаются от своих западноевропейских аналогов. Так, по Берви-Флеровскому, отличительной чертой российских «рабочих классов» является общинная собственность на землю; поэтому он противопоставлял их не только европейским «пролетариям», но и «несчастному классу мелких собственников Европы, которых положение считается более бедственным, чем положение пролетариев»⁶⁹. Народническая публицистика сообщала, что в России стало фактом образование «свободного пролетария» и «молодой буржуазии», но что при этом «наш пролетарий оказался не тем пролетарием, с которым имеет дело западноевропейский капиталист», а российское «деревенское и городское кулачество» не похоже на западноевропейскую буржуазию⁷⁰. Неотъемлемой частью народнического дискурса в 1870-х годах становится и понятие «эксплуатация», в том числе классовая⁷¹.

Наконец, народническим теоретикам принадлежит интереснейшее терминологическое образование: «образованный класс»⁷². При этом отношение народников к данному «классу» (к которому, без сомнения, принадлежали и они сами) было далеко не благосклонным. Берви-Флеровский иронизировал над «нашими образованными классами», которые не в состоянии понять «практиче-

⁶⁷ Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы // Народническая экономическая литература. С. 125, 144, 127.

⁶⁸ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Там же. С. 208, 193—194.

⁶⁹ Там же. С. 212.

⁷⁰ Там же. С. 274—275, 311.

⁷¹ Там же. С. 318.

⁷² Шапов А.П. Сельская община // Народническая экономическая литература. С. 109; Флеровский Н. Положение рабочего класса. С. 216—219.

скую мудрость человека труда»⁷³. П.Л. Лавров считал своим долгом напоминать представителям «цивилизованного класса» о том, «какой капитал крови и труда израсходован на их развитие» и «сколько потерянных человеческих жизней и какая ценность труда приходится на каждую личность, ныне живущую *несколько* человеческою жизнью»⁷⁴. П.А. Кропоткин считал несправедливым положение, при котором в обществе существует «класс личностей, занятых исключительно привилегированным трудом, напр[имер] трудом умственным», и мечтал о таком общественном устройстве, когда профессор будет после чтения лекций «заниматься в мастерской изготовлением физических приборов вместе со слесарями, механиками; заниматься очисткой нечистот в университетском здании и т.д.»⁷⁵

Иными словами, анализируя классовые конфликты в современном им российском обществе, народники выделяли не только противоречия между крестьянами и помещиками или между зарождающейся буржуазией и формирующимся пролетариатом. Не менее, если не более значимым для них был антагонизм между «чернорабочим невежественным большинством», «трудящимися классами» — и «образованным эксплуатирующим меньшинством», «образованными классами»⁷⁶. Безусловно, это было напрямую связано с ключевой этической проблемой народничества: проблемой невольной родовой и сословной вины образованного общества перед народом, необходимости искупления этой вины путем самоотречения и самопожертвования. Попытка теоретической реабилитации «образованного класса» состоялась лишь в начале XX века, когда ведущий идеолог «неонародничества» Виктор Михайлович Чернов провозгласил интеллигенцию частью «единого рабочего класса», включающего также городской пролетариат и трудовое крестьянство, естественным союзником всех угнетенных слоев общества в борьбе за социальную революцию⁷⁷.

Таким образом, в 1870-х — начале 1880-х годов классовая схема общества утвердилась не только в сфере социальных наук, но

⁷³ Шапов А.П. Сельская община // Народническая экономическая литература. С. 201, 216.

⁷⁴ Лавров П.Л. Философия и социология. С. 75, 81.

⁷⁵ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Народническая экономическая литература. С. 237, 242—243, 254.

⁷⁶ Наша программа // Там же. С. 120.

⁷⁷ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 9.

и — что было не менее важно — в общественно-политическом дискурсе радикальной интеллигенции и сочувствующих ей кругов.

Классы как сословия: В.О. Ключевский

В советской историографии было распространено убеждение, что Ключевский являлся сторонником и едва ли не основоположником классового подхода к изучению российской истории и что лишь в силу своей «буржуазной ограниченности» он так и не смог дорасти до вершин марксистской теории⁷⁸.

Труды историка, безусловно, давали основания для такой трактовки. Уже на первых страницах своей докторской диссертации (1882) Ключевский обещал читателю обратить преимущественное внимание «на социальный состав [Боярской] думы, на происхождение и значение *классов*, представители которых находили в ней место»⁷⁹.

Однако далее начинались теоретические новшества. Проводя, вслед за историками «государственной школы», разграничение между «экономическими классами», которые различаются «родом капитала», и «политическими сословиями», Ключевский уточнял, что с ходом исторического процесса одно может превратиться в другое; группы, образовавшиеся «согласно с разделением народного труда», впоследствии могут получить определенный объем привилегий и превратиться в *сословия*, равно как *сословия* с неодинаковым объемом прав (потомки завоевателей и завоеванных) могут занять различное положение в «хозяйственном механизме» и тем самым превратиться в *классы*⁸⁰. Применительно к истории России Ключевский делает вывод: «В истории нашего общества, по-видимому, господствовали смешанные процессы»⁸¹.

Такой подход позволил Ключевскому снять вопрос о различиях между *классами* и *сословиями*; его работа представляла собой попытку объединить «парадигму завоевания», «правовую парадиг-

⁷⁸ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 454—457; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 282.

⁷⁹ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси: Репринт. изд. 1902, 1892 гг. М., 1994. С. 7, 14.

⁸⁰ Там же. С. 7—8.

⁸¹ Там же. С. 12.

му» и «парадигму разделения труда». Историк оговаривал, что господство одних *классов* над другими может быть основано на «силе оружия» или на «силе права»; но с особым вниманием он относился к тем ситуациям, когда у власти оказывались *классы*, которые «держали в своих руках нити народного труда в известное время»⁸².

В дальнейшем отношения Ключевского с понятием *класс* были довольно сложными. Например, в своем спецкурсе «Методология русской истории» (впервые прочитан в 1884/1885 учебном году), где должна была содержаться теоретическая квинтэссенция всех его трудов, Ключевский пишет, что предметом исторического изучения являются «людские союзы»; но среди приведенных им примеров таких союзов (первобытная и патриархальная семья, род, союз родов, племя, государство и церковь) *классы* отсутствуют как таковые⁸³.

В другом спецкурсе (он также впервые прочитан в 1884/1885 учебном году) — «Терминология русской истории» — Ключевский, напротив, щедро пользовался классовой терминологией. И при этом специально уточнял, что «у деления на классы было два основания: политическое — по отношению к князю; и экономическое»⁸⁴. Так, характеризуя общество Киевской Руси, он писал, что «древнее русское гражданское общество XI—XII веков делилось на двояком основании на два параллельных ряда классов»: в политическом отношении — «на княжих мужей и на людей», а в экономическом плане, «по хозяйственной состоятельности — на бояр, горожан, смердов и холопов [...] и людей временнозависимых, или обязанных»⁸⁵.

Применительно к более поздним эпохам русской истории Ключевский выстраивал многоуровневые системы социальной стратификации. Так, в обществе XIII—XV веков он выделял «два разряда лиц» («высший состоял из *служилых людей*, низший — из *черных*»), которые подразделялись на следующие «классы общества»: князей, бояр, детей боярских, вольных слуг, земских людей и холопов⁸⁶. Составляя «полный перечень всех классов в Московском государстве XVI, XVII вв.», историк указывает, что «общество дробилось

⁸² Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси: Репринт. изд. 1902, 1892 г. М., 1994. С. 383, 385—386.

⁸³ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 11—13.

⁸⁴ Там же. С. 132—142.

⁸⁵ Там же. С. 117—118.

⁸⁶ Там же. С. 119, 121.

на множество иерархических разрядов с незаметными отличительными чертами», и «иерархические эти разряды получили особое название — *чинов*»⁸⁷. В качестве основания для выделения различных *разрядов* в обществе XVI—XVII веков у Ключевского выступает объем обязанностей каждого *разряда* перед государством: «размер общего государственного тягла, на него падавшего, и тяжесть служб, или казенных поручений»⁸⁸. «Терминология русской истории» Ключевского была попыткой объединить сильную сторону трудов его учителя Сергея Михайловича Соловьева — конкретно-исторический подход на основе аутентичной терминологии соответствующих эпох — и склонность к широким социологическим обобщениям, свойственную науке конца XIX века.

Следующий важный шаг на пути осмысления понятия *класс* Ключевский делает в курсе по истории *сословий* в России, впервые прочитанном в 1886/1887 учебном году. Ключевое положение этого курса гласит: «сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям»⁸⁹. На протяжении всего курса Ключевский использует понятия *классы* и *сословия* как синонимичные: например, сетуя на «скудость литературы по истории сословий в России», он пишет: «Вот почти все, что есть в нашей литературе крупного и ценного по истории общественных классов в России»; а «сословное деление» трактует как «*наследственное неравенство целых классов в правах и обязанностях*»⁹⁰.

В этой работе, как и в «Боярской думе Древней Руси», Ключевский настаивает на том, что «сословное неравенство» могло возникать различными путями: «по праву материальной силы», «по отношениям лиц к верховной власти», «по хозяйственным состояниям», «по роду государственных повинностей», «по правам». Парадигма завоевания, таким образом, по-прежнему уживается в его творчестве с парадигмой общественного разделения труда, и обе они — с правовой парадигмой⁹¹.

Классово-сословное деление общества было положено Ключевским и в основу его знаменитого «Курса русской истории» (читался в Московском университете с 1879 года, первое издание — в

⁸⁷ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 121—122.

⁸⁸ Там же. С. 127—128.

⁸⁹ Там же. С. 225.

⁹⁰ Там же. С. 236, 249.

⁹¹ Там же. С. 237—238.

начале 1900-х годов). Воссоздавая историю того или иного исторического периода, Ключевский в первую очередь стремился выявить, из каких социальных групп сложилось общество на том этапе, каковы были материальное положение, права и обязанности, традиции и интересы каждой из этих групп; в каких отношениях находились они друг к другу и к государству. Вспомним его знаменитую характеристику Смутного времени начала XVII века:

Отличительной особенностью смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов⁹².

В числе *классов*, принявших участие в Смуте, Ключевский называет боярство, столичное и провинциальное дворянство, а также «низшие классы» — посадских людей, казаков, крестьян и холопов⁹³.

Таким образом, Ключевский, обращаясь к вопросу о классовом делении общества, выступал как последовательный оппонент по отношению к «государственной школе». Он, в отличие от Чичерина, Градовского, Владимирского-Буданова, не проводил четкой разграничительной черты между *классами*, которые образуются «сами собой», «естественным путем», и *сословиями*, которые «создаются государством». Отличительной чертой подхода Ключевского было убеждение, что объем прав/обязанностей и экономический статус социальной группы неразрывно связаны друг с другом, взаимно детерминированы.

Историки «русской исторической школы»

Систематическое использование классовой парадигмы можно зафиксировать в трудах историков «русской исторической школы»: Максима Максимовича Ковалевского, Николая Ивановича Кареева, Павла Гавриловича Виноградова, Ивана Васильевича Лучиц-

⁹² Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 148.

⁹³ Там же. С. 148—166.

кого⁹⁴. Именно эта школа была наиболее глубоко интегрирована в европейскую мысль того времени: ученые, занимавшиеся социальной историей Западной Европы в Новое время, легко усваивали методологические новшества современной им зарубежной науки. Показательно, что само название «русская историческая школа» было введено в историографию известным французским политическим деятелем и историком Жаном Жоресом.

Крупнейшие теоретики этой школы — М.М. Ковалевский, которого называли «историком среди социологов и социологом среди историков», и Н.И. Кареев, один из признанных специалистов по методологии истории, — широко использовали в своих трудах классовый подход к истории и современности.

В диссертации Н.И. Кареева по крестьянскому вопросу во Франции объектом анализа были социальные отношения: как определял историк, «вся суть» крестьянского вопроса обуславливалась, «с одной стороны, принципами, лежавшими в основе тогдашнего *поземельного устройства*, а с другой, потребностями, интересами и стремлениями отдельных *общественных классов*»⁹⁵.

Обращаясь к истории аграрных отношений во Франции XVIII века, историк выделял два *класса*, которые играли роль эксплуататоров по отношению к крестьянству: «феодальный и буржуазный». При этом Кареев подчеркивал, что в составе каждого из этих *классов* могли оказаться люди различной сословной принадлежности: для него был важен не формальный правовой статус землевладельца, а та основа, на которой строились отношения землевладельца с крестьянами, — либо сеньориальный принцип ренты, либо буржуазный принцип «фермерской обработки земли посредством наемных рабочих»⁹⁶. В другой работе на ту же тему ученый четко оговаривал, что при определении принципов классового деления он исходит не из факта «завоевания» и не из факта «существования в обществе различных занятий», — он предпочитал опираться на различия в положении отдельных *классов* «как получаю-

⁹⁴ См. о ней: Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; *Он же*. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.

⁹⁵ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация Н. Кареева. М., 1879. С. 480.

⁹⁶ Там же. С. 481.

щих ренту *собственников*, извлекающих процент из своих оборотов *капиталистов* и живущих платой за свой труд *рабочих*»⁹⁷.

Вся история французского крестьянства представлена Кареевым в этих трудах как история довольно сложных классовых и внутриклассовых взаимоотношений. Применительно к эпохе феодализма он выделял множество «различных классов крестьян, которые [...] были обеспечены землей на самых разнообразных условиях»: сервов, мэнмортвов или мэнмортаблей, вилланов и др.⁹⁸ История крестьянства в феодальную эпоху, пишет Кареев, «представляет из себя постоянную нивелировку, постоянное слияние отдельных классов в один»⁹⁹. Описывая эпоху перехода от Средних веков к Новому времени, он уже говорит о крестьянстве как о едином целом, используя выражения «сельский люд», «сельская масса», «народ»¹⁰⁰. История французского крестьянства накануне Великой французской революции представляла собой, как пишет Кареев, обратный процесс «все большего и большего разделения крестьян на два класса»: «самостоятельных хозяев», превращавшихся мало-помалу в «нарождавшуюся сельскую буржуазию», — и «наемных батраков»¹⁰¹. Перед нами вполне марксистская схема постепенного размывания слоя самостоятельных мелких производителей с последующим превращением в буржуазию и пролетариат.

Признанный лидер «русской исторической школы» и, условно, самый известный на Западе из всех российских гуманистов того времени, М.М. Ковалевский был автором ряда компаративных исследований, где проводилось развернутое сопоставление исторического пути различных стран мира, в том числе России. (Ковалевский был убежденным противником идеи «особого пути России» как в славянофильском, так и в народническом варианте.) Классовый подход служил ему методологической основой таких сопоставлений.

Так, в курсе лекций о «происхождении и развитии семьи и собственности», прочитанном в Стокгольмском университете в

⁹⁷ Кареев Н.И. Очерки из истории европейских народов. Т. 1: Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава, 1881. Там же. С. 142.

⁹⁸ Там же. С. 47, 39—43.

⁹⁹ Там же. С. 41.

¹⁰⁰ Там же. С. 98—132.

¹⁰¹ Там же. С. 144—145, 147.

1890 году, Ковалевский представлял социально-экономическую историю человечества как последовательную смену общинного строя феодальным, а феодального — капиталистическим, каждому из которых присуща своя структура классовых взаимоотношений¹⁰². Эта схема исторического развития, был убежден Ковалевский, применима к любым европейским странам. Он доказывал, например, что расслоение крестьянства на сельскую буржуазию и безземельный сельский пролетариат неуклонно идет «во Франции, Германии и в России»; при этом российские «кулаки» рассматривались им как региональная разновидность распространенного во всем мире *класса буржуазии*¹⁰³.

Тот же подход — стремление вскрывать сущность социальных отношений, не придавая особого значения региональным различиям, — проявился в знаменитой работе Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства». Исследование посвящено «феодальной стадии экономического развития», сущность которой, по Ковалевскому, состояла в особой системе взаимоотношений «между двумя классами лиц: земельными собственниками, являющимися в то же время и капиталистами, и сельскими рабочими, оплачиваемыми не жалованием, а землею»¹⁰⁴. Этот подход позволял ему утверждать, что через феодальную стадию развития прошли все страны романо-германского мира, а также Россия и страны мусульманского Востока; различие состояло лишь в названиях¹⁰⁵. Время от времени Ковалевский использовал интересный риторический прием, приводя термины из социальной истории разных стран как взаимозаменяемые и подчеркивая тем самым общность основных тенденций социально-экономической жизни. Так, повествуя о «борьбе простонародья за уравнивание в правах с высшей буржуазией» в XIV веке, он легко смешивает термины из истории Новгородской республики и городских республик средневековой Италии: «...Не замедлила последовать эпоха междоусобных столкновений простонародья с “житыи

¹⁰² Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с франц. С.П. Моравского; Под ред., с предисл. и примеч. проф. М.О. Косвена. М., 1939. С. 16, 166.

¹⁰³ Там же. С. 173.

¹⁰⁴ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898. С. XIII.

¹⁰⁵ Там же. С. 168.

люди”, или мелкого народа, “popolo minute” с жирным народом, “popolani grassi”»¹⁰⁶.

Ковалевский применял классовый подход и для анализа современного ему положения в экономике и социальной жизни России. Анализируя материалы первой всероссийской переписи 1897 года, он выделял в российском обществе рубежа XIX—XX веков широкий спектр *классов*: дворянство (осколок «старого порядка»); «русскую буржуазию», которая подразделяется на «крупную городскую буржуазию» («капиталистов, торговцев и промышленников») и «сельскую буржуазию» («арендаторов помещичьих земель, кабатчиков, мелких торговцев, скотопромышленников»); и, наконец, «рабочий класс», который «слагается из меньшинства фабричных рабочих и большинства земледельцев»¹⁰⁷. Классовый подход позволял Ковалевскому находить общие черты в социально-экономическом развитии разных стран и доказывать, что Россия в своем развитии следует тем же путем, который уже прошли страны Западной Европы: «...Экономическая эволюция, совершающаяся в наши дни в обширной Российской Империи [...] позволяет нам наблюдать процесс возникновения капиталистического строя, существующего в Европе уже более 200 лет»¹⁰⁸.

Предложенная историками «русской исторической школы» схема классового деления общества и классовых взаимоотношений была гораздо ближе к марксизму, чем к трудам историков «государственной школы» или В.О. Ключевского. Можно констатировать, что утверждение в науке «русской исторической школы» подготовило основу для распространения в русской мысли марксистского подхода к вопросу о классовом делении общества.

Историки рубежа XIX—XX веков: «экономические материалисты» и позитивисты

В 1890-х годах экономическая история превратилась в одно из самых перспективных и быстро развивающихся направлений

¹⁰⁶ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898. С. XXIII.

¹⁰⁷ Ковалевский М.М. Экономический строй России Максима Ковалевского, Бывшего Профессора Московского Университета, Члена международного Института Социологии / Пер. с франц. [Б.м.], 1900. С. 45, 54, 75, 77—84, 87—89.

¹⁰⁸ Там же. С. 1.

отечественной исторической науки. В это время одновременно выступили несколько исследователей (так называемых «экономических материалистов»), стоявших на марксистских позициях или пытавшихся соединить марксистскую доктрину с достижениями позитивизма: Петр Бернгардович Струве («Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», 1894), Михаил Иванович Туган-Барановский («Русская фабрика в прошлом и настоящем», 1898), Николай Александрович Рожков («Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», 1899; «Город и деревня в русской истории», 1903; «Обзор русской истории с социологической точки зрения», 1903—1905; и др.). Господствующим способом объяснения исторических событий для них был поиск глубинных причин этих событий в экономической сфере, в области развития производительных сил, в порожденных экономикой классовых конфликтах.

Однако не менее важно отметить, что даже далекие от марксизма историки того времени — например, представители «школы Ключевского» — активно использовали схему классового деления общества.

Так, Павел Николаевич Милоков при анализе эволюции социального строя России опирался как на сословную, так и на классовую парадигму. *Сословия* для Милокова были прежде всего историко-правовым понятием. Вслед за историками «государственной школы» Милоков считал *сословия* в России созданием государства: он утверждал, что до конца XV века *сословия* были аморфны и не имели устойчивых границ; что лишь в XVI—XVII веках государственная власть закрепила *сословия* «на государственную службу натурой или деньгами», установив тем самым «резкие грани между сословиями» и дав им «принудительную организацию»; что, наконец, в XVIII веке та же власть создала «сословные привилегии и автономную организацию»¹⁰⁹.

Но при этом Милоков — вслед за Владимирским-Будановым и Ключевским — полагал, что государство, создавая *сословия* в своих собственных интересах, творило их отнюдь не «из ничего»: «неорганической массой, сырым материалом, который государство употребило для возведения своей собственной постройки», служили объективно существовавшие *классы*, различавшиеся по их роли

¹⁰⁹ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. 7-е изд. М., 1918. С. 258.

в экономике страны¹¹⁰. Правда, согласно Милюкову, *классы* в обществе Московской Руси были объективно слабы, и именно поэтому их слабость должна была уравниваться деспотической мощью государства¹¹¹.

Описывая современное ему российское общество, Милюков выделял различные *классы* по их роли в общественном разделении труда и по отношению к собственности: например, «класс землевладельческий» и «класс земледельческий», «торгово-промышленный класс» (он же — «класс капиталистов и предпринимателей») и «фабричный класс» (рабочие)¹¹². Границы *сословий*, согласно Милюкову, могут не совпадать с границами *классов*: «Таким образом, фабричный класс окончательно сложился в России — фактически, хотя номинально огромное большинство его членов продолжает числиться “крестьянами”»¹¹³. Впрочем, иногда, как и Ключевский, Милюков использовал понятия *класс* и *сословие* в качестве близких по значению или даже синонимичных¹¹⁴.

Другой крупный российский историк начала XX века, Сергей Федорович Платонов, не был непосредственным учеником Ключевского, но высоко ставил его как своего заочного наставника. В своих трудах Платонов активно использовал схему классового деления общества и соответствующую терминологию. Так, политический кризис в московской жизни XVI — начала XVII века он воссоздавал как противоборство нескольких *классов*: «правлящего землевладельческого класса» — боярства; быстро растущего «служилого класса», которому правительство в качестве платы за военную службу «систематически передавало землю и крепил трудовое население»; а также «тяглой массы» — «промышленного и земледельческого класса, труд которого служил основанием народного хозяйства»¹¹⁵. *Классы* в данном случае выделялись как по роли в системе разделения труда, так и по объему привилегий, прав и обязанностей.

¹¹⁰ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. 7-е изд. М., 1918. С. 222.

¹¹¹ Там же. С. 289—290.

¹¹² Там же. С. 70, 252—253, 175—176, 83—85, 96.

¹¹³ Там же. С. 96.

¹¹⁴ Там же. С. 291.

¹¹⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 84—92, 109, 121.

Однако в работах Платонова важно не только то, что он использовал классовую схему деления общества, — но и то, что теория социальных конфликтов стала его основной интерпретативной стратегией при воссоздании хода отечественной истории. События Смутного времени на страницах трудов Платонова представляли как хроника полноценной социальной революции, результатом которой стала «смена господствующего класса». «В Смуте уничтожилось старое боярство и было поражено казачество», — писал он; с точки зрения Платонова, «верх и низ московского общества проиграла игру, а выиграли ее средние общественные слои»: «простой дворянин и “лучший” посадский человек»¹¹⁶. Монархия Романовых, таким образом, представляла как революционная власть, вынесенная наверх победой «средних слоев». Политическим органом победивших социальных *классов*, с точки зрения Платонова, стал Земский собор; их манифестом — «Соборное уложение» 1649 года, оформившее крепостной строй в России.

Осветив историю России XVI—XVII веков как время глубоких социальных реформ, бурных социальных конфликтов между различными *классами*, революции, повлекшей за собой смену власти и ее социальной опоры, Платонов тем самым дополнительно закрепил в сознании образованного российского общества классовую парадигму. По существу, Ключевский, Милюков и Платонов в изучении истории российского общества XVI—XVIII веков сыграли такую же роль, какую сыграли Гизо, Тьерри и Минье применительно к истории Великой французской революции: они приучили читателя видеть за стремительным ходом политических событий сложную игру социальных, классовых интересов.

Русский марксизм

В 1890—1900-х годах марксистская доктрина завоевала прочные позиции в умах российской интеллигенции, стремительно превратившись в одно из ведущих направлений общественной мысли. Интерес к марксизму носил двоякий характер. Ученых-гуманитариев марксизм интересовал «как удобная методологическая доктрина, обладавшая, по их мнению, значительным эвристическим по-

¹¹⁶ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 365—366.

тенциалом»¹¹⁷; оппозиция же с готовностью приняла новую теорию революционной борьбы («марксизм раскрывал возможность победы революции, в то время как старые революционные направления потерпели поражение»¹¹⁸).

В российской общественной мысли одним из первых о необходимости марксистского подхода к истории заявил Георгий Валентинович Плеханов в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; за силу воздействия этой работы на умы радикальной молодежи современники называли ее «евангелием девяностых»¹¹⁹. К тому времени образованный российский читатель успел уже привыкнуть к идее, что общество делится на *классы* и что эти *классы* выделяются по их экономическому положению: именно это убеждение объединяло сторонников «государственной школы», последователей Ключевского и представителей «русской исторической школы». Поэтому у Плеханова не было необходимости обосновывать идею классового деления общества. Для него важнее было другое: доказать, что именно классовый подход дает исследователю ключ к пониманию идейной борьбы как в прошлом, так и в современности и что у любого явления культурной жизни — будь то движение Реформации, труды физиократов, трагедии Расина или танцы на придворном балу XVIII века — можно отыскать классовую подоплеку.

«На экономической основе необходимо возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка», — писал Плеханов. При этом он считал нужным подчеркнуть, что «процесс возникновения идеологической надстройки совершается *незаметным для людей образом*», что люди в своей наивной слепоте искренне считают «естественными и обязательными» «те взгляды и те формы общежития, которые исторически возникли на почве более или менее *узких классовых интересов*»¹²⁰.

Для Плеханова, по всей вероятности, самой важной и интересной теоретической задачей стало обоснование того, каким именно образом между «экономической основой» и «идеологической надстройкой» возникает связь «необходимого соответствия» и ка-

ким образом эта необходимая связь остается «незаметной» для «отдельных лиц». Как известно, Плеханов много и увлеченно занимался историей русской мысли; в последние годы жизни (с 1915 года) работал над фундаментальным трудом «История русской общественной мысли», где намеревался осветить эпоху от становления Московского государства до современного ему периода (он скончался в 1918 году, доведя свой труд до времен правления Екатерины II).

Исследования по истории мысли позволили Плеханову нащупать одну из тех «пружин», которые, с его точки зрения, связывали воедино «базис» и «надстройку»: такой пружиной он считал «психику общественного человека»¹²¹. Введение в отношения между базисом и надстройкой промежуточного звена позволило Плеханову избежать прямолинейной редукции культурных явлений к эгоистическим классовым интересам. Он не был склонен объявлять мыслителей прошлого (за редким исключением) своекорыстными защитниками интересов тех или иных *классов*; скорее для него было важным показать, как определенная совокупность социально-экономических явлений воздействует на человеческую психологию, определяя тем самым «дух эпохи», «идейную атмосферу», в которой формируется мировоззрение человека.

То же самое стремление, что и у Плеханова, — вскрыть психологический механизм преобразования «классовых интересов» в сложный комплекс правовых, политических, культурных идей — было свойственно и другим российским мыслителям начала XX века, близким к марксистскому мировоззрению. Так, Н.А. Рожков выстроил классификацию человеческих характеров по их преобладающей мотивации, чтобы определить, какие именно характеры («этические», «эстетические», «аналитические», «эгоистические» или «индивидуалистические») типичны для каждой эпохи и каждого *класса*¹²². М.И. Туган-Барановский также уделял внимание анализу мотивации человеческой деятельности, рассматривая не только экономические интересы, но и другие побудительные мотивы: «эгоальтруистические потребности» (стремление к власти и

¹¹⁷ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. С. 148.

¹¹⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 108.

¹¹⁹ Коган П.С. Литературные направления и критика 80-х и 90-х годов / Д.Н. Овсянко-Куликовский (ред.) // История русской литературы XIX века. Т. 5. М., 1910. С. 88.

¹²⁰ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда. С. 185, 187.

¹²¹ Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 179—180.

¹²² Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. Ч. 1. М., 1906. С. 184—202; см. также: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 1. Пг.; М., 1922. С. 17—19 и сл.

славе); «симпатические инстинкты и потребности» (чувство общественной солидарности); «потребности, не основанные на практическом интересе»: любознательность, эстетическое чувство, религиозная потребность, сознание нравственного долга¹²³.

Николай Иванович Бухарин, один из крупнейших теоретиков партии большевиков, решал сходную задачу в «Популярном учебнике марксистской социологии», написанном для слушателей Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Он выдвинул гипотезу, что «надстройка» складывается из двух компонентов: общественной психологии (чувств, мыслей и настроений) и общественной идеологии (систем мышления и правил поведения).

Общественная психология, был убежден Бухарин, всегда носит классовый характер: «Каждый класс имеет свою практику, свои особые задачи, свои интересы и поэтому *свой взгляд* на вещи»¹²⁴. В то же время он полагал, что «ни в коем случае нельзя сводить психологию класса к его *интересу*, как это иногда делается». Так, самоубийства римских патрициев или самоожжения русских старообрядцев, конечно, не соответствовали классовым интересам; но такие казусы, доказывал автор, отражают классовую психологию, которая всегда объяснима «той конкретной обстановкой, в которую данный класс попал»¹²⁵.

Общественная идеология же, как считал Бухарин, опирается на определенный «способ представления» — «особый способ сочетания идей, мыслей, чувств, образов», который соответствует исторически определенному «способу производства»¹²⁶. «Способ представления» носит классовый характер; *класс*, являющийся носителем более высокого способа производства, «является и носителем более высокого “способа представления” (т.е. такого способа представления, который позволяет более быстро и более адекватно познавать объективный мир)»¹²⁷. Так, на современном ему этапе развития общества наиболее передовым является «пролетарский» способ представления, с которым Бухарин отождествлял рациональное познание, строгий детерминизм, историзм мышления.

¹²³ Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. С. 105, 28—50, 80.

¹²⁴ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.; Л., 1923. С. 9.

¹²⁵ Там же. С. 246—247.

¹²⁶ Там же. С. 269, 271.

¹²⁷ Там же. С. 148.

«Пролетариат не заинтересован в сохранении старого, и поэтому он гораздо более дальнорзок», — писал Бухарин; это означало, что пролетарская общественная наука «способна заглядывать дальше и подмечать то, что не в состоянии подмечать общественная наука буржуазии»¹²⁸.

«Общественная психология», «психология характера», «способ представления» — все эти понятия, предложенные российскими неортодоксальными марксистами начала XX века, должны были дополнить классическое марксистское учение о борьбе *классов* и избежать превращения его в упрощенную схему: как писал Бухарин, «было бы странно, если бы марксистская теория вечно топталась на месте»¹²⁹. Проблема, однако, состояла в том, что для целей политической полемики в условиях зарождения массовой политики и электоральной культуры в гораздо большей степени подходили упрощенные схемы, нежели сложные теории с психологическим уклоном.

Схема классовых отношений, классовой борьбы и классовой подоплеку идейно-политических течений была доведена до предельной четкости и лапидарности в трудах основоположника советской исторической науки — Михаила Николаевича Покровского. Сам Покровский считал это своей главной заслугой; в работах 1920-х годов он противопоставлял два направления в раннем русском марксизме: «экономический материализм», для которого «все исторические перемены объясняют влиянием материальных условий», — и «подлинный марксизм», «исторический материализм», которому присуще «учение о классовой борьбе как движущем начале истории»¹³⁰.

С точки зрения М.Н.Покровского, главными акторами исторического процесса являлись общественные *классы*; классовые интересы скрывались под оболочкой национальных движений, религиозных войн, административных реформ, культурных преобразований. Нетрудно увидеть здесь генетическое родство концепции Покровского с историческими трудами его учителя Ключевского; но Покровский изымает из концепции Ключевского два важных компонента: государственность, способную выступать в роли соци-

¹²⁸ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.; Л., 1923. С. 10—11.

¹²⁹ Там же. С. 6.

¹³⁰ Покровский М.Н. Экономический материализм. Пг., 1920. С. 3—4, 22—23.

ального арбитра, и культурную общность, сглаживавшую различие между социальными группами.

Исторический нарратив, встающий со страниц произведений Покровского, — это повествование о сложных взаимоотношениях *классов*, об их борьбе за господство и временных союзах против общего противника. Так, историю правления Ивана Грозного Покровский интерпретировал как историю «союза посадских и боярства», которые совместно противостояли усилению дворянства; в годы Смуты, напротив, «и посадские, и помещики оказались вместе против представителя экономической реакции, против боярства»; при первых Романовых этот союз распался — «средние помещики» оттеснили от власти представителей «торгового капитала»; но те, в свою очередь, одержали реванш при Петре I, чтобы впредь «дирижировать из-за кулис крепостным хозяйством»¹³¹. Выстраивая такой сюжет исторического повествования, требовалось представить *классы* как своеобразные коллективные индивидуальности, которые осознают свою целостность, обладают явно выраженной коллективной волей и в монолитном единстве строят четкую политическую стратегию.

Покровский вполне обоснованно считал Владимира Ильича Ленина своим союзником в деле интерпретации истории. Действительно, как и Покровский, Ленин видел *классы* главными акторами исторического процесса и за каждым конкретным событием стремился найти «расстановку классовых сил»; *классы* выступали в публицистических работах Ленина носителями коллективного разума, коллективной воли и даже общих моральных качеств¹³². Совпадали и полемические стратегии Ленина и Покровского: оба с явным удовольствием стремились «разоблачать» своих оппонентов как своеобразных защитников интересов того или иного эксплуататорского *класса*. Если Ленин пользовался таким приемом в диспутах с другими социалистами, то Покровский постоянно применял эту стратегию в своих историографических трудах. За доктриной каждого историка Покровский пытался увидеть «сгусток классовой идеологии»; в соответствии с этой стратегией историки XVIII века представляли идеологами «торгового капитала», славянофилы —

¹³¹ См.: Покровский М.Н. Избр. произв.: В 4 кн. Кн. 2: Русская история с древнейших времен (т. 3 и 4). М., 1965.

¹³² См., напр.: Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 11. М., 1979. С. 11—31.

выразителями позиции помещиков, историки «государственной школы» — защитниками интересов промышленной буржуазии и т.д. «Тут совершенно не приходится стесняться тем, что ни у Чичерина, ни у Кавелина, ни у Соловьева, ни у кого из историков-государственников не было фабрик, — уточнял Покровский. — Тут применимо то, что говорит Маркс о мелкобуржуазной идеологии, о мелкобуржуазных идеологах: не обязательно, чтобы у них была лавка, но их кругозор не выходит за пределы кругозора лавочника»¹³³.

Как отметил современный методолог истории Николай Евгеньевич Копосов, «по-видимому, именно марксистами были приняты наиболее последовательные попытки обнаружить за научными аргументами “подлинные мотивы” своих оппонентов [...] Позднее, в не менее известных условиях, это привело к подмене научной полемики политическим доносом»¹³⁴. Риторика избличения «подлинной классовой сущности» оппонентов прочно утвердилась в литературе и публицистике сталинских времен, в том числе и в историографии, стремившейся «вскрыть политическую сущность, заключенную в исторической оболочке буржуазных исторических работ и исследователей»¹³⁵. Даже стремление к научной объективности, с точки зрения идеологии той эпохи, было всего лишь одной из масок классового противника: «Кажущаяся “объективность” и “беспристрастие” Кареева не могут скрыть от нас политической подоплеки его научных построений»¹³⁶. Утвердившись в качестве господствующей идеологии, классовая теория — в ее наиболее примитивной и вульгаризированной форме — вытеснила все прочие направления социальной мысли.

Некоторые итоги

Можно заключить, что русская мысль активно осваивала понятие *класс* в значении «социальная группа, слой населения» прибли-

¹³³ Покровский М.Н. Предисловие // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. М., 1927. Т. 1. С. 8—10, цит. С. 13.

¹³⁴ Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 172—173.

¹³⁵ Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 10.

¹³⁶ Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.). Открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. Т. 21. М., 1931. С. 77, 80.

зительно с середины XIX века. Определенным рубежом, знаковым событием здесь следует считать европейские революции 1848 года: для осмысления их социальных причин российские мыслители должны были сформулировать принципы анализа структуры современного им западноевропейского, а затем и российского общества. Симптоматично, что классовая терминология широко использовалась в публицистике А.И. Герцена, в чьем становлении как социального мыслителя и политического деятеля события 1848 года сыграли решающую роль. Интеллектуальная мода на понятие *класс* быстро распространилась во всех сферах общественной мысли в эпоху Великих реформ: проводившиеся тогда преобразования поставили на повестку дня вопросы о перспективах дальнейшего социального развития России, о пригодности инструментария европейской науки для понимания российского общества в его прошлом и настоящем.

К 1880-м годам в российском образованном обществе укрепилось убеждение, что *классы* являются ведущими акторами исторического процесса, что их взаимоотношения определяют характер общественного строя. Более того: за вторую половину XIX века в отечественной мысли сложилось несколько подходов к трактовке данного понятия, которые часто противоречили друг другу, могли быть взаимоисключающими — или, напротив, совмещались в сознании современников.

Концепция троичного деления общества на «высшие классы» (привилегированную аристократию), «средние классы» (обеспеченных горожан, обладающих некоторыми правовыми льготами), «низшие классы» (крестьян и ремесленников) была широко представлена в работах 1840—1860-х годов: у официального историографа Н.Г. Устрялова, западников Т.Н. Грановского и Б.Н. Чичерина и др. Первым такой подход апробировал М.М. Сперанский в своем «Плане государственного образования», но по причинам политического характера этот труд дошел до читателя только в начале XX века. Во всех указанных случаях *классы* выделялись по объему их привилегий, прав и обязанностей, описанных довольно абстрактно, обобщенно. Следует заметить, что российские мыслители середины XIX века охотнее применяли эту схему для интерпретации событий недавней европейской истории (особенно Французской революции), нежели для объяснения хода истории российской. Упоминание троичной модели деления общества часто сопровождалось оговоркой, что в России «средние классы»

слабее, чем в Западной Европе, или же в силу исторических обстоятельств не сложились вообще. Поэтому применительно к истории России троичная схема — например, в творчестве К.Д. Кавелина — легко превращалась в двоичную («высшие классы» — «низшие классы»).

«Парадигма завоевания», восходящая к французским историкам времен Реставрации, нашла отражение в научно-публицистических трудах славянофилов и народников (в частности, К.С. Аксакова и Н.И. Костомарова). Для нее характерно двоичное деление общества на «высшие классы» и «низшие классы» («народ»), между которыми существуют не только социальные, но и этнокультурные или этноконфессиональные различия. Бинарная структура общества трактовалась как историческое следствие чужеземного завоевания или «обезьянничанья» социальной верхушки перед носителями другой культуры. Термин «народ» использовался как синоним «низших классов», а «высшие классы» демонстративно противопоставлялись «народу», что позволяет наглядно судить об антиэлитаризме высокой российской культуры XIX века.

Представитель «государственной школы» А.Д. Градовский и историк права М.Ф. Владимирский-Буданов придерживались принципа, согласно которому *классы* коренным образом отличаются от *сословий*. Они настаивали, что *сословия* образуются по правовому признаку, *классы* — по экономическому; что *сословия* в России создавались государством «сверху», а *классы* возникали «снизу» естественным путем, в ходе экономического развития общества. Интересно, что и Градовский, и Владимирский-Буданов старались не смешивать классовый и сословный дискурсы: термином *классы* они пользовались, описывая общество Киевской Руси, термином *сословия* — характеризуя централизованное государство времен Московского царства или петровской империи.

В творчестве В.О. Ключевского — безусловно, центральной фигуры в развитии исторического самосознания российского общества — понятие *класс* претерпело достаточно сложную эволюцию. На раннем этапе своего творческого пути Ключевский придерживался подхода, близкого «государственной школе»: *сословия* выделялись по правовому признаку, *классы* — по экономическому. Однако к моменту создания «Курса русской истории» и цикла спецкурсов (по истории *сословий* в России, терминологии русской истории и др.) он пришел к выводу, что в русском обществе правовые и экономические различия обуславливали друг друга и плав-

но перетекали друг в друга. На практике этот подход проявился в том, что термины *сословие* и *класс* Ключевский использовал как синонимичные, взаимозаменяемые. Но, так или иначе, важнейшая особенность научного творчества В.О. Ключевского состоит в том, что он рассматривал историю России как историю социальных реформ и социальных конфликтов между различными *классами*.

В идеологии народничества (пожалуй, самой влиятельной из всех мировоззренческих систем в России второй половины XIX века) вопрос о социальной структуре общества был неоднозначным и даже запутанным. С одной стороны, именно народники в 1860—1880-х годах активно осваивали марксистский подход к анализу социума, выделяя *классы* по их отношению к средствам производства. С другой стороны, риторика народничества явно тяготела к бинарному социальным дискурсам: «привилегированное меньшинство» — «угнетенное большинство», «образованное общество» — «народ» и т.д. Важнейшие культурно-антропологические характеристики народничества как мировоззренческой системы — комплекс социальной вины интеллигенции перед народом, этика добровольного самопожертвования и очищающей жертвы, фанатичная враждебность к государству и презрение к благополучному обывателю, идея «порога» между миром греховной обыденности и миром революционного спасения — предполагали манихейское видение мира как арены вечного противоборства Правды и Кривды; вероятно, отсюда проистекала бинарность социальных моделей.

К началу XX века в российской мысли (усилиями «государственной школы», экономистов-народников, «русской исторической школы», «школы Ключевского») классовый дискурс завоевал достаточно прочные позиции. Каждая из упомянутых школ на свой манер внедряла в сознание образованных современников убеждение, что общество делится на *классы*; что *классы* выделяются по экономическому признаку или по совокупности экономических и правовых признаков; что между *классами* могут существовать отношения социального конфликта, антагонизма, эксплуатации; что крупные социально-политические перемены объясняются перипетиями борьбы одних *классов* против других. Классовая терминология широко применялась для объяснения хода русской истории с эпохи раннего Средневековья до периода «развития капитализма в России».

Поэтому у теоретиков российского марксизма уже не было необходимости разъяснять читающей публике, что общество со-

стоит из *классов* или что классовые антагонизмы приводят к революции. Новшество, внесенное в российский общественно-политический дискурс марксистами, состояло в том, что они стали применять классовую теорию как удобный инструмент в идейно-политической борьбе (выяснение «классовой сущности» воззрений оппонента — В.И. Ленин, М.Н. Покровский). Именно этим, пожалуй, объясняется «психологический уклон» в русском марксизме начала XX века: нетривиально мыслящие идеологи марксизма (Г.В. Плеханов, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Рожков, Н.И. Бухарин) стремились выяснить, каким именно образом «классовый интерес» осознается отдельно взятым человеком и трансформируется в индивидуальную мотивацию действий.

Таким образом, превращение марксизма в государственную идеологию Советской России означало не только переход к тотальному господству классовой парадигмы в исторических и социальных науках, но и сужение диапазона возможных трактовок понятия *класс*: из нескольких моделей классового деления общества, сложившихся в российской мысли к началу XX века, была выбрана одна, официально признанная. В то же время воля правящей партии в данном случае совпала с вектором развития российской социальной мысли: к тому времени в трактовке понятия *класс* уже утвердилась «парадигма разделения труда», оттеснившая на второй план как «правовую парадигму», так и «парадигму завоевания».

Российское образованное общество училось мыслить в классовых категориях задолго до того, как леворадикальные партии подняли знамя классовой борьбы.

III

ОБЩЕСТВО
И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

Борис Павлович Маслов

Рождение и смерть
Добродетели в России:
о механизмах пропаганды понятий
в дискурсе Просвещения*

А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что празднично звучит на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем чем ни попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!

Гоголь Н.В. Мертвые души

На подступах к социодискурсивной истории
понятий

У каждого исследователя есть интуитивное представление о словах, которые особенно красноречиво свидетельствуют о культуре в определенный период ее истории (например, *честь* в России в первые десятилетия XIX века¹, *Schuld* в послевоенной Гер-

* За внимание к этой работе и критические замечания я признателен А. Блюмбауму, В. Ивлевой, В. Живову, Д. Калугину, Й. Клейну, а также участникам обсуждений, проходивших на конференции «Conceptual History: Concepts, Metaphors, and Discourses» (РГГУ, сентябрь 2010 г.) и на семинаре центра «Res publica» (ЕУ СПб., декабрь 2010 г.). За ценные сведения, касающиеся эмблематических источников, я благодарен Р. Ниру и Дж. Скоделу.

¹ Марасинова Е.Н. Понятие «честь» в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII века) // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. С. 272—292.

мании², *гласность* в 1980-е годы³). Принято считать, что такие слова выражают фундаментальные (ключевые) понятия (*Grundbegriffe*, *Schlüsselbegriffe*). В современной научной практике бытуют по крайней мере три различных подхода к языковому материалу понятийной сферы (*Begriffswelt*).

Традиционная история понятий (*Begriffsgeschichte*), отдающая предпочтение специальному языку философии, трактует понятия как компоненты некоторой системы, нацеленной на объективное познание мира (Эрих Ротакер, Ханс-Георг Гадамер, Иоахим Риттер); словесное их выражение оказывается вопросом второстепенным. Сказанное относится и к «истории идей», получившей распространение в англоязычном научном мире⁴.

Своеобразный, *симптоматический* подход к лексике характеризует работы Райнхарта Козеллека и его последователей, все чаще именующих свое направление исследований «исторической семантикой»: слова меняют значение в переходный период (*Sattelzeit*) — период рождения новых понятий⁵. Особенность разработанной в последние десятилетия в Германии (а также в рамках Кембриджской школы) теории понятий заключается в том, что сфера ее применения ограничена, в силу сложившейся во второй половине XX века системы научного знания, пределами социального и по-

² *Besier G.* Das Schuldverständnis in Kirche und Gesellschaft. Begriff und Sache in 20. Jahrhundert // Dutt C. (Hrsg.) Herausforderungen der Begriffsgeschichte. Heidelberg, 2003. S. 149—172.

³ *Keipert H.* Glasnost'. Zu den lexikographischen Voraussetzungen für Begriffsgeschichtliche Untersuchungen im Russischen // *Thiergen P.* (Hrsg.) Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 1—21.

⁴ Подробнее об этом см.: *Richter M.* The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction. New York; Oxford, 1995. P. 22—25.

⁵ Первоначальную формулировку этого тезиса можно найти в работе: *Koselleck R.* Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // Archiv für Begriffsgeschichte. 1967. Bd. 11. S. 91. В своих последних статьях, написанных в диалоге с новейшими работами по исторической семантике, Козеллек особо подчеркивал необходимость анализа словоупотребления при исследовании истории понятий. См.: *Koselleck R.* Hinweise auf die temporalen Strukturen begriffsgeschichtlichen Wandels // Bödeker H.E. (Hrsg.) Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen, 2002. S. 31—47 (русский перевод В. Дубиной см.: *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 21—33); *Koselleck R.* Die Geschichte der Begriffe und Begriffe der Geschichte // Dutt C. (Hrsg.) Herausforderungen der Begriffsgeschichte. S. 3—16.

литического дискурса. Специфика функционирования именно социально-политических понятий остается, в сущности, недоказанной гипотезой.

Наконец, более обычный в филологии подход, который можно назвать антропологическим, склонен искать культурно значимые концепты в неудобопереводимых словах; значимость этих слов обусловлена не исторической конъюнктурой, а культурной спецификой чуждой картины мира⁶. Внимание же филологов, занимающихся историей лексики родного языка, привлекают прежде всего слова и фразеологизмы с затемненным значением.

Отношение последней парадигмы к теории и практике истории понятий разработано недостаточно⁷. Для филолога слово выступает как носитель значения (а не как одно из возможных выражений внеязыкового понятия) и, в частности, как гарант преемственности значения в истории. Соответственно существенный вес получает научная этимология (то есть находящееся вне поля сознания носителей, но продолжающее влиять на употребление исходное значение слова) и его словообразовательная и морфологическая структуры, которые действуют на семантику напрямую — помимо логики понятийных полей, группирующей лексику по чисто семантическим принципам. Характерно, что, несмотря на широкий хронологический охват статей, составивших выходявшее под началом Козеллека издание *Geschichtliche Grundbegriffe* (1972—1992), этимология в них не учитывается: она отнесена как бы к области доисторического. В качестве своеобразного филологического антипода к этому изданию можно рассматривать капитальный труд Эмиля Бенвениста *Le vocabulaire des institutions indo-européennes* (1969), в котором социальная структура праиндоевропейцев реконструируется на основании исключительно этимологического анализа⁸.

⁶ Такой подход характерен и для вненаучной рефлексии о культурных различиях. Так, Сергей Довлатов пишет о понятиях *хамство* и *халтура* как о ключевых для позднесоветской культуры, указывая на их неперебиваемость на английский. См. его эссе *Трудное слово и Это неперебиваемое слово* — «хамство» (*Довлатов С.Д.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2004. Т. 4. С. 319—327).

⁷ В одной из немногих статей на эту тему В.М. Живов подчеркивает значение традиции изучения истории слов с учетом их экспрессивной окраски и социальных коннотаций у В.В. Виноградова. См.: *Живов В.М.* История понятий, история культуры, история общества // Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 5—26.

⁸ *Benveniste É.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1969. 2 vols.

Очевидно, что антропологический (филологический) подход принципиально синхроничен; он не позволяет выявить диахронические срезы в истории понятий, процессы их рождения и отмирания. С другой стороны, предложенное Козеллеком понятие *Sattelzeit* остается непроясненным. Несколько утрируя, можно сказать, что, согласно Козеллеку, до середины XVIII века понятий в собственном (современном) смысле слова не существовало; их появление связано с радикальным сдвигом в мышлении — и в метафизической сущности истории, — который произошел в Новое время. Эта концепция в конечном счете восходит к романтическому противопоставлению примитивного мышления образами современному мышлению понятиями — противопоставлению, сформулированному еще Вильгельмом фон Гумбольдтом⁹. В отечественной традиции о генезисе понятийного мышления писала, например, О.М. Фрейденберг — с той лишь разницей, что она полагала, что переход от образа к понятию случился уже в Древней Греции¹⁰.

Представляется более перспективным считать, что понятия существовали всегда (в том числе и в Средние века), а то явление, которое было выявлено школой Козеллека, — возникновение большого числа общих понятий в период с 1750 по 1850 год — следует объяснять, привлекая сравнительный материал, а не просто постулировать как квазиметафизическую данность. Полезным подспорьем здесь может послужить классическая работа Антуана Мейе *Comment les mots changent de sens*¹¹, которая остается наиболее оригинальной попыткой соотнесения исторической семантики с социокультурной динамикой. Согласно Мейе, язык следует понимать как совокупность социальных и профессиональных аргов. Слово меняет значение в тот момент, когда оно пересекает границу социолектов (подъязыков); так, сужение значения связано с заимствованием из общего языка в социолект, а его расширение — с распространением специального термина¹².

⁹ Ср.: *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков. СПб., 2006. С. 9—33.

¹⁰ Речь идет о посмертно опубликованной монографии *Образ и понятие*, основной тезис которой восходит к идеям Э. Кассирера (см.: *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд. М., 1998).

¹¹ *Meillet A.* Comment les mots changent de sens // Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1958. Vol. 1. P. 230—271 (первая публикация в *L'Année sociologique*, 1905—1906).

¹² Мейе предположил, что на основании заимствований из того или иного арга (морского, охотничьего, судебного) можно оценить общественную значи-

В Новое время особое значение для истории понятий в России имели (1) язык христианской образованности, наследовавший церковнославянскому, и (2) язык переводов с иностранных языков, прежде всего — с французского, который выступал как основной формант подъязыка образованной части русского дворянства. Именно в результате взаимодействия этих двух подъязыков в России сформировался основной фонд ключевых понятий в сфере этических и социальных установок личности (*совесть, честь, долг, достоинство*); эти понятия в течение XIX и XX веков в результате множества разнородных процессов (внедрение общего образования, урбанизация, нивелирование, а затем слом сословных различий, распространение книгопечатания и средств массовой информации) прочно вошли в язык и сознание основной массы носителей русского языка¹³.

Добродетель в Новое время: рождение и смерть понятия

В данной работе ставится задача проследить историю понятия *добродетель* — историю, не укладывающуюся в козеллековский нарратив об изобретении понятий в период с 1750 по 1850 год. С одной стороны, *добродетель* как абстрактное понятие представляет собой продукт социальной рефлексии Нового времени; с другой стороны, уже в первые десятилетия XIX века это понятие стремительно теряет значимость и не закрепляется в числе основных для русского языка. История этого понятия свидетельствует в пользу социодискурсивного (а не историко-метафизического) подхода к «нововременным» понятиям. Сохранение слова *добродетель* в активном словаре ограничено периодом доминирования дворян-

мость соответствующей социальной группы в определенный период развития языка. Одним из наиболее влиятельных в языковом отношении классов оказывается класс интеллектуалов, которые, в частности, служат посредниками в процессе заимствования из иностранных языков (например, из латинского в современные европейские языки). Подробнее актуальность модели Мейе для исследования истории понятий обсуждается в работе: *Маслов Б.П.* От долгов христианина к христианскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Живов В.М. (Ред.) Очерки исторической семантики. С. 201—270.

¹³ В традиции козеллековской школы эти процессы подпадают под термин «демократизации» понятий (ср.: *Richter M.* The History. P. 37—38).

ского подъязыка, который опирался на христианскую этику. После разрыва этой смычки в XX веке оно уходит из языка¹⁴.

Можно возразить: совсем иная судьба ожидала такие слова (и понятия), как *долг* или *совесть*, которые стали неотъемлемой частью общего языка — несмотря на схожую предысторию в христианском подъязыке, опосредованном языком образованного класса. Чем обусловлены столь различные долгосрочные результаты усвоения этих понятий? Прежде всего следует учитывать степень востребованности того или иного понятия в общеевропейском культурном контексте XIX и XX веков. Проблема добродетели, бывшая некогда центральной в западной моральной философии, в XIX—XX веках практически выпадает из сферы интересов философов. Одновременно с этим нравственно-дидактический дискурс переходит от философии к психологии, а христианство теряет свое бывшее влияние на общий язык. Утрата мотивировки в специальном подъязыке, как кажется, и привела к тому, что *добродетель* начала восприниматься как понятие устарелое, ненужное.

В России девальвация христианского словаря имела большее значение, чем кризис восходящей к Аристотелю морально-философской теории добродетелей. С этим, вероятно, связано и то, что в России понятие *добродетель*, как представляется, оказалось еще менее жизнеспособным, чем, например, в США¹⁵. В современном языке оно находится под угрозой исчезновения. Употребление слова *добродетель* ограничено специальным «религиозно-проповедческим» подъязыком¹⁶; из бытовой же речи оно фактически исчезло¹⁷.

¹⁴ У Козеллека можно найти отдельные указания на то, что отмирание понятий оказывается индексом социальных изменений: так, немецкое слово *Adel* в течение XIX века претерпевает «постепенную утрату социальной и политической значимости» (einen langsamen sozialen und politischen Bedeutungsschwund erleiden); см.: *Koselleck R. Richtlinien. S. 83*.

¹⁵ Это суждение основано на интуиции автора и нескольких коллег относительно американского английского языка. Корпусные данные за первое десятилетие XXI века не позволяют сделать положительных выводов. В корпусе американского английского слово *virtue* (исключая сложный предлог *by virtue of*) имеет частотность 13,19 на миллион слов (по данным *Исторического корпуса американского английского* [<http://corpus.byu.edu/coha/>]), русского (НКРЯ) — 9,6, немецкого (*Archiv der geschriebenen Sprache* [<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>]) — 6,9. Различия показателей по этим корпусам обусловлены прежде всего соотношением объема текстов, относящихся к разным жанрам и языковым регистрам.

¹⁶ Об этом подъязыке см.: *Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина.*

Причину неполного усвоения понятия *добродетель* нужно искать в языке XVIII—XIX веков. О том, что судьба этого понятия к 1917 году была предрешена, свидетельствуют и данные о частотности слова *добродетель* (см. Таблицу 1, графики 1—2): в советский период существенных перемен в динамике словоупотребления не наблюдается.

В качестве гипотезы, подтверждение которой потребует привлечения более обширного материала, я предложил бы говорить о *гомологичности* исходного значения слова и заимствованного понятия. Ключевые понятия в России XVIII века, как правило, представляют собой заимствования не лексические, а семантические. Иными словами, зарождение нового понятия — это процесс приспособления нового, заимствованного содержания к старому значению слова. Это сближение нового и старого значений требует общей семантической базы. В случае понятия *долг* в качестве такой базы выступало буквальное значение слова *долг*, которое позволило выстроить новую концептуальную метафору должностования, в которую прежние христианские смыслы включались только как коннотации. В истории же понятия *совесть* наблюдается полная преемственность языка этической теории по отношению к христианству. Совесть так и остается прежде всего христианским поня-

М., 2007. С. 612—621. Можно предположить, что этап бытования в пределах отдельного подъязыка (с учетом проистекающей из этого специализации самого понятия), в данном случае — подъязыка христианской гомилетики, естественным образом предшествует отмиранию понятия, то есть его переходу в пассивный запас незначительной образованной части носителей языка.

¹⁷ В устном подкорпусе НКРЯ всего три примера со словом *добродетель* (если исключить тексты киносценариев): (1) «[Григорий Остер, муж] Вы говорите про другое. Надо ли себя ограничивать в добрых делах / надо ли себя ограничивать в любви к близким / надо ли себя ограничивать в... [Интервьюер 1, жен] Если Вы это делаете из-под палки / то надо. Никому Ваша добродетель не нужна. [Григорий Остер, муж] Как это? Вот это я вообще не понимаю» [Радиоинтервью (2006)]; (2) [Самоделова Л.А., жен] Есть приют такой небольшой в Новом Милете. Ну вот / мы согласовываем с администрацией / хотим создать там. Это в планах. Православная церковь всегда воспитывала у людей добродетель / трудолюбие / нравственность / милосердие и сострадание / это было всегда известно. [Валентина Чубенко. Программа «Кто мы в этой жизни» о директоре благотворительного фонда «Родная Балашиха» Л.А. Самоделовой // ГРПК «Подмосковье» / Передача «Берег надежды», 2005]; (3) «[№ 3, муж] У меня еще одно соображение по поводу соотношения прикладной и фундаментальной науки / известное высказывание / “Добродетель всегда будет вознаграждена... Порок же приятен сам по себе!”» [Телепередача «Наука в России и в Троицке: значение, состояние, перспективы» (2004)].

тием, чем объясняется кризис этого понятия в современных европейских языках¹⁸.

Иначе сложилась история понятия *добродетель*. Специальное значение слова в христианском подязыке, укрепленное его внутренней словообразовательной формой, увязывало его с идеей благих дел и (в контексте фундаментальных оппозиций *добродетель* — *порок*, *добродетель* — *грех*) мотивировало употребление слова во множественном числе. Заимствованное же значение требовало понимания добродетели как обобщенного стандарта нравственности и как внутреннего императива; эта *добродетель* существует в единственном числе (подобно словам *благо*, *разум*, *совесть*, *сознание*).

С одной стороны, новое понятие *добродетель* можно рассматривать как пример того, что Козеллек называет обобщенным единственным числом (*der Kollektivsingular*) понятий Нового времени¹⁹. Однако история этого слова-понятия не пошла по пути, например, слова *вольность* (от вольностей к Вольности) — пути полной утраты конкретизирующего значения (*konkretisierender Aussagekraft*)²⁰. Старое понимание слова *добродетель* ('положительное свойство, имеющее следствием правильные поступки') сохраняется в языке, отчасти благодаря внутренней форме слова: добродетелен тот, кто делает добро. Заимствованное значение слова — Добродетель как

¹⁸ О христианской предыстории понятия *долг* см.: Маслов Б.П. От долгов христианина. О понятии *совесть* см.: Там же. С. 209—210; а также в работе: Прохоров Г.М. Старорусская дума *свѣсть* и съвременните руски думы *совесть* и *сознание* // Език и литература. 1973. Кн. 4. С. 45—53.

¹⁹ Ср. о переосмыслении формы множественного числа *die Geschichte* как единственного (то есть *история* как совокупность историй и как сфера исторического) в: Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt a.M., 1978. S. 50—59. В этом же контексте важное обобщение: «Es war die große Zeit der Singularisierungen, der Vereinfachungen, die sich sozial und politisch gegen die ständische Gesellschaft richteten: aus den Freiheiten wurde die Freiheit, aus den Gerechtigkeiten die eine Gerechtigkeit, aus dem Fortschreiten (les progrès im Plural) der Fortschritt, aus der Vielzahl der Revolutionen "La Révolution"» [Ibid. S. 54] («Это было великое время появления единичных понятий, их упрощений, которые социально и политически были направлены против сословного общества: из свобод явилась свобода, из справедливостей [Gerechtigkeiten] справедливость, из движения вперед (les progrès в мн. числе) прогресс, из множества революций Великая французская революция»). Конечно, этот тип значения не ограничен европейскими языками Нового времени; ср. в древнегреческом φύσις «естество (конкретного организма)», но и «Природа»; ἀλήθεια «истина, истинное высказывание», но и «Истина», ἀρετή «подвиг», но и «добродетель, доблесть». См. об этом ниже.

²⁰ Koselleck R. *Richtlinien*. S. 92.

отвлеченный принцип нравственности — должно было преодолеть не только исходное значение, но и инерцию, заложенную в форме слова. Новое понятие оказалось *гетерологично* старому²¹.

Следует подчеркнуть, что в свете общеевропейского кризиса этого понятия необходимость в данном объяснении не очевидна. Относительно меньшая жизнеспособность русского понятия *добродетель*, возможно, объясняется исключительно слабостью в России независимой от христианства традиции моральной философии. В этом случае и неполное усвоение просвещенческой Добродетели было связано с тем, что оно происходило в отрыве от специальной философской традиции рассуждений о добродетели.

О таком неполном усвоении говорит и то, что в течение последнего столетия количество употреблений слова *добродетель* в единственном числе лишь незначительно превышает количество употреблений во множественном числе²². В современном английском наблюдается другая ситуация: количество употреблений слова *virtue* в единственном числе на 32 процента больше, чем количество его употреблений во множественном числе²³. Еще более явный перекос в сторону Добродетели как *Kollektivsingular* налицо во французском: в корпусе французского литературного языка²⁴ количество употреблений в единственном числе более чем в два раза превышает количество употреблений во множественном числе²⁵.

²¹ Эти два значения корректно отражены в четырехтомном *Словаре русского языка* (М., 1957): «Положительное нравственное качество человека // Высокая нравственность, моральная чистота» (Т. 1. С. 553).

²² Поиск по *Национальному корпусу русского языка* (см. ниже) осуществлялся только по текстам со снятой омонимией (в нашем случае сложность представляет форма *добродетели*), созданным в период с 1900 по 2010 год. Число употреблений в единственном числе — 23 (56%), во множественном — 18 (44%). Интересный пример вторжения обобщенного единственного числа в контекст, обычно требующий формы множественного числа (противопоставление пороков и добродетелей): «Отношения с хорошим и плохим, с пороками и добродетелью у художника чрезвычайно непростые» [Ю.К. Олеша. Речь на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934)].

²³ По *Британскому национальному корпусу* (<http://corpus.byu.edu/bnc/>), за годы 1980—1993: единственное число (за вычетом предлога *by virtue of*): 895 (57%), множественное число: 676 (43%).

²⁴ Данные приводятся по сайту *Универсальной библиотеки* (<http://abu.snam.fr/>): *vertu* в единственном числе (за вычетом предлога *en vertu de*) — 684 (70%); во множественном числе — 289 (30%).

²⁵ Иначе обстоит дело в немецком языке, в котором слово *Tugend* употребляется чуть чаще во множественном числе. Согласно данным синхронного *Архива письменного языка* (*Archiv der geschriebenen Sprache*), включенного в кор-

Откуда же пришло абстрактно-собирательное понятие Добродетели? Предложенное Козеллеком объяснение подобных форм отсылает к переходу от сословного к универсалистскому мышлению. Однако нельзя игнорировать и более очевидное явление: влияние языка латинской образованности. В классической латыни слово *virtus* в единственном числе (и, в частности, в абстрактно-собирательном значении «нравственное совершенство») встречается намного чаще, чем во множественном числе: с соотношением 84 к 16 процентам²⁶. Приблизительно такое же соотношение наблюдается и в древнегреческом языке, хотя в византийский период процент употреблений слова ἀρετή во множественном числе вырастает (последнее, как я предполагаю, связано с ростом значения конкретных добродетелей и добродетельных подвигов в христианской парадигме святости)²⁷.

В целом влияние латинского сингулятивного узуса следует рассматривать как важнейшую социодискурсивную мотивировку возникновения большого числа собирательно-абстрактных понятий в XVIII веке — в период, когда на основе латинского языка образованности создавались специальные новоевропейские подязыки философии, теологии и политики. Однако эта проблема требует отдельного, более подробного рассмотрения.

К проблеме пропаганды понятий: признак референтности/нереферентности

Пропагандой понятия я предлагаю называть заимствование понятия в общий язык, ставшее (не обязательно осознанным)

пус COSMAS II Института немецкого языка (<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>), распределение форм единственного (8946, то есть 46%) и множественного числа (10 395, то есть 54%) свидетельствует о сохранении базового понятия *добродетель*, допускающего образование множественного числа от слова *Tugend*. Интересно в связи с этим и возникновение в немецком образования *Untugend* «порок», которое свидетельствует об укорененности значения «отдельная добродетель» у слова *Tugend*.

²⁶ Число вхождений: 1.773 (единственное число) и 350 (множественное число). Статистические данные получены по базе *Персея* с помощью интерфейса *Philologic* (<http://perseus.uchicago.edu/>).

²⁷ Подсчеты производились по *Тезаурусу греческого языка* (<http://www.tlg.uci.edu/>): в классический период (с VIII по IV век до н.э.) соотношение 86% (число вхождений: 2491) к 14% (401); в период же с X по XV век (включительно) — 74% (12 448) к 26% (3883).

результатом активной языковой деятельности носителей определенного подязыка. Возникновение фундаментальных понятий с чрезвычайно широким, размытым значением — это результат экспансии (демократизации) высокой культуры, которая в течение XIX—XX веков становится достоянием большого числа носителей-монолингвов, обладающих лишь школьным («общим») образованием и ориентирующихся в своем словоупотреблении лишь на одну языковую систему. Иными словами, при анализе нововременного *Sattelzeit* акцент, как кажется, следует ставить не на социальных и политических предвестиях и последствиях Французской революции, а на просвещенческих принципах, согласно которым образованное меньшинство стремится и получает возможность преобразовывать картину мира и язык остальной части населения. Однако, вопреки своим заявленным целям, Просвещение имело своим результатом не «прояснение» (*Aufklärung*) понятий, а возникновение понятий с размытой, затемненной семантикой²⁸. История понятия *добродетель*, этого «популярнейшего лозунга европейского Просвещения»²⁹, пропаганда которого остановилась, так сказать, на полпути, особенно поучительна, так как она указывает на предел реализации просвещенческого проекта.

В данной статье я хотел бы наметить методику изучения механизмов пропаганды понятий на материале большого корпуса текстов. Для интересующего нас периода необходимый объем текстов уже сейчас доступен в рамках Национального корпуса русского языка (НКРЯ)³⁰. В последних трех разделах статьи я предпринимаю попытку на основании обзорных статистических данных, а также

²⁸ О «прояснении» понятий как о базовой просвещенческой установке ср.: Ricken U. Zum Verhältnis vergleichender Begriffsgeschichte und vergleichender Lexikologie // Bödeker H.E. (Hrsg.) Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. S. 55—56 (Рус. перевод в книге: История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 69). Сам Козеллек не был чужд подобной риторике: так, он высказывает надежду, что предпринятое в словаре *Geschichtliche Grundbegriffe* восстановление полноты исторического содержания (*geschichtliche Bedeutungsfülle*) понятий ведет «от исторического выявления к политическому прояснению» (von historischer Klarstellung zu politischer Klärung); см.: Koselleck R. Richtlinien. S. 83.

²⁹ Клейн И. «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины и Н.И. Новикова // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 161.

³⁰ Доступен в сети по адресу: www.ruscorpora.ru. Корпус регулярно пополняется. Цитаты, которым сопутствует информация об авторе и произведении в квадратных скобках, заимствованы из НКРЯ; в некоторых случаях текст исправлен по печатным изданиям.

анализа конкретных типов словоупотребления диагностировать переходные процессы в истории понятия *добродетель*.

Прежде всего кажется полезным различать *устойчивое* и *неустойчивое* состояние понятия. В первом случае понятие входит в общий культурный фонд носителей языка (в этом случае наиболее уместен тот подход, который выше был назван антропологическим). Во втором — значение того или иного слова становится предметом активной рефлексии носителей: оно по-разному оценивается в разных подъязыках; представляется, что неустойчивость понятия часто обусловлена иноязычным влиянием. Переходный период предполагает не одномоментное изменение семантики слова, ставшего носителем нового понятия, а столкновение конкурирующих толкований одного и того же слова³¹.

В качестве лингвистической диагностики устойчивости понятия можно использовать противопоставление референтного (*specific*, «конкретного») и нереферентного (*generic*, «обобщенного») словоупотребления:

При употреблении первого типа существительное обозначает один или несколько конкретных объектов [...] При употреблении второго типа существительное *X* вообще не обозначает никакой конкретный объект: оно обозначает в целом класс объектов с именем *X*, не производя никакой внутренней «индивидуации»³².

Наиболее типичными контекстами нереферентных употреблений являются *родовые* (например, «Человек смертен») и *предикативные* (например, «Шарик стал человеком»). Хотя лингвисты обычно трактуют противопоставление по признаку референтности как бинарную оппозицию (во многих языках мира оно грамматализовано), применительно к понятиям уместнее говорить о шкале референтности. Так, следующие четыре высказывания приводятся в порядке возрастающей «обобщенности» употребления слова *долг*:

³¹ Ср. обобщение, данное в цитированной выше книге М. Рихтера (*Richter M. The History. P. 42*): «Practitioners of the GG's [=Geschichtliche Grundbegriffe] form of *Begriffsgeschichte* hold that political language in situations of conflict is characterized by fundamental disagreements about usage and rules» («Те ученые, которые следуют установленным в *Geschichtliche Grundbegriffe* принципам истории понятий, считают, что политический язык в конфликтных ситуациях характеризуется разногласиями относительно (слово)употребления и правил»).

³² См.: *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000. С. 285—286.

- (1) Мой долг — вернуть эту книгу в библиотеку.
- (2) В бою Иванов выполнил долг солдата и товарища.
- (3) Они действовали, руководствуясь чувством долга.
- (4) Долг — это высшая нравственная ценность.

В первом примере речь идет об определенной обязанности конкретного индивида; во втором — о реализации конкретным индивидом нравственного императива, ограниченного определенной сферой; в третьем — долг понимается обобщенно, но связывается с определенной ситуацией и локализуется в области чувств; наконец, в четвертом примере долг — чистая абстракция, определяемая с помощью другой чистой абстракции.

На протяжении всей своей истории слово *добродетель* по большей части встречается в более или менее нереферентных контекстах³³. Следующие два примера нереферентного и референтного употребления относятся ко второй половине XX века. Первый типичен в том отношении, что интересующее нас слово употребляется не просто нереферентно, но и в пределах аллегоризирующей максимы; второй же — весьма необычен.

Вот уж именно: «В наш жирный век добродетель должна просить прощения у порока за то, что она существует» [*Ю.О. Домбровский*. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)].

Тем не менее никто ничего не знал о том, как Аня жила в этот период, а через несколько лет произошли перемены: появилась новая квартира, и одновременно Аню перевели на высокооплачиваемую должность. Таким образом, добродетель Ани была вознаграждена [*Людмила Петрушевская*. Стена (1988)].

Представляется, что неустойчивому состоянию понятия соответствует высокая частота нереферентных употреблений, в то время как понятия с вполне устоявшимся значением (то есть укорененные в языке и сознании) с большей вероятностью трактуются референтно. Родовые и предикативные употребления особенно характерны для слов, значение которых составляет предмет разногласий и идеологической полемики.

Хотя общая тенденция предпочтения нереферентного употребления в случае слова *добродетель* просматривается четко, разработ-

³³ Показательно, что все три примера употребления слова *добродетель* в *Устном подкорпусе* НКРЯ, приведенные в примечании 17, являются нереферентными, хотя первое и сопровождается местоименным прилагательным.

ка методики статистического анализа корпуса по этому критерию остается делом будущего³⁴.

В следующих разделах статьи ставятся вопросы, которые относятся к начальному этапу истории понятия *добродетель* в России: каким образом понятие входит в общий язык и какие семантические эффекты сопровождают этот процесс? Можно ли говорить о решительном влиянии определенной группы носителей (и их социолекта) на процесс пропаганды понятия? Как извлечь информацию об истории понятий из корпусных данных — то есть из сводного списка примеров употребления того или иного слова? Однако прежде всего проблема усвоения понятия *добродетель* как абстрактного нравственного императива требует внимания к древнейшему периоду истории русской лексики.

Из предыстории слов: *благодать, благодеяние, добродетель*

Слово *добродетель* в современном языке сохраняет легкосчитываемую внутреннюю форму, однако под видимостью прозрачного этимологического смысла скрываются две загадки. Прежде всего слово *добродетель* аномально со словообразовательной точки зрения, так как сочетание *-тель* в нем не имеет агентивной семантики (ср. *благодетель, обогреватель, приятель* [то есть «тот, кто принимает»] и пр.)³⁵. С другой стороны, *добродетель* в привычном для современного носителя (и обычном для узуса XIX века) значении соответствует греч. ἀρετή (лат. *virtus*, нем. *Tugend* и пр.); однако со словообразовательной точки зрения оно как будто отражает греч. εὐεργεσία, εὐλοία (ср. лат. *beneficium*, нем. *Wohltat* — «благодеяние»).

На протяжении всей истории старославянского и русского книжного языка слова со спектром значений от «доброе дело» до

³⁴ Следует иметь в виду, что разница в частотности референтных и нереперентных употреблений также связана и с семантикой того или иного слова с отвлеченным значением. Так, например, слово *привязанность* будет встречаться в референтных контекстах чаще, чем слово *ложность*. Автор предполагает посвятить проблеме использования параметра референтности для анализа истории понятий отдельное исследование.

³⁵ Ср. рассуждение об этом у Вяземского: «Да и слово *добродетель* сложилось неправильно: оно по-настоящему не что иное, как слово *благодетель*» [П.А. Вяземский. Старая записная книжка (1830—1870)].

«нравственный императив, требующий добрых дел», составляют единое смысловое поле. В ранних старославянских памятниках это смысловое поле включает образования от корней *благо-* и *добро-* и глагольных основ *-дѣ(ѣ)-*, *-да-* и *-(сѣ)твори-*. Лексическое заполнение этого поля неоднородно (см. Таблицу 1³⁶). Так, образования от *-(сѣ)твори-* представляют собой несомненные кальки с греч. ἀγαποποιεῖν и пр.; они не получили широкого распространения в русском языке³⁷. С другой стороны, образования от глагольной основы *-да-*, по всей видимости, были укоренены в славянском языке: в греческих смысловых соответствиях основ со значением передачи или дарения нет. Сложнее оценить степень укорененности славянских форм с глагольной основой на *-дѣ(ѣ)*.

Особый интерес представляет распределение значений между старославянскими словами *благодѣть* (греч. соответствия: χάρις «милость, благодать», εὐεργεσία «благодеяние», ἀρετή «добродетель») и *благодать* (χάρις, χάρισμα «милость, благодать»). Слово *благодѣть* служит выражением наиболее общего понятия благого действия; оно могло быть древним славянским словом с исходным значением «благодеяние, добрый поступок», но с достаточно размытой семантикой, что сделало его удобным для перевода разнородных греческих понятий. Форму *благодать* в свете отсутствия словообразовательных эквивалентов в греческом следует, вероятно, считать также исконно славянской. Как и вероятное новообразование *благодѣяние*, эта форма принимает на себя одно из значений сводного понятия *благодѣть*: слово *благодѣяние* — в соответствии со своей очевидной и, вероятно, калькированной с греческого формой — получает значение εὐεργεσία «благодеяние», а *благодать*, ввиду относительной семантической непрозрачности внутренней формы, — трудноопределимое, абстрактное значение греч. χάρις «благодать».

Помимо слова *благодѣть*, в старославянских памятниках понятию ἀρετή «добродетель» соответствуют существительные *доброта*,

³⁶ Таблица 1 основана на данных о греческих эквивалентах, которые приводятся в издании: Цейтлин Р.М. и др. (Ред.) Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). М., 1994.

³⁷ Исключение составляет позднейшая форма *благоворительность*, впервые засвидетельствованная у Карамзина (см.: Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956. S. 81). Любопытно, что это слово получает негативную экспрессивную окраску в советский период (Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 838), но теряет ее в современной России. Ср. также редкий пример использования глагола *благоворить* у Пастернака: «Я не держу; иди благовори».

добрость, доброчьсть. Также для перевода этого слова использовались словосочетания *благата, добрата дѣтсль*. Как об этом свидетельствует написание суффикса в ранних памятниках, существительное *дѣтсль* образовано при помощи суффикса *-(ѣ)ль* (ж. р.), а не агентивного суффикса, писавшегося через *е* и образывавшего имена мужского рода³⁸. Суффикс *-ѣль* в древнерусском продуктивным не был, и слово *дѣтсль* заимствуется в искаженном написании *дѣтель*, по аналогии со словами на *-тель*. Параллельно заимствуется и устойчивое словосочетание *добрата дѣтсль*, которое в позднейших церковнославянских памятниках дает слияние *добродѣтсль*³⁹; в древнерусских текстах встречается только этимологически некорректное написание *добродѣтель*. Само слово *дѣтсль* (*дѣтель*) было книжным, что по крайней мере в одном случае — привело к контекстному переосмыслению *дѣтель* = ἁρετή «добродетель»⁴⁰.

Альтернативными выражениями этого абстрактного значения в памятниках церковнославянского языка древнерусского извода выступали слова⁴¹: *доброта*, а также *добродѣтельство, добродѣтание, добровольение, добровольство* (также *добровольниш* = ἐνᾠρετός), *доброизволение, добронравие* (слово же *благодѣть* в древнерусских памятниках в значении *добродетель* не употребляется). То, что в значении греч. ἁρετή утвердилось именно слово *добродетель*, как кажется, связано с его морфологической аномальностью: для выражения

³⁸ Примеры образований на *-(ѣ)ль*: *купѣль* от *купати*, *сопѣль* от *сопѣти*, *печаль* от *пек-* «печь, нагревать» (Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975. S. 199). В. Кипарский характеризует принадлежность слова *дѣтель* к этому типу как «höchstwahrscheinlich».

³⁹ Slovník jazyka staroslovenského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. I—IV. Praha, 1958—1997 (переизд.: СПб., 2006). Vol. 1. P. 493. Речь идет о механизме образования составных слов, в немецкой традиции обозначаемом термином *Zusammensetzung*: устойчивые словосочетания сплавляются воедино, часто с нерегулярной деформацией окончания первого слова.

⁴⁰ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1990. Т. 3. С. 164. Форма *добродѣтель* оставалась морфологически проблематичной. Широко используется в древнерусских памятниках абстрактное существительное *добродѣтели*? — попытка в пределах книжного узуса разрешить проблему аномального значения сочетания *-тель*. Сложность усугублялась существованием омонимичной формы со значением «благодетель»: *добродѣтель* как *помеи agentis* (Там же. Т. 2. С. 485). Есть примеры переосмысления формы абстрактного существительного по аналогии с этой омонимичной формой: в *Пчеле* форме *добродетелю* в конструкции с *подобает* соответствует в греч. τὴν ἁρετήν.

⁴¹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. 1—3.

чуждого восточнославянским диалектам абстрактного понятия нравственного стандарта хорошо подходило слово, которое, с одной стороны, не было нагружено устойчивым, конкретным смыслом, а с другой, своей внутренней формой отсылало к знакомым понятиям.

Вместе с тем частичная семантическая прозрачность формы слова *добродетель* препятствовала обособлению отвлеченного понятия добродетели. Вплоть до середины XVIII века слово *добродетель* могло употребляться в конкретном значении «доброе дело, достижение», предсказанном его (уже затемненной) этимологией. Именно актуальность этимологического значения, как я предположил выше, отчасти обусловила *гетерологичность* древнерусского понятия *добродетель* французскому понятию *vertu*, которое было в еще большей степени, чем христианское ἁρετή, отвлечено от представления о благих делах.

Добродетель в 1720—1770 годах: утверждение понятия в общем языке

Каким образом в течение XVIII—XIX веков абстрактное понятие *добродетель* утверждается в общем языке? Для прояснения механизмов усвоения этого понятия мною были привлечены примеры употребления слова *добродетель* в текстах, включенных в НКРЯ (даты создания: 1700—2010). Всего примеров употребления интересующего нас слова — 5268; встречается оно в 1306 текстах⁴². Несомненный пик частотности слова *добродетель* приходится на последние четыре десятилетия XVIII века (см. Таблицы 2—3).

Обзор словоупотребления позволяет говорить о двух разнородных процессах: (1) увеличение количества примеров употребления слова *добродетель* в качестве отвлеченного (а не конкретного) существительного; (2) расширение типов использования и разнообразия регистров, в которых это слово встречается. Первый процесс, очевидно, первоначально обусловлен влиянием западноевропей-

⁴² Эти цифры отличаются от сумм употреблений и текстов с употреблением по периодам, содержащихся в Таблицах 2 и 3 (текстов 1433, употреблений 5798). Это связано с тем, что многие тексты («документы») в НКРЯ датируются приблизительно и попадают в более чем один двадцатилетний отрезок времени (например, «Записные книжки» Пушкина в НКРЯ датируются «1815—1836»); существенного влияния на итоговые цифры эти тексты не оказывают.

ских эквивалентов, представляющих собой рефлексы латинского *virtus*. Однако согласно высказанной в первом разделе статьи гипотезе, эти два процесса — семантический и социодискурсивный — также взаимосвязаны. Пропагация понятия, рост его культурной котировки ведет к расширению числа носителей, использующих данное слово-понятие, то есть к его распространению в общем языке, что, в свою очередь, ведет к размыванию значения понятия, к его превращению в культурный *Grundbegriff*.

В дальнейшем нас будут интересовать те дискурсивные приемы и эффекты, которые сопровождают процесс пропаганды понятия. При этом следует подчеркнуть, что, как правило, об интенции автора того или иного текста, в котором фиксируются приемы, предположительно способствующие пропаганде понятия, говорить нельзя. (Аналогичным образом языковые изменения, как правило, находятся вне поля сознания носителей, чей узус отражает и тем самым поощряет эти изменения.) Более верным кажется говорить о тенденциях, общих либо для культуры в целом, либо для носителей определенного подязыка.

В течение всего XVIII века мы находим примеры употребления слова *добродетель* в конкретном значении “доброе дело”⁴³. Также было широко распространено его употребление (особенно во множественном числе) в значении “положительное качество”⁴⁴. Поэтому на раннем этапе усвоения собирательно-отвлеченного понятия Добродетели перед каждым автором стояла двойная задача: выстроить контекст таким образом, чтобы (1) читатель понял слово *добродетель* именно в собирательно-абстрактном значении и (2) это абстрактное понятие, значение которого было неустойчивым, было понято в правильном смысле, а вернее — с должной нравственно-дидактической установкой. В по-

⁴³ Словарь русского языка XVIII в. Л., 1991. Вып. 6. С. 153: «1. *Доброе дело, добродетель*». Ср.: «Эрик Емундов сын, [...] героические добродетели которого и поныне в преизрядной памяти, замки и королевские крепости изрядного мастерства» [*В.Н. Татищев*. История Российская. Гл. 13—18 (1739—1750)]; «И по прочтении онаго было сказано поучение от Преосвященного Феофана, Епископа Псковского, в котором изъявлены были все дела и добродетели Петра Великого, а особливо в сей войне происходящая» [*А.И. Богданов*. Описание Санктпетербурга (1751)].

⁴⁴ Там же. С. 154: «4. *Хорошее качество, положительное свойство, достоинство чего-л.*» Например: «...более всего была страна сия отменна исполнением всех общих и частных добродетелей» [*А.Н. Радищев*. [Желания греков, к Европе христианской] (1771)].

следние десятилетия XVIII века первая задача потеряла прежнюю актуальность, так как употребление слова *добродетель* в качестве *Kollektivsingular* стало привычным.

В прескриптивных текстах можно встретить формулировки, содержащие в себе прямую или имплицитную **дефиницию** утверждаемого понятия. Так, в *Наказе* Екатерины II *добродетель* и *порок* переопределяются как «хорошее» и «плохое» качество, то есть выводятся из сферы христианских императивов: «Разные характеры народов составлены из добродетелей и пороков, из хороших и худых качеств» [*Екатерина II*. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)]. Примеры дефиниций — не редкость и в позднейших текстах, например у Радищева: «добродетелию я называю навык действий полезных общественному благу» [*Радищев А.Н.* Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789)]. Распространенность этого типа употребления — несомненное свидетельство того, что понятие следует характеризовать как неустойчивое⁴⁵.

Другой прием определения понятия через контекстное окружение — использование (**квази-)**синонимического ряда. Анализ употребления слова *добродетель* показывает, что этот дискурсивный прием принадлежит к самому раннему этапу усвоения понятия; он предшествует использованию прямых дефиниций. Это и неудивительно: ведь если введение понятия с помощью определения предполагает рациональную установку прескриптивного текста и некоторую долю идеологического самосознания (текст не скрывает своей прескриптивности), то подспудное упоминание неустоявшегося понятия в ряду других, более внятных, — прием, как правило, неосознанный. Ср.:

⁴⁵ Ср. примеры дефиниций: «Добродетель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к Государю, и беспрестанно внушающими не делать никогда бесчестного дела» [*Екатерина II*. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)]; «Добродетель есть искусство содержать свои страсти в равновесии и управлять себя в наслаждении наших желаний» [*Новиков Н.И.* О добродетели (1775)]; «Добродетель распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе» [*Фонвизин Д.И.* Опыт русского словника (1783—1784)]; «...верховная его награда состоит в Добродетели, то есть в той внутренней стройности всех наклонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце, и которой в ее тишине и удовольствии ни что в свете уподобиться не может» [*Радищев А.Н.* Беседа о том, что есть сын отечества (1789)].

...Эрик их важною речью к верности, и к добродетели, и умеренному житию увещевать стал, что у греков вызвало великое удивление» [*Татищев В.Н.* История Российская. Гл. 19—33 (1739—1750)].

По славе твоих изрядных качеств и добродетелей узнала я о тебе уже давно и имела к достоинствам твоим всегда почтение [*Чулков М.Д.* Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)].

Главнейшие же и частые мне были от сего второго отца поучения, чтобы всякое дурно делать стыдиться, а справедливость и добродетель во всяких случаях всему предпочитать [*Шаховской Я.П.* Воспоминания (1766—1777)].

Я воспитан был с такими мыслями, что добродетель, честность, чувствительность могут делать людей благополучными [*Фонвизин Д.И.* Сидней и Силли, или благодеяние и благодарность (1769)].

Использование синонимического ряда может сочетаться с имплицитным определением (двойное подчеркивание), ср.:

...надлежит, чтоб вышние над поступками и обхождением подчиненных своих служителей надзирание имели, и каждого к добродетели и достохвалному любочестию побуждали, чтоб безбожного жития не имели, также питья и игры, лжи и обманства удерживали, чтоб оные в одежде чисто содержались, а во обхождении постоянно и дерзостно поступали [*Петр I*]. Генеральный регламент (1720)].

Добродетели, хорошие качества и все то, что заслуживает похвалу и почтение, сделаются у него случаем к насмешкам и язвительным шуткам [*Екатерина II*. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. (1769)].

Схожий прием утверждения собирательно-абстрактного значения слова *добродетель* — это включение его в число отвлеченных понятий, которые воспринимаются по аналогии, ср.:

Первая носила разум, другая добродетель, третья здоровье, четвертая долгую жизнь, пятая мысленные увеселения, шестая честь, а последняя имела кораб, наполненный золотом [*Фонвизин Д.И.* Торг семи Муз (1762)].

В течение XVIII века абстрактное понятие *добродетель* переносится из регистра христианской гомилетики в общий язык⁴⁶. На раннем этапе этому способствовали прежде всего переводные тексты. В них, в частности, мог задаваться новый, «секулярный» си-

⁴⁶ Ср.: *Клейн Й.* «Немедленное искоренение всех пороков». С. 161.

нонимический контекст. Так, в фонвизинском переводе речи Цицерона *Pro Marcello* добродетель переносится из христианской сферы в понятийный ряд аристократических качеств:

Чего по его заслугам и по справедливости он достоин, ибо кто превосходит его благородством, честностью, старанием о полезных науках, невинностью или другою еще добродетелью, достойною славы [*Фонвизин Д.И.* М. Туллия Цицерона речь за М. Марцелла (1762—1788)]⁴⁷.

Процесс адаптации христианского понятия к новому, обобщенному узусу можно наблюдать и в пределах корпуса авторов, использовавших прежде всего христианский регистр. Семантический коррелят этого межрегистрового перехода — размывание понятия, превращение его в абстрактный *Grundbegriff*, тем сложнее поддающийся определению, чем больший вес (большее «значение») он получает в культуре в целом. Так, в своих гомилетических текстах архиепископ Платон (Левшин) оперирует понятием *добродетель* как антонимом порока (греха), включенным в сложную систему этических императивов и сотериологических ожиданий христианина:

Нельзя, чтоб смертный человек никакова пред Богом порока не имел; но в сей жизни есть велико и то, когда не далеко от истинного пути отступаем, и по малу на высоту добродетели восходим; а чрез то по малу куча пороков уменшается [*архиепископ Платон (Левшин)*. Слово в неделю первую Великого Поста (1764)].

Даже в тех контекстах, в которых преобладает образный язык, Платон помещает *добродетель* в смысловой ряд, который ориентирует слушателей либо по отношению к методам достижения добродетели (молитвы, искренняя вера), либо по отношению к сотериологической драме пришествия Христа и будущего спасения:

⁴⁷ Особенно показательно то, что ожидаемого слова *virtus* в латинском тексте нет. Фразе «добродетелью, достойною славы» соответствуют слова «ullo laudis genere». Латинский текст целиком: «Quod quidem ei merito atque optimo iure contigit. Quis enim est illo aut nobilitate aut probitate aut optimarum artium studio aut innocentia aut ullo laudis genere praestantior?» (*Pro Marcello* 4). Фонвизин сделал этот перевод, экзаменуясь на место переводчика при Коллегии иностранных дел; см.: *Strycek A.* La Russie des Lumières: Denis Fonvizine. Paris, 1976. P. 54.

...потщимся с Волхвами всегда приносить ему злато добродетели, ливан усердных молитв, и благовонную смирену нелицемерных веры, Аминь [*архиепископ Платон (Левшин)*]. Слово на Рождество Иисуса Христа Спасителя нашего (1763)].

Ночь есть время века сего; сон есть наша жизнь; свеча горящая в ночи есть вера; масло добродетель; жених Христос; невеста девица душа; брак есть вечное блаженство; а отворение дверей, есть получение сего благополучия несказанного [*архиепископ Платон (Левшин)*]. Слово в неделю первую Великого Поста (1764)].

Там же, где Платон говорит о добродетели без отсылки к христианству, значение понятия остается неопределенным. В этой ситуации слушатель (читатель), с одной стороны, оказывается вынужден выстраивать смысл понятия на основании его употребления в гомилетическом регистре. С другой стороны, неполная адекватность получаемого смысла наличному контексту употребления приводит к *произвольному* расширению значения понятия. Таким образом, расширенное значение вводится подспудно, и читателю остается только принять его *на веру*, ср.:

С одной стороны представляются священные мужи, коих заслуги и добродетель всегда останутся бессмертными: с другой выходит на театр славы Наследник Всероссийский, которого Августейшая Матерь руководствует по стопам мужей великих добродетелию [*архиепископ Платон (Левшин)*]. Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1769)].

Даровав ему жизнь, оживотворяй его и духом добродетелей Твоих [*архиепископ Платон (Левшин)*]. Слово в день рождения Его Императорского Высочества (1769)].

Таким образом, можно говорить о **тавтологическом** механизме пропаганды понятия: слово подается как носитель смысла, муссируется, но остается без определения (и даже без отсылки к определенному культурному коду). Входящее в общий узус понятие *затверживается*, возводится в ранг общего, то есть *само собой разумеющегося*, знания⁴⁸.

⁴⁸ Дополнительный пример тавтологического употребления (в рамках христианского подязыка): «Божий святой закон [...] объявляет честность добродетели, и гнусность порока, что добродетельные люди и Богу и всем любезны, и что без своего награждения никогда не останутся; напротив же порокам служения, Богу противны и обществу вредны, и что они никогда достойного наказания не избегнут» [*архиепископ Платон (Левшин)*]. Поздравительная речь Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству (1763—1776)].

Схож с тавтологией другой дискурсивный эффект, который свойственен референциально не мотивированному словоупотреблению. Так, Ломоносов в *Российской грамматике* (1755) использует слово *добродѣтель* не только в парадигме именного склонения, но и в примере сравнительной конструкции: «Уравнительные требуют родительного: свѣта яснѣ правда; всего любезнѣ добродѣтель» [*Ломоносов М.В.* Российская грамматика (1755)]. При такого рода употреблении — можно назвать его **аксиоматическим** — понятие подается как данность, вне речевого контекста, то есть как факт языка и культуры. Как другой пример аксиоматического употребления можно привести заглавие сделанного Фонвизинным перевода романа Жана Террасона *Sethos, histoire, ou Vie tirée des monuments, anecdotes de l'ancienne Egypte*: «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского». Первая часть названия добавлена Фонвизинным: этот текст одновременно и вовлечен в работу по затверживанию нового культурного понятия, и отсылает к нему как к устоявшемуся (уже затверженному) смыслу. В целом ряде речевых жанров понятия используются, как правило, аксиоматически: девизы, лозунги, рекламные тексты, бренды. Так, в уваровской триаде *православие, самодержавие, народность* аксиоматически вводятся все три понятия.

Добродетель как Grundbegriff (1770—1800 годы)

Характер использования понятия *добродетель* меняется в последние десятилетия XVIII века. В этот период данное понятие остается относительно неустойчивым: в текстах оно продолжает определяться и переопределяться. Поэтому остаются в ходу и те типы употребления, которые были рассмотрены в предыдущем разделе. Однако к этому моменту в сознании носителей языка и культуры уже сложился некий концепт добродетели; это делает возможными и новые типы его использования.

Прежде всего можно выделить **идеологический** узус: поскольку понятие *добродетель* — уже семиотическое *datum*, его можно использовать как основу (*Grund*) в дальнейших интеллектуальных построениях, например, для определения других понятий или концепций (в следующих примерах: *дружба* и *немногословие*):

Первое достоинство, которое должно сыскивать в друге, есть добродетель: она-то уверяет нас в нем, что он способен к дружеству и одного достоин [Крылов И.А. Рассуждение о дружестве (1792)].

Дух мой уныл, слаб и печален, но я достоин еще дружбы твоей, ибо я люблю еще добродетель! [Карамзин Н.М. Мелодор к Филалету (1795)].

Но еще раз прошу вас, оставьте скучные вопросы, что вам нужны; в Амстердаме был я, а здесь я же, да хочу быть другой: помните, что молчание первая добродетель [Новиков Н.И. Кошелек. Еженедельное сочинение 1774 года (1774)]⁴⁹.

В другом контексте Карамзин отсылает к понятию *добродетель* в рамках рассуждения, смысл которого отнюдь не исчерпывается введением (утверждением, затверживанием) этого понятия. Напротив, Карамзин переопределяет качества светского общества как признаки прогресса человеческой культуры; понятие *добродетель*, таким образом, ставится на службу апологии современной цивилизации:

Сия учтивость, сия приветливость, сия ласковость, которая свойственна нашему времени и которую новые Тимоны называют сусальным золотом осьмого-надесять века, в глазах философа есть истинная добродетель общежития и следствие утонченного человеколюбия [Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении (1793)].

Как показывает этот пример, на данном этапе освоения понятия становится возможным его **диалогическое** использование, в рамках которого определение (дефиниция) понятия дается с точки зрения, не совпадающей с авторской. В таком случае носитель подходит к понятию аналитически, что, впрочем, может и не сопровождаться критической (либо иронической) оценкой. Особенно часты такие примеры у Карамзина:

⁴⁹ Позднейшие примеры (добродетель как основа определения должного поведения царя и беспристрастия): «Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр, или следуй мудрым; будь добродетелен: ибо едина добродетель украшает царя, едина добродетель бессмертна» [Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 10 (1821—1823)]; «Беспристрастие есть добродетель людей истинно просвещенных; и вот почему некоторые русские, желающие казаться просвещенными, стараются всячески унижать все отечественное, и чтоб доказать свое европейское беспристрастие, готовы спорить с иностранцем, если он вздумает похвалить что-нибудь русское» [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

Если древние говорили, что «самый спартанский воздух всеяет, кажется, аретин (ἀρετή)», то под сим словом разумели они не то, что мы разумеем ныне под именем добродетели, *vertu*, *Tugend*, а мужество или храбрость, которая только по своему употреблению бывает добродетелию [Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении (1793)].

Жизнь его была сильнейшим опровержением мнения тех людей, которые, находя порок во всяком уголке сердца человеческого, считают добродетель за одно пустое имя, — и тех, которые утверждают, что религия не делает людей лучшими [Карамзин Н.М. Письма русского путешественника (1793)].

В нежной Леоновой душе неприметным образом, но буквами неизгладимыми начерталось следствие: «Итак, любезность и добродетель одно!» [Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени (1803)]⁵⁰.

Одновременно с диалогическим (полемическим) употреблением появляется возможность, так сказать, **монологического** утверждения этого понятия автором. Добродетель начинает выступать как параметр самоидентификации, маркер принадлежности к некоторой социальной группе. Можно сказать, что здесь мы имеем дело с подтипом идеологического употребления: понятие служит основой не для определения другого понятия, а для выстраивания самосознания автора высказывания:

Из всего вышеписанного если не можно нам заключить с уверенностью, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности, то могло бы, может быть, для любящих добродетель найтись что-либо убедительное, дающее доводам перевес победоносный [Радищев А.Н. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792—1796)].

Верю и всегда буду верить, что добродетель свойственна человеку и что он сотворён для добродетели [Карамзин Н.М. Филалет к Мелодору (1795)].

⁵⁰ Позднейшие примеры: «При ужасном слове: добродетель — Макар и Сидор вздрогнули и побледнели, ибо наслышались об ней много кое-чего такого, что было им крайне не по вкусу и что мать Маргарита не оставила бы, конечно, без замечания, если бы смотрела тогда им в глаза, а не в серебряный кубок с медом» [Нарежный В.Т. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)]; «Мы, сидя дома в темных наших покоях, питались скукой и унынием. Говорят, что добродетель хороша. Часто приходило нам на мысль, что она всего хуже в свете» [Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Часть 4: 1791—1798 (1788—1822)].

В некоторых текстах пропаганда понятия принимает черты пропаганды, то есть сознательного внедрения понятия и утверждаемой с его помощью нравственной установки, как у Фонвизина в *Рассуждении о национальном любочестии* (1785):

Надлежит представлять им добродетели в трогающих примерах, чтоб они любили добродетель [Фонвизин Д.И. Рассуждения о национальном любочестии (1785)].

Всякий без дворянства благороденный юноша захочет быть великим мужем, когда он духом или добродетелию великих мужей прямо тронут; сии добродетели возрастут в юном его сердце; он захочет заступить у потомков то место, которое великие те люди столь славно занимали [Фонвизин Д.И. Рассуждения о национальном любочестии (1785)].

Использование данного понятия как идеологемы и как индекса принадлежности к определенной социальной группе создает предпосылки для его соотнесения с представлением о сословной должности человека. Универсалистский просвещенческий пафос здесь сочетается с тенденцией к обособлению и спецификации общественных функций⁵¹:

Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите в службу, почитайте исполнение вашей должности первейшею вашею добродетелью, без коей вы блаженны быть не можете [Радищев А.Н. Завещание детям (1790)].

Состояния людей так многообразны, что при различении добродетели от беспорочности необходимо надобно рассмотреть внимательно, какой человек, в какое время и в каких обстоятельствах сделал доброе дело [Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника (1783—1784)]⁵².

⁵¹ Дополнительные примеры: «Добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастье!» [Новиков Н.И. Трутень. Еженедельное издание на 1769 год месяц май (1769)]; «Все зависит от того, чтоб всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания» [Новиков Н.И. О воспитании и наставлении детей (1783)]. О понятии *должность* как инструменте социальной спецификации во второй половине XVIII века см.: Маслов Б.П. От долгов христианина. С. 247—255.

⁵² Ср.: «Все различия состояний потеряют неприятную свою сторону тамо, где существует одна и единственная политическая добродетель, где все соединяется, все под знаменитым именем гражданина предостать должны» [Фонвизин Д.И. Рассуждения о национальном любочестии (1785)]. Здесь уместно вспомнить приведенные в примечании 19 замечания Козеллека о торжестве универсалистской риторики во второй половине XVIII века и о связи ее с

Едва ли не наибольший интерес представляет тип использования понятия, который можно назвать **эмблематическим**: понятие-идеологема становится предметом олицетворения, получает свойства самостоятельного агента и атрибуты божества. Эмблематический узус, как правило, монологичен и указывает на относительную устойчивость понятия:

Вседневно примечаю я истощение сил моих, конец мой приближается, и воображение мучительное меня снедает, что тебя оставлю в сем море, волнуемом беспрестанно, на горизонте коего пороки и беззакония только видимы, а добродетель, волнами биющаяся, без пристанища оным противоборствующая, наконец бездной поглощена бывает [Фонвизин Д.И. Повествование мнимого глухого и немого (1783)].

В этом узусе просопопейя (олицетворение) может граничить с аллегорией⁵³. Особенно часто встречается образ Добродетели, восседающей на троне. Этот топос, предполагающий имплицитное сопоставление Добродетели и императрицы, связан с эмблематической традицией, в которой абстрактные качества представлялись женскими фигурами (в латинском они, как правило, выражаются словами женского рода)⁵⁴:

распространением абстрактно-собирательных понятий (ср. у Фонвизина: «единственная политическая добродетель»).

⁵³ О схожих примерах аллегоризации Истории в немецких источниках конца XVIII века см.: Koselleck R. *Vergangene Zukunft*. S. 50. В данном типе употребления особенно сильно должно было сказываться влияние латинского словоупотребления, так как латинский язык в течение всего XVIII столетия оставался языком подписей («эпиграфов», которые мог разбирать Евгений Онегин) к эмблематическим изображениям.

⁵⁴ Речь идет о косвенном влиянии. Просмотр эмблематических изданий показывает, что образ Добродетели на троне не был эмблематическим общим местом. Изображение Добродетели как *Regina virtus* на титульном листе первого издания *I quattro libri dell' architettura* А. Палладио (1570) следует рассматривать скорее как исключение. Дополнительные примеры в русской литературной традиции: «Когда же свет учения, свет истины озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества: тогда, может быть, исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие человечество, — исчезнут, подобно как привидения ночи на рассвете дня исчезают; тогда, может быть, настанет златый век поэтов, век благонравия, — и там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне» [Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении (1793)]; «С прискорбием видя нескромную слабость Елены к князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владея сердцем ее, хотел управлять и Думою и государством, Михаил,

И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем [Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах (1778—1783)].

Весьма униженную на свете добродетель возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противуречащее вещество, представить свету во всей его наготы, таковых трудов и одно намерение уже достойно похвалы, хотя б душевные силы и не в состоянии оных поддерживать [Новиков Н.И. «О высоком человеческом достоинии»] (1777)].

У Радищева, как и у Карамзина, добродетель помещается на вершину иерархии человеческих ценностей: это уже не просто одно из основных культурных понятий, а средоточие символических ресурсов культуры и самосознания просвещенного дворянства:

блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель [Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)].

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо [Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)].

Как уже было сказано, усилия образованного дворянства, вовлеченного в пропаганду интересующего нас понятия, увенчались успехом лишь отчасти. В течение XIX века добродетель как абстрактное понятие сохраняется в активном словаре, но на вторых ролях⁵⁵.

как пишут, смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть самодержавную» [Карамзин Н.М. История государства Российского: Том 8 (1815—1820)]. Ср. у Пушкина в стихах К Н.Я. Плюсковой (1818): «Но, признаюсь, под Геликоном, / Где Касталийский ток шумел, / Я, вдохновенный Аполлоном, / Елисавету тайне пел. / Небесного земной свидетель, / Воспламененною душой / Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой».

⁵⁵ Отмечу здесь один встречающийся в XIX веке узус, который можно обозначить термином *ироническая дефиниция*. Он схож с диалогическим употреблением, с той лишь разницей, что ироническая дефиниция подается как заведомо противоречащая общепринятому пониманию: «Ведь какая самая наибольшая гражданская добродетель? Отнеслись намеренно в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить» [Достоевский Ф.М. Бедные люди (1846)]; «Он, кажется, считает величайшей добродетелью человека — твердость характера и железную волю!» [Надсон С.Я. Дневники (1875—1883)].

Таким образом, можно считать, что понятие *добродетель* приобрело относительную устойчивость. Тем не менее нельзя сказать, что оно было вполне освоено культурой: об этом говорит относительно незначительное число референтных употреблений типа:

Вопреки известной государевой немилости, Адашева честили в войске; самые граждане ливонские изъявляли отменное к нему уважение: все покорялось его уму и добродетели [Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9 (1816—1820)].

Преобладают неререферентные употребления, в которых *добродетель* выступает как абстракция, идеологема, а не как свойство конкретного лица:

Я едва ли верю во что-нибудь на свете; я не верю в порок, а потому не верю и в добродетель [Тургенев И.С. Неосторожность (1843)].

Пока Амвросий его слушал, в нем разверзались совершенно новые понятия, и он стал смотреть на жизнь, на веру и на добродетель совсем другими глазами [Толстой А.К. Амена (1846)].

Можно предположить, что именно малая употребимость этого слова в качестве характеристики конкретных поступков и типов поведения предопределила его уход из языка после смены доминантной идеологической системы в 1917 году: в расхожий язык оно не вошло, а в качестве идеологемы стало неудобоприменимым. Показательно, что и у Тургенева, и у А.К. Толстого в приведенных примерах *добродетель* оказывается в одном ряду с *верой* — несомненное свидетельство христианской (а не нравственно-философской) ауры этого понятия.

История понятия *добродетель*: *longue durée*

В конце статьи помещены таблицы и графики, свидетельствующие об изменениях в частотности слова *добродетель* (учитывались употребления как в единственном, так и во множественном числе). Таблица 2 и графики 1—2 отражают данные *Основного корпуса НКРЯ*, включающего только прозаические тексты. В первом графике представлен процент употреблений («вхождений») интересующего нас слова от общего количества слов; во втором — процент

текстов, в которых это слово встречается как минимум единожды, от общего числа текстов («документов») в корпусе.

Представляется, что существенное различие в распределении по этим двум параметрам может быть значимым. Множественность вхождений слова в один текст можно трактовать как индекс активности процессов пропагации понятия: в то время как единичные употребления могут быть своего рода понятийными окказионализмами, тот факт, что автор возвращается к слову несколько раз в пределах одного текста, с большей вероятностью свидетельствует о том, что оно реализует авторскую установку (будь она полемической или монологической).

Если подобное различие оправдано, данные графика 1 лучше свидетельствуют о процессах пропагации понятия, а данные графика 2 точнее отражают собственно частоту словоупотребления. Согласно первому графику, спад с 1760 до 1820 года сменяется равномерным распределением в течение следующего столетия (понятие в активном запасе, но на вторых ролях) и еще более низким показателем в советский и постсоветский период (понятие в роли «статиста», не вовлеченного в реальную культурную динамику). Второй же график отражает количество текстов, в которых автор обращается к понятию как бы между делом. Передаваемые на графике 2 скачки в употреблении могут отражать эффекты анамнезиса в истории культуры: по той или иной причине понятие чаще попадает «на язык», при этом не привлекая активного внимания носителей языка. Любопытно, что эти скачки приблизительно совпадают с шестидесятью годами XIX и XX веков: в 1860—1879 годах слово *добродетель* встречается приблизительно в 30 процентах всех текстов, в 1960—1979 годах — приблизительно в 8 процентах.

Оба графика недвусмысленно свидетельствуют о пике частотности в 1760—1780 годах: в этот период каждое тысячное (!) употребленное слово — форма слова *добродетель*, а встречается оно в 69 процентах текстов. Приходящийся на этот период дискурсивный взрыв следует принимать *cum grano salis*, так как объясняется он в первую очередь набором текстов, включенных в корпус; так, наряду с сочинениями Новикова и Фонвизина, в НКРЯ за этот период широко представлены проповеди Платона Левшина, в которых слово *добродетель* встречается очень часто. С другой стороны, в НКРЯ практически нет публикаций «моралистических» журналов

1760—1770-х годов, служивших основным проводником просвещенческой Добродетели⁵⁶.

Любопытно сравнить результаты исследования прозаического корпуса с данными поэтического корпуса (последний на данный момент не включает тексты, написанные после 1917 года). Прежде всего высокая частотность слова в стихотворных текстах в период с 1720 по 1759 год говорит о меняющемся распределении тем и жанров по признаку поэзия/проза: тема добродетельного поведения становится уместной в прозаических жанрах только во второй половине XVIII века, в то время как поэзия к концу XVIII века отходит от нравственно-дидактической проблематики. Это, конечно, говорит о том, что поначалу пропагация этого понятия осуществлялась именно в пределах поэтического языка. В первые десятилетия XVIII века стихотворная речь выступает как идеологический дискурс *par excellence* и служит основным проводником западноевропейских понятий. Проблема специальных типов употребления понятий в поэзии требует дополнительного изучения и в этой статье не поднимается.

С другой стороны, поэзия менее насыщена актуальными культурными понятиями, чем проза: процент текстов, в которых встречается слово *добродетель*, не поднимается выше 12. Также характерно, что поэтический язык в меньшей степени отражает изменения в фоновой культурной памяти: распределения по графикам 3 и 4 практически не отличаются. После того как слово *добродетель* уходит из основного поэтического словаря (в районе 1820 года), оно уже в него не возвращается.

В заключение нельзя не задаться вопросом: о чем свидетельствует исчезновение слова *добродетель* из современного языка? (Показательно, что, хотя резкое понижение частотности совпало с установлением советской власти, перестройка, демократизация и видимый рост влияния Русской православной церкви к его возрождению не привели.) Во втором разделе было отмечено, что в слове *добродетель* значения «доброе дело» и «нравственность» сосуществовали на протяжении всей истории древнерусского языка. При этом первое, конкретное значение было изначально подкреплено внутренней формой слова, в то время как второе утверждалось в результате влияния иноязыковых лексем — греч. *ἀρετή* в Средние

⁵⁶ Об этом жанре прежде всего см.: Клейн И. «Немедленное искоренение всех пороков».

века и лат. *virtus*, а также его соответствий в западноевропейских языках, в XVIII веке. В течение второй половины XVIII и XIX века заимствованное значение целиком вытеснило конкретное употребление, но в конечном итоге само оказалось нежизнеспособным.

Таким образом, падение абстрактного понятия Добродетели привело к уходу слова *добродетель* из активного словаря носителей языка. Конкретное значение «доброе дело» в современном языке приняли на себя словосочетания *доброе дело*, *благое дело*, *акт благотворительности*. Неравноценность парафраз и отсутствие единого, устойчивого слова-понятия говорит о деактуализации понятия благих дел. Симптоматично также, что слово *благоденствие* — в до-революционном языке *ποτεν proprium* для обозначения доброго дела — в современном языке оказалось носителем неустойчивого понятия: оно употребляется преимущественно в иронических контекстах, то есть процессы дестабилизации понятия в пределах общего языка не компенсируются устойчивым словоупотреблением в специальных подъязыках. Возвращение к словосочетанию *доброе дело* в результате утраты слов *благоденствие* и *добродетель* (в конкретном значении), которые на заре славянской письменности были образованы в результате слияния этого словосочетания, указывает на своего рода регресс в истории русского понятийного аппарата. Здесь уместно вспомнить суждение Квентина Скиннера о том, что появление отдельного имени существительного знаменует утверждение в культуре ключевого понятия; утрата такого имени, как кажется, свидетельствует об обратном⁵⁷.

⁵⁷ «...the surest sign that a group or society has entered into self-conscious possession of a new concept is that a corresponding vocabulary will be developed, a vocabulary which can then be used to pick out and discuss the concept with consistency» (*Skinner Q. Language and Political Change* // Ball T., Farr J., Hanson R.L. (Ed.) *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, 1989. P. 8).

Таблица 1
Смысловое поле *благоденствие* — *добродетель* (старославянский узус IX—XI веков)
(Полужирным шрифтом выделяются зоны выражения абстрактного значения греч. ἀρετή и производных слов)

	благо + дѣ(а)- благо + дѣ(а)- дарьствѣн-	благо + да- благ + да- дарьствѣн-	благо + (сѣ)твори-	добро + дѣ(а)-	добро + (сѣ)твори-
Verbum	благодѣлати εὐεργετῆν, τῶν ἀγαθῶν χάρις εὐεργετῆν	благодати εὐεργετῆν благодарьствѣн εὐεργετῆν	благотвори ἀγαθοποιεῖν благотвори ἀγαθοποιεῖν		добротвори καλῶς ποιεῖν, ἀγαθοποιεῖν, εὐεργετῆν добротвори εὐεργετῆν ἀγαθοποιεῖν
Nomen agentis	благодѣтель εὐεργετῆς, τῶν ἀγαθῶν χάρις	благодатель εὐεργετῆς, благодатѣльникъ εὐεργετῆς			
Adjectivum	благодѣтѣнь καγαθητομένης εὐεργετῆς	благодатѣнь καγαθητομένης	благотворишь ἀγαθοποιᾷς	добротѣтѣнь εὐεργετῆς добротѣтѣнь εὐεργετῆς	
Nomen actionis	благодѣтѣние εὐεργεσία, εὐεργετήρια, ἀγαθαεργία, εὐτομία, καθημονία			добротѣтѣнь εὐεργετῆς благая, добра дѣтѣль ἀρετή добротѣтѣние ἀρετή εὐεργεσία	добротѣтѣние εὐτομία

Таблица 2
Частотность слова *добродетель* в период 1700—2010 годов по Основному корпусу НКРЯ (проза)

	1700—1719	1720—1739	1740—1759	1760—1779	1780—1799	1800—1819	1820—1839	1840—1859
всего	43.705	193.085	330.351	1.031.525	1.261.925	1.645.583	3.465.585	5.879.557
в корпусе	30	43	55	268	418	221	263	323
употребление	0	5	8	185	90	34	65	73
слова	0	11	25	1.167	505	284	352	332
<i>добродетель</i>								

	1860—1879	1880—1899	1900—1919	1920—1939	1940—1959	1960—1979	1980—1999	2000—2010
всего	10.332.330	8.539.242	11.761.314	22.579.327	14.327.226	16.364.973	29.486.436	52.595.652
в корпусе	376	627	1.287	1.876	1.191	1.558	5.570	30.577
употребление	111	121	132	74	74	130	230	101
слова	624	573	425	183	166	295	353	503
<i>добродетель</i>								

График 1
Процент употреблений слова *добродетель* от общего количества слов в Основном корпусе

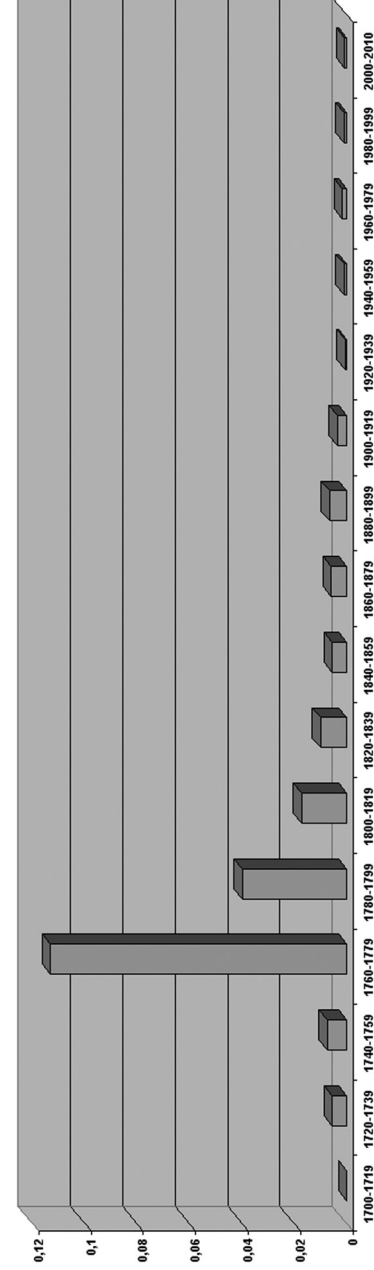

График 2
Процент текстов, в которых встречается слово *добродетель*, от общего числа текстов в *Основном корпусе*

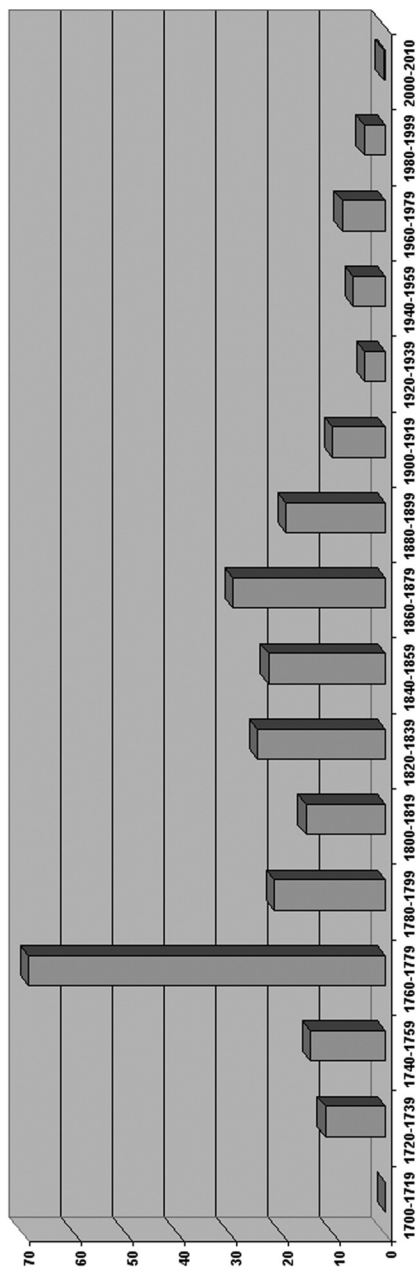

Таблица 3
Частотность слова *добродетель* в период 1700—1919 годов по *Поэтическому корпусу НКРЯ*

		1720—1739	1740—1759	1760—1779	1780—1799	1800—1819
всего	слов	62.338	178.247	358.856	394.088	604.104
	текстов	173	475	1.080	1.572	2.735
употребление	текстов	21	43	100	107	106
слова	количество	44	74	159	152	157
добродетель	употреблений					

		1820—1839	1840—1859	1860—1879	1880—1899	1900—1919
всего	слов	1.031.344	640.708	392.772	391.638	202.277
	текстов	4.468	3.171	1.750	3.107	1.895
употребление	текстов	48	21	4	6	2
слова	количество	54	22	6	8	3
добродетель	употреблений					

График 3
Процент употреблений слова *добродетель* от общего количества слов в *Поэтическом корпусе*

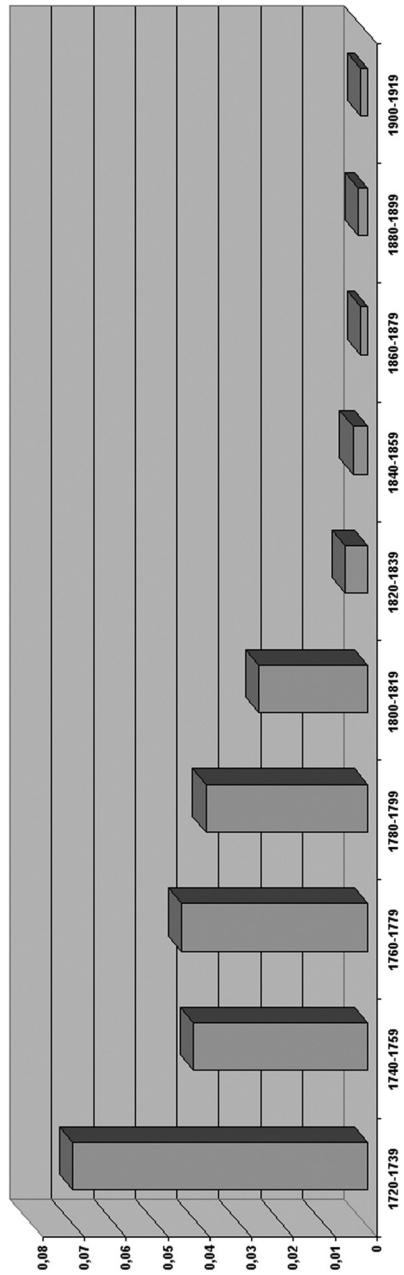
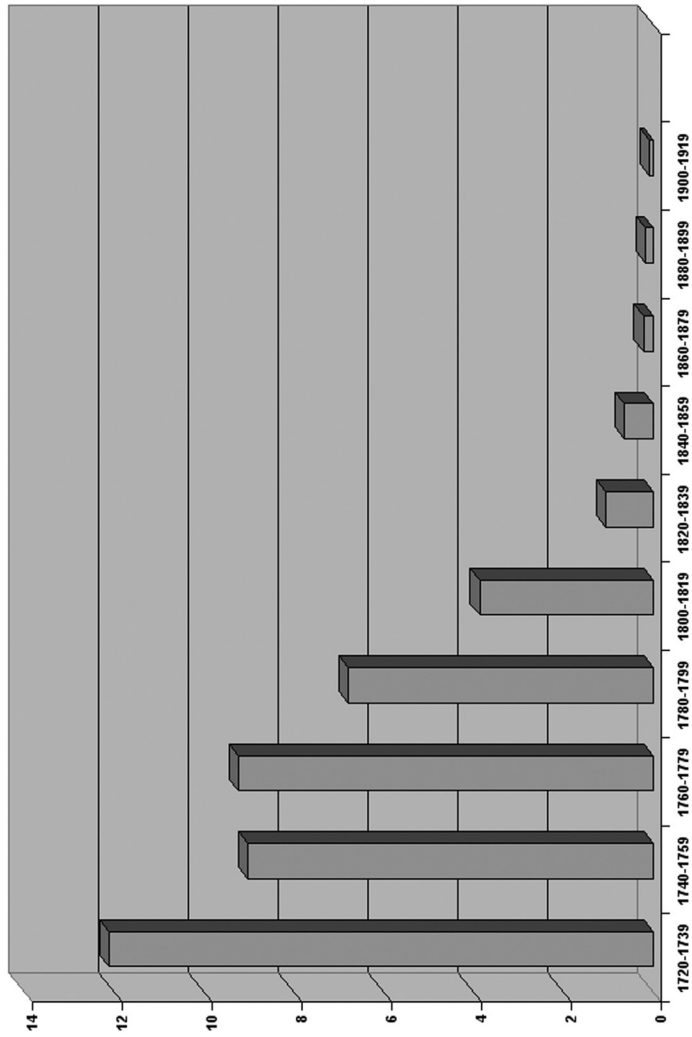

График 4
Процент текстов, в которых встречается слово *добродетель*, от общего числа текстов в *Поэтическом корпусе*

Денис Анатольевич Сдвижков

От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания

Вводите понятия ясные; предлагайте их слогом текучим
М.М. Сперанский¹

В понятии *интеллигенция* сконцентрирована, как в капле воды, «словесность» в ее первом, потерянном ныне значении качества или сущности образованного человека. В бесчисленных текстах саморефлексии и полемики слово *интеллигенция* настолько обросло смыслами, иные из которых успешно прикидываются органичными и неизменными, что впору сравнить его с какой-нибудь каравеллой после долгого плавания. Наросты настолько тяжелы, что мешали плыть, а потом и вовсе потянули ко дну. Назначение предлагаемого текста — взгляд археолога со стороны: расчистить слои, посмотреть, из чего сколачивался корпус, что и как нарастало в разных водах.

Я буду исходить из того, что понятие *интеллигенция* словом определяется, но не ограничивается. Круглые очки шестидесятников (и тех и других) или запах книг — такие же *sine quibus non*, как и слова, отражающие вызревание концепта и остающиеся с ним как до, так и после рождения *интеллигенции*. Мы начнем не с

¹ Сперанский М.М. Правила высшего красноречия [1792]. СПб., 1844. С. 16.

Avis au lecteur/Предупреждение. К обилию иноязычных слов и цитат: вообще желательная отсылка к первоисточникам для истории понятий становится обязательной. Параллельный перевод всего иноязычного материала не только сделал бы текст нечитаемым, но и бессмыслен — переведенные понятия автоматически вырываются из контекста. Сугубым попечением о читабельности основного текста объясняется и чудовищность сносок.

При цитировании в квадратных скобках дается год первого издания/окончания текста. Язык и орфография при доступности первоисточника соответствуют авторским. Если не оговорено иное, курсив внутри цитат авторский, подчеркивание мое. В основном тексте курсивом выделены иностранные слова, цитаты и обсуждаемые понятия. Лексика привязана к хронологии статьи во избежание анахронизмов — например, *правительство* вместо *государства* — за исключением отдельных аналитических терминов («люди знания»).

начала и дойдем не до конца, а пока — до того момента, когда корабль отправляется в путь, то есть до русских 1860-х годов. Смотреть на *интеллигенцию* я буду с той точки зрения, что корабль снаряжался для кругосветного плавания, а не для каких-нибудь местных территориальных вод.

Рассматривая таким образом *интеллигенцию* как ключевое понятие или концепт² не исключительно русский, но вполне глобальный³, мы увидим, что он скорее формулирует роль современного знания в обществе⁴, чем служит для самоописания социальных групп. Семантическая константа — в «выражении», «представлении» людьми знания абстрактных сообществ — государства, общества, народа, человечества — и универсальных ценностей. Условия же репрезентации, баланс между «творцами» и «выразителями», формулирование «выразителя» и «выражаемого» относятся к переменным. Здесь концепты зависят от и определяют друг друга — *писатель* и *общество*, *поэт* и *толпа*, *интеллигенция* и *народ*.

Репрезентация — «базисный концепт» общественно-политического языка модерна⁵. Определяя себя в этом смысле, образованный человек определяет социальную роль знания. В отличие от власти государственной, апеллирующей к традиционной сакральной символике и четким — преимущественно визуальным — образам, репрезентация власти знания носит абстрактный характер. И представляемое, и представитель определяются нормативно и отвлеченно — вроде того, что «литтература есть отражение [...] народности и общественности»⁶. Эта отвлеченность скрывает парадокс

² «Концепт» здесь и далее употребляется как синоним «ключевого понятия» вне зависимости от нюансов в отечественной методологии.

³ С точки зрения исторической лингвистики: Müller O. Intelligencia. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt a/M, 1971. Европейское сравнение: Charle Ch. Les intellectuels en Europe au XIXe siècle. Essai d'histoire comparée. Paris, 1996; Sdvižkov D. Das Zeitalter der Intelligenz. Zur vergleichenden Geschichte der Gebildeten in Europa bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2006. Во внеевропейском контексте для «долгого XIX века»: Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. S. 808—810.

⁴ «Роль, с институционализацией которой новое знание шаг за шагом присваивало себе функции творца общества» (Gumbrecht H.U., Reichardt R. Philosophie, philosophie // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820. H. 3. München, 1985. S. 3).

⁵ Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. Cambridge, 2002. P. 179.

⁶ Полевой Н.А. Взгляд на русскую литературу 1838 и 1839 гг. // Сын отечества. 1840. Т. 1, кн. 4. С. 163.

репрезентации как таковой, «making present [...] of something, which is nevertheless *not* present [...] in fact»⁷. И сказывается в преобладании вербальной составляющей над визуальной.

Исходя из этих посылок, статья представляет собой не «галерею предков» *интеллигенции* как социальной группы⁸, но анализ понятий, описывающих социальную роль знания в избранный период. «Знание» берется в широком смысле — не научное знание в нашем понимании, а понятие, включающее и ученость (*science*), и словесность «бель леттров». Знание не «о чем», а «для чего».

Построение статьи определяется не аналитическими посылками, а развитием темы в метафорике и смыслах. Подталкиваемое просвещенной властью, *общество* постепенно осознает себя объектом истории. Наоборот, вопреки намерениям власти, которая хотела видеть множество отдельных добрых граждан, это осознание концентрируется в понятии (*общего*) *мнения*. Основным выразителем оно делается *литература*. Начинает формироваться новое пространство *национального*, и с расширением представительства людей знания на *народ/нацию* (см. статью А.И. Миллера в настоящей сборнике) появляется *интеллигенция*.

Согласно с устоявшимися представлениями об истории названных в заголовке статьи понятий, речь пойдет о столетии с 1760-х по 1860-е годы⁹. В этот период нет не только устоявшихся концептов, но и отработанных механизмов для их выработки. Фокус плавает, формулировки «метафизического языка» зависят от индивидуальных предпочтений «ковачей слов»¹⁰. Понятие может пе-

⁷ Pitkin H. The Concept of Representation. Berkeley, 1967. P. 8—9.

⁸ Charle Ch. Naissance des «intellectuels» (1880—1900). Paris, 1990. P. 20. Классический русский пример см.: Штрэнге М.М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

⁹ Müller O. Intelligencija; Schierle I. Zur politisch-sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: «Obščestvo» // Scharf C. (Hrsg.) Katharina II., Russland und Europa. Mainz, 2001. S. 275—306; Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich, 1855—1875. Köln etc., 2000. Кроме вводной части, исследовательская литература цитируется из экономики сносок только в виде исключения. См. актуальный обзор: Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 64—71.

¹⁰ «Пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, за рожденный в твоих письмах» (А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому, 1 сентября 1822 г., Кишинев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 36. См.: Там же. С. 120; Л., 1978. Т. 7. С. 14, 23, 69 [1824—1825]). Термин «ковач слов» — из письма П.А. Вяземского А.И. Тургеневу о М.М. Сперанском, 22 апреля 1818 г., Варшава // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899.

редаваться разными терминами в одном и том же тексте¹¹. Пусть это тоже послужит оправданием для заявленного подхода от феномена к словесному «отражению», с сопутствующей эклектикой недетального анализа разномастных понятий¹².

Отличие от «канонической» — если таковая есть — истории понятий состоит и в привлечении в качестве источников не только литературных и публицистических текстов первого и второго ряда, но и писем, дневников, проектов и других непубличных в свое время документов. Отчасти это попытка хоть как-то уравновесить цензурные соображения (хотя думали, конечно, и о перлюстрации), отчасти — дань тому обстоятельству, что подобные тексты часто становились-таки публичными в рамках *салонной общестственности*, а их терминология хоть отчасти передает *говорившиеся* на людях.¹³ Опустить их было бы и неоправданной роскошью в условиях намного меньшего — сравнительно с Западной Европой — корпуса текстов.

Египетские ящерицы выползают

Новая роль знания концептуализируется прежде всего в *просвещении*. Трансформация именно этого понятия еще во второй половине XVII века служит, на мой взгляд, основой и моделью для последующего периода¹⁴. С секуляризацией *просвещения* источником

T. 1. С. 153. Не прижившийся в русском языке (ср. *forgeur de mots*, *Wordsmith*, *Wortschmied*), сам этот термин характерен претензией на «называние» мира авторскими понятиями — в том числе *интеллигенция* для П. Боборыкина.

¹¹ М.М. Сперанский в начале XIX века озабочен тем, «чтобы к одним словам привязывать всегда одно и то же понятие» (Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России [1803] // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 87).

¹² «История понятий интересуется и зарождением идей под ‘чужими’ именами или вовсе без имени, в разных лингвистических (а порой и нелингвистических) формах» (Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 67).

¹³ См.: Марасинова Е.Н. Русский XVIII век. Текст и реальность // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1/2. P. 1—10. О «виртуальных салонах» корреспонденции см.: Jansen Ch. Briefe und Briefnetzwerke im 19. Jahrhundert // Antenhofer Ch., Müller M. (Hrsg.) Briefe in politischer Kommunikation vom Alten Orient bis ins 20. Jahrhundert Göttingen. 2008. S. 185—203.

¹⁴ Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 60—61; Панченко А.М. Русская культура в канун

света становится верховная власть. Россия входит в Европу на этапе, когда и сакральная *intelligentia*, высшая разумность, переносится на государство¹⁵.

В то же время восхождение к обозначению политически активной и разумной общности начинается *nation*. В послепетровской России люди знания тоже довольно скоро начинают говорить о себе во франкоязычных текстах как о *nation* в смысле дворянской «культурной нации»¹⁶. *Nation* является активным агентом действия — она имеет свое мнение, «гордится», «требует» и тому подобное¹⁷. Перейдя со временем в русский обиход, *нация* по-прежнему употребляется прежде всего в контексте экспонирования, сопоставления с другими, но дворянская «культурная нация» уступает место «гражданственной»¹⁸.

Общество в русском языке уже в первой половине XVIII века также могло претендовать на описание некоего круга просвещенных людей: «по возвращении моем в отечество 1730 года [...] начал я себя производить, по молодости и по французскому духу, в обществе некоторыми стишками...»¹⁹. Просвещенный характер вла-

петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 50—51. Для моего периода данные рассеяны по: Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004.

¹⁵ Ср.: «Ce grand homme étoit l'intelligence de l'Etat» (Dictionnaire universel... par Antoine Furetière, Basnage de Beauval, Brutel de la Rivière. Т. 2 (Е—К). La Haye, 1727. [Без пагинации]).

¹⁶ «Le gros de la nation dit de mon livre...» — пишет Тредиаковский по поводу своей *Езды в остров любви* (В.К. Тредиаковский — И.Д. Шумахеру, 18 января 1731 г.), отождествляя эту *nation* с *honnêtes gens* (В.К. Тредиаковский — Ж.-Н. Делилю, 13 декабря 1747 г.) — ПРП XVIII. С. 45, 54. На русском языке слово *нация* у Тредиаковского отсутствует.

¹⁷ [Белосельский-Белозерский А.М.] Essais sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de Lettres qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand. Avec une histoire abrégée de la Musique en Russie. 2nd éd. Livourne, 1774. P. 13, 18—19, 21, 73. «Il rend de grands services à la nation, en y exposant les principes de la langue» (о Сумарокове — Ibid. P. 11); «пользе общества» соответствует *l'utilité à la nation* (о переводе Тредьяковского Буало — Ibid. P. 4).

¹⁸ «Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют *нацией*» (В.А. Жуковский — А.И. Тургеневу, 12 сентября 1810 г., [Муратово] // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 469).

¹⁹ Тредиаковский В.К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском [1755] // Тредиаковский В.К. Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 441.

сти рассматривался как предпосылка к тому, чтобы она представляла *общество* в широком смысле:

Но чтоб ты сеяла повсюду добродетель,
На то имеет власть над обществом владетель²⁰.

Отечество также могло уже определяться через культурное достояние: не только военная виктория, но и новая ода Ломоносова означает — «есть чем наше отечество поздравить»²¹.

В Екатерининскую эпоху происходит скорее не изобретение, а «направление» терминологии в нужном русле. Власть пропагандирует концепт *общества* и в то же время стремится к строгому ограничению «представительского» содержания в нем. *Наказ Уложенной комиссии*, как известно, описывает вслед за европейскими образцами отношения власти и общества как репрезентацию — «самодержец» именно «представляет» *общество* — но без кондиций и договорности²². В прописанном властью сценарии должно работать на «пользу/благо общества» (*bien publique*), при этом само *общество* остается объектом, а не субъектом действия. Политическое напряжение французского *le public* снимается при трансфере понятия тем, что понятие *opinion publique* остается неразработанным или сознательно игнорируется в русских словарях²³.

²⁰ Сумароков А.П. Синав и Трувор [1747, впервые поставлен в 1750 г.] // Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 10. М., 1782. С. 193 (Гостомысл — Ильмене). Там же (Трувор — Синаву): «Так к казни общество себе тебя венчало? / [...] Коль будем таковы, что скажет град о нас?» и т.п.

²¹ Н.И. Панин — М.Л. Воронцову, 30 декабря 1748 г., Стокгольм // Архив князя Воронцова. Кн. 26. М., 1882. С. 59.

²² Наказ Ея императорского величества Екатерины Втория самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1770. С. 91—92 (гл. 10 «О обряде криминального суда», п. 149).

²³ Добавленный в революционное издание французского Академического словаря столбец с «политическим» толкованием слова *opinion* [Dictionnaire de l'Académie Francoise. 5me éd. Т. 2 (L—Z). Paris, l'an VI—1798. P. 192] не воспроизводится в русском словаре (Полной французской и российской лексикон... И. Татищева. 2-е изд. Т. 2 (L—Z). СПб., 1798. С. 423). Французская история повторяется: академические словари Старого режима фиксируют только значение «репутации» или «мнения» [Le Dictionnaire de l'Académie Française, dédié au Roy. Paris, 1694. Т. 2: M—Z. P. 398; Dictionnaire de l'Académie Francoise. Avignon, 1777. Т. 2: (L—Z). P. 166]. Вопреки реальному употреблению: «Ce fut alors que s'éleva parmi nous ce que nous avons nommé l'empire de l'opinion publique. Les hommes de Lettres eurent aussi tôt l'ambition d'en être les organes à presque les arbitres» (*Gros de Boze C. Discours de réception à l'Académie française... Paris, 1715. P. 18*).

Общественно-политический подтекст *публики*²⁴ остается в XVIII веке на периферии. Наоборот, часто упоминаемая «благо-склонная», «выскаательная» *публика* охватывает театральную и читательскую аудиторию — но это *публика* «кулинарная»²⁵, а не резонирующая *le public* или *Publicum* в *Was ist Aufklärung?* Канта. Физическая, но не нравственная, отвлеченная коллективная персона *corpus politicus/политического тела*: «каждый день мы *видим* (курсив мой. — Д.С.) публику, а не умеем ее назвать по русски»²⁶. «Политическую» составляющую берет на себя скорее, как и в немецком случае, *общее мнение*, а затем *общественность*.

Накладывая далее французский растр на русские реалии, мы обнаружим, что, в отличие от французского *philosophes* — творцов *opinion*, в России и этот термин не переходит в коллективное понятие. Имеется в виду «государь философ» или отдельная персона. *Жить философом, философствовать* в русском контексте привязано к личности, подразумевает отрешенность и буколичность Фернея и Эрменонвилля, но не передает их общественный резонанс²⁷.

Выпадение знания из социальной иерархии создает универсальные для Старого режима в Европе сложности его ранжирова-

²⁴ «Слово публика, как негде и г. Вольтер изъясняется, не знаменует целого общества, но часть малую оно: то есть людей знающих и вкус имущих» (Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 4. С. 61). Исходное высказывание принадлежит не Вольтеру, а Жану-Батисту Дюбо, чью цитату из популярных *Réflexions critiques sur la poésie et la peinture* (1719) Сумароков вычитал, по-видимому, во французском переводе шотландца Александра Джерарда *An Essay on Taste* (1759) со статьями Вольтера, Д'Аламбера и Монтескье (*Essais sur le goût*. Paris, 1766. P. 131—132) — типичный кульбит мысли для нашего периода. Ср. также: «Испрашиваем мы у просвещенных наша Публики, да позволится нам вольность благодарных критики» (Новиков Н.И.) Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. № 1. Предисловие). Характерно, что «публика» у Д.И. Фонвизина в отвлеченном «западном» смысле встречается прежде всего в письмах из-за границы 1777—1778 годов. Лексика М.М. Сперанского в начале его карьеры — та же калька с французского: «Злоупотребления, избегнув суда закона, предстают пред суд публики, несравненно ужаснейший» (Сперанский М.М. О силе общего мнения [1802] // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 80—81).

²⁵ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. S. 853.

²⁶ N.N. Письмо из Орла // Зритель. Ежемесячное издание. 1792. Сент. Ч. 3. С. 17.

²⁷ Ср. экзотическую фигуру «дворянина-философа» Ф.И. Дмитриева-Мамонova. Хотя первые толкования, «что за вещь есть философ», подразумевали под «философией» «обхождение» с людьми («О философии» // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. Кн. 12. 1760. Цит по: Тукалевский В.Н. Н.И. Новиков и И.Г. Шварц // Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1. С. 176).

ния²⁸. Хотя в России *просвещение* и *ученость* зарезервированы для *вольных*, терминология помещает знание фактически вне чинов и сословий. На это указывает хаос сословной соотнесенности *среднего слоя*, к которому пунктиром по всему нашему периоду и правительственные, и частные тексты относят наряду с *мещанством* просвещенное дворянство. На перспективу заложено, что «душа общества», ее *intelligentia* определяется культурной составляющей, а не сословно-правовой регламентацией²⁹. Тут открывается возможность дворянской оппозиционности, парадокса «господ», захотевших стать «сапожниками», «расходящихся путей» общества и правительства, но также и *разночинства* русской *интеллигенции*.

В то же время формулируется внутренняя иерархия знания. На фоне публичности *просвещения* значение понятия *ученость* смещается в сторону корпоративной культуры со своим «социальным диалектом ученого сообщества»³⁰ — соотношение, напоминающее немецкое, между *Gelehrte* и *Gebildete*. Светская *ученость* нераздельна с «честностью» в смысле *honnêtes gens* и несовместима с «несалонностью» какого-нибудь Ивана Семеновича Баркова³¹.

Эти перипетии отражает перевод французских *gens de lettres*. В XVIII — начале XIX века это преимущественно *ученые люди/мужья*,

²⁸ О терминологических трудностях парижской полиции в определении статуса *philosophes* см.: Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. New York, 1984. P. 145—189. О «символических» проблемах распорядителей с расстановкой академиков на похоронах членов царской фамилии в XVIII веке см.: Фундаминский М.И. Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С. 55—56. Еще в 1862 году в ответ на петицию Литературного фонда министр просвещения Е.В. Путятин с солдатской прямоотой заключает: «...литераторов [...] как особое сословие я не признаю» (Сажин В.Н. Литературный фонд в годы революционной ситуации // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Сб. 7. М., 1978. С. 140).

²⁹ Для истории понятий могут быть здесь применимыми тезисы Э.К. Виртшафтера о ключевой роли самоопределения в образовании идентичностей в России и роли культуры в этом самоопределении (Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 65, 180).

³⁰ Артемьева Т.В. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 37.

³¹ «Нестройность, угрюмость и застенчивость сопряжены обыкновенно почти с характером ученых людей» (Мелиссино И.И. Проект преобразования Московского университета 1778 г., цит. по: Кулакова И. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. С. 273, см. также 207—210). Почти через сто лет: «Для того, чтобы истинная наука получила у нас [...] права гражданства в кру-

понятие и в русском языке по определению коллективное. «Общество ученых людей» подразумевает, как в названии французской Энциклопедии, собрание авторов³². Как и в случае с *opinion*, русское употребление не сразу реагирует на трансформацию понятия *gens de lettres* во французском от «писарей» к «писателям». Литература сначала также синонимична с *ученостью*³³. Но с новой ролью литературы под *gens de lettres* и в русском языке стали разумеаться именно «писатели», тогда как *ученость* из этого контекста исчезает.

Фигурой речи остается в русском словоупотреблении *республика писмен/République des lettres*³⁴. Примеры иного маргинальны и возникают на стыке русского текста и нерусских реалий — как в утопиях Ивана Ивановича Тревогина об *Установлении империи знаний* и *Ученой республике* (1770—1780-е годы). «Область знаний», по Тревогину, самостоятельна и «к тем делам, которые не к знаниям принадлежат, как-то войска, дворяне и сему подобное, никогда дела иметь» не должна³⁵.

Эксплицитно люди *ученые* и *разумные* (*gens d'esprit*) не отделяют себя от *общества* и *отечества*, об «услугах» и «пользе» которых повествуют решительно все «Предуведомления» и «Приношения». «Когда же с тем намерением делаюсь ученым, чтоб [...] себя чрез то отличить от других в обществе [...] тогда я со всею моею наукою общественного презрения достоин, и таких ученых уподобить можно египетским ящерицам...»³⁶

гу образованного общества [*le monde intellectuel*], необходимо, чтобы была для этого приготовлена почва [...] *Ученые* могут вращаться только в своем кругу. Перед литературой и политической экономией [...] наука отходит на задний план» (Современник. 1860. Т. 83. Современное обозрение. С. 145).

³² «Общество ученых людей соединенными силами старается ныне издать французско-российский полный и исправный словарь» (имеется в виду перевод *Словаря Французской академии*. — Д.С.) — Санкт-Петербургский вестник. 1778. Февр. С. 142.

³³ Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.К. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972. С. 161—162.

³⁴ Вариации — «письменная республика» (Письмо к читателю! // Невинное упражнение. 1763. Янв.), «общество ученых» (Полной русской и французской лексикон... 2-е изд. СПб., 1798. Т. 2: L—Z. С. 524).

³⁵ Курмачева М.Д. Проекты государственного устройства Ивана Тревогина // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посв. 70-летию Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 243.

³⁶ [Эмин Ф.А.] Письма Эрнеста и Доравры. СПб., 1766. Ч. 3. С. 132—133. Ср.: Степанов В.П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 110.

Однако «ящерицы» потихоньку размножаются. Репрезентативный и социализирующий потенциал знания проявляет себя окольными путями. С одной стороны, через интериоризацию концептов *просвещения* и *образования*. Из пассивного и механического, относящегося к компетенции государства или общества³⁷, термин *образование* под влиянием немецкого *Bildung* получает значение *самообразования*³⁸.

Просвещение тоже индивидуализируется, и при этом *ресекюляризуется*. Если *Церковный словарь* фиксирует только одно, и именно профанное значение («Просвещати, инде значит *учить*»)³⁹, то в стандартном определении *Опыта исторического словаря о российских писателях* Николая Ивановича Новикова (1772) — «муж ученый и просвещенный», причем второе служит нравственной характеристикой первого⁴⁰. Отход от рационализма Петербурга служит шагом к автономизации знания. Источник *просвещения* во власти (парадигма «первого европейца») смещается в не определяемую четко сферу отвлеченной веры/нравственности — не доходя, однако, до автономного субъекта просвещенческой гносеологии *philosophe*, которое выражается возвратным *s'éclairer* («просвещаться») энциклопедистов⁴¹.

Результатом интериоризации *просвещения* становится противопоставление *мыслящего человека* (светскому) *обществу*:

³⁷ «...Люди лишь нас образуют, / Все совершенства нам даруют, / И нас людьми равно творят» (Ода Симпатия // Прохладные часы или аптека, врачующая от уныния... 1793. Янв. Ч. 1. С. 472).

³⁸ *Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves littéraires // *Revue des études slaves*. 1932. Т. 12. Р. 39; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3. С. 106. Любопытно, как великий князь Александр Павлович следует тем же шаблонам: «J'ai eu le bonheur de trouver une ou deux personnes éclairées qui ont la complaisance de me fournir des livres intéressants et des avis pour mes occupations. Je m'instruis en silence, j'observe, je compose, j'en tire des conclusions...» (Александр I — Ф.С. де Лагарпу, 13 октября 1796 г., Санкт-Петербург // Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф.Ц. Лагарпу. СПб., 1870. С. 27).

³⁹ [Алексеев П.] Церковный словарь или истолкование речений славенских древних... 2-е изд. СПб., 1794. Ч. 2 (К—Р). С. 396.

⁴⁰ [Новиков Н.И.] Опыт исторического словаря о российских писателях... СПб., 1772. С. 30, 158, 170, 251 и др.

⁴¹ «[Notre] but [...] ne peut être, que [...] former un raisonnement pour s'éclairer soi-même, ou pour communiquer aux autres ce que nous avons dans l'esprit» (L'idée // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*... 1ère éd. Paris, 1766. Т. 8. Р. 493; *Gumbrecht H.U., Reichardt R.* *Philosophe, philosophie*. S. 11).

Порядки общества суть мыслящему цепи,
А тот, кто в обществе свой выдержал искус
Зевают в обхожденье муз⁴².

В следующем веке тут расцветают романтические штампы «лишнего человека».

Потребности описания именно внутреннего, личного опыта требуют через переводы морально-философских и мистических трактатов системы отвлеченных понятий, и из этого словотворчества напрямую выходит создание нового языка Николаем Михайловичем Карамзиным⁴³.

Уточнению *общества* служат также дополнительные определения — сначала *просвещенное*, в следующем веке и *образованное*⁴⁴. В *просвещенном обществе* литературных кружков и московских мартинистов с их пафосом братства подчеркивается мотив духовной общности, со-трудничества людей знания: «Чем более будет сообщено ко мне [...] известий, тем больше удостоверюсь я, что труд мой от просвещенного общества заслуживает внимания»⁴⁵; «мы просим и приглашаем всех ученых мужей, и любителей *российских писем*, быть нашими сотрудниками и соучаствовать в предприятии нашем»⁴⁶.

Тот же мотив коммуникации читается в «уточнении» вброшенного сверху концепта *патриотизма* — кого считать «истинным сыном Отечества»⁴⁷. Тут «египетские ящерицы» чувствуют себя особенно вольготно. Потребность эмоциональной привязанности — в терминах эпохи, «страсти», «приведения к чувству»⁴⁸ — требует апелляции к публике: «Нет у нас публичных мест, в которые бы стекались граждане для советывания о благе отечества; нет

⁴² Муравьев М.Н. Послание о легком стихотворении к А.М. Бр<янчанинову> [1783] // Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 219.

⁴³ См.: Семякин А. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. С. 171.

⁴⁴ «В Берлине есть [...] общество не только образованное, но и светское», — сообщало *Живописное обозрение* в 1837 году (Ч. 3. С. 206).

⁴⁵ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря. Предисловие [без пагинации].

⁴⁶ Н.Н. [Новиков], [О критическом рассмотрении издаваемых книг] // *Санктпетербургские ученые ведомости*. 1777. № 1.

⁴⁷ Schierle I. «Syn otečestva»—«Der wahre Patriot» // Thiergen P. (Hrsg.) *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit*. Köln etc., 2006. S. 347—367.

⁴⁸ Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. С. 21.

у нас ни Демосфенов, ни Цицеронов, которые бы возбуждали внимание наше к гласу сему [...] *умри за отечество*»⁴⁹.

Во второй половине XVIII века именно «патриотическая» тематика *самостоятельности/самобытности*⁵⁰ почти исключительно, за вычетом разве что личных склок, формирует в России культуру дискуссий и «партий», неотъемлемую от публичной сферы: «Вы любите его (*отечество*. — Д.С.) как любовницу, а я как друга»⁵¹. И в том, и в другом случае это любовь требовательная. Общим местом становятся идущие еще от Ломоносова осторожные сетоования на дефицит «аполлоновых даров» ввиду «марсовых» успехов державы. Дефицит «культурной» составляющей *Отечества* — отсутствие национального языка и национальной истории — препятствует «народному славолочию», но открывает поле деятельности для тех, кто об этом пишет и спорит⁵².

Не напрямую выводимый отсюда, но логичный, при всей эксцентричности Павла I, период запрета *отечества* наряду с *пред-*

⁴⁹ [Курузов А.М.] Разсуждение о нарушении порядка, которое происходит от неисполнения законов, и о той любви и благодарности, которыми каждый истинный С.К. обязан своему отечеству, преимущественно пред всеми прочими согражданами // *Магазин свободно-каменщицкой*. 1784. Т. 1, ч. 2. С. 15. Ср. у Д.И. Фонвизина: «Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют [...] Россияне при равных случаях никакой нации не уступают [...] Какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих». — Друг честных людей или Стародум. Периодическое сочинение, посвященное истине (Письмо от Стародума, Москва февраля 1788 г.) // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 63—64.

Забегим вперед ради параллели: через тридцать лет Денис Давыдов во вступительной речи в Арзамасском обществе после начального «Цель наша — образование себя в литературе [...] образование нравственного нашего характера» повторит в конце эхом: «Друзья, в эту минуту чувствую живо, что смерть за отечество — ничто!» — [Речь Д.В. Давыдова при вступлении в Арзамас] // Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 244, 246.

⁵⁰ Поскольку народ действует как личность, потребовался концепт *самобытности* — калька с французского *individualité* (Виноградов В.В. История слов. 2-е изд. М., 1999. С. 1002—1003), еще один пример переноса атрибута личности на *persona ficta*.

⁵¹ N.N. Письмо из Орла. С. 23 дискуссия «западника из Орла» с Петром Плавильщиковым). Ср.: Ключевский В.О. И.Н. Болтин // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 147. Лучший обзор по-прежнему: Rogger H. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*. Harvard, 1960.

⁵² Ср.: «Не ужли вы ничего не нашли в России, кроме славы оружия [...] Не оружие: но сердца — души и добродетели российские славны» (N.N. Письмо из Орла. С. 61—62, ответ П. Плавильщикова).

ставителями, другими «зловредными понятиями» и круглыми шляпами с жилетами⁵³ заканчивается показательным примером того, что самодержавие не распространяется на область слов, и запрещение *общества* не означает отсутствия его мнения⁵⁴.

От общего к общественному мнению

После 1801 года, вопреки заверениям, все уже не «как при бабушке». В эпоху, когда «время есть первое начало и источник всех политических обновлений»⁵⁵, осями координат для концептов социальной роли знания в Европе становятся *история* и *народ* как ее действующее лицо.

Повышение престижа *народа* ставит вопрос о его репрезентации. Термины *представитель* (также нетерпимый Павлом)⁵⁶ и *представительство* широко распространяются с 1810-х годов⁵⁷. На роль

⁵³ Как не увидеть в соединении шляп со словами подтверждение тезиса Рольфа Рейхардта о визуальной стороне ключевых понятий (*Ikoniät der Leitbegriffe*)? — Reichardt R. Wortfelder-Bilder-semantische Netze // Gunter Scholtz (Hrsg.) Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte. Hamburg, 2000. S. 122—123.

⁵⁴ Десять лет спустя Н.М. Карамзин пишет: «Россияне [...] говорили, и смело! [...] верили друг другу — и не обманывались! Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах: общее бедствие сближало сердца» (*Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [1811]. М., 1991. С. 45).

⁵⁵ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов [1809] // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 153—154.

⁵⁶ На французскую кальку и необжитость понятия указывает нескладность фразы, за которую статс-секретарь Павла I Нелединский был высажен императором из кареты по пути в Казань в 1798 году: «...вот первые *представители* лесов, которые далеко простираются за Урал» (*Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 73). В том же году, впрочем, переводной *Политический журнал на 1798 год...* (М., 1798. С. 262) преспокойно пишет о «представителе [то есть депутате. — Д.С.] Пастере».

⁵⁷ Калькирование с французского (есть и вариант *репрезентанты*, над которым хихикает Шишков) переносит вместе с ударением смысл (*представи-тель* — «предлагатель» или «вводитель». — Новой словарь английской и российской. СПб., 1784. [Без пагинации]. Статья *Introducer*. В статье *Representative* значится как раз «репрезентант»). В толковых словарях слово *представитель* впервые появляется только у В.И. Даля. Термин *народное представительство* распространяется с конституционными планами после наполеоновских войн — см., например: Архив исторический и политический. 1816 год. С. 11 («народное представительство»); Вестник Европы. 1820. Янв. № 2. С. 133 («публичное представительство народа»). См. также: *Виноградов В.В.* История слов. С. 544—547.

душеприказчика претендует *правительство*: если раньше государственное *просвещение* подразумевало образование граждан из дворян и *третьего чина*, то теперь *народное просвещение* под государственной опекой понимается как воспитание всей нации. Это наглядно видно в сравнении екатерининских «народных училищ» с александровским «Министерством народного просвещения», которое «ведает все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения»⁵⁸. В то же время, вырастая из объекта представления, *общество* претендует не только на роль активного субъекта, но и оспаривает право представительства *народа*.

Общее мнение пробивает себе дорогу со второй половины XVIII века — сначала в смысле, отвечающем скорее *opinion commune*, чем политизированному *opinion publique*⁵⁹. Этот смысл подчеркивается в термине и впоследствии в тех случаях, когда речь идет об *обществе* как «общности», «всенародии»⁶⁰. К концу XVIII века *общее мнение* становится историчным, привязывается к конкретной эпохе с ее «всемирным распространением духа общественности»⁶¹. События Французской революции переносят на русский концепт признание того, что «l'opinion [publique] est la Reine du monde» («мнение правит миром»). И в России *общее мнение* претендует на «признаки могущества, часто непреодолимого»⁶². Но

⁵⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 31. № 24686 [1811]. *Народное просвещение* предпочли варианту *общественного образования*. Очевидно и влияние через князя А. Чарторыйского и С. Потоцкого терминологии польской *Komisji Edukacji Narodowej* (*Kusber J.* Eliten— und Volksbildung. S. 287—289). См. также *народное образование* у В.Н. Каразина, разрабатывавшего общий план устройства новой образовательной системы [Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. (Ред.) Университет для России. Т. 2: Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001. С. 167].

⁵⁹ Например, у Тредиаковского в *Слове о мудрости, благоразумии и добродетели* ([Тредиаковский В.К.] Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 2. С. 250).

⁶⁰ «Если за них (законы. — Д.С.) будет общее мнение, то есть если они согласны с местностью, с умом и с сердцем народа» (*Глинка Ф.* Нечто о происхождении законов // Московский Телеграф. 1826. Ч. 12. С. 79).

⁶¹ Карамзин Н.М. Мелодор к Филалету [1795] // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 246. «Мизософы торжествуют. “Вот плоды вашего просвещения!” [...] А сии восклицания могут составить наконец *общее мнение*: вообрази же следствия!» (Там же. С. 248).

⁶² Dictionnaire de l'Académie Française. 5me éd. P. 192 (как в сноске 23); Сперанский М.М. О силе общего мнения [1802] // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 77.

сила эта пока анонимная и абстрактная. Для русского концепта, не привязанного к *le public*, дебаты об источнике мнения еще открыты.

Эти дебаты вписаны в диалектику социальной миссии европейского человека знания, совмещающего роли творца мнения и «выразителя» общности. И в специфическое ощущение переходности времени, *l'époque transitoire*⁶³. В идеальном будущем источник общего мнения максимально широк, как *народ/нация*. Но именно идеальное содержание требует сузить его в настоящем до узкого элитарного круга, который один может быть пока соотнесен с этим будущим. Драматизм ожидания в русском пафосе молодой нации с великим будущим специфичен даже на фоне общего эсхатологизма эпохи. Последовательное расширение круга самосознающего общества смещено относительно французских образцов из области исторического опыта в область ожидания.

Практически до Великих реформ ближайший круг общего мнения продолжает подразумевать даже не просто свет, а петербургский *beau monde* — уже Москва вне этого круга. Это выражение — не привязанный к политическому содержанию и идеальным ценностям регулятор индивидуального поведения («пружина чести, наш кумир»), к которому относятся критически, и тем не менее следуют ему. «Слово: *большой свет* означает круг людей отборных — не скажу лучших, — превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; [...] где существует общее мнение [...] где происходит оценка и добродетелей и талантов»⁶⁴.

Само «презрение общественного мнения» довольно скоро превращается в модный шаблон романтического поведения, несомненно опирающийся на соответствующие западные образцы. С другой стороны, отчуждение *мыслящего человека* от общества, о котором уже шла речь, также ведет к поискам новых — чаще всего воображаемых — сообществ, с которыми образованный человек себя идентифицирует или которые он мнит представлять.

⁶³ Лунин М. *Aperçu sur la société occulte de Russie, dans l'intervalle des années 1816 et 1826* [1838] // Лотман Ю.М., Розенцвейг В.Ю. Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII—XIX веков. Wien 1994. С. 325.

⁶⁴ Жуковский В.А. Писатель в обществе [1806] // Жуковский В.А. Собр. соч. Т. 4. С. 393.

С началом правления императора, собиравшегося *faire une représentation de la nation*⁶⁵, общее мнение связывается с либеральным законодательством. Радищев называет его (1801) «твердейшей подпорой» законов, «вкореняемым» прежде всего «воспитанием»⁶⁶. В записке Михаила Михайловича Сперанского (1802) «мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции». Оно привязано к «уму» или «духу народному» — (*esprit/génie de la nation*)⁶⁷, который, в свою очередь, определяется образованными людьми и коммуникацией идей в обществе:

Когда постепенным действием науки, внушениями великих писателей или политическими происшествиями разум народный обращается на предметы правительства, когда мало-помалу общественные разговоры [...] поставят внимание на сию материю [...] тогда мало-помалу из сих рассеянных мыслей срастается, так сказать, общее мнение о материях правительства и образуется в середине сил государственных новая сила, часто им поборающая, а иногда противодействующая, но в том и другом случае всегда заслуживающая уважения⁶⁸.

Светский круг Сперанский позже назовет из ссылки «мнимым общим мнением»⁶⁹. Однако и *народ* у него — нормативный термин будущего: «Прежде надобно создать сей народ, чтобы дать ему потом образ правления»⁷⁰. И потому реальные творцы общего мнения — не публика, а «известное сословие» «просвещенных умов» и

⁶⁵ Александр I — Ф.С. де Лагарпу, 27 сентября (8 октября) 1797 г., Гатчина // Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 281.

⁶⁶ Радищев А.Н. [Проект для разделения Уложения Российского] [1801] // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 166, 170.

⁶⁷ В екатерининском *Наказе* встречаем забавное *народное умствование* (гл. VI, п. 56—57). О термине: Козлов С. «Гений языка» и «гений нации»: две категории XVII—XVIII вв. // НЛЮ. 1999. № 36. С. 26—49.

⁶⁸ Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 22, 77, 79—80.

⁶⁹ Пермское письмо Сперанского к императору Александру I [1823] // План государственного преобразования графа М.М. Сперанского... М., 1905. С. 348.

⁷⁰ Сперанский М.М. О коренных законах государства (1802), черновик // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 44. Ср. с фразой А. де Кюстина: «Il me semble qu'avant de faire de la popularité, il faudrait faire un peuple» (*Custine A. de. La Russie en 1839. Vol. 2. Lettre Quinzième. Paris, 1843. P. 212*) — «Прежде чем принимать изъявления всенародной любви, следовало бы создать сам народ» (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 247*).

«теплых ко благу общему сердец», «покрытое непроницаемую тайною, от истинного просвещения почти всегда неразлучною»⁷¹.

Оптимистическому взгляду Просвещения, как он классически изложен в переведенном, наконец, на русский язык главном источнике екатерининского *Наказа* («Нам надобно полагаться на общее мнение, любезный друг [...] Мы будем действовать на общее мнение, а общее мнение победит, наконец, фанатиков и даже тиранов»)⁷², противостоит подчеркивание управляемости *общего мнения*, иллюзорности его «всеобщности», несомненно подогревавшееся наполеоновской практикой государственного контроля над общественностью: «Рассмотрим в подробности мнение общее [*ce public*] [...] Что такое [...] есть общество? Род чудовища [*espèce de monstre*], сложенного из разнородных и несогласных между собою частей...»⁷³

Неудивительно, что последовавшая вскоре эпоха внешних потрясений, когда «слова *отечество* и *слава* электризовали каждого»⁷⁴, подчеркивает «патриотическую» роль людей знания: «все лучшие умы (кстати, тоже галлицизм — *esprits* или *intelligences*. — Д.С.) стоят под знаменами властителей [...] Правительства чувствуют важность сего союза и общего мнения, нужду в любви народной»⁷⁵. В то же время обсуждение перспектив реформ с ожесточенной внутренней борьбой, Тильзитский период, когда «дух народный страждет в беспокойствии»⁷⁶, формирует *общее мнение* применительно и к внутренней политике. «Консервативная» направленность Н.М. Карамзина в этом контексте прочитывается как практическое следствие либеральных размышлений его антипода Сперанского: «Удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует правительству? [...] Сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве»⁷⁷.

⁷¹ Сперанский М.М. О государственном устройстве империи [1802] // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 64.

⁷² Беккария рассуждение о преступлениях и наказаниях... переведено Дм. Языковым. СПб., 1803. С. 35 (письмо А. Морелле в предисловии). Второй перевод труда Беккария А.Д. Хрущовым был осуществлен в 1806 году.

⁷³ Об общем мнении [пер. из: Weiss, Franz-Rudolf von (Francois de). *Principes philosophiques, politiques et moraux*, 1785] // Санктпетербургский журнал. 1807. Май. № 5. С. 98. Перевод в журнале МВД был особенно актуален накануне Тильзитского поворота.

⁷⁴ Марлинский А. Взгляд на русскую словесность в течении 1823 г. // [Бестужев]-Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Т. 11. С. 168.

⁷⁵ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. № 12. С. 316.

⁷⁶ Сперанский М.М. Введение к уложению. С. 163.

⁷⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. С. 97.

Особая роль у «общих бедствий», поражений, которые прежде всего разводят понятия *родины* и *империи*⁷⁸. Возникающее новое эмоциональное пространство требует общественной партиципации, о которой говорили Александр Михайлович Кутузов и Денис Иванович Фонвизин (см. примечание 49): «Время уже то прошло, когда политики имели право зажимать рты усердной правде [...] общее страдание [...] дает право каждому [...] говорить [...] Уразумают ли необходимость отыскивать и призывать на совет блага общего людей, а не...»⁷⁹

Уразумели, но только отчасти. «Революция» 1801 года, Тильзитский скандал, и прежде всего 1812 год как война *народная/национальная*⁸⁰, укореняют *общее мнение* в языке власти⁸¹. Но в «коренной» России за этим термином в правительственном дискурсе стоит *общество* разной степени охвата, и лишь в части империи это *нация*, обретающая свои контуры через представительство. Помимо Финляндии — это, конечно, Польша, где право на нацио-

⁷⁸ См.: Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. Ср. дневник А. Чичерина: «Que mon souverain sera trahi, nos troupes seront en déroute, l'Empire perdu, mais ma patrie reste encore, mais mon devoir me command de la servir» (*Tschitscherine, Alexandre. Journal commencé le 6 Septembre 1812, au camp de Podolsk* // ОИК ГПИБ. Л. 5 (запись от 6 сентября 1812 г.). — «Пусть мой государь будет предан, наши войска разбиты, империя погибнет, но мое отечество остается, и долг мой приказывает ему служить»). Вот хороший пример императива *ad fontes* для истории понятий: в безусловно замечательном переводе дневника, осуществленном М.И. Перпер (Дневник Александра Чичерина, 1812—1813. М., 1966), *государь* выкинут по понятным соображениям, но важнее, что и *patrie*, и *empire* многозначны; выбор объектов противопоставления — *родина/отечество*, *империя/государство* — неизбежно отсекает нюансы.

⁷⁹ Н.П. Николев — Д.И. Хвостову, 5 ноября 1812 г. // ПРП XVIII. С. 411.

⁸⁰ «Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством Севера» (А.И. Тургенев — П.А. Вяземскому, 27—29 октября 1812 г., Санкт-Петербург // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 5—8).

⁸¹ Ср. осведомительные письма М.Я. фон Фока из Особой канцелярии Министерства полиции министру А.Д. Балашову, например в начале кампании 1812 года: «Весьма бы полезно было издавать здесь в Городе (Санкт-Петербурге. — Д.С.) бюллетени [...] что бы немало способствовать к самому управлению общенародными мнениями и духом публики»; «Сожалеть должно, что истинные сыны отечества столь мало заботятся о выгодном направлении общего мнения» [от 20 июня (20 июля) и 22 июня (4 июля) 1812 г., цит. по: Исколь С.Н. (Публ.) «Осведомительные письма» тайной полиции // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М., 2001. С. 298—300.

нальную репрезентацию дает наряду с имущественным и образовательный ценз⁸².

Польский случай служит амальгамой для русского развития в двояком смысле. Во-первых, как источник для словесных инноваций — например, у Петра Андреевича Вяземского, который работает в Варшаве в канцелярии Николая Николаевича Новосильцева над переводом и адаптацией положений польской конституции для *Государственной уставной грамоты Российской империи*⁸³, Во-вторых, конечный отказ *правительства* признать в русском народе разумное сообщество, *nation parmi les nations* (легендарное обещание Александра I финнам на Боргосском сейме 1809 года), выводит власть за рамки *общего мнения*. Национальный скандал сообщает термину дополнительную эмоциональную окраску и политизирует его. В ряду «мы» легитимизма («под небесами любезного отечества [...] сияли Петр и Екатерина! Они были *наши...*»)⁸⁴, национализма («иль мало нас?»), наконец, «мы, христиане»⁸⁵, претензию на «общее мнение» заявляет прежде всего «мы» образованных либералов:

Потемки, в которых держат нас, неминуемо должны отразиться и на самое правительство [...] Мы идем туда, оно оттуда. Никакой общей путеводительной нити нет! Нет никакой знакомой оклички! Где и как сойтись в этом темном и глухом лесу, в коем упрямый и выгод своих не знающий хозяин не позволил вырубать

⁸² Глава о гминных собраниях наделяет наряду с собственниками и духовными лицами правом участия в них «des professeurs, instituteurs et autres personnes chargées de l'instruction publique» и «artistes» (Charte Constitutionnelle du Royaume de Pologne [1815], Chap. V, Art. 131 // *Dippel H.* (Ed.) *Constitutions of the World from the late 18th Century to the Middle of the 19th Century*. München, 2008. Vol. 5. P. 90). Это определение перекочевывает сюда без особых изменений из наполеоновской конституции Великого княжества Варшавского 1807 года и в столь же неизменном виде останется и в Органическом статуте 1832 года (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 7. № 5165). В официальном русском переводе Варшавской речи Александра I 15 (27) марта 1818 года обоснование введения конституции — «образование, существовавшее в вашем краю» (Московские ведомости. 1818. № 29) — «l'organisation, qui était en vigueur dans votre pays».

⁸³ См.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 162—202. Образовательный ценз в ней был предусмотрен для выборщиков «градских обществ» по разряду «именитых граждан» наряду с «капиталистами» (отд. V, ст. 166).

⁸⁴ *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II [1801/1802] // Карамзин Н.М. Соч. М., 1804. Т. 8. С. 5.

⁸⁵ *Уваров С.С.* Общий взгляд на философию словесности. СПб., 1848. С. 6.

никакие просеки [...] для свободного сообщения взаимного между им самим и скитающимися по сей обширной и безвыходной пустыне [...] Что за борьба между дипломатическими прорицаниями и гаданиями [...] и мнением, которое, как ковыль-трава валит из одного конца Европы в другой и все с собою по дороге загребают...⁸⁶

Поиски путей репрезентации нации образованным обществом идут в обход конституционных, концентрируясь на проблематике мыслящего меньшинства и находя новые возможности в *литтературе*.

Европейские революции начала 1820-х годов, которые имеет в виду Вяземский в процитированных выше словах, становятся вехой на пути молодых либералов: от тактики овладения *общим мнением* («ввести образ мыслей Союза [Благоденствия] в общее мнение, и намерения Союза, как можно более, передать в общее желание: дабы общее мнение революции предшествовало»)⁸⁷ к концепции активного мыслящего меньшинства, соединенного в *обществе*: «Отдельные общества [...] должны быть хранилищем, так сказать, всего ума, всех сведений народных»⁸⁸.

Именно как *народный ум (intelligence nationale/de la nation)* в 1820-е годы *интеллигенция* приобретает в Европе социально-политический контекст, утверждаясь в качестве нового критерия репрезентации нации в конкуренции с сословными правами и имущественным цензом⁸⁹. Декабристы, почитающие преимущественно

⁸⁶ П.А. Вяземский — С.И. Тургеневу, 18 сентября 1820 г., Варшава (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6. С. 8—9). *Мнение* без дополнительных эпитетов — тоже явный галлицизм («Qui mène le royaume? C'est l'opinion», — ответ Франсуа Кене у маркизы де Помпадур).

⁸⁷ Показания полковника Вятского полка Павла Ивановича Пестеля [1826] // *Бороздин А.К.* (Ред.) Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906. С. 111. Собственно, устав Союза предписывал «стремиться единодушно к цели правительства: *благу общему*, дабы из общего народного мнения создать истинное нравственное судилище...» (*Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. СПб., 1885. Приложение IV: «Законоположение Союза благоденствия». С. 507).

⁸⁸ Дневник Н.И. Тургенева, Запись 17.07.1817 // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. С. 40.

⁸⁹ Отто Мюллер определяет эту новую функцию как «das öffentlich anerkannte rechte Urteilsvermögen» (публично признанная способность к истинному суждению/мнению) (*Müller O.* *Intelligencija* S. 49).

политэкономии, в отличие от *Уставной грамоты* Н.Н. Новосильцева не принимают в своих конституционных проектах в расчет (Павел Иванович Пестель) или никак особо не оговаривают (Никита Михайлович Муравьев) «капитал знания». В настоящем «переходной эпохи» нацию для них представляют «общества» «лиц политических», принадлежащих к «высшим сословиям состава общественного»: «ils [...] concentrent l'action des intelligences disséminées dans le pays»⁹⁰.

Логично, что именно в этом элитарном варианте мыслящего меньшинства *intelligence* затем впервые широко расходуется в герценовском *Развитии революционных идей в России* (1851):

Ne fallait-il donc pas chercher par tous les moyens à rappeler le peuple russe à la conscience de sa funeste position [...] Et qui donc devait le faire si ce n'est ceux qui représentaient l'intelligence du pays, ces organes du peuple par lesquels il cherchait à comprendre sa propre position? Leur nombre, qu'il soit grand ou petit, ne change rien. Pierre Ier était seul, les Décembristes une poignée d'hommes⁹¹.

Вне зависимости от политического лагеря шпагат между публичностью и элитарностью миссии образованного человека скорее характерен, чем исключителен. Тексты второго ряда включают знание в традиционные иерархические представления. В то же время это явный перепев гегельянства с его пафосом «мирового духа» в истории, который олицетворяет и гегелевская *Intelligenz*:

Над низшею народною массою, т.е. над необразованнейшею, стоят другие массы людей, образованнее ея, но сии сами [...] находятся под влиянием других умов [...] и сия умственная иерархия восходит наконец до того малого числа умов избранных, где рождаются идеи, делающиеся впоследствии общественным мнением [...] Повелевая не столько настоящим, сколько будущим, они образуют участь человеческую. Напрасно материальная сила захотела бы бо-

⁹⁰ Луин М. Aperçu sur la société occulte de Russie. P. 325—326. См.: Субботин О. (Сост.) Конституционные проекты России 1799—1825 // Dippel H. (Ed.) *Constitutions of the World*. Munich, 2007. Vol. 4.

⁹¹ Iscander A. [Герцен А.И.] *Du développement des idées révolutionnaires en Russie*. Paris, 1851. P. 142—143 («Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его гибельного положения [...] И кто же иной должен был это сделать, как не те, кто представляли собою разум страны, мозг народа...»).

роться с их силою невещественною; рано или поздно, но неизбежно, идея становится существенностью⁹².

Элитарность знания долгое время локализована в салонной общественности, основанной на светской культуре «речевой практики аристократии»⁹³. Популярная в первой четверти XIX века тема «писатель и общество» представляет ее не так, как вскоре будут понимать «гражданственные» критики, но как социализацию нелюбимого «властителя дум» в свете, без которой «большая часть писателей не имеет никакого успеха в свете, неловки в обращении и вообще менее уважаемы, нежели их книги»⁹⁴. К этой эпохе относится замечание П.А. Вяземского о том, что «в России [...] ум [...] вхож и в салоны; зато как-то редко заглядывает он в книги. У нас более устного ума, нежели печатного»⁹⁵. Вырабатывающиеся термины — скорее светские *bon mots*, несущие на себе отпечаток авторства⁹⁶, чем понятия, обкатывающиеся в повседневном публичном употреблении и обсуждении.

Формулирование *общего мнения* как мнения общественного происходит с разгромом декабризма, окончанием эпохи «военной интеллигенции»⁹⁷ и параллельно возвышению *литтературы*.

⁹² Ястребцев И.И. О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества. 2-е изд. М., 1833. С. 22—23.

⁹³ Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. 2-е изд. М., 2000. С. 218. Образованную публику тут, в отличие от *общественности*, представляет светская дама. Она определяет соотношение учености и светскости (*femme savante, mais aimable*). — Искуль С.Н. (Публ.) «Осведомительные письма». С. 303 [30 июня 1812 г.]. Тезис о «превосходстве образованности женского пола над нашим» высказывал П.А. Вяземский, писавший о книге Ф. Ансело «Шесть месяцев в России» (Московский телеграф. 1827. Т. 15. С. 219). Ср.: Виноградов В.В. Язык Пушкина. С. 236 и сл.

⁹⁴ Жуковский В.А. Писатель в обществе [1806]. С. 397.

⁹⁵ Вяземский П.А. Старая записная книжка // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 242. «Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь [...] играла бы такую роль» [Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2001. С. 334].

⁹⁶ Ср. диалог В.А. Жуковского и А.С. Пушкина в передаче В.А. Сологуба: «Василий Андреевич, как вы написали бы такое то слово? — На что тебе? [...] Мне надобно знать, — отвечал Пушкин, как бы вы написали. — Как бы написали, так и следует писать. Других правил не нужно» (Воспоминания графа В.А. Сологуба. М., 1866. С. 22).

⁹⁷ «Видишь ли, что и в России все идет к лучшему? [...] Помнишь ли ты [...] как мило вели себя господа военные [...] в царствование Александра [...] А теперь? [...] Ты уже не боишься их, если имеешь несчастье быть фразичком», — писал В.Г. Белинский Д.П. Иванову в период своей «разумной дей-

Литтература от «конфекта» к «выразителю»

Когда-то «конфект после обеда»⁹⁸, *литтература* призывается «вникать в характер российского народа»⁹⁹, а затем — стать «выразителем» «народности и общественности»¹⁰⁰. Если «Дружеское учное общество» имело, по уверению Н.И. Новикова, «предметом своим единственно распространение литературы» (1779—1784)¹⁰¹, а «Дружеское литературное общество» «льстилось» «образовать в себе бесценный талант» «трогать и убеждать других словесностию»¹⁰², то для «Арзамасского общества безвестных людей» (1815—1818) это «польза отечества, состоящая в образовании общего мнения»¹⁰³.

Понятие *словесности* продлевает в XVIII — начале XIX века эволюцию от личной способности к сочинительству, «дара слова»¹⁰⁴ письменного и устного, навыка светской беседы¹⁰⁵ к «нашей оте-

ствительности» (7 августа 1837 г., Пятигорск // *Белинский В.Г.* Избр. философ. соч.: В 2 т. М., 1951. Т. 1. С. 525).

⁹⁸ Цитирую Ф.А. Эмина, в свою очередь цитирующего Руссо: «Многие ученые люди рассуждают, а особливо Руссо славный автор сказал о стихотворстве, что сию науку можно почестъ за конфект после обеда» (*Эмин Ф.А.* Письма Эрнеста и Доравры. Ч. 3. С. 136).

⁹⁹ Речь А. Тургенева на заседании «Дружеского литературного общества» [1801] // *Фризман Л.Г.* (Сост.) Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 44.

¹⁰⁰ *Полевой Н.А.* Взгляд на русскую литературу. С. 163.

¹⁰¹ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии [1792] // *Новиков Н.И.* Избр. произв. М.; Л., 1951. С. 616.

¹⁰² «Законы дружеского литературного общества» [1801] // Сб. Общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891. С. 1.

¹⁰³ Проект устава Арзамасского общества безвестных людей, гл. I // Арзамас и арзамасские протоколы. С. 246. Подробнее см.: *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008.

¹⁰⁴ «Не льстите, господа [...] изъяснить по достоинству, хотя б ваша и самая совершенная была словесность [...] правосудие милостивое монархини нашей Анны» (*Тредиаковский В.К.* Речь... марта 14 дня, 1735 года О чистоте русского языка // [Тредиаковский В.К.] Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Т. 2. С. 13). Ср.: «Тебе дан ум — меня познать; / Словесность — рассказать другому» (На коварство французского возмущения и в честь кн. Пожарского [1798] // *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 152).

¹⁰⁵ В 1815 году «любезные молодые читатели и читательницы» узнают, что «словесность» причисляется к «той части наук, которая необходима для образованного человека в свете» и «образует наши понятия» (*Журнал для детей или приятное и полезное чтение для образования сердца и ума.* 1815. Генварь—март. Ч. 1. С. 4).

чественной словесности» как главному атрибуту культурной нации¹⁰⁶. В 1790-х годах параллельно *словесности*, опять-таки вопреки упорному игнорированию в словарях, резко растет частотность употребления *лит(т)ературы* (чаще с двумя галльскими «т»). Введенная «новой школой» карамзинистов, она «знаменует», как тогда выражались, наличие или, скорее, отсутствие в России¹⁰⁷ национального эквивалента европейской *littérature*¹⁰⁸ — подтекст, отсутствующий в *словесности*. В *литтературу*, как правило, уже не включаются духовные проповедники, как в XVIII веке, зато входит по определению «История» Карамзина.

С повышением престижа ремесла повышается статус творцов. *Литтератор* и иные термины принадлежности к *литтературе* заменяют *ученого* в качестве русского обозначения общего типа образованного человека, *homme de lettres* («можно назвать литтератора письменным человеком») ¹⁰⁹; *ученость* же окончательно уходит в сферу профессиональной науки.

Уже Александр Петрович Сумароков пытается проповедовать своеобразную «симфонию» литературы и власти: «Возращение добродетели принадлежит начальникам и писателям: проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники [...] беззаконие истреб-

¹⁰⁶ Письмо к издателям // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 2. С. 229. Ср. также: «Естьли кто любит честь своего отечества [...] то может ли сердцу его не быть вожделенно преспеяние отечественной словесности?» (Предисловие // *Новости русской литературы.* 1802. Ч. 1. С. 5).

В первой четверти XIX века переход от личной способности к достоянию национальной культуры только фиксируется. Тут очевиден поиск русского аналога меняющемуся французскому концепту, так же как *patrie* из *отечества* становится на русском начала XIX века преимущественно *Родиной* или *отчизной*. В 1816 году отмечалось, что «значение слова [словесность] точно еще не определено» и «литтераторы» его неправильно употребляют, под ним «разуметь должно» не «дар слова», а «пространное значение», включающее «все роды и письма» и «словесные науки», к которым причисляется и история (*Гаврилов М.* Разсуждение о словесности вообще // *Труды Общества любителей российской словесности.* М., 1816. С. 52—53).

¹⁰⁷ «О русской литературе! Можем ли мы употреблять это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существует?» (Речь А. Тургенева на заседании «Дружеского литературного общества». С. 44).

¹⁰⁸ Как и в других подобных случаях, до перехода в русский язык словопотребление термина *литтература* оттачивается сначала на французском применительно к России: «Nous n'avons rien de bon, rien de nouveau en fait de littérature nationale» (Н.А. Львов — В.В. Капнисту, 23 декабря 1789 г., Санкт-Петербург // *ПРП XVIII.* С. 389).

¹⁰⁹ Корифей или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. 1. С. 27.

ляют»¹¹⁰. Но еще в конце того же XVIII века Карамзин диагностирует ничтожность общественного воздействия литературы в отсутствии иных иерархий, кроме чиновно-государственной: «Nous écrivons par boutades [...] Dans un pays où le rang fait tout, la renommée a peu de charmes»¹¹¹.

У Сумарокова еще «я [...] — дворянин и офицер, и стихотворец *сверх того* (курсив мой. — Д.С.)»¹¹². Только в новом веке *писатель*¹¹³ — параллельно французским *écrivain* и *poète*¹¹⁴ — из вспомогательной самоидентификации переходит в категорию знаменитого «я числюсь по России»¹¹⁵. Апологии цензуре Василия Андреевича Жуковского или того же Александра Сергеевича Пушкина, по которому *писатели* — «суть класс самый малочисленный», но «аристократия самая мощная, самая опасная», ибо «никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда»¹¹⁶, — не конъюнктура, а реальная оценка собственной роли, ставшей очевидной в 1830-х годах.

Печатное слово становится центром общественной коммуникации, делая архаичными салон и театр как «школу народную»¹¹⁷ предыдущего века. Теперь очевидно, что «Литература [...] во все

¹¹⁰ Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели [1774] // Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 6. С. 252.

¹¹¹ [Карамзин Н.М.] Lettre au Spectateur sur la littérature russe // Le Spectateur du Nord, Journal politique, littéraire et morale. Hambourg, 1797. T. 4. Nov.—Dec. P. 57 («Пишем мы по внезапной прихоти [...] ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного»).

¹¹² А.П. Сумароков — И.И. Шувалову, 9 января 1758 г. // ПРП XVIII. С. 73.

¹¹³ С.В. Смирнов (Каким должен быть писатель // Амфион. 1815. Янв. С. 24—31), в начале парафразируя Сумарокова («истолкователь нравственности и добродетели»), переходит затем к описанию «поприща писателя-гражданина».

¹¹⁴ Benichou P. Le sacre de l'écrivain, 1750—1830. Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne. Paris, 1973.

¹¹⁵ Приписывается Пушкину (1829) — Старый лицеист // Новое время. 1880. № 1521.

¹¹⁶ Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург [1834—1835] // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 206.

¹¹⁷ «Театр есть школа народная [...] я старший учитель в этой школе и за нравы народа мой ответ Богу», — эти слова приписываются Екатерине II (Дризен Н.В. Материалы для истории русского театра. М., 1905. С. 98). Ср. А.П. Сумарокова в письме к ней же, 4 июня 1769 г., Москва: «Театр есть училище бродягам по жизни человеческой [...] Ста Молиеров требует Москва, а я [...] один только» (ПРП XVIII. С. 121—122). Обзор см.: Wirschaftler E.K. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb (Ill.), 2003.

веки и у всех народов была и будет верным термометром народного просвещения»¹¹⁸.

Литтература как «термометр» тематизируется в проблемном контексте, она меряет температуру не государственного, а народного тела, которое пока оказывается бездыханным. Отсутствие *литтературы* — неприятный симптом для «гения нации» в настоящем¹¹⁹, но с неизменным обращением в будущее. Она — залог «историзма» народа: «язык без литературы — то же самое, что народ без истории»¹²⁰. В этом новом историческом контексте *литтература* получает миссию «помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский» и «развивать идеи»¹²¹.

Литтература составляет неизменный атрибут нации в ее развернутом вове смысле, сравнительном с другими: «нация гордится своими авторами [...] о превосходстве нации судят по успехам авторов ее»¹²²; «литература есть [...] первый признак жизни нации»¹²³; «русская литература [...] служит представительницею умственной жизни ее (курсив мой. — Д.С.) народа»¹²⁴.

Как самосознание национальной общности *литтература* тематизируется в связке с *народностью*¹²⁵. Тут предполагаются меха-

¹¹⁸ Любителям российской словесности // Новости русской литературы на 1802 год. М., 1802. Ч. 1. С. 3.

¹¹⁹ «On sait que la littérature d'un peuple fait voir la trempe de son génie» (Pappadopoulos M.L., Gallet Ch. Choix des meilleurs morceaux de la littérature russe, à dater de sa naissance jusqu'au règne de Catherine II. Paris, An IX—1800. P. VI). См. примеч. 67.

¹²⁰ [Уваров С.С.] Речь президента императорской Академии наук... в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года. СПб., 1818. С. 5.

¹²¹ [Карамзин Н.М.] Письмо к издателю // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 6. Использование глаголов показывает место литературы еще недалеко от сумароковских планов: она «помогает» образованию, поставляя идеи. «Развивать» — калька с *développer des idées*.

¹²² [Карамзин Н.М.] <Предисловие к 2-й книжке альманаха «Аониды»> (1797) // Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 2. С. 144—145. Именно в этой книжке дебютирует буква «ё». От священного статуса к исправлению императором и, наконец, к обретению буквами новых хозяев — вот тоже проявление власти людей знания.

¹²³ Георгиевский П. Руководство к изучению русской словесности...: В 4 ч. СПб., 1836. Ч. 4. С. 7.

¹²⁴ Некрасов Н.А. Заметки о журналах [1855] // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1950. Т. 9. С. 325.

¹²⁵ Ср.: Ebbinghaus A. «National» (narodnyj) und «nationale Eigenart» (narodnost') in der russischen Literaturkritik der 1820er Jahre // Thiergen P. (Hrsg.) Russische Begriffsgeschichte. S. 51—80.

низмы коммуникации — печатные органы, критика, — но прежде всего единый медиум общения. Аморфность языка первой указывает на аморфность сообщества: «В каждом классе, в каждом звании отличная тарабарщина: никто сразу не поймет другого...»¹²⁶ «В Словесности нашей еще и быть не может народности [...] Середины, которой мы ищем, еще нет [...] у нас нет среднего сословия»¹²⁷. Первым делом, соответственно, «для размножения читателей должно образовать язык общежития»¹²⁸.

«Образование языка» подразумевает общественные механизмы, конкурирующие концепции. Термины оттачиваются в дискуссиях литературных кружков, обществ, «партий», что обильно освещено в литературе и на чем я не буду специально останавливаться. В конечном счете национальный язык оказывается плодом совместных усилий не только новаторов, но и так называемых традиционалистов¹²⁹. Объединяет стремление к вербальной нормативности, регламентации — свойства современной «буржуазной» культуры¹³⁰: «Русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом»¹³¹, «мы хотим и писать так, как говорят [...] [и] чтоб все говорили как мы пишем»¹³².

Конечно, в первой четверти XIX века контуры этого «мы», границы между *обществом* и *правительством* по-прежнему текучи. К «ковачам слов» принадлежат многие «интеллигенты во власти» — как Сергей Семенович Уваров или Александр Семенович Шиш-

¹²⁶ [Бестужев]-Марлинский А.А. Новый русский язык [1834] // [Бестужев]-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Т. 12. С. 75.

¹²⁷ Даль В.И. Полтора слова о нынешнем русском языке [1842] // Даль В.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 10. С. 543—544.

¹²⁸ Батюшков К.Н. О влиянии легкой поэзии на язык [1816] // Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1850. Т. 1. С. 56—57.

¹²⁹ Влияние шишковских манифестов — лучший пример того, как для современной мобилизации нации используется мнимо архаический язык. Ср. запись П.А. Вяземского 1841 г. о Шишкове: «Мы смеялись нелепости его манифестов [...] но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом [...] Карамзина манифесты были бы [...] с большим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, неизвестно» (Вяземский П.А. <Книжки за 1813—1852 гг.> // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 9. С. 195—196).

¹³⁰ Ср.: Linke A. Sprachkultur und Bürgertum. Zur Mentalitätsgeschichte des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1996.

¹³¹ [Карамзин Н.М.] От чего в России мало авторских талантов? [1802] // Вестник Европы. 1802. Июль. № 14. С. 124.

¹³² [Крутенев П.] Авторский вечер. Странный случай с моим дядей. СПб., 1835. С. 116.

ков — и около нее, как В.А. Жуковский или Н.М. Карамзин. Импульс для регламентации и выработки новых понятий по-прежнему исходит не только от общественных дискуссий, но и от службы — в случае М.М. Сперанского, того же П.А. Вяземского в Варшаве, Дмитрия Николаевича Блудова и др.

Но при этом, несмотря на усилия Екатерининского времени, государственное попечение над языком признается неэффективным. Становясь «троном безграмотным»¹³³, двор первым выпадает из *общества* в его вербальных контурах; за ним следует высший и чиновный свет. Очевидно слабеет в качестве источника современных концептов идеал просвещенного управления, *le baume salutaire nommé: bonne administration*¹³⁴, концепт «регулярной» *nation policée*¹³⁵. И логично, что тем интенсивнее именно при Павловичах *правительство* в невиданных до и после того масштабах воплощает этот идеал в визуальных образах ампира, военных поселениях, шоссе, образцовых проектах вплоть до крестьянских сараев и заборов¹³⁶.

Кому направлять мнение?

Язык *правительства* следующей четверти XIX века в общении с людьми знания задан известной характеристикой причин декабря 1825 года — «пагубная роскошь полупознаний», предпочтение «просвещения и гения» «прилежному служению»¹³⁷. Новая стратегия соединяет меры поощрительные и рестриктивные, поддержку образованного *среднего слоя* и полезной *учености* как противовес «праздности ума» «дворянчиков». Развивая бабкин проект *третьего чина*, младший внук фактически дезавуирует ее концепцию *обще-*

¹³³ П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу и В.А. Жуковскому, 29 сентября 1826 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 41.

¹³⁴ Н.М. Карамзин — в. кнг. Екатерине Павловне, [1815] // Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 118.

¹³⁵ «Регулярный», «благонравный» или «политичный народ» в русских вариантах XVIII века.

¹³⁶ См.: Сдвижков Д.А. Империя в наполеоновском наряде. Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Ауст М., Миллер А., Вульпиус Р. (Ред.) Imperium inter pares. Роль трансферов в образе и функционировании Российской империи. М., 2010. С. 67—104.

¹³⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 1. № 464 [Манифест 13 июля 1826 г.]; А.Х. Бенкендорф — А.С. Пушкину, 23 декабря 1826 г., Санкт-Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 462.

ства. В качестве объекта представления верховной властью общества сменяет народ, а душу и разум народного тела должно олицетворять скорее среднее сословие в духе *gebildetes Bürgertum* Генриха Шторха, своего рода николаевского Лагарпа¹³⁸. Известна, с другой стороны, аллергия Николая I к общественному мнению и соединяемой с ним журналистике.

Не признавая в общем мнении коллективного разума народа/нации, правительственная политика также предусматривает тут создание противовесов (поддержка «торговой литературы» Фаддея Венедиктовича Булгарина и Николая Ивановича Греча против «интеллектуальной аристократии» А.С. Пушкина, Ивана Васильевича Киреевского и других), но прежде всего рестриктивные меры. Лексика III отделения стремится нейтрализовать понятие общества, вернув его в рамки *bonne société* и отдельных «демагогических партий».

«Направление общественного мнения» становится полем борьбы между правительством, с одной стороны, и литературой — с другой. «Знаешь ли что? — пишет А.С. Пушкин Павлу Александровичу Катенину сразу после событий на Сенатской площади. — Вместо альманаха не затеять ли нам журнала», чтобы «забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление»¹³⁹. Через несколько месяцев о «направлении общественного мнения, согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства», заявляет шишковский *Цензурный устав* 1826 года¹⁴⁰. Одной из главных задач созданного в том же году III отделения становится «наблюдение за мнением общим и духом народным».

Вместе с языком терминология калькирует французскую, поскольку ориентируется на политику надзора над общественностью

¹³⁸ Академик, член Комитета устройства учебных заведений. Его курс политэкономии для великих князей, компиляция Сэя и Сисмонди, построен на апологии образованного среднего класса: «C'est dans la classe mitoyenne [...] que naissent les lumières, et c'est de là qu'elles se répandent chez les grands et chez le peuple» (*Storch H.* Cour d'économie politique... Ouvrage qui a servi à l'instruction de Leur Altesses Impériales, les Grands-ducs Nicolas et Michel. 2nd éd. Saint-Petersbourg, 1823. P. 34).

¹³⁹ По образцу умеренно либерального «*Edinburgh*» Review, как пишет франкофон Пушкин вместо Edinburgh (А.С. Пушкин — П.А. Катенину, 1826 г., Михайловское // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 261—262).

¹⁴⁰ Цензурный устав 1826 г., гл. 2, § 6 // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 131.

(*surveillance*) наполеоновского министра полиции Жозефа Фуше¹⁴¹. Тайная полиция помещает общее мнение в «средних» или «образованных классах» — это «ученые и литераторы» — и фокусирует на «национальной литературе»: «Высшие слои общества у нас чужды национальной литературе, но весь средний класс, молодежь, военные, даже купцы, все принимают близко к сердцу ее преуспевания, все писатели имеют своих многочисленных сторонников, которые взирают на них как на оракулов общественного мнения»¹⁴².

Литература и появившаяся после 1815 года журналистика¹⁴³ рассматривают «направление общественного мнения» в качестве национальной задачи, видя себя посредниками одновременно «между Европой и Россией, между правительством и народом»¹⁴⁴. «Нам должно [...] предложить себе цель действия и идти к ней твердыми неутомимыми шагами. Какое средство имеем к достижению благородной мечты? Влияние на публику: как похитить это влияние? Изданием журнала. Всякая другая дорога была бы отдаленнее»¹⁴⁵. «Журналистика в наше время все [...] Журнал стоит кафедр»¹⁴⁶. «Журналы образуют и утверждают вкус; они устанавливают общественное мнение»¹⁴⁷.

В политике правительства после 1830 года преобладает прямая «борьба со словами». «Очаги либерализма», нацеленные на то, чтобы «овладеть общественным мнением, т.е. формировать его и давать ему желательное направление», помещаются среди «газетных писак» (*les écrivains*), и прежде всего вне «первого обще-

¹⁴¹ Squire P. The Third Department: The Establishment and Practices of the Political Police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968. P. 39.

¹⁴² Краткий обзор общественного мнения в <1827, 1828 и 1830 г.> // Сидорова М., Шербакова Е. (Сост.) Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827—1869. М., 2006. С. 22, 33, 66 [русский перевод].

¹⁴³ Термин журналист возникает с началом русской регулярной периодики («уверяю тебя неложным словом честного журналиста». — А. Петров — Н. Карамзину, 1785 г. // Русский Архив. 1863. Вып. 5/6. С. 479), журналистика же как коллективное понятие — с 1820-х годов. Временной разрыв, аналогичный литератор vs. литература.

¹⁴⁴ Вяземский П.А. Меморандум «О безмолвии русской печати» [1833] [русский перевод] — цит. по: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. «Сквозь умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд. М., 1986. С. 132.

¹⁴⁵ Вяземский П.А. «Вероятно писано мною по поводу предполагаемого арзамасского журнала» // Арзамас и арзамасские протоколы. С. 239—240.

¹⁴⁶ Белинский В.Г. Письма. Пг., 1914. Т. 2. С. 44.

¹⁴⁷ Плаксин В. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833. С. 338.

ства» столицы, в Москве, где «много дряни»¹⁴⁸. Следуют запрещения *Европейца* (1832), *Московского телеграфа* (1834) и *Телескопа* (1836). Вполне последовательно, ибо программа И.В. Киреевского формулирует от лица «мыслящих людей» альтернативную версию «благомыслия» и «народной образованности» на основе *общего мнения*:

В наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом публики, если, впрочем, не препятствуют тому посторонние обстоятельства, ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако, мы не имеем и что, быв результатом, служит вместе и условием народной образованности, а следовательно и народного благосостояния: я говорю об общем мнении¹⁴⁹.

Пушкин в 1836 году в письме Петру Яковлевичу Чаадаеву, отвергая его оценку национальной истории («клянусь честью, ни за что на свете...» etc.), соглашается с картиной настоящего нации — «absence d'opinion publique» и «mépris cynique pour la pensée»¹⁵⁰. В том же году похожим образом высказался В.А. Жуковский, впервые употребивший при этом термин *интеллигенция* (см. ниже).

Смерть самого Пушкина на следующий год — начало культа жертвенности, важного для метафорики *интеллигенции*¹⁵¹. Дуэль чести истолковывается как оскорбление нации: французский посол де Барант неслучайно вспоминает галлофобию 1812 года; Жуковский констатирует разделение по признаку национального

¹⁴⁸ Сидорова М., Щербакова Е. (Сост.) Россия под надзором. С. 36, 57; Фризман Л.Г. (Подгот.) «Европеец». Журнал И.В. Киреевского, 1832. М., 1989. С. 398. Ср. *les fameux écrivains* в письме в. кн. Константина Павловича Ф. Опочинину (февраль 1826 года) о Пушкине и Кюхельбекере (*Набоков В.В.* Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 439 [русский перевод]).

¹⁴⁹ Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина [1827] // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 1—2.

¹⁵⁰ А.С. Пушкин — П.Я. Чаадаеву, 10 октября 1836 г., Санкт-Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 465.

¹⁵¹ Ср. письмо П.А. Вяземского А.Х. Бенкендорфу по поводу запрета *Европейца* 1832 года: «Всякое запрещение газеты, журнала, который читался бы лишь определенным кругом читателей, становится делом, занимающим всех, и предметом общих разговоров» (Русская литература. 1966. № 4. С. 121—123).

самосознания на «большое» и «малое» или «первое» и «второе общество»¹⁵².

Опция *общего мнения* как *opinion commune* (*правительства и общества или государя и государства*)¹⁵³, представленная *литературой*, что было начато А.П. Сумароковым и продолжено Н.М. Карамзиным («помогать» и «развивать идеи»), перестает быть реальной. Тезис «правительство должно давать литературе жизнь и быть ей другом»¹⁵⁴ становится уже явно архаичным. К началу «мрачного семилетия» (1848—1855) *общее мнение* становится мнением одного *общества*, выраженным литературным критиком-журналистом¹⁵⁵.

Положение вещей от противного откровенно формулирует С.С. Уваров в записке императору: «В России трудно делать решительный вывод касательно общего мнения; потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться»¹⁵⁶.

С послесевастопольской оттепелью сходит на нет и само определение *общее*, вытесненное *общественным мнением* и *общественностью*¹⁵⁷.

¹⁵² В.А. Жуковский — А.Х. Бенкендорфу, [февраль—март 1837 г.] // Жуковский В.А. Собр. соч. Т. 4. С. 617—630. Ср. отклик Андрея Карамзина из Парижа по поводу гибели Пушкина о суждениях «хорошего общества, высшего круга, гостинной аристократии (черт знает, как эту сволочь назвать!)» [А.Н. Карамзин — Е.А. и С.Н. Карамзиным, Париж, 28 (16) февраля 1837 г. — цит. по: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 597 (комментарии В.Э. Вацура и др.)].

¹⁵³ Ср. письмо А.И. Якубовича Николаю I из крепости (1826): «Мнение есть первая сила Государей, оно соединяет и движет Государство [...] но его в России нет, и власть старается как нарочито истреблять и зародыши общего мнения, следствиями сего мы видим разделение в понятиях между Государем и Государством, что должно быть единым» [*Бороздин А.К.* (Ред.) Из писем и показаний декабристов. С. 75].

¹⁵⁴ В.А. Жуковский — А.Х. Бенкендорфу (*Вацура В.Э., Гиллельсон М.И.* «Сквозь умственные плотины». С. 128).

¹⁵⁵ Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М., 2009. С. 25, 56.

¹⁵⁶ Записка С.С. Уварова *О системе чинов в России*, 7 ноября 1848 г. (цит. по: Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 243). Это практически дословно совпадает с мнением издателя запрещенного *Европейца* [И.В. Киреевский — П.А. Вяземскому, 6 декабря 1855 г.: «Мнению русскому, живительному, необходимому для правильного здорового развития всего русского просвещения, не только негде было высказаться, но даже негде было образоваться». — Фризман Л.Г. (Подгот.) «Европеец». С. 478].

¹⁵⁷ Введенное Н.М. Карамзиным слово *общественность* становится более употребительным с 1830-х годов. Ср., например, о средствах, употребленных

Предчувствие интеллигенции

В лексике второй половины николаевского царствования явственен поиск термина, который обозначил бы новую социальную страту. Терминология *общественного* выходит на новую ступень с понятием *прогресса*¹⁵⁸. С другой стороны, исчезает представление об *обществе* как общности, «всенародии». Общественный «организм» составляют теперь позитивистские *слои* (*couches*), *классы* и *среды* (*milieus*)¹⁵⁹. В меняющемся контексте употребления термина *общего мнения*, его «направлении» и «просвещении»¹⁶⁰, уже видна тенденция к превращению его в некое коллективное тело.

Термин *средний слой* занят правительственным языком, и, помимо прочего, подразумевающийся в нем симбиоз *Bildung* и *Besitz* делает его для *общества* неудобно-употребительным¹⁶¹. Белинский подчеркивает границы:

«Петром I-м для развития духа образованной общественности» у А. Башуцкого (Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. С. 70). Но *Kampfbegriff* понятие становится с конца 1850-х годов, когда по обычной схеме термин приобретает из коллективной характеристики, обозначения общежительности или всеобщности, свой современный смысл. Уже у И.Е. Забелина в *Домашнем быте русских царей*: «Мы разумею то общество и ту общественность, которые последнее время [...] стали [...] рассматривать как совершенно особый, самостоятельный элемент народной жизни, стали отделять понятия об [...] общественности народа от понятий о государстве...» (Отечественные записки. 1857. № 9. С. 8). См.: Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX в. М., 2007. С. 7—11, и статью О.Ю. Малиновой в настоящем сборнике.

¹⁵⁸ В позднюю николаевскую эпоху термин *прогресс* изгонялся цензорами (ср. перевод Ф. Гизо «L'idée du progrès, du développement me paraît être l'idée fondamentale contenue sous le mot de civilisation» как «Идея успеха, развития, кажется, есть основная идея, заключающаяся в слове гражданское образование». — История просвещения и гражданского образования. Первая лекция г. Гизо... // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. 438). Ср.: Schmidt Ch. Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland // Historische Zeitschrift. 1996. Bd. 263. H. 1. S. 1—30.

¹⁵⁹ Виноградов В.В. История слов. С. 640—642 (*Слой*).

¹⁶⁰ *Просвещение общего мнения* [1832] И.В. Киреевского [Фризман Л.Г. (Подгот.) «Европеец». С. 18—19].

¹⁶¹ Общая для европейской романтической богемы антибуржуазность (Gay P. Bürger und Boheme: Kunstkriege des 19. Jahrhunderts. München, 1999; Graña C. Social Optimism and Literary Depression // Graña C. Fact and Symbol. Essays in the sociology of art and literature. New York, 1971. P. 4—64) в русском случае соединяла обвинения в необразованности «купчиков» с упреками в не-национальности (сходно с Польшей) нерусской части среднего сословия. Только в конце XIX века появится термин *третий элемент*, под которым имела

Говоря об успехах образования нашего общества, мы говорим об успехах нашей литературы, потому что наше образование есть непосредственное действие нашей литературы на понятия и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто вроде общественного класса в обществе, который от обыкновенного среднего сословия отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий, сблизившихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви к литературе¹⁶².

Остается дать особенному классу особенный термин.

Это происходит уже вне терминологии *общества*. *Мнение* составляет «душу и ум» последнего¹⁶³, но само *общество* рассматривается теперь как *часть* народного/национального тела. Исчезнув из общественного дискурса с падением надежд на национальное представительство, *народное мнение* по-прежнему требует концептуализации. Его трудно отождествить с *литтературой*, которая стала «говорить с обществом языком общества»¹⁶⁴, но не стала от этого «народной». Повышение статуса *народа* было уязвимо сохранением старого «простонародного» содержания в нем¹⁶⁵. Формы выражения *литтературы* не разрешали противоречия, сформулированного И.В. Киреевским: «У нас искать национального — значит искать необразованного»¹⁶⁶.

Иной путь открывало формулирование разумности нации как понятия абстрактного, которое затем могло привязываться к представителям этой разумности. В этом направлении идет уже и

в виду земская интеллигенция, но «символический капитал» знания тут никак не подразумевает финансового.

¹⁶² Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе [1846] // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 9. С. 432.

¹⁶³ «Общество [...] имеет душу, ум, коих требования [...] должны удовлетворяться для полноты человеческого существования» (Клементьев И. Идеал учено-литературного журнала // Библиотека избранных сочинений. Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 8. С. 162).

¹⁶⁴ Белинский В.Г. <Рецензия на 5-е изд-ие «Истории государства Российского»>, 1843 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.. М., 1959. Т. 7. С. 598.

¹⁶⁵ В отличие от польской параллели (источника?), где *lud* («простой народ») обеспечивал разделение смыслов с *naród* («нация»).

¹⁶⁶ Фризман Л.Г. (Подгот.) «Европеец». С. 316—317.

«умственная сила народа» Н.И. Греча¹⁶⁷, и «интеллектуальная национальность» А.И. Тургенева¹⁶⁸. В целом же слово *intelligentia* как выражение высшей разумности, не имевшее лексических аналогов в русском употреблении и широко распространенное в западном, было вне конкуренции.

Как и в предыдущих концептах, особую роль сыграло масонство — понятие *интеллигенция* в философском смысле появляется, по-видимому, в XVIII веке, в текстах Ивана Григорьевича Шварца¹⁶⁹. Пафос самопознания в масонстве по известной связи макро- и микрокосма экстраполировался на «народопознание»¹⁷⁰. В первой трети XIX века *интеллигенция* распространяется в философском лексиконе русского идеализма, вместе с выведенными от корня *intellego* другими терминами — *интеллектуальный* и др.¹⁷¹

В литературном обиходе, мало пока связанном с научным, ключевую роль долго играет, условно говоря, французский «социологический» концепт *intelligence*, сформулированный в 1820-х годах позитивистскими философами и умеренными либералами, прежде всего в кругу кумира эпохи Франсуа Гизо¹⁷². Этот этап обозначает очередной перенос *intelligentia* как высшей разумности на на-

¹⁶⁷ «Умственная сила народа [...] драгоценнейшее достояние человека, важнейший, естели смею сказать, капитал государства» (Греч Н. Обзорение русской литературы 1815 и 1816 гг. // Сын Отечества. 1817. Ч. 34. С. 6). Н.Г. Чернышевский через сорок лет: «важнейший национальный капитал есть запас нравственных сил и умственной развитости в народе» (Чернышевский Н.Г. Статья о речи г. Бабста // Современник. Т. 65. 1857. Критика. С. 79).

¹⁶⁸ «[Гете] — живое выражение всей их (немцев. — Д.С.) интеллектуальной национальности [...] ибо он выражает немцев и в поэзии, и в учености, и в чувстве» [1827] (Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники 1825—1826 гг. М., 1964. С. 19).

¹⁶⁹ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 299; Тукалевский В.Н. Из историй философских направлений в русском обществе XVIII в. // ЖМНП. 1911. № 5. С. 59—60.

¹⁷⁰ «Народопознание столько же трудно, как и самопознание» (Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного [1802] // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 76).

¹⁷¹ Виноградов В.В. История слов. С. 228. *Интеллигенция* появляется и в осуществленном Д. Мином переводе *Божественной комедии* Данте (М., 1855. С. 330). В связи с этим отвергнутая давняя версия Мартина Малия о заимствовании термина поповичами — будущими интеллигентами — непосредственно из латыни имеет право на существование наравне с другими (см.: Malia M. A Note on the Derivation of the Word «Intelligentsia» // Pipes R. The Russian Intelligentsia New York, 1961. P. 18).

¹⁷² В.А. Жуковский тесно общался с Гизо в Париже (Жуковский В.А. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 260—267). Именно этому

цию, чей коллективный разум представляют люди знания. Если в XVIII веке «l'opinion est la Reine du monde» («мнение правит миром»), то к середине XIX столетия «[ist] die Intelligenz zur Weltmacht geworden»¹⁷³ («интеллигенция получила всемирную власть»), — параллельно тому, как позитивистская наука сменяет философию. Со следующим переносом свойства коллективной разумности на обозначение ее представителей появляется концепт собственно социального слоя *intelligence/Intelligenz*, достигающий в Европе расцвета между 1830 и 1870 годами¹⁷⁴. Революции 1830 и 1848 годов переводят дебаты о том, кто должен представлять *интеллигенцию* нации, в политическую плоскость¹⁷⁵.

В применении к русскому материалу термин сначала также опробуется в иноязычных текстах. Либеральная *Revue encyclopédique* замечает в статье об уваровской Академии наук применительно к России (1828): «on y sent partout le besoin de développer l'intelligence nationale»¹⁷⁶. В *Первом философическом письме* П.Я. Чаадаева (1829) элитарная модель общественной миссии знания принимает форму «коллективной интеллигенции»:

Les masses sont soumises à certaines forces placées aux sommités de la société. Elles ne pensent pas elles-mêmes; il y a parmi elles un certain nombre de penseurs qui pensent pour elles, qui donnent l'impulsion à l'intelligence collective de la nation et la font marcher. Tandis que le petit nombre médite, le reste sent, et le mouvement général a lieu.

Снова мы имеем дело с «горизонтом ожидания»: *intelligence* обозначает дефициты в оптимистическом, как в *Revue*, или в пес-

обстоятельству я склонен приписать употребление Жуковским термина *интеллигенция*, в отличие от версии С.О. Шмидта (см. ниже). Так же свободно Жуковский русифицирует в парижском дневнике, например, и *цивилизацию* (Там же. С. 259). Ср. у Ф. Гизо в первой из его знаменитых лекций: «C'est qu'il y a, Messieurs, une force [...] qui au besoin sait se passer d'institutions: la force des idées, de l'intelligence publique, de l'opinion» (Guizot F. Cours d'histoire moderne, Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'empire Romain jusqu'à la Révolution Française, 6me leçon, 23 mai 1828. Paris, 1828. P. 6 [несквозной пагинации]).

¹⁷³ Цитата 1847 года, по: Engelhardt U. «Bildungsbürgertum»: Begriffs- und Dogmengeschichte eines Etiketts. Stuttgart, 1986. S. 122.

¹⁷⁴ Müller O. Intelligencia S. 18.

¹⁷⁵ См.: Livesey J. Speaking the Nation: Radical Republicans and the Failure of Political Communication in 1848 // French Historical Studies. 1997. Vol. 20. № 3. P. 459—480 (с библиографией исследований языка трех французских революций).

¹⁷⁶ Revue encyclopédique. 1828. Т. 37. Janvier. P. 626.

симиристическом, как у Чаадаева, ключе («aujourd'hui, quoi que l'on dise, nous faisons lacune dans l'ordre intellectuel»)¹⁷⁷.

Отсутствие высшего разума нации диагностирует ту же болезнь, что до того отсутствие языка, *литературы*, *мнения* и *общества*: нет социального «чувствилища», «выразителя», — а следственно, мы не единое тело. Нет этого самого «мы»¹⁷⁸.

Первое употребление термина *интеллигенция* на русском языке в «общественном» смысле находим в дневниковой записи В.А. Жуковского за 1836 год, причем именно в таком контексте. Сообщая о пожаре в масленичном балагане со множеством жертв, он пишет далее, как вечером «осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию...». «Никому не пришло в голову [...] что случившееся несчастье есть общее», — и, следовательно, пафос Жуковского в том, что это высшее общество Петербурга не является в действительности *интеллигенцией*, поскольку не выполняет миссию самосознания нации как единого организма:

Наш народ составлен из отдельных лиц, не связанных никаким общим союзом [...] Есть ли какой-нибудь ум в таком холодном бесчувствии к общему [...] На этом всеобщем бесчувствии стоит теперь, пока стоит, самодержавие. Сознание самого себя в нем (в *народе*, надо полагать. — *Д.С.*) пробуждается, но это сознание частное, индивидуальное [...] Они в одном балагане и кажутся одним обществом, но все порознь¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Гершензон М.О. (Ред.) Сочинения и письма П.Я. Чаадаева. М., 1913. Т. 1. С. 83, 85. Скандальная публикация 1836 года в № 15 *Телескопа* дает перевод: «Массы сами не думают; посреди их есть мыслители, которые думают за них, возбуждают *собирательное разумение нации*, и заставляют ее двигаться вперед» и «мы составляем пробел в порядке разумения» (Там же. М., 1914. Т. 2. С. 11, 13). До того, в анонимной публикации Чаадаева 1832 года, переводчик (Н.Х. Кетчер?) использует заимствованный термин: идеи, «коих разум не избрал, но которые были сообщены ему тогда, когда во вселенной создавалась *интеллигенция*» [Нечто из переписки NN (С французского) // *Телескоп*. 1832. № 11. С. 357].

¹⁷⁸ Лейтмотив маркиза де Кюстина — «*Un pays où il n'y pas de nation*» (*Custine A. de. La Russie en 1839. Paris, 1990. Vol. 1. P. 215*).

¹⁷⁹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2004. Т. 14. С. 40—41. Комментарий см.: Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия—Запад—Восток. Встречные течения: К столетию со дня рождения М.П. Алексеева. М., 1996. С. 409—417.

Тут, стало быть, «тоска по нации», о которой Белинский пишет тогда же:

А русские ли мы? [...] Общество живет известною суммою известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова. Вот почему во Франции, Англии, Германии люди, никогда не видевшие друг друга, чуждые друг другу, могут сознать свое родство, обниматься и плакать¹⁸⁰.

Отсутствие «мы», взаимообусловленное с отсутствием общих понятий (Чаадаев писал в том же *Первом философическом письме*: «В наших головах нет решительно ничего общего. Все там обособлено и все там шатко»), — вот диагноз к 1840-м годам.

Вместе с тем альтернативная концепция *интеллигенции* составляет важную часть и «просвещенного консерватизма»¹⁸¹ первой половины XIX века. Более или менее последовательно терминология развита у С.С. Уварова. В ее основе — универсалистское понимание истории в духе того же любимого Уваровым Ф. Гизо. Действующим лицом истории выступает не *народ/нация*, а *intelligence humaine*, сосредоточенная во внациональной просвещенной элите¹⁸² и воплощающая *цивилизацию* Нового времени¹⁸³. Цивилизации знания обязана своей мощью и Российская империя¹⁸⁴.

¹⁸⁰ В.Г. Белинский — В.П. Боткину, 8 августа 1841 г., Санкт-Петербург // *Белинский В.Г. Избр. философ. соч. Т. 1. С. 585—586*.

¹⁸¹ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 354.

¹⁸² «L'empire de l'intelligence doit être, comme l'Elysée des anciens, séparé du monde réel par le fleuve d'oubli» (Notice sur Goethe [1833] // études de philologie et de critique, par M. Ouvaroff, Président de l'Académie Impériale des Sciences etc. 2nd éd. Paris, 1845. P. 373) — «Царство разума/интеллигенции, подобно Елисейским полям древних, должно отделить рекою забвения от мира действительно-го»). Или: «Les hautes classes [...] s'ils se livrent à des études favorites, ils le font sans ostentation et dans le seul but du progrès individuel. Dédaigneux du bruit populaire, ne se laissant pas dominer par le journalisme qui tyrannise l'Europe, ils ne comptent jamais avec l'opinion» (*Ouvaroff S./ Rome. 1843. Saint-Petersbourg, 1845. P. 11*).

¹⁸³ *Ouvaroff S.* La certitude historique est-elle en progrès? Mémoire présenté à l'Académie Impériale des Sciences par son président Mr. le Comte Ouvaroff et lu le 25 Octobre/6 Novembre 1850. Saint-Petersbourg, 1850. P. 15.

¹⁸⁴ «Oui, messieurs, ils sont partout, les dieux de l'intelligence et de la pensée, partout où l'on sent le besoin de leur présence [...] Essentiellement cosmopolites, les sciences ne sont pas, comme les arts de l'imagination, l'apanage exclusif d'une telle

Знание не несет тут функции «выразителя» и не нуждается в социальной репрезентации через «слой» или «класс», а власть служит охранительной инстанцией для консервативной утопии. На фоне этого интеллектуального элитизма Уварова *народность* — категория, относящаяся к новой эпохе масс, *époque sans nom*. *Народность* в этой перспективе имеет лишь прикладную ценность для реализуемого под контролем правительства «народного» или «общественного образования». Последнее смыкается с понятием *цивилизации* («гражданское образование») и составляет, собственно, конечный смысл пресловутой триады¹⁸⁵.

Но в ситуации империи привязка *интеллигенции* к нации приобретает особую значимость. Здесь на русский концепт особое влияние оказывает Центральная Европа. Неслучайно первые случаи печатного употребления термина *интеллигенция* на русском языке в значении социального слоя относятся к империи Габсбургов¹⁸⁶. В германских и габсбургских землях *Intelligenz* становится лозунгом (*Kampfbegriff*) накануне 1848 года в контексте дебатов о репрезентации наций и роли образованности и переходит в западнославянские языки.

ou telle latitude, de tel ou tel peuple [...] N'est ce pas au moyen de la civilisation, sous l'influence des lumières, que cet empire a pu reproduire dans un siècle le long enfantement des monarchies européennes et se déployer majestueusement depuis les bords de la Baltique jusqu'aux rives de l'Araxe?» (<Речь С.С.Уварова> // Séance extraordinaire tenue par l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg en l'honneur de M. le Baron Alexandre de Humboldt du 16 novembre 1829. Saint-Pétersbourg, 1829. P. 7). — «Да, гг., они повсюду, боги разума и мысли [...] Космополитические по самой своей сути, науки, в отличие от искусств воображения — не исключительное достояние той или иной широты, того или иного народа [...] Не цивилизации ли и влиянию просвещения обязана сия империя тем, что смогла за столетие воспроизвести долгое вызревание европейских монархий и величественно раскинулась от берегов Балтики до вод Аракса?»

¹⁸⁵ Выражение *époque sans nom* («эпоха без имени») Уваров заимствует для своей *Заметки о Геме* из одноименного сборника (*Bazin A. L'époque sans nom, esquisses de Paris, 1830—1833. Paris, 1833*). — *Esquisses politiques et littéraires par M. Le Comte Oubaroff. Paris, 1848. P. 225*. См. о «риторике противостояния непосвященному и непросвещенному большинству» у: *Майофис М.Л. Воззвание к Европе. С. 432*.

¹⁸⁶ Характерный контекст в катковском *Русском вестнике*: «Неразрывная связь чешской интеллигенции с сельским населением [...] разрешает вопрос, каким образом могла еще уцелеть чешская народность» (*Ровинский П.П. Чешские народные поэты // Русский Вестник. 1861. Т. 35. Сент. С. 15 [второй пагинации]*). Другие примеры см.: *Müller O. Intelligencija S. 16*.

В польском употреблении язык национального проекта определяет поражение Ноябрьского восстания 1830 года¹⁸⁷. Вскоре термин *inteligencja* впервые употребляется гегельянцем Каролом Либельтом в условиях польско-немецкого противостояния в Познани¹⁸⁸. Затем концепт применяется прежде всего в австрийской Галиции. Через короткое время по принципу домино он фиксируется в контексте польско-украинских конфликтов в украинском языке¹⁸⁹; вскоре появляется в сербской прессе, издаваемой в Австрии; и так далее.

Вопрос о «разумности», и, таким образом, о собственной состоятельности как нации, ставится в имперской ситуации перед «титутельной нацией» перманентно не только вовне, но и внутри. Сконцентрированный в России XVIII века на «иностранным засилье», этот вопрос приобретает новую остроту в польской теме. Уже в 1849 году, идя в Венгерский поход через Галицию, николаевские офицеры знакомятся с термином *интеллигенция*¹⁹⁰. Но настоящая «учеба у врага»¹⁹¹ приходится на следующее столкновение в эпоху Январского восстания (1863—1864). Тогда, при совсем иных уже возможностях *общественного мнения*, слово *интеллигенция* прочно входит в русский лексикон.

По той же логике развития национальный по содержанию концепт объявляется со временем национальным и по форме, став «мифом происхождения» «другой» России: «Наша русская интеллигенция, настолько характерная, что дала иностранным языкам специфическое слово *intelligentsia*»¹⁹².

¹⁸⁷ *Janowski M. Narodziny inteligencji, 1750—1831 // Jedlicki J. (Red.) Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918. Warszawa, 2008. T. 1. S. 237*.

¹⁸⁸ *Wójcik Z. Rozwój pojęcia inteligencji. Wrocław, 1962. S. 21*.

¹⁸⁹ «Закидали нам що не маємо светлых мужей так званої інтелігенції [...] Всесьмо видели що ся знайшла и інтелігенція и що мова наша добре и високо выроблена» (*Головацкий Я. (Сост.) Исторический очерк основания Галицко-Руской матице и справозданье первого сбору ученых русских и любителей народного просвещения. Львов, 1850. С. CXVII*).

¹⁹⁰ Если принять на слово клятвенные заверения, что текст походного дневника не был изменен (*Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854—56, 1877—78 годах. Ч. 1: Венгерская война. Самара, 1888. С. 15: «Чем глубже проникали мы в Галицию, тем радушнее встречали прием не только от крестьян, но и со стороны интеллигенции»*). Судя по контексту, имеются в виду русины — благодарю М.Д. Долбилова за это замечание.

¹⁹¹ *Aust M., Schönpflug D. (Hrsg.) Vom Gegner lernen. Feindschaften und Kulturtransfers im Europa des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt. 2007*.

¹⁹² *Вересаев В.В. О Качалове // Литературная газета. 1945. 10 февр. № 7*.

О чем речь: контекст и выводы

(Пред)история понятия *интеллигенция* вписана в осознание социальной сферы как особого пространства, собственно пространства истории в ее теперешнем понимании. Именно знание об этом создает *интеллигенцию*. В образовании понятий, описывающих роль нового знания, действует схема, центральная для «большого переломного времени» Европы XVII — первой половины XIX века: от сущности — к множественности; от «единого мистического тела» христианства — к поиску ему замен (см. Предисловие к настоящему сборнику) и новых форм его представления.

Точка отсчета смещается с человека, который включался «в разнообразные холистические общности, находившиеся между собой в запутанных отношениях»¹⁹³, — к отвлечению от конкретного личного опыта. Происходит замена перспективы на внешние пространственные представления в рамках «социального»¹⁹⁴. Ближайшая хрестоматийная параллель — смена «обратной перспективы» Средневековья на прямую Ренессанса.

С этой переменной сфера «личного опыта», о которой говорит Козеллек, действительно потускнела — при этом новые «горизонты ожидания» были по определению коллективными. «Переломное время» тогда следует понимать прежде всего как переменную в антропологии истории, а не в представлениях о механике исторического процесса.

Как и в других случаях, арсенал современных ключевых понятий возникает в России параллельно оформлению образованного сообщества, которое на нем говорит¹⁹⁵. Процесс называния мира *интеллигенцией* — панъевропейский, который везде, не только в России, замечен по жалобам о «повреждении» языка и заимствовании чужого. Суету со словами, *abuse of words*, Джон Локк связывает в 1690 году с новыми «ковачами слов», *learned men*¹⁹⁶. Жалобы на *l'abus de mots* французских *gens de lettres*, ссылающихся на «твердые»

¹⁹³ Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или Как возникло социальное // Конструирование социального. Европа, V—XVI вв. М., 2001. С. 135—159.

¹⁹⁴ См.: Копосов Н. Е. Как думают историки? М., 2001.

¹⁹⁵ Ср. параллель между «переводом» понятий на язык модерна и формированием образованного сословия (*Gebildete*) в Германии (*Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Stuttgart, 1972. Bd. 1. S. XVI*).

¹⁹⁶ *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding [1690]. L., 1735. P. 89 (Book III: Of Words, chap. 10: Of the Abuse of Words)*.

дефиниции англичан, продолжают весь XVIII век и в начале следующего столетия¹⁹⁷. Становление немецких ключевых понятий в борении с галлицизмами растянулось с середины XVIII века на столетие вперед. Двухязычный русский образованный человек берет французский язык за эталон, хотя проницательные умы уже в XVIII веке догадываются, что сам источник мутен¹⁹⁸.

Как и везде, введение цензуры свидетельствует в России о постепенном расхождении языка людей знания с языком власти, о попытках контролировать строительные материалы «здания нового русского слова»¹⁹⁹ через сетку *indices verborum prohibitorum*. К середине XIX века практически по всей Европе²⁰⁰ общество уже использует новый «литературный» язык; история понятий становится «внутренней» историей *интеллигенции*. В то же время уже со второй половины XIX века комплекс «общественного человека» начинает ставиться под сомнение, а с ним и система понятий, к «обществу» привязанных.

Если вовне, для «общества», люди знания формулировали понятия рационализуемые, то в самоописании мира мысли «резонирования» меньше всего. Основу составляет антропоморфная схема и ключевой для европейской культуры принцип переноса/*translatio*. Личный опыт «внутреннего человека», выраженный в первоначальной *intelligentia* неоплатоников²⁰¹, переносится последовательно на лиц, претендующих на роль главного мыслящего субъекта истории — *государство/правительство, общество* и его отдельные элементы, *нацию/народ*, слой, класс. В идеале — чтобы «мыслящее тело превратилось в улицу, в страну».

¹⁹⁷ *Ricken U. Réflexions du XVIIIe siècle sur «l'abus des mots» // Mots. 1982. № 4. P. 29—45; Reichardt R. Einleitung // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe. München, 1985. H. 1/2. S. 40—50.*

¹⁹⁸ Фонвизин Д. И. Опыт российского словника [1783] // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 231. Характерно, что ссылка на запутанность и французского источника касается у Фонвизина куста интеллектуальных понятий (*ум, разум, разумеение* и т. п.), подтверждая тезис Ле Гоффа о том, что «терминология мира мысли всегда была туманной».

¹⁹⁹ Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. С. III (предисловие издателя).

²⁰⁰ И. С. Тургенев провозглашает устами одного из героев в романе *Дым* (1867): «Понятия привились и усвоились» (см. об этом: Плотников Н. Язык русской философской традиции. История понятий как форма исторической и философской рефлексии // НЛЮ. 2010. № 102. С. 71—88). Немаловажно, что к 1860-м годам Россия получает и полный «вернакулярный» перевод Священного Писания.

²⁰¹ *Müller O. Intelligencija S. 33.*

Перенос происходит в общении, и в нашем случае справедливость тезиса о том, что «социальное обретает форму только в процессе коммуникации»²⁰², очевидна уже на семантическом уровне. Ведь *intelligentia* обозначает, наряду с высшей разумностью, с XV—XVI веков и область коммуникации, информации, общего согласия (*concordia*)²⁰³. Именно этот смысл первым появляется в России в петровском языке²⁰⁴.

Наряду с метафорикой механизма, «регулярства», *правительство* продолжало использовать для легитимизации старых и мобилизации новых концептов традиционную патриархальную метафору семьи. Она не могла быть чужда и большинству создателей цитированных текстов, живших (или живавших временами) помещиками в своих малых *отечествах*. Что и проявляется, безусловно, в формулировке *народа*. Но для самохарактеристики людей знания здесь не хватает «горизонта ожидания». Так что если речь и идет о семейных метафорах, то скорее о «братстве» или «дружестве» в горизонтальной плоскости, часто в универсальном понимании (*les amis de l'humanité*).

Преимущественно эксплуатируется значительно более экспрессивная метафорика единого тела, восходящая к сакральному концепту церкви. В нашем случае это коллективный разум/душа «политического тела»/*corps politique* «общества» или «народа»/«нации». С личности на общность переносятся поэтапно атрибуты *просвещенности*, *словесности* и прямой разумности. В последних двух случаях отвлеченности «славного сводника» — суффикса *ость*²⁰⁵ — для передачи новизны перенесенного на русскую почву смысла оказывается недостаточно. Наряду с русскими эквивалентами потребовались еще и заимствованные концепты *литтературы* и *интеллигенции*.

Сначала сакральность власти уполномочивала ее описывать социальный мир, но довольно скоро эта функция оказалась монополизирована исполнителями, людьми знания²⁰⁶. В отличие от

²⁰² Pietrow-Ennker B. Einleitung: Voraussetzungen und Formen des Perspektivwechsels // Pietrow-Ennker B. (Hrsg.) Kultur in der Geschichte Russlands: Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten. Göttingen, 2007. S. 20.

²⁰³ Müller O. Intelligencija. S. 37—38

²⁰⁴ «...Не была ли какая-нибудь секретная интеллигенция с старым Ихтимат-Девлетом» (Реляция Ф. Беневени из Тегерана 25 мая 1721 г. // Записки Русского географического общества. Кн. 9. 1853. С. 364).

²⁰⁵ См.: Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стиля. С. 314.

²⁰⁶ «Необходимость и возможность иметь глобальный образ общества проистекает из склонности разума рассматривать мир не только изнутри, с точки

понятийного языка личного опыта в христианском Средневековье, социальное тело обретает контуры от внешнего к внутреннему: сначала форма (*общество*), потом атрибуты (*словесность*), и только в завершении — коллективный ум.

Разумность как главный критерий «души» коллективного тела смогла утвердиться в конкуренции с другими соображениями: регулярства («порядок — душа общества»²⁰⁷), политической экономии («земледельцы суть душа общества»²⁰⁸), морализма («добродетель есть душа общества»²⁰⁹), светского *savoir vivre* («герой преферанса или душа общества»).

В этом утверждении большую роль играет эмоционализация понятий²¹⁰. «Электризирующий» эффект²¹¹ новых слов построен на их соотносительности с эмоциональной общностью и намеренно отвлеченном содержании. Оспаривание разумности у *правительства* сказывается в том, что язык власти эмоционально обесцвечивается. Образцы высокого стиля в шишковских манифестах 1812 года уступают место канцеляризмам. Концепт *империи* лишен атрибутов органичности и разумности — собственно, предполагая, он и не становится концептом вовсе, оставаясь официальным термином. Попытки отойти от дворянского *общества*, поместить «душу империи» в сконструированной середине или просвещенном чиновничестве («душа административного корпуса» С.С. Уварова) не приживаются.

Понятие *общества*, предлагаемое властью, и ее административный язык становятся таким — «скудным» — с восхождением *нации*. Как в визуальном языке классицизм на первых порах выражает уже новые, национальные смыслы, так и лексикон *общества* суще-

зрения действующего в нем субъекта, но и извне, с точки зрения внешнего наблюдателя, полагающего мир как объект познания. В Средние века и раннее Новое время такое дополнительное видение извне приписывалось Богу или его наместнику на земле — королю, а в более позднюю эпоху — ученому» [Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001) // Одиссей. Человек в истории, 2003. М., 2003. С. 318].

²⁰⁷ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России [1788—1789]. 2-е изд. М., 1840. Т. 13. С. 298.

²⁰⁸ В комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы примечание (читано 5 мая 1768 г.) // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 32. С. 407.

²⁰⁹ Эмин Ф. Письма Эрнеста и Доравры. СПб., 1766. Ч. 4. С. 37.

²¹⁰ Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 65—93.

ствуется параллельно и постепенно переходит, не сливаясь с ним, в лексикон *нации*. Люди знания формулируют этот последний, объединив «самопознание» с «народопознанием»²¹². Даже запоздалая адаптация *народности* для нужд империи — дело рук «интеллигента» во власти, имеющего свои личные приоритеты. В этом контексте *народ* в русском употреблении становится рамочной формой репрезентации новой социальной роли знания, с центром в «классической литературе»²¹³ и *интеллигенции*.

Тут, в конце, вернемся к началу — об *интеллигенции* как репрезентации новой роли знания. Есть известная специфика периода, проблематика «поэта и толпы», привязанная к культуре дворянского салонного *общества*. Но, в общем, получается вот что: в системе общественно-политических понятий люди знания конституировали системы, из которых себя исключали. Творец не может быть в одной плоскости с тварным. Как гражданин он подчиняется законам, как подданный — монарху, но мир мысли возможен только автономным — «пиши в тишине самовластия»²¹⁴. Тут Пушкин совпадает с Уваровым: «царство разума/интеллигенции должно быть отделено от мира действительного»²¹⁵. Да, приложение этого «самовластия» разное: Уваров ставит на одну власть, Пушкин на другую. Но в нашем контексте важно общее: человек знания выводит себя за рамки отношений репрезентации, сущностны для него только разные формы — прямой — власти.

Неизбежны последствия в семантическом поле: раздающий имена не имеет имени. У источника категорий цепче всего держатся уникальность, индивидуальность, сопротивляемость классификации. В отсутствие внешних административных, фискальных и прочих рамок, определяющих статус (вспомним рапорты парижского инспектора о литераторах у Роберта Дарнтон — «умный парень, но невероятно опасный» о 37-летнем Дидро), концептуализация сообщества людей знания — неустойчивая, непоследова-

²¹² «Portrait of the Russian folk [...] was in a sense [...] a self-portrait of the Russian intelligentsia» (Rogger H. National Consciousness. P. 159). Немота и непрозрачность *народа* делали его, как следует далее из тезисов Роггера, главным объектом в этом процессе самосознания (Ibid. P. 185).

²¹³ Ср.: Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Banac I., Ackerman J.G., Szporluk R. (Ed.) Nation and Ideology. Essays in Honor of W.S. Vuchinich. New York, 1981. P. 315—334.

²¹⁴ См. примеч. 10.

²¹⁵ См. примеч. 182.

тельная и не всеобщая. Где-то спорадическая, существующая лишь в определенный период, где-то совсем притушеванная²¹⁶.

Интеллигенция первой же начинает распадаться. Социально-исторические причины играют свою роль: конкуренция людей знания с людьми дела, частичная утрата знанием статуса эксклюзивного капитала, смена «выразителей» экспертами. С точки же зрения истории понятий концептуализация мира мысли первой отражает перемены картины общества в пространстве и его движения во времени, начинающиеся практически вслед за окончанием «большого переломного времени». Об этом надеюсь поговорить в следующей статье.

²¹⁶ См.: Ringer F. Fields of knowledge: French Academic Culture in Comparative Perspective. Cambridge, 1992; Sdvižkov D. Das Zeitalter der Intelligenz.

Ольга Юрьевна Малинова

Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности

Настоящая статья посвящена анализу понятий, в которых отражались практики публичной коммуникации и общественной самодеятельности, формировавшиеся и развивавшиеся в России в середине XIX — начале XX века. В социологии эти практики принято описывать с помощью концепций *публичной сферы* и *гражданского общества*, разработанных преимущественно на западно-европейском материале. Их приложение к России (имперского, советского и постсоветского периода) оказывается проблематичным в силу очевидных несоответствий между описываемыми ими идеально-типическими моделями и отечественными реалиями. Данное обстоятельство побуждает историков и социологов к поиску вариантов кросс-культурного перевода общих понятий и выявлению российских социально-культурных практик, которые так или иначе вписываются в общепринятые представления о *гражданском обществе* и *публичной сфере*, хотя и имеют иное вербальное определение¹. Мы попытаемся развить этот подход, опираясь на методы,

разработанные в рамках истории понятий, рассматривающей изменения смыслов ключевых социальных терминов в качестве не только отражения стоящих за ними отношений, но и факторов, которые в какой-то мере определяют развитие самих отношений, устанавливая рамки «понятного», а значит — ожидаемого и возможного.

В основу нашего исследования положен обширный массив текстов, посвященных теме отношения России к Европе, которые были опубликованы (преимущественно, хотя и не исключительно) в периодической печати и охватывают период с середины 1830-х годов до 1917 года. Поскольку споры о России и Европе на протяжении большей части рассматриваемого периода (а именно в 1830—1890-х годах) находились в центре общественного внимания и переплетались с обсуждением многих актуальных проблем, есть основания полагать, что выступления их участников дают достаточно полное представление о системе понятий, описывавших опыт публичных коммуникаций и ожидания, связанные с его развитием. Материал, относящийся к началу XX века, менее репрезентативен в силу того, что тема отношения к Западу в этот период утратила былую актуальность, уступив другим, более насущным проблемам; однако он позволяет проследить некоторые новые тенденции в использовании выделенных понятий. Наконец, изученный массив дает возможность сделать некоторые наблюдения и относительно отражения в языке практик, связанных с развитием гражданской самодеятельности, однако здесь наши выводы будут иметь характер предположений, нуждающихся в дальнейшей проверке.

Публичная сфера и гражданское общество: уточнение рабочих определений

Прежде чем перейти к описанию и анализу понятий, которыми оперировало русское общество середины XIX — начала XX века, необходимо кратко пояснить, какое содержание вкладывается нами

¹ Пример такого подхода — проект американских историков, посвященный анализу новых моделей социальной идентичности, способных определить и, возможно, объединить «средние группы» позднеимперского российского общества (Clowes E.W., Kassov S.D., West J.L. (Ed.) *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991). Авторам этого проекта принадлежала идея провести аналогию между понятиями *гражданское общество* и *общественность* (Clowes E.W., Kassov S.D., West J.L. Introduction: the Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society // Ibid. P. 3—4). Данная идея была подхвачена российским социологом В. Волковым (Волков В. *Общественность: забытая практика гражданского общества* // Pro et contra. 1997. Т. 1. № 4). См. также: Häfner L. «The Temple of Idleness»: Associations and the Public Sphere in Provincial Russia. A Case Study of Saratov, 1800—1917 // McCaffrey S.P., Melancon M. (Eds.) *Russia in the European Context: A Member of the Family*. New York etc., 2005. P. 141—160; Пиетров-Энгер Б., Ульянова Г.Н. (Отв. ред.) *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*. М., 2007; Туманова А.С.

Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; и др. Нельзя также не отметить и фундаментальную монографию В.Я. Гросула, прослеживающую эволюцию русского общества как особой социальной прослойки, располагающейся между властью и народом (Гросул В.Я. *Русское общество XVIII—XIX веков: Традиции и новации*. М., 2003).

в концепты *публичной сферы* и *гражданского общества*, функциональные аналоги которых мы будем исследовать.

Объектом нашего внимания будет прежде всего *публичная сфера* как некое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется *общественное мнение*, конструируются и переопределяются коллективные идентичности.

В литературе представлены различные подходы к интерпретации данного понятия. Водоразделом служит вопрос о том, следует ли выделять *публичную сферу*, ориентируясь на некие функции или же на определенное качество их «исполнения». В социологической литературе преобладает нормативный подход, опирающийся на концепцию Юргена Хабермаса. В поисках институциональной среды, где частные лица могли бы «использовать собственный разум для решения общественных проблем» (по Канту), современный немецкий философ описал формирование буржуазной *публичной сферы* в Западной Европе (XVII—XVIII веков) и ее последующую трансформацию². Согласно концепции Хабермаса, устройство идеальной *публичной сферы* должно создавать условия для *рационально-критического дискурса* о политических проблемах, решающую роль в котором играют аргументы, а не социальный статус или традиции. Данный подход, с одной стороны, фокусируется на исторически-особенном типе буржуазной *публичной сферы*, а с другой — служит инструментом критики современных демократических практик.

Вместе с тем возможен и дескриптивный подход к изучению различных типов *публичных сфер*, в том числе — отличающихся от модели, описанной Хабермасом. В качестве примера такого подхода можно привести работы Шмуэля Эйзенштадта и его коллег, использовавших данное понятие в исследованиях процесса модернизации в незападных обществах³. Согласно их концепции,

...публичная сфера, хотя и не обязательно напоминающая «гражданское общество», возникает в любой более или менее сложной цивилизации, где есть определенный уровень грамотности. Это — сфера, расположенная *между* частной и официальной, она расши-

² Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mass.), 1993.

³ Eisenstadt S.N., Schluchter W., Wittrock B. (Ed.) Public Spheres à Collective Identities. New Brunswick etc., 2001.

ряется и сжимается по мере включения в нее профессиональной страты (carrier strata), не входящей в состав правящего класса⁴.

Данное понятие указывает на наличие *площадок, где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес*. Предполагается, что такие площадки не только автономны от сферы государственного управления, но и в большей или меньшей степени открыты для основных групп, составляющих общество. *Публичная сфера* может быть локализована в различных институтах. Она конституируется множеством частично пересекающихся *публик*, границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем.

Второй подход представляется нам более продуктивным для анализа особенностей *публичной сферы* в России: он ориентирует на выявление социальных институтов, в рамках которых происходило обсуждение общественно значимых проблем, примерного состава участников таких дискуссий, а также их целей и стратегий. Таким образом, дескриптивный подход позволяет анализировать институты и практики, существенно отличающиеся от идеально-типических моделей, что и имеет место в нашем случае⁵. В то же время он позволяет разработать критерии для оценки состояния и изменения *публичной сферы* в конкретном обществе. В качестве таковых могут выступать: степень автономии *публичной сферы* от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов общества, ее фрагментированность, структура каналов коммуникации (сочетание «живого» обсуждения и общения посредством печатных текстов, особенности циркуляции последних) и так далее.

Не углубляясь в терминологические дискуссии, отражающие различные подходы к определению *гражданского общества*, вслед за немецким историком Юргеном Коккой мы будем различать три взаимосвязанных аспекта данного понятия: 1) *гражданское общество* как определенный *тип социального действия*, 2) как *сферу*

⁴ Ibid. P. 11.

⁵ Как справедливо подчеркивают С. Маккэфри и М. Меланкон, «Россия долгого XIX века — это своеобразная лаборатория для изучения рождения публичной сферы в отсутствие республиканских институтов» (McCaffrey S.P., Melancon M. Introduction: A Member of the Family — Russia's Place in Europe, 1789—1914 // McCaffrey S.P., Melancon M. (eds.) Russia in the European Context. P. 7).

общественной жизни, отличающуюся от экономической, государственной и приватно-семейной сфер, хотя и связанную с ними, 3) как *утопический проект*, который служит орудием критики реальности⁶. По-видимому, для нашего анализа наибольшее значение может иметь первый из выделенных аспектов: хотя в результате реформ 1860—1870-х годов в России и начала формироваться сфера, напоминающая *гражданское общество* во втором смысле, к 1917 году ее институционализация была далека от завершения. Трудно выделить и масштабные идеологические проекты, которые бы очевидным образом опирались на утопию *гражданского общества*. Однако многие признаки указывают на постепенное становление нового типа социального действия, отличающегося, с одной стороны, от отношений солидарности, организованных по принципу родства, а с другой — от бюрократической модели коллективных действий, предполагающей безличные способы организации и координации⁷. Различия между этими типами социального действия становились предметом рефлексии, стимулируя изменения в языке, которые мы и попытаемся выявить методами истории понятий.

Особенности институтов и практик публичной коммуникации в России середины XIX — начала XX века и их отражение в понятиях

Российские институты и практики публичной коммуникации весьма существенно отличались от французских, германских и британских аналогов, послуживших моделями для разработки описанных выше понятий. Социальные, экономические и политические

⁶ Kocka J. Civil Society from a Historical Perspective // European Review. 2004. Vol. 12. № 1. P. 68—69.

⁷ В качестве отличительных характеристик типа социального действия, ассоциирующегося с *гражданским обществом*, Кокка выделяет: 1) ориентацию на компромисс и достижение понимания в обществе (*understanding in public*), 2) упор на независимость индивидов и самоорганизацию, 3) принципиальную установку на плюрализм интересов, взглядов и подходов, 4) ненасильственные методы, 5) ориентацию на общее благо (пусть и по-разному понимаемое) — Ibid. P. 69. Российские практики во многом отличались от этой идеально-типической модели. Вместе с тем, как мы попытаемся показать, она имела нормативное значение, определяя представления о желанных перспективах.

условия периферийной империи не способствовали свободному рационально-критическому обсуждению общественно значимых проблем. Круг дозволенных тем определялся властями, выход за его пределы грозил суровыми санкциями, правительство упорно отказывалось признать право *общественности* не только влиять на принятие решений, но даже оценивать их. И тем не менее по крайней мере с середины XVIII века в России начинают складываться автономные от сферы государственного управления и не вполне совпадающие с пространством частной жизни площадки, на которых обсуждались проблемы, представляющие общественный интерес⁸. На протяжении XIX века эта *публичная сфера* расширялась и приобретала новые институциональные очертания, сохраняя тем не менее ряд существенных отличий от институтов и практик тех западноевропейских стран, которые неизменно служили для ее участников объектами соотнесения.

Как и во всяком современном обществе, в России *публичная сфера* представляла собой комбинацию более или менее институционализированных площадок для «живого» общения и виртуальной среды письменных текстов. Круг ее участников — относительно тонкий слой *образованного общества*, расширение которого сдерживалось сословными рамками, сохранением до 1861 года крепостного права, огромными расстояниями, бедностью основной массы населения, относительно слабой социальной мобильностью и другими факторами. Состав *образованного общества* был достаточно пестрым: в него входили и люди, состоявшие на разных ступенях государственной службы (военной и гражданской), и обеспеченные — а потому независимые от государства помещики, и духовные лица, и те, для кого литературный труд был главным источником средств к существованию. По мере распространения грамотности ряды читателей пополнялись немногочисленными представителями городских «низов» и крестьянства; однако это обстоятельство никоим образом не стирало отразившееся в понятиях различие между *образованным обществом* (позднее — *интеллигенцией*) и *народом*: круг «народного чтения» был довольно

⁸ См.: Пиетров-Энгер Б., Ульянова Г.Н. (Отв. ред.) Гражданская идентичность; Туманова А.С. Общественные организации; Каплун В.Л. Что такое Просвещение? — Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичная сфера, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М., 2007; Вязовик Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно-охранительного дискурса начала XIX столетия // Там же.

специфичен⁹, поэтому, несмотря на некоторые успехи в распространении грамотности в начале XX века — впрочем, весьма скромные, — едва ли есть основания говорить о формировании в России единой *публичной сферы*, доступ в которую был бы технически открыт для большинства взрослого населения¹⁰. Вплоть до конца XIX века практики, описываемые концепцией *публичной сферы*, связывались преимущественно с *обществом*. Примечательно, что Иван Сергеевич Аксаков, предложивший в 1860-х годах оригинальную теорию *общества* как самостоятельной «стихии», взаимодействующей с *государством* и *народом*, в качестве отличительного признака такового выделял именно участие в публичной коммуникации посредством печатного слова:

В том-то и дело, в том-то и сила, что общество создается не верхним и не средним сословием, не мужиками и не дворянами, а создают его только образованные люди или, вернее, люди всех сословий и состояний безразлично, — *связанные между собой тем уровнем образования, при котором становится возможным деятельность общественная* (выделено мною. — О.М.), выражающаяся в наше время в литературе¹¹.

В начале XX века за счет постепенного роста социальной мобильности и грамотности, а более всего — благодаря политической школе первой русской революции, водораздел между *обществом* и *народом* стал более проницаемым. Неслучайно в этот период актуальным становится поиск понятий, способных выступать в роли их общего знаменателя. Например, Николай Александрович Бердяев находил таковой в *нации*: «Народ почти всегда понимался русской

⁹ См.: Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912; Личков Л. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Русская мысль. 1896. № 1. С. 33—46; № 2. С. 28—46; и др.

¹⁰ Разумеется, политическая коммуникация имела место и в *народной* среде, однако в XIX веке она осуществлялась по устным каналам (церковные приходы, сельские сходы, ярмарки, базары, розничные торговцы-офени, переносившие не только товары, но и слухи, и др.), которые не совпадали с институтами публичной сферы *образованного общества* (см.: Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX — начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 113—115).

¹¹ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. Подробнее о теории Аксакова см.: Цимбалов Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 167—215; Гросул В.Я. Русское общество. С. 294—305.

интеллигенцией в социальном и классовом смысле, народ это — простонародье, крестьяне и рабочие», — писал он. Однако «в основе отношения к общественности должна лежать идея *нации* наравне с идеей *личности*», причем *нация* должна быть «выше крестьянства, пролетариата, интеллигенции, бюрократии, буржуазии, дворянства»¹².

Разумеется, такой подход разделялся не всеми. Понятия *нация*, *общество*, *народ* использовались в разных комбинациях; каждое из них могло рассматриваться как целое, включающее полностью или частично два других¹³. Тем не менее до 1917 года разрыв между *обществом* и *народом* так и не удалось преодолеть, и причины этого были связаны не только с социальными и этноконфессиональными различиями, существовавшими в Российской империи, но и с очевидной фрагментированностью пространства публичных коммуникаций.

Подобно многим другим странам, вступавшим на путь модернизации, Россия сталкивалась с проблемой разрыва между количеством образованных людей и их социальной востребованностью. Вплоть до середины XIX века этот разрыв порождал феномен «лишних людей», воплотившийся в целой галерее образов русской литературы. Благодаря реформам 1860-х годов и последовавшему за ними экономическому росту к концу XIX века состав *образованного общества* изменился не только количественно, но и качественно: развитие промышленности и торговли, специализация управления, развитие местного самоуправления стимулировали спрос на квалифицированные кадры и способствовали профессионализации интеллектуального труда.

Постепенный рост *образованного слоя* стимулировал развитие издательского дела и журналистики. По наблюдению Николая Валентиновича Рязановского, издательская деятельность была одной из немногих отраслей в России того времени, существовавшей по вполне капиталистическим принципам¹⁴; она становилась все более

¹² Бердяев Н.А. К вопросу об интеллигенции и нации // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 131.

¹³ К примеру, известный идеолог русского национализма М.О. Меньшиков в 1914 году, рассуждая о строительстве нации, писал: «Весь народ национален, и даже русское *общество*, если выкинуть из него озлобленную часть инородцев». *Общество* здесь часть *народа*, но не все оно входит в состав *нации* (Меньшиков М.О. Дело нации // Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 174).

¹⁴ Riazanovsky N.V. A Parting of Ways. Government and Educated Public in Russia, 1801—1855. Oxford, 1976. P. 276.

независимой от государства и поддерживалась преимущественно за счет читающей публики. Однако конкуренция в условиях ограниченного рынка была достаточно жесткой, и лишь немногим периодическим изданиям удавалось выживать подолгу — не только по политическим, но и по экономическим причинам. Тиражи периодических изданий были невысоки: в 1830—1850-х годах в среднем они колебались между 300 и 1000 экземпляров¹⁵. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х годов рынок периодических изданий заметно оживился. Широкое распространение получили возникшие еще в 1830-х годах «толстые журналы», представлявшие собой специфически российский феномен. В отличие от более специализированных западноевропейских изданий, они были рассчитаны на широкий круг читателей и включали самую разную информацию: помимо произведений изящной словесности и публицистических статей на злободневные темы, в них печатались статьи по истории, филологии, экономике, географии, правоведению, этнографии и так далее. По словам составителя *Указателя журнальной литературы* Николая Алексеевича Ульянова, они утоляли «острую, особенно для провинции острую, потребность — следить за умственной жизнью всего человечества. Внес подписную плату и на целый год обеспечен в этом отношении статьями “своего” журнала»¹⁶. Толстые журналы выполняли просвещенческую миссию, выражали общественное мнение и формировали социальную идентичность русской интеллигенции. Многие журналы оказывались «рупорами» воззрений, разделяемых определенными группами людей.

К концу XIX века заметную конкуренцию журналам стали составлять газеты¹⁷. Другая альтернатива журналам возникла в лице альманахов и «идейных» сборников, которые, по оценке Модеста Колерова, на рубеже XIX—XX веков сложились в специальный институт общественной мысли, игравший роль «компактных манифестов, практических энциклопедий, литературных инкубаторов идейной консолидации»¹⁸. Сборники объединяли единомышлен-

¹⁵ Riazanovsky N.V. A Parting of Ways. Government and Educated Public in Russia, 1801—1855. Oxford, 1976. P. 279—280.

¹⁶ Ульянов Н.А. Задача указателя журнальной литературы // Ульянов Н.А. Указатель журнальной литературы. Вып. 1: 1906—1910 гг. М., 1911. С. 5.

¹⁷ См.: McReynolds L. The News Under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton (N.J.), 1991.

¹⁸ Колеров М. Предисловие // Колеров М. Индустрия идей. (Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947). М., 2000. С. 12.

ников, позволяя высказываться по актуальным общественным, экономическим и политическим вопросам.

Российская печать существовала в условиях цензуры. Область дозволенного, по удачному определению Владимира Александровича Розенберга, «колебалась в значительных границах, всегда однако приближаясь к минимальному пределу»¹⁹. Цензурные правила на протяжении рассматриваемого периода неоднократно менялись. Но неизменным оставался принцип запрета на печатное обсуждение широкого (хотя и варьировавшегося) круга тем, начиная от всего, что имело отношение к правительственной и административной деятельности, и заканчивая информацией о различных сферах общественной жизни, которая, по мнению властей, могла заключать в себе признаки «вредного направления». В результате «о многих событиях русской жизни, — не таких, которые составляют дипломатическую или только канцелярскую тайну, а о таких, которые совершаются у всех на глазах, на улицах, в общественных собраниях и других доступных публике местах, — русская печать» давала «отчет лишь по воспоминаниям современников»²⁰. Неудивительно, что проблема *гласности*, расширения возможности свободно высказывать свои мысли была одной из главных забот общества.

Аренами *публичного дискурса* были не только печатные издания, но и многочисленные площадки, на которых происходили «живые» дискуссии. По цензурным условиям некоторые темы можно было обсуждать только в частных беседах и письмах. Салоны²¹ были частью светской среды, в которую приглашались избранные. В них собирались люди из круга, введенного в дом хозяина. Общность интересов не была единственным критерием отбора участников:

¹⁹ Розенберг В. Пресса, цензура, общество // Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 93. Существует обширная литература, посвященная истории цензуры и журналистики, начало которой было положено еще до 1917 года, — см.: Арсеньев К. Русская печать на рубеже третьего тысячелетия своего существования // Право. 1903. № 1, 2; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать; и др.

²⁰ Якушкин В. Из истории русской цензуры // Розенберг В., Якушкин В. Русская печать. С. 88.

²¹ Интересная информация о практиках литературных салонов и кружков середины XIX века собрана в книге М. Аронсона и С. Рейсера, написанной в конце 1920-х годов: Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 22—102.

появление в салоне могло быть обусловлено семейными связями, положением в свете, случайным знакомством. Иной тип объединения представляли собой кружки и общества — небольшие, обычно приятельские собрания, устраиваемые регулярно с целью обсуждения литературных, философских, исторических и прочих проблем; они имели более постоянный (и более закрытый) состав участников и предполагали некоторую дисциплину. Цели кружков варьировались от самообразования и обсуждения первых литературных опытов их участников до «политики». Были и другие площадки, на которых происходило интеллектуальное общение — публичные лекции в университетах, ученые общества, клубы и кофейни, торжественные обеды, юбилеи, благотворительные публичные чтения, книжные лавки, где за поисками нужных изданий проводили время книгочеи, и другие.

Строгости цензуры компенсировались практикой обращения рукописных списков стихотворений, эссе, статей, записок, писем и так далее. В рукописях ходило не только то, что не могло быть пропущено цензурой: порой дешевле было сделать копию, чем купить книгу или найти издателя для собственного произведения. Возможно, поэтому власти поначалу не придавали большого значения этому каналу распространения текстов. По оценке Сидни Монаса, до появления *Философических писем* Петра Яковлевича Чаадаева, III отделение не проявляло особого интереса к рукописной литературе²². Особого размаха эта практика распространения идей приобрела в 1850-х годах, во время Крымской войны и сразу после нее. Однако она не могла в полной мере компенсировать ограничения печатного слова. К числу изъянов рукописной литературы можно отнести в среднем невысокое качество текстов²³, недостаток личной ответственности за написанное ввиду анонимности и отсутствие возможности публичного опровержения. Таким образом, рукописная литература служила каналом распространения мнений, но не могла быть эффективной ареной их публичной критики.

²² Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge (Mass.), 1961. P. 183—184.

²³ По словам автора *Записки о письменной литературе* (предположительно им был К.Д. Кавелин), «каждый пускает в ход все, что ему угодно», а «публика принимает все без разбора» ([Кавелин К.Д.] Записка о письменной литературе // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856—1860: Факс. изд. в 3 вып. М., 1974. Вып. 1. С. 52—53).

Другим способом обойти цензурные запреты было издание литературы за границей. По этому пути шли многие русские оппозиционеры от Александра Ивановича Герцена (который первым поставил издание «вольной» литературы и поставку ее в Россию на систематическую основу) до социал-демократов и эсеров.

Новым поприщем для общественного мнения стали созданные в 1860—1870-х годах земства и органы городского самоуправления. Однако их деятельность была максимально деполитизирована и давала не слишком много возможностей для формирования более или менее структурированного спектра общественных «направлений». Эта функция оставалась преимущественно за прессой. Как писал весной 1905 года журналист Сергей Яковлевич Елпатьевский, «в силу особых условий русской жизни даже появление земского и городского самоуправления не изменило [...] положения литературы, и при них временами случалось, что новая книжка журнала являлась своего рода заседанием партийтага»²⁴.

Все арены *публичного дискурса* в России XIX века не были вполне открыты и свободны: «живая» коммуникация происходила преимущественно в приватном пространстве и была рассчитана на тех, кто «вхож» и заслуживает доверия; а в общедоступной печати действовали жесткие цензурные ограничения. Данное обстоятельство оказывало определяющее влияние на развитие коммуникативных практик. Особенностью дискурса в *публичной сфере* является то, что в отличие от семьи и других «арен», локализованных в частной сфере, его участники говорят друг с другом как незнакомые, то есть понимание должно быть установлено в процессе коммуникации, оно зависит от *убедительности аргументов* и не является данностью, вытекающей из общности опыта²⁵. В российских условиях этот эффект оказывался смазан.

Публичная сфера середины — второй половины XIX века была довольно специфична. В ее устройстве устное общение, локализованное в полуприватном пространстве, сочеталось с письменной коммуникацией, содержание которой было ограничено цензурными рамками (частично преодолевавшимися благодаря рукописной

²⁴ Елпатьевский С. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 68.

²⁵ См.: Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society: Or, Why Feeling at Home is not Substitute for Public Space // Calhoun C. Nations Matter. Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. London; New York, 2007. P. 108—109.

литературе и заграничным изданиям). Эта комбинация в какой-то мере позволяла *распространять идеи*, но давала мало возможностей для их *открытого критического обсуждения*. Интерпретация общественно значимых проблем осуществлялась преимущественно в среде частных лиц: условия публичного дискурса не предполагали прямого влияния общественного мнения на власть²⁶. На протяжении всего XIX века самодержавие придерживалось постулата о полной независимости государственного управления от общественного мнения: предполагалось, что монарх свободен в выборе политики и не несет ответственности перед подданными за принимаемые решения. Согласно официальной установке, как сами решения, так и их реализация не должны *публично обсуждаться*, и любые суждения, в которых можно было заподозрить намерения *оценки*, могли стать поводом для цензурных санкций.

С этими особенностями российской *публичной сферы* связана специфика ролей, с которыми идентифицировали себя ее участники. Как верно подметил Лутц Хефнер, «вплоть до начала XX в. мало кто из подданных русского царя изъявлял желание стать гражданином, но многие развивали идеал *общественного деятеля* — социально активного человека, приверженного общему благу»²⁷. Политические притязания русской общественности в XIX веке были более чем умеренными, однако идея гласности и свободы публичного обсуждения общественно значимых проблем неизменно встречала поддержку со стороны представителей разных частей политического спектра, от радикалов до умеренных консерваторов (примечательно, что многие настаивали на неполитическом характере свободы слова). Эти установки отчетливо отразились в понятиях, с помощью которых описывались, анализировались, сравнивались и критиковались складывавшиеся практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности.

Вместе с тем, по мере роста *образованного слоя*, развития городов, транспорта, связи и так далее, менялось качество коммуникативной среды. Как писал один из публицистов накануне первой русской революции,

²⁶ Это не означало, что власть не принимала во внимание общественное мнение и не пыталась на него влиять. О развитии практики «учета и контроля» в этой сфере см.: Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 6—28; Гросул В.Я. Русское общество. С. 218—241, 305—324, 369—385.

²⁷ Häfner L. The Temple of Idleness. P. 141.

...в России образовались уже определенные круги лиц, следящих за ходом государственной машины, толкующих под определенным углом зрения все ее обороты. Не было, кажется, профессионального съезда, не было земского собрания, на котором в той или иной форме не выскочил бы общегосударственный вопрос. Общегосударственные вопросы уже волнуют элементы, которые только выступают на историческую сцену русской общественности, которые мы привыкли считать объектом своих дум и забот²⁸, —

то есть *народ*. Революция 1905—1907 годов существенно изменила конфигурацию *публичной сферы*: появилось — пусть и в ограниченном виде — народное представительство, свобода союзов делала возможным создание легальных политических партий, более либеральными стали цензурные правила и так далее. Конечно, количество участников *публичной сферы* в сравнении с общей численностью населения империи по-прежнему было невелико, и многие из действовавших прежде ограничений сохранились. Однако появились новые «арены» публичных дискуссий, заметно расширился круг вопросов, подлежащих «ведению» общественности, изменилась конфигурация общественно-политического спектра, с развитием партийно-парламентской деятельности складывались новые практики коммуникации, развивались различные типы самоорганизации общества. Неудивительно, что менялось содержание прежних понятий. Тексты, ставшие предметом нашего анализа, вероятно, не в полной мере отразили этот процесс, поскольку в этот период тема России и Европы постепенно становилась маргинальной в публичном дискурсе; однако и они дают возможность выделить некоторые новые тенденции.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *общественность*

В качестве существительных, указывающих на субъектов практик публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, чаще всего использовалось слово *общество*, реже и в более специфических значениях — *публика* и *общественность*²⁹.

²⁸ Клейнборт Л. Русское общественное мнение // Мир божий. 1904. № 12. С. 81—82.

²⁹ Мы сосредоточим внимание на понятиях, которые использовались представителями разных направлений общественной мысли, поэтому идеологиче-

Высказанное Вадимом Волковым предположение о том, что последнее понятие можно рассматривать как эквивалент *гражданского общества*, в наибольшей мере соответствующий российской практике и традициям³⁰, не подтверждается изученными нами текстами: на протяжении всего рассмотренного периода слово *общественность* использовалось для описания практик участия в общественной жизни существенно реже, чем слово *общество*. В дискуссиях 1840-х годов термин *общественность* действительно фигурировал, но преимущественно в качестве абстрактного понятия, указывающего на социальность как специфическое качество, формирующееся у людей, составляющих общество, причем нередко — для характеристики особенностей строя социальных отношений, характерных для конкретного *общества*. Именно в этом значении использовали слово *общественность* Виссарион Григорьевич Белинский (1841)³¹, Константин Дмитриевич Кавелин (1847)³², Иван Васильевич Киреевский (1852)³³ и другие. В 1840—1850-х го-

ски маркированные понятия (например, *класс* у марксистов) останутся за рамками нашего анализа.

³⁰ Волков В. Общественность. С. 81.

³¹ В.Г. Белинский писал о России: «Вообще все недостатки и пороки нашей *общественности* выходят из невежества и непросвещения: и потому свет знания и образованности разгоняет их, как восход солнца ночные туманы» (Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 131). И об «азиатке»: «Основа его *общественности* есть быта, освященный древностию, давностию и привычкою» (Там же. С. 98; здесь и далее слова, которые являются объектами анализа, выделены нами. — О.М.).

³² Доказывая, что «то общественное условие лучшее, в котором для человека, его желаний и деятельности открыто самое широкое поприще», К.Д. Кавелин, в ответ на критику славянофилов, утверждал, что «законодательство и все учреждения со времен Петра Великого с каждым днем делают новые завоевания в нашем общественном устройстве в пользу» именно этого «высшего начала *общественности*» (Кавелин К.Д. Ответ «Москвитянину» // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 74, 76).

³³ И.В. Киреевский писал об *общественности*, сравнивая «искусственные» принципы, на которых устроено западноевропейское общество, с идеальным органическим строем: «Логическое движение законов может существовать только там, где самая *общественность* основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых. Но там, где *общественность* основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества» (Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. / Изд. А.И. Кошелевым. М., 1861. Т. 2. С. 265—266).

дах понятие это не было идеологически маркировано: его употребляли и западники, и славянофилы. Реже слово *общественность* использовалось в другом значении — в качестве синонима *общественного мнения* и обозначения среды, где оно должно формироваться. Так, В.Г. Белинский в 1847 году, отмечая заслуги славянофильства, указывал, что оно «касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей *общественности*»³⁴. Однако гораздо чаще в том же значении использовалось слово *общество*. Примечательно, что в 1862 году И.С. Аксаков, сравнивая выражения для идеи общественного мнения в европейских языках — *l'opinion publique*, *public opinion*, *öffentliche Meinung*, — писал, что русское слово *общество* «всего вернее и точнее соответствует этому явлению общественной жизни и передает идею *общественности*...»³⁵. Таким образом, *общественность* для Аксакова — абстрактная идея, наиболее точным выражением которой является русское слово *общество*, привлекающее именно благодаря своей смысловой насыщенности.

В конце XIX — начале XX века слово *общественность* стало чаще ассоциироваться «с общественным мнением, критически настроенной и читающей публикой»³⁶, однако более активно употребляемым синонимом по-прежнему оставалось *общество*. В этот период слово *общественность* используется как для обозначения среды, где формируется общественное мнение и соперничают разные общественные силы³⁷, так и для совокупной характеристики

³⁴ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 17. Были и другие примеры использования данного слова в том же значении. Например, вот фраза из памфлета Ю.Ф. Самарина, опубликованного в 1875 году: «То, в чем Вы видите наше спасение и ничем не заменимое условие нормального развития нашей *общественности*, пугает меня как программа исподволь подготовляемой революции, притом революции худшего свойства...» (Самарин Ю.Ф. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)» // Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения Петербургских дворян об организации всесословной волости. Berlin, 1875. С. 9).

³⁵ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 136.

³⁶ Волков В. Общественность. С. 84.

³⁷ Например, А.А. Кизеветтер, вспоминая о полемике 1890-х годов между марксистами и народниками, писал, что она «кипела, можно сказать, по всем линиям *общественности* (то есть не только в журналах. — О.М.). Научные диспуты, заседания ученых обществ, не говоря уже о студенческих сходках, были охвачены той же полемикой» (Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания). Прага, 1929. С. 215).

участников этого процесса³⁸. Наконец, то же слово могло указывать на институциональные основания общественной самодеятельности. В частности, в таком значении его применял Павел Николаевич Милоков. Рассуждая об исторически сложившейся слабости российских общественных институтов, он писал:

У нас просто нет — и не было — настоящей, так сказать, густоты междучеловеческого общения и потому не выработалось плотной междусоциальной ткани [...] Индивидуальные чувства слишком долго не отлагались, не кумулировались ни в каких мультипликаторах русской *общественности*.

Милоков далее с удовлетворением отмечал:

Как бы ни были слабы и несовершенны начала новой нашей *общественности*, необходимо признать, что принципиально они создают для деятельности русской интеллигенции новую среду, новые способы, новые цели³⁹.

Вместе с тем в конце XIX века слово *общественность* приобрело новые смыслы, не имевшие прямого отношения к практикам публичной коммуникации и гражданской самодеятельности — оно стало использоваться как синоним *коллективизма* и антоним *индивидуализма* (не в последнюю очередь — из-за рогаток цензуры, вынуждавших приверженцев социалистических идей выражаться иносказательно). Примером такого употребления слова может служить выдержка из книги народника Иосифа Ивановича Каблицы (И. Юзова):

Если мы отстали от Запада в науке, искусстве, технике, политике, то это еще не доказывает, что мы отстали от него и в общественной жизни. В основе нашей народной жизни лежат община и артель, а это такие формы общественной (гражданской, а не политической) жизни, которым позавидует Запад. Хотя многие и не могут взять в толк, как это народ, отставший в науке, политичес-

³⁸ Вот пример такого использования слова: «Русская жизнь, оплодотворенная марксистской мыслью, заиграла в последние годы более яркими красками и подняла энергию всех течений русской *общественности*» (Иорданский Н. В тисках идейной растерянности // Образование. 1904. № 7. С. 36).

³⁹ Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст., 1909—1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; Пре-дисл. В. Шелохоева. М., 1991. С. 347, 295).

кой жизни и т.п., в то же время может оказаться передовым в *общественности*, но это — факт и с ним необходимо считаться⁴⁰.

«Врожденное русскому народу чувство *общественности* противопологалось “западному индивидуализму”»⁴¹. Позже благодаря Вехам, вменившим в вину русской интеллигенции излишнее увлечение вопросами внешнего общественного обустройства и пренебрежение идеями внутреннего самоусовершенствования, стала активно дискутироваться другая оппозиция — *личности* и *общественности*⁴². Релевантным оставалось и использование данного понятия в абстрактном значении *социальности*⁴³.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода можно отметить определенную эволюцию содержания термина *общественность*: он становится более употребительным и более определенно начинает ассоциироваться с *общественной жизнью* и характерными для нее практиками. Однако данный термин не превращается в основное понятие для обозначения таких практик: по частоте употребления он существенно уступает слову *общество*, имевшему сходные значения. Кроме того, подобно *обществу*, *общественность* остается неспецифическим понятием, вбирая в себя множество *разных* смыслов, в том числе — не имеющих прямого отношения к рассматриваемым нами практикам.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *публика*

Гораздо более однозначно использовалось заимствованное из европейских языков понятие *публика*, которое устойчиво упот-

⁴⁰ Каблиц И.И. [Юзов И.] Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 146.

⁴¹ Евреинов Г.А. Самобытность или отсталость? // Вестник Европы. 1904. № 2. С. 579.

⁴² У Вех нашлось много критиков, доказывавших, что их постановка вопроса о «личности и общественности» неверна (см.: Кизеветтер А.А. О сборнике «Вехи» // Вехи: pro et contra: Антология. СПб., 1998. С. 283—284; Лурье С. О сборнике «Вехи» // Там же. С. 290; Милоков П.Н. Интеллигенция; и др.).

⁴³ Например, у Н.А. Бердяева: «Национальность есть [...] проблема конкретной социальной культуры, а не отвлеченной *общественности*» (Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 84).

реблялось для обозначения неопределенного круга лиц, которому адресованы пущенные в общественное обращение (*опубликованные*) тексты. Это могла быть как читательская аудитория⁴⁴, так и посетители салона⁴⁵ или слушатели *публичной*⁴⁶ лекции. Подобно *общественности*, *публика* могла интерпретироваться как среда, в которой формируется общественное мнение. Как писал в 1828 году молодой И.В. Киреевский, «в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом *публики* [...] ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако же, мы еще не имеем [...] я говорю об общественном мнении»⁴⁷. Будучи понятием собирательным и безличным, *публика* могла наделяться чертами социального субъекта, который имеет определенные интересы и потребности⁴⁸, активно реагирует на печатное слово⁴⁹, меняется и становится более зре-

⁴⁴ Например, А.И. Герцен писал, сетуя на низкую покупательную способность российских читателей: «...нужно было что-нибудь из ряда вон выходящее, — поэма Пушкина или роман Гоголя, — чтобы привлечь внимание *публики* столь разбросанной, как читатели в России» (*Герцен А.И. О развитии революционных идей в России* // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 217). Ср. рассуждения Белинского о Германии: «Там все пишет или читает, там *публика* считается миллионами, а писатели — тысячами...» (*Белинский В.Г. Литературные мечтания* // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 29).

⁴⁵ Так, Б.Н. Чичерин в воспоминаниях о Москве 1840-х годов называет славянофильскую партию «какою-то странною сектою, сборищем лиц, которые в часы досуга, от нечего делать, занимались измышлением разных софизмов, поддерживая их перед *публикой* для упражнения в умственной гимнастике и для доказательства своего фехтовального искусства» (*Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов* // Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 21).

⁴⁶ Прилагательное *публичный* имело значение «открытый для публики, общедоступный» — например, «публичная библиотека», «публичная лекция», «публичный диспут» (при защите диссертации), «публичный дом» и др.

⁴⁷ *Киреевский И.В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 43—44.

⁴⁸ Из редакционной статьи газеты *Голос*: «...обмен мыслями между газетами и журналами должен происходить не для собственного их удовольствия и забавы, а для пользы [...] и для выгоды русской *публики*» (*Голос*. 1863. 2 окт. № 259. С. 1019).

⁴⁹ Н.Я. Данилевский доказывал, что сила периодической печати «основана не на распространении убеждений, а на пробуждении и уяснении интересов», которые уже существуют. Благодаря газетным публикациям «интересы *публики* не только уясняются, но получают сознание своей силы, возвышаются на степень общественного мнения» (*Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романогерманскому*. М., 2003. С. 315).

лым⁵⁰ и так далее. Важно, однако, отметить, что во всех этих значениях слово *публика* могло заменяться синонимом *общество*, который употреблялся гораздо чаще⁵¹.

Использовалось и существительное, образованное от прилагательного *публичный* — *публичность*, которое указывало на соответствующее абстрактное качество (открытость для общества/публики)⁵². С середины 1850-х годов *публичность* становится общественным требованием, выражаемым сначала в рукописной литературе, а затем по мере цензурных послаблений — и в печати. Приверженцы «передовых взглядов» пишут о ее отсутствии/недостатке как об одной из наиболее насущных современных проблем⁵³.

Таким образом, образованные путем языкового заимствования слова *публика* и *публичность* в наибольшей мере могут рассматриваться как общеупотребительные понятия, имевшие вполне определенное и специфическое значение и использовавшиеся для описания практик публичной коммуникации. Однако частота их употребления существенно уступает частоте употребления слова *общество* в аналогичных значениях.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *общество*

Исходя из всего вышесказанного, основное внимание мы уделим анализу многозначного слова *общество*, выделив его основные

⁵⁰ «*Публика* уже не прежний ребенок, веривший когда-то всякому печатному слову. В последние двадцать лет она кое-что прочла и кое над чем крепко задумалась», — писал корреспондент *Времени* (Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» // *Время*. 1861. Т. 1. Январь. С. 60).

⁵¹ Ср. у Герцена: «“Москвитянин” не отвечал ни на одну живую, распространную *от общества* потребность и, стало быть, не мог иметь другого хода, кроме как в своем кружке» (*Герцен А.И. Былое и думы*. М., 1969. Т. 1. С. 466—467) и др. примеры ниже.

⁵² Например: «Литература всегда опирается на *публичность*, получает свое утверждение *от общественного мнения*» (*Белинский В.Г. Общее значение слова литература* // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 625).

⁵³ Пример такой критики — адресованное А.И. Герцену *Письмо издателю*, опубликованное в сборнике *Голоса из России*. Автор — предположительно П.Л. Лавров — критиковал герценовские издания за претензию на выражение общественного мнения и подчеркивал, что очень трудно судить об истинном

значения и оппозиции и проследив их эволюцию в дискуссиях середины XIX — начала XX века. С известной долей условности можно выделить несколько взаимосвязанных, но различных значений, в которых слово *общество* наиболее часто использовалось в рассматриваемый период:

1. *Общество* как социологическая категория, указывающая на всю совокупность социальных отношений, образующих самостоятельную систему.
2. *Общество* как социальное целое, отличное от других (в зависимости от контекста может выступать в качестве синонима понятий *страна, государство, народ, нация*). Это социальное целое нередко рассматривалось как развивающийся (по общим законам или своей собственной уникальной программе) «организм», субъект истории. В этом значении *общество* выступает в качестве объекта отстраненного наблюдения; как правило, оно не наделяется качествами *сознательно* действующего агента. Говорящий фиксирует его состояние/изменение, потребности и интересы, но не предполагает возможности воздействовать на его поведение, убедить, направить и т.п.
3. *Общество* как *образованное общество* (с конца 1870-х — 1880-е годы широко используется синоним — *интеллигенция*), в противоположность *народу*.
4. *Общество* как среда, где формируется *общественное мнение* и соперничают разные взгляды, а также как коллективный субъект, являющийся носителем мнения (синоним *публики*).
5. *Общество* как субъект коллективного действия, сила, взаимодействующая с государством/правительством/властью.
6. Иные значения (*общество* как *кружок*, как синоним *общины*, как эвфемизм, маскирующий *социалистические* идеи и так далее).

Важную информацию о семантике слова *общество* несут и складывавшиеся в языке устойчивые словосочетания-оппозиции, где *общественное* мыслилось как нечто рядоположенное или противостоящее иным началам. Прежде всего следует отметить, что

соотношении общественных сил, «особенно у нас, при разнообразном наслонении образованностей, при совершенном отсутствии *публичности* [...] при общем незнании наших средств и потребностей, незнании, которое одинаково и в правительстве, и в обществе» (Голоса из России. М., 1975. Вып. 2, кн. 4. С. 10—11).

уже в 1830-х годах существовало понимание *общественного* как рядоположенного *частному* (возможно, как калька с европейских языков): мы обнаруживаем стандартные словосочетания «домашний и *общественный*»⁵⁴, «*общественный* и семейный»⁵⁵, «*общественный* и частный»⁵⁶. Другая устойчивая оппозиция (которая также, возможно, была отчасти результатом языкового переноса) — *государственное* и *общественное*. В середине 1850-х годов она приобрела программный характер и стала связываться с идеей общественной самостоятельности (к чему мы вернемся позже), однако встречалась и в 1840-е годы, причем в текстах самого благонамеренного характера. Пример — редакционная статья *Отечественных записок* в 1848 году, которой Андрей Александрович Краевский хотел доказать свою лояльность власти, взявшей курс на «цензурный террор»: ее автор противопоставляет «ниспровержение всех *государственных* и *общественных* оснований» «в одной половине Европы» «умилительному зрелищу незыблемой законности» в России⁵⁷. Специфической для России (хотя также, как мы покажем ниже, отражающей западноевропейские аналоги) была оппозиция *общества* и *народа*, которая отражалась не только в текстах идеологического содержания, но и в устойчивых словосочетаниях. Наконец, со второй половины 1860-х годов в русской общественной мысли актуальной темой становится противопоставление *личности* и *общества* (от *Современника* 1860-х годов и теории «критической личности» Петра Лавровича Лаврова до *Вех*).

Если в XVIII веке понятие *общество* «вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя

⁵⁴ Белинский В.Г. Литературные мечтания. С. 35.

⁵⁵ У С.С. Уварова: «Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья *общественного* и *семейственного*» (Десятилетие министерства народного просвещения, 1833—1843. СПб., 1864. С. 2—3). Или в *Северной пчеле*: «Спрашиваем, что общего между Россией и Западом, в понятиях наших как христиан, подданных, граждан, в *общественном* и *семейном* быту нашем?» (Гарайнов А. Что такое мнение Запада о России // Северная пчела. 1855. 5 янв. № 1. С. 7).

⁵⁶ У И.В. Киреевского: «...особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всем объеме ее *общественного* и *частного* быта» (Киреевский И.В. О характере просвещения Европы. С. 277).

⁵⁷ [Б.А.] Россия и Западная Европа в настоящую минуту // Отечественные записки. Т. 59. 1848. Июль—август. С. 1.

единым обществом»⁵⁸, то уже в 30-х годах XIX века эта доктрина имела самое широкое распространение в образованной среде. Слово *общество* в значении *абстрактной социологической категории* активно использовалось представителями разных интеллектуальных течений⁵⁹.

Еще чаще оно употреблялось во втором из выделенных нами значений — *социального целого, отличного от других*, выступая синонимом понятий *страна*⁶⁰ (*группа стран*⁶¹), *государство*, *народ*, *нация*. В этом значении слово *общество* вбирало в себя многие смыслы, которые в современном языке связываются с понятием *нация* (это особенно очевидно в текстах 1830—1850-х годов, хотя такое употребление слова можно обнаружить и позже). *Общество* интерпретировалось как *органическое целое*⁶² и по логике этой метафоры наделялось чертами, характерными для живого существа. Оно развивается, проходя через некоторые стадии и преодолевая те или иные проблемы⁶³, обладает «самосознанием»⁶⁴, имеет «по-

⁵⁸ Волков В. Общественность. С. 83.

⁵⁹ Ср. сентенции оппонентов — А.С. Хомякова («...настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в *обществе*, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому» — Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 460) и В.Г. Белинского («Человек силен и обеспечен только в *обществе*...» — Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. С. 29).

⁶⁰ Например, у В.П. Боткина: «...элементы, из которых сложилось испанское *общество*, и по началу своему, и по направлениям совершенно различны от тех, которые лежат в основе прочих европейских государств» (Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 32).

⁶¹ В 1830—1840-х годах выражения «общества Запада», «европейские общества» были шаблонными — см. у И.В. Киреевского: «...это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав Европейских обществ...» (Киреевский И.В. Девятнадцатый век // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 74) и др. Характерна оговорка А.С. Хомякова: «Воззрение историка на прошедшую судьбу и жизнь человечества зависит по необходимости от самой жизни народа или *общества народов*, к которому он принадлежит...» (Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 37). Предполагалось, что различия внутри европейского «общества народов» менее существенны, чем то, что отделяет их от России.

⁶² По определению В.Ф. Одоевского, под организмом «понимают обыкновенно несколько начал, или стихий, действующих с определенной целью». Общество в этом смысле «есть новый организм, составленный из других организмов» (Одоевский В.Ф. Русские ночи. М., 1913. С. 409, 412; оригинал опубликован в 1844 году).

⁶³ См. у Н.А. Полевого: «Между тем *общество* движется, растет; изменяется его народность и с нею изменяется его поэзия» (Полевой Н.А. Чари, или несколько сцен из народных былей и рассказов украинских // Полевой Н.А.

требности»⁶⁵ и так далее. Многие связывали формирование и развитие органического целого, именуемого *обществом*, с наличием государства. Например, для Белинского тот факт, что Малороссия «никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела», служил подтверждением того, что она не способна «образоваться в *органическое политическое общество*»⁶⁶. У И.С. Аксакова в 1861 году не вызывало сомнений, что «*общество*, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответствующим ему цельным органическим покровом, то есть внешней, государственной формой». Поэтому *общество* есть во Франции и Англии, но отсутствует в Германии; точнее, оговаривается Аксаков, «оно существует, как *германское*, но лишено живой, реальной действительности, потому что германского цельного народа не существует, Германии нет, как целого тела, а есть Бавария, Гессен-Гомбург, Гессен-Кассель, Рейс-Шлейс-Крейц-Лобенштейн и проч.»⁶⁷.

В 1875 году Константин Николаевич Леонтьев, рассуждая об особенностях государственных форм, использует слова *общество* и *нация* как синонимы: «Государственная форма у каждой *нации*, у каждого *общества* своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях,

Очерки литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 483). В терминах органических аналогий об *обществе* рассуждали и славянофилы (см. описанный И.В. Киреевским идеал органического развития «*общества*, устроившегося естественно из самобытного развития своих коренных начал» — Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. С. 266), и западники (см. рассуждения Белинского о России как «молодом» *обществе* — Белинский В.Г. Россия до Петра Великого. С. 118—119).

⁶⁴ У И.В. Киреевского: «Многомыслие, разноречие кипящих систем и мнений при недостатке одного общего убеждения не только раздробляет *самосознание общества*, но необходимо должно действовать и на частного человека, раздвояя каждое живое движение его души» (Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166).

⁶⁵ В.Г. Белинский писал о славянофильстве как о «свидетельстве *потребности русского общества* в самостоятельном развитии» (Белинский В.Г. Ответ «Москвитянину» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 264).

⁶⁶ Белинский В.Г. История Малороссии. Николая Маркевича // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 60—61.

⁶⁷ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 141.

от начала до конца»⁶⁸. Этот синонимический повтор тем более примечателен в исполнении Леонтьева, который отнюдь не симпатизировал «идее национальности», считая ее проявлением «того же либерального демократизма, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада»⁶⁹. По-видимому, представляя нацию/общество обладательницей определенной «государственной формы», он воспроизводил вполне устоявшийся шаблон.

Общество в рассматриваемом значении нередко понималось как сообщество, с которым индивиды связаны особыми узами. Например, по мысли Алексея Степановича Хомякова, путешественник «проходит по *обществу*, но он не член *общества*; он двигается между *народами*, но не принадлежит ни к одному». Он «вечно одинок в своем бессилии личного произвола», ибо «нравственное достоинство человека высказывается только в *обществе*, а *общество* есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем заодно»⁷⁰.

Представление о том, что *общество* «сильно и обеспечено», когда обладает «внутренней, непосредственной, органической связью — национальностью», разделял и оппонент А.С. Хомякова В.Г. Белинский⁷¹. Весьма характерно в этом отношении и рассуждение Бориса Николаевича Чичерина о «результатах новейшей истории Запада»:

...уничтожение средневековых форм жизни, основанных на дробности общественного быта и создание единого государственного тела [...] придают народной жизни такое единство, какого бы она без того никогда не имела. В ней создается общая среда, господствующая над всеми частными стремлениями и интересами; в ней чувствуется единое биение пульса, разливающего кровь по всем чле-

⁶⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 132.

⁶⁹ Там же. С. 108.

⁷⁰ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 6.

⁷¹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. С. 29. Как известно, у Белинского была своя теория о соотношении понятий *народ* и *нация*. Примечательно, что *общество* он рассматривал в качестве общего знаменателя: «...общество всегда есть нация, еще будучи только народом, но нация в возможности, а не в действительности...» (Белинский В.Г. Россия до Петра Великого. С. 124).

нам, и вместе с тем каждая часть свободно занимает то место, к которому она тяготеет по своей природе. Народ перестает быть собранием разнородных частей; он делается общественной единицей, он становится особью, которая живет единой жизнью⁷².

Так Чичерин описывает процесс, который языком современной социологии можно было бы назвать нацистроительством.

Важно подчеркнуть, что *общество* в рассматриваемом здесь смысле, как правило, не интерпретировалось в качестве субъекта коллективного действия — оно воспринималось как объект отстраненного наблюдения, который меняется, проявляет антропоморфные свойства («развивается», имеет «потребности», способно «сознавать» свои проблемы), однако существует как независимая от наблюдателя данность. Говорящий не предполагает возможности воздействовать на «поведение» *общества*, убедить, направить, воспитать, призвать к неким действиям и тому подобное. Примечательно, что тема «воспитания общества» возникает лишь в ретроспективных оценках 1870—1880-х годов, опирающихся на философские концепции «критически мыслящих личностей», «героев и толпы» и так далее⁷³. Она полностью отсутствует в исследованных нами текстах 1830—1840-х годов, что, безусловно, было следствием жестких рамок, в которые была поставлена гражданская деятельность.

Рассуждения о русском *обществе* как органическом целом (формирующейся нации) наталкивались на очевидное препятствие — крайнюю социальную и культурную неоднородность, мешавшую этому *обществу* стать сообществом, сознающим свое единство. И здесь мы имеем дело с другим значением того же слова, предполагавшим противопоставление (*образованного*) *общества* *народу*. Тема культурного разрыва между *обществом* и *народом* крас-

⁷² Чичерин Б.Н. О политической будущности Англии // Русский вестник. Т. 5, кн. 1. 1856. Сентябрь. С. 650.

⁷³ П.Л. Лавров писал о Чернышевском как о деятеле, «понявшем основные задачи своего времени и сознательно двигавшем современное» ему «общество по пути прогресса, возможного для этого общества» (Лавров П.Л. Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 659). В.С. Соловьев писал о Н.Я. Данилевском: труд Данилевского имел в виду «практическую цель» — «поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни “европейничания”» (Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 456).

ной нитью проходит через историю русской общественной мысли — от славянофилов и западников до народников и марксистов и, наконец, полемики вокруг *Вех*.

Использование слова *общество* для обозначения коммуникативной среды, включающей в себя лиц, имеющих образование и соответствующий круг интересов, складывалось с оглядкой на практики европейских стран, служивших образцами. Характерный пример — статья 1834 года, в которой В.Г. Белинский рассуждает о том, действительно ли литература — «выражение *общества*»:

Если под словом *общество* должно разуметь избранный круг образованнейших людей или, короче сказать, *большой свет*, *beau monde*, тогда это определение будет иметь свое значение, свой смысл, но только у французов. [...] жизнь *француза* есть жизнь *общественная*, паркетная; паркет есть его поприще, на котором он блистает блеском своего ума, познаний, талантов, остроумия, образованности [...] вот почему, говорю я, это определение словесности, вследствие которого она должна быть выражением *общества*, так глубоко и верно у французов. Их литература всегда была верным отражением, зеркалом *общества*, всегда шла с ним рука об руку, забывая о массе народа, ибо их *общество* есть высочайшее проявление их народного духа, их народной жизни. [...] Совсем не так у других народов⁷⁴.

Впрочем, тот же Белинский использовал слово *общество* и более широко, подразумевая не только «большой свет», но «высшие (образованнейшие) классы» вообще⁷⁵.

В 1830—1840-х годах и западники, и славянофилы признавали, что разделение на *общество* и *народ* существует и на Западе, однако первые пытались доказать, что Россия в этом отношении ничем не отличается от остальной Европы⁷⁶, а вторые считали культурный

⁷⁴ Белинский В.Г. Литературные мечтания. С. 28—29.

⁷⁵ В том числе — в той же статье: «Итак, *народ* или, лучше сказать, масса народа и *общество* пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях [...] второе же видимо изменялось, если не улучшалось, забыло все русское [...] и создало себе литературу, которая была его верным зеркалом» (Там же. С. 40).

⁷⁶ По словам Белинского, «мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на *народ* и *общество*» (Белинский В.Г. Сельское чтение, издаваемое князем В.Ф. Одоевским и А.П. Заблоцким // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 368). О бросающихся в глаза различиях между ««порядочным» обществом» и «народом» писал в своих испанских зарисовках В.П. Боткин (Боткин В.П. Письма об Испании. С. 27).

раскол, возникший в результате Петровских реформ, катастрофой. Так или иначе, противопоставление *общества* *народу* стало устойчивой практикой, закрепившейся в языке и воспроизводившейся безотносительно к идеологическим размежеваниям⁷⁷. На рубеже 1870—1880-х годов слово *общество* в этой оппозиции стало заменяться на слово *интеллигенция*. Согласно определению *Вестника Европы*, это новое слово

...выражает собою бесспорный факт, факт существования меньшинства, отдающего себе отчет в своих стремлениях и взглядах, способного к сознательной деятельности, в виду определенной цели. К этому меньшинству принадлежат и западники, и славянофилы, и консерваторы, и либералы; оно существует не только у нас, но и во всех др. европейских государствах, отличаясь там только большею многочисленностью и большим политическим развитием. Его нельзя ни отрицать, ни игнорировать; оно не совмещает в себе всех живых сил народа, но является одною из этих сил, тесно связанною с остальными, хотя по-видимому и разобщенною с ним⁷⁸.

Изобретение нового понятия отразило новый виток в развитии дискуссии, содержание которой выходит, однако, за рамки настоящей статьи.

Как уже отмечалось, слово *общество* часто использовалось и в качестве синонима *публики*, оно указывало на *среду, где формируется общественное мнение и соперничают разные взгляды*, а также на *коллективного субъекта, являющегося носителем мнения*. В первом случае сохранялся отстраненный взгляд на *общество* как на объект,

⁷⁷ Как, например, в следующей фразе А.Н. Пыпина: «Старание удерживать в бездействии народные и общественные силы и подавлять их стремления имело своим следствием то, что значительная их часть и действительно оставалась в неподвижности...» (Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1873. С. 88). Другой пример — рассуждения В. Агафонова о двойном стандарте, практикуемом цензурой: «вредоносность [...] идей оценивается русским правительством не всегда одной и той же меркой: что считается вредоносным для *народа*, иногда не считается таковым для так называемого “*общества*”». [...] То, что, с точки зрения охранителей, считается вредным для одной ступени, допустимо для читателей следующей, более высокой и т.д. В основу этой квалификации положена степень материального обеспечения: за 10 рублей получишь больше раз в двадцать, чем за рубль, — и “либерализма”, и Ренана...» (Агафонов В. Русская цензура и рубль // В защиту слова. СПб., 1905. С. 154—155).

⁷⁸ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 379—380.

состояние и изменение которого фиксирует наблюдатель⁷⁹. Во втором случае, следуя логике органических метафор, этот объект мог наделяться антропоморфными чертами (например, он мог заблуждаться⁸⁰, иметь интересы⁸¹ и потребности). В середине 1850-х годов происходит важная метаморфоза: *общество-публика* начинает рассматриваться как активный агент, который является не только безличным источником мнений и объектом воздействия печатного слова, но *субъектом, формирующим мнения*. Как писал автор уже цитированной *Записки о письменной литературе*, описывая рукописный бум середины 1850-х годов, «важно не сочинение статьи, а сочувствие, которое она находит в *обществе* [...] Автор здесь самое последнее лицо, которое тогда только получает значение, когда высказанные им мнения и идеи найдут себе в *обществе* живой отголосок»⁸². По воспоминаниям Б.Н. Чичерина, «какой-то элект-

⁷⁹ Например, К. Арсеньев в 1868 году констатирует: «Затишье, господствующее в *обществе*, отразилось и в печати. [...] Прошло то время, когда журнальная полемика была единственным предметом, возбуждавшим живое внимание в *обществе*; рядом с нею и выше ее существуют теперь другие серьезные интересы» (Арсеньев К. Русские законы о печати // Вестник Европы. 1868. № 4. С. 797). Начиная с 1860-х годов слово *общество* нередко использовалось для обозначения совокупности разных мнений (например, Ю.Ф. Самарин и Ф. Дмитриев писали о «революционном консерватизме» генерала Р. Фадеева: эта «партия, школа или группа» представляет собой «в современном движении русского общества как бы отдельную струйку, бегущую против течения» — Самарин Ю., Дмитриев Ф. К читателям // Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. С. 1).

⁸⁰ Так, А.С. Хомяков доказывал, что представление о «составе народном» как о «грубом материале, подлежащем обработке для того, чтобы вышло из него что-то дельное и разумное» — это не частная ошибка. «Но если бы и принимать это за частные ошибки, — продолжал Хомяков, — то должно помнить, что есть заблуждения частные, которые возможны только при известном заблуждении общества» (Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах. С. 57).

⁸¹ А.И. Герцен: «После 1840 года внимание общества было приковано к двум течениям» (Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. С. 230).

⁸² [Кавелин К.Д.] Записка о письменной литературе. С. 40–41. Эта роль арбитра начинает восприниматься как нормативная. См. у Д.И. Писарева: «...пишущие люди забывают, что пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто становятся понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается тем же для публики...» (Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. / 3-е изд. Ф. Павленкова. СПб., 1900. Т. 1. С. 334).

рический ток носился в воздухе. Все были полны надежд и ожиданий; все порывались к общественной работе»⁸³.

Общество начинает интерпретироваться как *субъект коллективного действия*, новые смыслы фиксируются в словосочетаниях *общественная работа, общественная деятельность*. Это были, по выражению А.И. Герцена, «еще робкие и непривычные» опыты «русской речи о русском общественном деле»⁸⁴. При этом основной сферой приложения усилий, по представлениям современников, оставалось публичное слово⁸⁵, главным требованием была *гласность*, причем требование это разделяли люди весьма разных взглядов. В *гласности*, которая даст выход накопившимся проблемам и поможет найти их правильное решение, видели ключ к преодолению кризиса. Как писал автор одной из рукописных записок, «узнать Россию можно только от нее самой. Надо, чтоб она заговорила без страха и оглядки, другими словами — чтоб в ней возникло общественное мнение. Вызвать же и воспитать его может одна *гласность*»⁸⁶.

Во второй половине XIX века одним из ключевых (хотя и, безусловно, не новых) понятий стало *общественное мнение*. Представления об *общественном мнении* и его роли формировались с учетом западноевропейских практик. В 1850-х, в контексте Крымской войны и после нее, много говорили и писали об «общественном мнении Европы»⁸⁷, при этом нередко — сокрушаясь о невозможности адекватно представить «общественное мнение России»⁸⁸. Позже,

⁸³ Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. С. 118.

⁸⁴ Герцен А.И. От издателя // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 6.

⁸⁵ Ср. приведенное выше определение общества И.С. Аксаковым и вывод редакционной статьи *Санкт-Петербургских ведомостей*, сделанный примерно в то же время, в контексте польского восстания 1863 года: «Теперь больше, чем когда-нибудь прежде, нужна России *самостоятельность общества*, необходим *правдивый голос* русского племени» (Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 4 мая. С. 411).

⁸⁶ [Мельгунов Н.А.] Россия в войне и мире // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 153.

⁸⁷ См.: Северная пчела. 1855. 5 янв. № 1. С. 7; Русский вестник. 1856. Т. 1, кн. 1. Январь. С. 3; и др.

⁸⁸ Так, А.С. Хомяков с сожалением констатировал, что в Европе не то что бы не хотят, а не могут «узнать, что совершается молчаливо в общественном мнении страны, против которой вооружаются все остальные» (Хомяков А.С. Письмо к приятелю-иностранцу перед началом восточной войны // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 178). М.Н. Погодин со стыдом писал, что в силу безгласности русской печати «у нас мнения нет», и «европейцы считают, что мы не способны его иметь» (Погодин М.Н. Итальянский вопрос // Русская беседа. 1859. Кн. 13. № 3. С. 123).

уже в 1860-х, предметом споров и сомнений стал вопрос о том, существуют ли в России *общество* и *общественное мнение*⁸⁹. Одни склонялись к тому, что «у нас нет *общества*, нет *общественного дела*, в котором каждый принимал бы живое участие и которое давало бы предметы, направление и внутреннюю норму для деятельности»⁹⁰. Другие доказывали, что наше *общество* столь же «подготовлено» иметь *общественные мнения*, «как и всякое другое, как французское, как английское [...] Вся разница нашего *общества* от французского или английского [...] заключается в том, что у нас почти нет партий, по крайней мере, строго организованных...»⁹¹. Ключевым вопросом и тогда, и позже было наличие самого *общества* как «критически мыслящего слоя, связанного [...] невидимыми нитями культурных целей, сознающих их солидарность»⁹². Примечательно, что свободу слова в России многие рассматривали как неполитическую⁹³.

В середине 1850-х — 1860-х годах появляются концепции, доказывающие необходимость развития общественной самостоятельности и ограничения сферы правительственной опеки. Примечательно, что с идеями такого рода выступали представители как западнического, так и славянофильского лагеря, причем между их аргументами обнаруживается некоторое сходство.

⁸⁹ Для многих стало очевидно, что гласность сама по себе не решает всех проблем. Как писал И.С. Аксаков, «мы дали у себя простор такой гласности, которой подобную едва ли знавала и Англия, — не щадили лиц, проповедуя уважение к человеческой личности, — и уже поздно догадались, что громадное наше тело не проймешь никакой *гласностью*...» (Аксаков И.С. [Передовая статья] // День. 1863. 5 янв. № 1. С. 1).

⁹⁰ [Б.А.] По поводу эгегической заметки «Русского вестника» // Время. Т. 1. 1861. Октябрь. С. 192.

⁹¹ [Б.А.] Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» // Время. Т. 1. 1861. Январь. С. 61.

⁹² Клейнборт Л. Русское общественное мнение // Мир божий. 1904. № 12. С. 83; ср.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 399.

⁹³ По определению И.С. Аксакова, «свобода слова, свободный обмен мыслей, чувств, мнений, необходимый для нравственной деятельности, относится точно так же к стороне нравственной человека, как свобода спать, есть к стороне физической» (Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 141). К.С. и И.С. Аксаковым возражал В.С. Соловьев, доказывавший, что свобода публичного выражения мнений несомненно является политической свободой, ибо она была бы «ограничением государственного полновластия, одинаково несообразным как с характером всевластного правительства, так и с характером безвластного народа» (Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. С. 456—457).

В 1855 году Б.Н. Чичерин написал записку *Современные задачи русской жизни*, которая ходила в рукописи, а затем была опубликована А.И. Герценом в сборнике *Голоса из России*. Рассуждая о причинах постигших Россию бедствий, он писал об отсутствии у населения огромного государства «внутреннего средоточия»: «тесной, общественной связи нет ни в целом, ни в частях, нет живых и частых сношений, возбуждающих человеческую деятельность и составляющих жизнь общества»⁹⁴. Вследствие этого правительство стало «исходною точкою всех общественных учреждений, всех мер для порядка и благоустройства...»⁹⁵. Образовался своего рода порочный круг: пассивность *общества* поддерживалась излишней активностью *правительства* («Мы знаем, что *правительство* все, а мы ничего, и не видим никакого исхода из этого положения»⁹⁶). Чичерин доказывал, что «правительственная деятельность не должна уничтожать самостоятельности народа, ибо самостоятельность есть необходимое условие жизни»⁹⁷. Характерно, что *общественную жизнь* автор записки связывал с *гласностью* и отменой цензуры («...иметь и высказывать мнения и требования *правительству* — это законное право *народа*, без которого он лишается всякой самостоятельности и всякого *общественного значения*»⁹⁸), не выдвигая иных политических требований.

В 1860-х годах в серии статей, опубликованных в газете *День*, И.С. Аксаков предложил свою концепцию отношений *правительства*, *общества* и *народа*, которая представляет для нас тем больший интерес, что автор стремился дать развернутые определения каждого из рассматриваемых трех элементов. Видя в *народе* фундаментальную основу и *общества*, и *государства*⁹⁹, он различал два значения этого понятия:

В обширном смысле, *народом* называется все население известной страны, представляющее цельность нравственную и физиче-

⁹⁴ [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 55—56.

⁹⁵ Там же. С. 63.

⁹⁶ Там же. С. 99.

⁹⁷ Там же. С. 69.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ «Все, в каждой стране, граждански живущей, существует из народа, *народом*, ради *народа*, — и вне *народа*, вне его участия, прямого или косвенного, положительного или отрицательного, не могло бы и существовать то, что существует», — писал Аксаков (Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 137).

скую, единство происхождения и предания, единый общий тип физический и духовный. Такое определение объемлет все сословия, все ступени общественные, от царя до последнего крестьянина [...] Но в тесном смысле и более строгом, *народом* называется *простой* народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной и, как зерно, сосредоточивает в себе всю органическую силу, все развитие организма¹⁰⁰.

Стоит отметить, что эти представления имели широкое распространение в русском обществе середины XIX века, в том числе разделяли их и оппоненты славянофилов¹⁰¹.

Более специфична была аксаковская интерпретация *государства*. Он считал его необходимым условием бытия *народа* («...как птица прежде всего свивает себе гнездо, — пишет И.С. Аксаков, — так и первым действием всех *народов* было: создать себе внешнюю государственную форму...»), но в то же время полагал, что «оно есть только внешнее определение, данное себе *народом*», не в нем воплощается народное самосознание¹⁰².

Для выражения последнего, согласно концепции И.С. Аксакова, требуется *общество*, которое есть «совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом, деятельность людей, которые вышли из *народа*, но не состоят уже под законом непосредственного бытия, не поглощаются в народе, а напротив, делают непосредственное творчество народное и самый народ предметом своего сознания и деятельности, получая в то же время от народа жизнь, питание и силу». Аксаков особенно подчеркивал, что принадлежность к *обществу* определяется не сословной принадлежностью, а образованием, «притом не в значении известного количества познаний [...] а в значении личного духовного развития вообще, такого развития, которым нарушается однообразие и безличность непосредственного народного бытия»¹⁰³. Образованный

¹⁰⁰ Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 137.

¹⁰¹ См. у Белинского: «Что многочисленнейший и низший класс в государстве, обыкновенно называемый народом, в противоположность обществу, под которым разумеются среднее и высшее сословия, есть хранитель сущности, духа народной жизни, — это истина несомненная» (Белинский В.Г. Сельское чтение. С. 367).

¹⁰² Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 138—139.

¹⁰³ Там же. С. 140.

слой, существовавший в России, не вполне отвечал этому критерию в силу своего отчуждения от народа¹⁰⁴.

Подобно Б.Н. Чичерину, И.С. Аксаков доказывал необходимость автономии *общества* от *государства*¹⁰⁵. Что отличает его многочисленные статьи на тему *народа*, *общества* и *государства* от большинства публикаций его современников на те же темы — так это резкая критика *общества* за его пассивность. Аксаков писал:

Мы убеждены [...] что *правительство* не может брать на себя или «исправлять должность» организма и жизни, — и тем не менее мы сами, собственным бездействием, собственной слабостью хотения и убеждения, собственной ленью мысли и воли, постоянно обращаясь кверху, вызываем правительство на ненужное и бесплодное вмешательство, часто вопреки его собственному желанию и воле!¹⁰⁶

Аксаков заключал: «Нам недостает внутренней, *общественной* жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самостоятельности...»¹⁰⁷ Следует признать, что аксаковская концепция отличалась оригинальностью и приведенные выше рассуждения отнюдь не типичны. Тем не менее, по оценке Владислава Якимовича Гросула, они оказали заметное влияние на современников¹⁰⁸.

Во второй половине XIX и, особенно, в начале XX века количество упоминаний об *обществе* в значении субъекта коллективного действия заметно возросло. Перед первой русской революцией много писали о пагубных последствиях отсутствия у *общества* права голоса в политических делах¹⁰⁹. После нее одни

¹⁰⁴ «Кажется, мы начинаем догадываться, — писал И. С. Аксаков в 1863 году, — [...] что то, что пожаловали мы в чин *общества*, в сущности вовсе не есть просвещенное выражение русской земли и народа, и что за общественное мнение принимали до сих пор — или толки российских *английских* клубов или назойливую болтовню наших журнальных Ноздревых и Хлестаковых» (Аксаков И.С. [Передовая статья]. С. 2).

¹⁰⁵ «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества», — полагал Аксаков (Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 147).

¹⁰⁶ Там же. С. 133.

¹⁰⁷ Там же. С. 135.

¹⁰⁸ Гросул В.Я. Русское общество. С. 11, 50.

¹⁰⁹ Например, Л.З. Слонимский в 1905 году рассматривал безвластие общества как причину банкротства отечественной внешней политики: «Печаль-

называли «привлечение русского общества к участию в политической жизни страны» в качестве признака позитивных перемен¹¹⁰, другие по-прежнему жаловались на его «безвластие»¹¹¹. Но так или иначе представление об *обществе/общественности* как об активной силе, *противостоящей правительству/власти*, во второй половине XIX — начале XX века получает самое широкое распространение.

Завершая наш обзор основных значений слова *общество* в текстах середины XIX — начала XX века, отметим, что оно имело и другие интерпретации, в том числе — имевшие отношение к практикам *публичной сферы* (например, *общество* как институциональная площадка для целевого коллективного общения, «кружок»). Благодаря своей нейтральности это слово порой выступало как эвфемизм, заменявший то, что трудно было бы протащить через рогатки цензуры¹¹².

Выводы

В какой мере слова, использовавшиеся для обозначения практик публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, могут рассматриваться как понятия? По определению Райнхарта Козеллека,

новый опыт показал, что бюрократическая дипломатия, не ответственная перед общественным мнением, совершенно бессильна при столкновении с иностранными культурными державами и не м[ожет] конкурировать с их представителями на равных правах» (*Слонимский Л.З. Тяжелые уроки... // Вестник Европы. 1905. № 3. С. 342*).

¹¹⁰ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России. С. 436.

¹¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 113.

¹¹² Пример — использование слова *общество* в изложении социалистических идей на страницах *Современника*: «Подле понятия о безграничных юридических правах отдельной личности возникла идея о союзе и братстве между людьми; люди должны соединиться в *общества*, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для производства и для экономного потребления производимых ценностей. В земледелии братство это должно выразиться переходом земли в общинное пользование; в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе» (*Чернышевский Н.Г. [«Русская беседа» и славянофильство] // Чернышевский Н.Г. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 403*).

...слово превращается в понятие, когда полнота психосоциального контекста смысла и опыта, в котором и для которого слово используется, могут быть сконцентрированы в одном слове. [...] Понятие связывает многообразие исторического опыта и совокупность теоретических и практических референтов в отношении, которое может быть постигнуто только через это понятие¹¹³.

Слова, с помощью которых описывались российские практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, не вполне соответствуют этому критерию: во-первых, существовали группы слов, которые могли использоваться как синонимы, смыслы не были жестко закреплены; во-вторых, большинство слов соответствующего понятийного ряда были многозначными, причем наряду со значениями, относившимися к рассматриваемым нами практикам, эти слова имели другие смыслы, как общие, так и специфические. Вместе с тем выделенные нами значения понятий *общество, публика, общественность* были достаточно устоявшимися и воспроизводились в текстах разных авторов вне зависимости от различий идеологических установок. Таким образом, мы можем говорить о процессе формирования неспецифических понятий, имевших широкий спектр значений, некоторые из которых устойчиво связывались с практиками публичной коммуникации и гражданской самодеятельности. Иными словами, русское общество середины XIX — начала XX века постепенно формировало язык для описания, анализа и критики своих коммуникативных и самодеятельных практик, однако этот язык был столь же неспецифическим и слабо оформленным, как и сами практики. Важными факторами, влиявшими на этот процесс, были социальные барьеры, цензурные ограничения и описанные выше особенности институтов российской *публичной сферы*. Играло свою роль и воздействие западноевропейского опыта, который служил и нормативным образцом, и объектом критики. Впрочем, последнее обстоятельство не препятствовало, а скорее способствовало семантическим и лингвистическим переносам.

¹¹³ Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. Cambridge (Mass.); London, 1985. P. 84.

Михаил Васильевич Калашников

Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века

Понятие *либерализм* — одно из ключевых для общественно-политической сферы эпохи Современности (modernity). Перипетии смысла понятия *либерализм* в русском общественном сознании конца XX — начала XXI века, происходившие на фоне разрушения самого проекта Современности, делают актуальным обращение к процессу становления этого понятия в XIX веке.

Понятие *либерализм* относится к разряду отвлеченных или абстрактных понятий, референтами которых являются не природные или антропологические предметности, а социальные или идеологические феномены, воспринимаемые сознанием человека, в силу их грамматической категоризации, как предметности. Но поскольку эти предметности являются мнимыми, исследование их как действительно существующих предметностей невозможно.

Цель статьи — проследить изменения смысла понятия *либерализм* в русском общественном сознании «долгого» XIX века, значение этого слова в текстах названного периода. Будет предпринята попытка выявить причины, вследствие которых такие изменения происходили. В статье использован метод историко-семантического анализа, исходный тезис которого: естественный язык — это изменяющаяся во времени знаковая система семантически организованного общественного сознания¹.

В русском языке, в отличие от английского, слово *либерализм* не имеет нормативного характера², что лишний раз подтверждает

положение Эдуарда Сепира, который писал: «Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности»³. Это означает, что в разных языках по-разному онтологизируется пространство социального.

Если не считать тысяч книг и статей, посвященных предметному рассмотрению либерализма, то выяснится, что анализ слова *либерализм*, или понятия *либерализм*, содержит совсем немного исследований. Вероятно, первым, кто обратился к анализу понятия *либерализм*, был Евгений Васильевич Спекторский, проанализировавший слово *либерализм* в абстрактном значении «свобода»⁴. В 1930—1940-х годах анализу значения слов *либерал* и *либеральный* в русском языке начала XIX века некоторое внимание уделил Виктор Владимирович Виноградов⁵. В начале 1970-х годов американский исследователь истории России второй половины XIX — начала XX века Чарльз Тимберлейк свое предисловие к сборнику эссе о русском либерализме назвал *The Concept of Liberalism in Russia* (*Понятие либерализм в России*)⁶.

Во второй половине 1990-х — 2000-х годах большой цикл работ, посвященных исследованию исторической семантики (исторически изменявшегося значения) понятия *либерализм*, опубликовал немецкий историк Йорн Леонхард (Jörn Leonhard)⁷. Центральное

Р.В. Иванова-Разумника, делившего все русское общество на *мещанство* и *интеллигенцию*, писал: «Почти так же, как произошло со словом “либерализм” в английском языке, термин “интеллигенция” со временем утратил свои описательные, объективные свойства и приобрел нормативный и субъективный характер» (*Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 329). Иначе говоря, в английском языке слово *либерализм* является не только формой соответствующего понятия, но и вполне определенным символом.

³ Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261.

⁴ Спекторский Е.В. Либерализм // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 331—348.

⁵ Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 106—107; *Он же.* Из истории русской литературной лексики // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1947. Т. 42. С. 6—7. То же см.: Виноградов В.В. Завиральный // Виноградов В.В. История слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1999. С. 870.

⁶ Timberlake C.E. Introduction: The Concept of Liberalism in Russia // Timberlake C.E. (Ed.) Essays on Russian Liberalism. Columbia, 1972. P. 1—17.

⁷ Leonhard J. «An odious but intelligible phrase...» — *Liberal* im politischen Diskurs Deutschlands und Englands bis 1830/32 // Jahrbuch zur Liberalismus-

¹ Более подробно см.: Калашников М.В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Репина Л.П. (Ред.) Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 368—390.

² В этом отношении характерно замечание одного из крупнейших американских исследователей русской истории Р. Пайпса, который, рассматривая смысловые изменения термина *интеллигенция* в русском языке в конце XIX — начале XX века, явно подсказанные ему примитивным бинарным построением

место среди работ Й. Леонарда занимает обширная монография *Либерализм. Историко-семантическая интерпретация модели*⁸. В этой работе Леонхард исследует истоки и трансформацию значений прилагательного *либеральный* и понятия *либерализм* в рамках социально-политического дискурса во Франции, Германии, Италии и Англии в период с 1789 до 1870 года. Историко-семантический анализ прилагательного *либеральный* и понятия *либерализм* в политических традициях указанных стран Й. Леонхард совместил со сравнительно-историческим подходом. Немецкий историк сравнил разные истории понятия *либерализм* в различных политических контекстах во Франции, Германии, Италии и Англии.

Й. Леонхард выделяет несколько фаз в изменении семантики прилагательного *либеральный* и понятия *либерализм* в рамках рассматриваемого периода. Первая фаза — предполитическая, до 1789 года⁹. Вторая — фаза семантической ферментации (брожения)

Forschung. 1996. Bd. 8. S. 11—41; *Idem.* Von den «Idées Libérales» zu den «Liberalen Ideen»: Historisch-semantic Kulturtransfer zwischen Übersetzung, Adaption und Integration // Schalenberg M. (Hrsg.) Kulturtransfer im 19. Jahrhundert. Berlin, 1998. S. 13—45; *Leonhard J.* «1789 fait la ligne de démarcation»: Von den napoleonischen *idées libérales* zum ideologischen Richtungsbegriff *libéralisme* in Frankreich bis 1850 // Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. 1999. Bd. 11. S. 67—105; *Idem.* *Italia liberale* und *Italia cattolica*: Historisch-semantic Ursprünge eines ideologischen Antagonismus im frühen italienischen Risorgimento // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 2000. Bd. 80. S. 495—542; *Idem.* Liberalismus. Zur historischen Semantik eines Deutungsmusters. München, 2001. (*Wende P. von.* (Hrsg.) Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts London; Bd. 50). [Dissertation]; *Leonhard J.* Semantische Deplazierung und Entwertung. Deutsche Deutungen von *liberal* und *Liberalismus* nach 1850 im europäischen Vergleich // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift fuer Historische Sozialwissenschaft. Jahrgang 29. 2003. Heft 1: Europäischer Liberalismus. S. 5—39; *Idem.* From European Liberalism to the Languages of Liberalisms: The Semantics of «Liberalism» in European Comparison // Redescriptions: Yearbook of political thought and conceptual history. 2004. Vol. 8. P. 17—51; *Idem.* Linguaggio ideologico e linguaggio politico: all'origine del termine «liberale» in Europa // Ricerche di storia politica. 2004. № 1. S. 25—57; *Idem.* Erlösungshoffnungen und Abgesänge. Liberalismus und Liberalismen in Europa // Schwarz G., Wenzel U.J. (Hrsg.) Lust und Last des Liberalismus: Philosophische und ökonomische Perspektiven. Zürich, 2006. S. 51—58; *Leonhard J.* Zur Semantik gleichzeitiger Ungleichzeitigkeit: Europäische Liberalismen im Vergleich // Schulze D.G., Berghahn S., Wolf F.O. (Hrsg.) Rechtstaat statt Revolution, Verrechtlichung statt Demokratie? Transdisziplinäre Analysen zum deutschen und spanischen Weg in die Moderne. Bd. 1: Die historischen Voraussetzungen. Münster, 2010. S. 313—324.

⁸ *Leonhard J.* Liberalismus.

⁹ *Ibid.* S. 86—126.

между 1789 и 1820 годами¹⁰. Третья — фаза идеологизации и поляризации семантики понятия *либерализм* с 1820 до 1830 года¹¹. Четвертая — фаза трансформации семантики понятия *либерализм* с 1830 до 1835 года¹². Пятая — фаза новой дифференциации и поляризации семантики понятия *либерализм* с 1835 до 1849 года¹³.

Й. Леонхард также систематизировал сведения о различиях *либерализмов* во Франции, Германии, Италии и Англии во второй половине XIX века и выявил хронологически различные *переломные времена* (*Sattelzeiten*)¹⁴. Подводя итоги историко-семантического и сравнительно-исторического исследования понятия *либерализм*, Й. Леонхард определил и возможные (крайне сомнительные, по его мнению) перспективы этого понятия в рамках социально-политического дискурса настоящего и будущего¹⁵.

Один из ключевых выводов монографии Й. Леонхарда — подтверждение ведущей роли Франции в образовании и изменениях семантического поля понятия *либерализм* в континентальной Европе. Впрочем, заметим, Россия не входит в число объектов исследования немецкого ученого.

Одна из главных задач, которую Й. Леонхард сам для себя определяет во многих публикациях, — избежать ловушки семантического номинализма, то есть неявного отождествления современной семантики понятия *либерализм* с семантикой понятий *либеральность* и *либерализм* конца XVIII — первой половины XIX века. Леонхард предлагает заменить парадигму идеи универсального европейского либерализма спектром различных значений понятия *либерализм* с учетом его семантических изменений в исторической ретроспективе¹⁶.

В ходе исследования был проведен анализ опубликованных нарративных источников XIX — начала XX века на русском языке с целью выявления зафиксированных в них употреблений слова *либерализм*. Если в лингвистической семантике для выяснения семантического поля слова необходимо учесть *все* случаи его упот-

¹⁰ *Leonhard J.* Liberalismus. S. 127—257.

¹¹ *Ibid.* S. 258—348.

¹² *Ibid.* S. 349—417.

¹³ *Ibid.* S. 418—504.

¹⁴ *Ibid.* S. 505—569.

¹⁵ *Ibid.* S. 570—586.

¹⁶ *Leonhard J.* From European Liberalism to the Languages of Liberalisms. S. 17—51; *Idem.* Erlösungshoffnungen und Abgesänge. S. 51—58.

ребления, то в рамках историко-семантического исследования это сделать практически невозможно¹⁷. Поэтому при анализе нарративных источников выявлялись наиболее значимые употребления слова *либерализм*.

Для выявления семантической динамики понятия «либерализм» необходимо было выявить основные контексты, в которых зафиксировано употребление слова *либерализм*. Вследствие этого внимание уделялось текстам русских политических и общественных деятелей указного периода — заметкам, дневникам, письмам, публицистическим и литературным произведениям, мемуарам.

Аутентичность источника понималась как строгое соотнесение текста с условиями его возникновения, то есть обстоятельствами времени, места и всей доступной для понимания совокупности контекстов. Учитывались и интенции автора. Как заметил Квентин Скиннер, «тексты являются действиями. Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а следовательно, должны и понять, какие действия совершали их авторы посредством написания этих текстов»¹⁸.

Вместе с тем, учитывая внетекстуальные обстоятельства и мотивы, которые двигали авторами во время создания определенных текстов, основное внимание следует уделять анализу значения слова *либерализм* (и его производных) исходя из контекста его употребления.

Для выявления контекста использованы и мемуарные источники, хотя большую часть из них можно отнести к литературе (исследованиям) мемуарного типа. Как заметил Л. Витгенштейн: «Слова, которыми я выражаю мои воспоминания, это мои реакции на воспоминания»¹⁹. В редких случаях, если их автор обладал хорошей памятью и (или) высоким уровнем рефлексии, мемуары привлекаются для анализа смысла понятия «либерализм» исследуемого исторического периода.

¹⁷ А.И. Миллер справедливо пишет: «В идеале для того, чтобы оценить содержание тех или иных ключевых социально-политических понятий и их эволюцию в контексте истории, нужно опираться на очень широкий корпус источников. Ясно, что отдельный исследователь задачу их выявления и обработки решить не в состоянии» (Миллер А.И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 152).

¹⁸ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // НЛО. 2004. № 2 (66). С. 65.

¹⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 193.

От Либеры до *либеральных идей*

Этимологически слово и, соответственно, понятие *либерализм* восходит к имени древнеримского бога Либеры, аналога древнегреческого Вакха, бога вина и веселья²⁰. Культ Либеры появился в Риме в первые десятилетия существования республики. Праздник в честь Либеры и Либеры (Либералии) отмечался в Риме 17 марта, в последний день Вакханалий, и носил характер ярко выраженного фаллического культа и половой оргии. Вполне логично, что древнеримских отпущенников, поклонявшихся Либеру и надевавших при этом маски из коры (луба, лыка), называли *либертинами*.

В Средневековье, в европейской христианской традиции понятие *либертин* («отпущенник» — «поклонник культа Либеры») закрепляется в значении «безнравственный, развратный, распущенный человек, распутник».

В конце 20-х — начале 30-х годов XVI века в неоднородном движении анабаптистов появляется секта «спиритуалов» («духовных») или «либертинов», «духовных либертинов». Они критиковали Церковь и отвергали существующую обрядность. Отвергая христианскую мораль, они отрицали и необходимость существования семьи и государства, стеснявших свободу человека²¹. Опровержению взглядов «спиритуалов» Ж. Кальвин посвятил памфлет «Против фантастической и неистовой секты либертинов, которые называют себя духовными»²², благодаря которому в Новое время во французский язык вошло новое слово — либертины.

В XVII—XVIII веках во Франции и в Англии складывается общественное течение, получившее название *либертинаж*. Его представители придерживались философии наслаждения и отрицали религию как свод моральных норм и законов. Один из главных принципов *либертинажа* — удовлетворение плоти. Во Франции «слово “либертинаж” имело в XVII веке двойное значение: с одной стороны — “вольномудство”, “свободомыслие”, с другой — “игривость души”, “динамика страстей”, “распущенность”». Английский либертинаж к концу XVII века обрел «особую специфическую

²⁰ Штаерман Е.М. Либер // Мифологический словарь. М., 1990. С. 311.

²¹ Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988. С. 159—173.

²² Calvin J. Contre la secte phantastique et furieuse des Libertins qui se nomment spirituelz // Ioannis Calvini Opera Quae Supersunt Omnia 55 vol. Brunsvigae, 1868. Vol. 7. Col. 145—248.

форму, называемую «остроумием», ставшую «синонимом беззаботной жизни, далекой от практических дел и обыденных забот»²³. В XVIII веке во французском языке за словом *либертин* (*либертен*) как нормативное закрепляется значение «распутник», а за словами *libéral*, *либеральный* — значение «щедрый»²⁴. Вместе с тем термины *libéral* и *libéralité* еще на предполитической стадии потенциально допускали возможность наделения их политическим содержанием, а после 1789 года — стали употребляться и в политическом контексте²⁵.

Отметим, что и английское *liberal*, и французское *libérales*, и русское *либеральный* — это прилагательные, которые обозначают состояния. Американский лингвист Уоллес Чейф предлагает «различать среди состояний *свойства* (properties) и *диспозиции* (dispositions)» (выделено в публикации. — М.К.). Причем «свойство — это постоянный признак некоторого объекта, а диспозиция — динамический признак, значение которого может изменяться со временем»²⁶. Вполне очевидно, что и английское *liberal*, и французское *libérales*, и русское *либеральный* обозначают состояния, являющиеся диспозициями, так как их значения могут изменяться в диахронии.

В годы Французской революции, а затем консульства и империи аморальную распушенность аристократии сменяет буржуазная мораль. Пространством освобождаемого становится не морально-этическая сфера, а сфера политического. А в виртуальном пространстве идеологического на обломках *либертинажа* начинает выкристаллизовываться понятие *либерализм*.

В контексте окончания Французской революции словосочетание *idées libérales* (*либеральные идеи*) 19 брюмера (10 ноября) 1799 го-

²³ Ступников И.В. Уильям Конгрив и его комедии // Конгрив У. Комедии. М., 1977. С. 305—334, здесь 307, 309. Н.В. Лидергос полагает, что «примерно до середины XVII в. слово “либертин” обозначало атеиста, отвергнувшего христианскую доктрину [...] но уже в начале XVIII в. парадоксальным образом утрачивает прежнюю семантику и обозначает только “развратника, распутника”» (Лидергос Н.В. Версак и другие. Либертинаж как бытовое философствование в романах Кребийона-сына // Философский век. Альманах. Вып. 34: Человек в философии Просвещения. СПб., 2008. С. 86).

²⁴ См.: Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей: В 2 ч. СПб., 1786. Ч. 2: От Л до Z. С. 27—29.

²⁵ Leonhard J. «1789 fait la ligne de démarcation». S. 69.

²⁶ См.: Староверов П. Языкознание и сознание (лекции Уоллеса Чейфа в МГУ, 13—14 октября 2004 г.) // НЛО. 2005. № 1 (71). С. 532—534.

да употребил Наполеон Бонапарт: «Консервативные, охранительные, либеральные идеи вступили в свои права после того, как заговорщики, подавлявшие Советы [старейшин и пятисот], были рассеяны...»²⁷.

Наполеон Бонапарт сознательно употребил выражение *либеральные идеи* в политическом контексте, и, вероятно, первым так публично. В конце 1815-го — 1816 году граф Эммануэль Огюстен де Лас Каз, близкое доверенное лицо Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены, записал следующее высказывание бывшего императора: «Слово *либеральный*, которое в нынешние времена столь чарует уши идеологов [...] — моего изобретения»²⁸.

Поместив прилагательное *либеральный* в рамках выражения *idées libérales* (*либеральные идеи*) в пространство политического, Наполеон Бонапарт совершил трансгрессию, то есть выход за пределы существовавших до этого в общественном сознании границ употребления этого прилагательного, и почти на полтора десятилетия стал хозяином нового, им же созданного либерального политического дискурса.

1801—1815 годы. Борьба за дискурс *либеральных идей*. Александр I против Наполеона Бонапарта

Политическая лексика эпохи Современности формировалась на основе французского языка. Однако это не означает, что в каждом отдельном случае в том или ином европейском языке, в том числе и в русском, происходило заимствование из французского языка готового слова с готовым значением.

Культурный диктат Парижа в Европе не всегда совпадал с политическим диктатом. С другой стороны, хотя процесс формирования политической лексики в начале XIX века и был общеевропейским, следует учитывать и его специфические особенности в разных странах Европы. Р. Козеллек замечал, что в германских и

²⁷ «Les idées conservatrices, tutélaires, libérales, sont rentrées dans leurs droits par la dispersion des factieux qui opprimaient les Conseils...» (Proclamation du général en chef Bonaparte le 19 Brumaire, onze heures du soir // <http://napoleon1er.perso.neuf.fr/Proclamation.html>); Собуль А. О принципах Восемьдесят девятого года // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 76.

²⁸ Наполеон Бонапарт. Максимум и мысли узника Святой Елены. СПб., 2008. С. 109.

славянских языках, в отличие от итальянского, испанского, французского и английского, «отношения с латынью были куда проблематичнее. В соответствии с этим некоторые социальные и политические понятия изначально создавались совершенно осознанно и не пережили процесса постепенной адаптации латинских значений»²⁹.

Слово *либерализм* кристаллизуется в начале XIX века во время политических катаклизмов и тектонических социальных сдвигов, потрясших Европу. В России выражение *либеральные идеи* как часть нового политического дискурса получает распространение в самом начале 1800-х годов. Федор Петрович Лубяновский писал об этом времени:

Надобно было видеть тогда движение свежей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по одним только летам, поколение прошло не до свидания, а уже на веки веков с старосветскими предрассудками; кругом пошли головы от смелого говора о государственных вопросах и резкого указания, чему и как быть по известной записке Лагарпа; вслух развивались такие идеи, которые может быть и до того были не совсем новы у нас, но были безгласны и безсловны: надежда, как вино, веселила сердца. Вслушиваясь в беседы, в этих надеждах и радостях, я впервые услышал речь о людях с *aux idées libérales* (либеральными идеями), или, как тогда переводили, о людях с высшим взглядом, о необходимости общего преобразования, о конституции³⁰.

Спустя сорок лет Адам Чарторыйский писал о той же эпохе: «...тогда либеральные идеи являлись для нас в сиянии, которое с тех пор поблекло...»³¹. О либеральных грезах 1802—1803 годов писал и Сергей Семенович Уваров³².

²⁹ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // Бедкер Х.Э. (Ред.) История понятий, история дискурса, история метафор: Сб. ст. М., 2010. С. 29.

³⁰ Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского, 1777—1834. М., 1872. С. 209—210.

³¹ Чарторыйский А. Рассказ князя Адама Чарторыйского о сближении его с императором Александром Павловичем. 1796 // Русский архив. 1871. № 3. Стб. 703. Ср. другой перевод: «...сорок лет тому назад либеральные идеи были еще окружены для нас ореолом, который побледнел при последующих опытах их применения...» (Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998. С. 76).

³² В 1852 году в автобиографии С.С. Уваров писал, что во второй половине 1820-х — начале 1830-х годов «старые либералы», то есть соратники Александра I в первые годы его царствования, «продолжали оставаться, быть мо-

Осенью 1804 года Александр I посылает одного из своих ближайших соратников Николая Николаевича Новосильцева с дипломатической миссией в Англию для заключения антинаполеонского союза. В секретной инструкции Александра I от 11 сентября 1804 года, адресованной Н.Н. Новосильцеву, говорилось: «Самое могучее оружие французов, которым они до сих пор пользовались и которое все еще представляет в их руках угрозу для всех стран, заключается в убеждении, которое они сумели распространить повсеместно, что они действуют во имя свободы и благоденствия народов». Для блага человечества «необходимо, чтобы это грозное оружие было вырвано из рук французов и обращено против них самих». Далее Александр I конкретизировал свой тезис, предлагая свою стратегию в сфере политической практики:

Я хотел бы, чтобы оба наших правительства согласились между собой не только не восстанавливать в странах, подлежащих освобождению от ига Бонапарта, прежний порядок вещей [...] но, напротив, постарались бы обеспечить им свободу на ее истинных основах³³.

После коронации Наполеона Бонапарта 2 декабря 1804 года и в самой Франции, и вне ее пределов *idées libérales* (либеральные идеи) из признака республиканской надежды 18 брюмера 1799 года «стали с удивительной легкостью выражением имперской наполеоновской концепции»³⁴.

Летом 1805 года Александр I говорил Георгу Фридриху Парроту: «Россия и человечество ожидают от меня, чтобы я избавил их от тирана Европы. Я молод, могу ли я взять на себя ответственность не пожелать этого?»³⁵ Клемент Венцель Меттерних, впервые встретившийся с Александром I в 1805 году в Берлине, вспоминал:

жет, даже сами не сознавая того, под обаянием грез 1802 и 1803 года» (РГАЛИ. Ф. 46: П.И. Бартенев. Оп. 1. Д. 7: Заметки и выписки П.И. Бартенева к его работе над биографией С.С. Уварова. Л. 1—63: Опыт Автобиографии. Соч. С.С. Уварова. Июнь 1852. Пер. с фр. Поречье. 1864, май. Л. 33).

³³ Секретная инструкция Александра I Н.Н. Новосильцеву. 11 (23) сентября 1804 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801—1815 гг. М., 1961. Т. 2. С. 146.

³⁴ Leonhard J. Linguaggio ideologico e linguaggio politico. S. 35; Leonhard J. «1789 fait la ligne de démarcation». S. 75.

³⁵ Мардарьев М. Письма и записки Георга-Фридриха Паррота к императору Александру I и Николаю I // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 198.

«Я нашел в нем либерала в обширном смысле слова (то есть сторонника либеральных идей. — М.К.) и ожесточенного врага Наполеона: он ненавидел его двояко — как деспота и как завоевателя»³⁶.

Во второй половине 1800-х годов выражение *idées libérales* (*либеральные идеи*), в интерпретации Наполеона Бонапарта, играло центральную роль для обоснования интервенционистской имперской политики Франции в отношении соседних стран, оказываясь одновременно связанным и с экспортом революционных принципов 1789 года.

Следствием внешнеполитических событий середины 1800-х годов стало то, что выражение *либеральные идеи*, ставшее и знаком и символом наполеоновской экспансии в Европе, уходит из риторики российской власти. После 1804-го и вплоть до 1812 года оно не употребляется в России ни властью, ни обществом.

Однако, несмотря на контроль Наполеона Бонапарта над либеральным политическим дискурсом в масштабах Европы, в общественном сознании ее народов шли свои процессы. Новое значение старое слово *либерал* получает во Франции, вероятно, около 1807 года. Так стали называть тех, кто был оппозиционно настроен по отношению к диктатуре Наполеона Бонапарта³⁷.

В 1811—1812 годах французское слово *libéral* получает новое значение, причем вне французской языковой среды. В Испании *либералами* стали называть себя сторонники *либеральных идей* (конституции и парламента), одновременно выступавшие и против агрессии Франции. Захват Наполеоном в январе 1811 года герцогства Ольденбургского и ряд других событий возвращают выражение *либеральные идеи* в политический дискурс Александра I. *Либеральные идеи* становятся не только частью риторики, описывающей его внешнеполитическую освободительную стратегию, но и символом борьбы за свободу, то есть с агрессией и тиранией Наполеона Бонапарта.

27 марта 1812 года Александр I по-французски писал Генриху Фридриху Карлу Штейну, приглашая его в Россию: «Решающие события настоящего момента должны объединить всех здравомыслящих людей, друзей гуманности и либеральных идей. Дело идет

³⁶ Меттерних К.В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 171.

³⁷ Малинова О.Ю. Когда «идеи» становятся «идеологиями»: К вопросу об изучении «измов» // Философский век. Альманах. Вып. 18: История идей как методология гуманитарных исследований, ч. 2. СПб., 2001. С. 17.

о спасении от грозящего варварства и рабства. Эта война [...] решит вопрос о спасении или гибели Европы»³⁸.

Итак, спасение Европы от Наполеона Бонапарта, по мнению Александра I, это дело «друзей гуманности и либеральных идей». В самом начале войны, 2 июля 1812 года, Александр I писал, также по-французски, шведскому наследному принцу Бернадоту: «Это последняя война, за независимость, против порабощения, либеральных идей против тирана»³⁹. Таким образом, в 1812 году выражение *либеральные идеи* проблематизируется Александром I через призму понятий *свобода* и *независимость*, ставших метафизическим основанием для общеевропейской борьбы с тиранией Наполеона Бонапарта.

Возвращению в русское общественное сознание выражения *либеральные идеи* в 1812 году, в контексте борьбы с наполеоновским вторжением и превращения войны в войну народную, отечественную, способствовало и обращение к испанскому опыту — опыту испанских либералов. «Тема испанской войны в России в 1812 г. [...] не только воспринималась как историческая параллель, но и сама являлась неотъемлемой частью народной войны»⁴⁰.

Благодаря твердой позиции Александра I в отношении Наполеона Бонапарта и освободительному походу русской армии, выражение *либеральные идеи* в 1813—1814 годах наполняется новым, антинаполеоновским смыслом и в странах континентальной Европы⁴¹.

Став хозяином либерального политического дискурса, Александр I буквально навязывал его, в пику реакционерам и роялистам, европейскому общественному сознанию начала эпохи Реставрации. В мае 1814 года Людовик XVIII заявил, что он «дарует Франции либеральную конституцию (*Constitution libérale*)». Однако обращение короля к прилагательному *libéral* в данной ситуации стояло в конкретном политическом контексте. Людовик XVIII осознанно, и, добавим, вынужденно, следовал за словами Алексан-

³⁸ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. СПб., 1905. Т. 3. С. 497.

³⁹ Там же. С. 499.

⁴⁰ Парсамов В.С. Культурные рефлексии 1812 года (идеологема «народная война») // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Tartu, 2006. Ч. 1. С. 15.

⁴¹ Leonhard J. Linguaggio ideologico e linguaggio politico. S. 42; *Idem*. Von den «Idées Libérales» zu den «Liberalen Ideen». S. 26.

дра I, сказанными в апреле 1814 года, когда Александр I «вернулся к принятой при Наполеоне формуле *institutions libérales* (либеральных учреждений) и в то же время вложил в это выражение отчетливо антинаполеоновский смысл»⁴².

Однако в самой Франции в 1814—1815 годах господствовали совсем иные настроения. Роялисты со страниц множества политических брошюр предлагали покончить с «нефранцузскими» словами *конституция* и *либеральный* и восстановить дореволюционный государственный строй⁴³. Сам Александр I вполне трезво оценивал политический потенциал французских «реставраторов», заметив: «Бурбоны — не исправившиеся и неисправимые [...] полны предубеждений старого режима; либеральные взгляды у одного герцога Орлеанского⁴⁴, на прочих надеяться нечего»⁴⁵.

В ходе Венского конгресса, ставшего идеологическим триумфом Александра I, выражение *idées libérales* (либеральные идеи) окончательно освободилось от своей исходной валентности — признака наполеоновской власти⁴⁶. В представлении же современников либеральные идеи были тесно связаны именно с персоной самого русского императора. Так, например, 27 сентября 1815 года Ж. де Сталь писала госпоже Жерандо: «Я в высшей степени восторгаюсь императором Александром [...] либеральные идеи [...] он любит до глубины души...»⁴⁷.

Выражение *либеральные идеи* в политическом дискурсе Наполеона Бонапарта было знаком определенных, технологически понимаемых политических практик, которые соответственно можно назвать либеральными. Такому наполеоновскому рационально-технологическому пониманию *либеральных идей* Александр I, склонный в это время к романтическому по своей сути мистицизму, противопоставил свое понимание *либеральных идей* —

⁴² Leonhard J. «1789 fait la ligne de démarcation». S. 79; *Idem*. Linguaggio ideologico e linguaggio politico. S. 38; *Idem*. Liberalismus. S. 142.

⁴³ Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. Т. 1: 1814—1820. СПб., 1913. С. 109.

⁴⁴ Герцог Орлеанский до 1793 года воевал на стороне революционной Франции, в период Реставрации поддерживал связь с либеральной оппозицией, а в 1830 году стал «королем французов» Луи-Филиппом.

⁴⁵ Цит. по: Дурьлин С./Н./ Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 289.

⁴⁶ Leonhard J. Linguaggio ideologico e linguaggio politico. S. 39.

⁴⁷ Шильдер Н.К. Император Александр I и госпожа де-Сталь // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 577.

не только как знака, но и как символа. В том понимании, которое Александр I вложил в выражение *либеральные идеи* в 1812 году, они становятся именно символом — символом борьбы с Наполеоном Бонапартом.

Вместе с тем в риторике Александра I, характерной для эпохи 1812—1815 годов, выражение *либеральные идеи* имело не только свойства символа, но и обладало перформативными свойствами. «...политика, — писал Ален Бадью, — является активной интерпретирующей мыслью, а не принятием какой-то власти. Это то, в чем политика являет себя следствием действий субъекта, наталкивающегося на реальное как на препятствие, и раздробленного фикцией смысла»⁴⁸. Политические высказывания Александра I, в которые было включено выражение *либеральные идеи*, имели перформативный характер, поскольку были направлены на создание новой политической реальности, нового положения вещей в пространстве политического. Тем более что они оказывались подкреплены и соответствующей политической практикой.

1816—1819 годы. Точка сингулярности понятия *либерализм*

Победа союзников над Наполеоном Бонапартом и триумф Александра I, неразрывно связанные в сознании современников с триумфом *либеральных идей*, стали предпосылками для появления и последующего распространения понятия *либерализм* в европейском масштабе. Во многом благодаря внешнеполитическим практикам Александра I понятие *либерализм* конституируется во второй половине 1810-х годов как общеевропейское с общей для основных континентальных европейских языков семантикой.

Как представляется, Александр I сыграл если не решающую, то по крайней мере очень значительную роль в появлении и распространении понятия *либерализм* во второй половине 1810-х годов в масштабе всей Европы.

Либеральные идеи, ставшие в политическом дискурсе Александра I знаком-символом, во второй половине 1810-х годов становятся и обозначением новой виртуальной области пространства со-

⁴⁸ Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М., 2005. С. 16.

циального, социальных отношений, одновременно онтологизируя это новое пространство, то есть превращая его в как бы реально существующее, в нечто якобы присутствующее в самой действительности⁴⁹.

Новое пространство социальной онтологии, воспринимаемое общественным сознанием как действительно существующая предметность, с помощью грамматической категоризации наделяется чертами сущности через обозначение ее существительным *либерализм*. Новая виртуальность социального, означенная новым существительным, становится реальностью. *Либерализм* приобретает силу и статус самой действительности.

Понятие *либерализм* первоначально концептуализируется как совокупность политических практик по внедрению конституционной (ограниченной, представительной) монархии как специфической формы правления. Первая концептуализация понятия всегда истинна⁵⁰. Не в смысле ее правдивости, то есть неложности, а в смысле единственности ее событийности. Она всегда есть закрепляемый в языке отсвет онтологически понятой событийности. В философии «создание концепта (понятия. — М.К.) всегда случается как функция проблемы»⁵¹. Концептуальное же осмысление политической практики — это всегда политическая философия.

Во второй половине 1810-х годов в русском общественном сознании идет процесс становления (кристаллизации) понятия *либерализм* — одновременно с аналогичным явлением, происходившим в общеевропейском масштабе.

В короткий период с 1815 до 1821 года, когда Александр I пытался создать новую модель социально-политических отношений в России, основным смысловым содержанием выражения *либеральные идеи*, а затем и понятия *либерализм*, в рамках политического дискурса было соединение семантических полей понятий *свобода* (*вольность*) и *легитимность* (*закон*) со всей отягощенностью их этимологий.

⁴⁹ «...само слово — даритель присутствия, т.е. бытия, в котором нечто является как существующее» (*Хайдеггер М.* Слово // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 306).

⁵⁰ «Концепт (понятие. — М.К.) всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» (*Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.; СПб., 1998. С. 40).

⁵¹ Алфавит Жюль Делеза. Совместно с Клер Парне. 1988—1989 / Пер. А. Корбута. [Минск], 2001, 2003 // KLINAMEN. Инфра_философия. С. 22, <http://klinamen.com/>

В середине 1810-х годов, оставаясь частью внешнеполитического дискурса, выражение *либеральные идеи* актуализируется в русском общественном сознании. В 1816 году слова *либеральный*, *либеральные* широко используются в правительственной газете *Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета*. В том же 1816 году в обращении к эстляндскому дворянству по случаю освобождения крестьян в Эстляндии Александр I писал: «Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастья народов»⁵².

В начале 1829 года П.А. Вяземский писал, что до 1817 года «не было еще хода на слово либерал»⁵³. Вместе с тем Филипп Филиппович Вигель в мемуарах, хотя и написанных гораздо позднее, отмечал, что в 1816—1817 годах «Слово *либерализм* [...] только что начало входить в употребление. Что значило оно? В настоящем смысле *щедрость*; только оно проистекало от другого слова, *liberté*, то есть *свобода*»⁵⁴ (выделено Ф.Ф. Вигелем. — М.К.).

Роль Александра I в процессе «либерализации» Европы отмечали многие. Так, например, Альбер Блан писал: «Именно благодаря Александру понятие “либерал”, имевшее совсем другой смысл до революции, приобрело свое нынешнее значение, — добавляя при этом, — и общеизвестно, что это изменение ведет свое начало от мадам де Сталь через Б. Констана»⁵⁵.

Идейный противник русского императора, вынужденный мириться с ведущей ролью России в постнаполеоновской Европе, князь Меттерних в своих мемуарах раздраженно-ностальгически писал, что без Александра I и без его статс-секретаря по иностранным делам с 1815 года Иоанна Каподистрии, «без этого мечтателя, что было бы с сегодняшним либерализмом?»⁵⁶ В 1817 году Бенжамен Констан писал о русском императоре:

...Александр, великодушный и вместе с тем осторожный в своем поведении, побеждает недоверие, которое стремится остановить прогресс человеческого рода и нетерпение, которое хочет обогнать

⁵² *Николай Михайлович*. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 237.

⁵³ *Вяземский П.А.* Моя исповедь // Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1879. Т. 2. С. 86.

⁵⁴ *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 824.

⁵⁵ Цит по: *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 306.

⁵⁶ См.: Там же.

время. Таким образом, он подготавливает новую эру, и потомство будет ему обязано учреждениями, основы которых он закладывает изо дня в день⁵⁷.

Вполне естественно, что понятие *либерализм*, концептуализированное на пике эпохи романтизма, являлось семантически неустойчивым и внутренне противоречивым, так же как и его аналог в области политической практики — представительная монархия, представлявшаяся современникам панацеей как от тирании одного, так и от тирании всех, то есть народа. Такая противоречивость, «соединение несоединимого» — один из главных признаков романтического мировоззрения⁵⁸.

П.А. Вяземский, переводя с французского на русский знаменитую речь Александра I, произнесенную им в марте 1818 года в Варшаве на открытии польского сейма, сохранил слово *либеральный* в выражении *либеральные учреждения*. Император, публично заявивший по-французски, что готовит *либеральные учреждения* для России, и озабоченный адекватностью восприятия его высказывания на родине, заменяет слово *либеральные* на сложносоставное *законно-свободные*⁵⁹.

Николай Михайлович Карамзин тонко почувствовал семантическую неустойчивость словосочетания *законно-свободные*, предложенного Александром I в качестве синонимического аналога определению *либеральные* в выражении *либеральные учреждения*. 8 апреля 1818 года историограф писал П.А. Вяземскому в Варшаву:

Libéralité принадлежит к неологизму нашего времени: я не мастер переводить таких слов. Знаю свободу: из нее можно сделать свободу, если угодно. Libéral в нынешнем смысле свободный; а законно-свободный есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободой живут как кошка с собакою. Всякий закон (гражданский) есть неволя. Но это глубоко и заведет нас далеко⁶⁰.

⁵⁷ Цит. по: Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 36.

⁵⁸ Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 42—43.

⁵⁹ П.А. Вяземский вспоминал: «Перевод слов: *constitution* и *liberal* — словами: *государственное уложение* и *законносвободный*, принадлежат самому Государю» (Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. XXXVI; выделено П.А. Вяземским. — М.К.).

⁶⁰ Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому, 1810—1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 49.

Понятия *либеральность* и *либерализм* в это время также означают не только политические, но и социальные реформы, связанные с изменениями крепостного состояния и ведущие, в перспективе, к личному освобождению крепостных крестьян. В августе 1818 года Александр Иванович Тургенев писал П.А. Вяземскому: «Брат Николай либеральничает в Симбирской нашей деревне»; и чуть позднее, в сентябре: «Брат возвратился из деревни. Он привел там в действие либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших, уменьшая чрез то доходы наши. Но поступил справедливо, следовательно и согласно с нашею пользою»⁶¹.

Однако в понятии *либерализм* уже слышались и иные смысловые оттенки. Журнал *Сын отечества* в 8-м номере за 1818 год писал в *Историческом и политическом обозрении 1817 года*: «Еще видны в некоторых странах движения в пользу низвергнутого тирана [Наполеона Бонапарта]: карбонарии в Италии, свободномыслящие (*les libéraux*) во Франции старались произвести беспокойства в его пользу»⁶². Чуткий Н.М. Карамзин 11 декабря 1818 года писал П.А. Вяземскому: «Я люблю свободу, хотя и не либеральность»⁶³, имея в виду негативные коннотации понятия *либеральность*, аналога понятия *либерализм*, которое, в свою очередь, все более и более начинает означать в русском общественном сознании определенное политическое направление.

31 марта 1819 года Н.М. Карамзин писал Ивану Ивановичу Дмитриеву после убийства Августа фон Коцебу Карлом Зандом: «Коцебу зарезан в Мангейме Студентом за его немодной образ мыслей»⁶⁴. И уже 7 мая 1819 года вполне определенно — Алексею Федоровичу Малиновскому: «Люди во всем сходят с ума: либерализм сделался болезнью. Все к лучшему, но не в смысле здешнего света. Мне с некоторого времени кажется, что просвещение Европы угрожается затмением»⁶⁵.

П.А. Вяземский передает, вероятно, почти дословно, следующие слова императора во время его аудиенции летом 1819 г.: «*Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois*

⁶¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 118, 121.

⁶² Историческое и политическое обозрение 1817 года // Сын Отечества. 1818. № 8. С. 74.

⁶³ Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. С. 68.

⁶⁴ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 259.

⁶⁵ Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 2. С. 401.

témoins, sont inhérents aux idées libérales: tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes»⁶⁶ («Некоторые думают, что беспорядки, свидетелями которых мы подчас бываем, присущи либеральным идеям, в то время как они не что иное, как злоупотребления этими идеями и принципами»).

Вернувшись в Варшаву, П.А. Вяземский продолжил попытки семантической и грамматической ассимиляции понятия *либерализм*. В ноябре 1819 года он писал А.И. Тургеневу: «Поляки не так брезгливы, как мы, и слова, которые не добровольно перескакивают к ним, перетаскивают они за волосы, и дело с концом. Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится». И далее, почти цитируя Н.М. Карамзина: «Окончание *ость* — славный сводник; например, *libéralité* непременно должно быть: *свободность*, а *libéral* — *свободностный*»⁶⁷.

Когда в 1819—1820 годах понятие *либерализм* вновь приобрело черты знака радикальной политической технологии, Александр I, утративший к этому времени контроль над либеральным политическим дискурсом, оказался не готов к такому его пониманию.

1820—1854 годы. Маргинализация понятия *либерализм* в русском общественном сознании

Следствием европейских революций начала 1820-х годов стала дифференциация понятия *либерализм* по «национальному» признаку. В основных странах Европы складываются разнонаправленные семантические тренды понятия *либерализм*.

После 1820 года в Германии понятие *либерал* становится названием оппозиции⁶⁸. В Италии в 1820—1821 годах триумфальное

⁶⁶ Вяземский П.А. Автобиографическое введение. С. XXXV—XXXVI. С.В. Мироненко считает, что П.А. Вяземский ошибся с датировкой своей встречи и разговора с Александром I, и полагает, что все это произошло летом 1820 года (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 182—183, 206). Вместе с тем Вяземский писал: «В один из приездов моих в Петербург из Варшавы...» (Вяземский П.А. Автобиографическое введение. С. XXXV). Заметим также, что слова «беспорядки» и «злоупотребления» вряд ли можно отнести к европейским событиям первой половины 1820 года. Да и сам П.А. Вяземский, рассказав в *Исповеди* о встрече с Александром I, имея в виду европейские революции 1820 года, писал: «Вскоре после того политические события, омрачившие горизонт Европы...» (Вяземский П.А. Моя исповедь. С. 88).

⁶⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 357—358.

⁶⁸ Leonhard J. From European Liberalism to the Languages of Liberalisms. P. 34.

шествие *либеральных идей* было связано с распространением *patriotismo* (*патриотизма*)⁶⁹. В 1820 году в политическом дискурсе Александра I появляется оппозиция: либерализм истинный — либерализм мнимый. Император определял свой «законно-свободный» *либерализм* как истинный, позиционируя его в центре политического спектра, равно удаляясь от «притворной (то есть мнимой). — М.К.) либеральности, которая порождает лишь анархию и мятежи» и от догматов «неограниченной и произвольной власти», приводящих, по его мнению, «к тем же последствиям»⁷⁰.

К 1821 году в русском общественном сознании понятия *либерализм* и *революция* сближаются. Оценивая стремление Австрии начать военную интервенцию в Неаполь, Н.М. Карамзин, в рамках органицистского подхода использовавший метафору болезни для определения состояния общества, писал в декабре 1820 года П.А. Вяземскому: «Австрия горячится и любит свое жаром [...] это не жар ли эпидемической болезни, которая волнует кровь европейскую, имея разные симптомы, либеральные и антилиберальные, но равно противные уму спокойному, тихому, ясному?»⁷¹

Н.М. Карамзин обозначал свою позицию не только как точку отсчета, но и как центр социального круга, вынося за его пределы любую социальную патологию. Позднее, в августе 1822 года, он писал Александру I: «Вы служите орудием Провидению. Здесь Либералисты, там Сервилисты; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное! Стойте же на часах без усталости»⁷².

В 1826 году, последовательно излагая цепь событий конца 1810-х — первой половины 1820-х годов, А.С. Пушкин замечал:

...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравной цензурой), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные⁷³.

⁶⁹ Leonhard J. Von den «Idées Libérales» zu den «Liberalen Ideen». S. 36.

⁷⁰ Записка императора Александра I, данная гр. П.А. Шувалову при отправлении его во Францию в 1820 году / Сообщил А.П. Шувалов // Русская старина. 1871. Т. 4. № 7. С. 88—89.

⁷¹ Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 107.

⁷² Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 28.

⁷³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 43.

Именно так представлялась современникам эволюция социального явления, определяемого понятием *либерализм* в России в первой половине 1820-х годов. «Я видел, — писал о 1820 году Ф.Ф. Вигель, — как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в кроваво-красный...»⁷⁴

В 1821 году члены тайного общества, будущие декабристы, стали называть себя либералами. В феврале 1821 года Александр I писал Александру Николаевичу Голицыну из Лайбаха, что, по его представлению, начала Священного союза

...не удалось побороть ни революционным либералам, ни радикалам, ни международным карбонариям. [...] все эти люди соединились в один общий заговор, разбившись на отдельные группы и общества, о действиях которых у меня все документы налицо, и мне известно, что все они действуют солидарно⁷⁵.

Несмотря на закрепление понятия *либерализм* в сфере политического, слово *либерал*, ассимилировавшее к этому времени и семантику слова *либертин* (*либертен*), в начале 1820-х годов сохраняло и свои старые, заимствованные из французского языка, значения: «распутный», «безнравственный», «щедрый». Так, например, в июле 1822 года Николай Иванович Гнедич писал П.А. Вяземскому, хотя и в шутку, о Василии Львовиче Пушкине, поэтический сборник которого подвергся жесткой цензуре: «И поделом Либералу Безбожнику, воспевавшему любовь, харит и других языческих идолов богомерзких»⁷⁶. В этом же значении использовал это слово и Н.М. Карамзин. «В поэме Либерала Пушкина, — писал он в сентябре 1822 года о поэме А.С. Пушкина *Кавказский пленник*, — слог живописен: я недоволен только любовным похождением»⁷⁷.

К середине 1820-х годов понятие *либерализм*, в значении «радикальные методы политического действия», все чаще стало ассоциироваться и с безнравственным, маргинальным поведением. В феврале 1823 года Алексей Николаевич Оленин на своем докладе Александру I записал: «Государь император [...] строжайше повелеть соизволил, чтоб выбор мой падал [при наборе чиновников в

⁷⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. С. 978.

⁷⁵ Николай Михайлович. Император Александр I. С. 250.

⁷⁶ Из переписки князя П.А. Вяземского с Н.И. Гнедичем // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1995. [Вып.] 6. С. 450—451.

⁷⁷ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 337.

Государственную канцелярию] на людей отличной нравственности и отнюдь не зараженных духом нынешнего времени, т.е. неуместным либерализмом»⁷⁸.

В записке 1824 года Александр I уже однозначен: «...пагубный дух во ль н о м ы с л и я или л и б е р а л и з м а разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками...»⁷⁹ (разрядка в публикации. — М.К.).

События 14 декабря 1825 года надолго закрепляют в русском общественном сознании понятие *либерализм* в его революционном, радикальном смысле, одновременно усиливая связанную с ним коннотацию безнравственности и глупости. О бунте на Сенатской площади спустя пять дней Н.М. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов!»⁸⁰ В начале января 1826 года Николай I в беседе с французским послом практически повторил высказывание Н.М. Карамзина, пытаясь развеять тревогу, «которую безумие наших русских либералов могло возбудить в Париже»⁸¹. В начале июня 1826 года Очкин, петербургский приятель Николая Михайловича Языкова, писал к нему в Дерпт о «бунтовщиках-либералах»⁸².

В августе—сентябре 1827 года двадцатилетний Иван Васильевич Киреевский с наивной юношеской уверенностью поведал своему ровеснику Александру Ивановичу Кошелеву программу действий нового поколения, явно противопоставляя ее негативному опыту декабристов: «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога»⁸³.

После 1830 года во Франции социальный смысл понятия *либерализм* посредством выражения *parti libéral* (*либеральная партия*)

⁷⁸ Государственная канцелярия, 1810—1910. Составлено в Государственной канцелярии. СПб., 1910. С. 55.

⁷⁹ К истории 14 декабря 1825 г. Собственноручная записка императора Александра I-го 1824 года // Русская старина. 1883. Т. 40. № 12. С. 659.

⁸⁰ Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. С. 467.

⁸¹ Татищев С. Вовращение императора Николая. По неизданным источникам Парижского архива министерства иностранных дел // Русский вестник. 1893. Т. 225. № 4. С. 27 (из депеши французского посла графа Ла-Ферронэ из Петербурга в Париж от 9/21 января 1826 года).

⁸² Языковский архив. Вып. 1: Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 254.

⁸³ Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 10.

оказался тесно переплетен со смыслом понятия *bourgeoisie* (*буржуазия*). Как заметил Й. Леонхард, *libéralisme rationnel* (*рациональный либерализм*) стал успешной стратегией *classe moyenne* (*денежного, финансового класса*), с помощью которой он осуществлял свои интересы после июльской революции и одновременно защищал достигнутые результаты от посягательств на них народных масс. Закрывающийся именно в этом социальный характер *parti liberal* особенно отчетливо раскрылся после ее победы в июле 1830 года⁸⁴.

В России понятие *либерализм* понимали по-своему. В 1832 году А.С. Пушкин на необозримой шкале глупости попытался скрестить либерала с ослом. В черновом варианте поэмы *Езерский*, имея в виду *Московский телеграф* Николая Алексеевича Полевого, он писал:

[геральдического льва]
Лягает немощным копытом
Демократический журнал
Четвероногий либерал⁸⁵.

В феврале все того же 1832 года П.А. Вяземский писал жене о Николае Ивановиче Кривцове: «Главное дело, чтобы он чист был по денежным делам и по либеральным, то есть чтобы он не был замечен взяточником или либералом»⁸⁶. 14 июля 1834 года А.С. Пушкин писал жене: «...главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма»⁸⁷.

Квинтэссенцию негативных значений политического и нравственного смыслов понятия *либерализм* в русском общественном сознании 1840-х годов содержит знаменитое письмо Виссариона Григорьевича Белинского к Павлу Васильевичу Анненкову, написанное в начале декабря 1847 года. Между прочим, в письме Белинский выразил свое мнение о Тарасе Григорьевиче Шевченко, арестованном 5 апреля 1847 года по делу Кирилло-Мефодиевского общества и отправленном в ссылку:

...Здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотиз-

⁸⁴ Leonhard J. «1789 fait la ligne de démarcation». S. 97.

⁸⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 414.

⁸⁶ Вяземский П.А. Письма к жене за 1831—1832 гг. // Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 286.

⁸⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 15. С. 180.

му хохлацкому [...] Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его [...] Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха.

Досталось от В.Г. Белинского и другому самостийнику — Пантелеймону Александровичу Кулишу:

Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш [...] напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть [...] Вот, что делают эти скоты, безмозглые либералишки. Ох эти мне хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом⁸⁸!

Весь набор негативных смыслов понятия *либерализм*, характерный для русского общественного сознания 1830—1840-х годов, В.Г. Белинский относил не только «к такого рода либералам», как Т.Г. Шевченко или П.А. Кулиш. В полной мере это относилось и к стране победившего либерализма — к Франции, где либерализм к этому времени стал почти религией. В письме Василию Петровичу Боткину от 2—6 декабря 1847 года Белинский писал: «...в Англии среднее сословие контрабалансируется аристократией, оттого английское правительство столько же государственно, величаво и славно, сколько французское либерально, низко, пошло, ничтожно и позорно»⁸⁹.

1855—1866 годы. «Второе пришествие» понятия *либерализм*

Частичная семантическая «реабилитация» понятия *либерализм* в русском общественном сознании конца 1840-х — начала 1850-х годов происходит под влиянием революций 1848 года в Европе, в ходе которых бывшие радикально настроенные либералы решительно выступили против новых радикалов — демократов, социалистов, коммунистов и анархистов. Предпосылки для этого сложились еще в 1830-х годах, когда в понимании Франсуа Гизо уже не обнаруживалось никакой семантической разницы между понятиями *conservateur* (*консерватор*) и *libéral* (*либерал*)⁹⁰.

⁸⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 440—441.

⁸⁹ Там же. С. 452.

⁹⁰ Leonhard J. «1789 fait la ligne de démarcation». S. 99.

В конце 1840-х — начале 1850-х годов на смену волюнтаристскому прогрессизму, тесно связанному с системой романтического мировоззрения, приходит новая парадигма общественного сознания — эволюционизм, в основании которого лежит позитивизм со столь свойственным для него «историческим самодовольством»⁹¹. В России аналогом позитивизма становится реализм (критический реализм). Метафизику сменяет «положительная наука».

Сдвиги в русском общественном сознании происходят во время Крымской войны. Первым, кто в новых условиях осуществил новую концептуализацию (переформатирование) понятия *либерализм*, вложив в него новый смысл, стал Б.Н. Чичерин. В статье *Современные задачи русской жизни*, написанной летом 1855 г., Чичерин выдвинул концепцию ограниченной свободы и обосновал политическую программу либеральных реформ. С воодушевлением неопфита он писал:

Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение [...] Это слово, которое излечит глубоко проникнувшие язвы, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое даст нам возможность стать на ряду с другими народами [...] В либерализме вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели»⁹².

В 1855 году Б.Н. Чичерин, соединявший в своем мировоззрении метафизические принципы и позитивистскую прагматику, применяет понятие *либерализм* не для описания существующей реальности, а для концептуализации будущего переходного состояния. В концепции реформ, предложенной Б.Н. Чичериным в 1855 году, понятие *либерализм*, говоря словами Р. Козеллека, «отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего»⁹³. С помощью

⁹¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина Российской культуры» — неизданное сочинение Семена Боброва) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 358: Труды по русской и славянской филологии, XXIV: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 169.

⁹² [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 4. С. 111—112.

⁹³ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах. С. 26.

этого понятия Чичерин выстраивает проект будущего, перечисляя необходимые реформы, реализация которых, по его мнению, будет означать осуществление этого проекта. Вместе с тем понятие *либерализм* выступает у Чичерина и как знак-символ. Получая метафорическую предметность («знамя»), оно оказывается не только проективным знаком будущего, но и символом этого будущего.

Свое понимание смысла понятия *либерализм* Б.Н. Чичерин конкретизировал в *Письме к издателю*, которое они вместе с К.Д. Кавелиным написали, вероятно, в январе 1856 года и за подписью «Русский либерал» отправили А.И. Герцену в Лондон⁹⁴. Отмежевываясь от революционеров, Б.Н. Чичерин позиционировал в своей части письма *либерализм* как всецело центристское течение:

Вы не думайте, однакожь, чтобы мы стояли на точке зрения русских и западных тупоумных консерваторов. Значение революций мы понимаем; мы знаем, что там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является, как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории»⁹⁵.

Обозначая позиции если еще не врагов, то уже идейных противников, Б.Н. Чичерин, от имени *либеральной партии*, то есть части общества, выступавшей за реформы в союзе с правительством, писал А.И. Герцену: «...вы социалисты [...] вы всеми своими воззрениями принадлежите прошедшему. Вы даже не люди XIX века, а наследники благородных, но поверхностных мыслителей XVIII столетия; от них вы не ушли ни на шаг»⁹⁶.

Для Б.Н. Чичерина либералы, противопоставляемые социалистам, — это именно «люди XIX века», впрочем, не все и не всего века. Это позитивисты, то есть позитивно или реалистически мыслящие люди новейшей формации, которые «не довольствуются уже общими фразами и безотчетными верованиями. С неба они сошли на землю; от метафизики они перешли к изучению явлений; от социальных утопий к практическому приложению мысли к жизни, не путем отрицания, а путем постепенного развития»⁹⁷.

⁹⁴ Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 48—49.

⁹⁵ *Русский либерал*. [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.] Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1. С. 26.

⁹⁶ Там же. С. 29—30.

⁹⁷ Там же. С. 30.

Противопоставляя *революционность* и *либерализм*, Чичерин писал Герцену:

Если бы вы могли на время возвратиться в отечество, вы бы пришли в отчаяние. Либералов еще вы встретите довольно много; либерализм (в понимании Б.Н. Чичерина. — *М.К.*) в настоящую войну сделал даже довольно значительные успехи. Но революционеров вы не встретите вовсе. К нам революционные теории не только неприменимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство.

В этой семантической борьбе за понятие *либерализм* провинция явно отставала. Характерно письмо одного из членов кружка казанских студентов, ядро которого составляли бывшие ученики Николая Гавриловича Чернышевского по Саратовской гимназии. Не установленный III отделением студент Казанского университета писал 5 апреля 1856 года в Горы-горки Могилевской губернии студенту П.И. Зайцевскому:

Начиная с Нового года, у нас были славные кутежки [...] Кутежки наши имеют свой особенный характер: у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т.п. (известно, что саратовцы и сибиряки — отчаянные либералы); являются тосты — за Н.Г. Чернышевского первым делом, потом мы воспевали волюность, свободу, бралим всё и всех без пощады, начиная с Н.П. [Николая Павловича]⁹⁸...

В письме казанского студента лишний раз дал о себе знать родовой грех понятия *либерализм*, этимологически восходящего к *Либеру* и *либертинам*. В отличие от позитивно настроенного и реалистически мыслящего либерала, в понимании Б.Н. Чичерина, «отчаянные либералы», в представлении казанского студента, — это люди, вполне органично сочетающие «славные кутежки» с воспеванием волюности и свободы, с тотальной и радикальной критикой и отрицанием окружающей действительности — «бралим всё и всех без пощады». Отметим, что именно такой смысл понятия *либерализм* был господствующим в русском общественном сознании 1830—1840-х годов.

Однако уже в июне 1856 года сенатор Кастор Никифорович Лебедев делает симптоматичную запись: «Гр. [П.Д.] Киселев назна-

⁹⁸ *Русский либерал*. [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.] Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1. С. 25—26. Макашин С.А. (публ.) Два документа о Чернышевском из архива III Отделения // Лит. наследство. Т. 67. М., 1959. С. 302.

чен послом в Париж. Многие видят в этом перемену системы, спуская либерала и назначив какого-нибудь тори. Но, во-первых, тори не назначен, да нет их: в современной атмосфере искренне или притворно — все либералы⁹⁹. Иными словами, все — сторонники курса на реформы, должны осуществляться, как писал Б.Н. Чичерин, «путем постепенного развития» и в согласии общества и правительства. Пока не важно, искренни эти сторонники или притворны — летом 1856 года именно их называли *либералами*. Впрочем, ретроспективная оценка такого *либерализма* как моды¹⁰⁰ лишний раз подчеркивает изменчивость, «ветреность» общественного сознания в представлении самих современников.

Как это не покажется парадоксальным, изменение смысла понятия *либерализм* в русском общественном сознании того времени оказалось связано именно с действиями правительства. Власть взяла инициативу *либеральных* реформ на себя, и *либералами* в это время становились не только вследствие собственных убеждений или под влиянием моды, но и вследствие привычной ориентации на власть, которая не только разрешала подданным быть *либералами*, но и своими действиями сама призывала их к этому.

Такие изменения в политической ориентации части публики и желание следовать линии правительства, не имея при этом собственных политических принципов, не остались незамеченными в общественном сознании. 17 марта 1858 года Елисей Яковлевич Колбасин сообщал Ивану Сергеевичу Тургеневу из Петербурга о появившейся эпиграмме на А.Н. Майкова:

В России странный век настал:
Затмилось Третье Отделение!
И вновь стал Майков либерал —
С Монаршего соизволения¹⁰¹.

В апреле 1858 года Б.Н. Чичерин подготовил к изданию сборник своих статей — *Очерки Англии и Франции*. Во введении к *Очер-*

⁹⁹ Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1. № 4. С. 353.

¹⁰⁰ Все тот же Б.Н. Чичерин, спустя тридцать лет, писал: «...с новым царствованием, либерализм вошел в моду...» (Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 50).

¹⁰¹ *Населенко Е.П., Мотовилова М.Н.* (Публ.) Из писем к И.С. Тургеневу Е.Я. и Д.Я. Колбасиных // Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы, 1847—1861. М.; Л., 1930. С. 354; *Шербина Н.Ф.* Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Л., 1929. С. 79.

кам под воздействием изменений в общественном сознании, размывавших тот смысл понятия *либерализм*, который Чичерин в него вкладывал, он позиционировал уже свой *либерализм* как «истинный»:

Истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал; цель его должна быть водворение в обществе законной свободы согласно с условиями народной жизни, а правильное развитие свободы обеспечивается только сильным развитием власти [...] Избрание середины тогда только служит признаком внутренней пустоты, когда оно основано на бессилии мысли, на слабодушном эклектизме, который, не находя в себе живых начал, хочет держаться в равновесии между противоположными воззрениями, и собирает чужие крохи без всякого разумного руководства. Сочетание же противоположностей, которые неразрывно соединены и в теории и в жизни, есть дело всякого мыслящего человека¹⁰².

Будучи безусловным сторонником принципа историзма, Б.Н. Чичерин, совершенно в духе гегелевской метафизики «обладающего самосознанием духа» и, одновременно, французских доктринеров, писал: «История, как и природа, не делает скачков, ибо она составляет продолжение того постепенного развития, которое, начиная с геологических формаций, приходит к высшему сознанию человека»¹⁰³. Для Б.Н. Чичерина противопоставление эволюции/революции необходимое основание его *либерализма*, становящегося политической доктриной.

Прошло несколько месяцев, и уже в восьмом и девятом номерах *Современника* за 1858 год была опубликована большая статья Н.Г. Чернышевского *Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X*¹⁰⁴. Не называя напрямую имени своего оппонента, Чернышевский выступил не против предложенного Б.Н. Чичериным понимания *либерализма*, а именно с критикой *либерализма* как политической доктрины, причем сделал он это с демократических позиций. Впрочем, Чернышевский попытался развенчать либерализм не только как политическую доктрину, но и стремился вложить свой смысл в само понятие *либерализм*:

От времен Реставрации досталось в наследство нашему времени пресловутое и, по правде говоря, превздорное слово «либера-

лизм», которое до сих пор порождает столько путаницы в головах, столько глупостей в политической жизни и приносит столько бед народу, о благе которого так суетливо и так неудачно хлопотали либералы от Кадикса до Кенигсберга, от Калабрии до Нордкапа¹⁰⁵.

Далее Н.Г. Чернышевский, пытаясь определить значение понятия *либерализм*, производит и собственное идеологическое позиционирование: «Впрочем, несмотря на то, что слово “либерализм” повсюду очень употребительно, его значение и в Западной Европе, а тем более у нас остается очень сбивчивым. Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и с демократами». Главная задача Н.Г. Чернышевского, как он сам об этом пишет, — «определить либерализм в точном смысле слова». Высшие интересы *либеральной партии*, согласно Чернышевскому, это «право свободной речи», то есть свобода слова, и «конституционное устройство»¹⁰⁶, то есть институционализация законодательной власти в виде представительного органа (парламента) на основании принципа разделения властей.

По мнению Н.Г. Чернышевского, «либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Поэтому либералы питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведет к деспотизму и гибели для свободы»¹⁰⁷. Отметим, что для Б.Н. Чичерина современный *либерализм* предполагает учет «некоторых существенных результатов демократического движения нового времени», читай революций 1848 года.

Характерно, что, согласно Н.Г. Чернышевскому, эволюционизм, противопоставленный революционности, — необходимое и обязательное свойство, присущее *либерализму*:

Из всех политических партий одна только либеральная неприимима с радикализмом, потому что он расположен производить реформы с помощью материальной силы и для реформы готов пожертвовать и свободой слова, и конституционными формами. Конечно, в отчаянии либерал может становиться радикалом, но такое состояние духа в нем не естественно, оно стоит ему постоянной борьбы с самим собою, и он постоянно будет искать поводов, чтобы избежать надобности в коренных переломах общественного

¹⁰² Чичерин Б.[Н.] Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. XI—XII.

¹⁰³ Там же. С. XVII.

¹⁰⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 5. С. 213—291.

¹⁰⁵ Там же. С. 215.

¹⁰⁶ Там же. С. 215—216.

¹⁰⁷ Там же. С. 216.

устройства и повести свое дело путем маленьких исправлений, при которых не нужны чрезвычайные меры. [...] С теоретической стороны либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбой от материальной нужды: свобода — вещь очень приятная. Но либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения¹⁰⁸.

Вероятно, по цензурным соображениям из статьи Н.Г. Чернышевского был исключен небольшой, но достаточно важный пассаж, в котором он определял главную цель своей статьи: «...разоблачить это обманчивое понятие [либерализм], обнаружить его совершенную пустоту, показать, что между так называемыми либералами было с самого начала так же мало здравых понятий о свободе, как и между так называемыми роялистами...»¹⁰⁹. *Либералами* в точнейшем смысле слова, по мнению Н.Г. Чернышевского, являлись приверженцы английской конституции¹¹⁰.

Если Б.Н. Чичерин и Н.Г. Чернышевский весной—летом 1858 года занимались теоретическим определением своих позиций, то в дворянских губернских комитетах шло практическое оформление и размежевание партий. Так, например, помещик Ржевский писал из Орла 16 ноября 1858 года И.С. Тургеневу: «Теперь уж ясно обозначились партии нашего Комитета: крайняя правая, т.е. защитница крепостного права, [...] [и] левая или либеральная...»¹¹¹

Собственно, только с этого времени о двух направлениях, то есть о *либерализме* и *демократии*, и возможно говорить как об идеологиях, складывающихся в русском общественном сознании. Начавшийся весной—летом 1858 года процесс идеологического оформления либерального и революционно-демократического направлений становится необратимым зимой 1858/59 года и окончательно завершается в 1862 году.

Осенью 1858 года происходит и окончательный разрыв Б.Н. Чичерина с А.И. Герценом. Поводом к нему стала публи-

¹⁰⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 5. С. 216—217.

¹⁰⁹ Там же. С. 220.

¹¹⁰ Там же. С. 223.

¹¹¹ [Громов В.А.] Корреспонденты Тургенева 1858—1861 гг. в перлюстрациях III отделения // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л., 1968. С. 233.

кация Герценом в 25 листе *Колокола* от 1 октября 1858 года анонимного *Письма к редактору*, в котором содержался открытый призыв к отмене крепостного права революционным путем. Общественность, в том числе и Б.Н. Чичерин, восприняли публикацию этого письма как манифестирование позиции издателя *Колокола* и подвергли Герцена острой критике. В ответ А.И. Герцен назвал Б.Н. Чичерина «либеральным консерватором» и «прямолинейным доктринером»¹¹².

В русском общественном сознании 1859—1862 годов происходит семантическая фрагментация понятия *либерализм*, которая свидетельствует о начавшейся идеологической фрагментации или парцелляции самого общества. В политическом дискурсе русского общественного сознания во второй половине 1850-х — самом начале 1860-х годов актуализируется семантика понятия *либерализм*, характерная для второй половины 1810-х годов. Однако уже в начале 1860-х годов понятие *либерализм* одновременно вновь начинает ассоциироваться и с безнравственным поведением.

1 марта 1860 года в *Колоколе* было опубликовано *Письмо из провинции*, подписанное просто — «Русский человек»¹¹³. Обращаясь к А.И. Герцену, неизвестный автор писал: «Помните ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстоять опасность, если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выдти страшное бедствие — новое торжество царской власти». Аноним однозначно противопоставлял *либералов* народу. Он писал о «помещиках-либералах», «либералах-профессорах», «литераторах-либералах», которые «убаюкивают» А.И. Герцена «надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства». По мнению автора *Письма из провинции*, поворотным стал конец 1857 — начало 1858 года, когда

...после издания рескриптов все очутились в чаду — как будто, дело кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть...¹¹⁴

¹¹² Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 361.

¹¹³ Колокол. 1860. 1 марта. Лист 64. С. 533—535.

¹¹⁴ Там же. С. 534.

В начале 1860 года *либералы* для «Русского человека» — это «люди прогресса из так называемых образованных сословий». Когда крестьяне, по его мнению, «готовы с отчаяния взяться за топоры», «либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и, кто их знает, что еще». Аноним задает в письме риторический вопрос:

Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого, в случае если народ без руководителей возьмется за топор — путаница [...] или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместе с Собакевичами, Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им?

И тут же, заранее похоронив не одну сотню человек, с некоторым пафосом сам же отвечает:

Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о *демокраси* в Америке и не знающих, что делать дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя, в сущности, не выйдет из них-то — ничего...¹¹⁵

Таким образом, можно констатировать, что в идеологически ориентированном сознании радикала начала 1860 года *либерал* — это помещик, профессор, литератор, «франт в желтых перчатках». Пройдет три с небольшим года, и уже совсем не радикал, историк Иван Егорович Забелин напишет в записной книжке: «Кто Петра [I] не любит. Кому он не по сердцу, ненавистен [...] Ленивый, белые руки, помещик по привычкам, вкусам, по душе — будет ненавидеть, а что любопытно, будет прятаться в своих разглагольствиях за современную гуманность, либерализм, за все современные слова-амулеты»¹¹⁶.

Фактически И. Е. Забелин констатирует превращение слов «*гуманность*» и «*либерализм*» в знаки-символы, теряющие свою понятийную содержательность.

Обнародование *Манифеста* и *Положений* 19 февраля 1861 года усилило идеологическую и политическую дифференциацию русского общества. В обстановке усиления социальной нестабильно-

¹¹⁵ Колокол. 1860. 1 марта. Лист 64. С. 534.

¹¹⁶ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 260. Из записи от 14 июля 1863 года.

сти Б.Н. Чичерин в начале октября 1861 года в письме к брату Василию в Петербург приходит к выводу: «Вообще, в настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть»¹¹⁷.

Василий Николаевич Чичерин, брат Б.Н. Чичерина, в это время занимал должность советника министра иностранных дел Александра Михайловича Горчакова и регулярно знакомил своего патрона с мнением брата о политической ситуации в стране. Письма Б.Н. Чичерина читались в самых высоких правительственных кругах. С ними знакомился и Александр II. Какое-то время осенью 1861 года Б.Н. Чичерин, по сути, был тайным корреспондентом и советником власти. Именно в этой переписке с братом, фактически адресованной высшей власти, и формируется его концепция охранительного, консервативного *либерализма*, или *либерального консерватизма*.

В.Н. Чичерин письмо брата, в котором тот предлагал совместить «либеральные меры и сильную власть», показал многим. В одном из ответных писем В.Н. Чичерин оповещал брата: «Ты не можешь себе представить, какой эффект произвело твое письмо. От Горчакова оно ходило к Михаилу Николаевичу и другим властям, и переписано для государя...»¹¹⁸

Во втором письме В.Н. Чичерин советовал брату: «Следовало бы развить эту идею, особ<енно> либер<альные> меры»¹¹⁹. Вероятно, окрыленный Б.Н. Чичерин мысленно уже примерял шинель А.И. Герцена покроя 1858 года. С ним почти случилось то, что он советовал своему политическому оппоненту четыре года назад — давать власти взвешенные советы. В ответ Б.Н. Чичерин развивал свои идеи:

...выражение «либеральные меры и сильная власть». Оно не случайно попало мне под перо. По моему мнению, оно должно быть лозунгом правительственно-либерального или, если хочешь, консервативно-либерального мнения в России. Это мнение едва зарождается. [...] Тем не менее, либеральное мнение в России раздваивает-

¹¹⁷ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 24.

¹¹⁸ Там же. С. 25.

¹¹⁹ Кизельштейн Г. Б. К эволюции историко-политических взглядов Б.Н. Чичерина // История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. М., 1965. С. 431.

ся, хотя люди, которые ничего в этом не понимают, всех нас крестят названием красных (выделено Б.Н. Чичериным. — М.К.)¹²⁰.

Это письмо В.Н. Чичерин «почти целиком переписал для государства» и поспешил *обрадовать* брата: слабость А.М. Горчакова — «присваивать себе совершенно всякую мысль, которая ему понравится; например, выражение: “Либеральные меры и сильная власть” — не твое, потому что Горчаков давно уже написал его на своем знамени»¹²¹.

В своей вступительной лекции курса по государственному праву в октябре 1861 года Б.Н. Чичерин заявлял: «Нет ничего гибельнее для практики, как теория односторонняя или недостаточная, какова бы она не была, — охранительная, либеральная, демократическая»¹²². Он призвал студентов «работать, как следует людям, преданным науке — спокойно, беспристрастно, либерально». И тут же уточнил смысл своего высказывания, чтобы быть понятым адекватно:

Когда в деле науки говорю о либерализме, я разумею не юридическую свободу, свободу мысли, я разумею то просвещенное состояние духа, в котором человек внимательно выслушивает каждое серьезное мнение и старается извлечь из него для себя пользу. Тот, кто во имя либерализма хочет подавлять чужие убеждения, не имеет ни малейшего понятия о свободе. Это худшее из всех легкомыслий¹²³.

В январе 1862 года Б.Н. Чичерин опубликовал в газете «Наше время» статью «Меры и границы», критикуя с позиции государственника «безграницный» либерализм:

Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только такому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением. [...] Русский либерал выезжает на нескольких громких словах: свобода, гласность, общественное мнение, слияние с наро-

¹²⁰ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. С. 28—29.

¹²¹ Там же. С. 35—36.

¹²² Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // Чичерин Б.[Н.] Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 39.

¹²³ Там же. С. 40.

дом и т.п., которым он не знает границ, и которые поэтому остаются общими местами, лишенными всякого существенного содержания¹²⁴.

Ученое сознание Б. Н. Чичерина требовало инструментальной по своей сути определенности понятий. Многозначность таких слов, как «свобода», «гласность» и ряда других, при одновременном превращении их в знаки-символы, его не устраивала. «Элемент разгульной свободы», присущий, по мнению Б.Н. Чичерина, русскому обществу, он назвал *казачеством*.

В своей статье *Что такое охранительные начала?*¹²⁵ Б.Н. Чичерин поднял знамя *либерального консерватизма*. Это была сознательная, но абсолютно искренняя рационализация собственной политической позиции: «Мы ищем лекарства не там, где оно находится. И корень зла, и средства врачевания лежат не в учреждениях, не во внешних условиях, а в нас»¹²⁶. «Только энергия разумного и либерального консерватизма, — по мнению Б.Н. Чичерина, — может спасти русское общество от бесконечного шатания»¹²⁷. В заключение статьи он писал: «Теперь истинный либерализм измеряется не оппозицией, не прославлением свободы, не передовым направлением, а преданностью “Положению” 19-го февраля [...] Этого же должно держаться и разумное охранительное мнение. Консерватизм и либерализм здесь одно и то же»¹²⁸.

В марте 1862 года в *Нашем времени* была опубликована статья Б.Н. Чичерина *Различные виды либерализма*¹²⁹, в которой автор завершил формирование своей политической концепции. В статье рассматривался *охранительный либерализм* в сравнении с другими разновидностями *либерализма* — *уличного* и *оппозиционного*. В начале 1862 года реформы, концептуально означенные Чичериным через понятие *либерализм* в 1855 году, и прежде всего отмена крепостного права, начали осуществляться или находились в стадии подготовки. Поэтому проективный *либерализм* Чичерина, как на-

¹²⁴ Чичерин Б.Н. Мера и границы // Чичерин Б.[Н.] Несколько современных вопросов. С. 78—79.

¹²⁵ Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Чичерин Б.[Н.] Несколько современных вопросов. С. 143—181.

¹²⁶ Там же. С. 161.

¹²⁷ Там же. С. 162.

¹²⁸ Там же. С. 181.

¹²⁹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б.[Н.] Несколько современных вопросов. С. 183—201.

бор определенных политических и социальных практик, нуждался, по его мнению, не в корректировке или изменении, а в защите — как от противников реформ, так и от тех, кто полагал, что они недостаточны.

В 1866 году в предисловии к книге *О народном представительстве* Чичерин пишет:

Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее неперемным условием всякого гражданского развития. Признать это, — значило бы отречься от всего своего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения.

Добавляя при этом: «Русская история не мешает нам любить свободу, к которой, как к высшему идеалу, стремится всякая благородная душа»¹³⁰.

Иными словами, фактически Б.Н. Чичерин выводит либерализм на уровень метафизического принципа, полагая свободу в качестве «трансцендентального означаемого» понятия *либерализм*. Необходимо отметить, что позитивизм самого Чичерина в этот период распространялся только на сферу политического. В области философии он оставался метафизиком — последователем спекулятивной философии Гегеля, *положительно* применяя ее к истории. В середине 1860-х годов, в условиях торжества позитивистского нигилизма, Б.Н. Чичерин возвращает метафизику и в качестве философского основания своего представления о политике и политическом.

Выведя понятие *либерализм* на уровень чистой метафизики, Б.Н. Чичерин тем самым дал возможность для его «опредмечивания» и последующей позитивистской терминологически-инструменталистской формализации. Становясь позитивностью, понимаемой как некая, хотя и мнимая, предметность, в позитивистски ориентированных концепциях понятие *либерализм* утрачивает связь с событийностью, говорящей в языке новыми смыслами. Оно само оказывается формализованным в различных теоретических конструкциях, которые, в свою очередь, становятся основанием для

¹³⁰ Чичерин Б.[Н.] *О народном представительстве*. М., 1866. С. XVI—XVII.

изменения действительности согласно формуле Карла Маркса из *Тезисов о Фейербахе*: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (выделено К. Марксом. — М.К.)¹³¹, то есть изменить согласно нашим понятиям и смыслом, которые сами по себе понимаются инструменталистски, как технические и формализованные.

Конец XIX — начало XX века. «Зима либерализма»

В 1870 году Алексей Сергеевич Суворин в статье *По поводу «Отцов и детей»*¹³², сравнивая современное состояние общества с атмосферой «брожения» (ферментации) 1861 года, писал: «То была весна нашего либерализма, как теперь зима его». Зима началась всерьез и надолго, практически навсегда.

В последней трети XIX — начале XX века в русском общественном сознании, одновременно с процессом формирования национального самосознания, идет процесс отторжения понятия *либерализм* как не присущего русской традиции и русской культуре. В романе *Идиот*, написанном в 1867—1868 годах, Федор Михайлович Достоевский вкладывает в уста флигель-адъютанта Евгения Павловича Р., двадцативосьмилетнего, «какого-то уж слишком неслыханного богатства», писаного красавца «знатного рода» и одновременно человека «чрезмерного образования», «остроумного, блестящего, “нового”», следующие слова:

...я ничего и не говорю против либерализма. Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть *русский* либерал, а есть *не русский* либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую [...] что же и есть либерализм, если говорить вообще, как не нападение (разумное или ошибочное, это другой вопрос) на существующие порядки вещей? Ведь так? [...]

¹³¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.

¹³² Суворин А.С. По поводу «Отцов и детей». (Из моих воспоминаний) // Суворин А.С. Очерки и картинки: Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина): В 2 кн. СПб., 1875. Кн. 2. С. 208—221.

Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё. [...] и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм [...] Эту ненависть к России, еще не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чем она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слова «любовь к отечеству» стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили, как вредное и ничтожное (выделено Ф.М. Достоевским. — М.К.)¹³³.

Через десять лет, в январе 1877 года в *Дневнике писателя*, Ф.М. Достоевский, уже от своего имени, писал:

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. [...] Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина¹³⁴; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких¹³⁵ европеизма, либерализма и социализма¹³⁶.

Вместе с тем *либерализм*, осознаваемый как «не русское» понятие, одновременно представлялся в русском общественном сознании и как трансцендентный символ. 27 августа 1878 года И.Е. Забелин пишет в дневнике:

Евгений Корш — человек верхних идей, почему вся его образованность и ученость состоит больше всего из Заглавий и Оглав-

¹³³ *Достоевский Ф.М.* Идиот // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Л., 1989. Т. 6. С. 334, 336.

¹³⁴ «Потугин» — герой романа И.С. Тургенева *Дым*, радикальный западник, альтер эго самого автора.

¹³⁵ «Стрюцкий» — пустой, неосновательный, ничтожный человек.

¹³⁶ *Достоевский Ф.М.* Мы в Европе лишь стрюцкие // Достоевский Ф.М. Собр. соч. СПб., 1995. Т. 14. С. 26.

лений (то есть симулякров, пустых знаков¹³⁷. — М.К.), но не из самого материала знания. [...] Системы никакой. Точка отправления, она же и система — это либерализм. Это бог, которого боятся и постоянно ему поклоняются. Боятся, как бы не сказать и не сделать чего-либо не либерального¹³⁸.

В 1870-е годы в русском общественном сознании происходит окончательная фрагментация понятия *либерализм*, так и не оформившегося инструментально-терминологически в 1860-е годы. Смысл его распадается и дробится россыпью отдельных значений в зависимости от контекста словоупотребления. Главный герой *Подростка* Ф.М. Достоевского, один из «теперешних русских детей» середины 1870-х годов, от лица которого ведется повествование в романе, характеризуя «наше время», говорит своему другу Ламберту: «В наше время — наплевать на все общие принципы; в наше время не общие принципы, а одни только частные случаи»¹³⁹. И как бы подтверждая это, в 1880 году Константин Николаевич Леонтьев писал:

Либерализм, как идея по преимуществу отрицательная, очень растяжим и широк. В России либералов теперь такое множество и личные оттенки их до того мелки и многозначительны, что их и невозможно подвести под одну категорию, как можно, например, подвести под таковую *нигилистов* или *коммунаров*.

У последних все просто, все ясно, все исполнено особого рода преступной логики и свирепой последовательности. У либералов все смутно, все спутано, все бледно, всего понемногу. Система либерализма есть, в сущности, отсутствие всякой системы, она есть лишь отрицание *всех крайностей*, боязнь *всего последовательного и всего выразительного*. Эта-то неопределенность, эта растяжимость либеральных понятий и была главной причиной их успеха в нашем поверхностном и впечатлительном обществе. Множество людей либеральны только потому, что они жалостливы и добры; другие потому, что это выгодно, потому, что это в моде: «*никто смеяться не будет!*» К тому же и *думать* много не надо для этого теперь. В <18>60-х и <18>70-х годах быть умеренным либералом стало так же легко и выгодно, как было выгодно и легко быть строжайшим охранителем в <18>30-х и <18>40-х годах. [...] Теперь же либералами у нас, по выражению Щедрина, *заборы подпирают...* Так их мно-

¹³⁷ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

¹³⁸ Забелин И.Е. Дневники. С. 117.

¹³⁹ *Достоевский Ф.М.* Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч. Л., 1990. Т. 8. С. 575.

го и так мало нужно ума, познаний, таланта и энергии, чтобы стать в наше время либералом! (выделено К.Н. Леонтьевым. — М.К.)¹⁴⁰.

Вместе с тем *либерализм* К.Н. Леонтьев определял и как универсальный и космополитический, трансцендентный по своей сути, принцип:

Либерализм в России есть система весьма легкая и незатейливая еще и потому, что охранение у всякой нации *свое*: у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один (т.е. либерализм не британский *исключительный*, особый, а *общий* — демократический либерализм) (выделено К.Н. Леонтьевым. — М.К.)¹⁴¹.

«Либерализм русских людей на почве новых учреждений» К.Н. Леонтьев определял как «нечто *подозрительное*, и если не всегда прямо злодейское, то или очень глупое и легкомысленное, или весьма коварное и нечистое» (выделено К.Н. Леонтьевым. — М.К.)¹⁴². В том же 1880 году К.Н. Леонтьев писал: «Интеллигенция русская стала слишком либеральная, т.е. пуста, отрицательна, беспринципна»¹⁴³.

Определив семантическую неопределенность понятия *либерализм*, характерную для русского общественного сознания конца 1870-х годов, К.Н. Леонтьев одновременно почувствовал и его терминологически-доктринерскую узость, возникающую вследствие перенесения готовых смыслов и значений с европейской почвы на русскую. Все это в совокупности порождало ощущение онтологической неустойчивости и распада явлений социальной реальности, описываемых этим понятием в русской, и не только, действительности, и свидетельствовало о том, что понятие *либерализм* к этому времени полностью утратило свой проективный потенциал и перестало оказывать влияние на формирование социально-онтологического образа будущего в русском общественном сознании. Все в том же 1880 году К.Н. Леонтьев писал:

¹⁴⁰ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 174—175.

¹⁴¹ Там же. С. 175.

¹⁴² Там же. С. 178.

¹⁴³ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 373.

Либералы наши серьезны в нищете своего мировоззрения; ко-рифеи русской мысли в жалких предрассудках своих, кроме *последнего вывода западной общественной мысли*, ничего не видят на свете! [...] *либерализм долговечной будущности не может же иметь*; и до сих пор он явился только чем-то переходным, разрушительным, ослабляющим, размягчающим, расстраивающим все старое, все местное, все обособляющее, все, имеющее стиль и силу, но ничего ни местного, великого и прочного, сам по себе, не создавшим, ни миру никакого поразительного наследства не дающим. Мир живет *организацией*, т.е. *удачной гармонией свободы и стеснения*; а до сих пор, во всей Европе, с конца XVIII века, все опыты подобной гармонии на либерально-эгалитарных основаниях были неудачны и нестойки (выделено К.Н. Леонтьевым. — М.К.)¹⁴⁴.

1 марта 1881 года стало тем событием, которое оказало значительное влияние на понятийно-смысловую сферу русского общественного сознания. Спустя восемь лет, оценивая период от «рокового» 1861-го до «ужасного» 1881 года, все тот же К.Н. Леонтьев писал:

Наконец «бездна» (цареубийство. — М.К.), зиявшая давно и дали [...] разверзлась даже и перед слабыми умственными очами бессознательных и «добрых» наших либералов. И они наконец-то в ужасе отступили. [...] Умеренный либерализм стал выходить из моды. Умеренный либерализм для ума есть прежде всего *смута*, гораздо больше смута, чем анархизм или коммунизм. Анархизм и революционный коммунизм — враги открытые и *знающие сами*, чего хотят [...] Либерализм же умеренный и законный, *лично и для себя, и для других в настоящем безопасный и покойный, для государства в будущем*, иногда и очень близком, *несравненно опаснее открытого анархизма и всех возможных заговоров*. И он не только опасен, он *умосмутителен*, так сказать, по своей туманной широте, по своим противоречиям, по своей безосновности (выделено К.Н. Леонтьевым. — М.К.)¹⁴⁵.

Проективный потенциал позитивистски ясной социалистической доктрины, присутствующий в понятиях *социализм* и *коммунизм*, был очевиден, но еще не приемлем, а потерявший свой проективный потенциал либерализм, казавшийся жалким и никчемным,

¹⁴⁴ Леонтьев К.Н. Г-н Катков и его враги на празднике Пушкина // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 705, 714.

¹⁴⁵ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 883—884.

был уже неприемлем. Вследствие этого в публицистике 1880-х годов широко распространяется выражение *либеральная размазня*, которое обозначало «очень характерное явление в жизни интеллигентного общества, заключаая в самом названии его меткую и злейшую насмешку над ним»¹⁴⁶.

В 1880-х годах в русском общественном сознании возобладал, на время, ситуативный консерватизм, сам порождавший, ввиду отсутствия внятной проективности, ощущение безвременья. Эпоха безвременья, то есть настоящее без будущего, в свою очередь, порождала ощущение онтологического хаоса. Ностальгируя по атмосфере спокойной силы, независимого достоинства и взаимного уважения, характерной, по его мнению, для эпохи 1830—1840-х годов, Б.Н. Чичерин из своего тамбовского имения Караул 8 августа 1890 года писал Льву Николаевичу Толстому:

На старости лет единственное удовольствие, которое я еще испытываю, состоит в чтении старых писем и записок. Становится грустно и завидно. Несмотря на безумный гнет сверху и на крепостное право, были нормальные люди и нормальные отношения. Все это потонуло в том хаосе понятий, в котором мы кружимся, как в омуте во время половодья, да еще при леденящем северном ветре!¹⁴⁷

К началу 1890-х годов понятие *либерализм* начинает ассоциироваться и с системой юридического равенства и обществом господства рыночных, товарно-денежных отношений. В конце 1890 — начале 1891 года К.Н. Леонтьев пишет: «Равноправность, либерализм и капитализм, видимо, теснейшим образом связаны между собою в жизни»¹⁴⁸. Уже на рубеже XIX—XX веков, в записной книжке 1897—1904 годов, Антон Павлович Чехов, образно раскрывая политический смысл понятия, записывает: «Умеренный либерализм: нужна собаке свобода, но все-таки ее нужно на цепи держать»¹⁴⁹.

В конце XIX — начале XX века семантическое поле понятия *либерализм* в русском общественном сознании пересекалось и с семантическим полем понятия *мещанство*. А сам образ *либерала-*

¹⁴⁶ Хохряков П. Язык и психология. Казань, 1889. С. 65.

¹⁴⁷ Письма Б.Н. Чичерина // Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л., 1928. (Тр. Публичной библиотеки имени В.И. Ленина). С. 303.

¹⁴⁸ Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 947.

¹⁴⁹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 512.

мещанина представлялся крайне сниженным. А.П. Чехов свои наблюдения, вероятно за каким-то конкретным человеком, в записной книжке отразил так: «Когда этот либерал, пообедав без сюртука, шел к себе в спальню и я увидел на его спине помочи, то было так понятно, что этот либерал — обыватель, безнадежный мещанин»¹⁵⁰.

В начале XX века понятие *либерализм* не менее тесно связывалось и с позитивистской системой мировоззрения:

«Позитивизм», который оберегается нашей традиционно-прогрессивной журналистикой от метафизических набегов, есть бесцветнейший либерализм в философии со всеми признаками либеральной половинчатости. И только какое-нибудь новое слово может удовлетворить духовную жажду лучших людей нашего времени¹⁵¹.

4 февраля 1904 года умер Б.Н. Чичерин, а незадолго перед этим, 17 января, на сцене Московского Художественного театра состоялась премьера комедии А.П. Чехова *Вишневый сад*. Главные герои *Вишневого сада*, Л.А. Раневская и ее брат Л.А. Гаев, — дети тех, кто вырос в либеральной атмосфере русской дореформенной усадьбы. В период оформления замысла комедии главная героиня, будущая Л.А. Раневская, виделась А.П. Чехову так: «Для пьесы: либеральная старуха (чуть старше 40 лет. — М.К.), одевается, как молодая, курит, не может без общества, симпатична»¹⁵². Однако сами *либеральные идеи* в пьесе транслирует брат главной героини — помещик-шут, «аристократ», как его видел А.П. Чехов, Л.А. Гаев, сама фамилия которого, вероятно, образована от слова гаер — шут¹⁵³.

В первом действии пьесы пятидесятилетний резонерствующий шут Гаев, которому уже во втором действии раздраженный Е.А. Лопахин почти кричит: «Баба вы!», обращаясь к столетнему книжному шкафу, произносит пафосную, насыщенную либеральной риторикой речь:

¹⁵⁰ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 504.

¹⁵¹ Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. М., 2002. С. 16.

¹⁵² Чехов А.П. Собр. соч. Т. 10. С. 476.

¹⁵³ В словаре В.И. Даля читаем: «**Гаер** [...] шут в народных играх, который смешит людей пошлыми приемами, рожами, ломаньем; [...]. **Гаеров**, ему принадлежащий» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 1: А—З. С. 340; выделено в тексте. — М.К.).

Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (*сквозь слезы*) (ремарка А.П. Чехова. — М.К.) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания¹⁵⁴.

Изумленный Е.А. Лопехин в качестве реплики только и произносит: «Да...»

Для непонятливых зрителей и читателей в конце первого действия Л.А. Гаев говорит своей племяннице Ане: «И сегодня я речь говорил перед шкапом... так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо». Глупо и неуместно было не только то, как он это сделал, но и то, что он говорил. Сам Л.А. Гаев характеризует себя так: «Я человек восьмидесяти годов... Не хвалят это время, но все же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни». В устах резонерствующего шута-аристократа, по замыслу А.П. Чехова, это должно было восприниматься, по меньшей мере, комично. В совокупности все это дает ощущение какой-то сентиментальной лживости либеральных идей.

Необходимо отметить, что в самой речи Гаева перед столетним книжным шкафом А.П. Чехов пародировал либеральную риторику эпохи «Великих реформ», ощущавшуюся в начале XX века как пустое и не имеющее цены фразерство, то есть как россыпь симулякров, пустых знаков. Характерно, что известный юрист Анатолий Федорович Кони, ученик Б.Н. Чичерина по Московскому университету, в письмах учителю использовал именно эту риторику. «Тридцать четыре года назад, — писал он 15 ноября 1898 года Б.Н. Чичерину, — слушал я Вас в университете и в Ваших словах почерпал идеал правды и справедливости, от Вас в дальнейшей Вашей жизни и трудах я научился, как надо служить этим идеям». 12 февраля 1901 года А.Ф. Кони вновь писал Б.Н. Чичерину: «Вы знаете — думаю даже, что Вы не можете не чувствовать той любви, которую я питаю к Вам, как живому насадителю во мне и носителю “даже до сего дни” лучших идеалов человека и гражданина»¹⁵⁵.

Однако в начале XX века единственным прибежищем «светлых идеалов добра и справедливости», «веры в лучшее будущее», «идеа-

¹⁵⁴ Чехов А.П. Собр. соч. М., 1956. Т. 9. С. 417.

¹⁵⁵ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 144, 172.

лов добра и общественного самосознания» становится столетний книжный шкаф, стоящий в «комнате, которая до сих пор называется детской», в когда-то «богатом и уютном» господском доме. Событию, в этом и состоит смысл чеховской иронии.

На смерть Б.Н. Чичерина откликнулся Н.А. Бердяев. В октябре 1904 года в журнале *Новый Путь*, назвав Чичерина «нашим единственным теоретиком либерализма», он писал: «Сила Чичерина была [...] в сознании метафизической природы либерализма, взятого в его идеальной, надисторической чистоте». Чичерин, по мнению Бердяева, «понял [...] глубокую внутреннюю связь свободы политической с свободой метафизической». И более того: «...только он понял глубочайшие идеальные основы либерализма». Вследствие этого Чичерин, который «никогда ни в чем не сомневался, этот каменный, рациональный человек», стоит, по мнению Бердяева, «многими головами выше обыкновенных либеральных позитивистов, которые защищают либерализм, не понимая его сущности и значения»¹⁵⁶.

В этой же статье Н.А. Бердяев констатировал: «Слово либерализм замарано и обесценено, хотя, — как он полагал, — происходит оно от величайшего из человеческих слов — от слова свобода». Вместе с тем Бердяев считал, что существует «чистый, истинный либерализм, не запятнанный прикосновением общественных сил, предавших свободу во имя своих интересов...»¹⁵⁷.

Пытаясь разорвать уже сложившуюся в русском общественном сознании онтологическую связь либерализма и капитализма, Н.А. Бердяев писал: «Экономический индивидуализм был исторически случайным предикатом либерализма и не входил в его истинную сущность»¹⁵⁸.

В 1903 году Н.А. Бердяев назвал «исторический либерализм» «ограниченным»¹⁵⁹, полагая, что только социал-демократы «являются единственными настоящими, последовательными либералами, так как несут знамя свободы и равенства, “естественных прав” человека»¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Бердяев Н.А. Н.К. Михайловский и Б.Н. Чичерин // Бердяев Н.А. Собр. соч.: В 4 т. [Т.] 3: Типы религиозной мысли в России. Paris, 1989. С. 180, 188, 190, 193.

¹⁵⁷ Там же. С. 189, 190.

¹⁵⁸ Там же. С. 193.

¹⁵⁹ Бердяев Н.А. Критика исторического материализма // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. М., 2002. С. 147.

¹⁶⁰ Там же. С. 147—148.

В 1904 году Н.А. Бердяев попытался переформатировать понятие *либерализм* и посредством понятия *демократия* связать его с понятием *социализм*. Он писал: «Социальный демократизм есть только метод последовательного развития и воплощения в жизнь принципов либерализма», полагая, что «внутренняя сущность демократизма» тождественна «с внутренней сущностью либерализма»¹⁶¹. То есть метафизически, согласно Бердяеву, понятия *либерализм*, *демократизм* и *социализм* — это синонимы одного трансцендентального означаемого.

В построениях Н.А. Бердяева понятие *либерализм* оказывалось даже не знаком, а именем платоновской, точнее, платонической по своей сути, вечной идеи свободы, постоянно пребывающей в сверхчувственной неизменной сфере, а не в пространстве чувственного социального, изменяющегося и всегда конкретно-исторического. Идея свободы для Бердяева, как и для Б.Н. Чичерина, трансцендентальное означаемое понятия *либерализм*.

Однако для русского леворадикального сознания начала XX века понятие *либерализм* имело негативные антропологические коннотации «мягкотелости», которой противопоставлялась «твердость», как в оппозиции женское — мужское.

Уже в разгар революции, весной 1905 года, Н.А. Бердяев, ощутив, вероятно, несостоятельность попыток семантического синтеза понятий *либерализм* и *социализм*, признается: «...опыт европейского либерализма давит нас как кошмар»¹⁶².

В это время в России понятие *либерализм* было настолько непопулярно, что Конституционно-демократическая партия, учрежденная в октябре 1905 года (а с января 1906-го и Партия Народной Свободы), не использовала его ни в программных документах, ни тем более в названии. «В условиях России начала XX в. они [кадеты], — как заметил Теодор Шанин, — отказывались называть себя “либералами”, и использовали вместо этого термин “конституционалисты”...»¹⁶³.

Для правых понятие *либерализм*, в целом маргинально маркированное, в это время ассоциировалось и с коррупцией представителей власти. В феврале 1906 года один из вождей «Черной сотни»,

¹⁶¹ Бердяев Н.А. Н.К. Михайловский и Б.Н. Чичерин. С. 194.

¹⁶² Бердяев Н.А. Культура и политика. (К философии новой русской истории) // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. С. 323.

¹⁶³ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. — 1917—1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 331.

Павел Федорович Булацель, писал: «...многие наши сановники не сознают, что для русского сановника благо родины должно быть выше, чем личная выгода. Когда-то “либерал” было лестное выражение, но русские либеральные сановники опошлили его»¹⁶⁴.

После революции 1905—1907 годов понятие *либерализм* в русском общественном сознании уже однозначно ассоциировалось с чем-то оставшимся в далеком прошлом. Проект будущего возникал только из понятия *социализм*. В 1910 году, отвечая на поставленный им же самим вопрос: «Почему же социализм нашел себе благодарную почву именно среди русской интеллигенции?» — *легалный марксист* Михаил Иванович Туган-Барановский писал:

Идеал либерализма уже давно потерял свою действительную силу и ни в ком энтузиазма не вызывал; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода [...] могла сама по себе привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени [...] Идеал мощного национального государства не мог находить ни малейшего отклика в душе интеллигента [...] Таким образом, только для идеала социализма душа русского интеллигента была открыта¹⁶⁵.

В январе 1914 года историк и публицист Василий Николаевич Сторожев уже однозначно писал: «...термины “либерализм” и “реакция” [...] ненужные и непонятные»¹⁶⁶. В годы мировой войны, когда «само время славянофильствовало»¹⁶⁷, — понятие *либерализм* стало уже более чем ненужным.

Соответственно и события 1917 года в русском общественном сознании оказались никак не связаны с понятием *либерализм*. В конце апреля 1917 года Н.А. Бердяев, чутко улавливавший «дух времени», писал:

Политическая революция в России совсем не означает торжества старого «буржуазного» либерализма, который давно уже идей-

¹⁶⁴ Булацель П.Ф. [Чем дальше в лес, тем больше дров] // Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 72.

¹⁶⁵ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция—Власть—Народ. М., 1992. С. 214—215.

¹⁶⁶ Сторожев В.Н. Пятидесятилетие земских учреждений // Заря. 1914. 5 янв. № 1.

¹⁶⁷ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. М., 1915 (лекция, прочитанная 29 января 1915 года на закрытом заседании Московского религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева).

но разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу¹⁶⁸.

В августе 1917 года Н.А. Бердяев, уже совершенно в духе Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева, писал:

Русскому народу необходимо здоровое и крепкое национальное чувство [...] Чисто либеральные идеи — тепло-прохладные идеи, в них нет огня [...] поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм [...] разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны [...] Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу¹⁶⁹.

В политическом дискурсе русского общественного сознания конца XIX — начала XX века понятие *либерализм* окончательно маргинализируется. Из сферы социально-политического оно перемещается в сферу персонально-антропологического и означает определенный набор специфических качеств. Первая мировая война, революция и победа коммунистической идеологии надолго закрепляют в русском общественном сознании понятие *либерализм* в его маргинальном, антропологически негативном смысле. Только в 1988 году, на волне Перестройки, в СССР появляется первый призыв к «реабилитации» понятия *либерализм*¹⁷⁰. Впрочем, семантические конвульсии этого понятия в русском общественном сознании конца 1980-х — начала 1990-х годов, вызванные социальным шоком Перестройки и крушением социалистического проекта, воспринятые первоначально как очередное пришествие *либерализма*, продолжались недолго.

В целом анализ метаморфоз понятия *либерализм* в русском общественном сознании XIX — начала XX века показывает, что абстрактные понятия (то есть понятия, не имеющие в качестве референта реальной предметности), с помощью которых выстраи-

вается и описывается социальная онтология, могут существовать только в двух вариантах: либо как технически формализованные инструментальные термины с нормативно закрепленным значением, либо как символы, то есть знаки, теряющие свою понятийную содержательность и, вследствие этого, превращающиеся в бодрояровские симулякры — пустые знаки, знаки без означаемого. Эти две ипостаси одного абстрактного понятия могут существовать одновременно и параллельно, не пересекаясь, в разных пространствах общественного сознания.

¹⁶⁸ Бердяев Н.А. О политической и социальной революции // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 22.

¹⁶⁹ Бердяев Н.А. Кто виноват? // Там же. С. 149—150.

¹⁷⁰ Латынина А.Н. Колокольный звон — не молитва // Новый мир. 1988. № 8. С. 232—244.

Любовь Владимировна Бибикова

Политическая полиция, консерваторы и социалисты: игра *либерализмами* в публичном и непубличном политическом пространстве Российской империи в конце XIX — начале XX века

Либерализм — одно из несомненных базовых понятий (если воспользоваться терминологией Райнхарта Козеллека) в дискурсе образованного общества Российской империи XIX — начала XX века¹. Многослойность, многозначность, многоплановость этого понятия дают историку прекрасный шанс попробовать разобраться в игре *либерализмами* между теми группами российского дореволюционного общества (а также внутри них), которые имели свои политические позиции и не ассоциировали их с либеральной идеологией.

Начало XX века — это период, когда сложившееся в обществе представление о *либерализме* претерпевает изменения, в первую очередь в ходе революции 1905—1907 годов. Переломным моментом здесь стал, как будет показано в данной статье, октябрь 1905 года, точнее, 17 октября — день подписания *Манифеста об усовершенствовании государственного порядка*. Выбранный для анализа хронологический отрезок (конец XIX — начало XX века) позволяет, с одной стороны, описать основные черты *либерализма* в представлениях «нелиберальных» политических групп в том виде, в котором они сложились к началу XX века, а с другой — проследить трансформацию, а в ряде случаев и резкий слом этих представлений.

Согласно методологии Р. Козеллека, при любом описании «базового понятия» необходимо учитывать его взаимосвязь с другими «базовыми понятиями». Так, Ханс Эрих Бёдекер подчеркивает, что «в спорных понятиях общественные группы выражают программу своей идентичности, формулируют свою самооценку, как и свои

общественные перспективы, выражают своё противодействие или подчинение царящим социально-политическим отношениям»². По его мнению, нужно «постоянно принимать во внимание наличие связей между понятиями». В случае с *либерализмом* невозможно интерпретировать только один этот термин — любое политическое самоопределение акторов в начале XX века автоматически подразумевало их одновременное позиционирование по отношению к таким идеологиям, как *либерализм*, *консерватизм*, *социализм*, *нигилизм*, *марксизм*, *анархизм*, к таким течениям, как *радикалы*, *оппозиционеры*, *народники* (здесь имеются в виду самоназвания того времени), а также к таким ценностно-мировоззренческим установкам, как *прогресс*, *гуманность*, *культурность*, *просвещение*, *цивилизованность*, *справедливость* и им подобным.

Кроме этого, неотъемлемой чертой «базовых понятий» является их ориентированность на будущее, проектность содержащихся в них смыслов. По Бёдекеру, «базовые понятия дольше, чем какие либо другие, используются в качестве инструмента политической борьбы (идеологизированность), и в результате этого употребления они наполняются ожиданиями и представлениями о цели, вместо содержащегося в них исторического опыта»³. Именно от этого тезиса стоит отталкиваться при анализе представлений о *либерализме* у нелиберальных политических акторов — все они вели спор о том проекте будущего, который стоило, по их мнению, реализовывать в современной им России, и критиковали от имени этого «светлого» будущего своих конкурентов.

Объекты исследования

В данной статье предпринята попытка проанализировать «спор» о *либерализме* тех общественно-политических сред, которые сами не были сторонниками либеральной идеологии. В качестве таковых можно выделить три среды, каждая из которых рассматривается как относительно единая, с определенными внутренними расхождениями.

Для удобства в отношении первой среды будет использоваться термин «консервативно-монархический». В качестве представите-

¹ Понятие *образованное общество* используется здесь в трактовке, данной Я. Коцонисом (Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861—1914. М., 2006).

² Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // Бёдекер Х.Э. История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 44.

³ Там же. С. 38.

лей этого лагеря были выбраны руководители Союза русского народа (в частности, Александр Иванович Дубровин), Русской монархической партии, консервативные публицисты Лев Александрович Тихомиров, Константин Петрович Победоносцев, Михаил Осипович Меньшиков, Борис Владимирович Никольский, Владимир Петрович Мещерский (главный редактор газеты *Гражданин*), Владимир Андреевич Грингмут (главный редактор газеты *Московские ведомости*), Павел Федорович Булацель (публицист *Русского знамени*, член Союза русского народа), протоиерей Иван Иванович Восторгов и другие. За пределами анализа остались такие органы периодической печати, как *Новое время* и *Санкт-Петербургские ведомости*, которые лишь отчасти рассматривались как консервативные современниками и историками.

В социалистическом лагере стоит выделить большевиков, меньшевиков и эсеров. Их представления о *либерализме* были проанализированы на основании публицистики Владимира Ильича Ленина, Ю. [Льва Борисовича] Каменева, Л. [Юлия Осиповича] Мартова, Георгия Валентиновича Плеханова, Павла Борисовича Аксельрода, Владимира Львовича Бурцева, Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской и других.

Еще один важный «нелиберальный» актор со своей политической позицией — это политическая полиция, основной задачей которой была охрана незыблемости существовавшего государственного строя. Политическая полиция, призванная наблюдать за политическими настроениями общества, должна была описывать эти настроения с позиции стороннего наблюдателя, однако на деле могла попадать (и попадала) под влияние самых различных дискурсов, вплоть до социалистического.

Еще одна особенность политической полиции как объекта научного анализа — специфика источников, привлекаемых для изучения ее политического дискурса, а именно делопроизводственной переписки. Кстати, у позднего Козеллека бюрократическая документация стоит в ряду важных источников для изучения понятий. Хотя документация в политической полиции велась по определенным правилам, в том числе зафиксированным в циркулярах и инструкциях, для переписки чинов политического сыска (особенно находившихся на местах) характерен свободный стиль изложения материалов наблюдения и собственных взглядов.

Согласно принятой по некоторому умолчанию и, по большому счету, неотрефлексированной в отечественной историографии

традиции, политический сыск принято причислять к консервативному (если не сказать «реакционному») лагерю. В этой статье будет предпринята попытка дистанцироваться от такого представления. На взгляд автора, дореволюционная политическая полиция состояла из людей, весьма разнообразных по своему мировоззрению и политическим убеждениям. Правомерно выделить в ее рамках три отдельные среды, которые отчасти по-разному воспринимали *либерализм*. Эти три среды во многом совпадают со структурным делением политического сыска: Департамент полиции, губернские жандармские управления (далее: ГЖУ) и охранные отделения.

Бывшие военные, которыми комплектовались ГЖУ, отличались традиционалистским мировоззрением, а в нем было мало места для политических терминов и категорий, рожденных эпохой Просвещения. Гораздо более включенными в дискурс Нового времени были чины Департамента полиции — люди с юридическим образованием и по большей части солидным стажем службы по судебному ведомству, а также бывшие секретные агенты, составлявшие руководящий состав ряда ведущих охранных отделений.

І. Общие для всех «игроков» представления о *либерализме*

Либеральная идеология имеет в своей основе идею *свободы* — это представление можно назвать наиболее общим для рассматриваемых здесь акторов. Правда, акценты все они расставляли по-своему.

Для чинов политической полиции либеральная *свобода* подразумевала независимость, самостоятельность, освобождение от власти в разных ее проявлениях: от власти губернаторов — в земствах и различных общественных организациях, от органов цензуры — в печати, от власти в целом — в частной, общественной и публичной жизни⁴. В разгар «правительственной весны» Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (осень 1904 года) начальник Санкт-Петербургского охранного отделения писал о гласных городской думы, что они стремились «воспользоваться настоящим либеральным

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 15. Л. 7; 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3 об.; Особый отдел. 1898. Д. 215. Л. 2 об.

настроением для того, чтобы добиться от правительства уничтожения установленного контроля за городским самоуправлением»⁵. Либералы требовали полной свободы слова «везде на улицах и в собраниях», свободы печатного слова, преподавания, «неприкосновенности личности и домашнего очага, ответственности жителей только перед судом, а не перед администрацией»⁶. *Свобода* могла касаться и образа мысли либералов («свободомыслие»⁷).

Консерваторы, в свою очередь, трактовали либеральное понимание *свободы* как склонность к нарушению дисциплины, установленных правил, в целом — порядка. В.А. Грингмут наиболее часто отмечал пренебрежение со стороны либералов введенными порядками в университетах. Так, по его мнению, «либеральные профессора» устав 1863 года использовали «для полной распушенности университетской дисциплины»⁸. В 1903 году он писал:

Наши «либералы» желают, чтобы русские школы являлись школами не труда, а праздного своеволия, из которых выходили бы целыми стадами недисциплинированные ни в умственном, ни в нравственном отношении оболтусы [...] в каком положении находятся наши школы, из которых наши «либералы» стараются изгнать даже самый принцип труда, заменяя его легоньким преподаванием⁹.

Тот же Грингмут писал: «Газета “Россия” [...] замалчивает “нелиберальный” призыв учащейся молодежи к долгу и обязанностям»¹⁰. Б.В. Никольский отмечал аналогичные «нелиберальные» черты в своем поведении: «...я чувствую [...] что я один во всем университете искренно и прямо высказываюсь в пользу [...] строгой власти, строгой семьи»¹¹.

⁵ Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9. Также см.: Там же. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 26. Лит. А. Л. 2; 1906. Д. 1. Ч. 19. Лит. А. Л. 2.

⁶ Там же. 1881. Д. 1567. Л. 3; Особый отдел. 1904. Д. 2385. Л. 4 об.

⁷ Там же. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 49. Л. 2; 1893. Д. 152. Ч. 11. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 32. Лит. А. Л. 1.

⁸ Грингмут В.А. Правительство и народное просвещение [1899] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1908. Вып. 1. С. 149.

⁹ Грингмут В.А. Чему нам учиться у Петра? [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1909. Вып. 2. С. 62.

¹⁰ Грингмут В.А. «Приказ» генерала Ванновского [1901] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1909. Вып. 2. С. 5.

¹¹ Никольский Б.В. Дневник Бориса Никольского (1905—1907) // Красный архив. 1934. № 2. С. 59.

Представление о «либеральной свободе» у нелиберальных политических игроков отнюдь не исчерпывалось поведенческими характеристиками, а проецировалось на такую сферу, как государственное устройство Российской империи. При этом консерваторы и социалисты понимали в этом смысле *либерализм* гораздо шире, чем политическая полиция — как целостный проект преобразования страны по западноевропейскому образцу (с его основными элементами — *конституцией* и *парламентом*). Чины же политического сыска описание антисамодержавного и одновременно «освободительного» настроя либералов сводили к их тяге к неограниченной свободе.

Напрямую о связи *либерализма* с *конституцией* писали в политическом сыске единицы, и об этом требовании либералов практически не упоминали чины Департамента полиции. Служащие политической полиции использовали в данном случае достаточно общую характеристику — «недовольство существующим государственным строем»¹². Типичной представляется характеристика либеральной *Киевской газеты*, данная руководителем Черниговского ГЖУ: она «систематически» воспитывает в читателе «чувство недовольства существующим государственным и общественным строем»¹³.

В отличие от чинов ГЖУ, которые в своих документах не упоминали, чем либеральные деятели предполагают заменить осуждаемое ими государственное устройство, охранные отделения уделяли внимание и этому вопросу. Еще в 1887 году в Московском охранном отделении писали о кружке, состоявшем из двух фракций — либерально-прогрессивной (Сергей Андреевич Муромцев, Александр Иванович Чупров, Иван Иванович Янжул, Глеб Иванович Успенский, Дмитрий Андреевич Дриль) и радикальной (Виктор Александрович Гольцев, Максим Максимович Ковалевский). Их объединяло стремление добиться свободы печати и изменения «существующего государственного порядка, но первая из них имела конечной целью введение представительных учреждений и неременное сохранение монархии, вторая же — введение социального строя»¹⁴. Наиболее категорично о стремлениях либералов высказы-

¹² ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 289; 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об.

¹³ Там же. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 32.

¹⁴ Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 123.

вался заведующий Заграничной агентурой Петр Иванович Рачковский: они борются за полное уничтожение самодержавия¹⁵.

Из консерваторов устойчивый интерес к *либерализму* как западному конституционно-демократическому проекту демонстрировал В.А. Грингмут. Постоянным рефреном звучала его мысль: либералы «требовали себе такой свободы печати, которая давала бы им полную возможность разрушать ту великую истину, на которой зиждется Россия — разрушать ее православную церковь и самодержавную власть ее царей»¹⁶. После появления манифеста Николая II от 26 февраля 1903 года Грингмут отмечал:

Вся программа нашей либеральной партии заключается в том, чтобы всякими неправдами убедить и общество, и правительство в необходимости изменить государственный строй России по образцу западных конституционных начал [...] а потому вся требуемая ими «свобода печати» нужна им только для этой пропаганды начал, чуждых русской жизни, ибо для проповеди начал, свойственных русской жизни, печать наша пользуется более чем широкою свободой¹⁷.

Свою позицию В.А. Грингмут пытался обосновать через исторические параллели. К примеру, об Австро-Венгрии он писал:

Демократизация Австро-Венгрии — давно уже совершившийся факт, вызвавший все неизбежные [...] пагубные последствия. Попытка внести в Россию демократические элементы была, слава Богу, приостановлена еще в 1881 году [...] Россия по-прежнему будет идти из силы в силу, возрастая в своем мировом значении, которого демократизированная Австро-Венгрия уже лишилась. Вот с этою перспективою возрастания Русской Империи наши либералы никак примириться не могут. Пред возрастающим империализмом великой Американской республики им хотелось бы видеть ослабление и умаление демократизированной ими великой Русской Империи, дабы она, «по аналогии с Австро-Венгрией», распалась на мелкие национальности, объятые непримиримою племенной враждой, а затем и на мелкие государственные осколки...¹⁸

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2.

¹⁶ Грингмут В.А. Двухсотлетие русской печати [1902] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1909. Вып. 2. С. 18.

¹⁷ Грингмут В.А. «Начала, чуждые русской жизни» [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 39.

¹⁸ Грингмут В.А. Империализм [1900] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1908. Вып. 1. С. 247. Также см.: Он же. Двухсотле-

Социалистические представления о либеральном проекте государственного устройства можно выразить на примере фразы В.И. Ленина:

Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом. Прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной и которую положение ее обязывает, под угрозой политического и экономического поражения, стать европейской страной¹⁹.

В 1900 году о политической свободе как о главном требовании либералов писал Л. Мартов: «Народники 70-х годов, видя, что в России политической свободы добиваются буржуазные либералы, заключали отсюда, что введение в программу политической свободы будет только на руку либеральной буржуазии»²⁰. Похожие рассуждения можно найти у В.Л. Бурцева. В своей брошюре 1901 года *Долой царя* он приводит рецензию на первый номер журнала *Современник* за 1897 год:

...либеральный орган за границей давным-давно нужен и нужен прежде всего для самих же либералов [...] Если издатели «Современника» сумеют выполнить эту задачу, они окажут огромную услугу борьбе с самодержавием [...] Один из сотрудников [...] поучает либералов на счет того, что самодержавие — «всех бед создатель», но он в данном случае стучится в открытую дверь. Кто же теперь из сколько-нибудь независимых людей верит в самодержавие? Важнее подсказать либералам выход из настоящего положения, убедить их,

тие русской периодической печати. С. 17; Он же. Нормальная работа государственных органов [1900] // Там же. Вып. 1. С. 296; Он же. Иностранная легенда о русском царе [1903] // Там же. Вып. 2. С. 84; Он же. К вопросу о либеральном катехизисе [1900] // Там же. Вып. 1. С. 242—243; Он же. Кто у нас завидует Сербам? [1903] // Там же. Вып. 2. С. 74; Он же. М.Н. Катков и современное общество [1896] // Там же. М., 1908. Вып. 1. С. 14—15; Он же. Мировое признание России [1900] // Там же. Вып. 1. С. 232; Он же. Социализм в России // Там же. С. 197—198.

¹⁹ Ленин В.И. Самодержавие и пролетариат // Вперед. 1905. 4 янв. 1905 (1904. 22 дек.). С. 1.

²⁰ Мартов Л. Красное знамя в России. Очерки истории русского рабочего движения. Женева, 1900. С. 35.

что все, что они делают теперь для уничтожения самодержавия или недостаточно, или напротив даже не ведет к цели²¹.

Представления об антивластном настрое *либерализма* имели еще одну грань — по всей видимости, они отражали убеждение критиков *либерализма*, что либеральная идеология была анархической в своей основе. Мнение о социалистических истоках *либерализма* было общим для всех анализируемых общественно-политических сред. Правда, какая именно социалистическая идеология оказала на *либерализм* наибольшее влияние, различные деятели понимали по-разному. Социал-демократы и консерваторы указывали на изначальную увлеченность либералов марксизмом (в 1890-х годах), эсеры — на влияние народолюбия и на близкие и частые контакты либералов с ними в последней четверти XIX века. Чины политической полиции во многом воспроизводили точку зрения народолюбцев и эсеров, но со своей стороны отводили первую роль в идейном становлении *либерализма* анархизму.

В среде политической полиции было распространено убеждение в воздействии на *либерализм* социально-революционной идеологии. Еще в 1880-е годы начальник Тверского ГЖУ в число «социалистов» регулярно записывал местных деятелей либерального движения: Павла Александровича и Александра Александровича Бакуниных, Михаила Ильича и Ивана Ильича Петрункевичей, Федора Измайловича Родичева²². По мнению заведующего Заграничной агентурой П.И. Рачковского, все противоправительственное движение основывалось на трех взаимосвязанных идеях: *конституция* (идея «фикс» либералов), *социализм* и *террор*²³. В начале 1905 года начальник Черниговского ГЖУ напрямую связывал деятельность либералов с угрозой терактов в губернии: «Ненависть к губернатору постоянно подогревается со стороны вожак либеральной партии всех оттенков [...] По имеющимся агентурным сведениям, против губернатора и вице-губернатора можно ожидать каких-либо террористических актов»²⁴.

Чины политического сыска были убеждены, что анархизм с его идеей разрушения государства оказал сильное воздействие на все

²¹ Бурцев В.Л. Рецензия на «Современник», апрель 1897, № 1 // Долой царя. Лондон, 1901. С. 39.

²² ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 235. Л. 87—89.

²³ Там же. 1894. Д. 1. Л. 111. Также см.: Там же. 1881. Д. 416. Л. 6; 1888. Д. 89. Ч. 51. Л. 6; Д. 131. Л. 2; Д. 1563. Л. 1 об.; 1895. Д. 516. Л. 2—9 об.

²⁴ Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 11. Л. 15.

спектры противоправительственного движения Российской империи, правда, эта тема наиболее часто возникала в их делопроизводственной переписке в 1880-е годы. Так, о Ф. И. Родичеве писали в 1884 году: «...в деле преступной деятельности Русской анархической партии принимает активное участие, что вполне выяснилось дознанием, так как в 1879 году [...] Софья Перовская [...] и другие участники взрыва полотна [...] проживали в имении Родичева»²⁵. В политическом обзоре Нижегородской губернии за 1897 год говорилось о симпатиях к анархии газеты *Нижегородский листок*: «Местная пресса немало способствует развращению юношества, в особенности этим отличается орган либеральной партии “Нижегородский листок”, в котором с конца прошлого года начал печататься частями роман Эмиля Золя “Париж” [...] Читающий отрывками роман “Париж” может заражаться безверием, симпатиями к анархии»²⁶.

Заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский отводил русскому анархизму ведущую роль в становлении европейского анархизма²⁷. Аналогичные идеи в 1890-е годы формулировал в своих статьях Л.А. Тихомиров. Не секрет, что Тихомиров был не только хорошо лично знаком с заведующим Заграничной агентурой, но именно влиянию Рачковского приписывается превращение бывшего народолюбца в монархиста. Приведу пространную цитату из работы Тихомирова *Начала и концы* (1890 год):

Именно русское общество столь бедное умственными силами во всех других отношениях дало Европе двух ее величайших теоретиков анархизма — Бакунина и Кропоткина. Наши идеалисты сороковых годов все более или менее анархисты, большею частью сами того не сознавая [...] Всякий сколько-нибудь наблюдавший европейские страны знает очень хорошо, что наши либеральные ходячие понятия о свободе по своей преувеличенности подходят к понятиям европейских анархистов, а не либералов [...] Я пережил мальчиком и юношей эпоху реформ, которые теперь превозносятся либералами. Но [...] в те времена либералы только жаловались и давали делу такой вид, будто правительство «делает уступки», да «недостаточные». Либералы действительно только «либеральные», не имеющие в глубине души анархической подкладки, никогда бы не позволили себе такого глупого поведения, совершенно несооб-

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 4.

²⁶ Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 18.

²⁷ Там же. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 11—12.

разного с их партийными интересами. Вместо того, чтобы поддерживать выгодное для них правительство, вместо того чтобы и нам внушать, что только одно либеральное правительство может хорошо вести дело, либеральная воркотня только [...] внушала мысль, что правительство какое бы то ни было, хотя бы и самое либеральное, все-таки ничего не умеет сделать²⁸.

Обвинял либералов в анархизме и В.А. Грингмут. Так, он называл университетский устав 1863 года «либеральным» и «анархическим»²⁹. В его перечне врагов России либералы соседствуют опять же с анархистами³⁰. С точки зрения М.О. Меншикова, либералы были анархистами и в нравственном отношении: «Могучую поддержку той анархии, которая царит теперь в супружестве, оказали модные литературные теории, считаемые — по едкой иронии судьбы — “либеральными”»³¹.

Упоминания об анархических свойствах *либерализма* можно найти и в социалистической публицистике. Например, большевистская газета *Новая жизнь* обращалась к либералам: «...господа буржуазные индивидуалисты [...] ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие [...] ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо как мирозерцание анархизм есть вывернутая на изнанку буржуазность)»³².

Впрочем, заметно чаще социал-демократы предпочитали подчеркивать зависимость либеральной идеологии от марксизма. В статье *Услужливый либерал*, опубликованной в октябре 1904 года, В.И. Ленин утверждал: «...либерал по своей политической натуре не может относиться к ослаблению и разложению социал-демократии без злорадства [...] В самом деле разве единственная надежда на жизненность, идейную жизненность русского либерализма не заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма?»³³

О близости либералов к марксизму писали и консерваторы. Л.А. Тихомиров еще в 1890 году отмечал: «...социал-демократизм — такой же компромисс, как и буржуазный либерализм. Поэтому и

²⁸ Тихомиров Л.А. Начала и концы. М., 1890. С. 7—8.

²⁹ Грингмут В.А. Правительство и народное просвещение. С. 149.

³⁰ Грингмут В.А. Двухсотлетие русской печати. С. 18.

³¹ Меншиков М.О. О любви. СПб., 1899.

³² Новая жизнь. 1905. 13 нояб. № 12. С. 1.

³³ Ленин В.И. Услужливый либерал. Октябрь—ноябрь 1904 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9: Июль 1904 — март 1905. М., 1976. С. 72.

у нас научный социализм наиболее распространен в слоях политически чисто либеральных»³⁴. По мнению В.А. Грингмута, «главная опасность, создаваемая нашими “либералами”, заключается [...] в их вольном или невольном сочувствии самому грозному врагу западной Европы и России — рабочему социализму»³⁵.

Еще одним общим представлением анализируемых здесь общественно-политических сред было убеждение в исключительной популярности *либерализма*, либерального стиля поведения и мысли в обществе, под которым в начале XX века понимали преимущественно образованные слои населения. Терминологически это представление ассоциировалось со словами «популярность», «признание», «авторитет», «известность», «успех» и тому подобными.

Еще в 1890 году Л.А. Тихомиров отмечал:

К тому времени, когда мое поколение сдавалось на руки обществу, у нас уже была создана целая либеральная культура, отрицательные, по преимуществу антирусские стремления которой дошли в 60-х годах до апогея [...] Россия [...] оказалась «при свете науки» только бедною, невежественною, отсталой страной, вся заслуга которой сводилась к стремлению уподобиться «Европе». Другие оценки были, но где их искать? В литературе действительно распространенной, в самой школьной науке царствовали либеральные точки зрения³⁶.

В.П. Мещерский в некрологе о первом выборном ректоре Московского университета, общественном деятеле Сергее Николаевиче Трубецком, ставил ему в заслугу то, что «он в отличие от многих либералов не допускал никаких сделок ни с своею совестью, ни со своими убеждениями, искания грошевой популярности от толпы он презирал так же решительно, как поклонение каким бы то ни было кумирам»³⁷. В аналогичном духе о «популярности» высказывался В.А. Грингмут — в некрологе о министре иностранных дел графе Михаиле Николаевиче Муравьеве: он «всегда [...] стоял [...] за исторические устои России, не давая отуманивать себя либеральными фразами, которым он знал истинную цену, и никогда не ища дешевой популярности»³⁸.

³⁴ Тихомиров Л.А. Начала и концы. С. 15.

³⁵ Грингмут В.А. Социализм в России. С. 197.

³⁶ Тихомиров Л.А. Начала и концы. С. 7.

³⁷ Гражданин. 1905. № 78. С. 18.

³⁸ Грингмут В.А. Кончина графа М.Н. Муравьева [1900] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 1. С. 204.

Применительно к земству схожие мысли высказывали жандармские чины. Так, начальник Тверского ГЖУ писал в середине 1890-х годов: «Характер земских собраний, не отличаясь особенною плодотворностью, сводится к пустому парламентаризму, дающему возможность каждому порисоваться своими либерально-гуманными идеями, исключительно бьющими на дешевую популярность»³⁹. Руководитель Ярославского ГЖУ в политическом обзоре 1902 года так характеризовал ситуацию в Ярославском лицее во время студенческих беспорядков: профессора «вместо того, чтобы взять в свои руки движение и направить студентов на путь порядка [...] дрожат за свою популярность и более всего боятся, чтобы студенты не заподозрили бы их в солидарности с правительством. По установившемуся понятию, популярный профессор должен быть непременно либерал, а еще лучше революционер»⁴⁰. Неслучайно чины политической полиции понимали под «либеральным обществом» общество в целом, так же как «либеральное общественное мнение» в их переписке нередко обозначало общественное мнение как таковое⁴¹.

В.А. Грингмут в статье о деятельности местных сельскохозяйственных комитетов ставил знак равенства между мнением либералов и позицией общества: «К сожалению, на “общественную деятельность” у нас установился совершенно ложный взгляд. Наше общество, по мнению наших либералов, только может либо бездействовать, либо противодействовать правительству»⁴².

Социал-демократы употребляли термин «либеральное общество» ничуть не реже, чем консерваторы и политическая полиция, и в том же значении — для них синонимом «общества» выступало «либеральное общество». В одной из статей 1904 года за подписью «Рядового» отмечалось, что «барометром» политической жизни

...служит, согласно старой истрепанной фразе, «общественное мнение» [...] есть у нее и свои флюгера [...] Летом 1902 года за границей начал издаваться орган русских либералов — «Освобождение». С самого начала этот орган ясно сформулировал и подчеркнул свое флюгерное назначение, заявивши, что никакой определенной практической программы сам он давать и проводить не будет»⁴³.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.

⁴⁰ Там же. 1902. Д. 1. Ч. 74. Лит. А. Л. 4—5.

⁴¹ Там же. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 150. Л. 1.

⁴² Грингмут В.А. Россия в 1902 году [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 22.

⁴³ Рядовой. Либеральные программы. Женева, 1904. С. 1, 13.

О «либеральном обществе» писал и Л. Мартов:

Либеральное общество втайне надеялось, что перепуганный новый царь пойдет на уступки и подавало ему петиции о расширении свободы [...] Неслыханное усиление правительственных жестокостей навело уныние на либеральное общество»⁴⁴.

Эсерка Е.К. Брешко-Брешковская вспоминала:

Многие из них (студентов. — Л.Б.) были детьми богатых помещиков, имели в Москве родных и знакомых с видным общественным положением и могли сразу войти в широкие сношения с либеральными слоями общества. В то время общество верило еще и в провинции, и в столицах даже, что путь благотворительных реформ желателен самому правительству, что оно охотно возьмет всю передовую часть общества себе в помощники»⁴⁵.

Вопрос же о причинах популярности *либерализма* в нелиберальной публицистике и в переписке чинов политической полиции практически не ставился. Предполагалось, что причины эти следует искать в области кадровых и финансовых возможностей немногочисленных, но влиятельных деятелей самоуправления, которые, презентуя себя «либералами», получали возможность построить успешную карьеру, только не в рамках государственной системы, а на поприще общественной деятельности. Директор Департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский в записке 1896 года о тверском земстве отмечал, что либеральное земство, имея возможность распределять должности в училищных советах, выбирать попечителей начальных училищ, отдавало их тем людям, которые демонстрировали либеральные взгляды»⁴⁶. О схожей причине поддержки либералов писали сотрудники Тамбовского, Новгородского, Нижегородского ГЖУ»⁴⁷. Начальник Тверского ГЖУ докладывал в 1900 году:

Консервативное меньшинство дворян старается противодействовать деятельности своих противников либералов, вследствие чего здесь образовалось две партии, враждебные друг другу [...]

⁴⁴ Мартов Л. Красное знамя в России. С. 35.

⁴⁵ Брешко-Брешковская Е. Из моих воспоминаний. СПб., 1906. С. 6.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 8.

⁴⁷ Там же. 1891. Д. 44. Ч. 4. Л. 2 об.; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 15; Ч. 14. Л. 8—13; Д. 552. Л. 11.

Почти каждый из общества старается даже в частной жизни выказать свою принадлежность к какой-либо из этих партий, причем большинство при этом преследует личные материальные выгоды: так, ищущие поддержку администрации объявляют себя консерваторами, а ожидающие выгод от земства — либералами, но случается не редко, что выгоды вызывают переход из одной партии в другую⁴⁸.

Подобное мнение высказывал также В.А. Грингмут:

Представители четвертого элемента [...] открыто говорят сверкающие либеральным фейерверком речи [...] и пожидают громкие рукоплескания со стороны местных джентльменов и великосветских львиц [...] надеются своею «популярною» деятельностью выдвинуться на такие места, которые еще более упрочат их материальное благосостояние, а кстати и расширят их общественное, а может быть и государственное влияние⁴⁹.

Другую причину популярности *либерализма* и консерваторы, и чины политической полиции, и социалисты видели в личных качествах либералов, в частности в их выдающихся ораторских способностях, умении убеждать публику и привлекать ее на свою сторону. Правда, подобные навыки у всех нелиберальных акторов не только не вызывали уважения, но, напротив, их описание снабжалось различными уничижительными эпитетами. Так, В.А. Грингмут писал по разным поводам о либералах: «праздная болтовня», «провинциальные краснобай», «легкомысленные общественные болтуны», «жалкие фразеры», «пустозвонное самовосхваление» и тому подобное. П.Ф. Булацель упоминал о «льстивых либеральных речах». Склонность либералов к «болтливости» отмечала Е.К. Брешко-Брешковская: им «так хотелось поговорить красно, на европейский манер, сгладить чересчур выпуклые наросты грубой русской жизни и хотя бы сверху покрыть ее лаком либеральных и гуманитарных идей»⁵⁰. Похожие характеристики можно найти и в социал-демократической прессе: «высокопарно-трусливые речи», «краснобай буржуазной демократии», «литературное холопство», «рабий язык» и тому подобное.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.

⁴⁹ Грингмут В.А. Четвертый элемент [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 29.

⁵⁰ Брешко-Брешковская Е. Ипполит Мышкин и Архангельский кружок. Б.м. 1904. С. 6.

Социально-профессиональный облик «типичного либерала» рисовался всеми нелиберальными «игроками» в целом одинаково, по крайней мере до октября 1905 года. Среди основных групп — сторонников *либерализма* назывались в первую очередь профессура, земство, периодическая печать, интеллигенция и чиновники судебного ведомства. Если в статьях В.А. Грингмута, относящихся к последним годам XIX века, отдавалось предпочтение одному общему термину «наши либералы», то с конца 1900 года в его понятийном аппарате появляются два устойчивых словосочетания — «наша либеральная печать» и «либеральная профессура», а затем список либеральных «игроков» расширяется им до интеллигенции, земства и некоторой части бюрократии, в первую очередь судебного ведомства.

Чины политической полиции акценты расставляли несколько иным образом — в первую очередь их волновали либеральные настроения земства, общественных организаций⁵¹, литераторов, а также дворянства⁵².

В общественном мнении, публицистике всех политических направлений на протяжении XIX — начала XX века, а затем и в исторической науке российский *либерализм* ассоциировался с *конституционализмом*. Большая часть дореволюционной российской либеральной мысли в качестве главного требования к власти выдвигала требование конституции, ограничения самодержавной власти народным представительством. Однако если у консервативной и социалистической публицистики такая связь не вызывала каких-либо сомнений, то для политической полиции *конституционалисты* являлись отдельным и при этом более радикальным, чем *либералы*, движением. Например, *Вестник Европы*, признанный и среди консерваторов, и среди социалистов в качестве флага *либерализма*, в политической полиции оценивался как орган «партии конституционалистов», вовсе не отождествлявшейся прямо с *либерализмом*.

В целом одним из наиболее заметных различий между представлениями чинов политической полиции, с одной стороны, а

⁵¹ См., например: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 1; 1893. Д. 635. Л. 123.

⁵² Там же. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 1—2; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1—2; 1889. Д. 43. Ч. 13. Л. 1; 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3; 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.; 1895. Д. 1719. Л. 3—16; 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 22. Лит. В. Л. 19.

консервативных и социалистических публицистов — с другой, было описание связки *либерализма и конституционализма*.

II. Спор о ценностях

Многие представления эпохи конца XIX — начала XX века можно описать посредством ряда базовых понятий — *прогресс, гуманизм, просвещение, культурность, цивилизованность, законность* и тому подобных. Все группы, которые заявляли себя на политическом поле, разделяли эти ценности, но при этом каждая из них пыталась присвоить исключительно себе правильное понимание этих ценностей и объявить своих политических конкурентов теми, кто эти ценности не разделяет. А именно от трактовки этих ценностей-понятий во многом зависело то представление о будущем, которое различные политические силы предлагали обществу. Особенность ситуации состояла в том, что в публичном пространстве, создаваемом в первую очередь органами периодической печати, все эти ценности были присвоены либералами, причем, по мнению их политических оппонентов, присвоены несправедливо. Пожалуй, именно с этой точки зрения стоит рассматривать многочисленные «выпады» представителей нелиберальных общественно-политических сред против *либерализма*, точнее, против заявки либералов на то, чтобы выступать в публичном пространстве в роли единственных выразителей названных ценностей.

Многие проявления либеральной деятельности маркировались и в среде их оппонентов как, например, «прогрессивные». Так, А.И. Дубровин обращался к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию: «Вы [...] судя по Вашим же словам и действиям, никогда не читавший иных газет кроме либеральных и прогрессивных...»⁵³ Социал-демократическая *Новая жизнь* писала о «прогрессивной либеральной прессе»⁵⁴. В.А. Грингмут обычно брал подобные характеристики в кавычки, видимо подчеркивая условность их употребления⁵⁵.

⁵³ Дубровин А.И. Открытое письмо председателя главного совета Союза русского народа А.И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св. Синода с приложением письма в редакцию «Русского знамени» Н. Дурново. Отдельные оттиски газеты «Русское знамя», № 305, 306, 307. СПб.: б.г. С. 6.

⁵⁴ Русская печать // Новая жизнь. 1905. 27 окт. № 1. С. 2.

⁵⁵ См., например: Грингмут В.А. Что дали нам наши «Комитеты»? [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 37—38.

Консерваторы в своей публицистике отстаивали точку зрения, что либеральные трактовки прогресса, гуманности, просвещенности во многом лживы. Показательны многочисленные высказывания В.А. Грингмута по этому поводу. В статье 1900 года *Социализм в России* он писал о «либеральном гуманизме»: либералы стремятся «расшатать устои русского государства», чтобы «заменить их западными конституционными химерами. На самом деле, ‘либералы’ этих химер к нам никогда не введут, а легко могут ввести, даже помимо своей воли, благодаря одному своему “гуманному либерализму” — все ужасы и преступления, являющиеся последствиями социалистической пропаганды»⁵⁶.

В том же духе рассуждал о либералах В.П. Мещерский:

...для них и история, и все, что добыто просвещением и прогрессом, даже такое начало, как человечность (гуманность), не указ [...] они только умеют заимствовать слова, заголовки идей, а не сущность их [...] на одном земском собрании горячо ратовал за отмену телесного наказания гласный, который только и делал, что расправлялся арапником с теми, кто в чем-либо провинился перед ним. Один либеральный думец горячо защищал интересы рабочих, а как фабрикант эксплуатировал их⁵⁷.

Сомневался в истинности либерального гуманизма и П.Ф. Булацель: «То ли дело революционеры, перед теми надо непременно расшаркиваться, а то неровен час: хватят из-за угла во имя гуманности и милосердия»⁵⁸.

Говоря о необходимости просвещения, главный редактор *Московских ведомостей* возмущался:

Наши «либералы» желают, чтобы русские школы являлись школами не труда, а праздного своеволия, из которых выходили бы целыми стадами недисциплинированные ни в умственном, ни в нравственном отношении оболтусы, годные не для серьезного научного труда, о котором всегда мечтал великий Петр, а лишь для безобразных школьных и уличных скандалов. Уже одно это последнее обстоятельство ясно показывает, что Петр был поборником истинного просвещения России, а наши «либералы» отстаивают принципы дикого варварства⁵⁹.

⁵⁶ Грингмут В.А. Социализм в России. С. 198.

⁵⁷ Мещерский В.П. Века прошли, а разума не прибавилось // Гражданин. 1905. 2 окт. С. 3.

⁵⁸ Булацель П.Ф. Перемена ветра // Русское знамя. 1906. 30 апр. № 109; Он же. Борьба за правду. СПб., 1908. Т. 1. С. 42.

⁵⁹ Грингмут В.А. Чему нам учиться у Петра? С. 62.

Осмеивал «либеральное просвещение» и П.Ф. Булацель:

Пусть льется русская кровь, пусть горят усадьбы, пусть грохочут пушки, пусть дикие революционеры стреляют в солдат и городских. Ведь, по мнению либеральных сановников и социал-демократов, все это чуть ли не главный признак европейской просвещенности, а там у нас появится парламент, в котором [...] депутаты будут друг друга бить кулаками, швырять тетрадами, ругаться площадной бранью, давать в заседаниях пощечины и брать с еврейских дельцов такие взятки, какие не снились до сих пор во сне даже самым либеральным министрам и пройдохам⁶⁰.

Аналогичным образом В.А. Грингмут описывал и либеральную трактовку прогресса:

Русские ведомости сетуют, что в России де нет «свободы мысли и совести», а между тем эта «свобода» является «одним из необходимых атрибутов прогресса». «...В его рамки входит [...] свобода мысли и совести, уже осуществленная всюду на Западе (даже в Испании), но встречающаяся еще со многими затруднениями и препятствиями в России». Итак, в России меньше «прогресса», чем даже в Испании! Есть от чего придти в отчаяние. Испания стала, как известно, за последнее время одним из главных очагов европейского социализма и анархизма [...] Вот тот «прогресс», к которому нас желают привести наши гг. «либералы». Смуты и брожение — вот их идеал [...] Тот, кто чужд этих революционных стремлений, тот, по их мнению, «отсталый» человек [...] «Отсталые элементы», говорят они, «всегда восставали против всего, в чем проявляется новая жизнь, стремление вперед, попытка свободной мысли, критика существующего. Все эти прогрессивные движения квалифицировались как “духовная смута” и “тьма”, как “шатание мысли и жизни”» [...] Еще бы! Одна французская революция чего стоит в этом отношении. От вызванных тогдашним «шатанием умов» изменений в сферах религии, политики и общественных отношений страдает и поныне все человечество, в душе которого разрушена вера и нравственность, и возжено всепожирающее пламя грубого эгоизма и разнузданности страстей⁶¹.

Не менее жестко В.А. Грингмут критиковал и эволюционизм либералов:

⁶⁰ Булацель П.Ф. Борьба за правду. Т. 1. С. 16.

⁶¹ Грингмут В.А. Апология шатания умов [1900] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 1. С. 310.

Для «либерального» мирозерцания нет ничего прочного, стойкого, во всем оно видит лишь эволюцию, и в самом Самодержавии ему представляется лишь эволюционная переходная форма от «азиатского» государственного типа, к типу «европейскому». «Либералы» лишь «мирятся» с самодержавным строем России, как с неизбежным «временным» явлением, которое [...] должно будет уступить место другому, «более совершенному» государственному и общественному строю⁶².

Наряду с этим консерваторы предлагали свое понимание базовых ценностей современности. По мнению В.А. Грингмута, «основное правило гражданственности» — это соблюдение гражданами своего долга и своих обязанностей: они «лишь в том случае могут рассчитывать на охранение своих законных прав, если сами строго и свято исполняют возложенные на них существующими законами обязанности»⁶³.

Писал В.А. Грингмут и об «истинной гуманности»:

Политика уступок очень соблазнительна только для лиц еще неопытных в государственном правлении. Уступками всегда можно достигнуть полного, по-видимому, очень кратковременного умиротворения взволнованных умов. Но кому же неизвестно, что уступка одним «требованиям» неизбежно вызывает новые требования, неудержимо растущие и в качественном, и в количественном отношении [...] Чем меньше дается поводов к тому легкомысленному увлечению, тем меньше впоследствии явится жертв из-за неосуществившихся, по своей неосуществимости, ожиданий. Истинная гуманность государственного человека заключается в том, чтобы предотвратить возбуждения таких пагубных, по своим последствиям, ожиданий, и держаться [...] спокойной и твердой политики⁶⁴.

М.О. Меньшиков подчеркивал неоднозначность ценностей гуманизма, прогресса и просвещения:

Из Европы как из орлиного гнезда разлетелись по отдаленным странам и материкам белые хищники — колонисты, и всюду, где бы они не появлялись жизнь человечества никла [...] Французы, немцы, англичане, голландцы (буры) обнаружили одинаковую свирепость, и это явление — одно из самых тревожных предсказаний для

⁶² Грингмут В.А. Социализм в России. С. 198.

⁶³ Грингмут В.А. «Приказ» генерала Ванновского. С. 5.

⁶⁴ Грингмут В.А. Россия в Манчжурии [1900] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 1. С. 304.

XX века. Что стоит наш гуманизм, наше христианство, если при первом случае безнаказанности мы совершаем мерзости первобытные [...] К сожалению, XIX век выдвинул толпу как власть [...] Совершенно не заметно нравственного прогресса толпы; в конце века она более груба и кровожадна, нежели в середине его⁶⁵.

В статье 1907 года Меньшиков подчеркивал, что «политический гуманизм имел свои хорошие и свои отвратительные стороны». Последнее особенно явно сказалось на армии: «Вся подготовительная дисциплина исчезла: сплошь исчезло крепостное уважение к барину-офицеру, исчезла привычка повиновения старшим, страх перед властью...»⁶⁶

Социалисты во многом разделяли сложное отношение консерваторов к якобы «либеральным» ценностям, хотя и уделяли этой теме заметно меньше внимания. Например, В.И. Ленин отмечал склонность либеральных деятелей к деспотизму:

Мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом — Центральный орган РСДРП «Пролетарий» все же остается за дверью самодержавно-полицейской России⁶⁷.

Критикуя такое новое либеральное направление, как «философский идеализм», некий «Рядовой» писал: «...это движение охватило довольно широкие круги буржуазной интеллигенции, просвещенной буржуазии и культурного дворянства»⁶⁸.

Чины политической полиции оперировали теми же понятиями, что и общественно-политические силы. Так, в Санкт-Петербургском охранном отделении использование понятия *гуманизм* не требовало дополнительной расшифровки. Вспоминая о 1897 году,

⁶⁵ Меньшиков М.О. Кончина века [1900] // Литературная Россия. 1994. 30 дек. № 52. С. 14—15.

⁶⁶ Меньшиков М.О. Дружина храбрых [1907] // Выше свободы. М., 1998. С. 35.

⁶⁷ Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1960. Т. 12. С. 100.

⁶⁸ Рядовой. Либеральные программы. С. 4.

его начальник писал в 1903 году: «Если на [...] собраниях (годовщины основания Санкт-Петербургского университета. — Л.Б.) приглашенными почетными гостями из лагеря либеральных профессоров и литераторов и произносились речи возбуждающего характера, то ораторы не осмеливались еще в этих речах идти дальше общих идеалов гуманизма»⁶⁹.

Эволюционное общественное развитие, видимо, представлялось чинам политического сыска чем-то естественным. Так, начальник Воронежского ГЖУ Н.В. Васильев не сомневался в том, что «убить идею нельзя. Эволюция человеческой мысли совершается безостановочно, неудержимо трансформируя взгляды, убеждения, а затем и социальный строй жизни народов»⁷⁰. Ценность прогресса выступала ключевой при оценке эффективности как власти, так и различных сегментов противоправительственного движения. Но в отличие от общественности, которая полагала, что главный источник прогресса — она сама, деятели политической полиции миссию носителя прогресса и цивилизатора отводили государству. Так, известный деятель политической полиции Сергей Васильевич Зубатов считал, что самодержавная царская власть дала «России величие, прогресс и цивилизацию»⁷¹.

Представления о прогрессе, просвещении, культуре и цивилизованности во многом опирались на общее для образованного общества убеждение в отсталости народа⁷². В итоге важной составной частью дискурсивных баталий различных общественно-политических сил был спор за право называть свою позицию мнением народа, общества, населения страны в целом.

По мнению чинов политической полиции, либералы пытались доказать, что именно они, а не власть приносят пользу населению. Так, руководитель Тверского ГЖУ отмечал в политическом обзоре 1900 года: «Либеральное большинство (земства. — Л.У.) [...] об-

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 1100. Л. 68—70 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2580. Л. 232. Цит. по: Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2000. С. 111.

⁷¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 48. Также см.: Айзгафт С. Зубатов и студенчество // Каторга и ссылка. М., 1927. № 5 (34). С. 67; Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 1. С. 34; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 34.

⁷² Об этом см.: Коцюнис Я. Как крестьян делали отсталыми.

ращая внимание, насколько они полезны для населения, и при этом, относясь критически к деятельности правительства и губернской администрации, старается ограждать неприкосновенность прав самоуправления»⁷³. Активную самопрезентацию либералов как выразителей интересов народа отмечал в 1902 году начальник местного ГЖУ в Самаре: «“Самарская газета” не обмолвилась ни единым словом по поводу [...] юбилейного торжества 50-летнего существования Самарской губернии [...] Так демонстративно уклонилась газета от принятия какого-либо участия в названном торжестве, считая празднование это чиновничьим, а не народным, интересам которого она де призвана служить»⁷⁴.

Если либералы говорили о том, что власть не заботится об интересах населения, то служащие политической полиции ставили то же самое в упрек либеральным деятелям. Так, начальник Московского ГЖУ говорил о равнодушии земства к своим обязанностям⁷⁵, начальник Екатеринославского ГЖУ — о нежелании гласных либералов выделять деньги на народное образование⁷⁶, об отсутствии финансовой поддержки крестьян, которые пытались освоить новые земли⁷⁷ и так далее. Убеждение в равнодушии к интересам населения более ясно было выражено руководителем Тверского ГЖУ, который еще в 1893 году расценил всю ситуацию как борьбу либералов за свои личные выгоды в борьбе с властью: земцы либеральной партии «хлопотали только об удовлетворении личного самолюбия и воцелений корыстного или властолюбивого свойства [...] старались проводить на должности земских начальников лиц своего лагеря, а когда это не удавалось, то стали подсовывать людей ни к какому делу неспособных»⁷⁸.

Социалисты также видели в либеральной трактовке *народа* и его интересов определенную двойственность. По мнению социал-демократа с псевдонимом «Рядовой», в статьях либеральной газеты *Русские ведомости* встречается «подмена понятия народ понятием культурных (буржуазных) слоев населения»⁷⁹. Ю. Каменев так описывал поведение земцев в разгар Первой русской революции:

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.

⁷⁴ Там же. 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 5.

⁷⁵ Там же. 1885. Д. 59. Ч. 45. Л. 2.

⁷⁶ Там же. Ч. 27. Л. 1.

⁷⁷ Там же. 1888. Д. 89. Ч. 12. Л. 1.

⁷⁸ Там же. 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3 об.

⁷⁹ *Рядовой*. Семейный спор. Женева, 1904. С. 17.

«Гг. земцы всегда славились своей “реальной политикой” [...] реальная политика есть ни что иное как вполне реальное стремление весьма реально присвоить себе плоды чужой реальной борьбы и победы»⁸⁰. Немногим позже он отмечал: «...голоса на либеральном базаре становятся нервнее. Под хлыстом растущего восстания летят долой все маски народолюбия, горячее дыхание идущего на бой народа смывает румянец либерализма с лиц помещиков и купцов»⁸¹.

Г.В. Плеханов уже после Первой русской революции писал о либералах и консерваторах:

«Консерватор» *по-своему* совершенно прав, восставая против расширения избирательного права [...] Он уверяет, что оно будет вредным для всего общества. В этом и заключается логическая ошибка, делаемая *правым по-своему* консерватором: он отождествляет свои интересы с интересами общества. А «либерал»? О! Он поступает совершенно так же: он тоже отождествляет свои интересы с общественными»⁸².

В консервативном лагере также старались обвинить либералов в неискренности, лишить их ореола выразителей «общественного мнения» и «защитников народа». Так, В.А. Грингмут писал: «России нужно только ясно знать своих врагов [...] Опасны они ей лишь тогда, когда являются под личинами “друзей народа”»⁸³. В статье *Малоинтеллигентность русской интеллигенции* он повторил свою мысль:

...наши «интеллигенты» не знают того, о чем они с таким апломбом говорят. Они с высокомерным чувством непогрешимости рассуждают о церкви, которой они не знают и знать не хотят, о русском народе, об истинной сущности которого они и понятия не имеют, о русском государстве, о котором они имеют совершенно нелепое представление, о западных государственных формах, безобразные и очевидные недостатки которых они упорно не хотят видеть»⁸⁴.

⁸⁰ Каменев Ю. Они становятся решительнее // Новая жизнь. 1905. 2 нояб. № 6. С. 1.

⁸¹ Каменев Ю. Две демонстрации // Новая жизнь. 1905. 11 нояб. № 10. С. 1.

⁸² Плеханов Г.В. Рауль Рихтер. Скептицизм в философии. Том первый. Изд-во «Шиповник». СПб., 1910 г. // Современный мир. 1911. № 7.

⁸³ Грингмут В.А. «Либералы» и Саровское торжество [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 87.

⁸⁴ Грингмут В.А. Малоинтеллигентность русской интеллигенции [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 2. С. 131.

Спор за право выражать мнение *народа* был лишь одной составляющей общего спора за проект будущего. Не менее яро группы со своей политической позицией дискутировали по поводу критериев *законности, свободы, гражданственности* и своих прав как на реальную власть в государстве, так и на символическую власть над общественным мнением.

1905 год — изменение нелиберальных дискурсов о либерализме

Можно проследить заметное изменение в дискурсе о *либерализме* у консерваторов и чинов политической полиции в ходе Первой русской революции, точнее, до и после манифеста 17 октября 1905 года. Во-первых, изменяются субъекты-носители либеральной идеологии и либерального стиля поведения. Во-вторых, частота употребления понятия *либерализм* резко снижается по сравнению с предыдущим временем.

Носителями либеральной идеологии для консерваторов с 17 октября 1905 года стали уже не отдельные группы в обществе, а бюрократия. Встречавшиеся ранее эпизодически такие словосочетания, как «либеральная бюрократия», «либеральные сановники», «либеральные министры», с конца 1905 года становятся самым популярным способом описания *либерализма*.

Трактовки недавнего прошлого также наполняются этими, не свойственными ранее консервативной публицистике определениями. Например, В.А. Грингмут в конце октября 1905 года так вспоминал о государственной политике последней четверти XIX — начала XX века:

...герои легкомысленной «диктатуры сердца» и ее «либеральных» сподвижников, начавших [...] разрушать Россию по той самой бесшабашно-преступной программе, которая, к великому счастью нашего Отечества, выброшена была за борт царем-мироотворцем, а ныне снова применяется столь же лихорадочно-быстро, сколь и губительно-успешно с злополучного почина героев политики «доверия»⁸⁵.

⁸⁵ Грингмут В.А. Кара Божия [1905] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. 4. С. 15.

М.О. Меньшиков критиковал «либеральных военных министров»:

Я писал недавно о том, какой погром в военную школу внесен либеральными военными министрами. Они изо всех сил старались кадет воспитывать как гимназистов. Понасажали штатских воспитателей и учителей, назначили директоров, презирающих военное дело и влюбленных в светский лоск, в светскую ученость — и получили несколько поколений офицерства, невежественного в военном деле и совершенно равнодушного к нему⁸⁶.

А.И. Дубровин отмечал проникновение либеральных идей в среду церковных деятелей. Обращаясь к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, он писал: «Вы не протестовали против затей либерального обер-прокурора; Вы послушно по его указке писали послания, оправдывая умаление Царской власти»⁸⁷.

О «либералах-бюрократах» писал В.А. Грингмут в ноябре 1906 года:

Если в Петербурге основано Русское собрание, то это еще понятно: всем известно, что Петербург из всех крупных городов России по направлению своему наименее русский, а потому русской колонии в Петербурге необходимо было объединяться и отгородиться от окружающих ее немцев, финнов, поляков, западников, либералов-бюрократов и в особенности евреев⁸⁸.

Упоминал о «либеральных сановниках» и П.Ф. Булацель:

О, какая блестящая будущность открылась бы для русского народа, если бы ему удалось сохранить царское самодержавие, устранив продажных международных сановников, жадною толпою теснящихся у того самого трона, под который они предательски подкапываются отчасти из желания прослыть либералами [...] Стоны, отчаяние, плач снизойдет на русскую землю. Вот что принесет русскому народу «европейская конституция», перед которою благоговейно преклоняются Святополк-Мирский, Витте, Сольский, Кобеко, Герард, митрополит Антоний, барон Фредерикс, Нольде, Манухин, граф Ламздорф, генерал Раух, Толстой, Урусов, Кауфман

⁸⁶ Меньшиков М.О. Дружина храбрых [1907] // Выше свободы. М., 1998. С. 37.

⁸⁷ Дубровин А.И. Указ. соч. С. 13.

⁸⁸ Грингмут В.А. «Русский дом» в Москве [1906] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. 4. С. 273.

и вся их партия [...] либеральные сановники отличаются от консерваторов и революционеров тем, что не умеют приносить себя самих в жертву идеи. Они больше всего заботятся о себе и по большей части отличаются возмутительной личной трусостью. Они очень падки к наградам и очень жаждут, чтобы их похвалили за границу, а ради этого готовы даже залить всю Россию кровью, надеясь сами вовремя спрятаться⁸⁹.

Булацель возвращался к этой теме и позже:

Когда-то «либерал» было лестное название, но русские либеральные сановники опозлили его. Заботясь только о своем личном благополучии, они ради своей личной выгоды и своей собственной безопасности на каждом шагу приносят в жертву родину и играют головами тех людей, которые в угоду модным веяниям не умеют и не хотят отказываться от своих убеждений. А когда над головами самих либеральных сановников стрясется беда, они первые устремятся за помощью и охраною к войскам и полиции. Но как бы тогда не было уже слишком поздно! Развратить народ и войско гораздо легче, чем потом развращенному народу внушать, что собственность и личность высокопоставленных «либералов» должны быть неприкосновенны⁹⁰.

Интересно, что из всех «консерваторов» только для Союза русского народа (в частности, А.И. Дубровина и П.Ф. Булацеля), то есть для крайне правого фланга политического спектра, возникли «либеральные партии». Так, Дубровин в «Открытом письме» обвинял митрополита Санкт-Петербургского Антония в близости к «либеральным партиям, которые под видом и предлогом веротерпимости и свободы совести давно стали свободны и от веры, и от совести». Под либеральными партиями Дубровин в первую очередь имел в виду кадетов⁹¹.

При этом представители «либеральных партий» объединялись с «либеральными сановниками», им приписывались одинаковые черты характера и политического поведения. Например, П.Ф. Булацель писал:

Создать проект отнятия чужих имуществ, выпустить из тюрем политических убийц, на эти подвиги наши либералы способны [...]

⁸⁹ Булацель П.Ф. Борьба за правду. Т. 1. С. 15—16.

⁹⁰ Булацель П.Ф. Без названия // Русское знамя. 1906. 18 февр. № 42; Он же. Борьба за правду. Т. 1. С. 26.

⁹¹ Дубровин А.И. Указ. соч. С. 4, 14.

Но, Боже, как немилосердны, как сурово строги они тогда, когда кто-нибудь посягает на их собственные права и преимущества. Теперь, когда убивают только консерваторов, сановники, вроде Таганцева ратуют за отмену смертной казни, но если начнутся убийства в противоположном направлении — что тогда скажут Таганцевы, Толстые, Петрункевичи, Тимирязевы, Милюковы, Родичевы, Винаверы, Гессены и компания?⁹²

В своей следующей статье публицист *Русского знамени* вернулся к этой теме:

Пора нашему жалкому дворянству перестать ползать на запятках у графа Витте и либеральной прессы, пора сознать, что наша аристократия не имеет права безучастно относиться к деятельности конституционно-демократической партии, задавшей целью сокрушить все то, чему дворяне и верноподданные сыны России должны посвятить все свои силы...⁹³

Остальные «консерваторы» не описывали термином *либерализм* какие-либо новые явления в политической жизни (такие, как манифест 17 октября, *Основные законы*, Госдума, конституция, партии, избирательный процесс). Для В.А. Грингмута кадеты оказались в политическом пространстве рядом с социалистами. В течение 1906 года он постоянно писал о «кадетах и социалистах»⁹⁴, видимо относя их к одному политическому лагерю (похожее мнение демонстрировал М.О. Меньшиков⁹⁵).

Кроме того, для В.А. Грингмута, В.П. Мещерского, И.И. Восторгова, М.О. Меньшикова *либералы* как отдельная политическая сила с определенными социальными носителями по большому счету с конца 1905 года исчезли, *либерализм* для них отныне — это, скорее, стиль поведения и мировоззрение, чем политическая идеология. У Грингмута встречаются упоминания о «либеральном болтунишке Гейдене», о «либеральных “Вральманах”», о «либеральных

⁹² Булацель П.Ф. Борьба за правду. Т. 1. С. 35.

⁹³ Булацель П.Ф. Спящая аристократия // Русское знамя. 1906. 27 апр. № 106; Он же. Борьба за правду. Т. 1. С. 38.

⁹⁴ Грингмут В.А. Кара Божия. С. 15; Он же. Воззвание от Русской монархической партии [1906] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. 4. С. 61—62; Он же. Еврейская победа над Москвой [1906] // Там же. С. 103; Он же. «Летний семестр» // Там же. С. 104; Он же. Временный уход графа Витте // Там же. С. 105; Он же. «Русский дом» в Москве // Там же. С. 274.

⁹⁵ Меньшиков М.О. Осада власти [1907] // Выше свободы. М., 1998.

судорогах» (у выборной университетской администрации при виде городского)⁹⁶.

Журнал *Право*, бывший ранее «либеральным», теперь характеризуется В.А. Грингмутом как один «из главных органов русских революционеров»⁹⁷. В других случаях какие-либо определения тех явлений, которые до октября 1905 года трактовались как «либеральные», в консервативной публицистике вообще исчезают. Съезд земских и городских деятелей в конце октября 1905 года, встреча их делегации с С.Ю. Витте в газете *Гражданин* описываются без политических характеристик. И для Грингмута земские деятели теперь — только «общественные»:

«Общественный» деятель — чисто-русское изобретение, совершенно незнакомое Западной Европе [...] Министру, видите ли, вовсе и не надо быть знатоком своего дела [...] он должен непременно быть «общественным» деятелем с «популярным» именем. Как он приобрел себе эту «популярность» — пустою ли болтливостью, модным ли «радикализмом» или эффектными антимонархическими демонстрациями — это решительно все равно! [...] Петербургу нужны лишь «общественные деятели», потому что, по теперешней петербургской моде, все, что пахнет «общественностью», есть верх совершенства. Под «общественными» деятелями Петербург подразумевает, конечно, деятелей «земских» и «городских»⁹⁸.

Впрочем, было бы неверным утверждать, что после октября 1905 года термин *либерализм* абсолютно исчез из консервативной публицистики в том смысле, точнее, в тех смыслах, в которых он существовал раньше. Эпизодически в статьях консерваторов встречаются и «либеральная профессура»⁹⁹, и «либеральная интеллигенция»¹⁰⁰, и «либеральная печать»¹⁰¹.

⁹⁶ Грингмут В.А. Кто устраивает погромы и забастовки? (Речь, произнесенная на 19 июня 1906 г. в Иваново-Вознесенске, на общем собрании Монархической партии) [1906] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 158; *Он же*. Опять сорвалось! [1906] // Там же. С. 194.

⁹⁷ Грингмут В.А. Польская и русская революции [1905] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 17.

⁹⁸ Грингмут В.А. «Общественное» министерство [1906] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 196.

⁹⁹ Грингмут В.А. Наши «храмы науки» [1907] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. 4. С. 314.

¹⁰⁰ Грингмут В.А. Патриотический вечер [1907] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 302.

¹⁰¹ Грингмут В.А. Ответ «Либералов» на правительственное сообщение [1905] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 16;

Причины изменения дискурса о *либерализме* у консерваторов, видимо, связаны с тем фактом, что либерально-конституционный проект, по их мнению, с 17 октября 1905 года превратился из убеждений некоторой (влиятельной) части общества, в том числе и некоторой части бюрократии, в новую государственную идеологию, освященную авторитетом императора. Одной из составляющих этого проекта, с точки зрения консерваторов, было отсутствие национальной ориентированности, склонность к космополитизму.

Так, В.А. Грингмут писал в апреле 1906 года о «либерально-чиновном Петербурге»:

Всесильный бюрократический и космополитический Петербург никогда не простит человеку его верную службу царю и его преданность русской государственной идее: он его либо выкинет за борт, либо отдаст на пропятие своим союзникам-революционерам. Чем провинились, например, граф Шувалов, или Слепцов, или Богданович? Чем заслужили они произведенную над ними крамольную «смертную» казнь? Ничем. Они только остались верными своей присяге и служили по совести своему царю. Но одна уже эта верная служба является непростительным преступлением не только в глазах крамольников, но и в глазах либерально-чиновного Петербурга [...] Петербург слушает крамольников, их боится, с ними считается, с ними кокетничает, с ними церемонится и старается их «не раздражать»¹⁰².

Позже Грингмут отмечал:

...Петербург со своей космополитической бюрократией отнесся в 60-х годах с такою же враждой к великой национальной проповеди Каткова, с какою петербургское правительство 40-х годов отнеслось к Юрию Самарину и Ивану Аксакову [...] события последнего десятилетия [...] у всех перед глазами. Петербургская бюрократия сделалась из «либеральной» прямо революционной: она повернулась спиной ко всей России, ко всей ее истории, ко всему ее народу и, изменив царскому самодержавию, устремилась на европейский манер ограничить его тысячью путями¹⁰³.

Он же. «Праздник» русского просвещения [1906] // Там же. С. 42; *Он же*. Значение графа Витте [1906] // Там же. С. 63; *Он же*. Дело Гурко-Лидваль [1906] (Речь, произнесенная на 9 общем собрании РМП, 1 ноября 1906 г.) // Там же. С. 264.

¹⁰² Грингмут В.А. Еще и еще [1906] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 111.

¹⁰³ Грингмут В.А. Апостолы и ученики нашего национального Евангелия (Речь, произнесенная на Патриотическом вечере 8 января 1907 г.) [1907] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 4. С. 309.

Между тем на протяжении пореформенного периода у лидеров консервативного лагеря была абсолютная вера (или презентация этой веры как абсолютной) в то, что реализация либерально-конституционного проекта немыслима в России. Тот же В.А. Грингмут всего несколькими годами ранее писал:

...наши конституционалисты или, как они себя величают, наши «либералы» опасны, главным образом не тем, что они предаются мечтам, которым, конечно, никогда не суждено осуществиться, потому, что конституционализм с парламентаризмом не только не мыслимы в России, но оказались никуда не годными и в западной Европе¹⁰⁴.

Показательна позиция В.П. Мещерского, высказанная им 23 октября 1905 года, — по сути, это была первая реакция главного редактора *Гражданина* на манифест 17 октября:

По моему глубокому убеждению, со дня 17 октября следовало бы это слово «либерал» совсем выбросить из употребления, оно имело свое значение в прежнее время, когда принято было противопоставлять человеку известного направления охранительного человека направления противоположного, но теперь когда речь идет о составлении кабинета для будущей Государственной Думы, понятие либерал не имеет никакого практического смысла, оно даже имеет практическое неудобство, ибо под этим ярлыком того и гляди что проскочит безусловно неспособный человек, пользуясь тем, что предъявляется спрос не на цельную и честную личность, не на знание и не на опыт, не на авторитет, а прежде всего на самое опошленное и истертое от употребления — на либерализм. Разве ненавидящий либералов рискует попасть в коллеги к гр. Витте? [...] нет. Следовательно, желательно, чтобы искались авторитетные способные и честные люди, идущие на дело из любви к России, а не вывесочные либералы. Например, называют московского Шипова. Прекрасно, но позволительно думать, что его называют не потому, что он либерал, но потому что он дельный и способный человек. Зато рядом с ним называют имя человека, который ничем неизвестен, как только либерализмом. И я сомневаюсь, чтобы новое правительство сразу завоевало себе доверие только потому, что его список лиц был бы весь составлен из этикетных либералов¹⁰⁵.

В переписке политической полиции с октября 1905 года термин *либерализм* временно исчезает (с 1907 года он вновь появляется, но

используется редко и преимущественно по отношению к земству). Пограничным рубежом в восприятии служащими политической полиции не только либерального, но и в целом противоправительственного движения стал манифест 17 октября 1905 года. Он был воспринят в политической полиции как кардинально изменявший общие политические условия и, соответственно, цели и задачи политического сыска. Так, один из руководителей Департамента полиции Константин Дмитриевич Кафафов уже в эмиграции вспоминал об этом времени:

В 1905 году Россия вступила на путь конституционной монархии с представительными учреждениями. В государственную и общественную жизнь страны вступает новый фактор — Государственная дума. В государстве нарождаются новые явления — в виде официально признаваемых партий, о которых прежде и думать было нельзя. При этом легализуются [...] все течения политической мысли, не приемлющие для осуществления своих идеалов террора, а стремящиеся к осуществлению своих программ путем легальной эволюции [...] сама жизнь повелительно выдвигала вопрос о необходимости изменить характер деятельности и политической полиции, о новом так сказать курсе ее. Задача и методы ее работы в силу вещей должны были значительно измениться¹⁰⁶.

Видимо, помимо названной причины — реализации *либерализма* как новой государственной идеологии взамен прежней и, соответственно, невозможности ее критиковать в делопроизводственной документации — имело место еще одно обстоятельство. Накал революционных событий заставил «забыть» о либералах — слишком малозначительной казалась их деятельность на фоне революционеров. Кроме того, вероятно, в условиях, когда было непонятно, что в итоге выйдет из состоявшихся политических изменений, чины политической полиции нашли выход в том, чтобы «спрятаться» в своей переписке за один термин — «противоправительственное движение». Этим термином стали обозначать все явления, которые попадали в сферу внимания политического сыска.

Наряду с социалистами, в сферу «противоправительственного лагеря» попали и кадеты, но уже октябристы находились за его пределами. Тем самым граница явлений, которые волновали политический сыск, находилась внутри того спектра, который социали-

¹⁰⁴ Грингмут В.А. Социализм в России. С. 197.

¹⁰⁵ Дневник. Среда. 19 октября // Гражданин. 1905. 23 окт. С. 23.

¹⁰⁶ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 104.

сты считали «либеральным». С конца 1905 года у служащих политической полиции входит в обиход понятие «левый», которое распространяется, видимо, и на часть тех, кого раньше называли «либералами», так как в группу «левых» попадали и кадеты. В 1906 году Департамент полиции проводил анализ партийных объединений. Любопытно, что вопросы, на которые должны были ответить служащие местных отделений политического сыска, имели своей целью выяснить: в какой мере власть могла бы опираться на такие партии, как Партия мирного обновления, Партия правового порядка¹⁰⁷, то есть те политические организации, которые являлись заметно более умеренно-либеральными, чем не только кадеты, но и октябристы.

В дискурсе социалистов также происходят некоторые изменения, свидетельствующие о трансформации статуса *либерализма*: он частично соединяется с властью. После 17 октября 1905 года В.И. Ленин пишет о двух либеральных силах — «либеральной бюрократии» и «либеральной буржуазии»:

Витте [...] — это министр либеральной бюрократии по тем реальным силам, которыми он до сих пор располагает, ибо с либеральной буржуазией ему еще не удалось сторговаться [...] Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении, что они подтверждают лишний раз внутреннее родство либеральной бюрократии с защитниками интересов капитала.

При этом под «либеральной буржуазией» Ленин понимает кадетов¹⁰⁸. Аналогичный пассаж можно встретить и в других статьях Ленина, например в статье *Первая победа революции*:

Какие люди будут приводить в исполнение обещание царя? Министерство Витте, в которое по слухам входят Кузьмин-Караваев, Косич, Кони? Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это — только еще министерство либеральной бюрократии...¹⁰⁹

¹⁰⁷ Такой анализ по Москве и Московской губернии см.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906. 2 отделение. Оп. 236. Д. 828. Ч. 18.

¹⁰⁸ Ленин В.И. Между двух битв // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 50, 52.

¹⁰⁹ Ленин В.И. Первая победа революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 30.

Впрочем, для публицистики В.И. Ленина характерен постоянный терминологический «хаос», что делает несколько затруднительным анализ его словоупотребления. Одни и те же общественно-политические субъекты выступают у лидера большевиков под разными наименованиями: кадеты могут быть и «либеральной буржуазией», и «умеренными либералами», и «правым крылом буржуазии», и «буржуазной интеллигенцией», и «либеральными помещиками», и просто «либералами»¹¹⁰.

Ю. Каменев в статье 2 ноября 1905 года писал:

...либеральная буржуазия [...] сдавленная между Государственной думой и всенародным протестом против нее [...] схватилась за идею поставить [...] г. Витте под свой фактический контроль. [...] заметьте — не замена правительства Витте, ибо такая замена возможна только при деятельном сотрудничестве революционных масс [...] Не замена, нет — но контроль, но союз, но разделение власти, но временное пр-во умеренно-либерального земца плюс умеренно-реакционный Витте¹¹¹.

В *Новой жизни* за 16 ноября встречаются схожие мысли:

Теперь, когда самодержавие пало под напором революции, либеральная буржуазия из «оппозиционной» партии готова стать правительственной: «земские и городские деятели» постановили вступить в политическую сделку с правительством [...] они высказались за конституционную монархию [...] при которой либеральная буржуазия получит, конечно, преобладающее политическое значение¹¹².

Разделение либералов на бюрократическую и партийную составляющие появилось и у эсеров. Так, В.Л. Бурцев писал в начале 1907 года о революционном 1905-м: «...правы были крайне левые, ибо только их способ игры сулил настоящую победу: другие тешились иллюзиями, а выигрыш их означал бы в лучшем случае шулерскую стачку кадетов либеральных с кадетами бюрократическими»¹¹³.

¹¹⁰ Ленин В.И. Государственная дума и социал-демократическая тактика // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 169, 171, 172.

¹¹¹ Каменев Ю. Они становятся решительнее. С. 1.

¹¹² Румянцев П. Сделка буржуазии с правительством // Новая жизнь. 1905. 16 нояб. № 14. С. 1.

¹¹³ Историко-революционный альманах под общей редакцией В.Л. Бурцева. Январь 1907. СПб., 1907. С. 322.

В целом у социалистов не было сомнения в том, что возникли «либеральные партии». Автор *Новой жизни* отмечал еще 27 октября 1905 года: «Либералы разместились по союзам и заполнили ряды конституционно-демократической партии»¹¹⁴.

Дискурсивные союзники в описании *либерализма*

Предыдущий анализ в данной статье был построен на разделении нелиберальных общественно-политических сред на три лагеря, согласно их собственным идеологическим представлениям. Однако тех же деятелей по психологическому отношению, эмоциональному тону, используемым речевым оборотам и терминологии при описании различных аспектов *либерализма* можно разделить на три другие условные «группы». Во-первых, это чины Департамента полиции, охранных отделений и эсеры; во-вторых, это сотрудники ГЖУ и консервативные публицисты, из которых В.А. Грингмута можно записать в эту группу только в период его деятельности до октября 1905 года, в-третьих, это большевики и черносотенцы.

Для первой «группы» характерно эмоционально нейтральное, если не сказать позитивное, описание либеральных деятелей и либеральной идеологии. Интересно, что у этой «группы» были похожими и термины для описания противоправительственного движения в целом — «революционное и оппозиционное движение»¹¹⁵. Что же касается восприятия *либерализма*, то служащие Департамента полиции и охранных отделений признавали некоторую пользу *либерализма* для государства, а эсеры — для борьбы с самодержавием.

В охранных отделениях и в Департаменте полиции было распространено мнение о существенной умеренности *либерализма* в целом. *Либерализм* понимался как течение, не самое опасное с точки зрения государственного порядка и общественного спокойствия. Это восприятие отражалось как в относительно низком интересе к либералам на фоне внимания к деятелям других легальных

¹¹⁴ Новая жизнь. 1905. 27 окт. № 1.

¹¹⁵ Бурцев В.Л. Долой царя. Лондон, 1901. С. 42; Приложение. С. 3. 36, 38 и др. Об этом термине у политической полиции см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 6; 1895. Д. 1719. Л. 3—16; 1899. Д. 1055. Л. 157; Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 16. Л. 11; 1904. Д. 200. Л. 29; Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. 1918. Вып. 2 (30).

оппозиционных течений, так и в эмоционально нейтральном описании различных проявлений либерального движения, в предпочтении воздерживаться от репрессивных мер в отношении его участников¹¹⁶.

Служащим Департамента полиции и Московского охранного отделения (неформального лидера в среде охранников) оказались близки убеждения самого правого либерала Д.Н. Шипова, которого ряд его современников относил даже к славянофилам. Так, под влиянием шиповской либеральной концепции самоуправления находился заведующий Особым отделом Департамента полиции Леонид Александрович Ратаев. В записке о легальной оппозиции 1902 года он писал: «Городские и земские учреждения [...] эти последние легальные органы общественной самостоятельности» представляют «собой крошечные зачатки конституционной жизни»¹¹⁷. Начальник Московского охранного отделения Василий Васильевич Ратко в феврале 1905 года считал доверие к высшей власти необходимым для нормального взаимодействия государства и общества — а это было одним из главных требований Шипова и отличало его позицию от убеждений его соратников по либеральному лагерю. При этом «доверие» в понимании Ратко означало деятельность в духе П.Д. Святополк-Мирского. В разгар революции и накануне собственного ухода из политической полиции (февраль 1905 года) Ратко с сожалением вспоминал о «правительственной весне»:

После смерти министра внутренних дел В.К. фон-Плеве, за время управления которого министерством степень напряжения деятельности всех функционировавших в то время революционных и оппозиционных групп достигла своего апогея, в либеральной части русского общества, главным образом, среди земцев и интеллигентного пролетариата совершенно открыто стали слышаться выражения радости по поводу событий 15 июля (день убийства В.К. Плеве эсером Е. Сазоновым. — Л.Б.) [...] Усилившееся, однако, несмотря на широкое применение репрессий, за сравнительно короткое время пребывания на посту министра В.К. Плеве революционное движение и недовольство, охватившее значительную часть

¹¹⁶ См., например: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 5; 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 7, 11, 13—14, 15—16; 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 152, 153; Т. 2. Л. 12, 31; 1893. Д. 1200. Л. 4 об.; Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5; 1901. Д. 923. Л. 1—2 об.; и др.

¹¹⁷ Там же. 1902. Д. 835. Л. 3 об.

русского общества, поселили в последнем твердую уверенность, что правительство принуждено будет сознать ложность избранного им пути и перейти к политике положительных реформ в области внутреннего управления. Поэтому назначения нового министра ожидали с особым нетерпением, и когда князь Святополк-Мирский высказался о доверии правительства к обществу, приглашая последнее помочь ему советом и делом, изголодавшаяся за два с половиной года общественная мысль заработала с небывалой энергией, выразившейся в целом ряде сочувственных адресов и петиций по адресу нового министра. На первых порах почувствовались умиротворение и надежда на возможность полюбовного устранения накопившихся за последнее время недоразумений между правительственной властью и общественными элементами...¹¹⁸

Эсеры со своей стороны отмечали пользу либералов для борьбы с самодержавием. Так, В.Л. Бурцев писал:

Если либералы дадут себе правильный ответ на вопрос: что делать? и захотят действовать сами, или хотя бы только помогут другим, они представят собою громадную силу в борьбе с деспотизмом, — и их деятельный союз с революционерами, без сомнения, ускорит падение самодержавия¹¹⁹.

Определенная общность, с одной стороны, эсеров, а с другой — чинов охранных отделений и Департамента полиции в описании *либерализма* — видимо, результат повышенного внимания руководителей политического сыска в последней четверти XIX века именно к социально-революционному движению как главной угрозе самодержавию. Это привело к развитию многочисленных личных контактов служащих этих подразделений политической полиции с поднадзорной средой, в том числе в силу постоянной и напряженной работы с секретной агентурой. В то же время умеренное отношение к *либерализму* в Департаменте полиции наводит на мысль о влиянии юридического образования и опыта службы по судебному ведомству на восприятие оппозиционного (и шире — противоправительственного) движения, на особое отношение служащих этой структуры к закону, за рамки которого деятельность либералов выходила далеко не всегда.

¹¹⁸ Полный текст записки см.: *Ульянова Л.В.* «Либерал» в политической полиции. Записка начальника Московского охранного отделения В.В. Ратко. 1905 г. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 70—78.

¹¹⁹ *Бурцев В.Л.* Рецензия на «Современник», апрель 1897, № 1 // Бурцев В.Л. Долой царя. Лондон, 1901. Приложение. С. 41.

Вторая «группа» (чины ГЖУ, консервативные публицисты) описывала либералов как явных врагов государства и страны. Слушающие ГЖУ воспринимали либеральных деятелей как людей, которые нарушают существующий государственный и общественный порядок, которые поставили во главу угла борьбу с государством. Для В.П. Мещерского и В.А. Грингмута (так же как и чуть ранее для К.П. Победоносцева) либералы являлись предателями России, так как пытались реализовать просвещенческий проект, истоки которого крылись во Французской революции, а основные элементы — конституция, неременное ограничение (или уничтожение) власти монарха, парламент, выборный процесс, а также атеизм — несли для России (в силу особенностей ее исторического пути и народного характера) территориальный распад и в конечном итоге уничтожение.

Например, начальник Тверского ГЖУ писал о местном обществе в конце XIX века:

Дворянство Тверской губернии, издавна отличавшееся либеральным направлением, забыв исконное призвание быть несокрушимым оплотом самодержавия и служить примером верной преданности царю и отечеству, изменило славным традициям [...] и [...] заметным образом сливаясь с другими сословиями, стало олицетворять собою земство¹²⁰.

В.А. Грингмут оценивал либералов как «врагов России» еще в 1896 году: «...это та пресловутая антирусская партия, которая, прикрываясь столь симпатичным с первого взгляда флагом “либерализма”, вела Россию к расчленению, к смуте, к террору, к 1 марта»¹²¹. В 1903 году он так формулировал свою позицию:

...современные «либеральные» публицисты [...] прямо недобросовестны. Они очень хорошо знают, что конституция есть вредный, развращающий народ обман, а между тем никто из них этого не говорит, стараясь выставить русским читателям сербскую парламентскую комедию как высший идеал государственности. Уж больно им самим хочется водворить в России ту же систему партийной борьбы из-за власти, которая развратила и разорила несчастную Сербию. Теперь они только публицисты, профессора, думские и земские гласные, и кормятся лишь общественным пирогом; а им

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 152. Ч. 40. Л. 3.

¹²¹ *Грингмут В.А.* М.Н. Катков и современное общество. С. 14.

подавай пирог государственный. Аппетита на него у них хватит. А что Россия погибнет, пока они будут грызться из-за этого пирога и друг у друга вырывать министерские портфели, до этого им никакого дела нет¹²².

Кроме этого, объединяло чинов ГЖУ с названными публицистами представление о собственной позиции как «консервативной» и противопоставление своей позиции — «либеральной». Так, начальник Тульского ГЖУ в 1904 году с удовлетворением отмечал: «Население Тульской губернии является твердо консервативным, проникнутым желанием сохранить существующий порядок», в то время как «малозначительная либеральная партия стремится к его коренному преобразованию»¹²³. Однако через год он с сожалением констатировал слабость консерваторов на фоне либералов:

В интеллигентной среде Тульской губернии замечается две резких партии: либеральная и консервативная [...] либеральная партия [...] хорошо организована, дружно сплочена и действует активно [...] Консервативная же партия крайне разрозненна, совершенно бездействует и старается быть незаметной — лишь бы ее не трогали, свое же неодобрение идеям либералов высказывают шепотом и то с оглядкой¹²⁴.

В свою очередь, В.А. Грингмут писал:

Партия наших западников, именующих себя «либералами», стремится не к тому, чтобы усовершенствовать функции самодержавного правительства — о чем так мечтает национально-русская или «консервативная» партия — а к тому, чтобы совершенно упразднить самодержавие и заменить его западно-европейским демократическим режимом¹²⁵.

Еще одна общая черта для второй группы — деление либералов на истинных, которых меньшинство, и лже-либералов, которые только подражают первым в поисках материальной или карьерной выгоды, или же в стремлении приобрести популярность в обществе.

¹²² Грингмут В.А. Кто у нас завидует Сербам? С. 74.

¹²³ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 10 об.; 1905. Д. 1. Ч. 30. Лит. А. Л. 4.

¹²⁴ Там же. Л. 4.

¹²⁵ Грингмут В.А. Нормальная работа государственных органов. С. 296.

Начальник Екатеринославского ГЖУ выделял в местном обществе «действительных либералов» и «лжелибералов». Разница между этими двумя группами состояла в том, что одни и те же идеи первые проводили искренне, а вторые «ради подражания»: «...действительных либералов, умных, беспристрастных в этом классе интеллигенции немного, если найдется одна треть, одна вторая часть, большая же часть из них, ради подражания, только на словах либеральны»¹²⁶. Руководитель Тверского ГЖУ отмечал увлечение *либерализмом* в угоду «моды» и ради личных интересов еще в 1889 году:

В Кашинском уезде за исключением Ладыженского, человека либерального образа мыслей по принципу, и Дубасова, примкнувшего к либеральной партии ради моды и личных интересов, не мало лиц, останавливающих на себе внимание, но и они не представляют из себя каких-либо особых политических деятелей¹²⁷.

М.О. Меньшиков писал в своем трактате *О любви*: «Один из лозунгов лжелиберального движения — свобода брака, сведение его к гражданской сделке, которая может быть нарушена *ad libitum*, тою или другою стороной»¹²⁸.

В.П. Мещерский выделял настоящих либералов и «либералов по заказу»:

Огромное большинство русских людей [...] признают себя обязанными быть либералами и практиковать свой либерализм, но из них самая минимальная доля действительно либеральна. За границей есть либералы, и очень много их, но они либералы в той области, где жизнь требует от них применения либерализма, например, в политических собраниях, в печати, но никому в голову не может прийти быть либеральным полицейским, либеральным врачом, либеральным учителем, либеральным пастором или священником, либеральным судьей, либеральным чиновником, либеральным агрономом или либеральным отцом. [...] Огромное большинство людей в России с первой школьной скамьи, раньше чем ставить себе такие задачи как хорошо учиться, быть хорошим сыном, подготовиться быть честным человеком, обязывает себя вступить в роль

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 2.

¹²⁷ Там же. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 6. О неискренности либералов писал и С.В. Зубатов в 1903 году — см.: Новое о зубатовщине // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 308.

¹²⁸ Меньшиков М.О. О любви. СПб., 1899.

либерала. Затем он сам же дает себе ответ на вопрос: что значит быть либералом, и притом ответ такой, какой взбредет в голову: наглубить учителю — значит быть либералом, не слушаться отца — значит быть либералом, презирать старшего и дисциплину — значит быть либеральным, не признавать бога — значит быть либеральным, ругать пр-во — значит быть либеральным и т.д. до бесконечности. Это в школе. А в жизни взрослых вы на каждом шагу натываетесь на те же, нигде в мире не существующие проявления либерализма. [...] И вот вся Россия наводнена либералами по заказу во всех сферах деятельности, во всех профессиях, начиная с либерала-мужичка, который убежден, что не поклониться священнику — значит быть либеральным, и кончая членом Государственного совета, который убежден, что если в деле, им рассматриваемом, фигурируют земский начальник и мужичок, то значит земский начальник не прав потому уже, что он земский начальник, и что именно так решать вопросы — значит быть либеральным¹²⁹.

Не обошел эту тему в своей публицистической деятельности и В.А. Грингмут. В 1903 году в статье *Истинный либерализм* он писал:

Нам неоднократно приходилось указывать, что между нашим русским невежественным лже-либерализмом и истинным либерализмом Запада, в особенности Англии и Германии, ничего почти нет общего, кроме разве внешнего ярлыка. Русский «либерализм» является, в сущности, очень плохой копией своего западного оригинала, и притом односторонней копией, утрирующей лишь худшие, чисто наружные стороны западного либерализма и совершенно не интересующейся его наиболее ценною, внутреннею сущностью. Этому интересному вопросу о здоровой сущности и негодной внешности либерализма посвящена интересная статья известного германского социолога Карла Иенча [...] Истинно-либеральным образом мыслей могут обладать лишь люди, достигшие независимости и возвысившиеся над толпой, благодаря своему имущественному или умственному аристократизму. В виду этого легко понять, как ошибочны стремления наших лже-либералов к демократическому эгалитаризму. [...] Карл Иенч касается, конечно, и вопроса о формах правления. И тут он, как истинный либерал, мыслит совершенно иначе, чем наши лже-либералы: «С демократией, республикой и парламентаризмом у либерализма ничего нет общего. Существует ли в государстве демократия или противоположная ей форма правления — это вопрос чисто-технический...» [...] «Вопрос: монархия или республика?» — говорит он, — «может быть решен сообразно с историческим развитием и индивидуаль-

¹²⁹ Дневник // Гражданин. 1905. 9 окт. № 80. С. 19.

ными особенностями каждого народа. Лишь одни невежды могут думать, что республика обеспечивает гражданам большую меру свободы, чем монархия». Жестоко, но вполне справедливо судит Иенч и о парламентаризме: «либеральный человек должен желать для своего государства твердых основных законов, но отнюдь не так называемого парламентаризма. Парламентаризм не может существовать без шарлатанства [...] каждая безответственно правящая шайка действует за кулисами парламентского большинства, состоящего большей частью из манекенов, денежных и административных карьеристов и презренных, продажных личностей». Так судит о парламентаризме истинно-либеральный мыслитель. Какая пропасть отделяет его от тех манекенов и карьеристов, которые у нас в России присваивают себе имя «либералов»!¹³⁰

Чинов ГЖУ и большую часть консервативных публицистов объединяло одно — неприятие популярных в российском обществе трактовок общественно-политических процессов, которые (трактовок) стали результатом активного усвоения на протяжении XIX века новых базовых ценностей-понятий, рожденных эпохой Просвещения. Служащие ГЖУ — бывшие военные, получившие образование, краеугольным камнем которого была верность императору, и отслужившие в войсках, — в рамках своего традиционалистского мировоззрения не могли найти места ценностям Нового времени, активное навязывание которых в публичном пространстве вызывало у них резкое отторжение.

Третья выделенная мной группа характеризуется одной общей чертой: либералы описываются термином «либеральная буржуазия». И социал-демократы, и деятели Союза русского народа видят в либералах агентов влияния буржуазии, причем не только отечественной, но и европейской, которой нужна революция в целях учреждения конституционного строя. В ограничении самодержавия либералы заинтересованы потому, что таково условие финансового участия и финансовой помощи европейской буржуазии российской. Различие заключается в том, что черносотенцы напрямую связывали эту ситуацию с «еврейско-масонским заговором». Любопытно, что В.А. Грингмут, который, как и П.Ф. Булацель, писал о существовании такого заговора и его несомненном влиянии на революцию в России, в отличие от Булацеля не упоминал о том, что проводниками влияния масонов являются «либералы» — види-

¹³⁰ Грингмут В.А. Истинный либерализм [1903] // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1909. Вып. 2. С. 105—108.

мо, потому что для Грингмута *либерализм* после октября 1905 года не был связан с какой-либо политической партией.

П.Ф. Булацель обвинял либералов в их корыстных замыслах:

Зачем Европа нам хочет навязать свою форму правления, благодаря которой гниет и разваливается австро-венгерская монархия Габсбургов? Из любви к нам? Из желания облагодетельствовать наш русский народ? Какая наивность! [...] вся эта революционная вакханалия нужна для того, чтобы вырвать у царя конституцию, при которой всякие Ротшильды могли бы печатать у нас в России свои бумажные деньги, как они печатают их в Австрии¹³¹.

Чуть позже он отмечал:

...Севастополь, Порт-Артур, портсмутский и берлинский мирные договоры — результаты «нового», а вовсе не старого русского самодержавия, когда интересы русского народа считались важнее, чем одобрения английской печати и французско-еврейских банкиров. О, какая блестящая будущность открылась бы для русского народа, если бы ему удалось сохранить царское самодержавие, устранив продажных международных сановников, жадною толпою теснящихся у того самого трона, под который они предательски подкапываются отчасти из желания прослыть либералами, отчасти из-за подкупа в угоду своих вдохновителей масонов¹³².

Высказывания большевиков на эту тему не сильно отличались от того, что писал П.Ф. Булацель. Так, сотрудники *Новой жизни* отмечали в ноябре 1905 года:

Свобода, возвещенная для того, чтобы достать деньги на ее подавление [...] вера покупалась деньгами. Были розданы щедрые на-чай заграничным либеральным газетам и на страницах этих органов внезапно испарились известия о росте «смуты» в России. Успокоенных печатью капиталистов поманили баснословным процентом¹³³.

Публицист этой же газеты Г. Алексинский писал:

¹³¹ Булацель П.Ф. Обвинительные речи. III // Россия. 1905. 24 дек. № 40; Он же. Борьба за правду. Т. I. С. 11.

¹³² Булацель П.Ф. Письмо в редакцию // Россия. 1906. 14 янв. № 11; Он же. Борьба за правду. Т. I. С. 15.

¹³³ За кулисами «прямоты и искренности» // Новая жизнь. 1905. 11 нояб. № 10. С. 1.

Европейская буржуазия стала сомневаться в русском самодержавии как в исправном плательщике и была бы не прочь иметь на его месте более надежного должника. Оттого-то либерально-буржуазная печать и выражала такое «горячее» сочувствие «либеральному движению» в России, надеясь, что это движение приведет к передаче правительственной власти в руки «честных буржуа», которые честно и аккуратно будут за счет русского народа платить проценты и погашать векселя¹³⁴.

Таким образом, крайне правые и крайне левые сходились в своем описании либерального проекта, причиной чего, видимо, стал собственный радикализм как черносотенцев, так и большевиков.

В целом и консерваторы, и социалисты трактовали понятие *либерализма* гораздо шире, чем чины политической полиции. И социалисты, и консерваторы до октября 1905 года слева отграничивали *либерализм* «освобожденцами», а справа — «шиповцами». Например, для В.А. Грингмута либералами были и «освобожденцы» со Струве во главе, и такие органы периодической печати, как *Новое время* и *Санкт-Петербургские ведомости*, репутация которых среди современников отнюдь не сводилась к *либерализму*.

После октября 1905 года либеральный лагерь, с точки зрения социалистов, включал в себя и кадетов, и октябристов, и мирнообновленцев, а временами — и царя. Для консерваторов в это время *либерализм* проник во властные структуры, растворившись одновременно в общественных настроениях, для крайне правых же деятелей возникли и либеральные партии, перечень которых не сильно отличался от списка, фигурирующего в текстах социал-демократов. Служащие политического сыска до революции воспринимали как «либералов» в гораздо большей степени сторонников Д.Н. Шипова, чем «освобожденцев». Последние были отнесены политической полицией до революции 1905 года к «радикалам» и «оппозиционерам», а после революции — к «левым». После 17 октября 1905 года, в отличие и от социалистов, и, особенно, от консерваторов, чины политического сыска о *либерализме* просто замолчали. С определенной долей условности можно сказать, что *либералами* с точки зрения политической полиции могли считаться октябристы, мирнообновленцы, члены партии правового порядка, но отнюдь не кадеты.

¹³⁴ Алексинский Г. Россия и Европа // Новая жизнь. 1905. № 22. 28 нояб.

Еще одна черта, роднящая консерваторов и социалистов, — это их восприятие *либерализма* как некоего целостного проекта будущего, который они, по большей части, и критиковали. Служащие политической полиции не писали об этом, возможно, в силу особенностей стиля делопроизводственной переписки и специфики функций своего ведомства. Для консерваторов важной была идеологическая и идейная неприемлемость *либерализма* — как пути западной демократии. Постоянная критика поведения либералов, черт характера либеральных деятелей предстает в текстах консервативных публицистов как очевидное следствие пагубности либеральной идеологии. У политической полиции, в первую очередь у чинов Департамента полиции, был другой акцент — идеологической критики *либерализма* тексты полицейских не содержат. Напротив, проскальзывает невольная поддержка некоторых либеральных идей, а острие критики направлено на стиль поведения либералов в обществе и во взаимоотношениях с властью, а также их способы публичной самопрезентации.

Наряду с этим, все нелиберальные акторы считали главной доминантой современного им российского *либерализма* его антигосударственный (в смысле антисамодержавный) настрой.

Александр Юрьевич Полунов

Понятия *свобода совести* и *веротерпимость* в общественно-политическом дискурсе России конца XIX — начала XX века

Вторая половина XIX — начала XX века в истории России было временем, насыщенным острыми идейно-политическими конфликтами, столкновениями, борьбой за выбор пути дальнейшего развития страны. Развернувшиеся в эти годы дискуссии представляли собой не просто противоборство различных политических программ и лозунгов — они сопровождались реинтерпретацией понятий, переосмыслением многих терминов, привычных для современников, но наполнявшихся новым смыслом в контексте происходивших в стране перемен. Стремление к различному толкованию сходных по звучанию понятий ярко проявлялось в сфере религиозной жизни общества, в ходе напряженной полемики по вопросам отношений церкви и государства, свободы совести, прав индивидуума в вероисповедной сфере, ставшей характерной особенностью общественно-политического развития пореформенной России.

Значение вероисповедных вопросов в общественной борьбе второй половины XIX — начала XX века до сих пор недостаточно изучено историками, а между тем они служили предметом дискуссий, отразивших многие важные тенденции, связанные с переходом России к новой системе социально-политических отношений. Сторонники обновления сложившегося в России к середине XIX века вероисповедного законодательства полагали, что индивидууму следует дать право самостоятельно выбирать свою религиозную принадлежность, церковь в перспективе должна быть отделена от государства, а различные вероисповедания уравниены перед законом. Эти воззрения противостояли существовавшим в России порядкам, согласно которым каждый подданный от рождения принадлежал к той или иной вероисповедной общине и, как правило, сохранял эту принадлежность в течение всей жизни. У традиционных основ религиозного законодательства в России второй половины XIX века было немало сторонников. Можно было предполо-

жить, что в ходе дискуссий они будут использовать риторику «интересов государства», «защиты государственной целостности», «поддержания порядка» и так далее. Такая риторика действительно была представлена в идейно-политической борьбе второй половины XIX — начала XX века, но интересно другое. Примечательная особенность полемики, разворачивавшейся в пореформенной России, заключалась в том, что сторонниками сохранения традиционной системы вероисповедных отношений широко использовалось понятие *религиозной свободы*, целиком, казалось бы, противоречившее основам «старого порядка».

Причина этого парадокса заключалась в том, что к концу XIX — началу XX века, на которые, собственно, и пришелся пик дискуссий по вероисповедному вопросу, в России сложились достаточно зрелые структуры гражданского общества, в том числе относительно независимая пресса, значительная часть которой придерживалась оппозиционных взглядов. Кроме того, Россия все в большей степени «открывалась» окружающему миру, и проблемы религиозной жизни страны становились предметом оживленного обсуждения на Западе. Особенно оживленными дискуссии по вопросу о свободе совести стали в 1880-е годы, в связи с развернувшейся тогда кампанией по русификации Прибалтики, сопровождавшейся ограничением прав лютеранской церкви, а также гонениями на движения баптистского толка — «штундистов» и «пашковцев»¹. Власть оказалась перед необходимостью дать ответ на все усиливавшуюся критику, причем ответ этот должен был прозвучать максимально убедительно, в нем должна была использоваться принятая на Западе и в либеральных кругах риторика «религиозной свободы», «незыблемости прав личности в религиозной сфере» и тому подобное. Задача дать такой ответ выпала на долю Константина Петровича Победоносцева (1827—1907), который не просто занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода, то есть отвечал

¹ О кампании правительства против лютеран Прибалтики и сектантов баптистского толка см.: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 103—116; *Polunov A. Yu.* The State and Religious Heterodoxy in Russia (from 1880 to the Beginning of the 1890s) // *Russian Studies in History*. 2001. Vol. 39. P. 54—65; *Idem.* The Orthodox Church in the Baltic Region and the Policies of Alexander III's Government // *Ibid.* P. 66—76. Значительный резонанс в России и за рубежом вызвало также развернувшееся с середины 1890-х годов преследование представителей еще одного религиозного движения — духоборов (см.: *Breyfogle N.* Heretics and colonizers: forging Russia's empire in the south Caucasus. Ithaca (N.Y.), 2005. P. 217—318).

за политику правительства в религиозной сфере, но и был известен как литератор, публицист, один из теоретиков пореформенного консерватизма².

Человек, тесно связанный происхождением и мировоззрением с традиционно-патриархальным укладом, Победоносцев едва ли был сторонником принципа *свободы*, который ему предстояло использовать в полемике. Глубоко убежденный в несовершенстве человеческой природы, обер-прокурор сомневался в возможности выстроить устойчивую общественную систему на основе самостоятельности человека. «Из-за свободы ведется вековая брань [...] — писал российский консерватор в своем программном произведении *Московский сборник* (1896), — но где она, эта свобода, если нет ее в душе человеческой?»³ Особенно деструктивным, по мнению Победоносцева, должно было стать внедрение принципа свободного саморазвития в религиозную сферу, ибо тогда различные вероисповедания, проникнутые духом исключительности, начали бы разрушительную войну друг против друга⁴. Тем не менее, столкнувшись с необходимостью использовать в идейной борьбе понятие *свободы*, обер-прокурор попытался решить эту задачу, приспособив к целям полемики старое имперское понятие *веротерпимости*. Одним из первых примеров своеобразной «игры с понятиями», вызвавшей широкий общественный резонанс, стал ответ Победоносцева на адрес межконфессиональной протестантской организации — Евангелического союза, обращенный в 1888 году к Александру III⁵.

У адреса Евангелического союза была своя предыстория, на которой надо остановиться подробнее. Отмеченное выше ужесточение вероисповедной политики в царствование Александра III,

² Об основных аспектах государственной деятельности Победоносцева см.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев. в общественнополитической и духовной жизни России. М., 2010.

³ *Победоносцев К.П.* Московский сборник // Победоносцев К.П. Соч. СПб., 1996. С. 384.

⁴ *Победоносцев К.П.* Вопросы жизни (1901) // Победоносцев К.П. Соч. С. 182, 176.

⁵ О Евангелическом союзе см.: *Lyons F.S.L.* Internationalism in Europe, 1815—1914. Leyden, 1963. P. 254—255. Союз — межконфессиональная организация со штаб-квартирой в Швейцарии и отделениями в ряде стран — в качестве одной из главных своих целей провозглашал защиту религиозных меньшинств и борьбу против вероисповедных преследований в разных странах мира.

коснувшись различных этноконфессиональных групп и регионов, весьма своеобразно проявилось в Остзейском крае, немецкая (дворянско-бюргерская) верхушка которого долгое время находилась на особом положении в Российской империи. В мае 1883 года среди крестьян одного из остзейских регионов — Эстляндии — началось движение за присоединение к православию, вызванное в значительной степени (хотя и не исключительно) желанием освободиться от давления немецких элит. Хотя мирская подоплека нового религиозного движения, видимо, с самого начала не была секретом для имперских властей, они поддержали намерение крестьян-эстонцев, а в 1885 году были приняты законы, закреплявшие господствующее положение православной церкви в крае, несколько ослабленное в предыдущую эпоху. Эти законы касались не только лиц, переходивших в православие в 1880-е годы, но и тех, кто присоединился к господствующему исповеданию в более ранние периоды (прежде всего, в 1840-е годы), однако впоследствии возвратился к своей прежней конфессии — лютеранству. Восстанавливалось фактически отмененное в 1865 году положение об обязательном воспитании в православии детей от разноверных браков. Подтверждалось, что православным считается любой, записанный в православные метрические книги, причем проявления реальной религиозности, указывавшие на принадлежность к той или иной конфессии (посещение храмов, исполнение обрядов и так далее), не имели в данном случае никакого значения. Опираясь на законы 1885 года, власти начали преследование лиц, которые, будучи формально присоединены к православию, пытались вернуться к своей прежней вере или на практике исповедовали лютеранство, а также духовных лиц (пасторов), совершавших для них требы по обрядам лютеранской церкви⁶.

Обострение религиозной ситуации в Остзейском крае, меры, расценивавшиеся как вторжение светской власти в сферу религиозных убеждений людей, привлекли внимание к России на За-

⁶ См.: Симон Г. Пасторские процессы. Евангелическая церковь в царской России // НГ-Религии. 2006. 5 июня (перевод отрывка из книги: Simon G. Konstantin Petrovic Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Synod. Göttingen, 1969). В рамках реализации новых вероисповедных законов объявлялось, что лица, числившиеся православными, но на практике исповедовавшие лютеранство, не могут занимать общественные должности, их браки могут быть объявлены недействительными, дети у них отобраны, а сами они — отданы под суд.

паде, вызвав волну протестов в разных кругах общества. Критикам политики властей казался особенно несправедливым основной пункт российского религиозного законодательства, ярко подчеркнутый принятыми в 1880-е годы мерами, — определение конфессиональной принадлежности индивида согласно формальной «приписке» к тому или иному исповеданию. «Мы нисколько не думаем, — заявляли представители Евангелического союза, обращаясь к Александру III, — нарушать начало церковного авторитета» или проводить ту мысль, «что все мнения (в делах веры) имеют одинаковую цену. Наше заветное желание состоит в том, чтобы всякий, имеющий преимущество быть подданным Вашего Величества, мог свободно чтить Бога по своей совести и по велению Божию»⁷. Отвечая на это ходатайство, Победоносцев заявил, что вся необходимая религиозная свобода у иноверцев в России уже есть, а то, за что выступает Союз, — это требование свободы прозелитизма, религиозной пропаганды, направленной на православное население и нацеленное на его отрыв от господствующей церкви. На первый взгляд в подобной постановке вопроса проглядывает либо искреннее непонимание Победоносцевым смысла ходатайства Союза, либо сознательное искажение им позиций оппонента. Однако на самом деле в подходе обер-прокурора была своя логика.

⁷ Адрес Евангелического Союза императору Александру III // Вера и разум. 1888. № 6. Март. Кн. 2. С. 122. Попутно заметим, что обращение западной религиозной организации к российскому императору со всей остротой поставило в 1880-е годы вопрос о допустимости иностранного вмешательства во внутренние дела того или иного государства с целью защиты прав человека. Победоносцев резко протестовал против подобных вмешательств («попытки перенести вопросы внутренней церковной и государственной политики России на почву международных отношений»), заявляя, что кампания протестов в западной печати инспирирована «радикальной партией», подпитывается невежеством и «бессознательным страхом» перед Россией, — см.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888—1889 гг. СПб., 1891 (далее: Отчет). С. 466. Противоположной точки зрения придерживалась либеральная публицистика в России. Так, К.К. Арсеньев высказался на страницах *Вестника Европы* «глубокое уважение к людям, принимающим к сердцу чужое дело как свое собственное» (Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. Сборник статей. СПб., 1904. Цитируется статья *Различные взгляды на веротерпимость и свободу совести*, опубликованная в *Вестнике Европы* в 1888 году). Подобная точка зрения имела самую широкую поддержку и в Европе. Принципы религиозной свободы, заявлял английский журналист У.Т. Стэд, одинаково приложимы к жизни любого народа — точно так же, как вода на любой широте замерзает при 0° С и закипает при 100° С. (Stead W.T. Truth about Russia. London, 1888. P. 325—326).

Будучи скептиком и пессимистом в оценке свойств человеческой натуры, Победоносцев, по сути, отказывался верить, что отделимый от природы человек (в особенности — «простой человек») может самостоятельно сделать выбор в религиозной сфере. В представлении обер-прокурора, масса «простых людей», если их не тревожить извне, склонна покорно пребывать в ограде той конфессии, к которой принадлежит по рождению (или в которую попала благодаря санкционированной сверху «приписке»). С подобных позиций главной причиной недовольства со стороны жителей Остзейского края, приписанных к православию, но желавших вернуться к прежнему исповеданию, объявлялись подстрекательства и насилия со стороны местной немецко-лютеранской верхушки. Ярким проявлением подобного насилия провозглашалась «страстная вражда», которую многие из остзейских пасторов обнаруживали «не только по отношению к присоединяющимся к православной вере, но и к самой православной церкви». «Под влиянием таких внушений, — заявлял обер-прокурор в своем официальном отчете, — некоторые из лютеран-крестьян позволяют себе публично порицать православие»⁸.

В целом со страниц обер-прокурорских отчетов и следовавшей в фарватере их идеологии церковной и консервативной светской прессы представляла широкая панорама «гонений» на православие не только в Остзейском крае, но и в самых разных регионах империи, где существовали вероисповедные конфликты и «упорствующие» требовали перечисления в прежнее исповедание. «Поддерживаемые и поощряемые влиятельными отступниками, — говорилось о Поволжско-Приуральском регионе, — муллы пользуются всякими средствами для совращения новокрещенных и нередко прибегают к обману и даже насильственным мерам». «Дерзость и отвага упорствующих [...] — сообщалось о перечисленных в православие униатах Привислянского края, — доходит до того, что они открыто преследуют православных, которые в упорствующих приходах переживают время гонений»⁹. По отношению к старообрядцам, заявлял Победоносцев, «можно сказать со справедливостью», что теперь не им «чинятся притеснения, а, напротив, они открыто и смело притесняют православных». На-

⁸ Отчет. 1885. С. 174.

⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885. С. 126, 89.

конец, представители еще одного крупного течения в российском инаковерии — упоминавшиеся выше «штундисты» и «пашковцы» — силой, по мнению обер-прокурора, вербовали последователей в свою секту, а затем принудительно удерживали их в ее ограде. Известно, заявлял глава духовного ведомства, «не одно сообщение о том, какой злобой, даже более — какой яростью [...] последователи штундизма дышат к людям не их лагеря»¹⁰. В подобной ситуации именно представители ино- и инаковерия, вторгавшиеся со своей пропагандой во внутренний, духовный мир приверженцев традиционных конфессий (прежде всего, православия), оказывались, по мнению Победоносцева, нарушителями религиозной свободы¹¹.

Разумеется, главе духовного ведомства могли возразить, что в большинстве стран Запада допущение неограниченной религиозной пропаганды вовсе не считается нарушением вероисповедной свободы, а господствующая конфессия (если таковая вообще есть) сохраняет свои позиции в обществе и без поддержки государства, однако и на этот аргумент у Победоносцева был ответ. По его мнению, формальное провозглашение вероисповедных свобод на Западе сочеталось с наличием скрытых, но очень мощных механизмов подавления религиозного инакомыслия, объектом действия которых становились прежде всего «илоты западной цивилизации» — православные. «Нет в Европе, — провозглашал обер-прокурор, — законов о совращениях и отпадениях от господствующей веры, но есть силы гораздо более глубокие и широкие [...] при которых ссылка на отсутствие законов об отпадениях и совращениях — одни жалкие слова»¹². Примером гонений на православие в Европе при формальном провозглашении свободы совести обер-прокурор считал, в частности, судебный процесс, организованный в начале 1880-х годов в Галиции австрийскими властями против

¹⁰ Отчет. 1884. С. 161, 211.

¹¹ Сходную риторику, как отмечалось выше, использовали в полемике с либеральными органами печати представители церковной и консервативной светской прессы. «Религиозная свобода раскольников, — заявлял в 1881 году *Московский церковный вестник*, — была бы равносильна необузданному своему волю людей, не желающих подчиняться закону, основанному на канонах церковных [...] Здравый смысл и любовь к отечеству желают, чтобы не существовал раскол, который проповедует фанатическую нетерпимость и оказывает нашей церкви и нам ожесточенную вражду» (*Московский церковный вестник*. 1881. № 50).

¹² Адрес Евангелического Союза. С. 128.

известных деятелей прорусской ориентации — А.И. Добрянского и о. Иоанна Наумовича¹³.

По мнению Победоносцева, иноверные конфессии в России пользовались необходимой мерой свободы, которая заключалась в праве их приверженцев придерживаться своего исповедания, оставаясь в пределах традиционной паствы. «Нигде в Европе, — заявлял обер-прокурор в своем ответе Евангелическому союзу, — инославные и даже нехристианские исповедания не пользуются столь широкой свободой, как посреди русского народа»¹⁴. В данном случае под *религиозной свободой*, как отмечалось выше, понимался старый имперский принцип *веротерпимости*, который *свободе*, разумеется, был неравнозначен и к которому сам глава духовного ведомства, несмотря на официальные декларации, в душе относился с неприязнью¹⁵. Тем не менее до поры до времени руководителем имперской вероисповедной политики удавалось, играя сходными по звучанию, но различными по смыслу понятиями, с большим или меньшим успехом отбивать натиск западных критиков религиозной ситуации в России и изображать господствующую конфессию не наступающей, а обороняющейся стороной¹⁶.

¹³ Предлогом для организации процесса, состоявшегося в 1882 году, послужил переход в православие крестьян-униатов села Гнилички, чье прошение к епархиальным властям было составлено Наумовичем. Добрянский и Наумович были арестованы по обвинению в государственной измене. Суд признал арестованных невиновными по данному пункту, но приговорил Наумовича к 8 месяцам тюрьмы за «нарушение публичного спокойствия» — см.: *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2007. С. 68—70.

¹⁴ Адрес Евангелического Союза. С. 125.

¹⁵ Так, принцип официального узаконения иноверных исповеданий, составлявший неотъемлемую часть имперской политики веротерпимости, Победоносцев считал «одной из самых печальных ошибок нашего правительства». Следуя такой политике, утверждал обер-прокурор, российские государственные деятели создали для иноверия «власти духовные и облекли их авторитетом государственной власти, произведя их в сановники или члены иерархии» — см.: Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 297—299 (из письма к наследнику престола Николаю Александровичу, февраль 1891 года).

¹⁶ Показателем того, насколько искусно Победоносцев мог использовать в дискуссиях риторику «религиозной свободы», может послужить эпизод с публикацией на Западе книги доминиканского монаха Ванутелли, который посетил Россию как неофициальный посланник Папы Римского и встречался с обер-прокурором. Воспользовавшись оговоркой в книге Ванутелли (тот приписал обер-прокурору фразу, что православная церковь немедленно объединится с католической, если на то будет распоряжение начальства), глава духовного ведомства заявил: «Свобода нашей церкви ценнее для нас всего на

Нельзя сказать, что пропагандистская деятельность Победоносцева, получившая поддержку ряда добровольных помощников в России и за рубежом, не оказала никакого влияния на западное и отечественное общественное мнение. Некоторые европейские общественные деятели, прежде всего — придерживавшиеся консервативных взглядов, с пониманием отнеслись к риторике обер-прокурора и даже использовали ее в собственных публицистических выступлениях¹⁷. Наиболее ярким примером может служить деятельность У.Дж. Беркбека, видного представителя течения «Высокой церкви» в англиканизме, сторонника сближения англиканской и православной церквей. Проблемы религиозной борьбы в России он видел во многом через призму воззрений Победоносцева. Российское правительство, заявлял Беркбек, не препятствует иноверцам (по крайней мере, со времен Петра Великого) исповедовать свою религию, но не позволяет им вторгаться в сферу религиозных убеждений других людей. «Мы не можем, — цитировал Беркбек одного из правительственных чиновников, — запретить человеку отправиться в ад, если уж он так этого хочет, но мы приложим все усилия, чтобы он никого не забрал туда с собой»¹⁸.

свете [...] Наша вера несовместима с неограниченной властью Викария Христова [...] Всегда будут непреодолимые препятствия к заключению союза, в рамках которого мы должны будем поступиться нашей религиозной свободой» — см.: *A Catholic Tribute to Russia // Review of Reviews*. 1893. February. P. 175; *Russia and Rome. Letter from M. Pobedonostseff // Ibid*. March. P. 247.

¹⁷ Упомянем в этом контексте о деятельности О.А. Новиковой, известной публицистки славянофильского толка, постоянно проживавшей в Лондоне и сохранявшей тесные контакты с Победоносцевым. Новикова поддержала на страницах российской и британской прессы (*Московские ведомости*, *The New Review*) выступление обер-прокурора против ходатайства Евангелического союза, а также его декларацию относительно книги Ванутелли. «Россия, — писала она по поводу книги Ванутелли, — выступает как защитник свободы против деспотических претензий Римской курии [...] поддерживает самую священную из свобод, выступая против самовластного папы, стремящегося поработить ум и совесть человечества». Что касается Остзейского края, то здесь, под заявлением Новиковой, православная церковь выступала в качестве обороняющейся стороны, заявляя: «Оставьте нас при нашем, и мы вас при вашем оставляем» — см.: *The M.P. for Russia Reminiscences and correspondence of Madame Olga Novikoff*. London, 1909. Vol. 1. P. 137—138; *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость. С. 13—15.

¹⁸ *Life and letters of W.J. Birkbeck*, by his wife. London, 1922. P. 69. Из письма Беркбека одному из англиканских епископов, декабрь 1895 года. О Беркбеке см.: *Hughes M.* The English Slavophile: W.J. Birkbeck and Russia // *Slavonic and East European Review*. 2004. Vol. 82. P. 680—706.

Право неограниченной пропаганды, с которым на Западе все чаще связывали понятие *религиозной свободы*, казалось Беркбеку опасным, так как, по его мнению, открывало дорогу рискованным экспериментам над сознанием основной массы населения. Разрешить неограниченную религиозную пропаганду, заявлял английский публицист, значило дать право «любому нелепому невежде, любому глуповатому самозваному апостолу» обращаться народ в свою веру¹⁹. В данном случае ход мыслей Беркбека почти полностью соответствовал логике рассуждений Победоносцева, полагавшего, что к отпадению от господствующей церкви «самозванных апостолов» могли привести лишь низменные мотивы (эгоизм, гордыня, самомнение, погоня за наживой за счет новой паствы), а значит, и содержание их проповеди было исключительно деструктивным²⁰. Эти и другие примеры показывают, что риторика Победоносцева звучала убедительно, по крайней мере для части российского и западного общества. Вместе с тем до конца успешной пропагандистская кампания, основанная на игре с понятиями *свобода совести* и *веротерпимость*, разумеется, быть не могла.

Прежде всего для большинства современников было очевидно, что принцип *веротерпимости*, который в глазах обер-прокурора был доказательством присущей Российскому государству религиозной толерантности, применялся им из чисто прагматических соображений и в этом смысле прочной основой *вероисповедной свободы* быть не мог. Известный ученый и публицист начала XX века М.А. Рейснер указывал:

¹⁹ Riley A. Birkbeck and the Russian Church. London; New York, 1917. P. 85. Цитируется доклад *Перспективы воссоединений с восточным христианством в контексте взаимоотношений с Русской православной церковью*, прочитанный Беркбеком в январе 1894 года на собрании Английского церковного союза. См. также статьи *Балтийские провинции России* и *Славянский язык в русском богослужении*, опубликованные публицистом в газете *The Guardian* в 1890 и 1894 годах, — см.: Riley A. Birkbeck and the Russian Church. P. 58—59, 68.

²⁰ «Никем не призванные учителя разных толков [...] — писал Победоносцев о представителях российского инаковерия («штундистах», «пашковцах», толстовцах), — проповедуют с ревностью, доходящей до фанатизма и до глумления над всяким возражением, туманное, неприведенное в систему, но повелительное применение к жизни начал, произвольно извлеченных и произвольно истолкованных из Евангелия», «всякий, сосредоточась на своем “я”, всегда себялюбивом, самоchinном, исключительном, отрешаясь в духе от мира своих собратьев, приходит к отрицанию» (*Победоносцев К.П.* Московский сборник. С. 378).

Если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав русского государственного организма и новые исповедания в качестве признанных терпимых религий, то оно это делает отнюдь не по мотивам нравственного свойства [...] а в силу чисто политической необходимости — привязать к составу громадной империи новые нации и народы²¹.

Кроме того, Победоносцеву сразу указали на то, что право исповедовать традиционную религию в рамках «исконной» паствы, которую он трактовал как религиозную свободу, вовсе не исключает насилий над верующей личностью. «Свобода совести, — писал К.К. Арсеньев, — это право исповедовать то, чему действительно веришь; она немыслима, пока в законах существует понятие об отпадении от веры, пока принадлежность к господствующей церкви определяется, раз навсегда, бесповоротно, рождением в ее среде или актом присоединения к ней»²².

Возможность для насилий над верующей личностью открывала и такая особенность российского религиозного законодательства, как закреплённая за православной церковью монополия на прозелитизм (в том числе по отношению к традиционным конфессиям), сопровождавшаяся запретом на полемику с православием. В рамках вероисповедной борьбы, развернувшейся в Остзейском крае в 1880-е годы, данная особенность как раз и получила особенно яркое выражение. Оставаясь на почве защиты *религиозной свободы*, Победоносцев не мог объяснить это явление. Стремясь свести концы с концами, обер-прокурор вынужден был обращаться к аргументам, лежавшим вне вероисповедной сферы, и тем самым нарушать логичность и последовательность своей аргументации²³. Привилегированный статус православия обосновывался, в частности, особым положением России на перекрестке цивилизаций, тем обстоятельством, что, «окруженная с Востока и Запада многими десятками народностей и исповеданий», Россия не могла «колебаться в недоумении между одними и другими»²⁴. Однако этот до-

²¹ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 160 (в книге собраны статьи, опубликованные в 1899—1902 годах).

²² Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. С. 10.

²³ Примечательно, что в своем ответе Евангелическому союзу обер-прокурор сразу отказался от принципиальной постановки вопроса о свободе совести, переведя обсуждение в историческую плоскость. «Этот отвлеченный вопрос, — заявлял глава духовного ведомства, — завел бы нас слишком далеко и на своем теоретическом поле едва ли привел бы к желанным результатам» (Адрес Евангелического союза. С. 125).

²⁴ Там же. С. 126.

вод не мог звучать убедительно в рамках избранной Победоносцевым позиции, ведь в принципе власти любого государства могли объявить о своей «особой судьбе» и наложить на этом основании ограничения на права религиозных меньшинств. В подобной ситуации выпады Победоносцева против нарушения религиозной свободы в других странах, например в Австро-Венгрии, в значительной степени теряли смысл.

Стремясь доказать, что тяготение различных этноконфессиональных групп к православию является необходимым условием государственной целостности России, глава духовного ведомства обязан был (прежде всего, применительно к Остзейскому краю) привести примеры обратной ситуации — политической нелояльности, основанной на религиозной принадлежности. Сделать он этого не мог, чем лишний раз подрывал убедительность приводимых им аргументов²⁵. Вынужденный вслед за «А» сказать и «Б», Победоносцев должен был прямо обвинить остзейскую знать в сепаратистских настроениях и даже в подрывной деятельности²⁶, однако эти бездоказательные обвинения, вызвав возмущение на Западе и в российском обществе, навредили самому Победоносцеву — в частности, способствовали подрыву его влияния в глазах царя²⁷.

Неудачей закончились и попытки Победоносцева доказать «подрывной» в социальном и политическом отношении характер евангелических сект, хотя преследование «штундистов» и «пашковцев» в конце XIX — начале XX века разворачивалось именно на этом основании. Преследование инаковерующих, не виновных ни в чем, кроме отпадения от православия, вызывало и в России, и на

²⁵ См. критику аргументов Победоносцева в открытом письме пастора Германа Дальтона, главы реформатской общины в Петербурге (*Dalton H. On religious liberty in Russia. Open letter to the head of the Russian Synod, privy councilor Constantine Pobedonosiev. Leipzig; London, 1890*). Дальтон пользовался известностью в России и на Западе, был хорошо знаком с Победоносцевым и переводил на немецкий язык его сочинения. Выступление Дальтона вызвало широкий резонанс в Европе.

²⁶ Спокойствие в Остзейском крае, заявлял Победоносцев в ответе Евангелическому союзу, подрывается «стремлением одного, малочисленного класса к абсолютному господству в целом крае и [...] стеснением в крае всяких попыток к единению с общим отечеством его — Русским государством, в особенности с православной Церковью». «Бароны и пасторы со всей энергией отдались [...] мирскому исключительному властвованию в крае, возбуждению литовских и финских племен против России преследованием православия, как символа единения с ней» (Адрес Евангелического союза. С. 124, 127).

²⁷ См.: *Byrnes R. Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington; London, 1968. P. 189—192.*

Западе все большее недоумение и протест. Английский журналист У.Т. Стэд писал про «странную самоубийственную манию» российских властей, «тратящих свое время, умственные силы и энергию на разгром и уничтожение тех, кто, как убедительно доказано опытом, были бы наиболее лояльными и заслуживающими доверия подданными империи, если бы им было позволено следовать своей совести в делах религии»²⁸.

В подобных условиях та интерпретация понятия *религиозной свободы*, которую отстаивал Победоносцев, вызывала все больше сомнений как на Западе, так и в России (и в обществе, и в правительственных кругах). Высказывались мнения, что полностью обеспечить права личности в религиозной сфере может лишь последовательное проведение принципа *свободы совести*, который включал бы в себя право прозелитизма и свободного выбора вероисповедания (включая право ухода из господствующей церкви)²⁹. Такие изменения оказались бы, по мнению многих, благотворны и для господствующего исповедания в России. В настоящее время, подчеркивал Стэд, система церковно-государственных отношений в империи страдает всеми пороками, характерными для монополии и протекционизма. Православная церковь, избавленная от конкуренции, пребывает в апатии, интеллектуальная энергия в ней гаснет. «Конечно же, “раскол”, которого господин Победоносцев так боится, — писал английский журналист, — едва ли может быть более прискорбен, чем подобное состояние [...] Лучше схизма, чем сон; лучше разделение, чем смерть»³⁰.

²⁸ *Stead W.T. Truth about Russia. P. 389.*

²⁹ Если представители Евангелического союза и российские публицисты из тактических соображений должны были заявлять, что свобода совести вовсе не обязательно связана с правом прозелитизма, то свободные от цензурных ограничений западные публицисты прямо указывали, что одно неотделимо от другого. «Совершенно невозможно представить себе свободу религии, — писал Стэд, — которая по самому существу своему не включала бы в себя свободу пропаганды» (*Stead W.T. Truth about Russia. P. 315*). Примечательно, что, когда в 1905 году вопрос о пересмотре вероисповедного законодательства перешел в практическую плоскость, религиозная свобода в России была введена по «умеренному» образцу (без права прозелитизма для иноверия), но фактически в этих рамках удержаться не могла. См., в частности, о ситуации в Холмской епархии (районах с «упорствующими» униатами) после введения религиозной свободы: *Евлогий (Георгиевский), митроп. Путь моей жизни. М., 1994. С. 140—144.*

³⁰ *Stead W.T. Truth about Russia. P. 332—334.* Примечательно, что Победоносцев, отказываясь признать логику подобных рассуждений применительно

Трактовка *веротерпимости* как *религиозной свободы*, которая поначалу могла казаться удачным полемическим приемом, с течением времени все более явственно начинала работать против Победоносцева, разрушая его собственную систему. Заявления о том, что *свобода* православной церкви является драгоценнейшим достоянием Российского государства, звучали достаточно странно на фоне попыток подавления других конфессий, навлекали на Победоносцева обвинения в непоследовательности и даже в лицемерии. По замечанию английского религиозного деятеля Р. Латимера, если бы в петиции к обер-прокурору представитель евангелического движения в России попытался использовать схожие аргументы, то, скорее всего, он подвергся бы суровому наказанию³¹. Декларации о том, что государство покровительствует православной церкви во имя обеспечения ее *свободы*, должны были рано или поздно привести к выводу о том, что *свобода* других исповеданий также должна пользоваться неприкосновенностью.

Все чаще со стороны оппонентов Победоносцева звучали указания на то, что его политика по обеспечению монолитности страны при опоре на меры государственного принуждения не имеет основ собственнно в православной традиции, а скорее воспроизводит опыт отдельных католических государств (Испании времен инквизиции, Франции XVII века), приведший их к плачевным результатам³². К началу XX века, когда фактически выявилась неудача политики Победоносцева, государство вынуждено было пойти на изменение традиционного вероисповедного законодательства, базировавшегося на принципе ограниченной *веротерпимости*, и даровать подданным 17 апреля 1905 года *право выбора исповедания*, близкое к современному принципу *свободы совести*. Однако время для того, чтобы начала, провозглашенные в 1905 году, успели за-

к России, почти дословно использовал ее при оценке ситуации в европейских церквях, в частности в англиканской церкви. «Нельзя не подивиться, — писал он после посещения Англии в 1873 году, еще до назначения на пост обер-прокурора, — необычайной деятельности, которую проявляют английские диссентеры некоторых толков. В этом смысле отделение от общего организма государственной церкви некоторых учений можно счесть благожелательным событием в народной жизни» (*Победоносцев К.П. Воровской ужин // Победоносцев К.П. «Будь тверд и мужествен...» Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873—1876. Письма. СПб., 2010. С. 128. Впервые: Гражданин. 1873. № 30.*

³¹ Latimer R.S. Under three tsars. Liberty of conscience in Russia, 1856—1909. London, 1909. P. 140.

³² Dalton H. On religious liberty. P. 19—20, 81.

крепиться в административно-правовой практике властей и стать неотъемлемым элементом системы общественных отношений, было упущено. С 1917 года начался новый этап в истории отношений между государственной властью и религиозными организациями, характеризовавшийся радикальным переосмыслением понятия *вероисповедных прав граждан и религиозной свободы*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Миллер Алексей Ильич, Сдвижков Денис Анатольевич, Ширле Ингрид

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие 5

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Киселев Михаил Александрович (Екатеринбург)

Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века:

От монарха-судьи к монарху-законодателю 49

Марасинова Елена Нигметовна (Москва)

Закон в России второй половины XVIII века 66

Польской Сергей Викторович (Самара)

Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе
XVIII века 94

Бадалян Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург)

Понятие конституция в России XVIII—XIX веков: от постановления сейма
и узаконения к венчанию здания и правовому порядку 151

Бабкова Галина Олеговна (Москва)

Личные преступления в проекте Уголовного уложения Екатерины II. К вопросу
о становлении юридической терминологии в России второй половины
XVIII века 175

Лор Эрик (Вашингтон)

Гражданство и подданство. История понятий 197

II. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Ширле Ингрид (Москва)

Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке 225

Велижнев Михаил Брониславович (Москва)

Цивилизация и средний класс 249

Леонтьева Ольга Борисовна (Самара)

Понятие класс в российской мысли XIX — начала XX века 293

III. ОБЩЕСТВО И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

Маслов Борис Павлович (Чикаго)

Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий
в дискурсе Просвещения 343

Сдвижков Денис Анатольевич (Москва)

От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания 382

Малинова Ольга Юрьевна (Москва)

Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века:
Отражение в понятиях практик публичной коммуникации
и общественной самостоятельности 428

Калашников Михаил Васильевич (Саратов)

Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века 464

Бибикина Любовь Владимировна (Москва)

Политическая полиция, консерваторы и социалисты: игра либерализмами
в публичном и непубличном политическом пространстве Российской империи
в конце XIX — начале XX века 514

Полунов Александр Юрьевич (Москва)

Понятия свобода совести и веротерпимость в общественно-политическом
дискурсе России конца XIX — начала XX века 559

«ПОНЯТИЯ О РОССИИ»

К исторической семантике имперского периода

Том I

Редактор *Н. Трауберг*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 36. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14